

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

slaw 4170.6

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

Class of 1828

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

VII.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1905 ГОДЪ

КНИГА СЕДЬМАЯ.

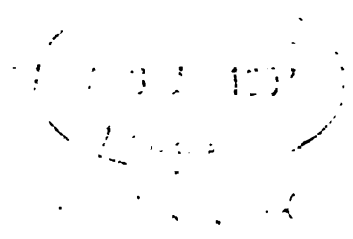
СОДЕРЖАНІЕ:

М. Горькій. Дѣти солнца.
Ал. Кипень. Бирючія островъ.
Ив. Бунинъ. Востокъ.
Скиталець. Полевой судъ.
Густавъ Даниловскій. На островъ.
Ив. Рукавишниковъ. Стихотвореніе.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Slaw 4170.6

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.

СОДЕРЖАНИЕ:

	СТРАН.
М. Горькій. Дѣти солнца	1
Ал. Купенъ. Вирючій островъ.	193
Ив. Бунинъ. Востокъ	251
Скиталець. Полевой судъ	263
Густавъ Даниловскій. На островѣ	285
Ив. Руквишняковъ. Стихотвореніе	337

М. ГОРЬКІЙ.

ДѢТИ СОЛНЦА.

М. Горькій. Дѣти солнца.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за стравками къ представителю автора, книгоиздательству „Demos“ въ Женевѣ, по слѣдующему адресу:

*Société d'édition et de librairie „Demos“,
22, B^d du pont d'Arve, Genève, Suisse.*

М. Горькій. Дѣти солнца.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПАВЕЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ ПРОТАСОВЪ.

ЛИЗА, ЕГО СЕСТРА.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, ЕГО ЖЕНА.

ДМИТРІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ВАГИНЪ.

БОРИСЪ НИКОЛАВВИЧЪ ЧЕПУРНОЙ.

МЕЛАНІЯ, ЕГО СЕСТРА.

ПАЗАРЪ АВДѢЕВИЧЪ

МИША, ЕГО СЫНЪ.

ЕГОРЪ, СЛЕСАРЬ.

АВДОТЯ, ЕГО ЖЕНА.

ЯКОВЪ ТРОШИНЪ.

АНТОНОВНА, НЯНЬКА.

ФИМА, ГОРНИЧНАЯ.

ЛУША, ГОРНИЧНАЯ.

РОМАНЪ.

ДОКТОРЪ.

Дети солнца.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Старый, барский домъ. Большая, полутемная комната; въ ея лѣвой стѣнѣ—окно и дверь, выходящая на террасу; въ углу—лѣстница на верхъ, гдѣ живетъ Лиза; въ глубинѣ комнаты арка, за ней столовая; въ правомъ углу—двери къ Еленѣ. Книжные шкафы, тяжелая, старинная мебель, на столахъ—дорогія изданія, на стѣнахъ—портреты ученыхъ натуралистовъ. На шкафѣ бѣлѣетъ чей-то бюстъ. У окна налѣво—большой круглый столъ; передъ нимъ сидитъ Протасовъ, перелистываетъ какую-то брошюру и смотритъ, какъ на спиртовой лампочкѣ грѣется колба съ какой-то жидкостью. На террасѣ подъ окномъ возится Романъ и глухо, уныло поетъ пѣсню.

Это пѣніе беспокоитъ Протасова.

ПРОТАСОВЪ.

Послушайте, дворникъ!

РОМАНЪ (въ окнѣ).

Чего?

ПРОТАСОВЪ.

Вы-бы ушли... а?

РОМАНЪ.

Куда?

ПРОТАСОВЪ.

Вообще... вы мнѣ нѣсколько мѣшаете...

РОМАНЪ.

А хозяйнѣ велѣтъ... почини, говоритъ...

АНТОНОВНА
(входитъ изъ столовой).

Ишь, пачкунъ... сюда пришелъ...

ПРОТАСОВЪ.

Молчи, старуха...

АНТОНОВНА.

Мало тебѣ мѣста въ своихъ-то комнатахъ...

ПРОТАСОВЪ.

Ты, пожалуйста, туда не ходи... я тамъ надымилъ...

АНТОНОВНА.

А теперь здѣсь напустишь угару... Дай, хоть дверь отворю...

ПРОТАСОВЪ (торопливо).

Не надо, не надо! Ахъ ты... старуха... Вѣдь я тебя не прошу... Ты вотъ уговори дворника, чтобъ онъ ушелъ... а то опъ—мычить...

АНТОНОВНА (въ окно).

Ну, ты чего тутъ возишься? Уходи!

РОМАНЪ.

А какъ-же... хозяйнъ велѣлъ...

АНТОНОВНА.

Иди, иди! Послѣ удѣлаешь...

РОМАНЪ.

Ну, ладно... (Съ грохотомъ уходитъ)

АНТОНОВНА (ворчливо).

Задохнешься ты когда-нибудь... Вонъ, говорятъ, холера идетъ. Генеральскій сынъ тоже... а занимается неизвестно чѣмъ, только одни неприятные запахи пускаешь...

ПРОТАСОВЪ.

Подожди, старуха... я тоже буду генераломъ...

АНТОНОВНА.

По міру ходитъ будешь ты. Домъ-то вотъ спалили на свою химию съ физісѣй.

ПРОТАСОВЪ.

Физикой, старуха, а не физіей... И, пожалуйста оставь меня въ покоѣ...

АНТОНОВНА.

Тамъ этотъ пришелъ... Егорка...

ПРОТАСОВЪ.

Позови его сюда...

АНТОНОВНА.

Пашенька! Скажи ты ему, злодѣю, что-же онъ дѣлаеть? На-ко, вчера опять жену смертнымъ боемъ билъ.

ПРОТАСОВЪ.

Хорошо... я скажу...

(По лѣстницѣ неслышно сходить Лиза,—останавливается передъ шкафомъ, тихо открываетъ его)

АНТОНОВНА.

Да ты—пригрози... Я, молъ, тебѣ дамъ!

ПРОТАСОВЪ.

Ужъ я его напугаю! Не безпокойся, старуха, иди...

АНТОНОВНА.

Надо—строго. А то ты со всѣми людьми точно съ господами разговариваешь...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, будетъ, старуха! Елена—дома?

АНТОНОВНА.

Нѣтъ еще. Какъ ушла послѣ завтрака къ Вагину, къ и нѣтъ съ той поры... Смотри—прозѣваешь жену-то...

ПРОТАСОВЪ.

Старуха, не говори глупостей! Я разсержусь.

ЛИЗА.

Няня! Ты мѣшаешь Павлу заниматься...

ПРОТАСОВЪ.

Ага... ты здѣсь? Ну, что?

ЛИЗА.

Ничего...

АНТОНОВНА.

Тебѣ, Лизанька, пора молоко пить.

ЛИЗА.

Я знаю...

АНТОНОВНА.

А про Елену Николаевну я все-таки скажу: я-бы па ея мѣстѣ нарочно романъ составила съ кѣмъ-нибудь... Никакого вниманія женщины нѣтъ... Видно, кашку слопалъ, чашку о полъ... И дѣтей нѣтъ... какое-же удовольствіе женщины? Ну, она и...

ПРОТАСОВЪ.

Старуха! Я начинаю сердиться... уходи! Экая... смола!

АНТОНОВНА.

Ну-ну... лютый! Не забудь про Егорку-то... (Идетъ) Молоко въ столовой стоитъ, Лизанька... А капли—пила?

ЛИЗА.

Да, да!

АНТОНОВНА.

То-то... (Уходитъ въ столовую)

ПРОТАСОВЪ (оглянувшись).

Удивительная старуха! Безсмертна, какъ глухость... и такъ-же назойлива... Какъ здоровье, Лиза?

ЛИЗА.

Хорошо.

ПРОТАСОВЪ.

Это чудесно! (Папъваетъ) Это чудесно... это чудесно...

ЛИЗА.

А нянька права, знаешь!

ПРОТАСОВЪ.

Сомнѣваюсь. Старикки рѣдко бываютъ правы... Правда всегда съ новорожденнымъ. Лиза, посмотри здѣсь у меня простыя дрожжи.

ЛИЗА.

Нянька—права, когда говорить, что ты мало обращаешь вниманія на Елену...

ПРОТАСОВЪ

(съ огорченіемъ, но мягко).

Какъ вы мнѣ мѣшаете,—ты и нянька! Развѣ Лена -- нѣмая? Вѣдь она сама могла-бы сказать мнѣ... если-бы я что-нибудь... какъ-нибудь не такъ, какъ нужно и... вообще, тамъ... А она молчитъ! Въ чемъ же дѣло? (Изъ столовой выходитъ Егоръ, немного выпившій) Ага — вотъ Егоръ! Здравствуйте, Егоръ!

ЕГОРЪ.

Добраго здоровья.

ПРОТАСОВЪ.

Видите-ли, въ чемъ дѣло, Егоръ: пужно устроить

маленькую жаровню... съ крышкой... такая конусообразная крышка, а въ вершинѣ ея—круглое отверстие, выходящее трубой... понимаете?

ЕГОРЪ.

Понимаю. Можно.

ПРОТАСОВЪ.

У меня есть рисунокъ... гдѣ онъ? Идите сюда...

(Ведетъ Егора въ столовую. Въ дверь съ террасы стучитъ Чепурной, Лиза открываетъ ему)

ЧЕПУРНОЙ.

Эге, дома? Добрый день!

ЛИЗА.

Здравствуйте...

ЧЕПУРНОЙ

(поводить носомъ).

И коллега дома, какъ слышно по запаху...

ЛИЗА.

Откуда вы?

ЧЕПУРНОЙ.

А съ практики. Собачкѣ жены управляющаго казенной палатой горпичная хвостикъ дверью отдала,—такъ я тотъ собачій хвостъ лечилъ, и дали мнѣ за это три карбованца,—вотъ они! Хотѣлъ купить вамъ конфектъ, да подумалъ: пожалуй, неловко васъ угощать на собачьи деньги, и—не купилъ.

ЛИЗА.

И хорошо сдѣлали... садитесь...

ЧЕПУРНОЙ.

Однако-же, отъ этого варева запахъ сомнительной пріятности. Коллега, уже кипитъ!

ПРОТАСОВЪ (выбѣгая).

Не надо, чтобы кипѣло! Ну, что это?! Что-же вы не сказали, господа?

ЧЕПУРНОЙ.

Да я же сказать, что кипитъ оно...

ПРОТАСОВЪ (огорченно).

Но—поймите: мнѣ совсѣмъ не нужно, чтобы кипѣло!
(Егоръ выходитъ)

ЛИЗА.

Кто-же это зналъ, Павелъ?..

ПРОТАСОВЪ (порчитъ).

Мм... чортъ!.. Теперь надо снова...

ЕГОРЪ.

Павель Федоровичъ, дайте рублевку...

ПРОТАСОВЪ.

Рублевку? Ага... сейчасъ! (Ищетъ во всѣхъ карманахъ)
Лиза, у тебя нѣтъ?

ЛИЗА.

Нѣтъ. У няни есть.

ЧЕПУРНОЙ.

И у меня тоже... вотъ три!

ПРОТАСОВЪ.

Три? Дайте, пожалуйста... Вотъ, Егоръ, три, -- все равно?

ЕГОРЪ.

Хорошо... сосчитаемся... Спасибо! Прощайте...

ЛИЗА.

Павель, няня просила тебя сказать ему... ты забылъ:

ПРОТАСОВЪ.

Что—сказать? Ахъ... да! Гм... да! Егоръ, вы... при сядьте, пожалуйста! Вотъ... Можетъ быть, ты сама ска жешь, Лиза?.. (Лиза отрицательно качаетъ головой) Видите-ли, Егоръ... мнѣ надо вамъ сказать... т.-е., это нянька про- сила... дѣло въ томъ, что вы... будто-бы бьете вашу жену? Вы извините, Егоръ...

ЕГОРЪ

(встаетъ со стула).

Бью...

ПРОТАСОВЪ.

Да? Но, знаете, это вѣдь нехорошо... увѣрю васъ!

ЕГОРЪ (угрюмо).

Чего хорошаго...

ПРОТАСОВЪ.

Вы понимаете? Такъ зачѣмъ-же вы деретесь? Это звѣрство, Егоръ... это надо оставить вамъ... Вы—чело- вѣкъ, вы разумное существо, вы самое яркое, самое прекрасное явленіе на землѣ...

ЕГОРЪ (усмѣхаясь).

Я?

ПРОТАСОВЪ.

Ну, да!

ЕГОРЪ.

Баринъ! А вы-бы спросили сначала, за что я ее бью?

ПРОТАСОВЪ.

Но,—поймите: бить нельзя! Человѣкъ человекъ не долженъ, не можетъ бить... это-же такъ ясно, Егоръ!

ЕГОРЪ (съ усмѣшкой).

А меня били... и очень даже много... Если-же про жену сказать... можетъ, она не человекъ, а—чортъ...

ПРОТАСОВЪ.

Какой вздоръ! Что такое чортъ?

ЕГОРЪ (рѣшительно).

Прощайте! А бить я ее буду... покуда она передо мной не станетъ, какъ трава передъ вѣтромъ, буду я ее бить! (Идетъ въ столовую)

ПРОТАСОВЪ.

Послушайте, Егоръ! Вы-же сами сказали... ушелъ! И, кажется, обидѣлся... Какъ глупо вышло... Эта нянька всегда... что-нибудь устроить... нелѣпное!

(Съ досадою уходитъ за портьеру)

ЧЕПУРНОЙ.

Очень убѣдительно говорилъ коллега!

ЛИЗА.

Милый Павелъ... онъ всегда смѣшной!

ЧЕПУРНОЙ.

Я-бы, знаете, того Егора за чубъ да палкой!

ЛИЗА.

Борись Николаевичъ!

ЧЕПУРНОЙ.

А что? Ну, простите, коли грубо. Но онъ разсуждаетъ правильно: его били, значить, онъ можетъ бить! Я продолжаю: слѣдуетъ его еще бить...

ЛИЗА.

Прошу васъ... зачѣмъ вы такъ говорите, зачѣмъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Да на этой же логикѣ построены всѣ карательные законы!

ЛИЗА.

Вы знаете, какъ я не люблю, какъ боюсь всего грубого... и всегда вы, какъ будто нарочно, дразните меня! Подождите... Этотъ слесарь... онъ вызываетъ у меня чувство страха. Онъ такой... темный... и эти огромные обиженные глаза... Мнѣ кажется, я ихъ уже видѣла... тогда, тамъ, въ толпѣ...

ЧЕПУРНОЙ.

Э, да не вспоминайте! Ну, его...

ЛИЗА.

Развѣ можно забыть объ этомъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Что толку?

ЛИЗА.

Тамъ, гдѣ была пролита кровь, никогда не вырастутъ цвѣты...

ЧЕПУРНОЙ.

Да еще какъ растутъ!

ЛИЗА

(встаетъ и ходить).

Тамъ растеть только ненависть... Когда я слышу что-нибудь грубое, рѣзкое, когда я вижу красное,—въ моей душѣ воскресаетъ тоскливый ужасъ, и тотчасъ-же передъ глазами встаетъ эта озвѣрѣвшая, черная толпа, окровавленные лица, лужи теплой красной крови на песокъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Ну, снова вы договоритесь до припадка...

ЛИЗА.

И у ногъ моихъ—юноша съ разбитой головой... онъ ползеть куда-то, по щекамъ и шеѣ у него льется кровь, онъ поднимаетъ голову къ небу... я вижу его мутные глаза, открытый ротъ и зубы, окрашенные кровью... голова его падаетъ лицомъ въ песокъ... лицомъ...

ЧЕПУРНОЙ

(подходить къ ней).

Э, Боже мой! Ну, что мнѣ дѣлать съ вами?

ЛИЗА.

Неужели васъ не ужасаетъ это?

ЧЕПУРНОЙ.

А... пойдете въ садъ!

ЛИЗА.

Нѣтъ, скажите, скажите мнѣ: понятенъ вамъ мой ужасъ?

ЧЕПУРНОЙ.

А какъ-же? Я понимаю... чувствую!

ЛИЗА.

Нѣтъ... это неправда! Если-бы вы понимали, мнѣ

было-бы легче... Я хочу сбросить съ души моей долю тяжести, и—нѣтъ другой души, которая приняла-бы ее... нѣтъ!

ЧЕПУРНОЙ.

Мамочка моя! А ну—бросьте это! И пойдѣмте въ садъ... вонъ какой запахъ здѣсь! Какъ будто резиновую галошу въ постномъ маслѣ жарили...

ЛИЗА.

Да... запахъ... у меня кружится голова.

АНТОНОВНА (пзъ столовой).

Лизанька! Ужъ капли надо принять, а ты еще молоко не выпила!

ЛИЗА

(идеть въ столовую).

Сейчасъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Какъ живете, Антоновна?

АНТОНОВНА

(прибираетъ на столѣ).

Ничего... не жалуюсь...

ЧЕПУРНОЙ.

Добре! Здоровеньки?

АНТОНОВНА.

Слава Богу...

ЧЕПУРНОЙ.

Жаль. А то я-бы полечилъ.

АНТОНОВНА.

Вы ужь собачекъ лучше... Я не собачка...

(Лиза входитъ)

ЧЕПУРНОЙ.

А мнѣ хорошаго человѣка полечить хочется...

ЛИЗА.

Идемте...

(Идутъ черезъ дверь на террасу. Протасовъ съ колбой въ рукахъ)

ПРОТАСОВЪ.

Нянька, давай мнѣ кипятку!

АНТОНОВНА.

Нѣтъ кипятку...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, пожалуйста, нянька!

АНТОНОВНА.

Погоди, самоваръ вскипитъ... Сказаль Егоркѣ-то?

ПРОТАСОВЪ.

Сказаль, сказалъ...

АНТОНОВНА.

Строго?

ПРОТАСОВЪ.

Очень! Такъ онъ, знаешь, весь и затрясся со страха! говорю, тебя, милый, къ этому... какъ его?

АНТОНОВНА.

Полиціймейстеру?

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ... ну, все равно! Да, къ судьѣ... къ мировому
судьѣ...

АНТОНОВНА.

Лучше-бы полиціймейстеромъ его пугнуть... Ну,
что-же онъ?

ПРОТАСОВЪ.

А опъ... онъ, знаешь, сказалъ мнѣ: дуракъ вы, ба-
ринъ!

АНТОНОВНА (негодуетъ).

Да что ты?

ПРОТАСОВЪ.

Да. Именно. Дуракъ, говоритъ, вы... не въ свое
дѣло носъ суετε...

АНТОНОВНА.

Такъ и сказалъ? Неужто, Пашенька?

ПРОТАСОВЪ (смѣясь).

Нѣтъ, нѣтъ, старуха! Это не онъ, это я самъ себѣ
сказалъ... Онъ подумалъ, а я сказалъ...

АНТОНОВНА.

Э, ну тебя... (Хочетъ уйти, обиженная)

ПРОТАСОВЪ.

Ты принеси мнѣ кипятку сама... а то франтиха
Фима всегда задѣвастъ за что-нибудь подоломъ или
рукавами...

АНТОНОВНА.

Она, Фима-то ваша, кажись, съ хозяйскимъ сыномъ
шашни завела... вотъ что!

ПРОТАСОВЪ.

А тебѣ завидно?

АНТОНОВНА.

Тьфу! Чай, ты ей—хозяйинъ... ты долженъ ей сказать, что это нехорошо для дѣвушки!

ПРОТАСОВЪ.

Ну, старуха, оставь! Право, по-твоему я долженъ ходить цѣлый день и говорить всѣмъ, что хорошо и что не хорошо... Пойми, это не мое дѣло!

АНТОНОВНА.

А зачѣмъ ты учился? Для чего?

(Меланія --въ дверяхъ съ террасы)

ПРОТАСОВЪ.

Ну, иди-же! Вотъ — Меланья Николаевна! Здравствуйте!

МЕЛАНІЯ.

Здравствуйте, Павелъ Федоровичъ!

АНТОНОВНА.

Кто-же это дверь не заперъ? (Запираетъ)

МЕЛАНІЯ.

Какое у васъ довольное лицо!

ПРОТАСОВЪ.

Я радъ, что вы пришли... а то меня нянька загрызла. потому мнѣ сегодня удалась одна интересная работа...

МЕЛАНІЯ.

Да? Какъ это радуешь меня! Мнѣ такъ хочется, чтобъ прославились...

АНТОНОВНА
(ворчить, уходя).

Въ городѣ ужъ всѣ говорятъ... Прославился...

МЕЛАНІЯ.

Я такъ вѣрю, что вы будете чѣмъ-нибудь вродѣ Пастера...

ПРОТАСОВЪ.

Мм... это—не важно... Но—надо говорить—Пастеръ... Это у васъ—моя книга? Прочитали? Не правда-ли,—вѣдь это интереснѣе, чѣмъ романъ, да?

МЕЛАНІЯ.

О, да! Только вотъ эти знаки...

ПРОТАСОВЪ.

Формулы?

МЕЛАНІЯ.

Не понимаю я формуловъ!

ПРОТАСОВЪ.

Это надо немножко заучить... Теперь я дамъ для васъ—физиологію растеній... Но прежде всего и внимательнѣе всего изучайте химію, химію! Это изумительная наука, знаете! Она еще мало развита, сравнительно съ другими, но уже и теперь она представляется мнѣ какимъ-то всевидящимъ окомъ. Ея зоркій, смѣлый взглядъ проникаетъ и въ огненную массу солнца, и во тьму земной коры, и въ невидимыя частицы вашего сердца (Меланія вздыхаетъ), и въ тайны строенія камня, и въ безмолвную жизнь дерева. Она смотритъ всюду и, вездѣ открывая гармонию, упорно ищетъ начало жизни... И она найдетъ его, она найдетъ! Изучивъ тайны строенія

матеріи, она создастъ въ стеклянной колбѣ живое вещество...

МЕЛАНІЯ (въ восторгѣ).

Господи! Почему вы не читаете лекцій?

ПРОТАСОВЪ (смущенно).

Н-ну, зачѣмъ-же это?

МЕЛАНІЯ.

Вамъ необходимо читать! Вы такъ очаровательно говорите... когда я слушаю васъ, мнѣ хочется поцѣловать вамъ руку...

ПРОТАСОВЪ
(разсматривая руки).

Не совѣтую... у меня руки рѣдко бываютъ чистыя... знаете, возишься со всякой всячиной...

МЕЛАНІЯ (искренно).

Какъ бы я хотѣла сдѣлать что-нибудь для васъ! Если-бы вы знали! Я такъ восхищаюсь вами... вы такой неземной, такой возвышенный... Скажите, что вамъ нужно? Требуйте всего, всего!

ПРОТАСОВЪ.

А... вѣдь вы можете...

МЕЛАНІЯ.

Что? Что я могу?

ПРОТАСОВЪ.

У васъ есть куры?

МЕЛАНІЯ.

Куры? Какія куры?

ПРОТАСОВЪ.

Домашнія птицы... вы-же знаете! Семейство куриныхъ... пѣтухи, куры...

МЕЛАНІЯ.

Знаю... Есть... А—зачѣмъ вамъ?

ПРОТАСОВЪ.

Голубушка! Если-бы вы давали мнѣ каждый день свѣжихъ яйцъ... самыхъ свѣжихъ, только-что снесенныхъ, еще теплыхъ яйцъ! Видите-ли, мнѣ очень много нужно бѣлка, а пняя—она скупая, она не понимаетъ, что такое бѣлокъ... она дастъ несвѣжія яйца... и всегда нужно много говорить... лицо у нея кислое...

МЕЛАНІЯ.

Павель Федоровичъ! Какой вы жестокій!

ПРОТАСОВЪ.

Я? Почему?

МЕЛАНІЯ.

Хорошо... я буду присылать вамъ каждое утро десятокъ...

ПРОТАСОВЪ.

Чудесно! Это меня превосходно устраиваетъ! И я очень, очень благодарю васъ! Вы милая... право!

МЕЛАНІЯ.

А вы ребенокъ... жестокій ребенокъ! И ничего вы не понимаете!

ПРОТАСОВЪ (удивлень).

Дѣйствительно, я плохо понимаю, почему—жестокій?

МЕЛАНІЯ.

Потомъ, когда-нибудь поймете. Елены Николаевны пѣтъ дома?

ПРОТАСОВЪ.

Она у Вагина на сеансѣ...

МЕЛАНІЯ.

Онъ вамъ нравится?

ПРОТАСОВЪ.

Вагинъ? О, да! Вѣдь мы съ нимъ давніе товарищи... вмѣстѣ учились въ гимназіи, потомъ—въ университетѣ... (Смотря на часы) Онъ тоже естественникъ, но со второго курса ушелъ въ академію.

МЕЛАНІЯ.

Онъ и Еленѣ Николаевнѣ, кажется, очень нравится...

ПРОТАСОВЪ.

Да, очень. Онъ славный парень, нѣсколько односторонень...

МЕЛАНІЯ.

А вы не боитесь...

(Чепурной стучитъ въ дверь съ террасы)

ПРОТАСОВЪ (открывая).

Чего бояться? Это нянька закрыла...

МЕЛАНІЯ.

Ахъ, ты здѣсь?

ЧЕПУРНОЙ.

А ты уже здѣсь? Гдѣ у васъ вода? Елизавета Федоровна просить...

ПРОТАСОВЪ.

Ей нехорошо?

ЧЕПУРНОЙ.

Нѣтъ, ничего... капли принять... (Идетъ въ столовую)

ПРОТАСОВЪ.

Меланія Николаевна, я на минутку оставлю васъ...
надо взглянуть...

МЕЛАНІЯ.

Идите, идите! И возвращайтесь скорѣе...

ПРОТАСОВЪ.

Да, да! Вы-бы въ садъ пошли, а?

МЕЛАНІЯ.

Хорошо...

ПРОТАСОВЪ.

Тамъ Лиза... Нянька! Что-же—воду мнѣ? (Уходитъ)

ЧЕПУРНОЙ (выходить).

Ну, что, Маланья? Какъ дѣла?

МЕЛАНІЯ

(быстро и не громко).

Ты не знаешь, что такое гидатопироморфизмъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Чего?

МЕЛАНІЯ.

Гидато-пиро-морфизмъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Бѣсъ его знаетъ! А можетъ быть, водяной фейерверкъ...

МЕЛАНІЯ.

Врешь?

ЧЕПУРНОЙ.

Да ужъ такъ оно. Пиро — значитъ пиротехника, а метаморфоза— фокусъ. Что-жъ онъ, задачи тебѣ задаетъ?

МЕЛАНІЯ.

Не твое дѣло. Иди себѣ.

ЧЕПУРНОЙ.

А когда ты его у жены отобьешь, то мыльный заводъ построй: химнику не надо будетъ жалованья платить... (Идетъ въ садъ)

МЕЛАНІЯ.

Какой ты грубый, Борисъ!

(Встаеъ, осматривается, входитъ Фима)

ФИМА.

Елизавета Федоровна просятъ васъ въ садъ...

МЕЛАНІЯ.

Хорошо... (Антоновна несетъ кастрюлю горячей воды. Фима въ столовой гремитъ посудой) Что это вы несете, няня?

АНТОНОВНА.

Кипятокъ Пашенькѣ...

МЕЛАНІЯ.

Ахъ, это для опытовъ...

АНТОНОВНА.

Да, все для нихъ... (Уходитъ)

МЕЛАНІЯ

(заглядывая въ столовую).

Фима!

ФИМА (въ дверяхъ).

Что-съ?

МЕЛАНІЯ.

Барыня каждый день ходитъ къ художнику?

ФИМА.

Въ дождь или когда пасмурно не ходятъ. Тогда г. Вагницъ сами здѣсь бывають...

МЕЛАНІЯ

(подходить ближе къ ней).

Ты, Фимка, умная?

ФИМА.

Не глупая-съ...

МЕЛАНІЯ.

Ну, ежели что замѣтишь за ними, мнѣ скажи,—
поняла?

ФИМА.

Поняла...

МЕЛАНІЯ.

И—молчи. На. Въ долгу не останусь.

ФИМА.

Благодарю покорно... Опъ ей руки цѣлуеть...

МЕЛАНІЯ.

Ну, это немного. Такъ смотри-же!

ФИМА.

Хорошо-съ... Я понимаю...

МЕЛАНІЯ.

Иду въ садъ... Выйдетъ Павелъ Федоровичъ, позови
меня... (Уходить)

ФИМА.

Слушаю...

(Антоновна идетъ)

АНТОНОВНА.

Что гремишь чашками-то, какъ желѣзными? Пс-
ребьешь...

ФИМА.

Что я, не умѣю, что-ли, съ посудой обращаться?

АНТОНОВНА.

Ну, ну, не козыряй! Про что тебя купчиха спраши-
вала?

ФИМА

(идя въ столовую).

Про Лизавету Федоровну, насчетъ здоровья...

АНТОНОВНА (за ней).

Чай, сама бы пошла да поглядѣла, чѣмъ прислугу
выспрашивать...

(Входитъ Назаръ Авдѣевъ съ террасы,
снимаетъ картузъ, осматриваетъ комнату,
вздыхая, щупаетъ пальцемъ обон. Каш-
ляетъ)

ФИМА (въ столовой).

Она и пошла. А прислуга—тоже человѣкъ. И вы
вѣдь прислуга...

АНТОНОВНА.

Я знаю, кто я. А только природные господа съ при-
слугой не разговариваютъ... они отдадутъ приказаніе—

и все... да! А теперь всё норовятъ въ баре, а повадки—
какъ у твари... Кто это? (Выходитъ)

НАЗАРЬ.

Это мы. Добраго здоровьица, няпюшка!

АНТОНОВНА.

Вы что?

НАЗАРЬ.

Мнѣ-бы Павла Федоровича... Разговоръ къ нему
имѣю...

АНТОНОВНА.

Ну... сейчасъ позову... (Идетъ)

ФИМА (выглядываетъ).

Здрассте, Назарь Авдѣевичъ!

НАЗАРЬ.

Почетъ и уваженіе! Эхъ вы... махровая! Обманщица!

ФИМА.

Пожалуйста! Руками трогать не дозволяется...

НАЗАРЬ.

Такъ и не окажете вниманія вдовцу? Вечеркомъ
чайку-бы пошть...

ФИМА.

Тсс...

(Выходитъ Протасовъ,—свади Антоновна)

ПРОТАСОВЪ.

Вы—ко мнѣ?

НАЗАРЬ.

Именно-съ!

ПРОТАСОВЪ.

Что такое?

НАЗАРЪ.

За квартирку-бы...

ПРОТАСОВЪ
(немного раздраженъ).

Послушайте: когда я продалъ вамъ этотъ домъ, я сотни денегъ ждалъ за вами цѣлые два года... а вы... когда нужно платить?

НАЗАРЪ.

Вчера-бы слѣдовало...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, вотъ! Вѣдь это — не деликатно... Я занятъ, а вы приходите... и прочее...

НАЗАРЪ.

Да я, собственно, не за этимъ... Я про деньги между прочимъ... чтобы самому себѣ напомнить...

ПРОТАСОВЪ.

Вы напоминайте вотъ нянъкѣ или женѣ... Деньги есть, но—чортъ ихъ знаетъ, гдѣ онѣ! Гдѣ-то въ ящикѣ... Жена пришлетъ вамъ... вотъ нянька принесетъ... до свиданія!

(Антоновна уходитъ въ столовую)

НАЗАРЪ.

Дозвольте задержать васъ!

ПРОТАСОВЪ.

Что такое? Зачѣмъ?

НАЗАРЪ.

Посчетъ вашей землицы и дачки..

ПРОТАСОВЪ.

Ну?

ПАЗАРЪ.

Вамъ-бы продать ее...

ПРОТАСОВЪ.

Какой-же дуракъ ее купить? Она никуда не годится... песокъ, ели...

ПАЗАРЪ (вдохновенно).

Это вы справедливо! Земля—совершенно негодная...

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ видите!

ПАЗАРЪ.

И кромѣ меня никто ее не купить...

ПРОТАСОВЪ.

А вамъ зачѣмъ?

ПАЗАРЪ.

Подъ одно-съ! Какъ я уже купилъ у сосѣда вашего... то и у васъ-бы надо...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, прекрасно, покупайте! Вы что-же все богатѣете, что-ли?

ПАЗАРЪ.

То-есть, какъ сказать? Расширяюсь...

ПРОТАСОВЪ.

Смѣшной вы! Ну, зачѣмъ вамъ песокъ?

НАЗАРЪ.

А видите-съ... сынъ мой кончилъ коммерческое училище и вышелъ очень образованный человѣкъ. Насчетъ промышленности очень онъ сообразителенъ... вотъ и я возымѣлъ охоту къ расширенію русской промышленности... для чего думаю заводикъ поставить, чтобы пивныя бутылки выдувать...

(Фима въ дверяхъ изъ столовой, слушаетъ)

ПРОТАСОВЪ (хохочетъ).

Нѣтъ, вы чудакъ! А ссудную кассу закроете?

НАЗАРЪ.

Зачѣмъ-же? Ссудная касса—это для души... это предприятие благотворительное... дѣйствующее на помощь ближнему...

ПРОТАСОВЪ (смѣясь).

Да? Ну, хорошо... покупайте мою землю... покупайте... до свиданія! (Смѣясь, уходитъ)

НАЗАРЪ.

Позвольте-съ! Мм... Ефимья Ивановна, что-же это онъ ушелъ? Вѣдь для того, чтобы куплю-продажу совершить, двоихъ надо, а онъ ушелъ!

ФИМА

(пожимая плечами).

Извѣстно—блажной...

НАЗАРЪ.

Мм... неосновательно! Стало быть—до свиданія!

(Уходитъ)

РОМАНЪ

(свади Фимы).

Гдѣ печка дымитъ?

ФИМА.

Охъ, чтобъ тебѣ лопшутъ! Что ты?

РОМАНЪ.

Чего боишься? Печка, слышь, дымить?

МИША

(вбѣгая изъ столовой).

Да не здѣсь, буйволъ! Въ кухнѣ!

РОМАНЪ.

Ну... а я думалъ—здѣсь... (Идетъ)

МИША (быстро).

Ну, Фимка, какъ-же? Квартира и пятнадцать рублей въ мѣсяць идетъ?

ФИМА.

Подите вы прочь, охальникъ! Что это—точно лошадей покупаете!

МИША.

Ну, нечего тамъ! Я человѣкъ дѣловой. Ты подумай, за кого ты можешь замужъ выйти? За мастерового, а онъ тебя бить будетъ, вонъ какъ нашъ слесарь жену свою... А я тебя устрою скромно, но чистенько, сытно, и вообще—займусь твоимъ образованіемъ...

ФИМА.

Ну васъ тутъ... Я дѣвушка честная... къ тому-же мнѣ мясникъ Храповъ сто рублей въ мѣсяць предлагаетъ...

МИША.

Старикъ вѣдь, дура! Ты сообразп...

ФИМА.

Я и не согласна съ нимъ...

МИША.

Ну, вотъ видишь, дурочка моя! Я-же тебѣ...

ФИМА.

Давайте семьдесятъ пять...

МИША.

Что-о? Семьдесятъ пять?

ФИМА.

И чтобъ на всѣ деньги, сколько слѣдуетъ за годъ,
вексель мнѣ...

МИША (изумленъ).

Однако-съ, вы...

ФИМА.

Да-съ... (Краснорѣчиво смотрять другъ на друга. Съ террасы
входитъ Егоръ, порядочно выпившій) Тише... Вашъ папаша
ушли...

МИША.

Ушелъ? Извините... (Уходить)

ФИМА.

Ты куда это лѣзешь? Черезъ кухню не могъ? Хо-
зяинъ дома черезъ кухню ходить, а ты...

ЕГОРЪ.

Молчи... Зови мнѣ барина...

ФИМА.

Да еще и пьяный! Какъ же баринъ говорить съ то-
ой будетъ?

ЕГОРЪ.

Не твое дѣло! Зови! Я самъ буду говорить... Иди!

ФИМА

(убѣгаетъ въ столовую).

Няня! Нянька!

ПРОТАСОВЪ

(выходитъ изъ-за портьеры).

Что вы кричите, Фима? Ахъ, это вы... Егоръ... Что вамъ? Я занять... пожалуйста скорѣе.

ЕГОРЪ.

Погодите... Я нѣсколько выпилъ... трезвый я говорить не умѣю...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, хорошо... въ чемъ дѣло?

(Антоновна изъ столовой, за ней Фима)

ЕГОРЪ.

Давеча ты при людяхъ обидѣлъ меня... началъ говорить насчетъ жены... ты кто такой, чтобы обижать?

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ видишь, старуха? Ага! Егоръ, я не хотѣлъ обижать васъ...

ЕГОРЪ.

Нѣтъ, погоди! Я съ малыхъ лѣтъ въ обидѣ живу...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, да, Егоръ... я понимаю...

ЕГОРЪ.

Стой! Меня никто не любитъ и никто меня не пони-

масть. И жена не любить... А я хочу, чтобы меня любили, дьяволъ васъ...

ПРОТАСОВЪ

Не надо кричать...

АНТОНОВНА.

Ахъ, пьяная рожа, а?

ЕГОРЪ.

Человѣкъ я, или нѣтъ? Почему меня всѣ обижаютъ?

АНТОНОВНА.

Батюшки, да что-же это?

(Вѣжить въ столовую. На дворѣ слышенъ ея крикъ)

ПРОТАСОВЪ.

Вы успокойтесь, Егоръ.. Видите-ли, это нянька сказала мнѣ..

ЕГОРЪ.

Няньку надо прочь... у тебя ужъ борода выросла... бородатому нянька—не указъ. Ты слушай: я тебя уважаю... я вѣдь вижу: ты человѣкъ особенный... это я чувствую... Ну, тѣмъ обиднѣе мнѣ, что ты при людяхъ... э-эхъ ты! Хочешь, я на колѣнки встану передъ тобой? Одинъ на одинъ—и это мнѣ не обидно... но, чтобы при скотскомъ докторѣ... А жену я вздую... изувѣчу... Я ее люблю и она меня должна...

(Вбѣгаютъ Чепурной, Меланія, Лиза, Антоновна. Фима)

ЛИЗА.

Что такое? Что это, Павелъ?

ЧЕПУРНОЙ
(удерживая Лизу):

Въ чемъ дѣло? А ну-те?

ПРОТАСОВЪ.

Позвольте, господа...

МЕЛАНІЯ.

Няня, пошлите за дворникомъ!

АНТОНОВНА
(уходитъ и кричитьъ).

Романъ!

ЕГОРЪ.

Ишь, налетѣло воронье... Шугни ихъ хорошенько, Павелъ Федоровичъ!

ЧЕПУРНОЙ.

Вы-бы, добрый человѣкъ, шли себѣ до вашего дому, а?

ЕГОРЪ.

Я—не добрый человѣкъ...

ЧЕПУРНОЙ
(хмуритъ брови).

И все-жъ таки—идите!..

МЕЛАНІЯ.

Надо полицію...

ПРОТАСОВЪ.

Пожалуйста—ничего не надо! Вы, Егоръ, идите... а потому—я самъ приду къ вамъ.

(Антоновна и Романъ являются въ дверяхъ столовой).

ЕГОРЪ.

О? Придешь?

ПРОТАСОВЪ.

Приду...

ЕГОРЬ.

Ну, ладно... смотри-же! Не врешь?

ПРОТАСОВЪ.

Честное слово!

ЕГОРЬ.

Вотъ! Ну, прощай!.. А всѣ эти люди—какъ пыль противъ тебя... прощай! (Уходитъ)

РОМАНЪ.

Меня, значить, не надо?

ПРОТАСОВЪ.

Не надо, идите! Ф-фу... Ну, видишь, старуха? (Антонна вздыхаетъ) Вотъ что ты натворила...

ЛИЗА.

Я боюсь этого человѣка... боюсь!

МЕЛАНІЯ.

Вы ужъ очень деликатны, Павелъ Федоровичъ!

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, вѣдь я дѣйствительно виноватъ предъ нимъ...

ЛИЗА.

Нужно взять другого слесаря, Павелъ.

ЧЕПУРНОЙ.

Мастеровые—они всѣ пьяницы...

ПРОТАСОВЪ.

Какъ это нервить и утомляеть! Мнѣ не везетъ сегодня... Вторгаются какія-то глупыя мелочи... У меня тамъ

сложный опытъ съ циановой кислотой, а тутъ... Налей мнѣ чаю, Лиза!

ЛИЗА.

Я скажу, чтобъ чай перенесли сюда... ты не любишь столовой... (Уходитъ)

ПРОТАСОВЪ.

Да... хорошо... Я вообще не люблю темныхъ комнатъ, а свѣтлыхъ въ этомъ домѣ нѣтъ...

МЕЛАНІЯ.

Ахъ, я васъ понимаю, Павелъ Федоровичъ!

ЧЕПУРНОЙ.

Маланья! Какъ это слово?

МЕЛАНІЯ.

Какое слово?

ЧЕПУРНОЙ.

А вотъ ты спрашивала меня...

МЕЛАНІЯ.

Ничего я не спрашивала...

ЧЕПУРНОЙ.

Забыла? Вотъ такъ! Она, знаете, коллега, когда отъ васъ мудреное слово услышитъ, то у меня спрашиваетъ, что оно значить?

МЕЛАНІЯ (обиженно).

Ты, Борисъ... ужасный человекъ! У меня плохая память на иностранныя слова... надъ чѣмъ тутъ смѣяться?

(Фима входитъ, ловко накрываетъ столъ у окна и постепенно переноситъ чай)

ПРОТАСОВЪ.

Вы о чемъ у него спрашивали?

МЕЛАНІЯ (виновато).

Я... забыла, что такое гидато-пироморфизмъ.

ЧЕПУРНОЙ.

А я ей сказала, что то водяной фейерверкъ.

ПРОТАСОВЪ (хохочетъ).

Что-о?

(Лиза входитъ и хлопочетъ у стола)

МЕЛАНІЯ.

Какъ тебѣ не стыдно, Борисъ!

ПРОТАСОВЪ (съ улыбкой).

А странныя у васъ отношенія... вы всегда какъ бы враждуете другъ съ другомъ... извините, можетъ быть, я безтактно говорю?

МЕЛАНІЯ.

Ахъ, полноте! Борисъ не любитъ меня... мы съ нимъ, какъ чужіе... Онъ воспитывался въ Полтавѣ у тетки, я—въ Ярославлѣ у дяди... Вѣдь мы—сироты...

ЧЕПУРНОЙ.

Казанскіе...

МЕЛАНІЯ.

Встрѣтились мы уже взрослыми... и не понравились другъ другу... Борисъ вѣдь никого не любитъ... у него не удалась жизнь, и онъ на всѣхъ сердится за это...
О ко мнѣ и не ходитъ даже...

ЧЕПУРНОЙ.

...знаете, коллега, когда ея мужъ старенькій живъ
б) , придешь къ ней, такъ онъ проситъ меня, чтобъ
я лечилъ его...

МЕЛАНІЯ.

Врешь вѣдь...

ЧЕПУРНОЙ.

Говорю ему: я не всѣхъ скотовъ лечить умѣю...

ЛИЗА.

Борись Николаевичъ!

(Протасовъ смущенно смѣется)

ЧЕПУРНОЙ.

Пересолилъ?

ЛИЗА.

Пейте чай...

ЧЕПУРНОЙ.

И ступайте домой. Понимаю...

МЕЛАНІЯ.

Павель Федоровичъ! А помните, вы хотѣли показать мнѣ водоросль подь микроскопомъ?

ПРОТАСОВЪ.

Т.-е., клѣтку водоросли... да, какъ же... гм... Это можно... даже сейчасъ -хотите?

МЕЛАНІЯ.

Ахъ, пожалуйста! Я буду такъ рада...

ПРОТАСОВЪ.

Пойдемте... Только у меня тамъ запахъ... (Идетъ)

МЕЛАНІЯ

(идя за нимъ).

Ничего, ничего!

ЧЕПУРНОЙ.

Комедія! Водорослей захотѣла корова!

ЛИЗА (огорченно).

Борись Николаевичъ! Вы такой правдивый, простой и сильный... но...

ЧЕПУРНОЙ.

Бейте сразу!

ЛИЗА.

Зачѣмъ вы напускаете на себя эту грубость, эту тяжелую, неприятную насмѣшливость? Зачѣмъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Да я ничего не напускаю...

ЛИЗА.

Въ жизни такъ много грубаго и жесткаго... такъ много ужаснаго... надо быть мягче, надо быть добрѣе...

ЧЕПУРНОЙ.

Зачѣмъ же лгать? Люди грубы и жестоки, это ихъ природа...

ЛИЗА.

Нѣтъ, неправда!

ЧЕПУРНОЙ.

А какъ же неправда? Вы и сами такъ думаете... и чувствуете такъ... Развѣ вы не говорите, что люди— звѣри, что они грубы, грязны и вы боитесь ихъ? Я тоже знаю это и вѣрю вамъ... А когда вы говорите,— надо любить людей, я не вѣрю. Это вы отъ страха говорите...

ЛИЗА.

Вы не понимаете меня!

ЧЕПУРНОЙ.

Можеть быть... Но я понимаю, что любить можно полезное или пріятное: свинью, потому что она ветчину и сало даетъ, музыку, рака, картину... А человекъ — онъ же бесполезенъ и непріятенъ...

ЛИЗА.

Боже мой! Зачѣмъ такъ говорить?

ЧЕПУРНОЙ.

Надо говорить правду, какъ ее чувствуешь... А добрымъ я пробовалъ быть. Взялъ какъ-то мальчишку съ улицы, воспитать думалъ, а онъ скралъ у меня часы и—удралъ! А то дѣвицу взялъ, тоже, знаете, съ улицы... молодая еще дѣвица была... думалъ—поживемъ, а тамъ и повѣнчаемся... Такъ она напилась однажды пьяная, и въ физиономію мнѣ...

ЛИЗА.

Перестаньте! Какъ вы не понимаете, что объ этомъ нельзя рассказывать?

ЧЕПУРНОЙ.

А чего-жъ? Мнѣ бы именно все надо рассказать однажды, всю жизнь мою... можеть, оттого сталъ бы я чище душой.

ЛИЗА.

Вамъ надо жениться...

ЧЕПУРНОЙ.

Эге! И я говорю -- надо...

ЛИЗА.

Найдите себѣ дѣвушку...

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Вы-же знаете: дѣвушку нашель я, и второй годъ хожу около нея, какъ медвѣдь около дупла съ медомъ...

ЛИЗА.

Вы—снова? Милый Борисъ Николаевичъ, не надо! Я сказала вамъ мое рѣшительное слово... оно не измѣнится никогда, ни въ одномъ звукѣ!

ЧЕПУРНОЙ.

А можетъ быть? Я—хохолъ, а они упрямы... А можетъ быть?...

ЛИЗА

(почти со страхомъ).

Нѣтъ!..

ЧЕПУРНОЙ.

Ну, поговоримте пока о другомъ...

ЛИЗА.

Вы пугаете меня своимъ упрямствомъ...

ЧЕПУРНОЙ.

А вы не бойтесь... Ничего не бойтесь...

(Пауза. Около террасы ворчитъ Романъ.
Лиза, вадрогнувъ, смотритъ въ окно)

ЛИЗА.

За что вы такъ нехорошо относитесь къ вашей сестрѣ?

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Она—дура, да еще и подлая...

ЛИЗА.

Боже мой!

ЧЕПУРНОЙ.

Не буду, не буду! Вотъ бѣда человѣку не имѣть на языкѣ красныхъ словъ!.. Сестра, говорите? Что-жъ она? Двадцати лѣтъ вышла замужъ за богатаго старика,— зачѣмъ это? Потомъ едва не порѣшила себя отъ тоски и отвращенія къ нему: разъ ее съ отдушника сняли,— повѣсилась... а то еще нашатырный спиртъ пила... Вотъ—умеръ онъ,—она теперь и бѣсится...

ЛИЗА.

Можетъ быть, вы сами виноваты, зачѣмъ не поддерживали ее?

ЧЕПУРНОЙ.

Можетъ, виновать, а, можетъ, и поддерживалъ...

ЛИЗА.

Но казнить ее за это...

ЧЕПУРНОЙ.

А я не только за это. Вы вотъ не понимаете, зачѣмъ она сюда ходитъ... а я понимаю...

ЛИЗА.

Не развивайте мнѣ вашихъ догадокъ! Вы лучше подумайте, кто далъ вамъ право быть судьей ея?

ЧЕПУРНОЙ.

А вамъ кто далъ право судить людей? И всѣ люди пользуются этимъ правомъ безъ разрѣшенія... Не судить, какъ не ѣсть, невозможно для человѣка...

МЕЛАНІЯ

(выходитъ, взволнованная, за ней Протасовъ).

Павель Федоровичъ... я понимаю, но — неужели это правда?

ПРОТАСОВЪ.

Ну, да. Все—живеть, всюду жизнь. И всюду тайны. Вращаться въ мірѣ чудесныхъ, глубокихъ загадокъ бытія, тратить энергію своего мозга на разрѣшеніе ихъ— вотъ истинно человѣческая жизнь, вотъ гдѣ неисчерпаемый источникъ счастья и животворной радости! Только въ области разума человѣкъ свободенъ, только тогда онъ—человѣкъ, когда разуменъ, и если онъ разуменъ, онъ честенъ и добръ! Добро создано разумомъ, безъ сознанія—нѣтъ добра! (Быстро выхватываетъ часы, смотритъ) Но, вы извините... я долженъ идти... да, пожалуйте... чортъ возьми! (Уходитъ)

МЕЛАНІЯ.

Если-бъ вы слышали, что онъ говорилъ тамъ... какъ онъ говорилъ! Мнѣ говорилъ, одной мнѣ, Меланіи Кирпичовой, да! Первый разъ въ жизни со мной такъ говорили... о такихъ чудесахъ... со мной! Борисъ—смѣется... ну, что-же, Борисъ? (Со слезами въ голосъ) Я вѣдь не говорю, что поняла его мысли, развѣ я говорю это? Я—дура... Лизавета Федоровна, я смѣшная? Голубушка моя... вы подумайте: живешь, живешь, такъ какъ-то, точно спишь... вдругъ — толкнешь, откроешь глаза — утро, солнце — и ничего не видишь сразу-то, только свѣтъ! И такъ вдохнешь всей душой, такой радостью чистой вдохнешь... Точно заутреня на Пасху...

ЧЕПУРНОЙ.

Да чего ты?

ЛИЗА.

Выпейте чаю... сядьте! Вы такъ взволнованы...

МЕЛАНІЯ.

Тебѣ не понять, Борисъ! Нѣтъ, спасибо... не буду о... я уйду. Вы меня извините, Лизавета Федоровна...

я вамъ нервы разстроила. Я пойду... до свиданія! Вы скажите ему,—ушла, молъ... благодарить, молъ... Радость вы моя, какой онъ свѣтлый... чудный какой!

(Уходитъ въ дверь на террасу)

ЧЕПУРНОЙ.

Чего она? Не понимаю...

ЛИЗА.

Я—понимаю. Когда-то и на меня Павелъ дѣйствовалъ вотъ такъ же... Говорить, и съ моихъ глазъ, съ мозга точно пелена спадаетъ... такъ ясно все, такъ стройно, загадочно и просто, ничтожно и огромно! А потомъ я узнала настоящую жизнь, полную грязи, звѣрства, бессмысленной жестокости... душу мою охватила страхъ и недоумѣніе... и вотъ тогда я попала въ больницу...

ЧЕПУРНОЙ.

Вамъ бы не вспоминать объ этомъ... Что-жъ больница? Была, и нѣтъ ея...

ЛИЗА.

Будетъ.

(На террасѣ— Елена и Вагинъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Кто-то идетъ... ага! Елена Николаевна... И художникъ... Пора уже мнѣ уходить...

ЕЛЕНА.

А, Борисъ Николаевичъ! Павелъ у себя, Лиза? Налей мнѣ, пожалуйста, чаю... (Идетъ къ мужу)

ЧЕПУРНОЙ.

Чего вы такой блѣдный и взъерошенный, Дмитрій Сергѣевичъ?

ВАГИНЪ.

Развѣ? Не знаю! Какъ ваши успѣхи въ живописи, Лиза?

ЛИЗА.

Я сегодня не писала...

ВАГИНЪ.

Жаль. Краски успокаиваютъ нервы...

ЧЕПУРНОЙ.

По васъ того не видно...

ВАГИНЪ.

Не всѣ, конечно...

ЛИЗА (вадрогнувъ).

И—не красная...

ЧЕПУРНОЙ.

До свиданія... пойду! Пойду на рѣчку раковъ ловить. А потомъ—сварю ихъ и буду ѣсть, пить пиво... и курить. Да не провожайте, Елизавета Федоровна, я еще ворочусь... завтра же. (Елена выходитъ) До свиданія, Елена Николаевна!

ЕЛЕНА.

Уходите? До свиданія...

(Чепурной и Лиза уходятъ)

ВАГИНЪ.

Онъ занятъ?

ЕЛЕНА.

Да... Скоро придетъ...

ВАГИНЪ.

Все возится со своей нелѣпой идеей создать гомункула...

ЕЛЕНА.

Какой тонъ... стыдитесь!

ВАГИНЪ.

Но если меня раздражаетъ эта дрянная мыслишка педантовъ! И простить ему отношеніе къ вамъ я не могу. Это чудовищно...

ЕЛЕНА.

Я готова раскаяться въ томъ, что позволила себѣ быть откровенной съ вами...

ВАГИНЪ.

Вы должны быть свободнымъ человѣкомъ и того, кто васъ не цѣнитъ, вы не должны щадить...

ЕЛЕНА.

Я такъ и сдѣлаю... вы увидите!

ВАГИНЪ.

Когда? Чего вы ждете?

ЕЛЕНА.

Мнѣ нужно знать, какое мѣсто занимаю я въ душѣ его...

ВАГИНЪ.

Никакого!

ЕЛЕНА

(съ тонкой улыбкой).

Если это такъ, это хорошо. Тогда все рѣшается

просто: я не нужна ему,—я уйду. А если нѣтъ? Если его любовь только утомлена, отодвинута въ глубину его души силой идеи, охватившей его? Я уйду отъ него, и вдругъ въ его душѣ снова вспыхнетъ...

ВАГИНЪ.

Вамъ этого хочется? да?

ЕЛЕНА.

Вы понимаете, какая драма ждетъ его? А я — ненавижу драмы.

ВАГИНЪ.

За него ли боитесь вы?

ЕЛЕНА.

Я не хочу мѣшать ему жить...

ВАГИНЪ.

Вы рассуждаете, значить, вы не хотите. Желая сильно, не рассуждаютъ...

ЕЛЕНА.

Звѣри. Не рассуждаютъ — животныя. А человѣкъ долженъ поступать такъ, чтобъ на землѣ было меньше зла...

ВАГИНЪ.

Приносить себя въ жертву долгу и прочее... На васъ дурно влѣяетъ Лиза съ ея кислой философіей...

ЕЛЕНА.

Зло—противно. Страданіе—отвратительно... Я счи-
ю страданіе позоромъ для себя, и нечестно, некра-
иво причинять страданіе другимъ.

ВАГИНЪ.

Какъ вы разсудочны!... Но все же вашимъ языкомъ говоритъ душа рабыни... Вы приносите себя въ жертву— кому? Человѣку, который разлагаетъ жизнь на мельчайшія частицы въ тупомъ стремленіи найти ея начало! Нелѣпная идея! Онъ служитъ черной смерти... а не свободѣ, не красотѣ и радости. И ему не нужна ваша жертва...

ЕЛЕНА.

Спокойнѣе, мой другъ! Я ничего не говорю о жертвѣ... И у меня нѣтъ причинъ вѣрить въ силу вашихъ чувствъ...

ВАГИНЪ.

Вы не вѣрите въ мою любовь?

ЕЛЕНА.

Скажемъ такъ, я не вѣрю себѣ... (Лиза входитъ)

ВАГИНЪ.

Какъ вы... холодны!

ЕЛЕНА.

Я говорю искренно...

ЛИЗА.

Сегодня Павлу цѣлый день мѣшало...

ЕЛЕНА.

Кто?

ЛИЗА.

Всѣ—няня, этотъ слесарь, домохозяинъ...

ЕЛЕНА.

Это раздражало Павла?

ЛИЗА.

Я думаю...

ЕЛЕНА.

Досадно...

(Вагянь выходитъ на террасу)

ЛИЗА.

Прости меня, но ты ужасно мало обращаешь вниманія на него...

ЕЛЕНА.

Онъ никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ...

ЛИЗА (встаетъ).

Можетъ быть, потому, что съ тобой неприятно говорить... (Идетъ къ себѣ на верхъ)

ЕЛЕНА (мягко).

Лиза! Ты снова... Лиза, ты не права... Послушай-же...

(Лиза не отвѣчаетъ. Елена смотритъ вслѣдъ ей, пожимаетъ плечами и, нахмуривъ брови, медленно идетъ къ двери на террасу. Фима изъ столовой)

ФИМА.

Барыня!

ЕЛЕНА.

А... что вамъ?

ФИМА.

Безъ васъ приходила Меланія Николаевна, и говоритъ мнѣ... (Пауза)

ЕЛЕНА (задумчиво).

Да... что же она говорить?

ФИМА.

Мнѣ такъ неприлично стало...

ЕЛЕНА.

Если неприлично, не надо говорить...

ФИМА.

Она сказала: слѣди, говорить, за барыней, — за вами, то-есть...

ЕЛЕНА.

• Что такое? Вы всегда, Фима, выдумываете какія-нибудь глупости... идите, пожалуйста!

ФИМА.

Это не глупости, честное слово! Слѣди, говорить, за ней и г. Вагинымъ.

ЕЛЕНА (не громко).

Ступайте вонъ!

ФИМА.

Я-же не виновата! И вотъ рубль дала...

ЕЛЕНА.

Вонъ!

(Фима быстро уходитъ. Протасовъ спѣшно выходитъ изъ-за шортъеры)

ПРОТАСОВЪ.

Что ты кричишь, Лена, а? Ага! Война съ Фимой... Это, знаешь, удивительная дѣвица. У нея какія-то осо-

бенныя юбки: онъ за все задѣваютъ, все опрокидываютъ, бьютъ... Я побуду съ тобой минутъ... ровно десять! Налей мнѣ чаю... А Дмитрій — не пришелъ?

ЕЛЕНА.

Онъ на террасѣ.

ПРОТАСОВЪ.

И Лиза тамъ?

ЕЛЕНА.

Лиза у себя...

ПРОТАСОВЪ.

Ты какъ будто не въ духѣ, а?

ЕЛЕНА.

Немного устала...

ПРОТАСОВЪ.

Какъ подвигается твой портретъ?

ЕЛЕНА.

Ты спрашиваешь объ этомъ каждый день...

ПРОТАСОВЪ.

Развѣ? А, вотъ Дмитрій... и сердитый! Отчего?

ВАГИНЪ.

Такъ... Однажды я напишу вамъ садъ... вотъ въ это время на закатѣ...

ПРОТАСОВЪ.

И это тебя уже заранѣе сердить?

ВАГИНЪ.

Ты сострилъ?

ЕЛЕНА.

Вамъ чаю?

ПРОТАСОВЪ (встаеъ).

Вы оба не въ духѣ... Пойду въ кухню... тамъ у меня... Налей мнѣ еще, Лена!..

ВАГИНЪ.

Вотъ онъ однажды посадить васъ въ колбу, оболеть какой-нибудь кислотой и будетъ наблюдать, какъ вамъ это повредится...

ЕЛЕНА.

Не говорите вздора... если вамъ не хочется...

ВАГИНЪ

(просто, искренно).

Я никогда не испытывалъ такого могучаго чувства, какъ мое отношеніе къ вамъ... оно меня мучаетъ... но и возвышаетъ меня...

ЕЛЕНА.

Да?

ВАГИНЪ.

Мнѣ хочется быть предъ вами всѣхъ выше, лучше, ярче...

ЕЛЕНА.

Это хорошо.. я очень рада за васъ...

ВАГИНЪ.

Елена Николаевна! Повѣрьте мнѣ...

ПРОТАСОВЪ

(въ столовой, потомъ входитъ, держа въ рукахъ какой-то металлическій сосудъ).

Старуха, отстань! И почему кухарка -плюсь мужъ? Бери просто кухарку, какъ таковую... а меня оставь!

ЕЛЕНА.

Няня. Я васъ просила...

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ, старая смола. Нефтяные остатки!
(Уходить къ себѣ)

ЕЛЕНА.

Я просила васъ не тревожить Павла...

АНТОНОВНА.

Позвольте, матушка Елена Николаевна, спросить, кто же въ этомъ домѣ хозяинъ? Павлуша занятъ, Лиза—больной человекъ, вы—цѣлые дни дома не бываете...

ЕЛЕНА.

Но Павла не должны касаться мелочи...

АНТОНОВНА.

А ужъ за этимъ вы сами смотрите..

ЕЛЕНА.

Не доставало только, чтобъ вы меня учили...

АНТОНОВНА.

А что-же? Если я вижу, что домъ брошенъ и Павлуша безъ вниманія...

ЕЛЕНА (мягко).

Я васъ прошу, уйдите, няня!

АНТОНОВНА.

Хорошо-съ... Но и покойница генеральша изъ комнату меня не выгоняли...

(Уходить, обиженная. Елена встаетъ, нервно расхаживаетъ по комнатѣ. Вагивъ съ усмѣшкой смотритъ на нее)

ЕЛЕНА.

Васъ забавляетъ это?

ВАГИНЪ.

Немногожко глупости—всегда забавно! (Горьчо) Нужно уйти изъ этого дома! Вы созданы для красивой, свободной жизни...

ЕЛЕНА (задумчиво).

Возможна ли такая жизнь, когда вокругъ насъ всюду дикіе люди? Это странно: тѣмъ крупнѣе чело-вѣкъ, тѣмъ болѣе около него пошлости... вотъ такъ вѣ-теръ сметаетъ всякій хламъ къ стѣнѣ высокаго зданія... (Протасовъ идетъ, подавленный и блѣдный. Въ немъ есть что-то дѣтское, безпомощное и обаятельное въ своей искренности. Говорить не громко и точно виноватый) Ты что, Павелъ? Что съ то-бой?

ПРОТАСОВЪ.

Она—раскислилась,—понимаешь? Да, раскислилась... А опытъ былъ обставленъ строго... я все принялъ во вниманіе...

(Смотритъ на жену и какъ бы не видитъ ея. Проходить къ столу, садится, нервно шевелитъ пальцами... Вынимаетъ изъ карма-на записную книжку, быстро чертитъ карандашомъ и погружается въ это. Вагинъ молча жметъ руку Елены и уходитъ)

ЕЛЕНА (не громко).

Павелъ... (Громче) Милый Павелъ... ты очень огор-ченъ? да?

ПРОТАСОВЪ (сквозь зубы).

Подожди... Почему она раскислилась?

З а н а в ѣ с ь .

Дѣти солнца.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Направо стѣна дома и широкая терраса съ перилами. Нѣсколько балясинъ изъ перилъ выпали. На террасѣ два стола; одинъ большой, обѣденный; другой, въ углу, маленькій,—на немъ разбросаны кости и лото. Задній бокъ террасы затянуть парусиной. Во всю длину двора, до забора въ глубинѣ его, стоитъ зеленая, старая рѣшетка, а за нею садъ. Вечеръ. Изъ-за угла террасы идутъ Чепурной и Назаръ Авдѣевичъ.

НАЗАРЪ.

Такъ—ничего, пройдетъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Ничего...

НАЗАРЪ.

Это—пріятно. Оно, хотя лошаденка и не мудрая, а все денегъ стоитъ... Шестъдесять рублей дано за нее семь лѣтъ тому назадъ, да сколько овса съѣла за это время... Но ежели она не поправится,—вы скажите, тогда я ее продамъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Что-жъ, вы думаете—у другого хозяина она здорова будетъ?

НАЗАРЪ.

А ужъ это не мое дѣло! Г. докторъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Чего?

НАЗАРЪ.

Есть у меня къ вамъ одна деликатная просьбица,—олько не знаю, какъ ее выразить...

ЧЕПУРНОЙ (закуривая).

Выражайте короче...

НАЗАРЪ.

Это самое резонное. Просьбишка моя, изволите-ли видѣть...

ЧЕПУРНОЙ.

Еще короче...

НАЗАРЪ.

Касаемо г. Протасова...

ЧЕПУРНОЙ.

Эге... ну?

НАЗАРЪ.

Видите-ли, сынъ мой, обучившись въ коммерческомъ училищѣ промышленности, говоритъ, что, дескать, нынѣ химія большую силу беретъ... И самъ я вижу,—туалетныя мыла, духи, помады и подобный товаръ идетъ ходко и большой барышъ даетъ...

ЧЕПУРНОЙ.

А ну, еще короче...

(Миша выглядываетъ изъ-за угла.
Чепурной замѣчаетъ его)

НАЗАРЪ.

Никакъ не могу,—затѣя очень фигурная... Укусъ, напрымѣръ, эссенціи всякія... и многое другое... И вотъ—смотрю я на г. Протасова: безъ пользы они матеріаль и время тратятъ... и отъ этого въ скорости и проживутся они, надо думать... Такъ вотъ—поговорите вы съ ними...

ЧЕПУРНОЙ.

Насчетъ укуса поговорить?

НАЗАРЪ.

Вообще... Вы на то упирайте, что должны они скоро безъ средствъ остаться... И вотъ я предлагаю имъ дѣльце: я имъ заводикъ поставлю, а они полезный товаръ работать будутъ. Денегъ у нихъ нѣтъ для компаніи, ну я векселечки возьму...

ЧЕПУРНОЙ (усмѣхаясь).

А вы—добрый, э?

НАЗАРЪ.

Сердце у меня очень мягкое! Вижу вотъ, что чел. вѣкъ безъ пользы обращается, и сейчасъ мнѣ хочется въ дѣло его употребить. Къ тому-же и они — господинъ, стоющій вниманія! На рожденіе супруги своей фейерверкъ они заготовили — Боже мой! Высокое искусство было обнаружено ими... Такъ поговорите?.. а?

(Фима на террасѣ. Готовить чай)

ЧЕПУРНОЙ.

Поговорю...

НАЗАРЪ.

Большую пользу принесете имъ, какъ я разумѣю.. А пока—до свиданія!

ЧЕПУРНОЙ.

До свиданія! (Фимѣ) А гдѣ господа?

ФИМА.

Баринъ—у себя, а барыня въ саду... съ г. Вагинымъ. Лизавета Федоровна тамъ...

ЧЕПУРНОЙ.

У, пойду и я въ садъ...

МИША

(быстро выходитъ изъ-за угла).

Извините... не имѣю удовольствія знать имени и отчества вашего...

ЧЕПУРНОЙ.

Ничего. Вѣдь и я вашего тоже не знаю...

МИША.

Михаилъ Назаровъ Выгрузовъ—къ вашимъ услугамъ!

ЧЕПУРНОЙ.

Какія-же услуги? Мнѣ отъ васъ ничего не нужно...

МИША (покровительственно).

Это—изъ вѣжливости говорится. Я былъ случайнымъ свидѣтелемъ разговора вашего съ отцомъ моимъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Я видѣлъ этотъ случай... Скажите, чего-жъ вы такъ ногами дрыгаете?

МИША.

Это—отъ нетерпѣнія... отъ стремленія... Характеръ у меня живой...

ЧЕПУРНОЙ.

Куда-жъ вы стремитесь?

МИША.

Т. е., какъ? Живость у меня... вообще...

ЧЕПУРНОЙ.

Ага! Понимаю... До свиданія!

МИША.

Позвольте! Я имѣю сказать вамъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Чего сказать?..

МИША.

По поводу предложенія папаши. Видите-ли, это моя идея... только папаша изложилъ вамъ ее не такъ ясно...

ЧЕПУРНОЙ.

Нѣтъ, ничего, я понялъ...

МИША.

А можетъ быть, вы сдѣлаете мнѣ честь пожаловать сегодня въ девять часовъ, на Троицкую, ресторанъ Парижъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Нѣтъ, знаете, не сдѣлаю я этой чести и вамъ.

МИША.

Очень грустно...

ЧЕПУРНОЙ

(вздохнувъ съ облегченіемъ).

И мнѣ тоже... (Идетъ въ садъ)

МИША

(презрительно смотритъ вслѣдъ ему).

Невѣжа! Настоящій скотскій докторъ!

ФИМА.

Что? И говорить-то съ вами не хотятъ!

МИША.

А знаешь, Фимка, чтò я могу съ тобой сдѣлать?

ФИМА.

Ничего...

МИША.

А вотъ заявлю, что кольцо, которое я тебѣ подарилъ, ты у меня украла... Помощникъ пристава мой знакомый...

ФИМА.

Не испугалась! Онъ за мной ухаживаетъ, помощникъ-то!

МИША.

Тѣмъ хуже для тебя... Нѣтъ, Фима, я шучу. Давай говорить серьезно: двадцать пять и квартира—идеть?

ФИМА.

Подите вы! Я дѣвушка честная...

МИША.

Дура ты... вотъ что! Ну, слушай!—у меня товарищъ есть, Зотиковъ, красавецъ и богачъ... хочешь—познакомлю?

ФИМА.

Опоздали! Онъ ужъ два раза ко мнѣ письма присылалъ... что?

МИША

(пораженъ и негодуеть).

Врешь? Ахъ, подлецъ! Ну—люди! Вотъ жулье... тѣфу! А ты, Фима, — молодецъ... т.-е., женился бы на тебѣ, если-бъ не надо было на богатой жениться...

ФИМА (тихо).

Господа идутъ... (Изъ сада идутъ Лиза и Чепурной)

ЛИЗА (Мишѣ).

Вамъ что угодно?

МИША.

А вотъ—внушаль вашей горничной, чтобы она химическихъ жидкостей изъ окна въ садъ не выплескивала... отъ этого садовая растительность страдаетъ, да къ тому же и время опасное,—холера идетъ, изволили слышать?

ЧЕПУРНОЙ.

До свиданія, молодой человекъ!

МИША.

Честь имѣю... (Быстро скрывается)

ЛИЗА

(идя на террасу).

Удивительно нахальное лицо...

ЧЕПУРНОЙ.

Вотъ коллега живое вещество изобрѣтаетъ, а куда оно? Вонъ оно какое вредное... Или я... тоже живое вещество, а какой смыслъ имѣю?

ЛИЗА.

Какъ вы сегодня тяжело настроены!... Давайте кончимъ партію... садитесь... Я продолжаю: 6, 23.

ЧЕПУРНОЙ.

10, 29 у меня...

ЛИЗА.

Я васъ не понимаю... 8, 31... вы такой здоровый, сильный...

ЧЕПУРНОЙ.

7, 36...

ЛИЗА.

И ничѣмъ не интересуетесь, ничего не дѣлаете...

5, 36... Теперь, когда жизнь принимает такой трагическій тонъ... всюду растетъ ненависть, и такъ мало любви...

ЧЕПУРНОЙ.

36? 10, 41...

ЛИЗА.

Какъ много вы могли-бы внести въ эту жизнь своей работы—доброй, умной работы... 8 у меня, 44...

ЧЕПУРНОЙ.

Мнѣ уже сорокъ лѣтъ... и семь очковъ... 48...

ЛИЗА.

Сорокъ лѣтъ? Пустяки!.. 10, 54...

ЧЕПУРНОЙ.

И вы очень испортили меня... 3, 51...

ЛИЗА.

Я? Испортила?

ЧЕПУРНОЙ.

Да... Всѣ вы... вашъ братъ, Елена Николаевна. вы...

ЛИЗА.

8... Я кончила... Давайте сначала, только не будемъ считать вслухъ, это мѣшаетъ разговору... Объясните мнѣ, чѣмъ это мы испортили васъ?

ЧЕПУРНОЙ.

А знаете, до встрѣчи съ вами я жилъ съ большимъ любопытствомъ...

ЛИЗА.

Съ интересомъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Ну, да, съ любопытствомъ... Мнѣ все было любопытно знать. Книжку новую вижу—читаю, хочу знать: а что въ ней новаго, кромѣ обложки? Человѣка на улицѣ бьютъ—остановлюсь и посмотрю, усердно-ли бьютъ его, и даже иногда спрошу, за что бьютъ? И ветеринарія я учился съ большимъ любопытствомъ...

АНТОНОВНА (въ дверяхъ).

Лизанька, капли принимала?

ЛИЗА.

Да, да...

АНТОНОВНА.

Самоваръ кипить, а за столомъ никого нѣтъ... О, Господи! (Идетъ въ садъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Вообще, на все я смотрѣлъ съ любопытствомъ... и видѣлъ, что жизнь устроена—дрянно, люди жадны и глупы, а я—умнѣе и лучше, чѣмъ они... Это было мнѣ пріятно знать, и душа моя была спокойна... хоть я и видѣлъ, что иному человѣку труднѣе жить, чѣмъ той лошади, что я лечу, да и хуже, чѣмъ собакѣ... но этотъ случай объяснялся тѣмъ, что человѣкъ глупѣе собаки и лошади.

ЛИЗА.

Зачѣмъ такъ говорить? Вѣдь вы не вѣрите въ это?

ЧЕПУРНОЙ.

Такъ я и жилъ, и было мнѣ недурно... Но вотъ—якъ къ вамъ, вижу: одинъ горитъ въ своей наукѣ, кой бредитъ киноварью съ охрой, третья—притворяется, что она веселая и разумная... а вы заглянули а-то глубоко и трагедію въ души носите...

ЛИЗА.

Чѣмъ же мы васъ испортили? У меня—партия...

ЧЕПУРНОЙ.

Не умѣю это сказать... Сначала мнѣ такъ понравилось у васъ, что я даже водку пересталъ пить, ибо отъ вашихъ разговоровъ хмѣлень бывалъ... А потомъ—потерялъ я мое любопытство, и беспокойно стало мнѣ...

АНТОНОВНА

(идеть изъ сада).

Пили-бы чай-то...

ПРОТАСОВЪ (изъ комнаты).

Готовъ самоваръ? Чудесно! Здравствуйте, ученый...

ЧЕПУРНОЙ.

Добрый день, коллега...

ПРОТАСОВЪ.

А Лена въ саду?

ЛИЗА.

Да...

ПРОТАСОВЪ.

Пойду звать ее... Вы проиграете...

ЧЕПУРНОЙ.

А проиграю...

ПРОТАСОВЪ.

У тебя сегодня славный цвѣтъ лица, Лиза... и глаза—ясные... спокойные... Это—приятно видѣть... (Идетъ въ садъ)

ЛИЗА (съ досадою).

Зачѣмъ онъ всегда говорить со мной, какъ съ больнымъ ребенкомъ?..

ЧЕПУРНОЙ.

Да онъ со всѣми, кто протоплазмой не интересуется, какъ съ ребятами говорить...

ЛИЗА.

Со мной всѣ такъ говорятъ... всѣ стараются напомнить мнѣ, что я больна...

ЧЕПУРНОЙ.

А вы сами прежде всего позабудьте объ этомъ...

ЛИЗА.

Продолжайте... Вы говорите, вамъ стало безпокойно,— отчего?

ЧЕПУРНОЙ.

И безпокойно и... неловко какъ-то... Какъ будто механизмъ души моей вдругъ заржавѣлъ... Нелѣпо мнѣ, Елизавета Федоровна, и коли вы не поможете...

ЛИЗА.

Милый Борисъ Николаевичъ! Оставьте это... Я—калъка, уродъ...

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Погибну я тогда, какъ навозный жукъ...

ЛИЗА (вскочивъ).

Да оставьте-же! Вѣдь вы мучаете у меня... неужели вы не понимаете этого?

ЧЕПУРНОЙ (испуганъ).

Ну, не надо! Простите... не буду! Молчу... успокойтесь!

ЛИЗА.

Боже мой! Какъ мучительно жалко всѣхъ... какъ всѣ
безсильны... одиноки!

ЧЕПУРНОЙ.

Я, знаете, раньше хорошо спалъ. А теперь—лежу,
вытаращивъ очи, и мечтаю, какъ влюбленный студентъ,
да еще съ перваго курса... Хочется мнѣ что-то сдѣ-
лать... этакое, знаете, геройское... А что? Не могу до-
гадаться... И все кажется мнѣ: идти по рѣкѣ ледъ, а
на льдинѣ поросенокъ сидитъ, такой маленькій, рыжій
порося, и верещить, верещить! И вотъ я бросаюсь къ
нему, проваливаюсь въ воду... и—спасаю порося! А оно —
никому не нужно! И—такая досада!—приходится мнѣ
одному того спасеннаго поросенка со сметаной съѣсть...

ЛИЗА (смѣется).

Это—смѣшно...

ЧЕПУРНОЙ.

Даже до слезъ...

(Изъ сада идутъ Елена, Протасовъ,
Вагинъ)

ЛИЗА.

Налить чаю?

ЧЕПУРНОЙ.

Давайте... что-жъ еще дѣлать? А знаете, Елизавета
Федоровна,—все-жъ таки идите за меня замужъ; то-то
мы съ вами настояли бы на землѣ!

ЛИЗА

(непріятно удивлена).

Какъ вы... шутите... какъ это тяжело и странно!

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Да вы подумайте, что-жъ еще дѣлать—вамъ и мнѣ?

ЛИЗА (со страхомъ).

Молчите... молчите!

ЕЛЕНА.

Ну, да, это—красиво, но по смыслу—не глубоко, а по сюжету доступно немногимъ...

ВАГИНЪ.

Искусство всегда было достояніемъ немногихъ... Это его гордость...

ЕЛЕНА.

Это—его драма...

ВАГИНЪ.

Таково мнѣніе большинства, и уже по одному этому—я противъ...

ЕЛЕНА.

Не рисуйте! Искусство должно облагораживать людей...

ВАГИНЪ.

Оно не имѣетъ цѣлей...

ПРОТАСОВЪ.

Мой другъ, въ міръ нѣтъ ничего безцѣльнаго...

ЧЕПУРНОЙ.

Коли не считать самый міръ...

ЛИЗА.

Боже мой! Я тысячу разъ слышала все это...

ЕЛЕНА.

Дмитрій Сергѣевичъ! Жизнь—трудна, человекъ ча-

сто устасть жить... Жизнь груба, да? На чемъ отдохнуть душѣ? Красивое—рѣдко, но, когда оно истинно красиво, оно согрѣваетъ мнѣ душу, какъ солнце, вдругъ осіявшее пасмурный день... Нужно, чтобы всѣ люди понимали и любили красоту: тогда они построятъ на ней мораль... они будутъ цѣнить свои поступки, какъ красивые и безобразные... и тогда-то жизнь будетъ прекрасна!

ПРОТАСОВЪ.

Это—чудесно, Лена! Это—можетъ быть...

ВАГИНЪ.

Какое мнѣ дѣло до людей! Я хочу громко спѣть свою пѣсню одинъ и для себя...

ЕЛЕНА.

Полноте! Зачѣмъ—слова? Нужно, чтобы въ искусствѣ отражалось вѣчное стремленіе человѣка въ даль, къ высотѣ... Когда это стремленіе есть въ художникѣ, и когда онъ вѣруеть въ солнечную силу красоты, его картина, книга, его соната—будутъ мнѣ понятны... дороги... онъ вызоветъ въ душѣ моей созвучный аккордъ... и если я устала,—я отдохну и снова захочу работы, счастья, жизни!

ПРОТАСОВЪ.

Славно, Лена!

ЕЛЕНА.

Вы знаете, порой мнѣ грезится такое полотно: среди безграничнаго моря—идеть корабль; его жадно обнимаютъ зеленныя, гнѣвныя волны; а на носу его и у бортовъ стоятъ какіе-то крѣпкіе, мощные люди... Просто—стоятъ люди,—все такія открытыя, бодрныя лица,—и гордо улыбаясь, смотрятъ далеко впередъ, готовые спо-

койно погибнуть по пути къ своей цѣли... Вотъ и вся картина!

ВАГИНЬ.

Это интересно... да...

ПРОТАСОВЪ.

Подожди...

ЕЛЕНА.

Пусть эти люди идутъ подъ знойнымъ солнцемъ по желтому песку пустыни...

ЛИЗА

(неволью, негромко).

Онъ — красный...

ЕЛЕНА.

Все равно! Нужно только, чтобъ это были особенные люди, мужественные и гордые, непоколебимые въ своихъ желаніяхъ и—простые, какъ просто все великое... Такая картина можетъ вызвать у меня чувство гордости за людей, за художника, который создалъ ихъ... и она напомнитъ мнѣ о тѣхъ великихъ людяхъ, которые помогли намъ уйти такъ далеко отъ животныхъ и все дальше уводить къ человѣку!

ВАГИНЬ.

Да, это я понимаю... Это—интересно... красиво! (Къ террасѣ подходитъ Яковъ Трошинъ и, не замѣчаемый, стоитъ, открывъ ротъ) Я попробую это, чортъ возьми!

ПРОТАСОВЪ.

Конечно, Дмитрій! Пиши! Лена, ты молодецъ! Это.. что-то новое у тебя... а, Лена?

ЕЛЕНА.

Какъ ты можешь знать, новое это или старое?

ТРОШИНЪ.

М-милостивые государи! (Всѣ обращаются къ нему) Я долго ждалъ, когда вы кончите вашъ интересный разговоръ... но принужденъ помѣшать вамъ... очень просто!

ЧЕПУРНОЙ.

Вамъ чего?

ТРОШИНЪ.

Узнаю малоросса... очень просто! Потому—самъ былъ въ Малороссіи, и играю на флейтѣ...

ЧЕПУРНОЙ.

Что-жъ вамъ нужно?

ТРОШИНЪ.

Позвольте! Все по порядку... Представляюсь—подпоручикъ Яковъ Трошинъ, бывшій помощникъ начальника станціи Логъ... тотъ самый Яковъ Трошинъ, у котораго поѣздъ жену и ребенка раздавилъ... Ребенки у меня и еще есть, а жены—нѣтъ... да-а! Съ кѣмъ имѣю честь?

ПРОТАСОВЪ.

Какъ интересно говорятъ пьяные...

ЛИЗА (укоризненно).

Павель! Что ты...

ЕЛЕНА.

Вамъ что угодно?

ТРОШИНЪ (кланяясь).

Сударыня, извините! (Показываетъ ногу въ туфлѣ) Сап-

сапогѣ... ибо счастье—превратно... Сударыня! Скажите, гдѣ проживаетъ слесарь Егоръ... Егоръ— а фамилію я позабылъ... а, можетъ быть, у него и нѣтъ фамиліи... и даже, можетъ, онъ... въ нощи видѣніе мнѣ было?

ЕЛЕНА.

Это—тамъ... во флигелѣ, нижній этажъ...

ТРОШИНЪ.

Р-ремерси! Искаль его цѣлый день... утомленъ и едва стою на ногахъ... За уголь? Бонъ войяжъ! Онъ только вчера имѣлъ счастье познакомиться со мной... и вотъ я иду къ нему... это надо оцѣнить! За уголь? Очень просто! До пріятнаго свиданія!..

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ комикъ! Сап-сапогѣ, а?

ЛИЗА.

Тише, Павелъ...

ТРОШИНЪ

(идеть, пошатываясь, и бормочетъ).

Ага! Вы думали—онъ ничтожество? Нѣтъ, это Яковъ Трошинъ... онъ знаетъ, что такое приличія... очень просто! Яковъ Трошинъ. (Скрывается)

ПРОТАСОВЪ.

Какой забавный, а? Лена?

ЛИЗА.

А какое мѣсто въ твоей картинѣ, Лена, будутъ занимать вотъ эти люди?

ЕЛЕНА.

Ихъ тамъ не будетъ, Лиза...

ПРОТАСОВЪ.

Они, какъ водоросли и раковины, присосутся ко дну корабля...

ВАГИНЪ.

И будутъ затруднять его движеніе...

ЛИЗА.

Ихъ участь—гибель, Елена? Безъ помощи, одни, эти люди должны погибнуть?

ЕЛЕНА.

Они уже погибли, Лиза...

ВАГИНЪ.

Мы тоже—одни въ темномъ хаосѣ жизни...

ПРОТАСОВЪ.

Эти люди, мой другъ, -- мертвыя клѣтки въ организмѣ...

ЛИЗА.

Какъ вы всѣ жестоки! Я не могу слушать васъ... какъ вы слѣпы и жестоки...

(Идетъ въ садъ, Чепурной медленно поднимается и идетъ за ней)

ПРОТАСОВЪ (не громко).

Знаешь, Лена, при ней совсѣмъ невозможно ни о чемъ говорить... Она все сводитъ къ одному, въ свой больной, темный уголь...

ЕЛЕНА.

Да... трудно съ ней... Она живетъ страхомъ предъ жизнью...

ВАГИНЬ.

Елена Николаевна! На носу корабля будетъ стоять кто-то одинъ... У него лицо человѣка, схоронившаго на берегу, сзади себя, все свои надежды... но глаза его горятъ огнемъ великаго упорства... и онъ ѣдетъ, чтобы создать новья... одинокіи среди одинокихъ...

ПРОТАСОВЪ.

Не нужно бури, господа! Или —нѣтъ! —пусть будетъ буря, но впереди, на пути корабля, горитъ солнце! Ты назови свою картину „Къ солнцу!“ источнику жизни!

ВАГИНЬ.

Да, къ источнику жизни!.. Тамъ, вдали, среди тучъ, яркое, какъ солнце, лицо женщины...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, зачѣмъ—женщина? Но пускай среди этихъ людей на кораблѣ будутъ Лавуазье, Дарвинъ... Однако, я заговорился... мнѣ нужно уйти...

(Быстро идетъ въ комнаты)

ВАГИНЬ (искренно).

Съ каждымъ днемъ вы, родная моя, все болѣе властно и крѣпко привлекаете меня къ себѣ... Я молиться готовъ на васъ...

ПРОТАСОВЪ (изъ комнаты).

Дмитрій! На минуту...

ЕЛЕНА.

Не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія его...

ВАГИНЬ.

Я напишу эту картину, вы увидите! И она будетъ

пѣть своими красками величественный гимнъ свободѣ,
красотѣ...

ПРОТАСОВЪ.

Дмитрій!..

ЕЛЕНА.

Идите, мой другъ!

(Вагинъ уходитъ. Елена задумчиво
проаживается по террасѣ. Изъ сада доно-
сится голосъ Чепурного)

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Да это-же не можетъ быть иначе... Говорить—чело-
вѣкъ, а поступки дѣлаеть—все еще животное...

ЛИЗА (тоскливо).

Но когда же, когда... (Ихъ не слышно)

МЕЛАНІЯ

(идеть по двору).

Ахъ, Елена Николаевна! Вы дома?

ЕЛЕНА (сухо).

Васъ это удивляетъ?

МЕЛАНІЯ.

Нѣтъ, почему-же? Здравствуйте...

ЕЛЕНА.

Извините меня, но раньше, чѣмъ подать вамъ руку...

МЕЛАНІЯ.

Что-о?

ЕЛЕНА.

Я должна спросить васъ... будемте говорить правдиво
и просто! Вы предлагали нашей горничной...

МЕЛАНІЯ (быстро).

Ахъ... какая мерзавка! Продадала...

ЕЛЕНА (не вдругъ).

Значить — правда? Меланія Николаевна... Вы понимаете, какъ это... какъ нужно назвать вашъ поступокъ?

МЕЛАНІЯ

(искренно, горячо).

Да... да, понимаю! Просто—такъ ужъ просто! Все равно... слушайте!.. Вы женщина, вы—любите, можетъ быть, вы поймете...

ЕЛЕНА.

Тише... въ саду вашъ братъ!

МЕЛАНІЯ.

Что мнѣ? Вотъ... слушайте: я люблю Павла Федорича... вотъ! Я его такъ люблю... готова въ кухарки, въ горничныя къ нему идти... Вы—тоже, я вижу!—вы вѣдь художника любите... вамъ Павелъ Федоровичъ не нуженъ... Хотите,—на колѣни встану? Отдайте мнѣ его! Ноги буду цѣловать ваши...

ЕЛЕНА (поражена).

Что вы говорите? Что вы?

МЕЛАНІЯ.

Все равно! У меня деньги... я ему выстрою лабораторію... дворецъ выстрою! Буду ему служить, чтобы вѣтеръ не касался его... буду сидѣть у дверей дни и ночи... вотъ! Зачѣмъ онъ вамъ? А я его, какъ угодника божія, люблю...

ЕЛЕНА.

Успокойтесь... подождите! Я, должно быть, не вѣрно понимаю васъ...

МЕЛАНІЯ.

Барыня! Вы—умная, вы—благородная, чистая... А у меня жизнь была тяжелая, противная... и людей я видѣла только гнусныхъ... а—онъ! Онъ-то! Дитя такое... такой—возвышенный! Да вѣдь я около него—царицей буду... ему—служанка, а для всѣхъ—царица! И душа моя... душа моя вздохнетъ! Чистаго человѣка хочу я! Понимаете меня?.. Вотъ!

ЕЛЕНА (взволнованно).

Мнѣ трудно васъ понять... намъ нужно много говорить... Боже мой... какая вы несчастная, должно быть.

МЕЛАНІЯ.

Да! О, да! вы можете понять, должны понять! Я оттого вотъ такъ и говорю вамъ—сразу все, я знаю, вы поймете. И не обманите меня: можетъ, я тоже человѣкомъ буду, коли не обманете!

ЕЛЕНА.

Мнѣ не зачѣмъ обманывать васъ... Я чувствую большое сердце ваше... Пойдемте ко мнѣ... пойдемте!

МЕЛАНІЯ.

Какъ вы говорите... неужели и вы тоже хорошій человѣкъ?

ЕЛЕНА

(береть ее за руку).

Повѣрьте мнѣ... повѣрьте, что если люди будутъ искренни, они поймутъ другъ друга!

МЕЛАНІЯ

(идетъ за ней).

Вѣрю я вамъ или нѣтъ, не знаю. Слова ваши по-

вятны, а чувства—не могу я понять... Хорошая вы или нѣтъ? Вотъ... Боюсь я вѣрить въ хорошее... не видѣла я его... и сама—дурной, темный человекъ... моремъ слезъ омыла я душу мою... Но все еще темная...

(Уходятъ. Романъ выглядываетъ изъ-за угла съ топоромъ въ рукѣ. Изъ сада идутъ Лиза и Чепурной. Антоновна изъ комнаты)

АНТОНОВНА.

Ишь... разбѣжались всѣ... мечутся, какъ полоумные... Лизанька, ты чего все бродишь? Тебѣ сидѣть надо...

ЛИЗА.

Отстань, няня...

АНТОНОВНА.

Нечего сердиться... Какія у тебя силы?

(Идетъ въ комнаты. ворчить)

ЧЕПУРНОЙ.

Старуха-хлопотуха... любитъ она васъ...

ЛИЗА.

Это такъ... просто привычка ухаживать... Она больше тридцати лѣтъ живетъ у насъ... Ужасно тупая и упрямая... Странно... Съ той поры, какъ я помню себя, у насъ въ домѣ всегда звучала музыка, и сверкали лучшія мысли міра... а вотъ она не стала добрѣе или умнѣе отъ этого...

(Протасовъ и Вагинъ выходятъ изъ комнаты)

ПРОТАСОВЪ (Вагину).

Понимаешь,—когда волокно химически-обработаннаго дерева можно будетъ пряхъ, тогда мы съ тобой будемъ носить дубовые жилеты, березовые сюртуки...

ВАГИНЬ.

Брось ты свои деревянные фантази... Скучно!

ПРОТАСОВЪ.

Эхъ ты... ты самъ скучный... Лиза, налей мнѣ чаю!

ЧЕПУРНОЙ.

Это зонтикъ сестры моей... Коллега!.. Вчера Маланья спросила меня, въ какомъ сродствѣ стоятъ гипотеза съ молекулой? Такъ я ей сказала, что молекула гипотезѣ приходится внучкой.

ПРОТАСОВЪ (смѣясь).

Ну, зачѣмъ вы? Она такъ наивно... и горячо интересуется всѣмъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Наивно? Мм... А монера съ монадой—подкидыши въ наукѣ... не вѣрно? Перепуталъ я генеалогію, значить!

ЛИЗА.

Вотъ видите: даже на вашихъ отношеніяхъ къ сестрѣ видно, какъ пренебрежительно и даже злобно относятся люди другъ къ другу...

ЧЕПУРНОЙ.

Э, какал тамъ злоба!

ЛИЗА (нервно).

Нѣтъ, я говорю вамъ,—на землѣ все больше скопляется ненависти, на землѣ растетъ жестокость...

ПРОТАСОВЪ.

Лиза! Ты снова распускаешь черныя крылья?..

ЛИЗА.

Молчи, Павелъ! Ты ничего не видишь, ты смотришь въ микроскопъ...

ЧЕПУРНОЙ.

А вы—въ телескопъ? Не надо-бы, знаете... лучше своими очами...

ЛИЗА

(тревожно, болѣзненно).

Вы всё—слѣпые! Откройте глаза; то, чѣмъ живете вы, ваши мысли, ваши чувства, они—какъ цвѣты въ лѣсу, полномъ сумрака и гніенія... полномъ ужаса... Васъ мало, вы незамѣтны на землѣ...

ВАГИНЪ (сухо).

Кого-жъ вы на ней видите?

ЛИЗА.

На землѣ замѣтны милліоны, а не сотни... и средь милліоновъ растетъ ненависть. Вы, опьяненные красивыми словами и мыслями, не видите этого, а я—видѣла какъ вырвалась на улицу ненависть, и люди, дикіе, озлобленные, съ наслажденіемъ истребляли другъ друга... Однажды ихъ злоба обрушится на васъ...

ПРОТАСОВЪ.

Все это оттого такъ страшно, Лиза, что вотъ, видимо, собирается гроза, стало душно, и твои нервы...

ЛИЗА (умоляя).

Не говори мнѣ о моей болѣзни!

ПРОТАСОВЪ.

Ну, ты подумай, кому, за что ненавидѣть меня? Или

ЛИЗА.

Кому? Всѣмъ людямъ, отъ которыхъ вы ушли такъ далеко...

ВАГИНЪ (раздраженно).

Чортъ ихъ поberi! Не идти же назадъ ради нихъ!

ЛИЗА.

За что? За отчужденіе отъ нихъ, за невниманіе къ ихъ тяжелой, нечеловѣческой жизни! За то, что вы сыты и хорошо одѣты... Ненависть—слѣпа, но вы ярки, васъ она увидитъ!

ВАГИНЪ.

Вамъ идетъ роль Кассандры...

ПРОТАСОВЪ (возбуждаясь).

Подожди, Дмитрій! Ты не права! Мы дѣлаемъ большое и важное дѣло: онъ обогащаетъ жизнь красотой, я—изслѣдую ея тайны... И люди, о которыхъ ты говоришь, современемъ поймутъ и оцѣнятъ нашу работу...

ВАГИНЪ.

Оцѣнятъ или нѣтъ, мнѣ все равно!

ПРОТАСОВЪ.

Не надо смотрѣть на нихъ такъ мрачно: они лучше, чѣмъ тебѣ кажется; они разумнѣе...

ЛИЗА.

Ты ничего не знаешь, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, я знаю, я вижу! (Въ началѣ его рѣчи на террасу выходятъ Елена и Меланія, обѣ взволнованныя) Я вижу, какъ

растетъ и развивается жизнь, какъ она, уступая упорнымъ исканіямъ мысли моей, раскрываетъ предо мною свои глубокія, свои чудесныя тайны. Я вижу себя владыкой многого; я знаю, человѣкъ будетъ владыкой всего! Все, что растетъ, становится сложнѣе; люди все повышаютъ свои требованія къ жизни и къ самимъ себѣ... Когда-то подъ лучомъ солнца вспыхнулъ къ жизни ничтожный и безформенный кусокъ бѣлка, размножился, сложился въ орла и льва и человѣка; наступитъ время,—изъ насъ, людей, изъ всѣхъ людей, возникнетъ къ жизни величественный, стройный организмъ—человѣчество! Человѣчество, господа! Тогда у всѣхъ клѣтокъ его будетъ прошлое, полное великихъ завоеваній мысли,—наша работа! Настоящее—свободный, дружный трудъ для наслажденія трудомъ, и будущее—я его чувствую, я его вижу—оно прекрасно. Человѣчество растетъ и зрѣетъ. Вотъ жизнь, вотъ смыслъ ея!

ЛИЗА (тоскливо).

Я бы хотѣла вѣровать такъ, о, я бы хотѣла!

(Выхватываетъ изъ кармана книжку и быстро пишетъ что-то въ ней. Меланія смотритъ на Павла почти молитвенно, это выходитъ немного смѣшно. Лицо Елены, сначала суровое, проясняется грустной улыбкой. Вагинъ слушаетъ оживленно. Чепурной низко наклонился надъ столомъ, и лица его не видно)

ВАГИНЪ.

Люблю видѣть тебя поэтомъ.

ПРОТАСОВЪ.

Страхъ смерти—вотъ что мѣшаетъ людямъ быть смѣлыми, красивыми, свободными людьми! Онъ виситъ надъ ними черной тучей, покрываетъ землю тѣнями,

6*

изъ него рождаются призраки. Онъ заставляетъ ихъ сбиваться въ сторону съ прямого пути къ свободѣ, съ широкой дороги опыта. Онъ побуждаетъ ихъ создавать поспѣшныя уродливыя догадки о смыслѣ бытія, онъ пугаетъ разумъ, и тогда мысль создаетъ заблужденія! Но мы, мы, люди, дѣти солнца, свѣтлаго источника жизни, рожденные солнцемъ, мы побѣдимъ темный страхъ смерти! Мы—дѣти солнца! Это оно горитъ въ нашей крови, это оно рождаетъ гордыя, огненныя мысли, освѣщая мракъ нашихъ недоумѣній, оно—океанъ энергии, красоты и опьяняющей душу радости!

ЛИЗА (вскакивая).

Павель, это хорошо! Дѣти солнца... Вѣдь и я?.. Вѣдь и я? Скорѣе, Павель, да? И я тоже?

ПРОТАСОВЪ.

Да, да! И ты... всѣ люди! Ну, да, конечно!

ЛИЗА.

Да? О, это хорошо... Я не могу сказать... какъ это хорошо! Дѣти солнца... да? Но—у меня расколота душа, разорвана душа... вотъ, послушайте! (Читаетъ, сначала съ закрытыми глазами)

Орелъ поднимается въ небо,
Сверкая могучимъ крыломъ...
И мнѣ бы хотѣлось, и мнѣ бы
Туда, въ небеса, за орломъ!
Хочу! Но бесплодны усилья!
Я—дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачили въ грязи и пыли...
Люблю ваши дерзкіе споры
И яркія ваши мечты,
Но—знаю я темныя норы,
Живутъ въ нихъ слѣпыя кроты;

Красивыя мысли имъ чужды,
И солнцу душа ихъ не рада,
Гнетутъ ихъ тяжелыя нужды,
Любви и внимающья имъ надо!

Они между мною и вами
Стоять молчаливой стѣною...
Скажите—какими словами
Могу я увлечь ихъ за мною?

(Всѣ нѣсколько секундъ смотрятъ на нее
молча. Вагину ея возбужденіе не нравится)

ПРОТАСОВЪ.

Лиза! Какъ это ты?.. Развѣ ты пишешь стихи?

ЕЛЕНА.

Вы хорошо сказали, Лиза! Я понимаю васъ...

ВАГИНЪ.

Позвольте, господа! Елизавета Федоровна, я знаю
другіе стихи, они могли бы служить отвѣтомъ вамъ...

ЛИЗА.

Скажите!

ВАГИНЪ.

Какъ искры въ тучѣ дыма черной
Средь этой жизни мы—одни.
Но мы въ ней—будущаго зѣрна!
Мы въ ней—грядущаго огни!
Мы дружно служимъ въ свѣтломъ храмѣ
Свободы, правды, красоты—
Затѣмъ, чтобъ гордыми орлами
Слѣпые выросли кроты...

ПРОТАСОВЪ.

Браво, Дмитрій! Чудесно, братъ!

МЕЛАНІЯ (въ восторгѣ).

Господи! Какъ хорошо... Елена Николаевна, вѣдь я понимаю ее... понимаю. (Плачетъ)

ЕЛЕНА.

Успокойтесь... не надо!

ЛИЗА (грустно).

Вотъ вы ликуете... а мнѣ—жалко, мнѣ грустно видѣть, что такъ много хорошихъ мыслей вспыхнувъ исчезаютъ, какъ искры въ ночной тьмѣ, не освѣщая людямъ дороги! Мнѣ это грустно...

МЕЛАНІЯ

(цѣлуя руку Протасова).

Ясный вы мой... спасибо!

ПРОТАСОВЪ (смущень).

Что вы? Зачѣмъ вы? У меня руки могутъ быть нечистыми...

МЕЛАНІЯ.

Не могутъ...

ЛИЗА.

Борись Николаевичъ, что съ вами?

ЧЕПУРНОЙ.

А ничего... слушаю!

ЛИЗА.

Вѣдь я хорошо сказала?

ЧЕПУРНОЙ.

Съ вами—правда...

ЛИЗА.

Со мной, да?

МЕЛАНІЯ (Еленѣ).

Я уйду... родная вы моя!..

(Идетъ въ комнаты, Елена за ней

ЧЕПУРНОЙ.

А съ нимъ—красота...

ВАГИНЪ.

А что лучше?

ЧЕПУРНОЙ.

Да... красота лучше... а правда—нужнѣе людямъ...

ЛИЗА.

А вамъ? Вамъ что нужнѣе?

ЧЕПУРНОЙ.

Да... я не знаю... Пожалуй, взялъ бы и того, и другого... только въ мѣру...

ЕЛЕНА (выходить).

Павелъ, тебя зоветъ Меланія Николаевна...

ПРОТАСОВЪ

Лена, ну зачѣмъ она мнѣ руку поцѣловала? Какъ это глупо и неприятно!

ЕЛЕНА (усмѣхаясь).

Надо терпѣть...

ПРОТАСОВЪ (уходя).

Убы- жирныя... Что ей надо?

(Идетъ въ комнаты. За угломъ террасы истерическій крикъ Авдотьи)

АВДОТЯ.

Врешь, подлец!

ЛИЗА (вадроглувъ).

Что такое? Кто это?

АВДОТЯ (выбѣгаетъ).

Не попалъ, дьяволъ, что?

ЕГОРЬ

(въ рукахъ березовое полѣно).

Стой, говорю!

ЛИЗА.

Боже мой! Спрячьте ее!

АВДОТЯ

(убѣгая на террасу).

Господа мои! Голубчики... убиваетъ!

ЕЛЕНА.

Идите сюда... скорѣе!

АВДОТЯ (мужу).

Что взялъ! (Уходитъ съ Еленой въ комнаты)

ЧЕПУРНОЙ.

Э, снова этотъ пьяница... (Лизъ) Уйдите вы, а?

ЛИЗА.

Ради Бога... ради Бога, остановите его!

ТРОШИНЪ

(выходитъ изъ-за угла).

Рѣзовъ, осторожно!

ЧЕПУРНОЙ (Егору).

Пошелъ прочь!

ВАГИНЬ.

Гоните его!

(Изъ комнату выскакиваетъ Протасовъ, за нимъ Меланія)

ПРОТАСОВЪ.

Егоръ! Вы снова...

ЕГОРЪ (Чепурному).

Самъ пошелъ къ чорту! Давайте мнѣ жену!

ПРОТАСОВЪ.

Вы съ ума сошли...

ТРОШИНЬ.

Жена принадлежитъ своему мужу, милостивый государь!.. Очень просто!

ЕГОРЪ.

Вы ее не спрячете... я войду!

(Романъ идетъ. Сонный. Становится сзади Егора)

РОМАНЪ.

Егоръ! Не бунтуй...

ЧЕПУРНОЙ.

Войди!

ЛИЗА.

Борись Николаевичъ, у него полѣно...

ЧЕПУРНОЙ.

Ничего! Вы уйдите...

ПРОТАСОВЪ.

Уйди, Лиза...

ЕГОРЪ.

Давайте ее мнѣ!.. Чего вы? Ваше это дѣло?

МЕЛАНІЯ.

Дворникъ, зови полицію!

РОМАНЪ.

Егоръ! Я позову полицію...

ЕГОРЪ.

Баринъ! Послушайте, ко мнѣ гость пришелъ...

ТРОШИНЪ.

Очень просто!

ЕГОРЪ.

Образованный человѣкъ, съ душой...

ТРОШИНЪ.

Совершенно вѣрно!

ЕГОРЪ.

А она его мокрой тряпкой по рожѣ!

ТРОШИНЪ.

Фактъ! Но не по рожѣ, Егоръ, а по лицу...

ПРОТАСОВЪ.

Голубчикъ! Ну, будьте же человѣкомъ...

ЕГОРЪ.

Давай ее сюда!

ВАГИНЪ.

Чортъ! Какое лицо!

МЕЛАНІЯ.

Дворникъ! Я тебѣ говорю — полицію! Держи его...
хватай!

РОМАНЪ.

Егоръ! Я иду, ну тебя...

ЕГОРЪ

(идеть на террасу).

Ежели вы словъ не понимаете...

ЛИЗА.

Бѣгите... онъ идетъ! Онъ убьетъ!..

ЧЕПУРНОЙ

(идя навстрѣчу Егору, сквозь зубы).

А ну, бей...

ПРОТАСОВЪ.

Лиза, уходи...

(Насильно ведетъ ее въ комнату.
Меланія за ними)

ЕГОРЪ.

Уйди ты... (Готовить полено)

ЧЕПУРНОЙ

(смотреть ему въ глаза).

А ну...

ЕГОРЪ.

Ударю...

ЧЕПУРНОЙ (Егору, тихо).

Зрешь, собака...

ЕГОРЪ.

Не лайся...

ЧЕПУРНОЙ.

А ну, бей...

ЕГОРЪ.

Бей ты! На! (Бросаетъ полѣна на землю)

ЧЕПУРНОЙ.

Прочь... Ну?

ТРОШИНЪ (безнадежно).

Рѣззовъ, ретируйся!

ЕГОРЪ (отступая).

Ишь ты... дьяволъ.

ЧЕПУРНОЙ (презрительно).

Э, собака...

ТРОШИНЪ (Вагину).

Бонъ суаръ, мосе! Но семейный очагъ долженъ
быть ненарушимъ...

ВАГИНЪ.

Уходите вы...

ЧЕПУРНОЙ

(сходить съ террасы, идя на Егора).

Ступай и ты... ну? (Егору) Кабы не было тутъ жен-
щинъ, я бы вамъ обоимъ...

ТРОШИНЪ

(уходя за Егоромъ).

Повинуюсь насилію... очень просто. (Скрывается за угломъ)

ЧЕПУРНОЙ

(возвращается на террасу).

Вотъ звѣрюга...

ВАГИНЪ.

Однако, и личико у васъ было. Я залюбовался... такая экспрессія!..

ПРОТАСОВЪ (выходить).

Прогнали?

ЛИЗА

(быстро выходитъ, Чепурному).

Онъ—не ударилъ? Онъ не тронулъ васъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Эге! Это не просто...

(Елена и Меланія идутъ)

ПРОТАСОВЪ.

Чортъ знаетъ, что такое... Не буду больше давать ему работу!.. Вотъ даже руки дрожать... смотри, Лена!

ВАГИНЪ.

А онъ можетъ убить...

ЧЕПУРНОЙ (усмѣхаясь).

А что, коллега, они, вотъ такіе хамы... и они тоже дѣти солнца?

ЛИЗА (вдругъ).

Ты лгалъ, Павелъ! Ничего не будетъ... жизнь полна бѣрей! Зачѣмъ вы говорите о радостяхъ будущаго. Зачѣмъ? Зачѣмъ вы обманываете сами себя и другихъ? вы оставили людей далеко свади себя... вы одинокіе, счастливыс. маленькіе... неужели вамъ не понятенъ

ужасъ этой жизни?.. Вѣдь вы окружены врагами... повсюду звѣри!.. Нужно уничтожить жестокость... побѣдить ненависть... Поймите же меня! Поймите!

(Съ ней истерика)

З а н а в ѣ с ь .

Дѣти солнца.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

**Обстановка первого дѣйствія. Пасмурный день. Въ креслѣ у стѣны
сидитъ Елена.—Лиза возбужденно ходитъ по комнатѣ.**

ЕЛЕНА.

Ты—не волнуйся...

ЛИЗА.

Я—больная, но мои мысли—здоровы!

ЕЛЕНА.

Развѣ тебѣ говорятъ—нѣтъ?

ЛИЗА.

Я знаю, мои слова сѣры и прѣсны; вамъ скучно слушать ихъ... вы не хотите чувствовать трагической правды жизни...

ЕЛЕНА.

Ты много преувеличиваешь...

ЛИЗА.

Нѣтъ! Взгляни на ту пропасть, которая отдѣляетъ тебя отъ твоей кухарки...

ЕЛЕНА.

Развѣ она исчезнетъ оттого, что я встану на край ея и буду плакать, дрожа отъ страха?

ЛИЗА.

А развѣ можно жить спокойно, когда люди не понимаютъ твоей души? Я не могу такъ жить... я боюсь

тѣхъ, кто меня не понимаетъ! Вотъ чѣмъ я больна... Елена, нужны жертвы! Ты понимаешь, нужно жертвовать собой...

ЕЛЕНА.

Да... свободно, съ радостью, въ безуміи восторга! Но насиловать себя—нѣтъ, Лиза! Это недостойно человѣка!

АНТОНОВНА (изъ столовой).

Елена Николаевна...

ЛИЗА (съ досадой).

Что тебѣ, няня?

АНТОНОВНА.

Ну-ну-ну! Не тебя... Тамъ хозяйнѣ пришелъ...

ЛИЗА.

Ахъ, ну пускай подождетъ... идите, няня! (Антоновна уходитъ) Итакъ, я не права?

ЕЛЕНА.

Я не сказала этого...

ЛИЗА.

Ты понимаешь, какъ мы всѣ одиноки?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ... я этого не чувствую...

ЛИЗА.

Просто ты не хочешь со мной говорить... Я всѣмъ надоѣла. Вы хотите жить наслаждаясь и не замѣчая ничего грубаго, страшнаго!

ЕЛЕНА.

Какъ можно чувствовать насильно?..

ЛИЗА.

А ты... тебѣ — плохо жить! Но ты гордая и не хочешь сознаться въ этомъ даже себѣ самой... Я вѣдь вижу твои отношенія съ Павломъ...

ЕЛЕНА.

Оставимъ это...

ЛИЗА (съ радостью).

Ага! Видишь? Тебѣ больно, да?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ... но неприятно!

ЛИЗА.

Тебѣ больно! Пусть! Это тебя оживить... Ты одинока, Елена... ты несчастна...

ЕЛЕНА.

Лиза, твоя радость — нехорошая радость! Чего ты хочешь?

ЛИЗА.

Чего я хочу? (Пауза. Со страхомъ) Я не знаю... я этого не знаю! Я хотѣла-бы жить и — не умѣю... и не могу! Мнѣ кажется, я не имѣю права жить такъ, какъ я хочу... Я хотѣла-бы родную душу имѣть... родную душу! Мнѣ надо отдохнуть отъ страха и — не съ кѣмъ!

ЕЛЕНА

(беретъ ее за руку).

Прости меня, но развѣ Чепурной...

ЛИЗА.

Какое я имѣю право? Вѣдь я больна, да? Вы всѣ го-

ворите это... о, вы часто это говорите! Слишкомъ часто...
Пусти меня... я не могу объ этомъ... уйди! Пусти меня!

(Быстро уходитъ къ себѣ. Елена,
глубоко вздохнувъ, ходитъ по ком-
натѣ, закинувъ руки за голову. Оста-
навливается передъ портретомъ мужа,
смотреть на него, кусая губы. Руки
у нея падаютъ)

ЕЛЕНА (вполголоса).

Прощай...

(Антоновна идетъ)

АНТОНОВНА.

Можно теперь хозяйну-то?

ЕЛЕНА.

Да... Хорошо...

АНТОНОВНА (уходя).

Идите, Назаръ Авдѣичъ...

НАЗАРЪ.

Добренькаго здоровьица!

ЕЛЕНА
(живая головой).

Вамъ что угодно?

НАЗАРЪ
(ухмыляясь конфузливо).

Видите-ли, мнѣ бы Павла Федоровича...

ЕЛЕНА.

Онъ занятъ...

НАЗАРЪ.

Мм... а съ вами я ужъ не знаю какъ...

ЕЛЕНА.

Скажите; я передамъ ему...

НАЗАРЪ.

Предметъ разговора не деликатный...

ЕЛЕНА.

Какъ угодно...

НАЗАРЪ.

Да ужъ все равно... Полиція приходила, изволите видѣть, насчетъ запаху... насчетъ помойныхъ ямъ и прочихъ мѣсть...

ЕЛЕНА

(хмуря брови).

При чемъ здѣсь мужъ?..

НАЗАРЪ.

Конечно, они не больше другихъ... всѣ грѣшны.. Полиція, по случаю холеры, требуетъ, однако, чтобы запаху не было... она не вникаетъ, что чему положено имѣть запахъ, такъ ужъ оно его дастъ... и грозитъ штрафомъ даже до трехсотъ рублей.

ЕЛЕНА (съ отвращеніемъ).

Что вамъ угодно?

НАЗАРЪ.

Я—совѣтъ хотѣлъ взять, не возможно-ли попрыскать чѣмъ-нибудь химическимъ противъ запаха?

ЕЛЕНА (возмущенно).

П-слушайте, какъ вы... (Сдерживаясь) Впрочемъ... я му передамъ... до свиданія!

НАЗАРЪ.

Сейчасъ передадите?

ЕЛЕНА (уходя).

Нянька отвѣтитъ вамъ...

НАЗАРЪ (вслѣдъ ей).

Чувствительно тронуть... Ишь какая... гордіонка!
Подожди.. я те хвостъ прижму!

(Уходитъ. Изъ-за портьеры выходятъ
Протасовъ и Елена)

ПРОТАСОВЪ.

И еще, Лена, пожалуйста, пошли за Егоромъ...

ЕЛЕНА.

Снова—Егоръ?

ПРОТАСОВЪ.

Но—какъ-же безъ него обойтись, Лена? Онъ такой
ловкій, быстро схватываетъ все... ты посмотри: онъ мнѣ
жаровню сдѣлалъ—артистически! Изящная вещь! Какой
тусклый день сегодня! Сеанса—нѣтъ?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ... Итакъ, когда же можно поговорить съ тобой?

ПРОТАСОВЪ.

Пожалуйста, до вечера, да... Вечеромъ—я свободенъ!
Тебѣ скучно? А гдѣ-же Дмитрій?

ЕЛЕНА.

У него, должно быть, есть еще какія-то дѣла, кромѣ
обязанности развлекать меня...

ПРОТАСОВЪ (не понявъ).

Да... гм!.. Вѣроятно... А знаешь, послѣднее время я
смотрю на тебя, и, мнѣ кажется, есть что-то новое въ
твоемъ лицѣ... такое значительное...

ЕЛЕНА.

Да?

ПРОТАСОВЪ.

Да, да! Ну, я—исчезъ, какъ дымъ... (Уходитъ къ себѣ)

ФИМА (входитъ).

Сударыня! Пожалуйста, отпустите меня...

ЕЛЕНА.

Днемъ? Но кто-же будетъ служить?

ФИМА.

Совсѣмъ отпустите... разсчитать.

ЕЛЕНА.

А, хорошо! Но прежде, прошу васъ, позовите Егора...

ФИМА (твердо).

Я къ Егору не пойду-съ...

ЕЛЕНА.

Почему?

ФИМА.

Такъ... не пойду-съ.

ЕЛЕНА.

Позовите няню...

ФИМА.

Няня гулять пошла на кладбище...

ЕЛЕНА.

Я отпущу васъ, когда она придетъ... Пошлите мнѣ рника,—можете?

ФИМА.

Могу-съ. Такъ ужъ вы сегодня мнѣ разсчесть.
(Уходитъ)

ЕЛЕНА (вслѣдъ ей).

Хорошо...

ЧЕПУРНОЙ
(въ дверь съ террасы).

А чего-жъ у васъ двери не заперты? Добрый день!

ЕЛЕНА
(подавая руку).

Я не знаю... сегодня прислуга какая-то разсѣянная...

ЧЕПУРНОЙ.

Холеры боятся...

ЕЛЕНА.

Говорять, она развивается?

ЧЕПУРНОЙ.

А ничего... идетъ. Елизавета Федоровна дома?

ЕЛЕНА.

У себя...

ЧЕПУРНОЙ.

А какъ здоровенька?

ЕЛЕНА.

Ничего... не особенно, по обыкновенію...

ЧЕПУРНОЙ (озадаченно).

Мм... Трагическая душа...

ЕЛЕНА.

Борисъ Николаевичъ... простите меня, я мѣшаюсь не въ свое дѣло, но—это очень важно...

ЧЕПУРНОЙ.

Ага! Что именно?

ЕЛЕНА.

Она говорила мнѣ, что вы сдѣлали ей предложеніе..

ЧЕПУРНОЙ (быстро).

А какъ говорила?

ЕЛЕНА.

Т.-е., что—какъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Ну, лицо какое? Съ гримасой говорила? Съ на смѣшкой, а?

ЕЛЕНА (удивляясь).

Что вы!? Съ радостью...

ЧЕПУРНОЙ.

Нѣтъ... вѣрно?

ЕЛЕНА.

Да, да! Съ такой тихой радостью... и такъ хорошо..
(Въ дверяхъ съ террасы--Романъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Я—дуракъ! Знаете, я осель!

РОМАНЪ.

Это меня сюда звали?

ЧЕПУРНОЙ.

Да никто тебя не звалъ... это я себя ругаю, чудака!

ЕЛЕНА.

Я его звала... Позовите слесаря, Романъ...

РОМАНЪ.

Это—Егора?

ЕЛЕНА.

Да...

РОМАНЪ.

Сейчасъ?

ЕЛЕНА.

Да, да!

РОМАНЪ.

Ладно... (Уходитъ)

ЧЕПУРНОЙ (радоство).

Дайте мнѣ вашу руку, а я ее... вотъ, поцѣлую! Сдѣлали вы мнѣ подарокъ... Вотъ оно... Откуда не ждешь, оттуда и бѣтъ; такъ и бѣда, такъ и радость...

ЕЛЕНА.

Позвольте... я не понимаю васъ...

ЧЕПУРНОЙ.

А, Боже-жъ мой! Да какъ-же! О томъ, что я ее за мужъ позвалъ, она вамъ съ радостью говорила?

ЕЛЕНА.

Да... увѣряю васъ!

ЧЕПУРНОЙ (побѣдоносно).

А все-жъ таки отказала мнѣ!

ЕЛЕНА (улыбаясь).

Простите... выходить смѣшно...

ЧЕПУРНОЙ.

Да и смѣшно! Я, знаете, такъ и думалъ: не потому она за меня замужъ не идетъ, что я ей противенъ, а потому, что она болѣзни своей боится...

ЕЛЕНА.

Да, вы правы...

ЧЕПУРНОЙ.

Теперь я знаю, что дѣлать. Пойду къ ней, какъ шаръ подъ гору... А! Какой случай?! Великая вещь случай, знаете!

ЕЛЕНА.

Но—снимите вашъ галстухъ... она не любитъ красного...

ЧЕПУРНОЙ (усмѣхаясь).

А я нарочно надѣлъ, чтобъ подразнить ее.. Теперь ужъ все равно, красный или зеленый... все равно! Безъ галстуха не можно... (Идетъ) Спасибо вамъ! (Боръ въ дверяхъ столовой, растерянный, вѣсколоченный) А! Знакомый... ну, давай руку! Помиримся! Вотъ такъ! Эхъ ты... Илья Муромецъ!..

ЕЛЕНА (Егору).

Сейчасъ, я скажу...

ЕГОРЪ (глухо).

Барыня, погодите...

ЕЛЕНА.

Что такое?

ЕГОРЪ.

Жена захворала...

ЕЛЕНА.

Что съ ней?

ЕГОРЪ.

Тошнить...

ЕЛЕНА (тревожно).

Давно?

ЕГОРЪ.

Съ утра... Все васъ зоветъ... Позови, говорить, ба-
рыню... а то—издохну...

ЕЛЕНА.

Что-же вы не позвали?.. Эхъ вы...

ЕГОРЪ.

Стыдно было... Скандалилъ я тутъ...

ЕЛЕНА.

Глупости... Я иду къ ней...

ЕГОРЪ.

Погодите... я боюсь...

ЕЛЕНА.

Чего?

ЕГОРЪ.

Можетъ, холера...

ЕЛЕНА.

Вадорь! Бояться нечего...

ЕГОРЬ

(просить и как бы требуетъ).

Елена Николаевна, вылечите ее!

ЕЛЕНА.

Надо доктора... Вы поѣжайте сейчасъ...

ЕГОРЬ.

Не надо доктора... не вѣрю я! Вы сами...

ПРОТАСОВЪ (выходить).

Ага! Вы здѣсь, воинъ...

ЕЛЕНА (быстро).

Павель, подожди! У него жена заболѣла...

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ видите, колотили вы ее...

ЕЛЕНА.

Онъ думаетъ, холера... Я иду туда, а ты...

ПРОТАСОВЪ (тревожно).

Ты—туда? Нѣтъ, Лена, пожалуйста. Почему ты?

ЕЛЕНА (удивлена).

А почему—нѣтъ?

ПРОТАСОВЪ.

Но, Лена, если холера...

ЕГОРЬ

(глухо рычитъ).

Значить, помирай? Просто! Али мы не люди?

ЕЛЕНА.

Перестаньте, Егоръ... Павелъ, какъ ты неловко...

ПРОТАСОВЪ.

Что ты понимаешь, Лена? Ты не врачъ... И это не шутка... это—опасно!

ЕГОРЪ (злбно).

А которые издыха отъ, тѣмъ не опасно?

ПРОТАСОВЪ (Егору).

Прошу не рычать на меня!

ЕЛЕНА (укоризненно).

Павелъ! Идемте, Егоръ...

ПРОТАСОВЪ.

Я тоже иду... Это безразсудно, Лена...

(Всѣ трое — Егоръ впереди—идутъ въ столовую. Слышны ихъ голоса)

ЕЛЕНА.

Возвратись и позови по телефону карету...

ПРОТАСОВЪ.

Нуженъ—докторъ, а не ты! Что такое ты? (Возвращается, взволнованъ) Что такое она, въ данномъ случаѣ? Нянька! Чортъ возьми! Меня не пустила... Фима! Или нянька! Вы умерли? Фима! (Вбѣгаетъ Фима) Я кричу, какъ зарѣзанный... а вы изволите любоваться своей на-ружностью...

ФИМА (обиженно).

Вовсе нѣтъ, я ножи чистила...

ПРОТАСОВЪ.

Бросьте ножи! Идите къ Егору...

ФИМА (рѣпительно).

Я туда не пойду-съ...

ПРОТАСОВЪ.

Почему? Тамъ барыня...

ФИМА.

Все равно-съ!

ПРОТАСОВЪ.

Но—почему?

ФИМА.

Тамъ холера-съ!

ПРОТАСОВЪ (передразнивая).

Ага! Холера-съ! А вотъ барыня—пошла-съ!
(Звонокъ)

ФИМА.

Звонокъ-съ!

ПРОТАСОВЪ.

Да-съ! Отоприте-съ! (Фима убѣгаетъ. Протасовъ вслѣдъ ей)
С-с-с! Свистить, какъ змѣя... Да, телефонъ... чортъ!
(Меланія входитъ) А, это вы! Знаете новость: на дворѣ
у насъ холера,—забавно! И Елена пошла лечить, а?
Нравится вамъ это?

МЕЛАНІЯ.

Ай-яй-яй! И у васъ—тоже. У сосѣда моего, полковника, повара вчера увезли... А Елена Николаевна пошла туда?.. Зачѣмъ-же это она?

ПРОТАСОВЪ.

Неизвѣстно! Тайна сія велика есть...

МЕЛАНІЯ.

Какъ же вы ее отпустили?

ПРОТАСОВЪ.

Какъ? Не знаю... Да, телефонъ... (Убѣгаетъ къ себѣ)

ФИМА (изъ столовой).

Здравствуйте, Меланія Николаевна!

МЕЛАНІЯ

(недоброжелательно).

А... здравствуй, красавица...

ФИМА.

У меня къ вамъ большая просьба есть...

МЕЛАНІЯ.

Какая же это?

ФИМА.

Замужъ я выхожу...

МЕЛАНІЯ.

Такъ...

ФИМА.

За почтеннаго человѣка... очень почтенный!

МЕЛАНІЯ.

Кто-же это?

ФИМА.

Сосѣдъ вашъ...

МЕЛАНІЯ

(вскакиваетъ, изумленная).

Неужто—полковникъ?

ФИМА (скромно).

Нѣтъ, гдѣ-же мнѣ! Кочеринъ, Василій Васильевичъ...

МЕЛАНІЯ.

Ахъ онъ, старый чортъ... тѣфу! Да вѣдь ему скоро шестьдесятъ лѣтъ... Въ ревматизмахъ весь... И какъ ты, Ефимья, рѣшаешься? А впрочемъ, деньжищи... Эхъ ты, дѣвушка... жалко мнѣ тебя! Брось-ка... ну его и съ деньгами!

ФИМА.

Я ужъ рѣшилась... И все слажено...

МЕЛАНІЯ.

Да? жаль. А отъ меня чего надо?

ФИМА.

Какъ я сирота, не пойдете ли вы въ посаженныя матери ко мнѣ?

МЕЛАНІЯ

(показываетъ ей кукишъ).

На-те-ка, выкусите! Вы меня за сколько Еленѣ Николаевнѣ продали?

ФИМА (расторялась).

Я-съ?

МЕЛАНІЯ.

Да-съ, вы-съ! Что?

ФИМА (оправилась).

Очень жаль... Я думала, какъ вы сами себя старику продали...

МЕЛАНІЯ (подавлена).

Какъ? Какъ—ты?..

ФИМА.

...То, можетъ, ужъ и мнѣ поможете въ этомъ-же...

МЕЛАНІЯ (глухо).

Не смѣй!..

ФИМА

(спокойно и жестко).

Вы сами должны понять, что такъ себя устроить все-же лучше, чѣмъ на улицу выходить... Хоть одинъ будетъ, а не сто...

МЕЛАНІЯ

(въ ужасѣ, тихо).

Иди... иди вонъ... я тебѣ дамъ... я дамъ денегъ... иди!
Иди прочь... дамъ!

ФИМА.

Благодарю васъ! Когда дадите?

МЕЛАНІЯ.

Уйди... нѣтъ со мной!

ФИМА.

Я сегодня вечеромъ приду къ вамъ... Не обманите...

МЕЛАНІЯ.

Нѣтъ! Уйди, Христа ради! (Фима не торопясь уходитъ. Меланія грузно валится въ кресло и плачетъ и какъ-то рычитъ отъ боли)

ПРОТАСОВЪ
(изъ своей комнаты).

Она не воротилась, нѣтъ? Что это вы? Что съ вами?

МЕЛАНІЯ
(встаетъ на колѣни).

Святой человѣкъ, спаси рабу!

ПРОТАСОВЪ (изумленъ).

Какъ вы сказали? Встаньте... Зачѣмъ вы?

МЕЛАНІЯ
(обнимаетъ его ноги).

Утопаю въ грязи... въ подлости своей утопаю; подай руку! Кто лучше тебя на землѣ?

ПРОТАСОВЪ (испуганъ).

Позвольте... такъ—я упаду! И—не цѣлуйте брюки... что вы?

МЕЛАНІЯ.

Сдѣлала я поступокъ, изгадила себѣ душу,—очисти! Кто, кромѣ тебя, это можетъ?

ПРОТАСОВЪ
(стараясь понять).

Вы—садьте... т.-е., встаньте! Теперь—садьте, да! Что вы хотите?..

МЕЛАНІЯ.

Возьми меня къ себѣ! Позволь около жить, только (видѣть тебя каждый день... слышать тебя... Я—бога, все возьми! Выстрой себѣ кабинетъ для науки ей... башню выстрой! Взойди на высоту и—живи... а внизу, у двери, день и ночь буду стоять, и никого тебѣ не пущу... Всѣ мои дома, земли,—все продай... и возьми себѣ!

ПРОТАСОВЪ (улыбаясь).

Позвольте... это, однако, идея! Чортъ побери! Какую можно устроить лабораторію!..

МЕЛАНІЯ (рада).

Да, да! И возьми меня, чтобы я всегда видѣла тебя... Не говори со мной, не надо! Только посмотри на меня иногда... только улыбнись мнѣ! Была бы у тебя собака... вѣдь ты улыбался бы ей... ласкалъ бы ее иногда?... такъ вотъ я буду... вмѣсто собаки!

ПРОТАСОВЪ (озабоченъ).

Подождите... зачѣмъ же такъ? Это странно... не нужно! Я, знаете, сильно пораженъ... развѣ я могъ ожидать, что васъ такъ увлечетъ наука?..

МЕЛАНІЯ (не слушая).

Вѣдь я—глупая, я—тулая, какъ бревно! Книжки твои—не понимаю я... Ты думаешь, читала я ихъ?

ПРОТАСОВЪ (теряется).

Нѣтъ? Но—что же тогда?..

МЕЛАНІЯ.

Милый! Цѣловала я книжки... Взгляну въ нее, а тамъ такія слова,—никто, кромѣ тебя, и понять ихъ не можетъ... И цѣлую...

ПРОТАСОВЪ (смущенъ).

Вотъ отчего пятна на переплетахъ... Но—зачѣмъ-же цѣловать книги? Это ужъ какой-то фетишизмъ...

МЕЛАНІЯ.

Пойми, люблю тебя! Такъ хорошо около тебя, чисто, ясно! Божій человекъ, люблю тебя...

ПРОТАСОВЪ
(негромко, пораженный).

Позвольте... т.-е., какъ это?

МЕЛАНІЯ.

Какъ собака! Не могу я говорить,—молчать могу... и много лѣтъ молчала, а у меня съ души кожу сдирали...

ПРОТАСОВЪ
(у него возникаетъ надежда, что онъ ошибся).

Вы... извините меня!—Я не могу поймать вашу основную мысль... Можетъ быть, вамъ... болѣе удобно поговорить объ этомъ съ Леной?

МЕЛАНІЯ.

Говорила я съ ней... Прекрасная она... она знаетъ, что ты не любишь ее...

ПРОТАСОВЪ (вскочивъ).

Какъ—не люблю? Ишь вы...

МЕЛАНІЯ.

Она—все знаетъ, все чувствуетъ... хорошая она! Но—зачѣмъ два огня вмѣстѣ? Она—гордая...

ПРОТАСОВЪ
(снова теряется).

Знаете, все это... такая путаница! т.-е., никогда я не чувствовалъ себя такъ нелѣпно...

МЕЛАНІЯ.

А какъ буду я съ тобой... какъ будешь ты моимъ...

ПРОТАСОВЪ
(немного раздраженъ).

Что-о? Какъ это—моимъ? (Смотрить на нее и негромко, эти со страхомъ) Меланія Николаевна... нужно объ-

сниться! Вы извините меня... я ставлю вопросъ прямо...
Вы, можетъ быть, влюбились въ меня?

МЕЛАНІЯ

(тоже нѣсколько секундъ смотритъ на него и—упавшимъ
голосомъ).

А про что-же я говорю... родной мой! Про это я и
говорю.

ПРОТАСОВЪ.

Да?.. Извините... я думалъ... я думалъ, вы не такъ...

МЕЛАНІЯ (тихо).

Такъ, что вотъ обезумѣла...

ПРОТАСОВЪ

(нервно бѣгая по комнатѣ).

Я, конечно... очень благодаренъ... очень тронуть...
Но, къ сожалѣнію... вѣдь я—женатъ... нѣтъ, не то! Ви-
дите-ли... сразу это нельзя разрѣшить... да! Но, знаете,
не нужно, чтобы это знала Лена... мы ужъ какъ-нибудь
одни разберемся...

МЕЛАНІЯ.

Да она знаетъ...

ПРОТАСОВЪ

(почти съ отчаяніемъ).'

Что—знаетъ?

(Чепурной и Лиза идутъ съ верку по
лѣстницѣ. Молча проходятъ черезъ комнату
на террасу. Чепурной—угрюмо спокоенъ.
Лиза—взволнована)

МЕЛАНІЯ (тихо).

Ой, идутъ! Тише... братъ!

ПРОТАСОВЪ (сестрѣ).

А... гм! Вы... идете?

ЧЕПУРНОЙ (глухо).

Идемъ...

ПРОТАСОВЪ

(очень искренно и просто).

Меланія Николаевна! Согласитесь,—тутъ такое исключительное положеніе... невозможное положеніе... Впрочемъ, я вамъ смѣшонъ... и это обижаетъ васъ... Но, милая, хорошая моя... это такъ странно, и—такъ не нужно мнѣ!

МЕЛАНІЯ.

Не нужно?

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ!.. Простите меня... И я долженъ сказать все это Ленѣ... И—потомъ—я уйду... она все тамъ еще... это меня беспокоитъ... И я не могу не сказать ей... Вы не сердитесь...

(Идетъ къ себѣ. Меланія—тихо за нимъ... Потомъ возвращается, растерянная, жалкая)

МЕЛАНІЯ (про себя).

Не дошло до него... Стыдъ-то какой!.. (Елена входитъ въ дверь съ террасы) Милая вы моя! Пожалуйте дуру...

ЕЛЕНА.

Что такое? Вы... сказали Павлу?

МЕЛАНІЯ.

Все сказала...

ЕЛЕНА.

И—онъ? Что-же?

МЕЛАНІЯ.

Всѣ слова мои... вся любовь моя—все упало, какъ пыль на воду...

ЕЛЕНА
(просто, искренно).

Мнѣ больно за васъ... Что онъ говоритъ?..

МЕЛАНІЯ.

Не знаю... Ничего не пристало къ нему... не дошло ему до сердца! Видно, огонь грязью не запачкаешь... На колѣни становилась я... не понимаетъ!..

ЕЛЕНА.

Я говорила вамъ, подождите! Сначала нужно было мнѣ спросить его...

МЕЛАНІЯ.

А я про васъ подумала: обманеть... Все я отдавала ему... всѣ деньги,—цѣну души моей, на поруганіе проданной... не принялъ! Кто еще не принялъ бы? Только онъ...

ПРОТАСОВЪ
(выходить со шляпой въ рукѣ).

Елена,—ванну! Немедленно! И—все долой съ себя, въ печку! Фима!.. Ванну! Эта Фима, чортъ-бы ее побралъ, мифъ какой-то, а не горничная...

ЕЛЕНА.

Не суетись такъ... Ванна—готова, и я все сдѣлаю.

ПРОТАСОВЪ.

Иди! Пожалуйста... Холера—это не шутка...

ЕЛЕНА (уходя).

Иду, иду...

(Протасовъ, проводивъ жену, бояливо, исподлобья смотритъ на Меланію. Она сидитъ, какъ виноватая, низко опустивъ голову)

ПРОТАСОВЪ (ходить).

Д-да... какой сегодня пасмурный и, вообще... неприятный день!

МЕЛАНІЯ (тихо).

Да...

ПРОТАСОВЪ.

Да. И эта холера... такъ несвоевременно...

МЕЛАНІЯ.

Дѣйствительно... вдругъ...

ПРОТАСОВЪ.

А тутъ еще у меня холодильникъ сломался...

МЕЛАНІЯ.

Павель Федоровичъ, простите меня!

ПРОТАСОВЪ (опасливо).

Т.-е., какъ это? Что именно вы хотите сказать?...

МЕЛАНІЯ.

Забудьте все... все, что говорила я вамъ... Забудьте!

ПРОТАСОВЪ (радостно).

Нѣтъ,—серьезно?

МЕЛАНІЯ.

Серьезно... Глухая... дерзкая я...

ПРОТАСОВЪ.

Меланія Николаевна! Я васъ очень люблю... т.-е.,

уважаю! Вы удивительно непосредственный и цѣльный человекъ! Вы такъ горячо интересуетесь всѣмъ... Но,—голубушка моя!—это лишнее... т.-е., все, что вы говорили мнѣ, это не нужно! Будемте добрыми друзьями... вотъ и все! Всѣ люди должны быть друзьями... такъ?

МЕЛАНІЯ.

Стыдно мнѣ смотрѣть на васъ...

ПРОТАСОВЪ.

Оставимъ это... вашу руку!.. Вотъ чудесно! Нѣтъ, знаете, какъ хороши люди. Сколько въ нихъ простоты, ума и такой славной способности понимать другъ друга... Люблю людей,—изумительно интересныя существа!

МЕЛАНІЯ (усмѣхаясь).

Я не видала людей-то... я среди торговцевъ жила... мужъ у меня мясомъ торговалъ... Вотъ только у васъ увидѣла, что люди есть... и сейчасъ-же покупать стала...

ПРОТАСОВЪ.

Какъ вы говорите?

МЕЛАНІЯ.

Не слушайте меня... такъ это я...

ПРОТАСОВЪ (оживленно).

Знаете что? Давайте, выпьемъ чаю!

МЕЛАНІЯ.

Хорошо... Я къ Еленѣ Николаевнѣ пройду... оправлюсь хоть...

ПРОТАСОВЪ.

А я—распоряжусь насчетъ чая! У меня, знаете, холо-

дильникъ сломался, чортъ его возьми, а у Егора—жена заболѣла; починить некому, и я сегодня не могу работать... (Смѣясь идетъ къ себѣ)

МЕЛАНІЯ

(вслѣдъ ему, съ глубокимъ чувствомъ).

Дитя ты мое милое... дитя мое прекрасное...

(Идетъ къ Еленѣ. Антоновна изъ слововой, раздраженная. Ворчать)

АНТОНОВНА.

Какъ Мамай прошелъ по дому... на-те-ка, поглядите. Разбросано все, растворено... Уйти нельзя... Только у мертвенькихъ и порядокъ... на кладбищѣ-то... Только тамъ, видно, и спокой... (Въ дверь съ террасы входятъ Лиза и Чепурной) Лизанька, лекарство и молоко...

ЛИЗА (раздраженно).

Молчи! Иди...

АНТОНОВНА.

На-те-ка! (Уходить)

ЧЕПУРНОЙ.

Значить, конечно?

ЛИЗА.

Да, Борисъ Николаевичъ!.. Больше ни слова объ этомъ, никогда!

ЧЕПУРНОЙ.

Такъ... Я вѣдь сегодня потому заговорилъ, что, по-казалось мнѣ, ошибаетесь вы...

ЛИЗА.

Нѣтъ! Не болѣе мѣшаетъ мнѣ... я не боюсь ея...

Но—не могу я... не хочу я имѣть дѣтей... Никто не спрашиваетъ себя, зачѣмъ рождаются люди? Я—спросила... Для личной жизни нѣтъ мѣста на землѣ, тому, кто не имѣетъ силы всю жизнь земли сдѣлать личной, своей... Такъ вы—уѣдете, да?

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Хорошо...

(Вагинъ идетъ съ террасы)

ЛИЗА.

Вамъ лучше будетъ... И не носите красныхъ галстуховъ... это вульгарно! Какъ мнѣ жаль, что именно сегодня вы—въ красномъ...

ВАГИНЪ.

Вотъ день! Точно въ октябрѣ...

ЧЕПУРНОЙ.

Денекъ задался скверный.

ЛИЗА.

Вы куда думаете ѣхать?

ЧЕПУРНОЙ (спокойно).

Я? А въ Могилевскую губернію...

ЛИЗА (тревожно).

Почему... именно въ эту?

ЧЕПУРНОЙ.

У меня тамъ знакомыхъ много...

ВАГИНЪ.

Уѣхалъ въ Могилевскую губернію, —такъ каламбуристы говорятъ иногда о покойникахъ...

ЛИЗА (вадрогнувъ).

Что это вы? Фуй...

ВАГИНЪ.

Вы испугались каламбура? Ужъ не думаете-ли вы, что Борисъ Николаевичъ—умреть? Развѣ только застрѣлится..

ЛИЗА

(ужоризненно и тревожно).

Зачѣмъ вы говорите такъ?

ВАГИНЪ.

Спѣшу успокоить васъ: нѣтъ случая, чтобы ветеринаръ застрѣлился...

АНТОНОВНА (изъ столовой).

Лизанька, иди чай наливать...

(Лиза молча идетъ)

ВАГИНЪ.

Грѣшный человѣкъ, люблю позлить ее... Интересничаетъ она своей скорбью о мѣрѣ... Скучнѣйшій народъ эти страдальцы за муки мѣра... И мнѣ органически враждебно все нездоровое...

ЧЕПУРНОЙ.

Что-жъ вы ту картину—„Къ солнцу идуть“ или какъ оно,—будете писать?

ВАГИНЪ.

Непремѣнно! Великолѣпная тема, а? Кстати—мнѣ кто-бы васъ для нея...

ЧЕПУРНОЙ (удивлень).

ея? Гдѣ-жъ мнѣ тамъ мѣсто? На днѣ корабля?

ВАГИНЪ (всматриваясь).

У васъ надъ глазами есть одна такая упрямая складка... это очень характерно! Вы ничего не будете имѣть, если я сейчасъ схвачу ее?

ЧЕПУРНОЙ.

Хватайте...

ВАГИНЪ
(вынимаетъ альбомъ).

Роскошно... я—въ минуту! (Рисуетъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Вы анекдоты любите?

ВАГИНЪ.

Очень! Если они не глупые...

ЧЕПУРНОЙ.

Такъ вотъ я вамъ расскажу одинъ.

ВАГИНЪ.

Пожалуйста... А я, когда рисую, молчу...

ЧЕПУРНОЙ.

Я слышу, какъ вы молчите... Вотъ оно какъ было: когда-то черезъ Ламаншъ, изъ Дувра въ Кале, ѣхало англійское посольство, и былъ на кораблѣ французъ. Хвастались, кто лучше: англичане или французы? Англичане говорятъ: мы вездѣ! А французъ говоритъ: нѣтъ! Въ этомъ проливѣ нашихъ дипломатовъ много утонуло, а вотъ англійскихъ—ни одного! Тутъ молодой англичанинъ изъ посольства прыгнулъ за бортъ—гогъ — и утонулъ...

ВАГИНЪ
(послѣ паузы).

Ну? И что-же?

ЧЕПУРНОЙ.

Больше ничего...

ВАГИНЪ.

Это—весь анекдотъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Весь... Чего-жъ вамъ? Захотѣлъ человѣкъ поддер-
жать честь націи и—утонулъ!

ВАГИНЪ.

Ну, знаете, вашъ анекдотъ хоть и морской, а не со-
лонь...

ЧЕПУРНОЙ.

А хорошо вы галстухъ завязываете...

ВАГИНЪ.

Нравится? Это одна дама научила...

ЧЕПУРНОЙ.

И цвѣтъ хорошій...

ПРОТАСОВЪ (входитъ).

Здѣсь рисуютъ? А Лена еще не выходила? Знаешь,
Дмитрій, она сегодня возилась съ холерной...

ВАГИНЪ.

Что-о?

ПРОТАСОВЪ.

Да, да! Съ женой моего слесаря! Каково?

ВАГИНЪ.

То меньшей мѣрѣ, неразумно! И какъ ты позво-
ль?

ЕЛЕНА (входитъ).

Развѣ мнѣ можно не позволять?

ВАГИНЪ.

Но вѣдь это же... не ваше дѣло!

ЕЛЕНА.

Почему? Если я хочу его дѣлать, значитъ, мое...

ВАГИНЪ.

Вы и... чортъ знаетъ что!

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, она молодецъ! Хотя я боялся за нее... Ты выпила капли, да?

ВАГИНЪ

(кончилъ рисовать).

Вотъ и все... спасибо!.. Славная это черточка у васъ...

ЧЕПУРНОЙ.

Очень радъ...

ЛИЗА (изъ столовой).

Идите-же пить чай!

ВАГИНЪ.

Идемъ! (Беретъ подъ руку Чепурного, идутъ)

ПРОТАСОВЪ (вполголоса).

Лена, мнѣ что-то нужно сказать тебѣ...

ЕЛЕНА.

Сейчасъ?

ПРОТАСОВЪ (торопливо).

Да! Знаешь, случилось что-то чрезвычайно нелѣпое! Меланія Николаевна—она ушла?

ЕЛЕНА (улыбаясь).

Ушла...

ПРОТАСОВЪ.

Ты подожди, не смѣйся! Она, кажется, знаешь, влюбилась въ меня! Самымъ обыкновеннымъ образомъ,— какъ это нравится тебѣ? Ей-Богу, я—не подавалъ ей повода, Лена... чего ты смѣешься? Нужно отнестись къ этому серьезно... это такъ непріятно, если бы ты знала! Она тутъ плакала, поцѣловала мнѣ брюки... и руку, вотъ эту...

ЕЛЕНА (смѣясь).

Перестань, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ
(немного сердится).

Ты меня удивляешь! Я-же говорю, она серьезно. Она предлагала мнѣ всѣ свои деньги... хочу, говорить, жить съ тобой. Понимаешь, говорить мнѣ „ты“! Не подумай, пожалуйста... я не давалъ ей права на это... И отъ нея, почему-то, пахнетъ селитрой... чего ты?

ЕЛЕНА (смѣясь).

Я не могу... это смѣшно... ты—смѣшной!

ПРОТАСОВЪ
(нѣсколько обиженъ).

Почему? Это тяжело, а не смѣшно... это нелѣпо! Я такъ испугался... что-то говорилъ ей, а въ головѣ у меня все перевернулось кверху ногами... Она очень серьезно, замѣть! Да,—она говорила еще, что ты все знаешь, но что

именно,—я не понялъ... Сначала я не хотѣлъ тебѣ говорить объ этомъ...

ЕЛЕНА (ласково).

Я все знаю... славный ты мой!

ПРОТАСОВЪ.

Знаешь? Какъ же... что же ты меня не предупредила...

ЕЛЕНА

(какъ бы вспомнила что-то и—сухо).

Давай оставимъ это до вечера...

ПРОТАСОВЪ.

Да, хорошо... я хочу чаю... Но если ты знаешь, я радъ! Значить, ты сама и распутаешь все это,—да?

ЛИЗА (изъ столовой).

Лена! Пойди сюда...

ЕЛЕНА.

Иду...

ПРОТАСОВЪ.

Такъ ужъ ты возьми все это на себя...

ЕЛЕНА.

Хорошо... не безпокойся! Идемъ... (Идутъ)

ПРОТАСОВЪ.

Знаешь, когда я поднималъ ее съ пола, то подъ мышками... (Доканчиваетъ шопотомъ)

ЕЛЕНА.

Фи, Павелъ. Какъ грубо...

(Сцена нѣсколько секундъ пуста. Изъ столовой доносится говоръ и звонъ посуды)

Выходить Чепурной—со словами: „ну, я здѣсь покурю“... Проходить къ окну заложивъ руки за спину. Вынимаетъ изо рта папиросу, смотритъ на нее и вполголоса поетъ)

ЧЕПУРНОЙ.

Ночевала тучка золотая... (Голосъ у него вадрагиваетъ и срывается) Э-гм... Но-очевала тучка золотая...

ВАГИНЪ (выходитъ).

На груди утеса великана... И меня изгнали,—не велать курить...

ЧЕПУРНОЙ.

Такъ вы любите анекдоты?

ВАГИНЪ.

У васъ есть еще одинъ скучный?

ЧЕПУРНОЙ.

Я вамъ другой сочиню... А теперь—пойду себѣ до дому...

ВАГИНЪ.

А когда же анекдотъ?

ЧЕПУРНОЙ.

Завтра! Дождь идетъ... Чи буль у меня зонтикъ, чи не буль?—какъ говорилъ, бывало, Гамлетъ, принцъ датскій... Прощайте!

ВАГИНЪ

(задерживая его за руку).

Вы куда-то уѣзжаете, я понялъ?

ЧЕПУРНОЙ (усмѣхаясь).

Да, ѣду... Надо поѣхать...

q*

ВАГИНЪ (тоже улыбаясь).

Ну, счастливой дороги! Вы мнѣ, почему-то, очень понравились сегодня...

ЧЕПУРНОЙ.

Спасибо...

ВАГИНЪ.

Вы сегодня похожи на влюбленного... скажите, вы влюблялись когда-нибудь?..

ЧЕПУРНОЙ.

А какъ былъ студентомъ, то къ хозяйкѣ моей квартиры слабость имѣлъ, и даже объяснилъ ей это...

ВАГИНЪ.

Красивая?..

ЧЕПУРНОЙ.

Это трудно было понять... она уже лѣтъ пятьдесятъ имѣла въ то время... А когда я объяснилъ ей, она за квартиру три рубля въ мѣсяцъ лишнихъ накинула.

ВАГИНЪ (смѣясь).

Серьезно?

ЧЕПУРНОЙ.

Да ужъ такъ... Ну... прощайте-жъ.

(Смѣясь уходитъ въ столовую. Вагинъ задумчиво смотритъ вслѣдъ ему, потомъ ходитъ по комнатѣ, курить, мурлычетъ что-то и потряхиваетъ головой. Антоновна изъ комнаты Елены)

АНТОНОВНА (ворчливо).

А я думала,—это тотъ выхаживаетъ...

ВАГИНЪ.

Кто—тотъ?

АНТОНОВНА.

Хохоль. Гдѣ онъ?

ВАГИНЪ.

Ушелъ домой...

АНТОНОВНА.

Только и знаетъ: придти, чаю попить да уйти... А дѣвушка—истомилась вся... по пять... ночей не спить... Хоть бы вы ему сказали, что-ли ужь...

ВАГИНЪ.

Какая дѣвушка? Почему она не спить? И что надо сказать дѣвушкѣ?

АНТОНОВНА.

А ну васъ!.. Одна у насъ въ домѣ дѣвушка... Она въ годахъ... чего ее безъ толку тревожить? И такъ вся изболѣла... А вы всѣ тутъ ходите да разговариваете, и никому нѣтъ дѣла, что человѣку такъ, можетъ, трудно, хоть руки на себя наложить... (Идетъ въ столовую)

ВАГИНЪ

(крѣпко потираетъ лобъ, задумывается, потомъ встряхиваетъ головой, какъ бы принявъ нѣкое рѣшеніе).

Павель!

ПРОТАСОВЪ

(съ книгой въ рукѣ).

Вотъ я...

ВАГИНЪ (непріязненно).

Какое у тебя самодовольное лицо!

ПРОТАСОВЪ (удивленъ).

Ты за этимъ звалъ меня?..

ВАГИНЪ.

Мнѣ нужно поговорить съ тобой...

ПРОТАСОВЪ (зѣваетъ).

А-а... Сегодня всѣ хотять говорить со мной... Я уже много слышалъ необычнаго, и—ни одного слова путнаго...

ВАГИНЪ.

Вотъ я тебѣ скажу нѣчто путное...

ПРОТАСОВЪ
(смотреть въ книгу).

Не будь самонадѣянъ...

ВАГИНЪ.

Положи книгу...

ПРОТАСОВЪ.

Куда? Т.-е., зачѣмъ?

ВАГИНЪ.

Куда-нибудь... Дѣло вотъ въ чемъ... я люблю Елену Николаевну...

ПРОТАСОВЪ (спокойно).

Вотъ удивилъ! Какъ же ее не любить?

ВАГИНЪ.

Я люблю ее, пойми!—какъ женщину...

ПРОТАСОВЪ (спокойно).

Ну, и что-жъ? (Спохватившись, вскакиваетъ) А... а она? Она—знаетъ? Ты сказалъ ей? Что она отвѣтила?

ВАГИНЪ.

Да... она знаетъ...

ПРОТАСОВЪ (тревожно).

Ну? Что-жъ... она отвѣтила?

ВАГИНЪ (смущенно).

Ничего... опредѣленнаго... пока...

ПРОТАСОВЪ (радъ).

Ну, конечно! Я-же зналъ это... разумѣется...

ВАГИНЪ (сдержанно).

Подожди... дѣло, собственно, въ томъ, что ты скверно относишься къ ней...

ПРОТАСОВЪ (изумленно).

Я? Какъ? Когда?

ВАГИНЪ.

Ты--игнорируешь ее... Ты убилъ въ ней любовь къ тебѣ...

ПРОТАСОВЪ (испуганъ).

Это... она говорить?

ВАГИНЪ.

Это я говорю...

ПРОТАСОВЪ (обиженно).

Позвольте, господа! Что вы сегодня — съ ума всё сошли? Одинъ говорить: я не люблю Лену; другой: она меня не любитъ... что это такое? Вы совершенно невмѣняемы... и съ вами, наконецъ, потеряешь голову! А она молчать... она--не говоритъ! При чемъ здѣсь вы? Ничего не понимаю!

ВАГИНЪ.

Павель, мы съ тобой друзья съ дѣтства... я люблю тебя...

ПРОТАСОВЪ.

Если можешь, прибавь къ твоей любви немножко деликатности... да! И предоставьте вы человѣку право говорить самому за себя... самому отстаивать свою свободу, свое достоинство... Когда онъ умѣетъ дѣлать это, онъ сдѣлаетъ лучше васъ...

ВАГИНЪ.

А если—не умѣетъ?

ПРОТАСОВЪ.

Чортъ съ нимъ тогда! Развѣ это человѣкъ?

ВАГИНЪ.

А—не хочеть?

ПРОТАСОВЪ.

Не хотѣть—невозможно... Ты, Дмитрій, извини меня! какъ всѣ художники, ты не серьезенъ... Еще вчера ты молчалъ, а сегодня—вдруг! — я люблю ее...

ВАГИНЪ.

Съ тобой нельзя говорить... Впрочемъ, я сказалъ все, что нужно было... Я —ухожу...

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, подожди... я позову Лену... Лена!

ВАГИНЪ (тревожно).

Что ты? Зачѣмъ?

ПРОТАСОВЪ.

Зачѣмъ? Лена! Пусть она при тебѣ скажетъ, въ чемъ дѣло. Лена-же! (Елена выходитъ) Елена, — вотъ! И онъ тоже, какъ эта Маланья, оказывается, влюбленъ... да. Но—онъ уже въ тебя...

(Елена вопросительно и строго
смотреть на Вагина)

ВАГИНЪ (волнуясь).

Ну, да... что-же? Я сказалъ ему, что люблю васъ... что вамъ тяжело съ нимъ...

ЕЛЕНА.

Благодарю васъ... Это такъ по-рыцарски... и такъ молодо... очень молодо!..

ВАГИНЪ (оскорбленъ).

Я не заслужилъ ироніи. Я не хочу враждебнаго чувства къ Павлу... а оно зарождалось... Пускай я сдѣлалъ глупо, безтактно, грубо... но мной руководили чувства товарища... и любовь... Я поддался порыву, который вызвали въ душѣ моей слова няньки... мнѣ захотѣлось чего-то... хорошаго для васъ, Елена Николаевна... И между такими людьми, каковы мы,— все должно быть просто и ясно...

ЕЛЕНА.

Я благодарю васъ...

ПРОТАСОВЪ.

Я вѣдь ничего не сказалъ обиднаго для тебя, Дмитрій?

ВАГИНЪ.

Нѣтъ! Я—уйду... до свиданія...

ЕЛЕНА.

Вы придете завтра... да?

ВАГИНЪ (уходить).

Да... вѣроятно...

ПРОТАСОВЪ

(вопросительно смотритъ на жену).

Ну, Лена? Что это? Какъ ты относишься къ этому?

ЕЛЕНА.

А—ты?

ПРОТАСОВЪ.

Хорошо, что ты спокойная такая... ф-фу! Вотъ день!
Онъ объяснялся съ тобой?

ЕЛЕНА.

Да, объяснялся...

ПРОТАСОВЪ.

Говорилъ, что любить, и прочее?

ЕЛЕНА.

Именно это и прочее...

ПРОТАСОВЪ.

Ишь, какой... художникъ! Ну, а ты что же говорила?

ЕЛЕНА.

Много... разное...

ПРОТАСОВЪ.

Но—ты сказала ему, что любишь меня?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, не сказала...

ПРОТАСОВЪ.

Это — напрасно. Надо было сказать... нужно было сразу сказать: я люблю Павла, т. е., мужа! Послѣ этого онъ, разумеется, долженъ былъ бы... мм... н-да! Ну, это я ужъ не могу рѣшить, какъ бы онъ поступилъ въ данномъ случаѣ... да это, въ сущности, и не важно!..

ЕЛЕНА.

А что по-твоему важно?

ПРОТАСОВЪ.

Чтобы подобный фактъ не повторялся...

ЕЛЕНА.

Павель! Ты говорилъ о немъ и кое-что даже пытался рѣшать за него... ты выразилъ желаніе, чтобы... все это впродъ не тревожило тебя... а гдѣ же я?

ПРОТАСОВЪ (безпокойно).

Т.-е., какъ? Что ты хочешь сказать?

ЕЛЕНА.

Не много. Я чувствую, что не нужна тебѣ. Въ твоей жизни я не играла никакой роли. Ты далекъ и чуждъ мнѣ. Кто я для тебя? Ты никогда не спрашивалъ, чѣмъ я живу, что думаю...

ПРОТАСОВЪ.

Не спрашивалъ? Но... мнѣ некогда разговаривать, Лена! И — почему ты сама не сказала...

ЕЛЕНА.

Я не хочу просить, какъ нищая, того, что я должна имѣть по праву моему, человѣка и жены твоей... Я не могу просить, а требовать я не хотѣла... зачѣмъ насиліе?...

ПРОТАСОВЪ (съ отчаяніемъ).

А, чертъ возьми, какъ это тяжело! Какъ не нужны всѣ эти недоразумѣнія... объясненія... какъ они обидны!

ЕЛЕНА.

Ты—не волнуйся. Видишь ли, я рѣшила уйти отъ тебя... рѣшила это твердо, и мысленно уже простилась съ тобой.

ПРОТАСОВЪ (пораженъ).

Лена, — нѣтъ! Куда уйти? Зачѣмъ? Ты... любишь Дмитрія? Да? да?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ. Не такъ, чтобъ быть его женой...

ПРОТАСОВЪ (радно).

Какъ это хорошо! Но все-таки меня-то ты уже не любишь? Скажи! Скорѣе, Лена!

ЕЛЕНА.

Зачѣмъ тебѣ знать это?

ПРОТАСОВЪ (искренно).

Ахъ, да вѣдь я тебя люблю...

ЕЛЕНА.

Полно, Павель...

ПРОТАСОВЪ (убѣжденно).

Честное слово, Лена! Но мнѣ такъ некогда... Послушай, вѣдь это не серьезно у тебя!.. Я понимаю, ты обижена... прости, извини, забудь! Вѣдь если ты уйдешь, я буду думать, гдѣ ты, что съ тобой... а мои работы? Ты меня изувѣчишь, Лена... какъ же мои работы? Вѣдь или работать, или думать о тебѣ...

ЕЛЕНА (съ горечью).

Провѣрь свои слова: ни слова обо мѣ... ни одного слова, мой другъ!

ПРОТАСОВЪ
(опускаясь на колѣни).

Какъ ни слова? Да я же говорю, что не могу жить безъ тебя... Лена, пусть я виноватъ, — прости меня! Не мѣшай мнѣ жить... жизнь—коротка, а въ ней такъ много интересной работы!

ЕЛЕНА.

А для меня? Что въ ней есть для меня? (Прислушиваясь) Подожди...

(На лѣстницѣ шаги, торопливые и громкіе. Протасовъ пугливо вскакиваетъ. Сбѣгаетъ Лиза, ея глаза широко открыты, и въ нихъ—ужасъ. Шевелить губами, дѣлаетъ знаки руками,—не можетъ говорить)

ПРОТАСОВЪ.

Лиза! Что ты?

ЕЛЕНА.

Воды! Дай воду!

ЛИЗА.

Убѣ! Послушайте... сейчасъ случилось несчастье...

Повѣрьте мнѣ, я знаю... такая тоска, вдругъ... сердце точно умираетъ! Случилось несчастье гдѣ-то... съ кѣмъ-то близкимъ...

ЕЛЕНА.

Полно, успокойся... тебѣ почудилось...

ЛИЗА (кричитъ).

Повѣрьте мнѣ... повѣрьте! (Падаетъ на руки брата.)

З а н а в ѣ с ъ.

Дѣти солнца.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Обстановка второго дѣйствія. Полдень. Позавтракали, поданъ кофе. Романъ, въ красной рубахѣ, чинить рѣшетку сада. Луша, стоя у террасы, смотреть на него. Въ комнатахъ смѣется Протасовъ.

ЛУША.

Ты какой губернии?

РОМАНЪ.

Рязанской.

ЛУША.

А я—калужская...

РОМАНЪ.

Ничего... что-же?

ЛУША.

Страшный ты больно...

РОМАНЪ (ухмыляется).

Чего—страшный? Что борода? Это ничего! Я вдовый... жениться надо...

ЛУША

(подходя ближе).

А правду въ лавочкѣ говорили, будто баринъ-то мой чернокнижникъ?

РОМАНЪ.

Можетъ, и чернокнижникъ... Господа — они способны...

ЛУША.

Боюсь я... больно они всё ласковые... такіе ласковые,—будто и не господа!

РОМАНЪ.

Вотъ тоже, которые деньги фальшивыя дѣлають...

ЛУША

Ну?

РОМАНЪ.

Ну, ничего... Въ каторгу за это ихъ...

(Протасовъ и Лиза выходятъ изъ комнаты)

ПРОТАСОВЪ.

Вотъ и чудесно! Пей свое молоко...

ЛИЗА

(съ гримасой, устало).

Зачѣмъ этотъ мужикъ въ красномъ?

ПРОТАСОВЪ.

Такъ ему нравится... Знаешь, Лена—это такая славная, умная женщина...

ЛИЗА

(мѣшаетъ ложкой молоко).

Да?

ПРОТАСОВЪ

(ходить по террасѣ).

Да, Лиза, да! Повѣрь мнѣ... А это вотъ новая горничная... вотъ какая! Васъ какъ зовуть?

ЛУША (робѣя).

Насъ? Лукерей...

ПРОТАСОВЪ.

Ага... Лукерья... гм! Вы—грамотная?

ЛУША.

Нѣту... Молитвы знаю...

ПРОТАСОВЪ

А... вы—замужняя?

ЛУША.

Нѣтъ еще... дѣвицы мы...

ПРОТАСОВЪ.

Вы, очевидно, прямо изъ деревни?

ЛУША.

Прямо... мы прямо...

ПРОТАСОВЪ.

Это хорошо... ну, вотъ, живите у насъ... мы люди простые... у насъ, знаете... забавно!

ЛИЗА (улыбаясь).

Какой ты всегда смѣшной, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ.

Смѣшной? Ну, что-жь!.. Знаешь, Лиза, вотъ и Лена говоритъ тоже... ты, вообще, права... Мы всѣ, дѣйствительно, далеко стоимъ отъ простыхъ людей... и надо что-то дѣлать, надо, чтобъ они подошли ближе къ намъ... Елена прекрасно говорила объ этомъ... такъ просто, доказательно... Я—пораженъ, — такое богатство ума и сердца было около меня, а я не зналъ! И не умѣлъ пользоваться. Во мнѣ, очевидно, есть что-то тупое, ограниченное...

ЛИЗА.

Полно! Просто ты не замѣчаешь людей...

ПРОТАСОВЪ.

Да, да! Что-то есть. Вчера, когда мы тебя уложили, я часа три говорилъ съ Леной... Потомъ мы послали за Дмитриемъ... Ты знаешь, онъ... ахъ, да объ этомъ не надо говорить...

ЛИЗА.

О чемъ?

ПРОТАСОВЪ.

Да... тамъ... Дмитрій, будто-бы, влюбился въ Елену... т.-е., это онъ-же самъ и говорить... Но я ему не вѣрю... и она тоже... Елена великолѣпно говорила съ нимъ... знаешь, какъ умная и любящая мать... И это было трогательно... такъ что всѣ мы плакали... Знаешь, Лиза... какъ легко и приятно жить, если люди понимаютъ и уважаютъ другъ друга! Мы всѣ трое будемъ друзьями...

ЛИЗА (горько).

Трое? А я?

ПРОТАСОВЪ.

И ты, конечно! Разумѣется, и ты... Мы всѣ, Лиза, будемъ друзьями, будемъ работать, накопимъ для людей много сокровищъ чувства и мысли, и, гордые со знаніемъ, что вотъ мы—мы!—сдѣлали много важнаго и нужнаго для людей, уйдемъ изъ жизни, приятно усталые, спокойно примиренные съ необходимостью уйти... какъ это славно, Лиза! Какъ это ясно, просто!..

ЛИЗА.

Люблю, когда ты говоришь такъ... люблю тебя, и жизнь мнѣ кажется такой, какъ ты ее рисуешь — простой, красивой... Но когда я—одна... а я—всегда одна...

ПРОТАСОВЪ.

Не надо быть грустной, Лиза, а? Вчера тебѣ пред-
ставилось... это все только больные нервы...

ЛИЗА (пугливо).

Не говори мнѣ о болѣзни! Не говори... Дайте мнѣ
забыть ее... Мнѣ это нужно, необходимо... Довольно...
я тоже хочу жить... я имѣю право жить!

ПРОТАСОВЪ.

Ты—не волнуйся... (Идетъ Елена) Вотъ и Лена... вотъ
моя Лена, мой добрый и немножко... суровый, строгій
другъ...

ЕЛЕНА.

Ну, полно... не надо! (Указываетъ глазами на Лизу)

ЛИЗА (нервно).

Елена! Ты вѣдь его любишь, да?

ЕЛЕНА (смущаясь).

Ну, да, конечно...

ЛИЗА.

Какъ я рада!.. А мнѣ казалось...

ЕЛЕНА.

Мнѣ бывало порой тяжело... безумно тяжело! Вѣдь
этотъ господинъ—незамѣтно для себя и вовсе не же-
лая—такъ можетъ оскорбить...

ЛИЗА (возбужденно).

Подожди!.. Я—тоже... я люблю Бориса Николаевича...
вчера я ему отказала... совсѣмъ, совершенно! а вече-
ромъ мнѣ вдругъ почудилось, что съ нимъ... произошло
кое-то несчастье... какой-то ужасъ... съ нимъ! Онъ
въ всѣхъ ближе мнѣ... ближе всѣхъ васъ... И вчера

я узнала, что люблю его... что онъ мнѣ нуженъ... и я не могу безъ него!..

НАЗАРЪ

(кричитъ гдѣ-то на дворѣ).

Романъ!

РОМАНЪ (легромко).

Чего?

ЛИЗА.

Онъ такой... упрямый! Вѣдь онъ славный... да?

ЕЛЕНА (цѣлуя ее).

Милая Лиза... желаю тебѣ счастья... Немножко счастья—это такъ нужно всѣмъ намъ...

ЛИЗА.

Какія у тебя горячія губы...

ПРОТАСОВЪ.

Ну—поздравляю! Это, ты увидишь,—чудесно подѣйствуетъ на тебя! Нормальная жизнь—это очень важно! И Чепурной... онъ мнѣ нравится!.. Онъ—несравненно умнѣ своей сестры...

НАЗАРЪ (кричитъ).

Романъ, чортъ!

РОМАНЪ.

Я говорю—чего?

ЛИЗА.

Теперь я спокойна... Мы съ нимъ уѣдемъ въ степь куда-то... онъ любитъ степь... Мы будемъ съ нимъ одни—совсѣмъ одни!—ходить по зеленой пустынѣ... и все будетъ видно вокругъ насъ... все и—ничего!

НАЗАРЪ

(выходить изъ-за угла дома).

Романъ! Я тебя зову или нѣтъ?

РОМАНЪ.

Я слышу... чего-же?

НАЗАРЪ.

Обломъ! Запри, стунай, ворота и калитку... Мое почтеніе, Павелъ Федоровичъ!.. Какъ здравствуете?

ПРОТАСОВЪ.

Великолѣпно!.. Что это вы запираете?

НАЗАРЪ.

Не слышали развѣ? Волненіе идетъ въ народѣ... по случаю болѣзни этой... Народъ такъ понимаетъ, что болѣзни вовсе нѣтъ... а, дескать, господа доктора для практикы... стараются...

ПРОТАСОВЪ.

Какая дикая ерунда!..

НАЗАРЪ.

Конечно-съ... извѣстно -- народъ! Такъ о немъ и выражаются — подлый народъ! Выдумываетъ все, по дикости своей... дескать, докторовъ много, работы— нѣтъ имъ... ну они и—того... На всякій случай—для охраны имущества и покоя--я и велѣлъ ворота запелить...

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, положительно только у насъ возможна подобная пелѣвость!

НАЗАРЪ.

Что и говорить!.. Вчера, будто, одного доктора помяли...

ЛИЗА.

Какого? Фамилія... вы не знаете фамиліи?

НАЗАРЪ.

Не знаю-сь...

ЕЛЕНА.

Лиза!.. Что ты? Вѣдь Борисъ Николаевичъ не докторъ...

ЛИЗА.

Да... онъ не докторъ..

ЕЛЕНА.

Идемъ отсюда... (Уводитъ ее въ комнаты)

НАЗАРЪ.

Напугалъ я барышню-то... Павелъ Федоровичъ! А что—господинъ Чепурновъ не говорилъ съ вами...

МИША

(является изъ-за угла).

Папаша! Тамъ подрядчикъ пришелъ... Честь имѣю!

ПРОТАСОВЪ.

Здравствуйте...

НАЗАРЪ.

А я скажу—до пріятнаго свиданія! (Уходитъ)

МИША.

Пріятный день... не жарко...

ПРОТАСОВЪ.

Да... пріятно!

МИША.

Позволю себѣ спросить васъ: дѣвушка у васъ служила,—ушла она?

ПРОТАСОВЪ.

Да, ушла...

МИША.

Говорять, замужъ она выходитъ и, будто, за богатаго?

ПРОТАСОВЪ.

Не знаю... какъ мнѣ знать?

МИША.

А что она была—честная дѣвушка?

ПРОТАСОВЪ.

Безусловно! Только—не ловкая... Очень много била посуды...

МИША.

И-да... скажите! Гм... А что, Павелъ Федоровичъ, папаша мой ничего съ вами не говоритъ о химическомъ заводѣ?...

ПРОТАСОВЪ (удивленно).

О заводѣ? Нѣтъ! О какомъ, собственно, заводѣ?

МИША.

А видите-ли, есть у насъ идея: выстроить химическій заводъ, а васъ взять управляющимъ...

ПРОТАСОВЪ.

Позвольте... какъ это—взять? Что я—мѣшокъ? Вы нѣсколько странно выражаетесь...

МИША.

Пардонъ! Но—дѣло не въ словѣ... оно глубже... Мы—т.-е., я и папаша—относимся къ вамъ лично съ большимъ вниманіемъ...

ПРОТАСОВЪ (сухо).

Весьма тронуть...

МИША.

Средства ваши намъ извѣстны, и мы знаемъ, что въ скорости вамъ, вѣроятно, придется мѣсто службы искать... А служить—это такъ трудно... тѣмъ болѣе—вамъ...

ПРОТАСОВЪ.

Гм... да! Вы, пожалуй, правы...

МИША.

Вотъ я и папаша, оцѣнивъ ваши способности и знанія, видя, что вы человѣкъ для компаніи удобный, рѣшили сдѣлать вамъ такое предложеніе: составьте намъ смѣту на оборудованіе завода...

ПРОТАСОВЪ.

Но—позвольте! —я совершенно не умѣю составлять смѣты... никогда не составлялъ! И техническая химія меня не интересуешь... Я очень благодаренъ за вашу любезность...

МИША.

А техникой не интересуетесь?

ПРОТАСОВЪ.

О, нѣтъ... это скучная вещь... это не для меня!

МИША

(смотрятъ на него, сожалья).

Вы серьезно?

ПРОТАСОВЪ.

Совершенно серьезно...

МИША.

Очень жаль... Но вы—на мой взглядъ—должны будете передумать... а пока—до свиданія!

(Уходитъ. Елена идетъ изъ комнаты)

ЕЛЕНА (тревожно).

Павель!..

ПРОТАСОВЪ.

Что?

ЕЛЕНА.

Мнѣ кажется, Лиза серьезно заболѣла...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, это у нея всегда такъ послѣ припадковъ... ничего! А я сейчасъ говорилъ съ этимъ... сыномъ домохозяина... Такой антипатичный малый и—представь себѣ!—обнаружилъ прямо-таки трогательное вниманіе ко мнѣ... Правда, въ формѣ нѣсколько грубой... но все-таки—предлагаетъ составить какую-то смѣту и, вообще...

ЕЛЕНА.

И вообще хочеть использовать тебя, какъ орудіе для своего обогащенія... Я знаю ихъ намѣренія, старикъ говорилъ со мной... Что это—тебѣ холодно?

ПРОТАСОВЪ.

Почему? Нисколько!

ЕЛЕНА.

Зачѣмъ же ты надѣлъ галюши?

ПРОТАСОВЪ
(смотреть на ноги).

Дѣйствительно... галоши! Когда это я ихъ надѣлъ?
Странно... Я не знаю, право, какъ это они...

ЕЛЕНА.

Можетъ быть, это новая горничная такъ подала тебѣ
обувь... а ты не замѣтилъ...

ПРОТАСОВЪ.

Да, ты ее, пожалуйста, не пускай ко мнѣ... я ее—
боюсь, она такая дикая! Еще перебьетъ у меня все...
или оболетъ чѣмъ-нибудь... Утромъ я засталъ ее: мо-
чить себѣ голову перекисью водорода, очевидно, ду-
мала, что это одеколонъ... (Беретъ ее за руки) Милая моя
Ленка... какъ ты меня вчера... измучила!

ЕЛЕНА.

Въ нѣсколько минутъ? А я мучилась мѣсяцы...
годы...

ПРОТАСОВЪ.

Ну-ну, не надо...

ЕЛЕНА.

Если-бъ ты зналъ, какъ унизительно любить, когда
не чувствуешь твоей любви! Ты дѣлалъ изъ меня ни-
щую, заставляя меня ждать твоего вниманія и ласки...
какъ это обидно—ждать ласки!.. Твоя душа—такая
свѣтлая... милая твоя голова много думаетъ о великомъ,
но мало о лучшемъ изъ великаго—о людяхъ...

ПРОТАСОВЪ.

Все это—прошло, Лена!... Все уже прошло... Только
вотъ... Дмитрій... мнѣ, право, жаль его... Кто-то звонить...

ага! ворота заперты! Вѣроятно, Дмитрій... я бы хотѣлъ, чтобъ это былъ Чепурной... ради Лизы, конечно!

ЕЛЕНА (плутовато).

Ради Лизы? да?

ПРОТАСОВЪ.

Ну, Лена... неужели ты меня подозрѣваешь въ ревности и... прочее...

ЕЛЕНА (торжественно).

О, конечно, нѣтъ! Ты? Ты, для котораго, кромѣ науки...

ПРОТАСОВЪ.

Вдругъ я тебя побью, Ленка, а? (Хочетъ поцѣловать ее. Видитъ, къ террасѣ идетъ Меланія. Сконфуженъ. Говоритъ озабоченно) Ты, Лена... пришла... и у тебя на плечѣ какое-то перо...

МЕЛАНІЯ

(улыбаясь виновато).

Здравствуйте...

ПРОТАСОВЪ

(преувеличенно радъ).

Меланія Николаевна! Вы... васъ такъ давно не видать!

МЕЛАНІЯ.

Гдѣ-же давно? Вчера была... а вы уже запомнили это?

ПРОТАСОВЪ.

Ахъ... да! Нѣтъ, какъ-же... я помню...

МЕЛАНІЯ.

А я думала, вы посмѣтетесь надо мной за вчерашнее-то...

ПРОТАСОВЪ (торопливо).

Ну, что вы! Это—пустяки! (Спохватился) Т.-е., я хотѣлъ сказать, это съ каждымъ можетъ случиться...
(Окончательно теряется)

ЕЛЕНА.

Ты ужь лучше не говори, Павелъ...

МЕЛАНІЯ
(любовно и грустно).

Эхъ вы!..

ПРОТАСОВЪ.

Д-да! Я ужь... не буду! Пойду... сниму галоши...
Чортъ знаетъ, зачѣмъ они?

МЕЛАНІЯ
(грустно усмѣхаясь).

Вотъ онъ—пустяки, говорить... Я всю душу передъ нимъ открыла... а онъ—это, говорить, со всякимъ можетъ случиться... точно я на мозоль наступила ему!

ЕЛЕНА.

Не обижайтесь на него, Меланья Николаевна!

МЕЛАНІЯ (искренно).

Голубушка моя! Мнѣ-ли обижаться на него? Я вотъ всю ночь не спала, все ходила по комнатамъ—думала: какъ это осмѣлилась я говорить съ нимъ? Знаете что? Была у меня все-таки мысль: деньгами привлеку! Кто противъ большихъ денегъ устоять можетъ?—думаю... А онъ не соблазнился...

ЕЛЕНА.

Забудьте это... (Лиза медленно идетъ) Ты что, Лиза?

ЛИЗА (тоскливо).

Бориса Николаевича нѣтъ?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ еще... не приходилъ...

ЛИЗА.

Нѣтъ... (Уходитъ въ комнаты)

МЕЛАНІЯ.

Не поздоровалась со мной... И какая блѣдная!

ЕЛЕНА.

Вчера припадокъ былъ...

МЕЛАНІЯ.

Опять? Бѣдняга... Вы говорите, чтобы я забыла, нѣтъ, не забуду! Не надо забывать: забуду, снова выкину что-нибудь этакое-же... Родная вы моя! Ахъ, и подлая я бабенка! Нахальная, испорченная... мыслей у меня не много, и всѣ онѣ — не прямыя, а такъ, какъ червяки, — во всѣ стороны виляютъ... И не хочу я этихъ мыслей, не хочу!.. Я хочу быть честной... надо мнѣ честной быть... а то я столько зла могу сдѣлать...

ЕЛЕНА.

Хотите, — значить, будете! Какой тяжелой, уродливой жизнью жили вы... Вамъ надо отдохнуть, забыть о прошломъ...

МЕЛАНІЯ.

Мнѣ было тяжело... Богъ это знаетъ! Какъ били меня... но не бока, не щеки я жалѣю, — душу жалко!

Душу исковеркали мнѣ... сердце мое выпачкали... Вѣрять въ хорошее—трудно мнѣ, а безъ этой вѣры—какая жизнь? Вонъ—Борисъ надо всѣмъ смѣется, ни во что не вѣрять... что-же онъ? Какъ песь бездомный... Вотъ вы тогда сразу повѣрили мнѣ. Удивилась я... Обманываетъ, думаю... А вы приласкали, разъяснили мнѣ меня...

ЕЛЕНА.

Будеть, хорошая моя...

МЕЛАНІЯ.

И какъ вы хорошо, просто какъ... Вѣрно, не я, баба, люблю его, а я, человѣкъ... Человѣка-то я въ себѣ и не чувствовала... въ человѣка я не вѣрила...

ЕЛЕНА.

Какъ я рада, что вы поняли это!

МЕЛАНІЯ.

Сразу поняла. А все-таки—дай, молъ, попробую, можетъ, и куплю себѣ забавнаго барина въ мужья? Вѣдь вотъ подлая!

ЕЛЕНА.

Не говорите такъ о себѣ... Надо уважать себя,—безъ этого нельзя жить... Мнѣ приласкать васъ хочется...

МЕЛАНІЯ.

Да, приласкайте! Подайте милостыньку Христа ради богатой бабѣ-торговкѣ...

ЕЛЕНА.

Не надо такъ, не надо! И—не плачьте...

МЕЛАНІЯ.

Ничего, пускай душа омоется... Елена Николаевна,

пріютите вы меня... Научите вы меня чему-нибудь доб-
рому, хорошему... Вы умная, вы можете... (Лиза идетъ)
Лизавета Федоровна, здравствуйте!

ЛИЗА

(молча подаетъ руку).

Онъ еще не пришелъ, Елена?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ. Что съ тобой?..

ЛИЗА.

Нѣтъ?

ЕЛЕНА.

Тебѣ нехорошо?

ЛИЗА

Нѣтъ... такъ, тоска... Нѣтъ! (Идетъ въ садъ)

МЕЛАНІЯ.

Кого она ждетъ?

ЕЛЕНА.

Бориса Николаевича... Вы знаете: они женихъ и не-
вѣста...

МЕЛАНІЯ.

Вотъ—Господи! Значитъ, я—родня Павлу-то Федоро-
вичу буду? И—вамъ? Ахъ, Борисъ... Лиза-то... милая! Я
пойду къ ней,—можно?

ЕЛЕНА.

Пожалуйста...

МЕЛАНІЯ

(оживленно, радостно).

Нѣтъ, какъ все устраивается! Что-то ужъ очень хорошо... Дайте—я васъ поцѣлую... (Антоновна выходитъ) Пойду къ ней, въ садъ... Здравствуй, няня, здравствуй, милая... (Идетъ)

АНТОНОВНА.

Здравствуйте... Чего-же эта лошадь, новая-то горничная, не убираетъ со стола?.. Взяли горничную изъ конторы... надо самимъ нанимать, а не черезъ контору.

ЕЛЕНА

(береть ее за плечи).

Не ворчите, няня,—сегодня такой свѣтлый день...

АНТОНОВНА.

Весной и должны быть теплые дни... а порядку — всегда время... Она вонъ, эта новая-то, какъ сѣла давеча чай пить, такъ одна цѣлый самоваръ и выхлебала... совсѣмъ какъ лошадь!

(Вагинъ идетъ)

ЕЛЕНА.

Вамъ жалко воды...

АНТОНОВНА.

Воды мнѣ не жалко... А вотъ сахаръ она грызетъ, какъ рѣпу... да... (Идетъ въ комнаты, захвативъ что-то со стола)

ЕЛЕНА.

А, здравствуйте, рыцарь!..

ВАГИНЪ (смущень).

А руку поцѣловать можно?

ЕЛЕНА.

Почему-же нельзя?

ВАГИНЪ (вздыхая).

Да такъ ужь...

ЕЛЕНА.

Какъ вы вадыхаете... О страдалецъ...

ВАГИНЪ (задѣтъ).

Смотрю я на васъ... и знаете, что мнѣ приходитъ въ голову?

ЕЛЕНА.

Это—интересно... Что-же?

ВАГИНЪ

Вы пользовались мной для того, чтобъ Павелъ обратилъ на васъ свое милостивое вниманіе... Это ловко сдѣлано!

ЕЛЕНА.

Рыцарь! Какой тонъ... „Вы пользовались мной“... Что это? „Ловко сдѣлано“!

ВАГИНЪ (съ горечью).

Вы дали мнѣ урокъ, какъ мальчишкѣ...

ЕЛЕНА (серьезно).

Дмитрій Сергѣевичъ... я не люблю слушать вздора...

ВАГИНЪ

(задумчиво и просто).

Я чувствую, что сыгралъ какую-то... не очень умную роль... и это меня обижаетъ... И, вообще, я плохо себя чувствую... послѣ вчерашняго разговора... какъ-то го-

лова не въ порядкѣ... Елена Николаевна, скажите мнѣ правду...

ЕЛЕНА.

Развѣ нужно просить меня объ этомъ?

ВАГИНЪ.

Мнѣ хочется спросить васъ: вы никогда не увлекались мной?..

ЕЛЕНА.

Какъ мужчиной—никогда! Какъ человѣка — я васъ люблю серьезно и глубоко...

ВАГИНЪ (усмѣхаясь).

Это, должно быть, лестно мнѣ? Не понимаю я людей... не понимаю!.. А вотъ я люблю всю васъ... всю сразу! Вчера я почувствовалъ и понялъ, что женщина и человѣкъ такъ тѣсно спаяны, такъ неразрывно слиты въ одно красивое, круглое цѣлое... что мнѣ и стыдно стало, и жалко себя... И вчера я васъ полюбилъ...

ЕЛЕНА (съ досадой).

Снова то-же... зачѣмъ?

ВАГИНЪ

(просто и настойчиво).

Да, полюбилъ! На всю жизнь... и ничего я у васъ не прошу... Вѣроятно, я—женюсь и прочее тамъ... по положенію, а любить буду васъ... всегда! И достаточно объ этомъ... надоѣлъ я вамъ, да?

ЕЛЕНА

(протягиваетъ ему руку).

Я вѣрю вамъ... Мнѣ кажется, вы говорите правду...

ВАГИНЪ.

А раньше—никогда не чувствовали этой правды въ моихъ словахъ, нѣтъ?

ЕЛЕНА

(мягко улыбаясь).

Нѣтъ, никогда. Вѣдь какъ это случилось? Однажды, не сдержавъ себя, я вамъ пожаловалась на свое одиночество... Вы такъ прекрасно, просто отнеслись ко мнѣ... такъ чисто! У меня явилось большое, горячее чувство благодарности вамъ, а вы тогда—замѣтите!—тогда лишь только заговорили о любви...

ВАГИНЪ (вдумываясь).

Тогда лишь?... Васъ это... оскорбило?

ЕЛЕНА (улыбаясь).

Не знаю... можетъ быть, немного...

ВАГИНЪ

(съ досадой и грустью).

Нѣтъ я... не гениаленъ, мягко говоря! Я глупъ... не понимаю я людей!

ЕЛЕНА.

Оставимъ это... а? И будемте хорошими друзьями!..

ВАГИНЪ (усмѣхаясь).

По рукамъ! Что-жъ?

ЕЛЕНА.

Дайте вашу голову... (Цѣлуетъ его въ лобъ) Будьте свободны: для художника свобода такъ же необходима, какъ талантъ и умъ... Будьте правдивы... и не смотрите на женщинъ такъ плохо...

ВАГИНЪ

(тронуть, но сдерживается).

Дорогая моя, послѣдняго не нужно бы говорить... Спасибо вамъ! Вы вѣрно говорите: художникъ долженъ быть одинокомъ... Свобода—вѣдь это одиночество,—не такъ ли?

ЕЛЕНА.

Да... вѣроятно, такъ, мой другъ...

ВАГИНЪ.

Павелъ идетъ... слышу его нелѣпые шаги... (Протасовъ входитъ) Здравствуй ты... соперникъ...

ПРОТАСОВЪ.

А Меланія Николаевна ушла?

ЕЛЕНА.

Она въ саду съ Лизой... позвать ее?

ПРОТАСОВЪ.

Не финти, Ленка! Ты вонъ—взгляни: наша новая горничная собираетъ мыло ѣсть... Я попросилъ ее развернуть кусокъ, а она сорвала бумажки, спрятала ихъ въ карманъ и потомъ—лизнула языкомъ мыло...

ЕЛЕНА.

Что такое? (Идетъ въ комнаты)

ВАГИНЪ.

Оставь ее... пусть каждый наслаждается, какъ можетъ... А я тутъ снова объяснялся въ любви Еленѣ Николаевнѣ...

ПРОТАСОВЪ (тревожно).

Гм... Тебѣ, по моему, уѣхать надо... Дмитрій... уѣхать! И все пройдетъ...

ВАГИНЪ.

Я и уѣду... хоть знаю—не пройдетъ! Но ты не безпокойся...

ПРОТАСОВЪ.

Я—ничего... Только—неловко какъ-то...

ВАГИНЪ.

Счастливымъ быть неловко? Это, вѣроятно, дѣлаетъ тебѣ честь... хотя это и глупо...

ПРОТАСОВЪ.

Ты не сердись на меня, Дмитрій... Вѣдь это... Лена! Я не виновата... Что-жъ, если она меня любитъ, а не тебя...

ВАГИНЪ (усмѣхаясь).

О... какъ мило!

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, Дмитрій, ты меня вчера ужасно подавилъ... ты лучше меня... да, да! Я—какая-то планета съ неопредѣленной орбитой... вращаюсь около себя, куда-то лечу и—баста! А ты—вокругъ солнца... ты въ гармоніи системы...

(Лиза—идетъ изъ сада, за ней—Меланія. Елена изъ комнаты)

ВАГИНЪ.

Ну, какъ я тамъ вращаюсь, это мнѣ неизвѣстно... А тебѣ я совѣтую вращаться около жены... не теряй ее изъ виду...

ПРОТАСОВЪ.

Какъ все-таки хороши люди!

ЛИЗА (тоскливо).

Нѣтъ еще?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, дорогая моя... послать за нимъ?

ЛИЗА.

Не надо... нѣтъ... (Уходитъ въ комнаты)

МЕЛАНІЯ

(тихо и тревожно).

Господа! Она какъ будто заговаривается... говоритъ все о степяхъ, о пустыняхъ...

ЛИЗА (изъ комнатъ).

Меланья Николаевна... гдѣ-же вы?

МЕЛАНІЯ (убѣгая).

Иду, иду...

ЕЛЕНА.

Павель, она меня серьезно беспокоитъ... нужно позвать доктора...

ПРОТАСОВЪ.

Ну, что-же... я поѣду...

АНТОНОВНА (выходитъ).

Вамъ, Дмитрій Сергѣевичъ, письмо.

ВАГИНЪ.

Откуда?

АНТОНОВНА.

Съ квартиры... немедленно чтобы... (Уходитъ)

ВАГИНЪ.

Ну, что такое? (Рветъ конвертъ, читаетъ. Сильно пораженъ)
Чортъ побери! Господа... Чепурной... слушайте!

ЕЛЕНА.

Тише, тише,—Лиза... Что такое?

ВАГИНЪ (подавленно).

Уходя отъ васъ вчера, онъ смѣялся... шутилъ... честное слово! А теперь вотъ... (Читаетъ—неволью съ мало-россійскимъ акцентомъ и подражая голосу Чепурного) „А вотъ вамъ еще анекдотъ: ветеринаръ, и—удавился... Тоже захотѣлъ поддержать честь корпораціи, какъ тотъ англичанинъ. Спасибо вамъ за складку; пріятно все-же знать, что отъ тебя хоть какая-то морщина гдѣ-то осталась. Обращайте больше вниманія на красоту галстуха, это важно... Чепурной“.

ПРОТАСОВЪ.

Да это не серьезно-же!

ЕЛЕНА.

Тише! Какой анекдотъ? Что это? Можетъ быть, шутка?

ВАГИНЪ.

Нѣтъ... едва-ли... Онъ смѣялся, чортъ вовьми...

ЛИЗА

(быстро выходитъ, оглядывая всѣхъ).

Пришелъ? Гдѣ онъ?

ЕЛЕНА.

Онъ не приходилъ...

ЛИЗА.

А голосъ? Его голосъ?... Я слышала, онъ говорилъ сейчасъ... Что вы молчите? Гдѣ онъ?

ВАГИНЬ.

Это я... я говорилъ...

ЛИЗА.

Нѣтъ. Нѣтъ! Его голосъ...

ВАГИНЬ.

Я подражалъ ему... передразнивалъ...

ЛИЗА.

Зачѣмъ?

ВАГИНЬ.

Такъ...

ПРОТАСОВЪ.

Видишь ли, мы тутъ болтали... вдругъ...

ЛИЗА.

Что? Что вдругъ?

ЕЛЕНА.

Успокойся, Лиза..

ВАГИНЬ.

Я вспомнилъ его манеру говорить и сказалъ нѣсколько фразъ его голосомъ...

ЛИЗА.

Да? Это вы правду сказали? А почему они молчатъ?

Павель, ты что? Что-то случилось, да? Милый Павель, ты не умѣешь лгать... да? Что?

(Вагинъ незамѣтно уходитъ въ комнаты)

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ, Лиза... дѣло въ томъ, видишь-ли... это правда... т.-е., говорилъ Дмитрій...

ЕЛЕНА.

Послушай, Лиза, милая...

ЛИЗА.

Елена, не трогай меня... Павель, ты долженъ мнѣ сказать...

ПРОТАСОВЪ.

Я ничего не знаю...

ЛИЗА.

Что нужно знать? Елена, пошли за нимъ... за Борисомъ... сейчасъ-же!

ЕЛЕНА.

Да, да, сейчасъ-же! Успокойся...

ЛИЗА.

Нѣтъ, вы что-то лжете... А гдѣ Вагинъ? Онъ говорить съ его сестрой... и у нея лицо... лицо...

ПРОТАСОВЪ

(тихо, женъ).

Что дѣлать?

ЕЛЕНА (тихо).

Доктора... скорѣе...

ЛИЗА.

Я упаду... Держи меня, Елена... я упаду... Вы о чемъ шептались?

ЕЛЕНА.

Какъ успокоить тебя... Павелъ...

ЛИЗА.

Куда онъ побѣжалъ? Елена, ради Бога! Смотри мнѣ въ глаза... не лги, Елена, я умоляю... (Меланія изъ комнаты, за ней—Вагинъ) Куда вы? Гдѣ онъ, вашъ братъ? Борисъ?

МЕЛАНІЯ.

Я не знаю...

ЛИЗА.

Ну, сразу... говорите сразу, сразу—умеръ?

МЕЛАНІЯ.

Не знаю... не знаю я.... (Идетъ къ воротамъ)

ЛИЗА.

Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ-же! Да скажите мнѣ что-нибудь... вѣдь у меня сердце разрывается! Вѣдь если онъ умеръ, это я, я его убила... о нѣтъ!

ВАГИНЪ.

Позвольте, что за мысль...

МИША

(бѣжить къ террасѣ и съ оживленіемъ, близкимъ къ радости, кричить).

Господа! Вы знаете: ветеринаръ Чепурной...

ВАГИНЪ

(грозя кулакомъ).

Молчать, вы!..

МИША.

...повѣсился!

ЛИЗА

(вырывается изъ рукъ Елены и спокойно, внятно).

Вчера вечеромъ, около девяти?..

МИША.

Да, да... на ракетѣ, у рѣчки... А я думалъ, вы не знаете... (Уходить)

ЛИЗА

(широко открывъ глаза, смотреть на всѣхъ и негромко со странной важностью въ голосѣ).

Я это знала... помнишь, Елена? Я это чувствовала... (Тихо, съ ужасомъ) НѢТЬ! НѢТЬ! Вѣдь это не я... скажите, что не я убила... нѣтъ? (Кричитъ) Я не хотѣла... нѣтъ!

(Вагннъ и Елена берутъ ее на руки и несутъ въ комнаты. Она бьется и, все учащая темпъ, кричитъ только одно слово: „Нѣтъ!“ Изъ-за угла террасы, не торопясь выходитъ Романъ и заглядываетъ въ комнаты. Оттуда выбѣгаетъ Луша, испуганная)

ЛУША.

Послушай... какъ тебя? Рязанскій... чего это они дѣлаютъ?

РОМАНЪ.

А чего?

ЛУША.

Тащутъ барышню-то, а она говорить—нѣтъ!

РОМАНЪ.

Это она кричала?

ЛУША.

Она... а они ее и потащили... Боюсь я!...

РОМАНЪ (философски).

Чего-жь она кричить?

ЛУША.

Не знаю я... Вотъ такъ господа!

РОМАНЪ.

Кричать-то, пожалуй, не надо-бы... не велятъ это...

МИША

(поспѣшно является изъ-за угла).

Кто это кричалъ?

РОМАНЪ

(кивая головой на Лущу).

Вотъ у нихъ...

ЛУША (отмахиваясь).

Чего ты на меня? Это—у господъ...

МИША (строго).

Кто кричалъ?

ЛУША.

Барышня.

МИША

(присматриваясь къ ней).

Отчего?

ЛУША.

Они ее тащили...

МИША.

Кто?

ЛУША.

Они... которые... тамъ...

МИША

(хлопая ее по плечу).

Эхъ ты... колода дубовая! (Идетъ на террасу, Антоновна навстрѣчу) Что у васъ случилось, няня?

АНТОНОВНА.

Припадокъ, съ барышней...

МИША

(Роману и Лушѣ. Романъ медленно отходить къ изгороди сада и тамъ снова начинаетъ возиться).

Вотъ видите, черти! Отчего это, няня, а?

АНТОНОВНА.

Отъ Господа... все отъ Него!

МИША

(жоварно улыбаясь).

А, можетъ быть, отъ ветеринара?

(Удовлетворенный, исчезаетъ. Антоновна укоризненно смотритъ на него и, вздохнувъ, говоритъ съ сожалѣніемъ)

АНТОНОВНА.

Дурачокъ... Лукерья,—ты чего-же тутъ дѣлаешь? Иди въ комнаты...

ЛУША.

Нянька,—это какой припадокъ-то? Черная немочь, ю-ли?

АНТОНОВНА.

Да, да! А ты—иди...

ЛУША (идеть).

Ну, черная-то немочь—ничего! Я видѣла... А напугалась я, какъ потащили барышню-то...

(Романъ что-то мычитъ. Вагинъ выходитъ изъ комнату, нахмуренный. Прохаживается по террасѣ, поглядывая на Романа. Вынимаетъ альбомъ, карандашъ)

ВАГИНЪ.

Эй, дядя!

РОМАНЪ.

Это я?

ВАГИНЪ.

Ты. Постой такъ...

РОМАНЪ.

Для чего?

ВАГИНЪ (рисуетъ).

А вотъ... я тебя нарисую...

РОМАНЪ.

Ишь ты... Порчи мнѣ отъ этого не будетъ?

ВАГИНЪ.

Двугривенный будетъ.

РОМАНЪ.

Ну, это ничего...

ВАГИНЪ.

Голову выше подними...

РОМАНЪ
(задирая голову).

Можно...

ВАГИНЪ.

Ниже... куда ты?

РОМАНЪ.

Али хорошо показался?

ВАГИНЪ
(сквозь зубы).

Не дурень...

(Пауза. Изъ комнатъ порою доносится стонущій звукъ. Гдѣ-то далеко на улицѣ—смутный шумъ. Идетъ Меланія)

ВАГИНЪ.

Ну? Что?

МЕЛАНІЯ (глухо).

Видѣла... Страшный... синій... Языкъ высунуль и...
точно насмѣхается... страшень! Какъ Лиза-то?

ВАГИНЪ (угрюмо).

Вотъ—слышите?

МЕЛАНІЯ.

Что это началось? Такъ хорошо было...

ВАГИНЪ.

Почему именно—началось?

МЕЛАНІЯ.

Не знаю... Ничего не понимаю... только — страшно...
вы—рисуєте? Какъ это вы можете?

ВАГИНЪ (не грубо).

А вы—дышите? Не дышать—не умѣете?.. Ну, ладно, дядя... получи двугривенный!

(Бросаетъ деньги къ ногамъ Романа)

МЕЛАНІЯ.

Елена Николаевна одна тамъ? Пойду къ ней, можетъ, понадобится... О Господи... Надо хоронить Бориса и все... а я ни о чемъ не распорядилась... взглянула на него и поѣхала сюда... На улицахъ народъ чего-то шумить, бѣжить, суетится... а я ничего не понимаю... качается предъ глазами синее лицо его, и языкъ мнѣ показываетъ... смѣется все!

(Плачетъ и идетъ въ комнаты)

РОМАНЪ

(съ удовольствіемъ).

Гляди—барыня-то... заплакала. Чего она?

ВАГИНЪ.

Братъ померъ...

РОМАНЪ.

А—а! Ишь ты... Это—ничего... причина! А то бабы много зря плачутъ... Дашь ей по затылку, а она и реветъ... (Шумъ на улицѣ становится яснѣе. Глухіе крики. Гдѣ-то на дворѣ раздается пугливый крикъ Миши — „Романъ!“) Подождешь... (Прислушивается) Пожаръ, видно... а можетъ, бьютъ кого... Видно—вора... Тоже и вору тяжело бываетъ... Пойти, взглянуть...

(Елена выходитъ. Вагинъ вопросительно смотритъ на нее)

ЕЛЕНА

(очень взволнована).

Едва-ли она поправится...

ВАГИНЪ.

Ну, полноте!.. Развѣ это впервые у нея?

ЕЛЕНА.

Это—впервые. У нея явилась хитрость безумныхъ... Сначала она просила дать ей яду... потомъ, — какъ-то странно, вдругъ стала спокойнѣе... а въ глазахъ ея загорѣлся хитрый огонекъ звѣря...

ВАГИНЪ.

Дать вамъ воды?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ... Легла... Сказала мнѣ, что я раздражаю ее... Я вышла въ сосѣдную комнату... вдругъ, слышу — она тихо, тихо встала... идетъ... идетъ къ столу Павла... а тамъ, въ ящикѣ, лежалъ револьверъ... вотъ онъ! Я боролась съ ней... она царапала мнѣ руки... какъ звѣрь... она была, какъ звѣрь...

ВАГИНЪ.

Чортъ возьми... и вы не позвали меня... не крикнули!..

ЕЛЕНА.

Не понимаю... какъ мы не застрѣлили другъ друга... Теперь—она лежитъ... ее связали... Мнѣ помогала горничная... а няня—смотрѣла и плакала... и умоляла не трогать Лизу... потому что она дочь генерала... Какой шумъ... почему это шумять? Гдѣ-то близко...

ВАГИНЪ.

Дворникъ пошелъ узнать, что это...

ЕЛЕНА.

А Павла все еще нѣтъ? Что это?

(У воротъ дома—возня. Раздаются крики: „Держи его!“ „Ага-а!“ „Черезъ заборъ“... „Берегись, ребята“... „Ты палкой?“ „Вей его!“)

ЕЛЕНА (травожно).

Боже мой... идемте туда!

ВАГИНЪ.

Я—одинъ...

(Изъ-за угла дома къ террасѣ бросается докторъ, растрепанный, безъ шляпы)

ДОКТОРЪ.

Спрячьте меня... закройте двери...

ЕЛЕНА.

Докторъ... что съ вами?

ДОКТОРЪ.

Бьютъ... разбили баракъ... бьютъ... за воротами поймали... убьютъ...

(Вагинъ бросается къ воротамъ)

ЕЛЕНА.

Возьмите револьверъ...

ДОКТОРЪ.

Они вломятся и меня..

ЕЛЕНА

(в дѣтъ его въ комнаты).

Идите сюда... скорѣе! Няня... няня!

(У воротъ—громкій трескъ, сломали доску, хлопаетъ калитка, звенитъ разбитое стекло. Выскакиваетъ Протасовъ, на него глѣзетъ человекъ десять какихъ-то людей, онъ отмахивается отъ нихъ шляпой и носовымъ

платкомъ. Это ихъ забавляетъ, и нѣкоторые изъ нихъ—смѣются)

ПРОТАСОВЪ.

Вы—ослы! Идіоты... прочь!

ПЕРВЫЙ (изъ толпы).

Ты меня платочкомъ по мордѣ...

ВТОРОЙ.

Баринъ! Дай ему шляпой еще...

ТРЕТІЙ (злбно).

Я те покажу, какъ ругаться...

ВТОРОЙ.

Гдѣ докторъ? Ищи его, ребята...

ТРЕТІЙ.

И это докторъ... чего тамъ?

ВАГИНЪ
(гдѣ-то за угломъ).

Запирай ворота... Дворникъ, гони ихъ!..

ПРОТАСОВЪ.

Не смѣй меня толкать, дуракъ!

ВАГИНЪ.

Павель... Павель!.. Стойте! Буду бить... вонъ всѣ!

(Являются Егоръ и Яковъ Трошинъ. Егоръ немного выпивши, Трошинъ — пьянъ сильно. Егоръ бросается на Протасова и хватаетъ его за воротъ)

ЕГОРЪ.

Ага... химикъ! Попался?

ПРОТАСОВЪ (отталкивая).

Не смѣй...

ЕГОРЪ.

Ребята! Главный морило... Лекарство дѣлаетъ.

ПРОТАСОВЪ.

Врешь, болванъ! Я ничего не дѣлаю... Ко мнѣ! На помощь!

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Кричи громчѣе... не слышатъ!

(На террасу выбѣгаетъ Елена, видитъ свалку, выхватываетъ револьверъ, бросается къ мужу)

ЕЛЕНА.

Егоръ, пустите! Прочь, Егоръ...

ПРОТАСОВЪ.

Лена... Лена!..

ЕГОРЪ.

А—помнишь? Холера, значить, умирай? Помнишь, какъ ты...

ЕЛЕНА.

Я васъ убью...

(Съ появленіемъ Елены въ толпѣ раздается нѣсколько громкихъ возгласовъ: „Гляди, какая выскочила!“ „Эхъ — ты съ пистолетомъ...“ „Дай ей!“ „Сунься-ка“... „Ишь какая!“)

ЕГОРЪ.

Барыня... я- овдовѣлъ...

ЕЛЕНА.

Буду стрѣлять!

ЕГОРЬ.

И ты вдова будешь... удушю его!

(Елена стрѣляетъ... Немного раньше сзади толпы, окружавшей Егора, является Романъ. Въ рукахъ у него большой осколокъ доски. Не торопясь, онъ взмахиваетъ ею и бьетъ по головамъ людей. Дѣлаетъ онъ это молча, сосредоточенно, безъ раздраженія. Въ моментъ, когда Елена стрѣляетъ въ Егора, Романъ бьетъ его, и Егоръ, охнувъ, падаетъ, увлекая за собой Протасова. Елена идетъ на толпу, угрожая револьверомъ. Послѣ ея выстрѣла въ толпѣ рѣзкій поворотъ настроенія. Кто-то удивленно и негромко восклицаетъ: „Выстрѣлила“!.. „Гляди—упалъ“... „Ахъ, собака“... Кто-то бѣжитъ со двора и оретъ: „Ребята, убиваютъ!“ Другой спѣшить за нимъ, крича: „Не трусь... чего испугался? Баба вѣдь“. Отступаютъ почти всѣ)

ЕЛЕНА (въ самозабвеніи).

Прочь!... Буду стрѣлять... Дмитрій, гдѣ вы? Романъ... помогите мужу! Прочь!.. звѣри!..

(Романъ подходитъ къ Трошину, который сидитъ на землѣ около Егора, что-то бормочетъ, тормозитъ его, и бьетъ Трошина доской. Тотъ мычитъ и падаетъ. Вбѣгаетъ изъ-за угла Вагинъ, сильно потрепанный, видитъ подвигъ Романа)

ВАГИНЪ

(въ рукѣ у него кирпичъ).

Что ты, чортъ, дѣлаешь?

РОМАНЪ.

А чего?

ВАГИНЪ (къ толпѣ).

Елена... гдѣ Павелъ?

(Романъ бросилъ доску и присѣлъ на корточки около Протасова)

ЕЛЕНА

(приходя въ себя).

Его... онъ... упалъ... (Кричитъ) Онъ убитъ!

ВАГИНЪ.

Не можетъ быть...

МЕЛАНІЯ

(бѣжитъ, слышитъ крикъ Елены).

Кто убитъ? Врете...

ЕЛЕНА

(направляя револьверъ на Егора).

Это вотъ онъ... я его...

ВАГИНЪ

(выбиваетъ револьверъ).

Что вы? Опомнитесь!

МЕЛАНІЯ

(около Протасова).

Онъ живой. Павелъ Федоровичъ!..

ЕЛЕНА.

Воды... дайте воды!

ВАГИНЪ (Меланіи).

Идите... воды дайте! Елена, успокойтесь...

(Меланія бѣжитъ въ комнаты)

РОМАНЪ.

Ничего... всѣ живы... видишь, шевелятся... Такъ-ли бьютъ людей... и то живы остаются!

(Вагинъ и Елена поднимають Павла.
Онъ въ обморокъ. Романъ тормозитъ
Трошина)

ЕЛЕНА (со страхомъ).

Павелъ... Павелъ!..

ВАГИНЪ.

Это обморокъ...

РОМАНЪ.

Ну, вставай... не балуй! А то я и еще дамъ...

АНТОНОВНА (бѣжитъ).

Пашенька! Гдѣ Пашенька?..

ВАГИНЪ.

Не кричите, няня...

ПРОТАСОВЪ
(полусознательно).

Лена... ты? Они убѣжали?.. Ага...

АНТОНОВНА (Еленѣ).

Убили... не доглядѣли... что?

ЕЛЕНА (мужу).

Тебѣ больно? Гдѣ больно?..

(Егоръ очнулся, поднимаетъ голову, охаетъ)

АНТОНОВНА.

Берите его... несите его...

МЕЛАНІЯ
(несетъ воду).

Очнулся... Господи! Пейте... пейте!

ЕЛЕНА.

Скажи, гдѣ больно? Тебя сильно ударили?

ПРОТАСОВЪ.

Мнѣ... нигдѣ не больно... Онъ меня душилъ... этотъ, вотъ... (Приходить въ себя) Лена, ты... ничего? Мнѣ показалось, тебя ударили по головѣ... доской какой-то, сверху такъ...

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, нѣтъ... ты успокойся...

ВАГИНЪ.

А тебя... били?

ПРОТАСОВЪ.

Нѣтъ... не больно... Они, почему-то, все въ животь меня, чортъ ихъ возьми... А докторъ? Онъ... живъ?

МЕЛАНІЯ.

Живъ, живъ... Онъ—въ гостиной на диванѣ... плачетъ...

ЕЛЕНА

(замѣтивъ Антоновну, со страхомъ).

Няня... а Лиза?

АНТОНОВНА.

Развязала я ее... не могу я это видѣть...

ЕЛЕНА.

Гдѣ она? Гдѣ?..

АНТОНОВНА (со слезами).

Тамъ... Платье все разорвано было... Передѣла я ее...

ВАГИНЪ.

Что она дѣлаетъ?

АНТОНОВНА.

На карточку смотреть, на его...

ЕЛЕНА.

Идите къ ней, няня... прошу васъ, идите!

АНТОНОВНА.

Пашеньку-то уложить-бы... (Идетъ, оглядываясь)

ПРОТАСОВЪ.

Ничего, старуха... Просто испугался я...

МЕЛАНІЯ.

Голубчикъ вы мой...

(Егоръ, Трошинъ и Романъ—составляютъ другую группу. Романъ нѣсколько болѣе оживленъ и подвиженъ, чѣмъ всегда)

ПРОТАСОВЪ.

Меня? Нисколько! Я за нее испугался... мнѣ показалось, кто-то выстрѣлилъ... и потомъ — палкой по головѣ... или доской...

ЕЛЕНА

(съ гордостью).

Меня никто не коснулся... Идемъ въ комнаты...

ПРОТАСОВЪ.

Я очень успѣшно защищался, — жалко, что ты не пала этого! И, знаешь, Лена, напрасно я давеча снялъ тоши... я-бы ихъ галошами!

ВАГИНЪ

(съ улыбкой, Еленѣ).

Вы видите, онъ совершенно здоровъ...

ПРОТАСОВЪ (горячится).

Галошами, по глупымъ рожамъ... (Егору) Вы, милостивый государь...

МЕЛАНІЯ.

Ну, что съ нимъ говорить? Идите, лечь вамъ надо...

ПРОТАСОВЪ.

Позвольте...

ЕЛЕНА.

Подожди... Егоръ, я попала въ васъ?

ЕГОРЪ (глухо).

Нѣтъ... не попало... По головѣ меня кто-то...

РОМАНЪ (съ гордостью).

Это я!

(Елена съ напряженіемъ на лицѣ смотритъ на Егора и на всѣхъ)

ВАГИНЪ.

Если-бъ ты видѣлъ, какъ дѣйствовала вотъ эта мрачная машина... ужасъ!

ТРОШИНЪ.

Милостивые государи! Я тоже... контужень въ голову...

РОМАНЪ (счастливо).

И тебя я ударилъ...

ТРОШИНЪ.

Господа... прошу запомнить это...

ЕЛЕНА

(пристально всматриваясь въ лицо Егора).

Вамъ дать воды, Егоръ?..

ЕГОРЪ.

Водки-бы...

ПРОТАСОВЪ (Егору).

Вы... ужасно глупы, сударь мой...

ЕЛЕНА.

Оставь, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ.

Я никакихъ лекарствъ не дѣлаю, чортъ васъ возьми!

ВАГИНЪ.

Ну, перестань-же...

ПРОТАСОВЪ

(со слезами въ голосѣ).

Нѣтъ, подожди! Я хочу знать, за что онъ на меня бросился? Что я вамъ сдѣлалъ, Егоръ? Что?

ЕГОРЪ (глухо).

Ничего... не знаю я...

МЕЛАНІЯ.

Вотъ на судѣ узнаешь... мои другъ... тамъ тебѣ разкажутъ!

ПРОТАСОВЪ (съ досадой).

Ахъ, не надо! Какой судъ? Я такъ высоко цѣнилъ

вась, Егоръ... вы—прекрасно работаете... да! Но вѣдь
я хорошо платилъ вамъ? За что же вы...

ЕГОРЪ

(встаетъ, глухо и со злобой).

Не тронь меня, баринъ...

ЕЛЕНА

(твердо и настойчиво).

Оставь его въ покоѣ, Павелъ... прошу тебя!

ВАГИНЪ (Егору).

Вы ушли-бы...

ЕГОРЪ (грубо).

Знаю... Уйду...

(Уходитъ, нетвердыми шагами. Романъ и Трошинъ уже перешли къ изгороди сада, сидятъ тамъ на землѣ и пьютъ водку, принесенную Романомъ. Егоръ молча подходитъ къ нимъ, садится и протягиваетъ Роману руку)

МЕЛАНІЯ.

Смотрите, какой... звѣрь!

ЕЛЕНА.

Не трогайте его... Идемъ, Павелъ...

ПРОТАСОВЪ (волнуясь).

Нѣтъ, онъ возмутилъ меня... Въ немъ есть что-то...
отталкивающее... Люди должны быть свѣтлыми и ярки
ми... какъ солнце...

(На террасу выходитъ Лиза. На ней на-
дѣто бѣлое платье. Она красиво и странно
причесана. Идетъ медленно, какой-то торже-
ственной поступью; на ея лицѣ застыла не-
ясная, загадочная улыбка. Сзади ея Анто-
новна)

ЛИЗА.

Прощайте! Нѣтъ, не говорите ничего... Я рѣшила...
я уйду!.. Нѣтъ, нѣтъ, не надо возраженій... Я уйду
далеко и надолго... навсегда. Вы знаете? Вотъ:

(Она останавливается и негромко, съ
улыбкой, читаетъ написанное на оборотѣ
фотографической карточки Чепурного)

Милый мой идетъ среди пустыни

Въ знойномъ морѣ краснаго песка...

Знаю я, въ дали туманно-синей

Ждетъ его пустыня и тоска...

Солнце, точно чье-то злое око

Молча смотреть съ неба жгучимъ взглядомъ...

Я приду и встану съ милымъ рядомъ—

Трудно ему тамъ и одиноко!

(Напѣваетъ какой-то странный, унылый
мотивъ. Тихо)

Мой милый—строень и высокъ,

А я—красива и легка,

И оба мы, какъ два цвѣтка,

На красный брошены песокъ...

(Молчитъ. Вдохнувъ, читаетъ снова)

И вдвоемъ, объаты жгучимъ зноемъ,

Мы пойдемъ далеко по песку,

И въ пустынѣ мертвой мы зароемъ

Онъ—свои мечты... а я—тоску...

(Задумчиво смотреть на всѣхъ. Улы-
бается)

Вотъ и все. Это я—для Бориса... Вы его знаете, Бо-
риса?... Нѣтъ? (Идетъ въ садъ) Мнѣ очень жаль васъ...
мнѣ очень жалко...

(Антоновна, недружелюбно взглянувъ на
Елену, идетъ за ней)

ЕЛЕНА

(тоскливо и тихо).

Павель... Павель... ты понимаешь?

ПРОТАСОВЪ (удивлень).

Какъ это хорошо, Лена! Дмитрій, ты понялъ? Какъ это хорошо!

ВАГИНЪ (жестко).

А ты понялъ, что она сошла съ ума?..

ПРОТАСОВЪ (не вѣрять).

Развѣ, Лена?

ЕЛЕНА (негромко).

Идемъ... идемъ за ней...

(Всѣ трое идутъ въ садъ. У изгороди сидитъ Егоръ и съ угрюмой ненавистью въ глазахъ слѣдитъ за ними. Трошкинъ что-то невнятно бормочетъ, щупая голову и плечо дрожащими руками)

РОМАНЪ.

Ничего... Меня не такъ били... а я—вотъ онъ!.. Стало-быть, молчи... Живъ и—ладно...

ВАГИНЪ (задумчиво).

Одинъ... среди пустыни...

Въ знойномъ морѣ краснаго песка...

З а н а в ѣ с ѣ .

АЛЕКСАНДРЪ КИПЕНЪ.
БИРЮЧИЙ ОСТРОВЪ.

I.

Забродчикъ Гришка Лобовъ и заводскій прикащикъ Демка Шендерюкъ пьянствовали весь день и только къ вечеру собрались домой. Гришкѣ хотѣлось еще погулять на деревнѣ и онъ долго не соглашался сопровождать Демку. Шендерюкъ торопился, но не хотѣлъ идти одинъ по косѣ, мимо забродческихъ куреней. Его не любили тамъ, могли задрасться по случаю праздника и посчитать ребра. Кромѣ того, онъ рассчитывалъ, что Гришка доставитъ его на своемъ досчанникѣ къ Бирючему острову, гдѣ стоялъ рыбный заводъ Шестерикова.

Лобовъ угадывалъ Демкины мысли и сознавалъ преимущества своего положенія. Упершись спиной въ высокій плетень и разставивъ ноги, онъ на всѣ уговоры Демки отрицательно моталъ головой, щуриль глаза, куражился и фыркалъ:

— Хм...хха! Нешто я могу съ господиномъ прикащикомъ иттить! Это тебѣ, Демка, даже очемъ совѣстно, накажи меня Богъ! Какъ есть на тебѣ пальтонъ и шляпа, а я, напримѣръ, на головѣ картузь...

— Чего такое шляпа?—возражалъ Шендерюкъ, сдерживая досаду и раздраженіе.—Спориться черезъ ее, черезъ шляпу тоже нечего... Нешто я картузь не могу адѣть?.. хотя-что я прикащикъ... Чего тамъ, Гриша, ѣ-Богу? Пойдемъ!..

— Ты, Демка, вродѣ все одно какъ жуликъ мо-

сковскій, накажи меня Богъ! Который человекъ посторонній, тому ври, а я съ тобой давно ознакомился... настоящая ты есть сволочь и больше ничего!.. Иди одинъ!..

— Пойдемъ, Гриша...

— Нне пойду! Одинъ иди... Между прочимъ, наши ребята тебѣ угощенье вынесутъ... хха, ха, ха!..

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, закончившихся обѣщаніемъ купить на дорогу водки, Любовь, наконецъ, поколебался. Онъ нехотя отошелъ отъ плетня, громко плюнулъ и, заложивъ руки въ карманы, презрительно оглядѣлъ Демку.

— Ишь ты!—протянулъ онъ съ искреннимъ огорченіемъ:—анаеема, чтобъ ты лопнулъ! Слабости моей не жалѣешь... Чортъ!

Гришка замолчалъ, но черезъ минуту снова энергично выругался; потомъ онъ рѣшительно рванулся впередъ и пошелъ посреди улицы, подымая пыль и широко размахивая руками. Отъ этого у него все время воротались плечи и развѣвались полы поддевки. Прикащикъ молча шелъ рядомъ.

Бездомный и всегда пьяный старикъ Данило Бурьянъ, вертлявый и длинный, приплясывая, сопровождалъ ихъ до самаго выгона и протяжно гудѣлъ въ кулакъ:

— У-гу-гу-у! Гу-гу-гу-у!

У корчмы, на самомъ краю слободы, двое пьяныхъ мужиковъ что-то кричали дѣду, заливаясь сиплымъ, затыжнымъ смѣхомъ.

Сумерки набѣгали быстро. Улица вдругъ опустѣла. Въ низкихъ крестьянскихъ хатахъ зажглись огни, и надъ деревней разлилась тихая вечерняя отрада. Гдѣ-то за плетнемъ негромко и осторожно гоготали гуси.

II.

Лобову было не болѣе двадцати пяти лѣтъ, и лицо у него было красивое, смѣлое, съ большими глазами, добрыми и наивными. Шендерюкъ казался немного старше Гришки. Коренастый, приземистый, съ пухлыми щеками, косою и курносый, онъ сразу производилъ впечатлѣніе человѣка хитраго и злопамятнаго.

Лѣтъ десять назадъ Демку привезли на косу купцы, прїѣзжавшіе поздней осенью за рыбой. Мальчишка бойкій и расторопный, онъ сразу приладился къ дѣлу, сумѣлъ угодить купцамъ и понравился забродчикамъ. На слѣдующій годъ Демка снова пришелъ на косу, но уже среди лѣта, и мотался тамъ до самыхъ морозовъ. Онъ помогалъ забродчикамъ чинить снасть, волочилъ съ ними мелкую рыбу, работалъ усердно, безъ усталы, и за это его кормили. Осенью Демку опять наняли прїѣзжіе купцы, а къ зимѣ онъ ушелъ куда-то съ большою партией красной рыбы.

Съ тѣхъ поръ Шендерюкъ сталъ появляться на косѣ каждое лѣто и жилъ съ забродчиками, въ ожиданіи осеннихъ заработковъ. Приходилъ онъ всегда пѣшкомъ, оборванный и ожесточенный, затравленный голодомъ. Съ прїѣздомъ купцовъ Демка быстро „поправлялся“, съ удивительной энергіей принимался за работу и всячески угождалъ своимъ хозяевамъ. Когда же въ прошломъ году Шестериковъ сталъ строить заводъ на Бирючемъ островѣ, онъ какъ-то сразу сумѣлъ примазаться къ постройкѣ и поступилъ въ прикащики. Отъ легкаго житія Шендерюкъ раздобрѣлъ, разлѣнился, сталъ носить городскую одежду и сдѣлался очень заносчивъ.

Забродчики добродушно смѣялись надъ нимъ, а Гришка не давалъ ему прохода, всегда задиралъ и издѣвался.

— Ваше Благородіе, Демьянъ Корнѣичъ!—говорилъ, бывало, Лобовъ, низко кланаясь Демкѣ, при дружномъ хохотѣ забродчиковъ.—Съ почтеніемъ низкой поклонъ! Вчерась ради вашей милости дельфинъ попался... мокрый весь, толстый, какъ есть прикащикъ. Одна капля воды, накажи меня Богъ!.. Хотя-что, напримѣръ, безъ шляпы...

Демку разбирала злость, но онъ только хмурился и молча отходилъ прочь.

На косѣ Шендерюкъ бывалъ почти каждый день, не столько по дѣлу, сколько отъ скуки, такъ какъ заводъ еще не работалъ. Съ ранняго утра онъ уже торчалъ на берегу, угрюмый, неразговорчивый, курилъ цыгарки и слушалъ разговоры забродчиковъ, или спалъ въ тѣни большой, опрокинутой вверхъ дномъ, шаланды.

По вечерамъ онъ часто заходилъ къ Фролу Степанычу Грузнову, старому забродчику, недавно овдовѣвшему и жившему теперь только съ своей дочкой Варькой. Молодая, крѣпкая дѣвка, съ нѣсколько широкимъ лицомъ, загорѣлымъ и слегка веснуцатымъ, она привлекала Демку ласковой мягкостью движеній, чувственной, зовущей истомой, разлитой по всѣмъ членамъ ея гибкаго, упругаго тѣла. Влеченіе къ ней томило и волновало Демку, дразнило его ощущеніями недоступнаго счастья и возбуждало въ немъ то чувство слезливой, тающей нѣжности къ Варькѣ, то затаенную злую враждебность. У Фрола Степаныча Шендерюкъ нерѣдко встрѣчался съ Лобовымъ, который въ присутствіи Варьки доходилъ до крайней степени остроумія и безъ всякой жалости допекалъ прикащика. Сначала Варьку забавляло это, и она заливалась веселымъ, рассыпчатымъ смѣхомъ, отдававшимся въ душѣ Демки невыносимо жесткой обидой. Онъ обыкновенно отмалчивался въ такихъ случаяхъ, но лицо его каменѣло отъ злости, а глаза становились острыми и холодными. Однако, Шендерюкъ не терялъ надежды и былъ настойчивъ. Онъ

подкупалъ Варьку своей загадочной печалью и грустной покорностью, приносилъ подарки и угощенія, и дѣло кончилось тѣмъ, что она стала колебаться.

Замѣтивъ это, Любовь сразу растерялся, сдѣлался грубъ съ нею, часто приходилъ пьяный и лѣзъ въ драку съ прикащикомъ, такъ что ей не разъ приходилось ихъ разнимать.

Шендерюкъ былъ сдержанъ и не проявлялъ душившаго его злорадства. Гришка совсѣмъ потерялъ голову и возненавидѣлъ Демку. Непримиримые враги, они не торопились, однако, сводить счеты. Прикащикъ считалъ, что для этого еще не пришло время. Любовь надѣялся унизить врага передъ Варькой. Покуда же, вражда не мѣшала имъ встрѣчаться по воскресеньямъ въ деревнѣ и даже угощать другъ друга водкой.

III.

Они шли рядомъ, не говоря ни слова. Гришку раздражало молчанье прикащика. Сначала онъ ни за что не хотѣлъ начать разговоръ первымъ, но скоро забылъ объ этомъ рѣшеніи. Онъ сталъ каплять, плевать и, наконецъ, обнаружилъ явное нетерпѣніе:

— Ты чего молчишь, Демка?.. Должно, объ Варькѣ раздумался?..

Шендерюкъ насторожился.

— Я объ ей, Гришка, давно думать забылъ... но чтобы, напримѣръ, безъ женскаго пола, именно, что это даже просто невысказано... Демка не котъ, молока не пьетъ!—заявилъ онъ вдругъ съ вызывающей наглостью и цинично засмѣялся.

Любовъ недовѣрчиво фыркнулъ и повелъ плечами.

— Мое дѣло сторона!—сказалъ онъ:— я на нее, подлогу, глядѣть даже не желаю... Тоже плакать не стану, не бойсь! До меня, братъ, на деревнѣ дѣвки сами лѣ-

зуть, братъ не хочу... Накажи меня Богъ! Терпѣть я ихъ ненавижу...

Онъ помолчалъ и неожиданно прибавилъ:

— Однажды я тебѣ, Демка, ноги переломаю...

— Чудной ты, Гришка! За что?

— Извѣстно, за что... Сиди на острову, нечего тебѣ по косѣ шататься...

— Не хвались, Гришка. Сказано, никакихъ дѣловъ съ Варькой не имѣю. Что мнѣ съ ей? Дѣтей крестить?.. А что до дѣвокъ, именно, что я попутить люблю... тоже и ты охочій до нихъ; только у ихъ и разговоръ, что объ тебѣ...

Лобову было пріятно услышать отъ Демки такое признаніе. Ему вдругъ захотѣлось повѣрить тому, что говорилъ прикащикъ, и бодрое, веселящее чувство прошло въ немъ широкими волнами, точно оно было въ крови и разливалось по всему тѣлу.

— Подмазывайся! — сказалъ онъ, задыхаясь отъ охватившаго его волненія, и засмѣялся сдержаннымъ, счастливымъ смѣхомъ.

Шендерюкъ замѣчалъ пассивную радость Лобова и продолжалъ дразнить его грубой, насмѣшливой лестью. Онъ говорилъ очень долго, по нѣсколько разъ повторяя одно и то же. Лживыя, осторожныя слова ѣдкой отравой вливались въ сознаніе Гришки, который молча слушалъ Демку и уже не вѣрилъ ни одному его слову. Острое чувство досады расло въ немъ и обращалось въ страстную, ожесточенную ненависть къ прикащику.

— Молчи! — прохрипѣлъ онъ, наконецъ, потерявъ терпѣніе: — сатана, нечистая сила!..

Дико озираясь по сторонамъ, онъ вытащилъ изъ кармана бутылку и жадно сталъ пить водку, запрокинувъ назадъ голову.

Шендерюкъ засмѣялся тихо и вкрадчиво. Потомъ онъ сдержанно крякнулъ и, присѣвъ на корточки, началъ крутить цыгарку. На одно мгновеніе свѣтъ спички

скользнулъ по немъ краснымъ, мигающимъ отблескомъ задрожалъ на придорожныхъ бурьянахъ и сразу погасъ, точно въ испугъ шарахнулся куда-то въ сторону.

Одурманенный выпитой водкой, Любовь долго не могъ собраться съ мыслями. Разорванныя и безсвязныя, онѣ быстро смѣняли одна другую, возникая помимо его воли, исчезая и возрождаясь снова. Въ нихъ вплетались неожиданныя, навязчивыя слова, мелькали знакомыя черты, взгляды и усмѣшка Варьки. Сначала эти мысли угнетали его своей неопредѣленностью, мучили вельпой путаницей; потомъ онѣ поплыли тяжелыми, медленными клубами, похожими на скученныя, сизыя облака, и сдѣлались однообразными и монотонными... Вдругъ взгляды его скользнулъ по Демкѣ, и передъ нимъ сразу вырисовалась хищная фигура прикащика, присѣвшаго на корточки на краю дороги, точно притаившагося и подстерегавшаго добычу... Онѣ стали думать о Варькѣ, и ему отчетливо представлялись подробности ея встрѣчь съ Демкой, ихъ ласки, и слышался слащавый, подлый шопотъ прикащика... И каждый звукъ этого шопота отдавался въ немъ острой, колючей болью... тогда имъ овладѣвала неудержимая тоска и отчаянье; потомъ что-то неистово протестовало въ немъ противъ этой незаслуженной боли и закипала мстительная злоба... Воображеніе уже создавало картины будущей мести, и онѣ наслаждался своей выдумкой... Вотъ онѣ, окруженный слободскими дѣвками, съ гармошкой и пѣснями, проходить мимо Варьки и вовсе не глядитъ на нее, точно нѣтъ ея даже на свѣтѣ и нѣтъ на свѣтѣ никакого прикащика... напрасно она зоветъ его и дѣлаетъ ему какіе-то знаки... къ дьяволу!

Любовь быстро пошелъ впереди прикащика, все болѣе и болѣе увлекаясь своимъ мстительнымъ планомъ, идумывая къ нему новыя и новыя подробности... Потомъ ему вдругъ стало жалко себя и одинокую, покинутую Варьку...

Впереди уже слышался шумъ моря. По краямъ дороги дремали высокія ржанья нивы и исчезали въ ночномъ мракѣ, а въ темномъ небѣ дрожали звѣзды, загорались и меркли, и вновь разгорались яркимъ, лучистымъ сіяніемъ. У дальнихъ вѣтряковъ пастухи играли на рожкахъ, и нѣжные звуки степной пѣсни сливались съ оглушительной музыкой сверчковъ и кузнечиковъ, звенѣвшей надъ замирающими полями.

IV.

У самага моря степь обрывалась высокими, надтреснутыми кручами, источенными шурьими гнѣздами. Въ одномъ только мѣстѣ она сбѣгала внизъ легкимъ уклономъ и длинной, выгнутой стрѣлкой врѣзывалась въ море. Это и была Ѳедотова коса, сплошь заросшая красными, солончаковыми травами. Отсвѣчивая съ лѣваго берега узкой бахромой бѣлой пѣны, она терялась и пропадала въ морскомъ просторѣ, сливаясь съ теплой и влажной темнотой ночи.

Надъ дикой кручей, на бугрѣ, неяснымъ пятномъ одиноко свѣтлѣла большая изба Грузнова, и привычный взглядъ едва различалъ на ней почернѣвшую очеретяную крышу, съ громаднымъ, корявымъ гнѣздомъ аиста. Вдалекѣ, прорѣзывая мракъ то краснымъ, то бѣлымъ, ослѣпительно яркимъ глазомъ, мигалъ маякъ на Бирючемъ островѣ. Оттуда тянулся по водѣ узкій, сверкающій клинокъ, то холодный и острый, съ радужнымъ отливомъ, то ярко красный, точно облитый теплою кровью.

Забродчикъ Фроль Степанычъ Грузновъ жилъ здѣсь круглый годъ, лѣто и зиму. Высокій, плечистый старикъ, лѣтъ пятидесяти, съ обвѣтреннымъ, хмурымъ лицомъ и глубокими, длинными морщинами на щекахъ, онъ отличался большой физической силой, былъ строгихъ правилъ, не пилъ, зналъ грамоту.

Среди забродчиковъ Фроль Степанычъ пользовался уваженіемъ за свою прямоту и честность, считался хорошимъ хозяиномъ и удивлялъ всѣхъ своей необыкновенной памятью. Онъ зналъ наизусть много молитвъ и евангельскихъ текстовъ, всегда рассказывалъ забродчикамъ обо всемъ, что видѣлъ самъ или слышалъ отъ другихъ людей, или читалъ въ книжкахъ. Путая содержаніе различныхъ событій и смѣшивая прочитанное съ собственной выдумкой, Фроль Степанычъ особенно любилъ рассказывать о богатыряхъ, проѣзжавшихъ когда-то въ Азовскія степи, о дикихъ людяхъ и святыхъ старцахъ, всякій разъ дополняя рассказъ новыми подробностями. Онъ любилъ степь и море какой-то особенно нѣжной, родственной любовью и былъ связанъ съ ними самыми яркими воспоминаніями, превращенными его чуткой фантазіей въ чудесныя, сказочныя картины. Часто конскій черепъ или подкова, случайно найденные въ степи лѣтнимъ вечеромъ, или голубоватый парусъ далекаго судна въ морѣ, волновали его отдаленной загадкой, полной смутнаго, поэтического значенія. Тогда онъ приурочивалъ свою находку къ какому-нибудь старому преданію или выдумывалъ новую, длинную и запутанную сказку.

Большой каменный столбъ, стоявшій въ полѣ за избой Грузнова, давно уже сдѣлался источникомъ фантастическаго сказанія о древнемъ витязѣ, сраженномъ на этомъ мѣстѣ въ неравномъ бою съ татарами. Фроль Степанычъ самъ глубоко вѣрилъ въ дѣйствительность своего вымысла и собственноручно нацарапалъ на камнѣ:

„Здесь лежитъ Ребро въ
емъ вѣсу семь Пудовъ“.

Зимой, когда забродчики уходили въ деревню и Фроль Степанычъ оставался одинъ на косѣ, онъ проодилъ безъ сна долгія, темныя ночи, отдаваясь неержимымъ, фантастическимъ думамъ. Тогда передъ

нимъ возникали видѣнія, души давно умершихъ людей являлись ему и изрекали пророчества, жуткія и неопредѣленныя... Онъ слышалъ, какъ въ степи бушевали вѣтры и въ буйномъ бѣгѣ кричали что-то человѣчьимъ голосомъ, и расточали жалобы, плакали, стонали и гнѣвались.

V.

Поравнявшись съ избою Грузнова, Любовъ и Демка, по какому-то молчаливому соглашенію, свернули съ дороги и зашли къ Фролу Степанычу. Тамъ было много народа. Забродчики, молодые и старые, сидѣли на широкой завалинкѣ, и въ темнотѣ нельзя было разглядѣть ихъ лица. Они курили цыгарки и молча слушали хозяина, рассказывавшаго, прочитанное или слышанное имъ гдѣ-то, повѣствованіе о судьбѣ Василя Шибанова.

Сидя на завалинкѣ, поджавъ подъ себя ноги и положивъ на колѣни вытянутыя, жилистыя руки, Фролъ Степанычъ говорилъ тихо и медленно, растягивая слова, и рѣчь его звучала важно и вразумительно.

Замѣтивъ пришедшихъ, онъ замолчалъ, нахмурился и сдержанно отвѣтилъ на ихъ привѣтствіе:

— Добрый вечеръ!..

Забродчики заворочились и осторожно передохнули. Варька, неподвижно стоявшая въ сѣнцахъ, прислонясь къ косяку дверей, сошла на крыльцо, тихо ступая бо-сьми ногами, и сѣла, подперевъ кулаками щеки. Любовъ и Демка, смущенные, стали въ сторонѣ. Среди наступившей тишины, Грузновъ продолжалъ спокойнымъ, груднымъ голосомъ:

— Разгнѣвался тогда царь, задумалъ злобное дѣло. А Василій стоитъ передъ имъ съ радостью, идетъ отъ его вродѣ какъ бы сіяніе, ничего не боится, ни обиды, ни муки. Осерчалъ тогда царь, встрямилъ ему въ ногу

копье чижное, наскрозь пробилъ, кровь пошла, земля кругомъ красная стала... Сталъ Василій письмо читать, громкимъ голосомъ, всю чисто правду царю прочиталъ. Такъ и такъ, говорить, безразсудный ты есть царь, за что вѣрнаго воеводу обижаешь? Поглядѣлъ царь на Василя, видитъ—Божій ангелъ за имъ стоитъ, крылушки у его алмазныя, на глазахъ слезы блестять. И никто того ангела не видитъ, одному царю видать его. Отшло у его сердце, сталъ онъ царскую рѣчь держать. Ты, говорить, Василій, не гонецъ, не рабъ, другъ ты мой товарищъ. Скажешь про ихнюю измѣну—помилую, не скажешь—царскаго своего слова мѣнять не стану... Повели Ваську въ острогъ, стали съ его шкуру сдирать, кости дробить, жилы вытягивать—молчить Вася, противъ совѣсти нѣту у его слова... Подъ конецъ даль знакъ, воды попросилъ, выпилъ глоточекъ; послѣ того открылъ глаза, руки вытянулъ: Господи, владыко живота моего! Приими душу раба твоего Василя... И пошелъ отъ его свѣтъ кругомъ, и приняли ангелы душу его, понесли къ престолу Божьему...

Голосъ Грузнова едва замѣтно задрожалъ и оборвался. Онъ низко опустилъ голову. Молчали и забродчики, растроганные до слезъ подвигомъ и мученической кончиной Шибанова. Грузновъ долго сидѣлъ въ какомъ-то подавленномъ раздумьѣ. Наконецъ, онъ поднялъ голову и, весь охваченный порывомъ скорби и страданія, сказалъ тихо, ни къ кому не обращаясь:

— Безразсудный былъ царь!.. Безразсудный!

При этихъ словахъ всѣ задвигались и заговорили разомъ, волнуясь и перебывая другъ друга. Жестокія слова упрека и осужденія раздались противъ царя, утратившаго вдругъ въ ихъ глазахъ свое грозное величье. Совсѣмъ еще молодой забродчикъ Егорка, веселый и безшабашный мальчикъ, не могъ произнести ни слова и сдерживалъ свое волненіе короткимъ, дѣланнымъ каплемъ. Лобовъ старался осторожно скрыть слезы,

вдругъ выступившія у него изъ глазъ и доставившія ему странное, неожиданное облегченіе.

— Тятя, а куды-жъ воевода дѣвался?—спросила Варька, когда всѣ, наконецъ, затихли.

— До польскаго царя въ службу пошешь,—задумчиво произнесъ Фроль Степанычъ.

Грузновъ еще долго рассказывалъ о Грозномъ царѣ и о Самозванцѣ, котораго считалъ дѣйствительнымъ наследникомъ русскаго престола. Потомъ, по просьбѣ забродчиковъ, онъ вспоминалъ различныя бѣдствія, испытанныя имъ въ морѣ. Украшенныя вымысломъ, воспоминанія эти поражали необыкновенной картинностью содержанія и вызывали среди слушателей глубоко сочувственное волненіе...

Варька была разстроена. Мучительно хотѣлось знать, отчего плакалъ Лобовъ. Въ первый разъ она видѣла его слезы, и теперь ее волновала какая-то смутная догадка, было какое-то предчувствіе своей вины, и томило безотчетное чувство раскаянія.

— Страшно въ морѣ, тятя?—спросила она вдругъ, разсѣяннымъ, безразличнымъ тономъ.

Грузновъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— На землѣ страшнѣй,—отвѣтилъ онъ сурово, глухимъ голосомъ.

Варька смутилась и вспыхнула. Она вошла въ сѣнцы, но черезъ минуту снова появилась на порогѣ. Поднявъ руки и откинувшись назадъ стройнымъ молодымъ станомъ, она потянулась и вздрогнула; потомъ безшумно скользнула вдоль стѣны по завалинкѣ и вышла на дорогу.

Шендерюкъ подождать немного и сталъ прощаться, но его неожиданно задержалъ Фроль Степанычъ.

— Ну что на заводѣ?—спросилъ онъ, испытующе оглядывая Демку:—хозяйнѣ пріѣхаль?

— Вчерась пріѣхали, подъ вечеръ.

— Много посуды на осень готовили?

— Тысячъ триста.

— Большая охота! Кажись, Фундуклей Митричь за одинъ разъ всю добычу выловить. Мы по десяти тыщъ ставимъ и то много... Нѣту теперь такой охоты, какъ раньше была... Черезъ это и рыба перевелась, что ходу для нея нѣту.

— Тоже и рыба теперича умнѣй стала, подь низомъ идетъ, низовая, значить, рыба... по-подь крючьями...

— Вся посуда готова?

— Немного осталось.

— Ишь ты! А у насъ ребята только-что за работу берутся...

— На деревнѣ хохлы давно справились,—сказаль кто-то изъ забродчиковъ:—давно у нихъ все чисто готово.

— Готовить нечего! Какая у хохла посуда? Все одно какъ волосъ у лысаго.

— Съ хохла какая польза? Развѣ онъ что понимаетъ?—съ пренебреженіемъ заявилъ прикащикъ.

— Какой съ его забродчикъ, ежели онъ хлѣбъ сѣеть?

— Уь кажнаго трудящаго человѣка польза есть,—примирительно сказалъ Фроль Степанычь.—На Денисовой косѣ какіе забродчики?.. Подъ Бердянскомъ... Добрый народъ, нечего сказать!.. Всѣ чисто хохлы!

Въ разговоръ вмѣшались другіе забродчики, и уходить уже было неловко. Демка разсѣянно слушалъ ихъ и невпопадъ отвѣчалъ на разпросы Фрола Степаныча.

VI.

Варька стояла, заложивъ руки за спину, и напряженно прислушивалась къ доносившемуся до нея разговору. Ее раздражала неловкость Демки, и было обидно ждать черезчуръ долго. Долетавшій къ ней голосъ при-

капчика казался медлительнымъ и равнодушнымъ, какъ будто онъ нисколько не торопился выйти къ ней и не думалъ даже о томъ, что она ждетъ его на дорогѣ. Гришка давно прицель бы, никого-бъ слушать не сталъ... И ужь ей казалось, что Демка никогда не любилъ ее, а все только вралъ, чтобъ своего добиться. Затѣмъ и подарки носилъ, и хитрости говорилъ разныя... Вотъ Гришка любилъ по настоящему, безъ памяти. Только что онъ пьяница, драться любитъ, никогда копѣйки у его нѣтъ... а Демка умный, голосъ у его пріятный, нѣжный... опять же у его всегда деньги есть... Объ дѣлѣ надо ему толковать съ тяткой, насчетъ охоты, какъ и что, когда зачинать...

Варькѣ хотѣлось уже найти для Демки всевозможныя оправданія, но онъ упорно рисовался въ ея воображеніи холоднымъ и непріятнымъ, съ косыми глазами, мутными и влажными. Прежде онъ часто смотрѣлъ на нее точно такимъ, застывшимъ и хищнымъ взглядомъ, и она всегда угадывала его нечистыя мысли...

Услышавъ шаги, Варька быстро обернулась и тотчасъ же узнала Лобова, робко подходившаго къ ней и бормотавшаго что-то непонятное. Она нахмурилась и грубо спросила:

— Чего надо?

Лобовъ сразу умолкъ, глупо переминался съ ноги на ногу и хлопалъ глазами.

— Ну? чего надо?

Стараясь овладѣть собой, Гришка откашлялся громкимъ, рѣшительнымъ кашлемъ. Потомъ онъ заложилъ руки за спину подъ поддевку, отставилъ ногу и пристально поглядѣлъ на свой сапогъ съ высокимъ каблучкомъ.

— Ежели я въ чемъ виновенъ, прости, Варя...

Варька отвернулась.

— Богъ проститъ.

— И ты прости... Я, Варя, характера своего сдер-

жать не могу... простой я... а Демка хитрый... Сказывалъ, думать объ тебѣ забыть, а ты ему вѣришь...

— Не ври, Гришка!.. Ничего тебѣ не выйдетъ, все одно не повѣрю... Уходи!

— Хм... не повѣришь? не вѣрь!.. Сдѣлай милость, не вѣрь!.. Только, ежели ты съ Демкой, зачѣмъ тогда меня крутила? То я, то Демка... Нешто такъ хорошо, Варя?

— Прежде ты былъ, а сейчасъ Демка... и все! Уходи!

— И уйду!.. Сохнуть черезъ тебя тоже очень не буду...

— Не будешь?.. А объ чемъ давеча плакалъ?..

— Ничего не плакалъ... До меня на деревнѣ дѣвки сами лѣзутъ, брать не хочу...

— Ну и бери! Чего не берешь, коли лѣзутъ... Твоя воля, помѣхи нѣту!

— Настоящей тоже и воли нѣту... Когда-бъ у меня, Варя, воля такая была, сколько я въ себѣ силы имѣю!..

Варька вдругъ засмѣялась, звонко, съ буйнымъ, неуправляемымъ задоромъ. Страстнымъ призывомъ и обѣщаніемъ отозвался этотъ смѣхъ въ сознаніи Гришки, у него закружилась голова, и что-то свѣтлое поплыло передъ глазами. Онъ быстро обнялъ Варьку, сильно прижалъ ее къ себѣ, такъ что она почти отдѣлилась отъ земли, и горячо поцѣловалъ въ губы...

Когда Демка вышелъ на дорогу, онъ уже никого не засталъ тамъ. Издалека доносились обрывки нѣсни, и слышался нѣжный, переливчатый смѣхъ Варьки. Прикащикъ остановился, прислушиваясь къ ихъ голосамъ, стараясь угадать, въ какой сторонѣ они скрылись. Ночь была тихая, тихая. Неподвижныя ржанья нивы словно замерли въ нѣжномъ цѣломудренномъ снѣ.

Демка еще постоялъ немного, потомъ онъ съ досадой заскрежеталъ зубами и пошелъ одинъ по косѣ.

VII.

Осенняя охота на красную рыбу начиналась въ концѣ августа или въ началѣ сентября. По обычаю, забродчики выходили въ море всѣ сразу. Передъ отходомъ въ баркасахъ ставили образа на кормахъ и молились Богу. Грузновъ громко читалъ „Вѣрую“ и „Отче нашъ“, забродчики сосредоточенно подпѣвали хоромъ, крестились, говорили другъ другу: „въ добрый часъ!“ „съ Богомъ!“ и отплывали.

По началу ловъ бывалъ слабый. Попадались дельфины, севрюга, одиночные икряные осетры и мелкая бѣлуга. Въ сентябрѣ начинался настоящій ходъ, и много рыбы проходило тогда мимо Бирючаго острова, къ Донскому гирлу.

Забродчики „дружили“ по пять, шесть человекъ и работали сообща. У каждого была своя посуда и сѣти; баркасъ или шаланду приобрѣтали на общія средства и на это не жалѣли денегъ, платили по сто рублей и дороже. За судномъ всегда хорошо смотрѣли, часто крисили его въ разные цвѣта и давали названіе.

— Худой баркасъ—все одно какъ кадушка!—говорилъ, бывало, Лобовъ, объясняя Егоркѣ, какъ греки дѣлаютъ баркасы въ Геническѣ: — грекъ-то, онъ даже очемъ хитрый... Что ему?.. Не догляди за имъ, чисто все судно спортить... такъ что даже моря его послѣ не принимаетъ... Вотъ наша „Сонька“—ды-къ вотъ баркасъ настоящій! Дай мнѣ Господи гробъ такой, какъ энтой баркасъ! Накажи меня Богъ!..

Все лѣто шли приготовленія къ осенней охотѣ. Забродчики готовили посуду, по цѣлымъ днямъ оттачивали желѣзные крючья, смолили бичеву, чинили паруса, конопатили досчанники и шаланды. Заводъ не принималъ еще мелкой добычи, и неводили рѣдко. Въ свѣжую погоду—съ вечера забрасывали сѣти, а на раз-

свѣтъ собирали рыбу. Шла сельяка и сельдь. Въ тихіе дни кидали переметы и ловили бычковъ.

Въ началѣ августа погода сразу засвѣжѣла. Нѣсколько дней съ моря рвалъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ. Варывая песокъ и раковины, разбивались у берега грязно-желтыя, вспѣнныя волны. За перекатомъ море отливало мутной зеленью и сразу темнѣло, и уже до самаго горизонта широкія волны отсвѣчивали ворошеной сталью. Онѣ глухо и монотонно вторили въ отдаленіи береговому прибою, и по всему морю бѣгали и догоняли другъ друга бѣлые, кудрявые барашки. Недалеко отъ берега носились надъ водою строгіе мартыны и пролетали зоркія бѣлыя чайки, а надъ ними синѣло холодное небо.

Забродчики торопились, боясь пропустить начало хода, и на косѣ кипѣла работа. Стучали молотки, визжали напилки, пахло смолой и дегтемъ. Фроль Степанычъ цѣлые дни проводилъ на косѣ, среди забродчиковъ, давалъ совѣты и указанія, ободрялъ отставшихъ и, зорко поглядывая на море, говорилъ, что „еще до хода далеко“.

Послѣ нѣсколькихъ дней свѣжей погоды наступило затишье. Къ ночи повернулъ вѣтеръ, а на разсвѣтѣ море уже было почти спокойнымъ. При косыхъ лучахъ солнца, оно змѣнилось мелкой блестящей рябью, а по ней неправильнымъ узоромъ тянулись гладкія, свѣтлыя полосы, точно узкіе проселки. Далеко, далеко, среди мутныхъ бѣлесоватыхъ тоновъ моря, виднѣлись тонкія лиловыя очертанія Бирючаго острова и на немъ, словно вонзившійся въ бирюзовое небо, высокій бѣлый маякъ.

На косѣ уже шла работа, когда въ морѣ неожиданно появились заводскія шаланды, и забродчики сразу догадались, въ чемъ дѣло.

— Нехорошо, Фундуклей Митричъ!—говорилъ Грузновъ Шестерикову, когда тотъ къ вечеру пріѣхалъ на косу:—моря только-что заиграла, а ужъ ты впередъ забѣ-

жаль, не дождался... Все одно добычи не будетъ. Не по-сосѣдски выходить, Фундуклей Митричь!

Заводчикъ былъ искренне удивленъ словами Фрола Степаныча.

— Чудакъ человекъ! — говорилъ онъ, добродушно разводя руками: — нешто я твою посуду поставилъ? Говоришь, добычи не будетъ? А тебѣ что? Нешто я съ тебя какую неустойку, што-ль, требую? На то воля Божья! Но чтобы другого ждать, лодыря какого-нибудь, я не согласенъ!.. не намѣренъ! Съ какой стати?.. Ты говоришь: не по-сосѣдски... Кто отъ меня обиду видалъ?.. Ну-ка, пуцай ребята скажутъ!..

Забродчики заволновались.

— Обиду, вѣрно, что не видали, а только злѣмъ жадность доказываешь?

— Поспѣешь!

— Завсегда разомъ охоту зачинать надо...

Шестериковъ былъ огорченъ и горячо оправдывался, не понимая неудовольствія забродчиковъ, которые и послѣ его отъѣзда долго не могли успокоиться. На всякій случай, чтобы не пропустить начало хода, они рѣшили выслать въ море одинъ баркасъ и поставить посуду „для повѣрки“.

VIII.

Въ первую очередь вызвался идти въ море Лобовъ. Съ нимъ былъ Егорка, помогавшій ставить посуду. Еще съ вечера они снесли на „Соньку“ якоря, вѣхи съ флажками и сложили шкелды съ крючьями. Сначала думали идти на веслахъ, но Фролъ Степанычъ обѣщалъ на утро „погоду“, и пришлось приготовить парусъ.

Раннимъ утромъ они уже были далеко въ морѣ. Подойдя совсѣмъ близко къ Бирючому острову, Лобовъ бросилъ якоря и забилъ свайку; потомъ онъ укрѣпилъ конецъ съ огромной связкой деревянныхъ поплавокъ,

поставилъ вѣху и вдвоемъ съ Егоркой началъ разматывать бичеву, съ подвѣшенными къ ней острыми крючьями. Время отъ времени они привязывали къ бичевѣ большіе узлы поплавокъ и вбивали колья.

— Гляди, крѣпче шамать подвязывай!— говорилъ Лобовъ, показывая Егоркѣ, какъ нужно укрѣплять поплавки.

Работа шла медленно, и только къ полудню имъ удалось закрѣпить второй конецъ бичевы. Лобовъ поставилъ около шести тысячъ крючьевъ, почти половину своей посуды.

Переламываясь на острыхъ гребняхъ волнъ, мелькая парусомъ и шлепаясь по водѣ днищемъ, опустѣвшій легкій баркасъ медленно возвращался къ берегу. Егорка, лежа на кормѣ у руля, курилъ цыгарку. Лобовъ, задравъ голову, слѣдилъ за плавнымъ полетомъ большихъ, черныхъ баклановъ.

— Эхъ жалость, Егорка, ружжа нѣту!.. Сейчасъ бы баклана убилъ, накажи меня Богъ!.. Очемъ даже съ его пища хорошая...

— Рыбный духъ у ей...

— Хм... духъ рыбный? Закопай въ землю дня на три, а послѣ жарь,—никакого духу не будетъ...

Егорка съ живымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на Лобова, ожидая продолженія начатаго объясненія.

— Земля у ей духъ отнимаетъ!—увѣренно подтвердилъ Лобовъ.

— Дельфина, сказываютъ, тоже кушать можно?

— Дельфина грѣхъ кушать. Сало съ его брать можно, а скусъ у его совсѣмъ поганый... Ты, Егорка, видалъ когда, какъ дельфинъ плачетъ?

Егорка встрепенулся и глаза его вдругъ загорѣлись такой нетерпѣливой живостью, что Лобовъ засмѣялся:

— Ишь какой пряткій! Молодой ты еще, Егорка, и глупый. Отъ горшка два вершка, а туды же забродчикъ!.. Не видалъ, говоришь? Вотъ какъ будемъ когда

дельфина снимать, ты погляди на его, на морду... глаза у его какіе? Просто съ ихъ слеза бьетъ во какая, какъ горохъ все одно... Просто бьетъ и бьетъ слеза, ажъ покедова сдохнетъ.

— Все плачеть?

— Просто такъ плачеть, что глядѣть на его жалко, накажи меня Богъ! Тоже и ему смерть принимать не сладко, хотя-что сказать ничего не можетъ.

Егорка вздохнулъ и машинально посмотрѣлъ въ сторону.

— Погляди, Гришка!—вдругъ закричалъ онъ, поднимаясь и пристально вглядываясь въ недалекій уже берегъ косы:—прикащикъ съ Варькой въ проходку гуляютъ, все одно какъ паничъ съ барышней...

Подъ килемъ баркаса зажурчали ручьи, онъ сразу накренился влѣво и сдѣлалъ послѣдній, плавный поворотъ. Парусъ заполоскалъ и туго надулся справа. Баркасъ сначала взмыло на мѣстѣ, потомъ онъ мягко осѣлъ и подъ сильнымъ креномъ, почти зачерпывая правымъ бортомъ воду, быстро пошелъ къ берегу.

Лобовъ, блѣдный и озабоченный, стоялъ на банкѣ, держась одной рукой за мачту, и оралъ во все горло:

— Демка-а, стой! Сто-ой, Де-е-емка-а! Дѣло есть, стой-ой!..

Прикащикъ не оборачиваясь шелъ по косѣ, обнявшись съ Варькой, и они направлялись къ избѣ Фрола Степаныча.

IX.

Вечеромъ забродчики долго возились на берегу, помогая другъ другу оттащить подальше досчанники и баркасы, чтобы ихъ не смыло въ море и не разбило волной. Уже было совсѣмъ темно, а они все еще стояли на берегу, облѣпивъ большую шаланду напряженно вытянутыми руками, и волочили ее по песку дружными

хватками. И долго еще слышалась среди нихъ протяжная, разорванная вѣтромъ команда:

— Ого-о-опъ... еще разъ! Ого-о-опъ!..

Ночью разыгралась буря. Металось и грохотало море, жалобно скригѣли снасти баркасовъ и косяки куреней. Въ темнотѣ видны были бѣлые ключья пѣны, кипѣвшей на гребняхъ громадныхъ волнъ, далеко заливавшихъ берегъ.

— Концы хорошо крѣпиль, Гришка?—спрашивали забродчики, тревожно поглядывая на море. — Гляди, какъ бы посуду не сорвало...

— Крѣпить-то я хорошо крѣпиль, концы-то...—съ досадой отвѣчала Любовь:—а кто ее знаетъ? Можетъ, выдержать...

Х.

Только къ вечеру слѣдующаго дня буря стала стихать. При заходящемъ солнцѣ широкія волны отсвѣчивали темно-зеленымъ стекломъ, и много бѣлыхъ чаекъ качалось на нихъ недалеко отъ берега. Большой краснокоричневый валъ мокрыхъ камней и ракушекъ окаймлялъ гладко отшлифованный песчаный берегъ, и первобытно дикими казались эти мѣста, какъ въ первый день сотворенія міра.

На разсвѣтъ Егорка и Гришка сдвинули баркасъ въ воду и на веслахъ пошли въ море осмотрѣть посуду.

— Труды къ чорту! Кажись, сорвало!..—говорилъ Любовь, когда они подходили къ мѣсту заброда. — А-а, чтобъ ты лопнула, накажи меня Богъ!.. Куда прешь? Стой!.. Стой!.. Кидай весла... Багромъ держись! багромъ, чортова голова!

Егорка захватилъ багромъ бичеву и подтянулся къ вѣхѣ. Потомъ они подняли тяжелые якоря и стали собирать посуду. Баркасъ медленно подвигался впередъ.

Приходилось идти бичевой и работать баграми, потому что острые крючья ранили руки. По направленію бичевы было видно, что сорванный конецъ снесло на заводскія снасти.

Гришку грызла досада. Жалко было даромъ потраченный день и пропавшіе якоря, съ которыхъ сорвалась снасть. Онъ работалъ молча, сердито и недовѣрчиво поглядывая на Егорку, глубоко обиженного этимъ внезапнымъ отчужденіемъ.

— По сторонамъ глядѣть нечего!—съ раздраженіемъ говорилъ Любовь:—тутъ, братъ, дѣло справлять надо!.. Нечего тебѣ носомъ крутить!..

— Носомъ крутить... носомъ крутить...—недовольно, но осторожно повторилъ Егорка.

— Поговори еще!.. тоже!.. Нечего лодыря корчить!..

Однако, работа шла хорошо. Баркасъ уже сталъ осѣдывать отъ тяжести собранной посуды, когда изъ-за длиннаго, песчанаго откоса показалась большая, черная шаланда.

— Ребята съ заводу... тоже посуду собираютъ,—тихо пробормоталъ Егорка, не прерывая работы.

Шаланда медленно шла навстрѣчу баркасу. Трое гребцовъ работали на ней лѣниво и вяло, точно сонные, часто останавливались и долго сушили весла. У праваго борта стоялъ Демка и ловко собиралъ багромъ бичеву.

— Демка-а, не спута-ай!—протяжно закричалъ Любовь, щуря глаза и пристально вглядываясь туда, гдѣ на поблѣввшей отъ зноя водѣ тихо подвигалась шаланда, тяжелая и черная, словно отлитая изъ чугуна.

— Не спу-у-та-ай!.. Посля разби-ра-ать долго-о!..

Въ отвѣтъ послышался ехидный, визгливый смѣхъ прикащика и громкій хохотъ гребцовъ. Гришка, озадаченный, не понимая въ чемъ дѣло, прервалъ работу и безпомощно осмотрѣлся вокругъ. Между тѣмъ, шаланда пошла быстрѣе, и уже видно было, что въ ней, кромѣ Демки, работали баграми еще двое гребцовъ.

— Нашу посуду собирають... съ того краю...—испуганно и торопливо сказалъ Егорка.

— Нашу собирають... Нечего тебѣ врать!..—отвѣтилъ Лобовъ смущеннымъ, неувѣреннымъ тономъ.

Однако, онъ и самъ понималъ уже, что Егорка правъ. Охваченный быстро нарастающей тревогой, онъ вдругъ сталъ метаться по баркасу, хватаясь безъ толку то за багры, то за весла, переставляя сложенные у кормы якоря и сердито взглядывая на Егорку. Спѣша и путая бичеву, онъ снова началъ быстро собирать посуду, въ безпорядкѣ сбрасывая ее въ баркасъ, и бѣшено закричалъ Егоркѣ:

— Шибче! Шибче, говорю, дьяволъ!

Они разогнали баркасъ навстрѣчу шаландѣ, которая неслась на нихъ. Разстояніе между ними быстро уменьшалось, и Лобовъ уже чувствовалъ, какъ натянулась бичева. Тогда онъ сразу оставилъ работу и, съ поднятымъ багромъ въ рукѣ, сталъ ждать встрѣчи. Наступило тягостное, оцѣпенѣлое затишье. Лобовъ, съ крѣпко стиснутыми челюстями и потемнѣвшими глазами, стоялъ у борта, точно застывшій въ напряженномъ ожиданіи. Егорка, едва дыша, боязливо взглядывалъ на Лобова.

Шаланда была уже шагахъ въ двадцати отъ баркаса, когда гребцы неожиданно, какъ по командѣ, бросили багры и сѣли на весла. Въ рукѣ Демки блеснулъ топоръ; широко размахнувшись, онъ ударилъ по борту шаланды и перерубилъ бичеву. Въ ту же минуту что-то зашелестѣло въ воздухѣ, и тяжелый багоръ, брошенный со страшной силой Лобовымъ, плепнулся въ воду, недалеко отъ прикащика.

Шаланда вздрогнула и сразу осѣла. Потомъ, уже совсѣмъ недалеко отъ баркаса, она ловко обернулась на гѣбствѣ и, оставляя въ водѣ крутящіяся воронки, пошла обратно на шести веслахъ. Демка стоялъ на кормѣ и охоталъ во все горло.

XI.

Лобовъ возвратился удрученный не столько потерей посуды, сколько издѣвательствомъ Демки. Егорка весь день былъ возбужденъ до крайности. Рассказывая забродчикамъ подробности этого случая, онъ обиженно тянулъ носомъ и каждое слово сопровождалъ божбой и отборными ругательствами.

Забродчики были очень взволнованы.

— Чего такое за новости!

— Никогда этого не бывало, чтобы посуду грабить...

— Середь бѣла дня разбойство!

— Заводъ ему запалить, ребята, вотъ что!

— Чего смотрѣть въ сам-дѣлѣ? Запалить къ чортовой матери!

Фроль Степанычъ, встревоженный, слушалъ забродчиковъ, укоризненно качалъ головой и старался ихъ урезонить.

— Впередъ, ребята, добромъ его попытать надо. Палить заводъ завсегда поспѣете...

— Нечего его добромъ-то! Нешто ень посуду добромъ грабилъ?

— Котораго человѣка добромъ, котораго огнемъ надо.

— Этта ень нашу посуду для подпалу забралъ!

— Хха, ха, ха! Вѣрно, что для подпалу!

— Нибезиримѣнно сичасъ ему заводъ подпалить!— дѣловито заявилъ Егорка.

Грузновъ строго оглядѣлъ его и нахмурился.

— И ты тутъ?—сказалъ онъ сурово и рѣзко:—поглядѣть, смѣлѣй тебя никого нѣту. Молоко на губахъ не обсохло, а туды же, палить! Подпальщикъ какой выискался!

Забродчики засмѣялись.

— Безъ тебя и вода не освятится!

— Ступай! Нечего тебѣ тутъ стоять!..

Егорка сконфуженно хлопалъ глазами, но все еще топорщился и не трогался съ мѣста. Новый взрывъ хохота раздался среди забродчиковъ:

— Иди, Егорка! Молодой еще...

— Глядите на его, старшому перечить сталъ!..

— Ахъ, чтобъ тебя разорвало! Ха, ха, ха!

Егорка покраснѣлъ и нехотя отошелъ въ сторону.

— Перечить сталъ... перечить сталъ...—негромко повторилъ онъ, обиженный и глубоко возмущенный.

Послѣ долгихъ увѣщеваній, Грузнову удалось, наконецъ, успокоить забродчиковъ. Рѣшено было на завтра всѣмъ пойти къ Шестерикову, требовать возвращенія посуды.

ХII.

Фундуклей Митричъ Шестериковъ былъ крѣпкій человѣкъ, высокаго роста, съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ, слегка раздавшимся книзу. Рѣдкая козлиная бороденка и короткіе усы надъ толстыми губами придавали ему какую-то особую моложавость, несмотря на то, что въ вискахъ у него уже серебрилась сѣдина.

Одѣвался онъ по городскому, опрятно, носилъ вышитую рубаху, пиджакъ, высокіе, плотовые сапоги и картузь.

Съ забродчиками Шестериковъ былъ простъ, обходителенъ, любилъ поболтать съ ними и посмѣяться, выпить и погулять, если былъ праздникъ. Онъ понималъ тягость нужды и работы и даже былъ не прочь помочь хорошему хозяину въ бѣдѣ или при какой-нибудь неудачѣ.

— Ежели, дастъ Богъ, пойдетъ заводъ,—говорилъ онъ часто забродчикамъ:—и я въ накладѣ не буду, и много возлѣ меня народу будетъ кормиться.

Фундуклей Митричъ зналъ и помнилъ всѣхъ по

имени, кто и когда женился, отчего померъ, какія пѣль пѣсни. Пѣніе онъ любилъ страстно, слушалъ его всегда съ какой-то особенной внимательностью, размякалъ весь и томно качалъ въ тактъ головою. Иногда Шестериковъ самъ пробовалъ пѣть, но ничего не выходило; онъ сокрушенно вздыхалъ и говорилъ, разводя руками:

— Нѣту ничего, братецъ!.. Голосъ не позволяетъ..

Забродчики знали Шестерикова давно. Каждый годъ онъ пріѣзжалъ на косу, въ числѣ другихъ купцовъ, скупалъ рыбу, сначала по мелочамъ, а потомъ крупными партіями, и отправлялъ ее въ Харьковъ и въ Москву для продажи. Съ каждымъ годомъ онъ расширялъ свои обороты и, скопивъ порядочный капиталъ, приступилъ къ постройкѣ завода.

Постройки были дешевыя, деревянныя, но большія, просторныя и прочныя. Онъ завелъ много своей посуды, двѣ шаланды, баркасъ и досчанники, нанялъ Демку въ прикащики и привелъ артель сроковыхъ рабочихъ.

Въ работѣ Шестериковъ любилъ порядокъ, требовалъ, чтобы все было въ аккуратѣ, сдѣлано хорошо и во время, и слѣдилъ за этимъ самъ. Вставалъ онъ очень рано, еще до зари, ставилъ людей на работу и, когда все было налажено, уходилъ къ себѣ пить чай. Оставаясь одинъ, онъ обдумывалъ планы будущаго расширения операций, фантазировалъ насчетъ дальнѣйшаго роста своего предпріятія. Покуда же ему вновь было самое званіе заводчика и оно тѣшило его своимъ высокимъ, еще непривычнымъ значеніемъ. Поглядывая на заводскія постройки, онъ широко ухмылялся и самодовольно говорилъ самому себѣ:

— Такъ то-съ, Фундуклей Митричь!

XIII.

Когда забродчики пришли на заводъ, Шестериковъ съ Демкой пили чай, подъ навѣсомъ большого деревяннаго амбара, гдѣ на длинныхъ, параллельныхъ жердяхъ висѣли школды съ посудой. Тамъ было прохладно, уютно и чисто, и хорошо пахло просмоленной бичевой.

Фундуклей Митричь, упершись одной рукой въ колѣно, отдуваясь насасывалъ сахаръ и прихлебывалъ съ блюдечка. Волосы у него были мокры и тщательно расчесаны въ проборъ. Увидѣвъ пришедшихъ забродчиковъ, онъ скосилъ глаза въ ихъ сторону, потомъ осторожно поставилъ блюдечко на столъ и вѣжливо отвѣтилъ на ихъ поклонъ.

— Добрый день... а что скажете, ребята?

Забродчики еще разъ трягнули картузами.

— Чай да сахаръ, Фундуклей Митричь!

— Спасибо!.. Дѣло, што-ль, у васъ какое?

— Кабы безъ дѣловъ, Фундуклей Митричь, съ утра-бъ здря не приходили...

— Время тоже рабочее...

— Надоть по совѣсти, Фундуклей Митричь...

— Стой, братцы, пуцай Фроль Степанычь!..

— Фроль Степанычь, енъ складпѣй скажетъ!..

Грузновъ вышелъ впередъ, осмотрѣлся и сѣлъ на какой-то засаленный боченокъ, стоявшій подъ навѣсомъ. Затѣмъ взглядъ его скользнулъ по Демкѣ, который вызывающе смотрѣлъ на забродчиковъ, но, видимо, волновался.

— Такое дѣло, Фундуклей Митричь, нехорошее... — началъ Фроль Степанычь разсудительнымъ, дѣловымъ тономъ: — случай разный бывастъ, а жить надо добромъ, по совѣсти, а не то, чтобы посуду грабить... Такого порядку у насъ отродясь не бывало, чтобы грабить... Вчерась ты Гришку обидѣлъ, а нонче онъ тебѣ какуд

сказать пакость сдѣлаетъ... И тебѣ, Демка, страгь! Ты теперича выходить все одно какъ воръ, грабитель...

Демка метнулъ въ сторону косыми глазами и усмѣхнулся.

— Крѣпить концы надоть получше.

— Совѣсть крѣпить надо, а ты концы. Ежели-бъ у тебя совѣсть была, ты-бъ до чужого добра не добирался.

— Нешто я ее звалъ? Сама пришла.

Шестериковъ молча слушалъ Грузнова, и видъ у него былъ глубокомысленный и серьезный. Онъ изрѣдка крикалъ и пытливо взглядывалъ на прикащика. Однако, ему не хотѣлось сознаться передъ забродчиками въ томъ, что все случилось безъ его вѣдома и что онъ даже не зналъ ничего о грабежѣ посуды.

— Все одно на словахъ не повѣрять...—думалъ Шестериковъ, стараясь не обнаружить накипавшее въ немъ раздраженіе противъ Демки. При послѣднихъ словахъ прикащика, онъ всталъ и молча прошелся по амбару, осматривая висѣвшую на жердяхъ посуду.

— Сколько посуды потеряли?—спросилъ онъ, не глядя на Фрола Степаныча.

— Три тыщи, Фундуклей Митричь... Нешто это можно такъ-то?..

— А кто считалъ?—вызывающе спросилъ Демка и презрительно сплюнулъ въ сторону.

— Молчи!.. ты! ехида!—строго закричалъ на него Шестериковъ и, вдругъ побагровѣвъ, смѣшно и неуклюже затопалъ ногами.

— Гдѣ ихняя посуда? Сдавай сичасъ, чтобы даже разговору этого не было!.. Остроилъ, сукинъ сынъ!..

Задыхаясь отъ сдерживаемаго волненія, онъ тяжело прошелся передъ забродчиками.

— Намъ, ребята, чужого не надо,—сказалъ онъ, на конецъ, овладѣвъ собою:—своего довольно! Ни мнѣ бо гатѣть черезъ три тыщи тоже нечего... Я вашего н

хочу, вамъ моего не надо!.. А только что черезъ Гришку за-
всегда неприятность будетъ... потому знаю я Гришку тоже...

Шестериковъ замолчалъ и огорченный присѣлъ къ
столу. Съ приподнятыми бровями, какъ будто сообра-
жая что-то, онъ сидѣлъ на табуретѣ, разставивъ крѣп-
кія ноги и подперевъ голову рукою. Его раздражало
сознаніе, что забродчики правы и что Демка сдѣлалъ
такую скверную штуку... въ то же время хотѣлось
найти оправданіе для прикащика:

— Подслужиться шельма хотѣлъ!

Однако, и въ дѣйствіяхъ забродчиковъ ему уже чув-
ствовалась какая-то неправильность.

— Опять же моду взяли посуду ставить къ нашему
заброду!— снова сказалъ Шестериковъ, послѣ непродол-
жительнаго молчанія:—окромя мѣста нѣту, что ли?

Забродчики встрепенулись.

— А гдѣ-жъ ставить?

— Споконъ вѣку на острову ставили...

— Потому тамъ рыба идетъ...

— Тамъ ей самое ходъ...

— Ходъ, ходъ!.. перебилъ Фундуклей Митричь съ
досадою:—а ты другого хода пони! Какіе вы, ребята,
безъ понятія. Тепереча кто на острову хозяинъ? Ка-
жись, я?.. Заводъ чей? Можетъ, и заводъ-то не мой?..

— Заводъ твой, а моря наша,—сурово и настави-
тельно проговорилъ Фроль Степанычъ:—моря Божья!

Шестериковъ насмѣшливо фыркнулъ и снова захо-
дилъ взадъ и впередъ по амбару. Онъ былъ возмущенъ
явной несправедливостью такого объясненія.

— Какъ же такъ, братцы?.. Я подъ заводъ даромъ,
што-ль, землю бралъ? Кажись, въ казну денежки пла-
тиль... Какъ же такъ?.. По совѣсти, по совѣсти, а сами,
выходить, не по совѣсти живете... Нешто такъ можно?

Забродчики упорно стояли на своемъ.

— Тому не бывать, Фундуклей Митричь, чтобы
мѣсто мѣняли...

- Не будетъ этаго, все одно!
- Хитрый тоже, чего выдумалъ!
- Идемъ, ребята! Нечего здря разговаривать...
- Давай посуду, Демка!
- Которую своровалъ посуду...
- Азіягъ, чтобъ ты лопнулъ!
- Приходи въ гости до насъ, Демка. Гостинца получишь!.. Ха, ха, ха!

Они собрали посуду, которую Шендерюкъ нехотя указалъ имъ въ амбарѣ, и шумной гурьбой, не прощаясь, пошли черезъ просторный, чисто подметенный дворъ, къ воротамъ. Только одинъ Фроль Степанычъ замѣшкался, снялъ картузь и тихо сказалъ:

— Прощай, Фундуклей Митричъ. Надумай дѣло... это что же такъ спорится?.. надо по совѣсти...

Шестериковъ, взволнованный, нахохлившись сидѣлъ на табуретѣ, отдувался и барабанилъ по столу толстыми, короткими пальцами. Демка стоялъ, заложивъ назадъ руки, и пренебрежительно усмѣхался.

XIV.

Вечеромъ забродники снова собрались у Грузнова.

— Сказывалъ, нибезпримѣнно чтобы другого хода искать...

— Иди поищи!..

— Пушай самъ хода поищеть!

— Ежели посуду поставимъ, чего енъ сдѣлаеть? Ничего не сдѣлаеть!

— Нешто онъ можетъ подъ арешть взять, что ти?

— Въ судъ подаеть, до окружного жалобу напишетъ...

— Пушай подаеть,— говорилъ Фроль Степанычъ: суда, ребята, бояться нечего. Въ книжкахъ такъ шешеться, что теперича судъ скорый и милостивый...

— Жалко, что скорый! — неожиданно заявилъ Егоркъ.

— Чего жалко? вотъ разь!..

— Ай да Егорка!

— Черезъ то жалко, что середь охоты придется. Кабы судъ зимою, мы бы покудова безъ помѣхи охоту справили...

— Вѣрно!

— Правильно!.. Откедова у тебя, Егорка, умъ взялся?..

— Все одно до суда далеко, — продолжалъ Грузновъ: — оно только законъ такъ пишется, что скорый судъ, а дѣловъ и безъ насъ много, развѣ поспѣютъ...

— Опять же и то, ребята, ежели по старому посуду ставить, ды-къ про заводской товаръ шабашъ — говорить нечего... Шестериковъ ничего не дастъ.

— Это вѣрно!

— Не дастъ, — не надо!

— Все одно у его одно мошенство.

— Давеча я у его бичеву бралъ... Какъ есть гнилая...

— За эту цѣну вездѣ достанемъ, еще даже лучше...

— Стой, ребята, дай слово сказать... впередъ которые забирали, на вѣру, съ того требовать будетъ...

— Пуцай требуетъ, отдадимъ послѣ охоты.

— Нешто мы откажемся. Послѣ охоты, тогда посмотримъ...

— Чего посмотримъ? — грубо вмѣшался Лобовъ, и въ голосъ его слышалась злобная досада: — чего смотрѣть-то? Дуже ень задаваться сталъ. Поучить его надо... Ежели погода будетъ, пойтить до его — заводскую добычу щупать.

Это предложеніе сразу развеселило забродчиковъ.

— Ха, ха, ха! какая то есть дура — на Шестериковскіе крючья пошла!

— Сказываютъ, заводская рыба скуснѣй...

— С-врюга замѣсто осетра показуется!

— Господское кушанье! Ха, ха, ха!

- Катай, Гришка, не бойсь!
 — Пущай до насъ не касается...

Безпечные и оживленные, со сверкающими зубами на загорѣлыхъ лицахъ, забродчики заливались громкимъ, раскатистымъ хохотомъ. Здоровымъ весельемъ и силой дышали теперь ихъ широкія груди, и необузданная удалъ сквозила въ ихъ смѣлыхъ, свободныхъ движеніяхъ и въ каждомъ поворотѣ крѣпкихъ мускулистыхъ тѣлъ. Они долго еще сидѣли у Грузнова, шумѣли и хохотали, пили водку, рассказывали много забавныхъ исторій о Шестериковѣ и вспоминали, какъ онъ въ первый разъ на косу „безъ портовъ пришелъ“. Потомъ ругали Демку, и каждое мѣткое слово сопровождалось раскатами буйнаго, неудержимаго смѣха.

- Теперича ему—шабашъ по косѣ гулять!
 — Не-е... пущай приходить! Мы съ имъ въ проходку пройдемся... ха, ха, ха!
 — Ха, ха, ха!... Не прійдетъ, побойтса!
 — Не придеть,—задумчиво произнесъ Фроль Степанычъ и украдкой взглянулъ на Варьку.—А можетъ, придеть, кто его знаетъ?.. Ежели будетъ совѣсть мучить, тогда придеть... нибезпримѣнно.

XV.

Лобовъ, немного охмѣлѣвшій, нѣсколько разъ уже проходилъ мимо Варьки и задѣвалъ ее локтемъ, напрасно пытаясь обратить на себя ея вниманіе. Она стояла, по обыкновенію, у дверей, прислонясь къ косяку, стараясь не глядѣть на Гришку. Въ лицѣ ея было что-то упорное и своенравное; она вызывающе смотрѣла на отца и усмѣхалась сжатымъ, презрительнымъ смѣшкомъ, отъ котораго Фроль Степанычъ въ смущеніи опускалъ глаза и хмурился.

Когда Шендерюкъ обидѣлъ Гришку и захватилъ его посуду, она проклонила прикащика и называла его

безстыднымъ грабителемъ. Тогда ей было жалко Лобова, хотѣлось утѣшить его ласковымъ словомъ и нѣжностью, и казалось, что нѣтъ для нея никого милѣе и краше Гришки. Теперь все это прошло сразу. Посуда была возвращена, и все, повидимому, оказалось шуткой. Молодецкій, торжествующій видъ Лобова вызывалъ въ ней почти ненависть. Она думала о томъ, какъ Гришка пойдетъ въ море грабить заводскую добычу и какъ онъ одурачитъ прикащика, а на другой день всѣ будутъ надѣваться надъ Демкой... Варька живо представляла себѣ его печальное, озадаченное лицо, и горькая, обидная досада прикащика уже заранѣе находила въ ея душѣ горячее, дружеское сочувствіе. Ей было тяжело и совѣстно вспоминать о своихъ встрѣчахъ съ Гришкой, о безудержныхъ ласкахъ, сопровождавшихъ эти встрѣчи и казавшихся ей теперь потухшими и монотонными, какъ непріютный, пасмурный день...

Теперь для Варьки безразлично было запрещеніе Шестерикова. Ей только хотѣлось во что бы то ни стало избавить Демку отъ униженія и насмѣшекъ. Мысли ея дробились и расплывались, смѣшиваясь съ неожиданными воспоминаніями, спутанными и болѣзненными. Лобовъ и Демка какъ будто любили ее, но оба они не знали жалости... Иногда казалось, что Гришка добрѣе и лучше прикащика и что онъ очень несчастливъ; тогда ей становилось больно и грустно, и что-то влекло къ нему властно, неудержимо... Она подчинялась этому влеченію съ какой-то мученической покорностью и отвѣчала на любовь Гришки страстной, сочувственной нѣжностью... Потомъ приходилъ прикащикъ и весь вечеръ сидѣлъ молча, не переставая косить глаза въ ея сторону, а уходя говорилъ тихо и вкрадчиво: „прощай, Варя“... Отъ этихъ сдержанныхъ, простыхъ словъ она всегда становилась безпокойной, и еще долго потомъ точно звенѣло въ ней: „прощай, Варя“... Такъ хотѣлось знать, о чемъ думаетъ Демка и почему онъ молчитъ, не гово-

рить съ ней о своей заботѣ... А потомъ онъ приходилъ снова и заставлялъ ее одну. Говорилъ нѣжныя, благородныя слова и жаловался на свою муку... Ее грызло раскаянье и волновали сомнѣнья... Счастливое лицо Лобова уже раздражало ее, казалось глупымъ и неприятнымъ... она уходила въ поле съ Демкой и возвращалась одна, истомленная и разбитая, съ измученной совѣстью...

Задумавшись, Варька не замѣчала ничего вокругъ себя и не видѣла, какъ нетерпѣливо взглядывалъ на нее Лобовъ и дѣлалъ ей какіе-то знаки.

Улучивъ удобную минуту, когда она вышла въ сѣнцы, Гришка поспѣшилъ за ней.

Тамъ было темно и жарко. Отъ большой кадки съ водой пахло тухлымъ запахомъ вымокшаго дерева. Лобовъ быстро обнялъ Варьку, горячо поцѣловалъ ее, не давая опомниться, и, уходя, громкимъ шопотомъ сказалъ ей съ порога:

— Приходи, Варя, на старое мѣсто.

XVI.

Позабывъ о Демкѣ и о будущемъ грабежѣ заводской добычи, Лобовъ медленно шелъ по дорогѣ, весь охваченный вдругъ наступившимъ успокоеніемъ. Оно отдѣляло его теперь отъ всѣхъ печалей и горестей, съ которыми была связана его трудная, несчастливая жизнь. И все свѣтлѣй и чище становилось въ душѣ его, полной кроткаго, молитвеннаго настроенія...

Вольная степь разступалась передъ нимъ безшумно и осторожно и обнимала его широкимъ, дружнымъ просторомъ. Странныя, сгущенныя тѣни неясныхъ очертаній мерещились въ темнотѣ степной ночи, а въ высокомъ небѣ блѣдной, прозрачной полосой свѣтлѣлъ млечный путь и рассыпались лучистыя звѣзды...

Лобовъ долго ждалъ Варьку, но она не пришла.

XVII.

Уже чуялась близость осени, и въ поблекшихъ степяхъ вѣяло смутной, протяжной печалью. Среди дня еще струился зной надъ жнивами и папнями, и широкимъ кругомъ сливались поля съ бѣлесоватыми краями неба. По утрамъ кричали орлы, дымились надъ степью косматые туманы и дальній курганъ чуткимъ дозоромъ стоялъ среди степного раздолья.

Грузновъ возвращался одинъ на косу изъ деревни. Уже вечерѣло и за нимъ медленно погасала степь, тихая и задумчивая, какъ удаляющійся нагѣвъ одинокой пѣсни. Темные крылатые вѣтряки, неподвижно стоявшіе впереди на распутьѣ, провожали его важной, глубокою думой... И въ душѣ Фрола Степаныча было такъ ясно и тихо, какъ это бываетъ только въ степныхъ мѣстахъ и у степныхъ людей.

Оцѣпенѣлая тишина вечерняго воздуха навѣвала медлительныя, фантастическія думы. Ему чудились древніе витязи, искавшіе въ этихъ мѣстахъ ратной славы; пѣвцы-гуслияры въ страннической одеждѣ; мудрые и праведные старцы, владѣвшіе тайной будущаго и святымъ даромъ прорицаній... Бѣлые лебеди бились грудью о земь, обращались въ прекрасныхъ дѣвушекъ, и встрѣчался имъ знатный женихъ, храбрый молодой королевичъ...

Затихшая безпредѣльная степь точно оживала передъ Фроломъ Степанычемъ и открывала ему тайны далекаго прошлаго. Онъ видѣлъ, какъ дальнимъ забытымъ шляхомъ проходили на Таганашъ хохлацкіе обозы съ солью и ночевали въ полѣ, и пѣли старыя чумацкія сны... И еще видѣлъ Фролъ Степанычъ дикіе табуны юрочскихъ коней, среди высокихъ степныхъ травъ, вѣглыхъ, запуганныхъ людей, скрывавшихся въ этихъ мѣстахъ отъ господской неволи...

— Все это, — думалъ Фролъ Степанычъ: — видѣли когда-то степь и небо, и звѣзды и сохранили отъ людей въ глубокой тайнѣ...

Онъ медленно шелъ къ Ѳедотовой косѣ, а за нимъ по всей степи набѣгали и смыкались широкія ночныя тѣни...

XVIII.

Когда Грузновъ миновалъ большіе, черные вѣтряки, отъ нихъ отдѣлилась темная фигура Варьки. Держась одной рукой за лѣсенку, она осторожно подалась впередъ и посмотрѣла ему вслѣдъ; потомъ вышла на дорогу и, напряженно всматриваясь въ ночной мракъ, стала поджидать Демку.

Было жутко отъ степной насторожившейся тишины и отъ быстрыхъ, лихорадочныхъ думъ. Нужно было во что бы то ни стало предупредить Демку обо всемъ, что затѣвали забродчики. И въ этомъ рѣшеніи было для нея что-то безжалостное и неизбѣжное... Она долго металась по дорогѣ, садилась на сухую траву, вставала и подозрительно оглядывалась по сторонамъ, пугаясь всякаго шороха и скрипа въ крылатыхъ снастяхъ мельницъ. Тяжко было такъ долго ждать Демку и хотѣлось скорѣе рассказать обо всемъ, точно послѣ этого должно было наступить успокоеніе... Наконецъ, по дорогѣ слышались короткіе, крѣпкіе шаги прикащика. Варька сразу узнала его и растерялась... Безмолвная степь вдругъ почернѣла передъ ней, и страшныя, испуганныя мысли быстро, быстро закружились въ ея сознаніи... Она побѣжала навстрѣчу Демкѣ, задыхаясь, размахивая на бѣгу локтями, съ ужасомъ чувствуя, какъ у нея подкашиваются и холодѣютъ ноги.

Демка былъ мраченъ и недоволенъ. Онъ, жестко и холодно отстранилъ ее отъ себя.

— Другого мѣста не нашла! Не иначе какъ есерець дороги... Небось, тятка видалъ...

— Не видалъ тятка... дай слово сказать... дѣло есть, Дема...

Торопясь и не договаривая словъ, Варька рассказала ему обо всемъ, что говорили забродчики. Шендерюкъ, насторожившись, слушалъ ее съ какой-то нена сытной жадностью. Удушливая, мстительная радость охватила его бѣшенымъ, злобнымъ порывомъ. Онъ уже не могъ молчать и, обнимая Варьку, прерывалъ ее неприятнымъ, визгливымъ смѣхомъ, отъ котораго она невольно ежилась и вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

— Молодецъ, Варя! Ну и славная же ты дѣвка, ей Богу!—вырвалось у Демки, когда она замолчала.

Онъ долго, захлебываясь, объяснялъ что-то Варькѣ, угрожалъ кому-то и хвасталъ, сильно размахивалъ руками. А она отстранялась отъ него и тяжело дышала, и ни одно слово не сорвалось больше съ ея запекшихся отъ волненія губъ.

Потомъ онъ повелъ ее съ дороги въ сторону, по межѣ широкаго жнива... И снова кругомъ стало тихо, тихо... Вѣтряки стояли по-прежнему оцѣпенѣлые и важные.

XIX.

Все чаще и чаще бушевало море и холодалъ вѣтеръ. По утрамъ носились надъ водой бѣлыя, косматыя испаренія, точно большіе, бѣлокаменные города поднимались со дна моря и распадались въ прозрачно-блѣдные хороводы, кружились и исчезали, и вновь возникали густыми, плотными толпами.

— Теплоту отдаетъ моря, — говорили забродчики, уже закончившіе всѣ приготовления и ожидавшіе полнаго хода.

На косу уже стали наѣзжать мелкіе скупщики и фагора, по цѣлымъ днямъ торчали на берегу, вели толгъ съ Фроломъ Степанычемъ, кричали, смѣялись и спѣли.

Забродчики каждый день „повѣряли“ добычу и возвращались съ небольшимъ уловомъ, который тутъ же цѣликомъ сбывался скупщикамъ. Посуда по-прежнему стояла у Бирючаго острова, но Шестериковъ молчалъ, какъ будто не примѣчалъ этого. Онъ уже почти не показывался на косѣ и, видимо, избѣгалъ встрѣчь съ забродчиками. Одинъ только разъ, проѣзжая въ деревню, онъ остановился у избы Грузнова, зная, что Фрола Степаныча нѣтъ дома, и позвалъ Варьку.

— Здравствуй, дѣвка!—сказалъ онъ, сдерживая гнѣду нетерпѣливую кобылку:—на косѣ, што-ль, тятя?

— На косѣ, съ купцами,—торопливо отвѣтила Варька, не сходя съ завалинки и тревожно озираясь кругомъ.

— Та...э...къ!.. А ты, значить, дома, замѣсто хозяйки, выходитъ...

Варька промолчала.

— Правду, што-ль, Варя, про ребятъ сказывала?.. насчетъ разбойства?.. Давеча мнѣ Демка все чисто сказалъ...

— Ну?

— Правда? Ишь ты, чего надумали... Господи, Боже мой! Нешто это по совѣсти такъ-то? А?.. Нешто по совѣсти это, до чужого добра добираться?.. Другой, можетъ, сколько горя набрался, пока ему Богъ помогъ, за труды его, а тутъ приходитъ какой то есть грабитель и такъ норовить, чтобы чисто все дѣло спортить... Выходить, я не на себя, на его работалъ... на лодыря!.. Здорово это... хитро, ей-Богу!.. Хха, ха, ха! Ахъ ты, чортова штука! Очень даже это выходитъ правильно!..

Шестериковъ залился ѣдкимъ, горестнымъ смѣхомъ, потомъ вдругъ умолкъ, покачалъ головой и съ застывшей усмѣшкой на губахъ, приподнявъ брови, словно соображая что-то, хлестнулъ лошадь вожжою.

XX.

Послѣ того, какъ Варька разсталась съ прикащикомъ, ею овладѣлъ жгучій, нестерпимый стыдъ. Еще никогда раскаяніе не томило ее такъ тяжело и безысходно. Она проводила безъ сна долгія, тягучія ночи, лежа на земляномъ полу въ сѣнцахъ, и съ непонятнымъ злорадствомъ настойчиво бередила свою измученную совѣсть. Такъ хотѣлось неукротимой мукой искупить грѣхъ и казалось, что уже нѣтъ спасенія. Ей представлялся страшный судъ, точь въ точь такой, какъ на картинѣ, купленной тяткой на ярмаркѣ. Лжецы, предатели, распутники и прелюбодѣи висѣли на раскаленныхъ крючьяхъ, горѣли въ кипящей смолѣ, пожирались зелеными гадами съ острыми, окровавленными зубами. Отъ этого мутилось сознание, и судорожный страхъ сводилъ шею и ноги. Она лежала неподвижно, съ раскрытыми обезумѣвшими глазами, въ отчаяніи, жадно ожидая разсвѣта... Днемъ все же ей было легче. Надо было готовить снѣдать, стряпать обѣдъ, шить тяткѣ рубаху... Это хоть немного разсѣивало ползучія, неотвязныя думы...

Слова Шестерикова очень взволновали Варьку. Шендерюкъ все разболталъ хозяйну... теперь ихъ уже было трое: она, Шестериковъ и Демка... И въ томъ, что они знали это, было для нея что-то преступное и страшное, отъ чего уже нельзя было уйти и что связывало ихъ навсегда съ безжалостной жестокостью... И отъ этого сознанія застывало сердце, и безмолвный, леденящій ужасъ пронизывалъ Варьку.

Когда Грузновъ возвратился домой, послѣ расчета съ купцами, Варька встрѣтила его сурово и холодно.

— Время снѣдать... Цѣльный день дождайся!..

Фролъ Степанычъ участливо и безпокойно взглянулъ

на измученное, осунувшееся лицо дочки и неловко заторопился:

— Ну, давай снѣдать, Варя... чего серчаешь?..

Онъ разулся въ сѣнцахъ и, оставивъ тамъ сапоги и онучи, присѣлъ на завалинкѣ.

— Купецъ нонче сказывалъ: осетерь мелкій... А гдѣ ему крупнаго взять? Я говорю: погоди, господинъ, еще, говорю, нѣту ему сроку...

Голосъ Фрола Степаныча неожиданно задрожалъ, и онъ замялся.

— Давеча иду это и думаю, — снова началъ онъ осторожно и нерѣшительно:— вотъ бы, думаю, въ городъ съ Варей пойтить на ярмонку... Большая на Покровъ ярмонка въ Мелитополѣ...

Варька подозрительно взглянула на отца и вдругъ вспыхнула.

— Нечего, тятя, про ярмонку!.. Все одно не пойду!..

— Ну, не пойдешь, не надо... Нешто я тебя силую, Варя?..

Онъ вздохнулъ и опустилъ голову. Болѣзненное, жалостливое выраженіе застыло на его хмуромъ, загорѣломъ лицѣ, и еще рѣзче западали на щекахъ морщины.

— Варя...—сказалъ онъ вдругъ тихимъ, ласковымъ шопотомъ:— тяжело тебѣ, Варя?.. Вотъ ты какая, Варя... слабодушная. А?.. Глупая ты дѣвка, Варя... дочка моя милая... Ты, Варя, тятѣ скажи... все чисто скажи, Варя: легче тебѣ будетъ...

Варька вздрогнула и отвернулась.

— Варя, ты... Я тебѣ за отца, за мать... кругомъ... Съ чего это, Варя?..

— Ни съ чего!.. Снѣдай вотъ...

— Ну, ну... ну, не надо... Нешто я какъ?.. родной я тебѣ, Варя... чего тебѣ надо?.. ты скажи, Варя...

— Молчи, тятка!.. Отстань!..

Фролъ Степанычъ сразу умолкъ и растерянно взгля-

нуль на Варьку. Она стояла у крыльца, упрямо глядя въ землю, и лицо ея какъ будто поблѣднѣло отъ какой-то вдругъ вспыхнувшей рѣшимости.

— Ахъ ты дѣло какое!.. -- горестно прошепталъ Фроль Степанычъ, отодвигая отъ себя большую глиняную миску со щами, приправленными темно-зеленымъ конопляннымъ масломъ.

XXI.

Вскорѣ началась настоящая охота. Ходъ былъ обильный, рыба шла крупная, икрная. Каждый день къ вечеру забродчики привозили много добычи и тутъ же на берегу потрошили рыбу. Море играло почти цѣлую недѣлю кряду.

— Раскачалось! Не скоро станеть,—говорили забродчики, радуясь свѣжей погодѣ и хорошему лову.

Однако, къ ночи повернулъ вѣтеръ, далеко обнажился берегъ, ниже и шире стали желто-сѣрыя взбаламученныя волны; потомъ небо заволокло тучами, сразу засвѣжѣло, и рѣдкій холодный дождь длинными мутными спицами затанцовалъ надъ потемнѣвшей водою.

Къ утру море стояло совершенно спокойное, затупеванное мелкой темно-сѣрою рябью. День былъ совсѣмъ тихій, теплый и облачный.

Егорка съ утра уже сутился у большого баркаса, оттачивалъ напилкомъ длинные крючья багровы; потомъ долго прилаживалъ къ одному борту новыя шкармы. На его маленькомъ, остромъ лицѣ, съ обгорѣлымъ, шелупившимся носомъ, было серьезное, озабоченное выраженіе. Время отъ времени онъ громко свисталъ пѣсню и съ напускнымъ пренебреженіемъ оглядывалъ проходившихъ мимо забродчиковъ.

— Ай да Егорка! Какъ есть настоящіи забродчикъ!

- Капитанъ, одно слово!
- Ты чего надулся, Егорка?
- Гляди, Егорка, камсу напужаешь

Егорка презрительно пожималъ плечами и отворачивался, ни слова не отвѣчая на эти насмѣшки. Къ полудню онъ кончилъ работу, спряталъ подъ банкой большой топоръ, принесъ весла и, захвативъ съ собой инструментъ, пошелъ къ лобовскому куреню.

XXII.

Къ вечеру разошлись облака, а ночью вызвѣздило совѣтъ по осеннему. Надъ моремъ стоялъ прозрачный полумракъ, тихій и насторожившійся, полный неясныхъ, тупыхъ звуковъ и шороха. Гдѣ-то очень далеко передвигались надъ водой низкіе огни проходившаго мимо большого судна. На пологомъ берегу, словно вышедшія изъ воды черныя морскія чудовища, отдыхали неподвижные баркасы, длинные досчанники и шаланды, а за ними частыми темными буграми мерещились забродчскіе курени.

Лобовъ и Егорка, безшумно ступая босикомъ, прошли къ баркасу. Слышно было, какъ онъ зашуршалъ по песку килемъ и грузно, съ тихимъ плескомъ осѣлъ въ воду. Лобовъ взялся за весла.

— Не копайся!— строго приказалъ онъ хриплымъ, прерывистымъ шопотомъ.

Егорка оттолкнулся и поспѣшно взлѣвъ животомъ на корму, болтая въ воздухъ босыми, раскоряченными ногами.

Баркасъ взмыло; на одно мгновеніе онъ безпомощно закачался на мѣстѣ; потомъ, вдругъ выпрямившись, пошелъ на четырехъ веслахъ и скоро уже былъ далеко отъ берега. Вокругъ стояла та же жуткая, осторожная тишина. Только подъ килемъ слышалось непрерывное

однотонное журчанье, да звонко падали съ весель водныя капли. За кормой и подъ веслами клубилась вода мутнымъ, фосфорическимъ свѣтомъ.

„Сонька“ шла безшумно и медленно. Любовь, повернувъ голову, глядѣль черезъ плечо въ воду и видѣль въ ней колеблющіяся, разсыпанныя звѣзды. Ему казалось, что изъ воды глядятъ на него мутные подслѣповатые глаза какого-то черно-зеленаго чудовища... Задорное, немного жуткое веселье наполняло его напряженной бодростью, отъ которой по спинѣ и межъ плечъ холодной, щекочущей дрожью пробѣгали свѣжія струйки. Онъ живо представляль себѣ мѣсто заброда, темныя очертанія берега у Бирючаго острова, а влѣво отъ него черныя вѣхи и длинные ряды посуды. Съ маяка срывается яркій снопъ бѣлаго свѣта, потомъ краснаго... бѣлаго, краснаго, бѣлаго... быстро мѣняются цвѣта, точно красный снопъ нагоняеть бѣлый... вотъ еще быстрѣ замелькали цвѣтныя полосы... Красная, бѣлая, красная... Съ непостижимой быстротой машеть маякъ длинными руками и одна рука у него чистая, свѣтлая, а на другой кровь...

Любовь громко передохнулъ и оглянулся. Къ заводскому заброду было уже недалеко. Море стояло совсѣмъ черное. Казалось, что баркасъ плыль въ густой смоль, а она загоралась подъ веслами дымнымъ синеватымъ пламенемъ и скоро гасла, загоралась и гасла... Егорка сидѣль на веслахъ, спиной къ Лобову, ежился и громко тянулъ носомъ. При этомъ онъ странно вытягиваль впередъ руки, потомъ разводилъ назадъ локти и судорожно сокращаль затылокъ и шею.

— Какъ басурманъ на молитвѣ!—подумаль Любовь и эта мысль почему-то очень насмѣшила его. Онъ сталъ дразнить Егорку:

— Чего, братъ, засопился? а? Ну и лодырь ты, какъ я погляжу... накажи меня Богъ! Тебѣ развѣ добычу красть? Тебѣ до мамки спать пора...

— Чего до мамки?.. до мамки...—недовольно проворчалъ Егорка.

— Извѣстно, до мамки—молоко сосать... Тоже вызвался въ море иттить... Спервоначала ты-бъ себѣ храпъ заткнулъ... Нешто можно середь моря рыбу пужать? Ха, ха, ха!.. Съ твоего храпу на острову ребятамъ заснуть нельзя, накажи меня Богъ!

Егорка пересталъ сопѣть и озадаченный обернулся къ Лобову. Не находя возраженій на замѣчаніе Гришки, онъ послѣ небольшого раздумья вдругъ засмѣялся искреннимъ, совѣмъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Цесъ!.. суши весла!—добродушно смѣясь, шопотомъ командовалъ Лобовъ.

Они подняли весла, на которыхъ медленно потухъ дымный синеватый отблескъ; потомъ плавно опустили ихъ въ воду вдоль бортовъ и оставили на шкармахъ. Тотчасъ же съ обѣихъ сторонъ показались дымящіяся змѣйки, бѣжавшія за баркасомъ съ тихимъ, звенящимъ рокотомъ.

Разогнавшійся баркасъ уже сталъ замедлять ходъ, когда совѣмъ близко отъ него, за правымъ бортомъ цѣлый фейерверкъ сверкающихъ синеватыхъ струекъ точно взорвался подъ водою и зазмѣился по всѣмъ направленіямъ.

— Говорилъ я тебѣ, рыба пужается отъ твоего храпу!.. Гляди, какъ разбѣжалась...

Егорка визгливо хихикнулъ, быстро наклонился и поднялъ обѣими руками стоявшій подъ банкой небольшой чернѣйшій боченокъ. Прильнувъ губами къ воронкѣ, онъ сталъ громко глотать воду, обливаясь, фыркая и неестественно изгибаясь всѣмъ тѣломъ.

Баркасъ, наконецъ, остановился и, сносимый теченіемъ, медленно сталъ заворачивать вправо.

Лобовъ, дружески улыбаясь, поглядѣлъ на Егорку и взялся за весла.

— Сиди, отдыхай... сказалъ онъ ласковымъ, мяг-

кимъ шопотомъ: — тутъ уже недалече, одинъ до гребу...

Шкармы жалобно заскрипѣли подѣ веслами, и баркасъ медленно сталъ приближаться къ забродамъ. Такъ прошло около получаса. Снова напряженная тишина сковала море и воздухъ, и все нарастала, наполняясь тревогой и густымъ, непроницаемымъ мракомъ.

— Наши вѣхи прошли!—тихо произнесъ Егорка, и что-то пугливое и жалобное послышалось въ его голосѣ.

Лобовъ посмотрѣлъ на него и нахмурился.

— Можетъ, лучше назадъ пойдѣмъ?—спросилъ онъ жестко и холодно.

— Пойде-е-емъ...—недовѣрчиво протянулъ Егорка и ему вдругъ захотѣлось быть далеко отъ этого мѣста, на берегу, въ куренѣ, гдѣ такъ хорошо и присто пахнетъ соломой. Ему сдѣлалось холодно и стало клонить ко сну.

— Пойде-е-емъ!—передразнилъ его Лобовъ:—тутъ, братъ, некуда домой итти... вотъ онъ забродь-то ихній... Спускай багоръ!.. Гляди, не зѣвай... Домой захотѣлъ!.. Испужался!

Егорка молча повиновался. Скоро баркасъ что-то дернуло, и багоръ зацѣпилъ за вѣху. Лобовъ бросилъ весла и вторымъ багромъ подтянулся кормой къ бичевѣ.

— Сымай флакъ!.. Подтягивайся! Подтягивайся, Егорка!..

Теперь уже баркасъ шелъ вдоль бичевы, кормой впередъ, подвигаясь медленными, неровными толчками и оставляя за собой на густой черной водѣ загоравшуюся въ ней фантастическую витую вязь. Лобовъ напряженно глядѣлъ впередъ. Ему казалось, что ихъ превосходно видно съ маяка и что нужно скорѣе кончать дѣло. Онъ торопился, нѣсколько разъ терялъ бичеву и ругался скверными, матерными словами. Егорка тоже

испутанно метался по баркасу, безъ толку моталъ багромъ и снова тяжело сонгълъ... Вдругъ что-то сильно задержало бичеву. Баркасъ съ плескомъ закачался на мѣстѣ.

— Есть!—заволнованнымъ, плачущимъ шопотомъ произнесъ Любовь и схватился за голову. Онъ радостно крикнулъ и шлепнулъ свой картузъ на дно баркаса.

— Пудовъ двадцать бѣлужина!.. Бросай багоръ, Егорка, становись на весла... кормой подходи, кормой!..

Баркасъ обернулся на мѣстѣ. Шагахъ въ пятидесяти отъ кормы что-то тяжелое ворочалось въ водѣ, и сквозь нее видно было большое кипящее пятно дымаго, изсине-фіолетоваго пламени, словно подъ водой бушевалъ костеръ, разбрасывая отъ себя во всѣ стороны голубоватая, быстро потухающія брызги. Егорка на веслахъ медленно началъ подводить баркасъ къ этому мѣсту. Любовь стоялъ на кормѣ, крѣпко сжимая поднятый въ правой рукѣ багоръ, съ привязанной къ нему длинной веревкой.

Шагахъ въ десяти отъ добычи баркасъ вдругъ задержался на веслахъ, и въ воздухѣ съ рѣзкимъ, свистящимъ шумомъ пролетѣлъ багоръ. Видно было, какъ онъ царапнулъ воду и ударился во что-то живое. Оно бѣшено завозилось подъ водой, зажигая въ ней большое мутное пламя. Раздался частый яростный плескъ, и во всѣ стороны полетѣли дымящіяся брызги. Егорка опустил весла и, поспѣшно, шлепая босыми ногами, перепрыгнулъ на корму. Схвативъ веревку, онъ началъ медленно подтягивать баркасъ. Въ это время Любовь ударилъ вторымъ багромъ. Снова на одно мгновенье забурлила вода, потомъ вдругъ погасла и стало совсѣмъ тихо. Съ топоромъ на-готовѣ, Егорка стоялъ на кормѣ на колѣняхъ, держась одной рукой за банку, и ждалъ команды. Любовь собралъ веревку и схватилъ багоръ. Осторожно и тяжело ворочая имъ, онъ ждалъ удобнаго момента, чтобы снять рыбу.

— Готовъ топоръ, Егорка! Бей по головѣ сразу... гляди, не копайся...

Сильный ударъ въ корму прервалъ Лобова и сбиль его съ ногъ. Баркасъ безпомощно повернулся и ткнулся бортомъ во что-то живое, судорожно вздрагивавшее подъ водою. Егорка не удержался на кормѣ и, уронивъ топоръ, полетѣлъ въ воду.

Вынырнувъ, онъ схватился за бортъ, но съ противоположной стороны рыба снова ударила со страшной силой, и Егорку такъ больно толкнуло въ грудь, что у него захватило дыханье.

— О-го-го-го-о-о!..—прокатилось вдругъ надъ водою, и гдѣ-то недалеко раздался протяжный, призывный свистъ.

Егорка испуганно уцѣпился за бортъ и уже влѣзь на него животомъ, сильно накреня баркасъ, когда опять надъ моремъ пронесся долгій зловѣщій свистъ. Лобовъ на одно мгновенье увидѣлъ передъ собою обезумѣвшее отъ страха, съезжившееся лицо Егорки. Потомъ послышался мелкій, торопливый плескъ и громкое, тяжелое фырганье. Оставляя въ водѣ большія разорванныя облака дымящагося свѣта, Егорка поспѣшно отплывалъ къ берегу.

Лобовъ растерялся. Мгновенно пронеслись въ его сознаниі обрывки какихъ-то неясныхъ мыслей, и снова съ невѣроятной быстротой началъ махать маякъ зловѣще протянутыми руками, бѣлой, красной, бѣлой...

— Егорка, сукинъ сынъ! Ворочайся назадъ, анаеема!—закричалъ онъ испуганнымъ, надтреснутымъ голосомъ.

Потомъ онъ схватилъ багоръ и, не соблюдая больше никакой осторожности, снова подтянулся къ добычѣ. Тогда началась страшная возня, точно два разъяренныхъ звѣря вступили въ бой. Бѣлуга судорожно сокращала свое громадное тѣло, била хвостомъ по водѣ и баркасу, который скрипѣлъ отъ сильныхъ ударовъ и

раскачавшись прыгаль въ водѣ, какъ раненый звѣрь, большой и неуклюжий. Любовь, приросшій ко дну баркаса широко разставленными ногами, напрягаль всё силы, чтобы не выпустить изъ рукъ багра. Вокругъ него кипѣло море и, какъ зажженная сѣра, синеватымъ свѣтомъ дымилась водяная пѣна. Вдругъ что-то пронеслось надъ моремъ далекимъ, жалобнымъ стономъ, и жуткая, холодная дрожь змѣей проползла по тѣлу Лобова.

— О-ой... то-о-ну-у!—донесся издалека странно одинокій и слабый, надрывающійся голосъ Егорки.

Мысли Лобова завертѣлись въ безумномъ, слѣпомъ ужасѣ. Онъ выпустилъ багоръ и, прыгая черезъ банки, бросился на носъ баркаса, безсвязно бормоча что-то и нелѣпо размахивая руками.

Маякъ вращался на мѣстѣ, объятый огромнымъ краснымъ заревомъ, и его длинныя руки уже не были видны... Снова острый, оглушительный свистъ просверлилъ воздухъ, и вслѣдъ за нимъ грянулъ выстрѣлъ. Что-то ахнуло, гулко отдалось въ морѣ и рассыпалось далеко по водѣ мелкой, хохочущей дробью. И стало тихо, тихо... Только въ воздухѣ гудѣло что-то протяжно и непрерывно... Потомъ послышался быстрый свистящій шелестъ. Казалось, огромная птица, странно шумя крыльями, неслась надъ водой низко, низко и приближалась съ глухимъ, угрожающимъ шипѣниемъ... Недалеко мелькнула громадная черная тѣнь, потомъ вынырнулъ желтый свѣтъ фонаря и сразу погасъ, какъ будто упалъ въ бездну.

— О-ой... О-о-ой!— снова донеслось издалека и стихло.

Дрожь всѣмъ тѣломъ, Лобовъ поспѣшно сбросилъ съ себя порты и рубаху и кинулся въ воду. „Сонька“ сильно накренилась подъ его ногами и одиноко закачалась на мѣстѣ.

Сгорбившись и разводя въ водѣ руками, онъ без-

шумно проплыль мимо вѣхъ, оставляя за собой мутно-бѣлый, скоро потухавшій слѣдъ. Въ густой черной тьмѣ, совсѣмъ близко впереди него, снова мелькнулъ фонарь, послышались голоса людей, плескъ весель и громкая брань Демки...

Лобовъ глубоко передохнулъ и съ головой погрузился въ воду... Когда онъ вынырнулъ, заводская шланда была уже позади него и быстро неслась къ покинутому имъ баркасу.

XXIII.

Егорку долго и безуспѣшно искали баграми и неводомъ. Только на второй день тѣло его прибило къ берегу у Кирилловской слободы, и тамъ оно пролежало всю ночь.

На разсвѣтъ туда пошли забродчики и застали на берегу множество босоногихъ дѣтей съ испуганными, серьезными лицами, сидѣвшихъ на пескѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Они изрѣдка переглядывались между собою и перешептывались о чемъ-то быстрымъ, тревожнымъ шопотомъ. Недалеко на пескѣ лежало что-то большое и неподвижное, покрытое изодранной мочальной рогожей. Изъ-подъ нея торчали окостенѣвшія ноги съ судорожно скрюченными пальцами, съ желтой шершавой кожей на подошвахъ и пяткахъ. Тутъ же, отойдя въ сторону, сельскій десятскій, сторожившій тѣло, съ равнодушнымъ видомъ курить цыгарку. Онъ молча поздоровался съ забродчиками, не поворачивая головы, какъ будто куда-то всматриваясь.

— Ночью прибило? — глухо спросилъ Фролъ Степанычъ.

— Вчерась съ вечера... Должно, слабосильный былъ?.. мальчонка-то?..

— Крѣпкій былъ... про это что говорить!.. Испу-
жался дуже...

— На силу-то онъ на свою понадѣялся...

— Должно, такое ему положеніе, чтобы на водѣ по-
мереть...

— Сейчас приставъ съ дохтуромъ будутъ...

— Потрошить, что-ли?—жесткимъ, озлобленнымъ то-
номъ спросилъ кто-то изъ забродчиковъ, но не полу-
чивъ отвѣта, махнулъ рукой и отошелъ въ сторону.

— Тутъ ночью дѣвка прибѣгла... страсть за имъ
убивалась... Должно, сестра али сроственница...

— Нѣту у его ни отца, ни матери... сирота онъ...

— Должно, Варя была...—грустно проговорилъ Груз-
новъ и, перекрестившись, подошелъ къ утопленнику.

Онъ низко наклонился надъ нимъ и осторожно от-
вернулъ рогожку. Забродчики сразу узнали востроно-
сое лицо Егорки. Мокрая косма волосъ спутались надъ
его похолодѣвшимъ лбомъ, прозрачно-блѣднымъ, лос-
пившимся, какъ старый, отполированный мраморъ. На
скулахъ синѣли небольшіе кровоподтеки, а изъ-подъ
опущенныхъ вѣкъ узкими черточками сверкали осте-
клянѣвшіе бѣлки глазъ. Раскрытый ротъ съ посинѣв-
шими губами и маленькій, заострившійся носъ прида-
вали лицу утопленника странное, недоумѣвающее вы-
раженіе. Точно онъ собирался и не успѣлъ сказать
что-то очень важное и серьезное.

— Нибезпримѣнно заводъ ему подпалить надо!—не-
ожиданно вспомнилось Фролу Степанычу и отдалось въ
немъ глубокой, ѣдкой горестью. Онъ бережно завернулъ
рогожку и отошелъ, стараясь скрыть слезы, вдругъ вы-
ступившія изъ его старческихъ глазъ.

— Боже мой, Господи!.. Ни за что пропалъ мальчикъ!.. —
безсвязно шепталъ онъ, отворачиваясь отъ побѣжав-
шихъ за нимъ гурьбою слободскихъ ребятишекъ, ст-
испугомъ и любопытствомъ глядѣвшихъ, какъ плакалъ
старый, суровый забродчикъ.

XXIV.

Егорку похоронили поздно вечеромъ, на краю села, за церковной оградой. И въ гробу онъ былъ такой же недоумѣвающий, поглощенный невысказанной важной заботой. Любовь шелъ за гробомъ подавленный, полный суевѣрныхъ предчувствій и острой, безотчетной жалости. Что-то слѣзило глаза и давило грудь громадной непосильной тяжестью. Подвижныя черты Егоркина лица, успокоенныя смертью, отчетливо вѣзались въ его память и возникали передъ нимъ съ поразительной ясностью. Ему казалось, что покойникъ все слышитъ и только притворяется, и сейчасъ встанетъ изъ гроба съ жалобнымъ, дѣтскимъ плачемъ и причитаньемъ.

Въ застывшемъ воздухѣ сердито гудѣлъ густой басъ священника, и стройнымъ, старательнымъ хоромъ, полные кроткой сосредоточенной вѣры и примиренія, пѣли забродчики:

— Святый Боже, свя-тый крѣпкій, свя-тый безсмерт-ный, поми-луй насъ!..

Когда отпѣваніе кончилось, Любовь подошелъ къ могилѣ и бросилъ на гробъ горсть глыбистой тяжелой земли. Потомъ сразу замелькали заступы, глухо застучала земля и удушливой, желто-сѣрой пылью поднялся студа сухой могильный прахъ. У Лобова сжалось въ груди, а потомъ вдругъ стало легко и пусто, словно отъ него оторвалось что-то. Онъ стоялъ неподвижно надъ могилой и мутными, бессмысленными глазами глядѣлъ, какъ ставили надъ Егоркой низкій сосновый естъ.

— Не видалъ Варьку?—неожиданно услышалъ онъ зади себя и, обернувшись, увидѣлъ осунувшееся, зстроенное лицо Грузнова.

— Варьку?—переспросилъ онъ, точно разбуженный тѣмъ тяжелаго сна:—гдѣ-жъ она, Варька?..

Страшно торопясь и путаясь, какъ будто обрадовавшихся внезапно нахлынувшимъ новымъ, постороннимъ мыслямъ, Гришка забормоталъ что-то безсвязное и сбивчивое.

— Вчерась приходила до меня Варя... принесла снѣдать... а у меня хворь... недужно мнѣ... Ласковая, ласковая... жалостливая... Гдѣ-жъ она? Ахъ ты, Боже мой!.. а? Гдѣ-жъ она, Варя-то?.. Ребята, гдѣ-жъ дѣвка?.. Варьку кто видалъ?..

Никто изъ забродчиковъ не видѣлъ Варьку съ самаго утра и не зналъ, куда она дѣлась.

XXV.

Съ кладбища забродчики повернули къ большому шляху и, мимо слободы, пошли на косу. Было уже очень поздно, надъ степью стояла громадная полупрозрачная темнота и она неслышно колыхалась въ застывшемъ, дремотномъ воздухѣ. Забродчики шли медленной, молчаливой толпой, поглощенные тихой, покорною думой.

— Гляди, ребята, никакъ, гроза собирается...—раздался чей-то странно одинокій голосъ. И вдругъ что-то дрогнуло въ задремавшей степи и пронеслось мимо. Тогда всѣ столпились среди дороги, словно обрадовавшись нарушенному тягостному молчанію. Съ оживившимися лицами, споря и размахивая руками, забродчики стали вглядываться туда, гдѣ вспыхивали въ темнотѣ частыя, широкія зарницы. Онѣ охватывали небо красивымъ розовымъ отблескомъ и медленно гасли, отгоняя отъ себя быстрыя, пугливыя тѣни. Зарницы вспыхивали все чаще и чаще, и скоро слились въ одно огромное зарево, клубившееся пухлымъ багрово-краснымъ облакомъ.

Оно разгоралось и потухало, и вновь загоралось еще

съ большей яростью, обдавая затихшую степь широкимъ, безпокойнымъ дыханьемъ.

— Горить гдѣ-то... кажись, за Ефремовкой...

— Не-е... куды хватилъ!.. Нешто Ефремовка тамъ?..

— Пастухи курай подпалили!.. Сразу видать, что курай горить...

Зарево разгоралось все ярче и ярче. Широкия, темныя полосы побѣжали по степи, догоняя другъ друга, и точно таяли, исчезая во мракѣ. Потомъ далеко, далеко послышался странный прерывистый шумъ. Онъ росъ и приближался, и, наконецъ, отчетливо затопоталъ совсѣмъ близко, звучнымъ содрогающимся эхомъ отдаваясь въ степномъ просторѣ. Неожиданно изъ темноты вынырнула высокая черная фигура верхового на короткой храпящей лошади и, разогнавъ стоявшихъ на дорогѣ забродчиковъ, проскакала мимо.

— Эй... дядя!.. Откедова?..

— Съ Мазаевской экономіи!..—донесся протяжный, надорванный голосъ.

Потомъ все стихло и насторожилось, какъ будто ожидая чего-то страшнаго и неотвратимаго. Забродчики заторопились. Сбитой, безпокойной толпой они пошли впередъ, споря и перебывая другъ друга, не сводя глазъ съ горизонта, залитаго то разрастающимся, то мгновенно тускнѣвшимъ, багровымъ пламенемъ... И вдругъ всѣ сразу заговорили быстрыми, взволнованными голосами.

— Братцы, на острову пожаръ!..

— На заводѣ!.. Шестериковъ горить!..

Свернувъ съ дороги и натыкаясь одинъ на другого, забродчики бѣжали по жнивамъ и пашнямъ туда, гдѣ виднѣлась уже изба Фрола Степаныча, ярко освѣщенная отблескомъ разметавашагося надъ моремъ пожара.

XXVI.

На косѣ было свѣтло, какъ передъ закатомъ.

Среди густо потемнѣвшихъ травъ, тяжелымъ червоннымъ золотомъ отливали очеретяныя кровли куреней; отчетливо чернѣли профили шаландъ и баркасовъ на берегу, залитомъ мутно-желтымъ мигающимъ свѣтомъ. Сильно пахло дымомъ и гарью. Совсѣмъ близко вырѣзывался ослѣпительно бѣлый маякъ на почернѣвшей, какъ смола, слившейся поверхности неба и моря. Недалеко вправо, тамъ, гдѣ стоялъ заводъ Шестерикова, неистово бушевало громадное пламя. Что-то взрывалось и рушилось тамъ, бѣшено металось и билось, падало и поднималось снова, упорное и ожесточенное... Далеко вокругъ лопались и расползались большія, быстро вспухавшія облака дыма, отсвѣчивавшія то потускнѣвшею красною мѣдью, то нѣжнымъ пурпурнымъ румянцемъ.

Внизу сверкала узкая, словно раскаленная до-бѣла, полоса воды, подъ которой огромное зарево пожара опрокидывалось внизъ; оно разгоралось тамъ, среди густой черноты, съ бѣшеною яростью и гнало отъ себя почти къ самому берегу вздувавшіяся фантастическія облака, вспыхивавшія яркимъ багрянымъ отблескомъ.

Сбившись въ безпорядкѣ подлѣ избы Грузнова, забродчики бессмысленно галдѣли, какъ будто стараясь перекричать другъ друга, и голоса ихъ, какъ испуганныя, сонныя птицы, метались подъ чернымъ, низко осѣвшимъ небомъ.

Грузновъ и Гришка безуспѣшно искали Варьку по всюду.

— Варя!.. Боже мой!.. Варенька моя родная!..— въ испугѣ бормоталъ Фроль Степанычъ, остановившись среди двора и растерянно разводя руками. Что-то безпомощное и слабое было теперь въ его сгорбленной

неподвижной фигурѣ, отчетливо темнѣвшей въ освѣщенномъ вокругъ мутно-желтомъ, безжизненномъ воздухѣ. Онъ чувствовалъ, какъ на него неслось что-то огромное и страшное, заслоняя собой кровавое зрѣлище пожара и угнетая своей невыносимой тяжестью...

— Гриша...—сказалъ онъ, наконецъ, поспѣшнымъ, взволнованнымъ шопотомъ. --Стой, Гриша... Иѣту ея тутъ!.. Варя... тамъ она... на заводѣ!..

Любовь, вытаращивъ глаза, дико озирался вокругъ, точно стараясь что-то припомнить. У него сильно стучало въ вискахъ и сдавливало горло. Вдругъ, встретившись и грубо оттолкнувъ отъ себя Фрола Степаныча, онъ выбѣжалъ со двора на дорогу и закричалъ что-то непонятное столпившимся надъ кручей забродчикамъ. Потомъ, спотыкаясь и неуклюже размахивая руками, побѣжалъ по косѣ къ заводу и скоро исчезъ изъ виду.

Забродчики долго еще слышали, какъ онъ звалъ Варьку и кричалъ что-то отчаяннымъ, надрывающимся голосомъ.

XXVII.

Въ самомъ хвостѣ косы, притаившись за старой, развалившейся шаландой, Варька сидѣла въ травѣ, недалеко отъ дороги.

Къ Бирючему острову было совсѣмъ близко. Къ ней доносился яростный трескъ огня и зловѣщій непрерывный гулъ. Заводскія постройки были охвачены раскалившимся до-бѣла пламенемъ, которое обжигало глаза ровнымъ ярко-краснымъ отсвѣтомъ перебѣгало по цу и фигурѣ Варьки.

— Вотъ я это... я... я...—однообразно и монотонно оплывало въ ея сознаниі.

Варька вздрагивала и озиралась съ болѣзненной, щенной усмѣшкой. Она машинально срывала во-

кругъ себя мясистые стебли солончака и, съ растущимъ напряженіемъ, всматривалась туда, гдѣ бушевалъ пожаръ, обдавая ее горячимъ, ожесточеннымъ дыханіемъ.

Было невыносимо жарко и душно; ныло въ груди, точно тамъ тяжелымъ комомъ запеклась кровь. Въ сознаніи быстро проносилась все та же единственная мысль, ясная, упорная и неукротимая:

— Я это!.. вотъ я!.. я!..

Эти слова неслись неудержимо быстро, бились въ вискахъ и сливались въ тяжелый, угрожающій гулъ... Навстрѣчу ему спѣшилъ издалека какой-то отрывистый звонъ, гулъ и звонъ...

Она не слышала, какъ мимо пробѣжалъ Лобовъ. Потомъ все какъ будто стихло... И потомъ опять гулъ... звонъ... Варька вскочила и, выйдя на дорогу, стала прислушиваться...

Далеко въ слободѣ настойчиво и часто гудѣлъ набатъ.

ИВ. БУНИНЪ.
ВОСТОКЪ.

Т а й н а.

Элифъ. Ламъ. Мимъ.

Корамъ.

Онъ на клинокъ дохнулъ—и жало
Его сирийскаго кинжала
Померкло въ дымкѣ голубой:
Подъ дымкой ярче заблестали
Узоры золота на стали
Своей червонною рѣзбой.

„Во имя Бога и Пророка.
Прочти, слуга небесъ и рока,
Свой бранный кличъ: скажи, какимъ
Девизомъ твой клинокъ украшенъ?“
И онъ сказалъ: „Девизъ мой страшенъ.
Онъ—тайна тайнъ: Элифъ. Ламъ. Мимъ.“

„Элифъ, Ламъ, Мимъ? Но эти знаки
Темны, какъ путь въ загробномъ мракѣ:
Сокрылъ ихъ тайну Мохаммедъ“...
„Молчи, гяуръ!—сказалъ онъ строго,—
Нѣтъ въ мірѣ Бога, кромѣ Бога,
Сильнѣе тайны—силы нѣтъ“.

Сказаль, коснулся ятаганомъ
Чела подъ шелковымъ тюрбаномъ,
Окинулъ знойный Атмейданъ
Лѣнивымъ взглядомъ хищной птицы—
И тихо синія рѣсницы
Опять склонилъ на ятаганъ.

Т Э М Д Ж И Д Ъ.

Онъ не спятъ, не дремлетъ.
Коранъ.

Въ тихомъ старомъ городѣ Скутари,
Каждый разъ, какъ только надлежитъ
Быть срединѣ ночи,—раздается
Грустный и задумчивый Тэмджидъ.

На срединѣ между раннимъ утромъ
И вечернимъ сумракомъ, встаютъ
Дервиши Джелвети и на башнѣ
Древній гимнъ, святой Тэмджидъ поютъ.

Спятъ сады и спятъ гробницы въ полночь,
Спятъ Скутари... Все, что спитъ, молчить...
Но подъ звѣзднымъ небомъ съ темной башни
Не для спящихъ этотъ гимнъ звучитъ:

Есть глаза, чей скорбный взглядъ съ тревогой,
Съ тайной мукой въ сумракъ устремленъ,
Есть уста, что страстно и напрасно
Призываютъ благодатный сонъ.

И для нихъ-то, страждущихъ во мракѣ,—
Для больныхъ, для старцевъ, для сиротъ,

Сна лишенныхъ,—пѣсню утѣшенья
Братскій голосъ ласково поеть.

Темень мiръ, трудна стезя земная...
Но зачтется въ небѣ каждый вздохъ:
Спите, спите! Онъ не спитъ, не дремлетъ,
Онъ васъ помнитъ, милосердный Богъ.

Черный Камень.

Онъ драгоценной яшмой былъ когда-то,
Онъ былъ неизрѣченной бѣлизны —
Какъ цвѣтъ садовъ блаженнаго Джинната.
Какъ горный снѣгъ въ дни солнца и весни.

Духъ Гавриилъ для старца Авраама
Его нашель среди пещеръ и скалъ,
И гени хранили двери храма,
Гдѣ онъ жемчужной грудой сверкалъ.

Но шли вѣка—со всѣхъ концовъ вселенной
Къ нему неслись молитвы, и рѣкой
Текли во храмъ, далекій и священный,
Сердца, обремененныя тоской...

Аллахъ! Аллахъ! Померкъ твой даръ безцѣнный
Померкъ отъ слезъ и горести людской!

За измѣну.

Ихъ Господь истребилъ за измѣну несчастной отчизнѣ,
 Онъ костями ихъ тѣлъ, черепами усѣялъ поля.
 Воскресилъ ихъ пророкъ: онъ просилъ имъ у Господа
 жизни.
 Но позора Земли никогда не прощаетъ Земля.

Двѣ легенды о нихъ прочиталъ я въ легендахъ Востока.
 Милосердна одна: воскрешенные пали въ бою.
 Но другая жестока: до гроба, по слову пророка,
 Воскрешенные жили въ пустынномъ и дикомъ краю.

Въ день возстанья изъ мертвыхъ одежды ихъ черными
 стали,
 Въ знакъ того, что на нихъ — замогильнаго тлѣнiя
 слѣдъ,
 И до гроба ихъ лица, еклоненныя долу въ печали,
 Сохранили свинцовый, холодный, безжизненный цвѣтъ.

М и р а ж ъ.

Мы дали тебѣ Ковсерь.

Коранъ.

Здѣсь царство сновъ. На сотни вереть безлюдны
Солончаковъ нагіе берега.
Но воды въ нихъ—небесно изумрудны
И шелкъ песковъ бѣлѣе, чѣмъ снѣга.

Въ шелкахъ песковъ лишь сизыя полны
Растить Аллахъ для кочевыхъ отаръ.
Но небеса здѣсь несказанно сини
И солнце въ нихъ—какъ адскій огонь, Сакаръ.

И въ знойный часъ, когда миражъ зеркальный
Сольетъ весь міръ въ одинъ великій сонъ,
Въ безбрежный блескъ, за грань земли печальной,
Въ сады Джиннатъ уносить душу онъ.

А тамъ течеть, тамъ льется за туманомъ
Рѣка всѣхъ рѣкъ, лаазурная Ковсерь,
И всей землѣ, всѣмъ племенамъ и странамъ
Сулить покой... Терпи, молись—и вѣрь.

Д ж и н ы.

Стынуть пески въ тишинѣ и молчаніи ночи...
 Вдругъ зашумѣло сухимъ и холоднымъ пескомъ,
 Пыль за клубилась, сверкнули несмѣтные очи,
 Вѣтромъ пахнуло—и снова все стихло кругомъ.

Звѣзды горять надъ безлюдною, мертвой землею,
 Царственно блещетъ святое созвѣздіе Пса...
 Вдругъ потемнѣло —и огненно-красной змѣею
 Кто-то прорѣзалъ надъ темной землею небеса.

Путникъ, не бойся! Въ пустынѣ чудеснаго много:
 Это не вихри, а джины тревожатъ ее,
 Это архангелъ, слуга милосерднаго Бога,
 Въ демоновъ ночи метнулъ золотое копье.

Демоны всюду преграды куютъ человѣку —
 Имъ ненавистна святая дорога во храмъ.
 Но не страшись: на разсвѣтѣ увидишь ты Мекку
 И облечешься въ Ирамъ.

Гробница Сафи.

Горный ключъ по скаламъ и оврагамъ,
Полусонный, убѣгаетъ внизъ.
Какъ чернецъ, надъ бѣлымъ саркофагомъ
Въ синемъ небѣ замеръ кипарисъ.

Нѣжныя, какъ дѣвушки, мимозы
Льютъ подъ нимъ узоръ своихъ вѣтвей,
И цвѣтутъ, благоухаютъ розы
По кустамъ, гдѣ плачетъ соловей.

Ниже—дикій берегъ и туманный,
Еле уловимый горизонтъ:
Тамъ просторъ воздушный и безгранный,
Голубая бездна—Геллеспонтъ.

Миръ тебѣ, о юная! Смиренно
Я цѣлую бѣлое тюרבѣ:
Пять вѣковъ безсмертна и нетлѣнна
На Востокѣ память о тебѣ.

Счастливъ тотъ, кто жизнью мѣръ плѣняетъ.
Но стократъ счастливѣй тотъ, чей прахъ
Вѣру въ жизнь безсмертную вселяетъ
И цвѣтетъ легендами въ вѣкахъ!

СКИТАЛЕЦЪ.
ПОЛЕВОЙ СУДЪ.

Скиталець. ПОЛЕВОЙ СУДЪ.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, книгоиздательству „Demos“ въ Женевѣ, по слѣдующему адресу:

Société d'édition et de librairie „Demos“, 22, B^d du pont d'Arve, Genève, Suisse.

1.

За Жигулевскими горами прячется маленькая рѣчка Уса. Начинается она въ лѣсу, около села Переволоки, въ полуверстѣ отъ берега Волги, течетъ межъ горъ навстрѣчу ей, похожая на отростокъ или „усъ“ ея, и, перерѣзая наискось Самарскую Луку, впадаетъ въ Волгу верстѣ на двѣсти выше, около Молодецкаго Кургана.

Если отъ Переволокъ ѣхать по этой рѣчкѣ, а не вверхъ по Волгѣ, то можно черезъ нѣсколько часовъ очутиться по другую сторону Луки и такимъ образомъ, плывя по теченію, внятеро сократить разстояніе.

Встарину Усой пользовались волжскіе разбойники: они нападали на караваны около Переволокъ и, если суда убѣгали отъ нихъ, — то переволакивали свои челноки на Усу, обгоняли ихъ и вновь грабили у Молодецкаго Кургана.

И рѣчка Уса до сихъ поръ сохраняетъ свой прежній разбойничій видъ: она течетъ въ Жигулевскихъ дебряхъ, межъ скалъ и ущелій, дикая, безлюдная, то исчезая въ лѣсу, то снова внезапно появляясь, то широкая и спокойная, то превращенная въ бурный потокъ, мчащійся по зубчатымъ порогамъ. Высокіе, круе берега ея покрываетъ старый сосновый боръ, и разу нигдѣ не встрѣчается жилья человѣческаго. тихо бываетъ кругомъ, когда плывешь по ней на

челнокъ съ косымъ волжскимъ парусомъ. Мѣста здѣсь все заповѣдныя, лѣса—дремучіе, и стоятъ заросшія лѣсомъ горы все такими же дикими, какъ и сотни лѣтъ назадъ. Что ни дальше плывешь по Усѣ, — берега идутъ все выше и угрюмѣе, Уса бѣжитъ подъ висящими скалами по темному ущелью, на днѣ пропасти; высоко въ небѣ громоздятся скалистые вершины горъ, похожія на зубчатые хребты сказочныхъ чудовищъ или развалины замковъ, а старыя сосны, качаясь отъ вѣтра, гулко поютъ буйныя пѣсни или угрюмо шепчутъ другъ другу жуткія разбойничьи сказки. Вѣтеръ въ этомъ ущельѣ ежеминутно мѣняется, издѣваясь надъ парусомъ, изъ-подъ каменныхъ береговъ звенятъ подземные ключи и чернѣютъ пещеры, полныя темной воды. Какъ-то вѣрится здѣсь въ нечистую силу, въ колдовство, въ исполинскихъ змѣй и драконовъ. Кажется, что невидимая злая сила, тяготящая надъ людьми, имѣетъ здѣсь главное свое пребываніе. Выгнанная отовсюду, она прячется здѣсь, въ подземныхъ пещерахъ, подъ горами. И живутъ о каждой горѣ пѣсни и повѣрья въ жигулевскомъ народѣ и вѣетъ отъ нихъ дикостью горъ, поэзіей лѣса.

Стоитъ на Усѣ высокая, обрывистая „Дѣвичья гора“: съ нея когда-то, сотни лѣтъ назадъ, сбросили дѣвушку въ Волгу, невинную, чистую дѣвушку; и съ тѣхъ поръ каждую весну горитъ село Дѣвичье, горитъ весеннею ночью, а на горѣ, въ заревѣ пожара видятъ люди ея огненный, мстительный образъ. Уже позабыто теперь, за что ее сбросили...

Тайна кроется въ пѣснѣ.

Есть тутъ урочище „Воеводино“: стоялъ надъ Волгой красный теремъ съ высокимъ окномъ, воеводинъ теремъ, и любила жена воеводы удалого разбойника: на легкой лодочкѣ приплывалъ онъ къ ней, свисталъ по соловьиному, въ терему отворялось окно, и по веревкѣ она принимала къ себѣ атамана. Но въ послѣдніѣ

разъ не воротился онъ изъ терема: только лодка плыла безъ него, по теченію, а за нею—молодецкая шапка съ краснымъ верхомъ, съ золотою кистью...

Тайна кроется въ пѣснѣ.

А вотъ мрачная Кудеярова гора. Кровожаденъ, жестокъ и мстителенъ былъ Кудеяръ. Лилъ, какъ воду—кровь человѣческую, а любилъ похищенную красавицу и держалъ ее взаперти, на вершинѣ горы. Кончила жизнь свою Кудеяръ монашескимъ подвигомъ: сталъ грѣхи свои замаливать.

Есть на Усѣ двѣнадцать малыхъ кургановъ—могилы двѣнадцати братьевъ. Позабыто уже, что это были за братья.

Глубокая, старая тайна кроется въ старомъ преданіѣ.

Все кругомъ обвѣяно тайной, поэтической пѣсней, сѣдою легендой. И начинаетъ казаться, что между стволами стараго бора, что всходитъ прямыми рядами на вершины горъ,—мелькаетъ кто-то безмолвный, кто-то величаво-печальный, могучій, въ златоверхой шапкѣ, въ дорогомъ кафтанѣ съ оторочкой.

И такъ жутко становится въ этой мрачной тишинѣ, что хочется крикнуть, хочется слышать обычный человѣческій голосъ. Но этого только и надо горамъ: волшебное эхо подхватить нѣсколько словъ и долго будеть повторять ихъ громовымъ, нечеловѣчески-мощнымъ голосомъ.

Тѣни далекаго прошлаго обитаютъ здѣсь и не признаютъ онѣ новыхъ владѣльцевъ этихъ чудныхъ горъ, все еще однихъ себя считаютъ онѣ хозяевами здѣшняго приволья. Воинственные, смѣлые, сильные люди гда-то жили здѣсь, и жизнь ихъ была вольной, и бли они въ борьбѣ за волю...

Давно уже нѣтъ ихъ.

И хочется знать, кто живетъ здѣсь теперь, гдѣ покаки тѣхъ сильныхъ людей, настоящихъ хозяевъ этой яны, поливавшихъ ее кровью своей.

Какъ-бы въ отвѣтъ на эти мысли, неожиданно выносятся Уса изъ глубокаго ущелья въ привольную долину, окруженную подковою горъ, задумчиво глядящихъ на Селитьбу, сѣрое, печальное, нищенски-бѣдное село, что пріютилось въ долинѣ на берегу рѣки,—убогое село среди роскошно-величавой природы.

Туть-же впадаетъ Уса въ широко-разлившуюся Волгу, такъ широко, что чуть виденъ простымъ глазомъ луговой, плоскій берегъ ея.

При сляніи рѣкъ, выдаваясь впередъ, какъ на стражѣ—стоитъ грозный Молодецкій Курганъ—сказочная голова гиганта съ морщинистымъ, угрюмо-страдальческимъ каменнымъ лицомъ, съ нахмуреннымъ лбомъ и зеленымъ боромъ вмѣсто волосъ. И бьются лѣвучія волны о печальное лицо его, и шевелится подъ вѣтромъ звенящій боръ. А угрюмый Курганъ глядитъ на сосѣднія зелено-кудрявыя, ласково-спокойныя горы, цѣликомъ отраженныя въ мощной зеркальной рѣкѣ, и хмурится, и вѣчно думаетъ свои старыя, разбойничьи думы.

И такъ хороши, такъ цѣломудренно-хороши этотъ благодатный край, столько въ немъ глубокаго покоя, привѣтливой ласки и нѣжной грусти, такую дышетъ онъ думой и силой, пирью и волей, что хочется позавидовать людямъ, живущимъ здѣсь, что невѣроятнымъ и невозможнымъ кажется въ краю этомъ горе людское.

Болѣе, чѣмъ сто тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ весь этотъ чудный приволжскій край—эти рѣки, земли, лѣса и горы—стали родовымъ графскимъ достояніемъ; въ неприкосновенномъ видѣ переходить это маленькое царство изъ рода въ родъ старой графской фамиліи, представители которой никогда не живутъ здѣсь. Но Селитьба—древнѣе стараго графскаго рода: въ маленькой старой церковкѣ до сихъ поръ хранятся

старыя лѣтописи, въ которыхъ разсказана странная исторія села.

Еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ пришли сюда вольные люди, новгородскіе ушкуйники, пришли съ пищалями и бердышами, прогнали отсюда какое-то басурманское племя и „окопались около Кургана“.

Жили они въ постоянной борьбѣ съ кочевыми племенами, но утвердились и стали границей царства Московскаго, стали постоянной угрозой для враговъ его.

Подвиги воинственной Селитьбы оцѣнилъ царь Алексѣй Михайловичъ: всю прилегающую къ Селитьбѣ долину даровалъ онъ имъ, и дарственная царская грамота изъ поколѣнія въ поколѣніе сохранялась лучшими, старѣйшими людьми Селитьбы.

И долго жили они среди непроходимыхъ дебрей, скрытые отъ чужой жизни горами и лѣсами, и долго никто не зналъ о нихъ. Вѣкъ проходилъ за вѣкомъ, а дѣти лѣса жили безъ перемѣнъ, все такъ же, какъ и прежде, и знали только свою землю, лѣсъ и горы. Потомъ отыскало ихъ крѣпостное право, покорило и ввело въ колею. А при Екатеринѣ они были подарены вмѣстѣ съ землей, съ тѣломъ и душой въ „майоратное“ вѣчное владѣніе блестящему, великолѣпному графу и всему его потомству. „Царская грамота“ стала ненужной, ее забыли, потеряли. Осталась только глухая, неистребимая, незабываемая легенда о ней. И старики разсказывали внукамъ сказку „о царской грамотѣ“.

Потомъ—пало крѣпостное право.

Мужики поплы на малый надѣлъ и оказались безъ клочка земли, окруженные владѣніями „графа“.

И превратились они въ „рабочія руки“ графскихъ имѣній, обрабатывая барскую землю послѣ воли такъ же, какъ и до воли.

Она, эта „воля“, какъ будто прошла мимо Селитьбы, не коснувшись ея.

Ушла она отъ нихъ за лѣса и горы, а они остались какъ и прежде неподвижными, жили покорно, и недолго страдали.

Только съ новою силою стала оживать сказка о пропавшей царской грамотѣ, только еще больше украсилась эта сказка безсознательно-красивыми вымыслами, Богъ вѣсть когда рожденными поэтической душой народа.

И вѣчно-юнымъ оставалось въ этой душѣ все давнее, легендарное, отжившее. Смутно жили въ ней вѣковья, забытыя воспоминанія о землѣ и волѣ, о первобытной справедливости, о старой, патріархальной жизни. Родимый лѣсъ, все такой же, какъ и сотни лѣтъ назадъ, словно зачаровывалъ ихъ своими тайнами, запечатлѣвалъ и шталъ въ ихъ душѣ дремучія, вѣковья думы. И не знали они, что сдѣлала жизнь тамъ, за этимъ лѣсомъ, за грядою таинственныхъ горъ, куда мчалась ихъ старая разбойничья рѣка и куда уносила ея воды могучая Волга...

Исторія желѣзною пятою шагала по ихъ спинамъ, а они все жили въ мѣрѣ лѣсныхъ сказокъ, гремящихъ ручьевъ, играющаго эха, и подъ безсознательными образами и темными, смутными воспоминаніями спящей глубокой души лежала, какъ сказочный кладъ, какая то утраченная, великая правда.

Жила въ нихъ тоска по старой, вѣчной, огромной божеской правдѣ, но не находили они словъ и образовъ, чтобы выразить эту тоску, и лежала на ихъ бородастыхъ, крупныхъ и грубо-сильныхъ лицахъ тѣнь угрюмаго страданія и каменнаго терпѣнія, и было что-то общее въ ихъ лицахъ и въ гигантскомъ тысячелѣтнемъ лицѣ Молодецкаго Кургана.

И долго-бы жили они такъ въ своемъ покорномъ и таинственномъ безмолвіи, если-бы не нашлась легендарная царская грамота. Однажды во время пожара, когда горѣла въ Селитьбѣ хижина какой-то столѣтней

одиной старухи, спасавшіе ея добро выбросили въ окно маленькій старый сундучокъ, который при паденіи разбился, а изъ потайного, никому доселѣ неизвѣстнаго ящичка выскочилъ старый пергаментный свертокъ, испещренный странными буквами, исписанный мало-понятными словами,—удивительный свертокъ съ большой старинной печатью.

Въ городѣ эти слова разобрали, прочли и перевели ходокамъ Селитьбы на жигулевскій языкъ.

Въ этой полусказочной воскресшей хартіи могучій царь бралъ ихъ подъ свою высокую царскую руку, миловалъ за старья вины, а за подвиги ратные щедро жаловалъ на вѣки-вѣчные землей и угодьями. И властно была приложена тяжелая именная царская печать и „высокою“ рукой подписано давно ушедшее въ глубину вѣковъ царственное имя.

Много снится людямъ снова золотыхъ, много райскихъ видѣній проплываетъ надъ спящей душой человека, но крестьянскій сонъ всегда одинъ: крестьянину снится земля. Въ его душѣ вѣчно живутъ черныя думы о сѣрой землѣ. Вся фантастичность, вся поэзія, все безсознательное творчество всколыхнулись въ первобытныхъ душахъ этихъ питомцевъ природы. И съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ ходили ходоки села Селитьбы по судамъ и палатамъ большихъ городовъ. Они искали все какую-то „подземельную канцелярію“ и взявши ея попадали въ острогъ или въ сумасшедшій домъ. Они казались выходцами изъ шестнадцатаго вѣка. Современный вѣкъ не понималъ ихъ, и они не понимали его.

А они хотѣли—суда.

Всюду подавали странныя прошенія, въ которыхъ изъяснялась сказочная исторія, и отовсюду прошенія имъ возвращали и суда начинать не хотѣли.

Многимъ казались интересными эти самобытные, оригинальные люди съ красивой типичной внѣшностью, живописномъ національномъ нарядѣ, съ завѣтной

кожаной сумкой, съ волшебной, сказочной грамотой чуть-ли не сказочнаго царя. И смотрѣли на нихъ съ любопытствомъ, какъ на дѣйствующихъ лицъ волшебной сказки, смотрѣли у нихъ грамоту и отсылали отъ одной канцеляріи—къ другой, отъ одного адвоката къ другому.

А они шли—къ царю, но дойти не удавалось, и ни съ чѣмъ возвращались ходоки въ родную свою Селитьбу.

На нѣкоторое время мечты ихъ о землѣ какъ-бы замирали, но потомъ опять возрождались съ новой силой. Стоило кому-нибудь увѣрить ихъ, что дѣло ихъ правое, что землю высудить можно, и—опять собирався сходъ, галдѣль, составлялъ „приговоръ“, выбиралъ ходоковъ.

И снова шли ходоки въ далекій, не понимавшій ихъ городъ, ходили долго и опять ни съ чѣмъ возвращались домой. Писали графу—графъ жилъ за границей и ничего не отвѣчалъ имъ; нѣмецъ-управляющій гналъ ихъ, не желая слушать. Въ послѣднее время составляли приговоры „объ отобраниі земли у графа“ и вручали ихъ земскому начальнику для представленія высшему начальству, но земскій грозилъ и ругался, бралъ себѣ приговоры и никому не отсылалъ ихъ.

Такъ двадцать лѣтъ тянулась эта безплодная исторія—безконечная, старая, обыкновенная, всѣмъ надоѣвшая исторія мужичьей темноты, глупости и упрямства.

И никто не могъ ихъ убѣдить, что уже безсиленъ теперь добрый Московскій царь Алексѣй Михайловичъ и безсильно его могучее царское слово, и что не встанетъ онъ для нихъ изъ древней усыпальницы московскихъ царей, чтобы заступиться за потомковъ обласканныхъ имъ вольныхъ ратныхъ людей, покорившихъ подъ „нози“ его богатое волжское царство.

И никто не могъ доказать имъ, что беспильна теперь та правда, въ которую одну они вѣрятъ, которую

ищуть и не могут не искать, ибо глубоко заложена жажда ея въ темныхъ нѣдрахъ ихъ загадочной, молчаливой души.

II.

Въ свѣтлое майское утро, когда разлившаяся Волга и полная, бурная Уса были особенно прекрасны, отражая въ себѣ зеленыя горы, когда радостное весеннее солнце насквозь пронизывало золотымъ своимъ свѣтомъ прозрачный молочно-синій туманъ, поднимавшійся надъ ширью отрадно-свѣжей, исполненной величавой нѣги, силы и спокойствія гигантской рѣки въ это дивное утро въ чудной изумрудной долинь, обрамленной полукругомъ разодѣтыхъ въ нѣжную зелень горъ, на границѣ крестьянской и графской земли происходило что-то необыкновенное.

Тысячная толпа съ женами и дѣтьми, съ цѣлымъ таборомъ телѣгъ, сохъ и лошадей расположилась въ цолѣ.

Вся Селитьба выѣхала сюда, и, кромѣ нея, пришли толпы изъ сосѣднихъ деревень и маленькаго городка, который чуть виденъ былъ отсюда на горизонтѣ сквозь рѣдѣющій золотой туманъ.

Весь этотъ народъ галдѣлъ и копошился, какъ на ярмаркѣ. Лошади изъ телѣгъ были выпряжены и паслись около. Оглобли подняты кверху. Почти у каждой телѣги пылалъ костеръ, на которомъ женщины готовили пищу, и эти безчисленные огни придавали колоссальному табору нѣчто древне-дикое, напоминавшее бродячую народность. Говоръ мужчинъ и женщинъ, пискъ и плачь ребятъ, ржаніе лошадей—все это давало настроеніе чего-то необычнаго, торжественнаго. А вдоль межи на цѣлую версту растянулись цѣпью триста или четыреста сохъ съ запряженными въ нихъ лошадьми. И вся эта картина удивительно гармонировала съ мо-

гучими горами, курганами, огромной сверкающей рѣкой и лѣсомъ, безконечнымъ лѣсомъ, что покрылъ собою весь горный хребетъ, отразился въ рѣкѣ и ушелъ до края нѣжно-голубого неба.

Около межи, въ центрѣ всего табора стояло два большихъ стола, накрытыхъ скатертью.

На одномъ изъ нихъ лежали предметы и церковная утварь для молебна съ водосвятиемъ: кропило, кадило, книги, свѣчи—и еще круглый крестьянскій хлѣбъ съ вышитымъ полотенцемъ и солью въ большой рѣзной солоницѣ.

На другомъ столѣ были приготовлены письменныя принадлежности: перо, чернила, бумага—и лежала знаменитая кожаная сумка съ „царской грамотой“.

Маленькій, старенькій селитьбенскій попикъ уже надѣлъ ризу и выправлялъ изъ-подъ нея жидкіе сѣдые волосы.

Толпа, стихая, тяжело и плотно сгрудилась къ столамъ и обнажила головы. Впереди всѣхъ стояли старшина, сотскіе и нѣсколько самыхъ старыхъ крестьянъ съ длинными сѣдыми бородами.

Начался молебенъ.

Толпа истоиво крестилась и вздыхала. Многіе стояли на колѣняхъ и плакали, обращая лица свои къ прозрачно-высокому, нѣжно-бирюзовому небу.

Въ тишинѣ молебствія издали доносился густымъ, чуть слышимымъ струннымъ звукомъ шумъ лѣса и волнъ.

Наканунъ этого дня крестьяне села Селитьбы собрались на сходъ и составили приговоръ о „полево́мъ судѣ“.

Рѣшили они выѣхать въ поле, созвать туда со всей округи „окольныхъ людей“, пригласить графскаго управляющаго, увѣдомить объ этомъ исправника и земскаго начальника и, въ присутствіи окольныхъ людей предъ лицомъ начальства, показать управляющему „царскую“

грамоту“, а затѣмъ потребовать, чтобы и онъ положилъ на столъ рядомъ съ ней тѣ документы, по которымъ графъ владѣеть землей. И тогда—какъ рѣшатъ окольные люди, такъ и будетъ: коли присудятъ землю графу—покориться и разойтись, а присудятъ мужикамъ—то запахать ее тутъ же, торжественно, всѣмъ селомъ: пусть тогда графъ судится и самъ доказываетъ свое право.

Но если при запахкѣ графскіе люди или городекая полиція будутъ препятствовать, то ни въ какомъ случаѣ не сопротивляться и не прибѣгать къ насилію, а чтобы не оклеветать кто-нибудь крестьянъ въ сопротивленіи властямъ, то не брать съ собой никому ни палки, ни прутика, ни даже кнута для лошади: пусть не смѣшиваютъ ихъ поступокъ съ разбоемъ, насиліемъ и захватомъ чужой собственности: они хотятъ добиться правды, законности и вынуждены послѣ двадцати лѣтъ бесплодныхъ страданій обратиться къ „полевому суду“.

Чуть слышно дребезжалъ голосъ попика. Глухимъ басомъ гудѣлъ дьячокъ. Густо вздыхала толпа, и ровно пѣвучей волной доносилась музыка сосноваго бора. Вдали, съ горы, со стороны графской усадьбы, спустился по дорогѣ экипажъ и нѣсколько всадниковъ.

Молебень кончился.

Толпа опять загудѣла. Выдѣлялись отдѣльныя восклицанія:

- Исправникъ ѣдетъ!
- А верхами-то—урядники!
- Управитель-то! Рядомъ съ исправникомъ!
- И земскій съ ними!
- И всѣ—на графскихъ лошадахъ! Ха-ха!

Послышался презрительный смѣхъ.

Скоро къ табору подкатила щегольская графская коляска, запряженная парой вороныхъ лошадей. Коляску сопровождалъ нарядъ конныхъ урядниковъ.

Мужики стихли и сняли шапки. Впереди всей толпы

стояли старшина и высокій красивый старикъ съ длинной, бѣлой бородой; въ рукахъ они держали хлѣбъ съ полотенцемъ и соль.

Изъ коляски медленно вышло начальство.

Пожилой, но еще бравый исправникъ походилъ на червоннаго короля: борода его, длинная, волнистая, слегка раздѣленная внизу на двѣ половины, почти уже сѣдая, ниспадала на высокую грудь; лицо у него было красивое, умное, въ большихъ веселыхъ глазахъ свѣтилось добродушіе.

Земскимъ начальникомъ былъ мѣшковатый, неуклюжий господинъ медвѣжьяго тѣлосложенія, рыжій, сутулый, со взглядомъ изподлобья, съ тупой жестокостью и злой ограниченностью въ выраженіи угрюмаго, грубаго лица. Даже фуражка съ краснымъ околышемъ сидѣла на его круглой стриженной головѣ съ широкимъ плоскимъ затылкомъ какъ-то слишкомъ опредѣленно и безповоротно, а животный затылокъ внушалъ безотчетный страхъ.

За ними изъ коляски выпрыгнулъ управляющій-нѣмецъ съ черной бородой, въ соломенной шляпѣ и парусиновомъ костюмѣ. Онъ смотрѣлъ на толпу брезгливо, не скрывая своего презрѣнія.

Старшина и красивый старикъ поднесли исправнику „хлѣбъ-соль“. Надъ толпой невнятно звучали отрывочныя фразы короткой рѣчи, которую сказалъ старшина:

— ...Хлѣбомъ живемъ—хлѣбъ и подносимъ... не обезсудь... не за худомъ собрались... изволь выслушать...

Исправникъ движеніемъ руки велѣлъ положить хлѣбъ обратно на столъ и самъ подошелъ къ столу вмѣстѣ съ земскимъ, управляющимъ и урядниками. Толпа раздалась, приняла ихъ въ себя и затѣмъ опять сомкнулась вокругъ нихъ густымъ, широкимъ кольцомъ.

Исправникъ быстрымъ взглядомъ окинулъ море го-

ловъ, таборъ, костры и сохи и спросилъ мягкимъ, хриповатымъ басомъ:

— Въ чемъ дѣло? зачѣмъ собрались?

Вся толпа заговорила разомъ. Даже бабы что-то кричали, волнуясь и поднимая руки къ небу.

Исправникъ замахалъ рукой.

— Тише! Молчите! Говори кто-нибудь одинъ... выборные!

Выступили впередъ опять старшина, нѣсколько стариковъ и молодыхъ.

— Мы—выборные!

— Пусть кто-нибудь одинъ!

Раздались голоса изъ толпы:

— Епанешниковъ, говори! или ты, Башаевъ!

Сталъ говорить Башаевъ, — молодой, лѣтъ тридцати, живой, энергичный мужикъ небольшого роста, съ курчавой свѣтлой бородкой.

— Ваше благородіе!—взволнованно, смѣло, звонкимъ голосомъ крикнулъ онъ:—мы не воровать пріѣхали! Мы пріѣхали свою землю пахать! свою! Будьте свидѣтели! Вотъ здѣсь на лицо господинъ управляющій, а вотъ окольные, посторонніе люди: мы сами ихъ призвали! Пусть насъ здѣсь разсудятъ, будемъ въ полѣ судиться, какъ наши прадѣды судились! Ваше благородіе! посмотрите: вотъ на этомъ столѣ лежитъ царская грамота царская! дарственная! отъ самого въ Бозѣ почившаго царя Алексѣя Михайловича. Башаевъ перекрестился. — Напа земля! Почему же ей владѣть графъ? Пускай господинъ управляющій положить на другой столъ графскую грамоту! Може, его грамота сильнѣе—тогда мы уѣдемъ, тамъ уже окольные люди будутъ судить! Мы требуемъ, намъ желательно, чтобы показалъ, положилъ... Мы двадцать лѣтъ... Пусть положитъ!

Звонкій голосъ его разносился по всему полю.

— Пусть положитъ!—густо откликнулась толпа.

Исправникъ затрясъ бородой, и толпа, погалдѣвъ,

стихла. Впередъ выступилъ управляющій, желая что-то говорить.

Онъ говорилъ тихо, спокойнымъ голосомъ, и его рѣчь плохо была слышна въ заднихъ рядахъ.

— Я не понимаютъ...—доносились ломанья слова:—какой такой полевой суть? зачѣмъ суть?.. Какое имѣете право?.. я не обязанъ... ничего не покажу...

Толпа заглушила его враждебнымъ рычаніемъ:

— Ага! не показываетъ, нѣмчура! харя!

— Видно, и показать-то нечего!

— Слышали? не показываетъ!

— Не показываетъ!

Толпа гудѣла.

Исправникъ замахалъ платкомъ.

Когда гулъ затихъ, онъ выпрямился, тряхнулъ волнистой бородой и закричалъ, напрягая грудь:

— Предупреждаю!.. вы затѣваете противозаконное! Никакого полевого суда нѣтъ и быть не должно! Убѣждаю васъ разойтись по домамъ!

— Не разойдемся!—загремѣло кругомъ. Начался всеобщій говоръ. Толпа начинала возбуждаться, жестикулировать... Мелькали руки, потрясаемыя бороды, оживленные, негодующія фізіономіи. Тысяча голосовъ на разные лады кричала:

— Мы требуемъ!.. пусть прочитаютъ! Двадцать лѣтъ!.. Документъ! Управитель! Богъ!.. Правда... Законъ.

Земскій начальникъ давно уже весь трясся отъ злости. Блѣдный, съ потемнѣвшими, горящими глазами, онъ протолкался впередъ и что-то кричалъ рыкающимъ голосомъ, грозя кому-то кулакомъ.

Ревъ толпы сталъ затихать.

— Запрещаю!..—услышала она грозный окрикъ:—уйдите!.. бунтъ!

При этомъ словѣ все сразу стихло. Словно разом вспомнили всѣ уговоръ не давать повода къ обвиненію ихъ въ насиліи. Толпа словно подавила въ себѣ что-т

Только гдѣ-то позади опущенныхъ долу головъ вынырнула черная, хохлатая голова разбойничьяго типа съ дерзкими, острыми глазами и среди внезапной тишины сказала насмѣшливымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Эй, ваше благородіе! Ваше дѣло — только запрещать! Всѣ вы — закуплены графомъ! Мы ляжемъ костьми, а не уйдемъ! Такъ и знайте!

— Не уйдемъ! — опять загудѣла толпа. — Бунтовать мы не станемъ: мы — по закону!.. Кабы захотѣли, давно-бы.. какъ пыль съ лубка стряхнули!

Толпа оскорбленно рычала.

— Господа окольные люди! — нарастѣвъ зазвенѣлъ голосъ Башаева.

Онъ показался на столѣ, видный воѣмъ, и, протягивая къ народу развернутую хартію, не то кричалъ, не то пѣлъ:

— О-коль-ны-е лю-ди-и! Видѣли вы нашу царскую грамоту? вотъ она-а! глядите! во-отъ! видѣли?

— Видѣли! — ухнула тысяча голосовъ.

— А управитель... своей графской грамоты... не пока-валъ?

— Не показалъ! — прокатилось по всему полю.

— Стало быть — чья земля?

— Ваша! — въ одинъ голосъ грянули „окольные люди“.

— А коли на-ша-а, — торжествующе продолжалъ Башаевъ, все повышая и повышая свой звонкій голосъ и возбужденіемъ своимъ заражая толпу: — коли она, матушка, на-аша, то какъ же повелите вы сдѣлать намъ, господа окольные люди? Па-ахать?

— Пашите! — загрохотало поле.

Исправникъ, земскій и управляющій устремились въ коляску. Старшина помогалъ имъ.

— Я ѣду къ губернатору! взволнованно сказалъ ему исправникъ: — наблюдайте, по крайней мѣрѣ, чтобы не вышло столкновенія. Я далъ урядникамъ инструкціи — не раздражать!..

— Слушаю, ваше благородіе! Прощенья просимъ!..
Коляска покатилаь.

А чотыреста пахарей уже приступили къ дѣлу. И въ первой сохѣ пошелъ девяностолѣтній Епанешниковъ, красивый старикъ, подносившій хлѣбъ-соль исправнику, безсмѣнный ходокъ по дѣламъ села Селитьбы. Высокій, внушительный, съ длинной сѣдой бородой, въ лаптяхъ и длинномъ кафтанѣ, онъ всталъ на межѣ, выпрямился, какъ-то вдругъ помолодѣлъ, ожилъ, словно загорѣлся весь и, махнувъ шапкой остальнымъ, глухо крикнулъ:

— Съ Богомъ, папшите!..

Потомъ широко перекрестился, вытеръ рукавомъ слезы и взялся за соху.

— Господи, благослови! -пентали его шамкающія губы.

Урядникъ всталъ на бороздѣ, загораживая ему дорогу.

Тогда Епанешниковъ объѣхалъ его, какъ объѣзжаютъ пень, и повелъ борозду дальше, гдѣ опять молча стоялъ полицейскій чинъ.

И другимъ пахарямъ другіе урядники тоже молча становились поперекъ борозды, и они, какъ и Епанешниковъ, объѣзжали ихъ, и въ рукахъ у всѣхъ не было кнутевъ.

И стало покрываться обширное поле кривыми, вычурными бороздами, похожими на какія-то никому невѣдомыя письмена, на древніе кабалистическіе знаки, въ которыхъ словно скрытъ былъ глубокій, тайный смыслъ и ключъ къ пониманію души народа.

Гигантскими буквами начертали они на родимой землѣ свою правду, свой крикъ о справедливости. И казалось имъ, что этотъ крикъ пронесется могучимъ набатомъ и разбудитъ Россію.

Три дня и три ночи, всѣмъ таборомъ и не отпуская отъ себя „окольныхъ людей“, жили они въ полѣ, дожидаясь губернатора.

На четвертый день онъ явился къ нимъ — все съ тѣмъ же исправникомъ, съ земскимъ начальникомъ, окруженный конною стражей, съ возомъ свѣжихъ розогъ, варѣзанныхъ въ графскомъ лѣсу.

Грознымъ, взбѣшеннымъ, неистовымъ предсталъ губернаторъ. Высокій онъ былъ, здоровый, женоподобный, съ бритымъ румянымъ лицомъ и стриженной съдой головой.

И, завидя его, встала вся толпа на колѣни, а старшина и Епанешниковъ поднесли хлѣбъ-соль. Мольба была на лицахъ толпы, и слезы стояли въ глазахъ ея.

Но ударилъ онъ по хлѣбу и разсыпалъ соль.

Не говорилъ—визжалъ губернаторъ... Клейкая слюна брызгала изо рта его на золотое платье мундира.

Началъ онъ рѣчь свою словами: „бездѣльники“, „разбойники“, а кончилъ крикомъ: „будете наказаны!“

И велѣлъ схватить „зачинщиковъ“.

Было ихъ схвачено сорокъ три, самыхъ старыхъ, самыхъ почтенныхъ, самыхъ уважаемыхъ, лучшихъ людей Селитбы.

Тутъ же, на захваченной землѣ, положили ихъ.

Молча и покорно легли они на родимую землю, окруженные густымъ кольцомъ губернаторской стражи, и слышно было, какъ свистѣли въ воздухѣ длинные прутья, да раздавались глухіе, сдержанные, словно подземные—стоны.

Толпа безмолвно и неподвижно стояла все здѣсь же, слезы текли по лицамъ ея.

Плакалъ самъ исправникъ, которому поручено было ковать наказаніемъ. Только земскій начальникъ довался и наслаждался. Подъ свистъ розогъ неумоимо, непреклонно и ненасытно звучалъ его грубый, пкающій голосъ.

— Крѣпче! Кр-рѣпче!

По сто ударовъ получили они.

На мужицкія же телѣги замертво положили ихъ, окровавленныхъ, и повезли, какъ везуть съ бойни освѣ-
жеванное мясо.

Кровавая лужа осталась на мѣстѣ казни.

И когда везли ихъ медленнымъ, зловѣщимъ обозомъ въ село, то кровь текла сквозь окровавленные телѣги и сочилась на землю большими тяжелыми каплями, и кровавый путь шелъ къ селу отъ мрачнаго мѣста „полевого суда“.

По сто ударовъ получили они.

III.

Цѣлый годъ они сидѣли въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда, того настоящаго, подлиннаго суда, котораго такъ долго добивались. Крѣпкія натуры вынесли жестокою пытку.

Черезъ годъ ихъ судили въ томъ самомъ маленькомъ городкѣ, который въ дымкѣ волжскаго тумана былъ виденъ изъ Селитьбы, откуда призвали они „окольныхъ людей.“

Въ маленькомъ, убогомъ залѣ уѣзднаго суда они сидѣли всѣ сорокъ три, занимая скамьи, приготовленныя въ обычное время для публики, и казалось, что не ихъ судятъ, а они пришли судить.

Лица ихъ не были печальными, но были исполнены торжества и увѣренности въ своей правотѣ.

Судили ихъ добросовѣстные чиновники, равнодушные порядочные люди, старались отнестись къ нимъ справедливо и — осудили.

Когда послѣ этого вели ихъ къ Волгѣ, на пристань, чтобы отпратить въ губернской городъ и снова посадить въ тюрьму — былъ опять сіяющій весенній день.

Уса и Волга смѣшались свои воды, затопили берега и

разлились такъ широко, что чуть виденъ былъ далекий луговой берегъ, а на мѣстѣ полей отъ города до Селитьбы сверкало на солнцѣ веселое играющее море, и вдали маячила надъ нимъ богатырская голова Молодцаго Кургана.

Попрежнему подковой стояли кругомъ зеленыя бархатныя горы и привѣтливо улыбались, отражаясь въ спокойной, полной рѣкѣ.

И такъ хорошъ, такъ цѣломудренно хорошъ былъ этотъ благодатный край, столько въ немъ было всепрощающаго спокойствія, терпѣливаго неалобія и нѣжной, женственной грусти, что странно было видѣть, какъ солдаты съ саблями на-голо вели къ берегу кучку добродушныхъ, смиренныхъ людей.

Двигалась вслѣдъ за ними огромная толпа народа: вся Селитьба была тутъ и вся округа, и всѣ жители городка, жаднаго до зрѣлищъ.

А они шли, понутивъ головы, ни на кого не глядя, и было что-то недоумѣвающее въ ихъ согбенныхъ спинахъ и тяжелыхъ движеніяхъ. Казалось, что они все еще не вѣрятъ въ подлинность произведеннаго надъ ними суда и уносятъ въ своей разочарованной душѣ неистребимыя древнія сказки и фантази и какую-то необнаруженную тайну о поискахъ божеской правды.

И казалось, что, опять не найдя ея, они теперь снова идутъ на самыя дальніе, самыя тяжелыя поиски, что легенда о царской грамотѣ не только не замретъ, не разсѣется, но будетъ ярко расцвѣчена цвѣтомъ ихъ крови, украшена пѣсню о страшномъ губернаторѣ, о пыткахъ, цѣпяхъ и тюрьмахъ, о слезахъ и страданіяхъ, о неправедныхъ судьяхъ...

Глухо и тяжело двигалась за ними безчисленная толпа. Не было ни говора, ни плача: молча двигалась пестрая толпа по песчаному берегу, и желтымъ облакомъ стояла надъ ней густая золотистая пыль, освѣщенная весеннимъ обиліемъ солнечнаго свѣта.

И когда вошли они по гибкимъ сходямъ на буксирный маленькій пароходъ—вся толпа сгрудилась къ самой водѣ и молча стояла колыхающеюся массой, и сотни лицъ и глазъ обращены были къ нимъ.

Пароходъ медленно отходилъ. А они стояли всё въ рядъ, у борта парохода, блѣдые, съ крѣпко-стиснутыми челюстями, судорожно схватившись напряженно-вытянутыми руками за перила.

Стояли неподвижно, словно окаменѣлые, впиваясь остановившимися глазами въ родную толпу, въ родныя горы. И въ этой каменной неподвижности ихъ чувствовалось тяжкое напряженіе огромной силы, и каменными казались крупныя лица ихъ, и желѣзными казались выѣвившіеся скрюченные пальцы.

Долго уходилъ пароходъ, уходя все быстрее и дальше, становясь все меньше.

Долго стояла толпа на берегу и все смотрѣла въ блестящую рѣчную даль, гдѣ въ сіяніи весенняго дня черной точкой потонулъ пароходъ.

Мало-по-малу, безъ говора и шума, какъ послѣ похоронъ, растаяла толпа и уползла кучками по различнымъ дорогамъ.

Никого изъ людей не осталось на берегу.

Кругомъ была одна природа—неизмѣнная, жизнерадостная и равнодушная къ людямъ: подъ щедрыми лучами солнца остались Волга и горы, полныя глубокаго безмолвія и покоя: такими онѣ были сотни лѣтъ назадъ и все такими же остаются теперя.

Зеленныя, кудрявыя горы цѣликомъ отражаются въ зеркальной глубинѣ, чуть виденъ вдали плоскій луговой берегъ, да Молодецкій Курганъ—богатырская голова съ мощнымъ выраженіемъ каменнаго терпѣнія и таинственной печали на морщинистомъ тысячелѣтнемъ лицѣ—угрюмо смотреть на окружающую ширь и хмурится, и вѣчно думаетъ свои старыя, разбойничьи думы.

ГУСТАВЪ ДАНИЛОВСКІЙ.

НА ОСТРОВЪ.

ПОЭМА.

Переводъ А. С. Черемнова.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Богъ изъ сумрачныхъ силъ, затаенныхъ во мглѣ.
Вывель духа источникъ и все на землѣ
Онъ смѣшалъ— и съ нея снялъ онъ длани.
Съ той поры духъ желаетъ царить надъ судьбой;
Съ темнотою инстинктовъ, съ стихіей слѣпой
Бой ведетъ, совершенствуясь въ брани.

И творенья вѣсы въ колебаньи всегда;
И начало борьбы возникаетъ
На вершинахъ тѣхъ духа, гдѣ гибнетъ нужда,
Гдѣ свобода свой стягъ поднимаетъ.

А порой въ безграничномъ просторѣ міровъ
Раздаются удары звенящихъ часовъ
Безконечности—грозно и сильно.
Міръ поноситъ героевъ тогда и клянетъ,
На алтарь увлеченья и вѣры плюетъ,
И, какъ въ тачку закованный ссыльный,
Въ колесницу слѣпой и жестокой судьбы
Запрягаясь, сдается онъ ей безъ борьбы.
И измученный духъ замираетъ
И могущество зла и насилья растетъ...
Но не вѣчно суровое время невзгодъ—
Новой жизни заря наступаетъ.

Въ дни, когда не хватаетъ дыханья въ груди
И не видно отраднхъ надеждъ впереди,
И Злой Рокъ угнетаетъ народы,—
Духъ полъ игомъ рождаетъ огонь для людей,
Въ мїръ несетъ его въ образѣ новыхъ Идей
И костеръ зажигаетъ свободы.

ПѢСНЬ I.

Надъ островомъ высокимъ караваны
Лучистыхъ звѣздъ плывутъ и между нихъ
Путь Млечный тихо вѣшаетъ туманы
Серебряные... Берегъ моря тихъ.
Грядю скалъ задержанныя волны
Невольно измѣняютъ ровный токъ
И, злобой на свою преграду полны,
Дрожа сверкаютъ, какъ стальной клинокъ.
Надъ берегомъ огней потухли очи,
Безмолвные дома уныло спятъ,
За ними льютъ сады свой ароматъ,
Окутаны весенней пѣгой ночи.

На площади зато и шумъ, и звонъ!
Тамъ праздникъ пѣсни жители справляютъ
И въ короли сегодня избираютъ,
Какъ требуетъ обычай и законъ,
Того, чья пѣснь прольется всѣхъ звучнѣе
И привлечетъ сердца людей сильнѣе.

Торжественный готовится турниръ;
Народъ на площадь точно лава льется;
Толпа шумить и у трибуны жметъ,
Одѣтая нарядно, какъ на пиръ.
Зажглись костры веселыми огнями,

И колоколъ ударилъ надъ толпами
И возвѣстилъ, что начался турниръ.

* * *

Были дни... Какъ лава изъ груди вулкана,
Съ острова на землю черезъ мглу тумана
Свѣтъ лился... Потушенъ этотъ дивный свѣтъ!..
И лежатъ въ обломкахъ прежнія святыни.
Новый храмъ Молоха тамъ вознесся нынѣ,
Въ немъ же нѣтъ святыни и героевъ нѣтъ.

Миновали, скрылись дни, когда поэты
Новыя знамена гордо вознесли—
И на нихъ читались чудные завѣты
Равенства, свободы, счастья для земли.

Вѣрилось тогда, что духъ разрѣжетъ звенья
Всѣхъ цѣпей, что новый засіяетъ свѣтъ...
И народъ земли стремился въ пыль сраженья.
Дни тѣ миновали и слѣда ихъ нѣтъ.

Сталъ богатъ и славенъ островъ величавый!
Только духъ, объятый гибельной отравой,
Измельчалъ, какъ карликъ, мощь свою губя.
Островъ жилъ и думалъ только для себя.
И, отрѣзанъ жизни шумнымъ, грознымъ моремъ
Отъ земли печальной, съ ней порвалъ союзъ;
Онъ землѣ оставилъ трудъ съ тяжелымъ горемъ,
Ваявъ себѣ веселье, пиръ и голосъ музъ.

Доблестный король сошелъ тогда въ могилу;
Смѣлостью подобный гордому орлу,
Онъ въ себѣ носилъ увѣренность и силу,
Проникалъ онъ взоромъ будущаго мглу.
Чувствуя, что близко новое теченье,
Мучился король—и въ горестномъ томленьи
Много силъ собралъ въ душевной глубинѣ;

Онъ забылъ о славѣ, о восторгѣ шумномъ
 И легълъ мечтою къ гибнущей странѣ.
 Мудрецы прозвали короля безумнымъ
 За стремленья эти... А король желалъ
 Жизнь свою окончить славными дѣлами.

Но напрасно чудной власти надъ сердцами
 Требовалъ король и Бога умолялъ,
 Измѣнить желая, что неотвратимо:
 Видѣлъ онъ съ тоскою, что его друзья
 Зло въ себѣ таили, пропуская мимо
 Муки угнетенныхъ, горе бытія.
 И по ихъ сердцамъ, какъ молнія по стали,
 Пѣснь его скользила и его мечта,
 И его молитвы тщетно повторяли
 Жалкихъ себялюбцевъ грубыя уста.
 Что молитвой звали эти лицемѣры--
 Былъ обрядъ, лишенный истины и вѣры.

Королевскій прахъ окутанъ вѣчной мглой,—
 Духа же цвѣты растутъ еще неслышно,
 Ждутъ, что оживятся нѣжною росой
 И въ плоды дѣяній превратятся пышно.
 Ждутъ давно. Не вянутъ лепестки цвѣтовъ,
 Точно самъ король попрежнему съ любовью
 Пламеннаго сердца поливалъ ихъ кровью,
 Покидая царство мрака и гробовъ.

Но сегодня тихи вѣчныя постели,
 Миренъ сонъ глубокой въ области тѣней;
 Къ нимъ на стражу тихо отъ высотъ слетѣли
 А гелы молчанья, гени ночей,
 И склоняя крылья, въ небеса смотрѣли,
 И ачуція яркимъ золотомъ огней.

* * *

Л куеть островъ, залить моремъ свѣта,

Шумящею толпою наводнень.
 Четыре на турнирѣ томъ поэта:
 Кто побѣдитъ—король! Владѣеть онъ
 Всѣмъ островомъ; когда-жъ цвѣты живые
 Успѣютъ изъ вѣнца его опастъ,
 То выступятъ послы передовые,
 И онъ свою раздѣлитъ съ ними власть.
 Но кто же здѣсь достигнетъ славной цѣли?
 Кому цвѣты, кого корона ждетъ?
 Ужъ три пѣвца на празднествѣ пропѣли,
 И наступаетъ Даймона чередъ.

Онъ—младшій изъ пѣвцовъ—и не почетъ
 Стяжалъ себѣ, но брань и поношенье.
 Народъ кричалъ, что пѣснь его течетъ
 По ложному руслу; что это пѣнье—
 Какъ рѣзкій скрипъ; что рѣчь его остра
 И боль таитъ безъ ласки вдохновенья;
 Что муза—одичалая сестра
 Небесной музыки; что земли мученья
 Имъ завладѣли; что къ лазури въ даль
 Не рвется онъ, но въ темнотѣ могилы
 Онъ ищетъ искру Божью, и что жаль
 Его: онъ проявляетъ много силы.

Былъ судъ надъ нимъ, чтобъ строго наказать
 И струны оборвать на лирѣ звучной,
 Когда посмѣлъ онъ жителямъ сказать,
 Что материкъ земли—убогій, скучный—
 Съ презрѣніемъ глядитъ въ такіе дги
 На островъ, ихъ грѣхами омраченный;
 Что не могучій колоколь они—
 Трещотки лишь изъ глины золоченой,
 Которыхъ трескъ не будитъ славныхъ дѣлъ;
 Что жгучій стыдъ душой его владѣлъ
 Отъ жизни ихъ и новыхъ идеаловъ,

Что этотъ островъ—вѣчный трудъ коралловъ,
Обидами и горемъ полонъ онъ
Существъ, которымъ имя —легіонъ.

Съ тѣхъ поръ, тая недугъ сокрытой муки,
Надъ берегомъ, задумчивости полнъ,
Бродилъ гѣвецъ, внимая говоръ волнъ,
И говорилъ, что часто слышитъ звуки
Печальныхъ слезъ и стоновъ, издали
Летящихъ черезъ море отъ земли.
Онъ говорилъ съ тоскою, что напрасно
Отъ острова мучительно и страстно
Ждетъ помощи несчастная земля,
И что въ гробу несетъ теперь страдающа
Трупъ славнаго поэта-короля
За то, что позабыли завѣщанье.

Онъ говорилъ, что видитъ впереди,
Какъ по винѣ островитянъ случится:
Польютъ съ земли кровавые дожди,
И островъ весь въ пустыню обратится!
Никто рѣчамъ поэта не внималъ;
Кричали всѣ съ гримасой отвращенья:
Онъ боленъ, онъ разсудокъ потерялъ,
Въ немъ разумъ спуталъ демонъ разрушенья,
Ужасный черный духъ... И оттого
Они прозвали Даймономъ его.
Сегодня это слово пробѣжало
По всѣмъ устамъ и поразило всѣхъ;
Однихъ негодование обуяло,
Другіе же сдержатъ старались смѣхъ
При вѣсти, что стремится Даймонъ къ трону
И выступитъ, чтобъ получить корону.

И , лишь прошелъ на смѣшекъ первый взрывъ,
Е толпѣ тревога пробѣжала глухо

О томъ, что пѣсня—тайныхъ силъ порывъ—
 Живеть и въ глубинѣ большого духа.
 И вотъ, едва увидѣли пѣвца,
 Какъ тишина повисла надъ толпами.
 И взоры всѣхъ стеклись къ нему лучами
 И жгли огнемъ черты его лица.

Увѣренно и гордо рыцарь юный
 По пурпурнымъ ступенямъ восходилъ
 И сталъ спокойно на верху трибуны.
 Онъ блѣденъ былъ. Въ дали небесъ ловилъ
 Взоръ призраки мечты необычайной,
 Какъ будто видѣлъ новый дивный мѣръ
 И забывалъ, объятый думой тайной,
 Толпу людей, и пѣсню, и турниръ.
 И слышенъ былъ на площади турнира
 И трескъ костровъ, и шумъ морской волны...
 И вдругъ въ тиши раздался плачь струны.
 Задѣтая рукой поэта, лира
 Запѣла вдругъ, и, звукомъ пробужденъ,
 Отъ тайныхъ грезъ своихъ очнулся онъ.

Смутился вдругъ и вздрогнулъ, какъ ребенокъ,
 Видѣніемъ испуганный во снѣ.
 И грустенъ голосъ былъ его и звонокъ,
 Онъ такъ сказалъ: „Я боленъ, тяжело мнѣ!
 Душа томится неутѣшнымъ горемъ...
 Я отданъ въ жертву злымъ и горькимъ снамъ
 И вамъ одинъ охотно передамъ,
 Вчера его я увидалъ надъ моремъ.
 Постигъ я силой сердца своего,
 Но осудить вы можете его,
 Хотя, быть можетъ, это сонъ пророка!“

Умолкъ на мигъ. Потомъ вздохнулъ глубоко,
 Бросая взоръ на ясный небосклонъ...

И вдругъ, рванувъ увѣренно и живо
Рукою струны лиры, началъ онъ
Бросать слова разсказа въ тонъ мотива,
Пока съ его чарующей игрой
Не слился голосъ, звонкій и глубокий,
Какъ родниковъ бѣгущіе потоки
Сливаются съ могучею рѣкой.

С О Н Ъ.

День угасалъ, а вори ужъ слетали
На лоно водъ съ небесной высоты;
Какъ струны арфы въ тишинѣ звучали
Могучихъ волнъ дрожащія хребты
Великій вѣчный гимнъ земной печали.
И, на пути задержанныя вдругъ
Грядю скаль, на части разрывались,
Какъ золотыя кольца, устремлялись
Обратно въ море, издавая звукъ,
Слезами и унылой скорбью полный.

Въ просторѣ, гдѣ шумѣли, пѣнясь, волны,
Мнѣ чудилось, звучала стономъ мгла.
Насъ проклинали тамъ; изъ тьмы могилы
Рвалась тамъ жизнь и напрягала силы,
Но одолѣть преграды не могла.

Закатъ угасъ. Ночь покрывала море.
У ногъ оно кипѣло, какъ вулканъ.
Мысль разрывалась отъ тоски и горя
И сердце—отъ жестокой боли ранъ.
Слабѣли силы въ необъятной мукѣ—
И я упалъ, какъ грудь, на лоно скаль
И въ ужасѣ мученій умиралъ.
Но сонъ сошелъ и положилъ онъ руки

На грудь мою, и далеко ушла
 Больная скорбь встревоженнаго духа.

Мнѣ снилось: землю покрываетъ мгла...
 Ужасный крикъ доносится до слуха,
 И я во снѣ почуялъ ужась вновь:
 Томительные черные кошмары
 Въ суровой тьмѣ свои рождали чары
 И страшно леденили въ сердцѣ кровь.

Я увидалъ толпу людей несчастныхъ,
 Больныхъ и слабыхъ. Стонувъ ихъ ужасныхъ
 Звукъ разносился, точно моря ревъ.
 Громада шла. Потъ лиль съ нея ручьями.
 Предъ ней шла боль кровавыми путями.
 Печаленъ былъ страдальцевъ легіонъ:
 Тѣла ихъ рвалъ на части бичъ неволи,
 Сомнѣніе несло имъ муки боли,
 Насиліе въ груди давило стонъ.

А средь людской безчисленной громады
 Кровавый пиръ свершали духи зла:
 Въ безуміи впивались въ ихъ тѣла,
 Ихъ кровь сосали, точно злые гады.

И увидалъ я ту, что ихъ гнала...
 Вливая въ раны изнуренныхъ яды,
 Она вела ихъ, какъ толпу звѣрей,
 И грозно имъ кричала: „Ну, скорѣй!
 Я—Нипцета. Я вамъ повелѣваю!
 Вашъ царь, вашъ Богъ, вашъ всемогущій Панъ!“

„Могуществомъ своимъ я убиваю
 Людей за непокорность. Съ болью ранъ
 Я имъ дарю могилы вѣчный холодъ,
 Но раньше плюю на нихъ суровый Голодъ;

Онъ внутренности ихъ опустошить,
И мозгъ костей сожретъ безъ сожалѣнья,
И въ жилахъ кровь до капли засушить!“

„Удѣлъ покорныхъ моему вельнью
Жестокъ не будетъ! Въ мракѣ и въ пыли,
День ото дня слабѣя и блѣднѣя,
Они сойдутъ въ могилу... Ну, скорѣе!
Пли сотру я васъ съ лица земли!
Я—Нищета! Я вамъ повелѣваю!
Вашъ царь, вашъ Богъ, вашъ всемогущій Панъ!“

„Покорнымъ я щедроты расточаю:
На ужинъ черный хлѣбъ имъ будетъ данъ,
На плечи ихъ—отрепье и для гроба
Клочокъ земли!

Но смерть бунтовщикамъ!

Повсюду ихъ моя настигнетъ злоба!
Я— Нищета— приказываю вамъ:
Впередъ, впередъ! Я вамъ повелѣваю!
Вашъ царь, вашъ Богъ, вашъ всемогущій Панъ!“

Вослѣдъ за нею шель ужасный станъ
Бя родныхъ: Болѣзни съ мрачнымъ Моромъ
И Тьма, и тощій Голодъ, лютый врагъ
Живущаго,—ревѣли дикимъ хоромъ.

И злая Тьма толпѣ кричала такъ:
„Убейте мысли, мысли умертвите,
Пли навѣкъ лишу я васъ ума.
Огонь сердець своихъ вы загасите,
Скорѣй! скорѣй! Я —страшный князь вашъ —Тьма!“

„Да, мысль—нашъ врагъ!“—шептала ей Голодъ злобно:
„Когда она рождается въ умѣ
И тлѣеть, искрѣ маленькой подобно,

Туши ее, гаси въ мертвящей тьмѣ.
 Когда же свѣтъ всё тѣни уничтожить—
 Предай болѣзни страшной ты народъ...
 А если это средство не поможетъ—
 Ты кликни Морь, меня и весь мой родъ!“

„Ты знаешь, я силенъ. Какъ сонъ могилы,
 Проикну въ нихъ, возьму ихъ жизнь и силы,
 Не оторву отъ тѣлъ ихъ блѣдныхъ губъ,
 Все буду кровь сосать со злобой жадной,
 Пока въ добычу смерти безпощадной
 Останется холодный, синій трупъ!“

„Бездушный трупъ, лишенный чувствъ, свободный,
 Въ глубокой мглѣ останется одинъ!
 Такъ задушю я мысль, я - злой, голодный,
 Могучій панъ, я—Голодь, царскій сынъ!“

И вся толпа злыхъ демоновъ завывала:
 „Да, эти люди —наши! Ихъ свѣтило
 Потушено! Скорѣй отъ свѣта прочь
 Мы поведемъ ихъ въ пасмурную почь
 Съ неволюю и страхомъ леденящимъ!“

Вдругъ грянуль громъ, ужасенъ и могучъ,
 И молнія своимъ мечомъ блестящимъ
 Разсѣкла плащъ суровыхъ, хмурыхъ тучъ.

И силы мрака дрогнули толпой...
 Въ тревогѣ тайной вся ихъ рать застыла.

И типична повисла надъ землею.
 Свой путь прервали вѣчныя свѣтила,
 И молнія огнистой полосой
 Стояла въ небѣ и горѣла свѣтомъ,
 Разорванными тучами одѣтымъ,

И мѣсяцъ, точно рыцарь золотой,
Держащій стражу полночи глухой,
Остался въ тишинѣ необычайной.

Миръ ожидалъ чудесъ великой тайны.

Оттуда, гдѣ терялся полосой,
Ведущей къ неизвѣстному чертогу,
Путь Млечный, схожій съ чистою росой,
Гдѣ, потерявъ обычную дорогу,
Лишь изрѣдка комета пролетить
И слѣдъ ея волосъ огнемъ горить, —
Оттуда духи выплыли толпою
И близились огнистою рѣкою.

Летѣла Мысль всѣхъ ближе въ вышинѣ,
Прекрасная, съ лицомъ богинь Эллады;
Пытливостью ея горѣли взгляды
И чудно отражали въ глубинѣ
Увѣренность въ могущество и силѣ,
Стремленье вѣчный разрѣшить вопросъ...
Разсѣяннѣмъ клубамъ туманной пыли,
Отъ вѣка представляющей хаосъ,
Она дала инныя очертанья
И мѣрный путь. Порядокъ міровой
Явился въ царство новаго созданья
И гордо поднялъ вѣчный скипетръ свой.

Вослѣдъ за нею Чувство направлялось;
Его лицо въ движеніи измѣнялось:
На немъ была то радость безъ границъ,
То грусть и боль, то пламенные грезы —
И вдругъ опять подъ бархатомъ рѣсницъ
Кристалльныя сверкали тихо слезы.
Безумнымъ ритмомъ пульсъ его стучалъ,
Оно то блѣдно было, то румяно.

И крови токъ въ груди его дрожалъ,
Подобно лавѣ въ кратерѣ вулкана.

Направо же неслась Надежда вдаль,
Съ учащемъ ободряя всѣ созданья,
А рядомъ съ ней, въ очахъ тая печаль,
Унылое летѣло Состраданье.
Всѣ вмѣстѣ, взявшись за руки, они
По голубому фону неба плыли
И далеко виднѣлись и свѣтили,
Какъ яркіе горящіе огни,
Какъ перья благороднаго убора
На шлемѣ рыцаря, какъ средь простора
Небесъ—три птицы дивной красоты.

Любовь летѣла вслѣдъ; ея черты
Одѣла ярко прелесть неземная...
Она несла въ очахъ туманъ мечты,
Она дышала быстро... Прикрывая
Рукою страстной наготу груди,
Біенье сердца удержать старалась...
За нею пелена ея кудрей
Неслась вдали и пышно развѣвалась.
И тѣхъ кудрей роскошная волна
Въ своемъ стремленіи на звѣзду упала,—
Звѣзда же, новыхъ свѣтлыхъ чувствъ полна,
Зардѣлась и, какъ солнце, засіяла.

За нею мчалась съ страшной быстротою
Фантазія; ея стремились взоры
Въ безбрежности лучины міровой
За грани безконечнаго простора.
И видно было, какъ безумно бьетъ
Она въ эфирѣ мощными крылами,
А гордый умъ своими удилами
Смирялъ ея стремительный полеть.

И вдругъ всѣ духи опустили крылья
И замерли въ просторѣ голубомъ,
Какъ паруса въ покоѣ и безсильѣ
Спускаются въ безвѣтріи морскомъ.

Въ волнахъ эфира медленно, безъ шума
Тамъ Творчество въ потокѣ свѣта шло.

Глубокая таинственная дума
Окутала высокое чело.
Спокойны были взоры. Лишь порою
Ихъ трепеть озарялъ черты лица.
А волосы влачили пеленою
Огромною,—я не видалъ конца.
И звѣзды въ нихъ, объятія экстазомъ,
Подобно яркимъ огненнымъ алмазамъ,
Горѣли, жизни трепетомъ полны.
Оно узрѣло все средь тишины
Въ просторѣ мірового океана,
И голосъ полился изъ глубины,
Подобный звучной музыкѣ органа:

„Вы, духи, вы — мои! Съ начала дней
Я царствую надъ вами и донинѣ
И васъ теперь на скопище тѣней
Веду въ послушной доблестной дружинѣ.
Въ неисчислимомъ времени вѣковъ
Предметы всѣ моей покорны власти.
Холодный мраморъ силой тайныхъ словъ
Дастъ статую, исполненную страсти,
И чувствъ, и жизни, мощи и огня...
Я камень оживить могу бездушный!
И слушаются краски всѣ меня,
И струны мнѣ подвластны и послушны:
Едва коснусь я ихъ своей рукой—
Онѣ звучать и льются въ стрѣи дивномъ.

То нѣжной пѣсней съ тихою тоской,
То гордымъ, властнымъ, всепобѣднымъ гимномъ.
Послушны мнѣ пустые звуки словъ:
Лишь захочу—ихъ рифмами свяжу я,
И потекутъ они потокомъ строфъ,
Какъ быстрая рѣка, сердца волнуя.
И дивно славить ихъ согласный хоръ
Мои дѣла хвалою безконечной“...

„Лишь Демоны, исчадья ночи вѣчной,
Меня алосоветъ смѣютъ до сихъ поръ!
Отъ козней ихъ донынѣ стонутъ люди,
Они по міру сѣютъ мракъ и зло,
Хоть для людей я свѣтъ давно зажгло
И искры имъ давно вложило въ груди,
Чтобъ сами чудеса творить могли
Мои сыны, сыны моей земли.
Размножилось неистовое племя
И на земное лоно тяжело,
Какъ страшное томительное бремя,
Своею темной силою легло.
И обратить грозить та сила нынѣ
Орловъ въ воронъ, могучихъ львовъ пустыни—
Въ трусливый и ничтожный родъ щенятъ!“

Оно умолкло. Лучезарный взглядъ
Его лица зардѣлся гнѣвомъ жгучимъ,
Въ немъ недовольства свѣточъ заблесталъ,
И въ страхъ цѣлый міръ затрепеталъ.
А Демоны, подобно чернымъ тучамъ,
Собрались всѣ огромною толпой.
Дрожа во тьмѣ со злобою слѣпой,
Ихъ пьяныя отъ бѣшенства дружины
Несли въ груди предчувствіе кончины
И, издавая злобный, дикій стонъ,
Помчались на блестящій легионъ.

И словно эскадронъ гусарь крылатыхъ,
Скрывается въ густыхъ толпахъ татаръ,
Тревогою и ужасомъ объятыхъ,
И лишь порой сверкнетъ вдаль, какъ жаръ,
Копье иль мечъ, иль панцырь золотистый
И снова все закроется толпой,—
Такъ скрылся духовъ легіонъ огнистый,
Окутанный суровой, злобной тьмой.

Раздался крикъ, звучали восклицанья...
Потомъ на черномъ тѣлѣ мрачныхъ тучъ
Зажглось огней волшебное сіянье,
Какъ будто солнце бросило свой лучъ
И онъ все росъ, блистая безъ предѣла...
Промчались молній золотыя стрѣлы,
На части рвали тучи впереди,
Горѣли яркимъ свѣтомъ въ небѣ чистомъ
И сыпались онѣ дождемъ огнистымъ,
Какъ будто бы изъ демонской груди.
Вся мерзкая ужасная громада
Была разбита. Сквозь ночной туманъ
Летѣли съ дикимъ крикомъ силы ада
И рухнули въ глубокий океанъ.

Сорвавъ оковы сна, открылъ я очи.

Пора разсвѣта ужъ была близка.
Печально гасли звѣзды—слезы ночи.
По небесамъ блуждали облака,
Какъ голуби, воздушною толпою.
 вся земля съ равниною морскою
 це была ночью мглой полна.
 зликая царила тишина.
 чувствовалъ, какъ тѣни прочь бѣжали,
 волны подъ дыханьемъ вѣтерка

Другъ другу вѣсть объ утрѣ лепетали,
Которое идетъ издалека.

* * *

Умолкъ—и тихо-тихо замирала
Одна струна... вотъ умерла и та...
И въ тишинѣ минута пролетала,
Какъ звука путь изъ сердца на уста.

И вдругъ въ толпѣ, молчанію на смѣну,
Раздался крикъ немногихъ голосовъ...
Вѣнокъ упалъ на шумную арену,
Цятная землю роємъ лепестковъ.

А вслѣдъ за этимъ полились каскадомъ
Рукоплесканья, крики; рой вѣнковъ,
Цвѣтовъ и листьевъ сыпался тамъ градомъ.

Пѣвецъ стоитъ, исполненный еще
Мелодій сердца. Сила возбужденья
Кровь заставляеть литься горячо,
И грудь кипитъ отъ новаго волненья.
Невѣдомый огонь въ его очахъ...
И вновь рука трепещеть на струнахъ.
Стихають крикъ народа: слава, слава!
Застыли руки. Снова тишина.
И рѣчь пѣвца—стремительна, какъ лава,
На площади затихнувшей слышна:

„Судьба рѣшилась, братья-минестрели!
Уже плыветъ въ небесной синевѣ
Побѣдный легіонъ къ завѣтной цѣли,
И Творчество съ Любовью во главѣ
Дарятъ слова небеснаго привѣта
Лучамъ святаго радостнаго свѣта.

Но тамъ въ долинахъ стонущей земли

Еще вершать свой праздникъ злыя тѣни,
Средь у каза, тревоги и мученій...
И цѣлый міръ влачатъ онѣ въ пыли“.

„Тѣ демоны раскинули всѣхъ шире
Свой стягъ на близкомъ намъ материкѣ.
Тамъ, въ этомъ жалкомъ изнуренномъ мірѣ
Народъ со смертью борется въ тоскѣ“.

„Тамъ взоръ, слѣпой отъ слезъ, не видитъ свѣта,
Не видитъ дня и солнечныхъ лучей,
Тамъ свой удѣлъ клянеть пророкъ разсвѣта,
Пока не погребетъ своихъ идей
И, пыткой мукъ ужасныхъ побѣжденный,
Забудеть небо, свой потушить взглядъ,
Отринуть всѣ великія знамена
И будетъ ползать, какъ презрѣнный гадъ!“

„Тамъ геніевъ —насилль* убиваютъ,
Подрѣзываютъ крылья тамъ орламъ
И горныхъ козъ въ ярмо тамъ запрягаютъ,
И для души уставы пишутъ тамъ!“

Тамъ всѣхъ дѣтей берутъ тираны злые
И, чтобъ скорѣе выпли подлецы,
Куютъ, какъ деньги, души молодя
Всѣ на одни и тѣ же образцы!
Тамъ въ дикой злобѣ отравляютъ воды!
А эти звѣзды —свѣточки ночей —
За чудный блескъ серебряныхъ лучей
Сорвали бы охотно съ небосвода!“

Нельзя тамъ плакать, тамъ нельзя любить!
Нельзя тамъ мыслить, тѣшиться мечтами!..
Нѣтъ! Той земли не описать словами:
О ней стонать я долженъ, слезы лить,

Иль вырвать сердце, полное мученья,
И показать его страданья вамъ!“

Тутъ силы не хватило ужъ словамъ,
Мысль умерла на высахъ возбужденья.
„Гей! прочь отсюда! Гей, на материкъ!
На помощь братьямъ всѣ безъ замедленья!“
Остаткомъ воли испустиль онъ крикъ
И оборвалъ дрожащихъ струнь теченье.

Толпа застыла въ мрачной тишинѣ.

И слышно было, какъ кипѣли слезы
У всей толпы въ душевной глубинѣ,
И воскресали пламенные грезы,
Какъ сильно бились у людей сердца,
Кипѣла кровь огнемъ живыхъ дыханій,
И образы вставали безъ конца.
Изъ маленькихъ частицъ воспоминаній...
Нить, порванная прежде, вновь узломъ
Завязывалась здѣсь съ материкомъ.

Но вотъ, смѣняя тѣ воспоминанья,
Изъ тайныхъ нѣдръ души явился страхъ,
То страхъ былъ за покой существованья,—
И снова нить онъ разорвалъ въ сердцахъ.

И мысли всѣ боролись, колебали
Всѣсы ихъ воли съ силою, какъ вдругъ
Имъ тѣни осторожности предстали
И поселили въ сердцѣ ихъ испугъ,
Поднявъ опять спокойной жизни цѣну,
Раасчетомъ мелкимъ совѣсть отравивъ.

Позорный страхъ родилъ въ сердцахъ измѣну,
Погасъ въ душѣ восторженный порывъ,

На лица вышли сумрачныя тучи,
И ропотъ выросталъ, какъ громъ могучій,
И разразился, гнѣвомъ все покрывъ.

И вся толпа, поднявъ къ трибунѣ руки,
„Молчи!“—кричала:—„ты зовешь, губя!
На островъ ты накликать хочешь муки,
Но мы научимъ разуму тебя!
Отнимемъ лавры—подаримъ позоромъ!“
Ревѣлъ народъ вокругъ согласнымъ хоромъ.

И на арену бросилась толпа
И съ криками, разбойникамъ подобно,
Вѣнцы съ земли хватала спѣшно, злобно;
Отъ бѣшенства безумна и слѣпа,
Она топтала ихъ безъ сожалѣнья
Въ неистовомъ порывѣ возбужденья.

При этомъ видѣ все лицо пѣвца
Покрыла блѣдность. Къ сердцу устремилась
Вся кровь его, и взглядомъ мертвеца
Смотрѣлъ онъ такъ, что страшно становилось.

Вдругъ сквозь народъ приблизились толпой
Его друзья. Ихъ лиръ звенѣли струны
Въ безумномъ бѣгѣ. Точно вихрь морской,
Они вбѣжали къ высотѣ трибуны
И тамъ съ рыданьемъ обняли пѣвца;
Сплета на немъ свои въ восторгѣ руки,
Они ему твердили безъ конца:
„ты нашу скорбь воспѣлъ и нашей муки
уманъ разсѣялъ... Вѣчно да живеть
и шъ Даймонъ-вождь! Направь ты нашъ полеть!“

Даймонъ, возбужденный, со слезами
головы ихъ руки возлагалъ...

И въ этотъ мигъ разсыпалась лучами
Луна съ небесъ—и свѣтъ ея бросалъ
На ихъ дружину блики золотые,
И въ нихъ пѣвцы стояли, какъ святые
Въ своемъ безсмертномъ ореолѣ мукъ.

А тамъ, внизу, народа мрачный кругъ,
Съ трудомъ порывъ смирая злобы бурной,
Еще дарилъ гирляндами цвѣтовъ
Трехъ первыхъ состязавшихся пѣвцовъ.
И вотъ герольдъ открылъ нѣмыя урны,
Пересчиталъ во всѣхъ число вѣнковъ
И объявилъ толпѣ, что по закону
Одинъ пѣвецъ получить здѣсь корону:
Кто распѣвалъ сегодня всѣхъ звучнѣй
О прелестяхъ любовницы своей.

П Ъ С Н Ъ П.

На островѣ—король, но съ этихъ дней
Веселья нѣтъ на немъ, и все сильнѣй
Тѣнь Даймона и тѣнь его дружины
Смущаетъ миръ вечернихъ грезъ долины.
А только день разгонитъ ночи сны—
Вѣсть ужаса летитъ тревожной птицей:
Отъ жителей уходятъ вереницей
Любимые и лучшіе сыны.

Едва турниръ смѣнился тишиной,
Одинъ пѣвецъ покинулъ кровь родной,
Отца и мать и вѣчный миръ долины
И почему—не вѣдомы причины
(Онъ говорилъ, что тѣсно жить въ стѣнахъ)
Ушелъ съ одной своею лирой звучаюй
И спутникомъ дружины неразлучной
Скитается въ ущельяхъ и горахъ.

Тамъ тишина. Задумчивы лѣса.
Падъ пропастью синѣютъ небеса.
Тамъ Даймонъ рать свою ведетъ по скаламъ
На гору, что зовется Идеаломъ.

Ужасный путь по черной кручѣ скалъ
Идетъ, казалось, въ сумрачный провалъ;
Въ лазурь небесъ высоко поднимаюсь,

Высь горная терялась въ мрачной мглѣ,
И Богъ, порою на нее спускаясь,
Въ громахъ о чемъ-то говорилъ землѣ.

И тѣ слова, тѣ знаменья святыни,
Безъ отклика въ душѣ людей прошли
И, громъ тая, всё ждали на лавинѣ,
Что человекъ придетъ сюда къ вершинѣ,
Разбудить ихъ, поднявшись отъ земли.

Туда вела опасная дорога...
Въ часъ отдыха съ печалью на челѣ
Пѣвецъ твердилъ друзьямъ, что на землѣ
Они, поэты,—не любимцы Бога,
Кому налилъ онъ золотомъ сердца
И душу изъ прозрачнаго кристалла
Копалъ, чтобы свѣтилась и блистала
Она красой безсмертнаго вѣнца.

„Мы,—говорилъ онъ:—дѣти перелома;
И всякъ изъ насъ—наслѣдникъ золь отца;
Стяжанья жажда близко намъ знакома,
Живеть въ душѣ, пятнаеть намъ сердца“.

„Ядъ преступленийъ безъ сознанья пили
Изъ почвы острова мы съ юныхъ дней,
И въ годы дѣтства намъ обычны были
Грѣхи отцовъ, паденья матерей“.

„Теперь отъ искры совѣти не даромъ
Святой огонь въ душѣ у насъ растетъ!
Раздуемъ же! Пусть вспыхнетъ — и пожаромъ
Всю слабость, всё сомнѣнїя сожжетъ.
Сердца черны отъ вѣковой заразы—
Пусть переплавить въ свѣтлые алмазы.“

„Идемъ! Пусть, горнымъ воздухомъ дыша,
Излечится печальная душа,
Пусть учится, отринувъ сътъ расчетовъ,
Безумію стремительныхъ полетовъ
И, свято исполняя свой завѣтъ,
Въ ядоль печали проливаетъ свѣтъ,
Чтобъ на землѣ лучи его святыя
Зажгли людей, какъ факелы живые!“

„Смотрите внизъ, туда, сквозь эту мглу:
Тамъ блещутъ слезы горнаго потока;
Онъ борется съ преградой и жестоко
Бьетъ грудь свою о твердую скалу.
Пусть смерть насъ не страшитъ своимъ видѣньемъ,
Въ тюрьмѣ мы подаримъ ее презрѣньемъ.“

„Смотрите въ высь на горнаго орла:
Онъ воздуха волну одолѣваетъ
Могучимъ взмахомъ своего крыла.
Съ привѣтомъ солнцу выше онъ валетаеъ,
И взоръ его и ясенъ и открытъ.
Намъ, какъ ему, бороться предстоить
Всей силою, во что бы то ни стало,
Ломать преграды на своемъ пути,
Поднять толпы къ свѣтилу идеала
И въ сердцѣ ихъ для неба дверь найти.“

Умолкъ и въ высь пошелъ. И всей дружиной
Они пошли за нимъ съ огнемъ въ очахъ,
Пошли, слѣдя за горною вершиной,
Мелькавшею въ румяныхъ облакахъ.

А въ городѣ сгущалась мгла печали,
И страхомъ всѣ наполнились сердца,
Когда однажды ночью убѣжали
Изъ дома—дѣти знатнаго отца

И на стѣнѣхъ поспѣшно начертали:
 „Отець и мать, простите! Тяжела
 Разлука намъ, но долгъ даетъ велѣнье
 Снять съ острова проклятье преступленья,
 Съ материка—кошмаръ ужасный зла...“

И вдругъ иная вѣсть ударомъ грома
 Весь островъ огласила въ тишинѣ;
 Народъ на площадь выбѣжалъ изъ дома,
 Толкуя о явившемся суднѣ.

Гамъ, блѣдный, среди общаго молчанья,
 Островитянинъ, что съ недавнихъ поръ,
 Исполнивъ королевское желанье,
 Ходилъ искать дружину въ царствѣ горъ,
 Такъ говорилъ: „Смотрю я изъ долины
 И вижу,—что-то движется изъ горъ.
 Я полагалъ, что то—кусокъ лавины,
 Какъ вдругъ неволью поразила взоръ
 Толпа людей: то Даймонъ шелъ съ дружиной!
 Со страхомъ, растянувшись на землѣ,
 Смотрѣлъ я, оставаясь на скалѣ,
 И видѣлъ: то, что я считалъ лавиной,
 Сползавшей съ горъ, то было ихъ судно.
 Его толкали, силы напругая,
 Всѣ люди. Къ морю близилось оно.
 Я шелъ за ними, все узнать желая.
 Изъ словъ вождя я услышалъ одно:
 Что вдутъ всѣ въ чужія земли свѣта...
 И къ королю, извѣстїе храня,
 Я прибѣжалъ. Онъ выслушалъ меня
 И пригласилъ къ столу вельможъ совѣта.“

Умолкъ и потъ онъ вытиралъ съ лица,
 Уставъ отъ бѣга и отъ повторенья
 Своихъ вѣстей съ начала до конца.

Толпу объяло мрачное смятенье.
 На половинѣ слова у людей
 Порвался голосъ. Точно ужасъ казни,
 Почувствовали всё въ мозгу костей
 Дрожь холода и призраки боязни...
 Предчувствіе росло среди сердець,
 Что рокъ изъ круга ихъ предназначеня
 Ваялъ приговоръ, который, безъ сомнѣнья,
 Единымъ словомъ утвердить Творецъ.

И, какъ въ бреду, видѣнье имъ предстало:
 Казалось, отъ обиженной земли,
 Такъ быстро, что дыханье застывало,
 Местъ Господа имъ ангелы несли.
 И взоръ ловилъ въ тоскѣ невыразимой
 Кровавый судъ на пламенныхъ мечахъ.

Всѣхъ поразилъ тотъ видъ неотвратимый,
 Всѣ головы склонилъ безумный страхъ,
 Какъ будто мечъ, подобный грозной бурѣ,
 Уже сверкалъ, мгновенія губя.
 Когда-жъ толпа оцять пришла въ себя
 И къ радостной безоблачной лазури
 Вновь подняла смущенный, грустный взоръ -
 Увидѣла, какъ будто бы далекіи
 По небесамъ промчался метеоръ
 И скрылъ въ лазури отблескъ одинокіи.

И каждый думалъ, мраченъ и угрюмъ,
 Что значило безвѣстное явленье?
 Потомъ поднялся говоръ, крикъ и шумъ,
 Смущенная толпа пришла въ движенье,
 Къ дворцу стремились всё, и передъ нимъ
 Раздался крикъ: „Мы короля хотимъ!“

На зовъ толпы, шумящей, своевольной,

Король явился блѣденъ и смущенъ.
Она ему кричала, что довольно
Совѣтовъ этихъ; пусть немедля онъ
Идетъ на берегъ, чтобы силой власти
Иль просьбой бѣглецовъ остановить.

Напрасно онъ пытался ихъ смирить;
Король былъ самъ рабомъ народной страсти:
И робко, подъ ударами бичей
Враждебныхъ взглядовъ, взялъ свою порфиру,
Надѣлъ корону, представляя міру
Подобье куклы прежнихъ королей,
И въ путь пошелъ взволнованный и жалкій.

Какъ жертвенникъ пылая, солнца шаръ
Свѣтилъ съ небесъ. Какъ бѣлыя весталки,
Которыхъ жжетъ экстаза мощный жаръ,
Снѣга подъ солнцемъ таяли. Природа
Затихла вся въ расцвѣтѣ красоты,
Лишь гѣли гимнъ весенніе цвѣты
Въ честь вѣчнаго свѣтила небосвода.

Браня въ душѣ палящій солнца зной,
Толпы людей тянулись по дорогѣ,
Измучены въ молчаньѣ и въ тревогѣ,
Къ заливу моря горною тропой.

Вотъ, наконецъ, и горная вершина:
Отсюда даль толпѣ была видна,
Зеленая цвѣтущая равнина,
Морской заливъ и моря пелена.
По зелени и синевѣ простора
Разсѣянно летѣли стрѣлы взора.

Когда же удалось уйти очамъ
Изъ плѣна этой синевы и дали,

Они опять къ заливу посылали
Пытливый взоръ, ища чего-то тамъ.

У сжатаго скалами полукруга
Представилось имъ свѣтлое пятно,
Какъ розы лепестокъ на фонѣ луга.
Иные, разсмотрѣвъ тревожнымъ взглядомъ,
Рѣшили, что у берега судно;
И всѣ толпы внизъ полились каскадомъ.

Да, точно, тамъ стояли бѣглецы,
И видъ судна и формы говорили,
Что то судно въ горахъ соорудили
Искусные пѣвицы и пѣвцы.
Они не въ ватерпасѣ, не въ аршинѣ
Искали мѣрь для своего судна.

Подобно чашѣ вогнуть въ еерединѣ
Его былъ корпусъ, форма же стройна
Была, какъ форма легкаго сонета.

Носъ—остро срѣзанный напоминалъ
Мужскую рифму среди строкъ куплета;
Подобно строфамъ—весель рядъ торчалъ;
Прямые мачты, какъ мечты поэта,
На палубу глядѣли съ вышины,
На нихъ канаты, какъ строфа терцета,
Изъ трехъ веревокъ были сплетены.
Рядъ парусовъ въ ихъ мѣрномъ колыханьи,
Какъ ритмовъ рядъ, судно слегка качалъ
И, какъ поэмы звучное названье,
На мачтѣ флагъ пурпуровый игралъ.

Какъ разъ тогда всѣ люди торопливо
Въ судно сажались; оттого и смѣхъ,
И шумъ, и крики разносились живо...

Ихъ вождь желалъ остаться позже всѣхъ,
На берегу стоялъ онъ одиноко.
Со времени ухода своего
Онъ измѣнился, видимо, глубоко.

Онъ точно выросъ. Тѣло все его
Лишь духа оболочкою казалось.
Примѣты муки внутренней борьбы
Ушли съ лица, оно же прояснилось
Рѣшимостью и знаніемъ судьбы.

По блеску глазъ его замѣтно было,
Что мысль святая взглядъ ихъ озарила
И вѣра, и глубокая любовь,
И чистота душевнаго покоя;
Что отъ побѣды этого героя
Земли не оросить людская кровь,
Что за его побѣдной колесницей
Не повлекутъ печальной вереницей
Измученныхъ и стонущихъ рабовъ.

И стоя такъ въ молчаньѣ надъ заливомъ,
Онъ услыхалъ движенье за собою
И, обратясь порывомъ торопливымъ,
Недвиженъ замеръ онъ передъ толпой.
Тутъ короля онъ сразу встрѣтилъ взоры,
И оба вадрогнули, а всѣ кругомъ
Невольно оборвали разговоры
И замерли на берегу морскомъ,
Предчувствуя въ тиши необычайной,
Какъ велика подобной встрѣчи тайна.

Вожди-жъ, едва скрестился взглядъ очей,
Увидѣли душевной глубиною,
Что не идти дорогой имъ одною,
Что ровнь сердець у нихъ всего сильнѣй,

Что двухъ міровъ двѣ силы въ нихъ замкнуты,
 Два полюса таятъ они въ себѣ,
 Что одному изъ нихъ пришли минуты
 Иль измѣниться, иль упасть въ борьбѣ...

И такъ они смотрѣли другъ на друга,
 И ихъ судьба рѣшалась въ этотъ мигъ;
 Король блѣднѣлъ, какъ будто отъ испуга
 Иль оттого, что свой конецъ постигъ,
 Смутился онъ... А вождь дружины юной
 Задѣлъ рѣкою плачущія струны,
 Какъ будто бы въ душѣ онъ пожелалъ
 Окончить этотъ споръ въ одно мгновенье.
 И звукъ струны напѣвомъ всепрощенья
 И вселюбви негромко прозвучалъ.

Король не разгадалъ его значенья,
 Онъ въ немъ увидѣлъ робость и смущенье
 И, думая, что бунту здѣсь конецъ,
 Надменнымъ тономъ власти и презрѣнья
 Спросилъ онъ: „Что ты дѣлаешь, пѣвецъ?—

— Оружье смотреть передъ битвой воинъ,—

И я свое оружье узнавалъ:

Хорошъ ли звонъ и вѣрно-ли настроенъ?—

— Какой вашъ бой?—

— То бой за идеаль!—

— Куда плывете вы?—

— На поле битвы!—

— Зачѣмъ?—

— Чтобъ сѣять тайныя слова

Возвышенной спасающей молитвы,

Которая въ сердцахъ еще жива,

Но надъ душою призраки повисли

И вѣтъ ей силъ пробиться въ область мысли!—

— Кто звалъ и кто велѣлъ вамъ плыть туда?—

— Насъ стонъ зоветъ и долгъ повелѣваетъ!—

— Вамъ плохо здѣсь?—

— Здѣсь совѣсть жить мѣшаетъ!

Вѣками напряженнаго труда

Коралловъ, гибнущихъ во мракъ моря,

Вашъ островъ держится! Здѣсь страхъ и горе!—

— Что-жь васъ страшить?—

— Что островъ упадетъ

Въ пучину... Гадъ морской его пожретъ,

Коль онъ другихъ безъ помощи оставитъ!—

— А ты—герой, который насъ избавитъ?!—

Съ ироніей воскликнулъ тутъ король:

— Ты въ плащъ геройства радишься напрасно!

Хоть цѣль свою скрываешь ты прекрасно—

Меня не проведетъ такая роль.

Я знаю, что придумалъ, безъ сомнѣнья,

Твой жалкій разумъ: это—планъ смущенья!

— Смущать?! Богатствомъ, что собрали здѣсь

Миліоны рукъ работой вѣковою,

Стремиться одѣлать людъ бѣдный весъ;

Желать, чтобъ жизнь не дѣлалась рѣзною,

Какой она являлась съ давнихъ поръ;

Акорды слить въ одинъ согласный хоръ,

Всѣ души охватить дыханьемъ пѣсни

И разбудить ихъ возгласомъ: „воскресни!“

— Молчи!—вскричалъ король,—ты потерялъ

Акордовъ тайну, въ чемъ всѣхъ пѣсенъ сила!

Ты пѣснь рабою сдѣлать пожелалъ,

И пѣснь тебѣ навѣки измѣнила.

Вѣдь съ пѣснью духъ пѣвца соединенъ,

А ты отвергъ ея святой законъ!—

Тутъ Даймонъ, грозно шевельнувъ бровями,
Сказалъ дружинѣ своего судна:

„Хоть онъ король и первый межъ пѣвцами,
Но рѣчь его о пѣснѣ не вѣрна:

„Ты правъ, что пѣсня—духа выраженье;
За что-жь ты насъ рѣшился упрекнуть?
Должны-ли всѣ пѣвцы для пѣснопѣнья
Въ твоёмъ мотивѣ ноты почерпнуть?“

„Пѣвецъ—обманщикъ, если съ пѣснью тою,
Съ которою навѣкъ соединенъ,
Не связанъ онъ любовію святою...
Да, лишь тогда предъ ней виновенъ онъ!
Пусть о себѣ тоскуютъ эгоисты!
А кто влюбленъ въ свѣтъ будущаго дня,
Пускай поетъ, на струнахъ серебрястыхъ
Привѣтный гимнъ грядущему звеня.
Какъ мать еще во чревѣ любить сына
И страстно ждетъ его, хотя самой
Грозитъ съ его рожденіемъ кончина,—
Такъ жаждемъ мы всей силой, всей душой
Великаго, прекраснаго разсвѣта,
Когда вся жизнь тѣ гимны запоетъ,
Хотя бы намъ онъ былъ—конца примѣта,
Какъ для зари свѣтила дня приходъ.
Мы будемъ счастливы! Уничтоженъя
Нѣтъ въ смерти... Смерть—грядущей жизни звонъ,
Иная форма вѣчнаго явленья,
Она—дитя изъ пелены временъ.
Да, мы умремъ... Но жизни не жалѣемъ,
А смерть сама намъ будетъ мавзолеемъ“.

„За эту форму сладко умереть!
Ей пѣли мы, будили силой звона,

И по утрамъ надъ нами будетъ пѣтъ
Она свой гимнъ, какъ статуя Мемнона“.

Умолкъ. Король же понялъ передъ нимъ,
Что пораженъ оружіемъ своимъ.
Среди толпы слышались укоры,
Что съ Даймономъ ведетъ онъ плохо споры.
А потому онъ измѣнилъ свой тонъ,
Желая въ мигъ покончить съ той ошибкой,
И милостиво, съ кроткою улыбкой
Сказалъ пѣвцу:

„Хоть за меня законъ,
Не какъ король я говорю съ тобой,
Какъ человѣкъ я къ равному съ мольбой
Пришелъ, хоть могъ бы дать и приказанье.
Останьтесь! Вамъ не будетъ наказанья...
И насъ смущалъ когда-то этотъ сонъ,
Миражъ пустыни. Только опытъ знаетъ,
Что быстро онъ отъ взора убѣгаетъ,
Хоть ярко для очей явился онъ“.

„На островѣ всегда—друзья вы наши;
Здѣсь миръ, довольство и удобный кровъ,
Роскошный столъ, наполненныя чаши,
Родителей глубокая любовь.
И это все покинуть! Въ мракѣ ночи
Среди громовъ надъ безднами блуждать,
Гдѣ волны заливаютъ пѣной очи!—
Нѣтъ, этого я не могу понять!“

— „Ты не былъ тамъ, куда изъ мрачной мглы
Пробились мы! На этихъ горныхъ кручахъ!
Внизу кричали горные орлы,
И далеко отъ насъ, скрываясь въ тучахъ,
Вашъ островокъ былъ точкою для глазъ,
Ничтожной точкой въ необъятномъ мѣрѣ“.

„Нашъ взоръ летѣлъ все далѣе и шире
 На материкъ. И скорбь объяла насъ!
 Просторъ полей—безплодный; надъ полими,
 Какъ облако застывшихъ горькихъ слезъ,
 Лежалъ туманъ густыми пеленами
 И надъ землею ширился и росъ“.

„Насъ солнце залило своимъ сверканьемъ,
 Но не ослѣпили мы,—и взоръ очей
 Летѣлъ все дальше, вымытый сіяньемъ
 Горячихъ, яркихъ солнечныхъ лучей“.

„Туманъ лежалъ густою пеленой...
 Но разглядѣлъ нашъ взоръ въ туманѣ этомъ,
 Что далеко надъ грустною землей
 Дрожали горизонты тайнымъ свѣтомъ!..“

„И мы тогда на этой вышинѣ
 Торжественно предъ солнцемъ обѣщали
 Не отступить въ безжалостной войнѣ,
 Пока туманы не очистятъ дали.
 Мы нашъ обѣтъ исполнимъ до конца!
 Король! Кто разъ ступилъ туда ногою,
 Гдѣ были мы передъ лицомъ Творца,
 Исполнены рѣшимостью благою
 Въ торжественный, невыразимый мигъ,
 Когда гремѣлъ обѣтъ нашъ звучнымъ хоромъ;
 Кто видѣлъ солнца лучезарный ликъ
 И не смутился гордымъ, смѣлымъ взоромъ;
 Кого такъ нѣжно воздухъ горъ ласкалъ,
 Влетѣвшій въ грудь съ дыханіемъ покоя;
 Кто въ жилахъ пламя страсти ощущалъ;
 Кто такъ, какъ мы, на тѣхъ вершинахъ стоя,
 Единымъ взглядомъ къ вѣчности лета,
 Временъ и дѣлъ проникнулъ вереницы
 И увидалъ, минувшее прочтя,

Грядущаго раскрытiя страницы
 Какъ свитокъ Бога правды, и на немъ
 Его завѣтъ, пылающій огнемъ,—
 О, никогда средь муки и безсилья
 Не можетъ тотъ бесплодно умереть!
 И держать наготовѣ мысли крылья.
 Какъ птица, что готовится летѣть
 Въ просторъ небесъ... Не упадетъ онъ ниже,
 Чѣмъ былъ тогда! И насъ ты не зови-же!
 Внимай: орелъ летѣлъ къ вершинѣ той,
 Гдѣ были мы,—но измѣнили силы,
 Упалъ онъ въ прахъ съ разбитой головой!..
 И думалъ ты, что въ этотъ мракъ могилы
 Мы спустимся съ сияющихъ вершинъ,
 Что мы ярмо золотое вновь одѣнемъ!?.
 О, никогда! Ты властвуй здѣсь одинъ!
 Мы знаемъ путь и дѣлу не измѣнимъ!
 Прощай!“—

И онъ на палубу судна
 Вошелъ поспѣшно. Мощною рукою
 Онъ вырвалъ якорь изъ морского дна,
 И дрогнуло судно надъ глубиною.

Внезапно на суднѣ огни зажглись,
 Ударилъ въ парусъ вѣтеръ моря бурный,
 Всѣ весла въ рядъ согласно поднялись,
 Затрепеталъ на мачтѣ флагъ пурпурный,
 Какъ яркая вечерняя заря
 На синевѣ играя и горя.
 И вотъ судно увѣренно и живо
 Направило по морю быстрый ходъ,
 Какъ лебедь, граціозно и красиво
 Скользитъ по бирюзовой глади водъ.

Судно несло. Въ тревогѣ и печали
 На берегу, вперивъ недвижный взоръ,

Всѣ звучной пѣснѣ Даймона внимали,
А пѣснѣ той гремѣлъ отвѣтнѣй хоръ.

ГОЛОСЬ.

Присмотритесь, о братья! Въ просторѣ морскомъ
Жадный омутъ замкнулся зловѣщимъ кольцомъ.

Все глотать глубина его рада.

Онъ замкнулся въ себѣ для вражды безъ конца,
Знаетъ жизнь и живетъ только въ сферѣ кольца...

ХОРЪ.

Онъ таитъ тамъ ужаснаго гада!

ГОЛОСЬ.

Прочь отъ омутовъ, прочь! Нули моря—они!

Кто туда попадетъ—оборветъ свои дни

Въ одинокой холодной могилѣ.

Поспѣшимъ же отъ нихъ! Тамъ уныло, темно!

Пусть не брызнутъ ихъ волны на наше судно!

ХОРЪ.

Въ нихъ мѣзмы губительной гнили!

ГОЛОСЬ.

Въ дѣши Творчество намъ и святая Любовь

Заложили сокровища дивныхъ даровъ

И пѣвцовъ намъ названіе дали.

Понесемъ же знамена великихъ идей

И посѣвы свободы на ниву людей...

ХОРЪ.

Чтобъ любви очаги возникали!

ГОЛОСЬ.

Пусть же вспыхнетъ огнемъ эта сила любви!

Ирѣ холодный и мрачный, погрязшій въ крови,

Поведемъ къ лучезарной денницѣ.

Такъ спѣшимъ же туда! Тамъ насилье, вражда,
Книга жизни тамъ кровью людей залита.

ХОРЪ.

Этой книги откроемъ страницы!

ГОЛОСЪ.

И запишемъ туда мы небесный завѣтъ...
Вавейся, парусъ! Туда, гдѣ печаль скрыла свѣтъ,
Полетимъ мы, сгорая любовью.
Полетимъ, чтобъ скорѣе надъ бѣдной землей
Сѣять зерна добра и свободы святой...

ХОРЪ.

Эти зерна польемъ своею кровью!

ГОЛОСЪ.

Но куда же по морю направимъ мы ходъ?
О, смотрите: нашъ руль сдѣлалъ самъ оборотъ,
И судно такъ отважно несется.
Что за диво? Спокойна, недвижна вода...
Почему же судно повернулось туда?

ХОРЪ.

Наше сердце въ ту сторону бьется!

ГОЛОСЪ.

О, какъ бьется, какъ тинетъ къ несчастной странѣ,
Гдѣ въ поляхъ, и въ лугахъ, и въ лѣсной глубинѣ
Кровь течетъ съ неустанною силой,
Гдѣ ручьи замутились отъ пота и слезъ,
Гдѣ ни пламенныхъ чувствъ, ни возвышенныхъ грезъ...

ХОРЪ.

Гдѣ герои подъ каждой могилой!

ГОЛОСЪ.

Ты, о сердце, отважно и громко зови,
 Что грядетъ вольный Богъ всемогущей любви,
 Снять готовясь проклятіе вѣка.
 И, какъ древле изъ храма ушли торгаши,
 Такъ все злое навѣки уйдетъ изъ души...

ХОРЪ.

Будетъ свѣтлой душа человѣка!

ГОЛОСЪ.

Да, сбывается лучшая въ свѣтѣ мечта:
 Человѣкъ ожидалъ Человѣка-Христа—
 Это чудо свершается нынѣ.
 Поспѣшимъ же обрадовать гибнущій свѣтъ,
 Ибо тамъ—первый шагъ, первый новый завѣтъ...

ХОРЪ.

Первый камень для храма святыни.

ГОЛОСЪ.

Такъ звучите же, струны! Въ зловѣщней тиши
 Наши пѣсни убитую силу души
 Воскресятъ, упованіемъ полны,
 Слабымъ силы поплютъ на борьбу до конца
 И упрекомъ отравятъ тирановъ сердца...

ХОРЪ.

Даймонь! Бурны зловѣщія волны!..

ГОЛОСЪ.

чего! Если смерть намъ пророчить волна,
 умремъ у морского спокойнаго дна,
 Въ дивномъ царствѣ подводнаго міра.
 Пусть море хранитъ безмятежный нашъ миръ,
 касаясь волной серебра нашихъ лиръ.

ХОРЪ.

И расскажетъ о насъ наша лира!

ГОЛОСЪ.

Смѣло, братья, плывемъ! Прочь боязнь и печаль!

О, смотрите, смотрите: туманится даль,

Береговъ общая явльепе...

Что такое? Растетъ на волнахъ полоса...

Суша, суша!.. О, нѣтъ!.. Но звучать голоса...

ХОРЪ.

Это правда!.. Задержимъ стремленье!..

И словно альбатросъ, что въ высотѣ
Пробить стрѣлой упалъ въ пучину моря,
Судно вдругъ стало на одной чертѣ
И замерло, съ движеньемъ прежнимъ споря.
Какъ кровь, по мачтѣ красный флагъ сплывалъ,
Подобно крыльямъ паруса трепались;
А весла, въ море врытая, сгибались,
Ихъ скрипъ, какъ стонъ, пучины оглашалъ.
И напрягая слухъ, сдержавъ дыханье,
Дружина вся сидѣла на суднѣ
Недвижна, какъ живое изваянье,
Въ томительной и жуткой тишинѣ.

Къ судну, что оставалось безъ движеній,
Шелъ голосъ черезъ море отъ земли,
Лишенный оболочки выражений,
Которыя служить ужъ не могли
Ни въ чемъ ему... Словамъ нѣтъ силъ и воли,
Чтобъ выразить стонъ безграничной боли.

Печалень звонъ клинка, когда сквозь стоны
Его ломаетъ рыцарь, побѣжденъ;
Шумять печально дымныя колонны

Костровъ всѣхъ Авелей, чей тяжкій стонъ
 Звучить въ вѣкахъ томительно и звонко;
 И крышки гроба малаго ребенка
 Ужасенъ звукъ, когда съ нѣмой тоской
 Бросаетъ землю мать на гробъ печальный,
 И плачетъ дождь надъ хмурою землей...
 Все это выражалъ тотъ голосъ дальній
 И много больше... Слышалось еще,
 Какъ то, что тамъ зоветъ, хоть и желаетъ,
 Но всею силой мукъ не ударяетъ,
 О помощи не просить горячо,
 Какъ будто демонъ, муки отмѣряя,
 Считаетъ скорбь и требуетъ отчетъ
 Отъ каждой капли крови, убивая
 Все то, что мѣру скорби перейдетъ.

Ужасенъ и великъ въ своемъ безсилѣ,
 Летѣлъ тотъ голосъ, рвался безъ конца,
 Наполнивъ жгучей болью всѣ сердца.
 И вдругъ затихъ внезапно, точно крылья
 Ему подрѣзалъ вѣтеръ роковой,
 Что пролетѣлъ, странилицу подобно,
 Между судномъ и дальнею землей
 И стихъ вдали, ворча надъ моремъ злобно.

А изъ зеркаль поверхности морской
 Вдругъ выплыла толпа русалокъ чудныхъ;
 Съ тревожною и страстною тоской,
 Съ огнемъ любви во взорахъ изумрудныхъ
 Движеньями и звукомъ голосовъ
 (Гѣ манили молодыхъ пловцовъ.

1 рвая изъ нихъ въ одеждѣ бѣлоснѣжной
 1 та, точно арфа; голосъ свѣжій, нѣжный
 1 тишинѣ звучалъ и съ крикомъ страсти росъ.
 приди ко мнѣ!—звала она съ тоскою:—

Я постель тебѣ сложу своей рукою,
Я тебя покрою золотомъ волосъ.“

„Нѣжно, прямо къ сердцу грудь свою прижму я
И ее открою вновь для поцѣлуя...
Кровь твою насытитъ крови моей жаръ.
Полныхъ устъ коралломъ я уста покрою!
Всѣ движенья страсти съ нѣгой неземною
Дѣвственнаго стана—принесу я въ даръ!“

„О, иди!—другая пламенно шептала:—
Кость благоуханныхъ, дивныхъ покрывала
Постелю тебѣ я!.. О, приди, приди!..
Я открою плечи, смуглыя отъ жара,
Груды, что томятся пламенемъ пожара,—
И прижму ихъ обѣ я къ твоей груди!“

„И огнемъ любовнымъ загорятся очи...
Дрожь моего стана въ часъ беззвучной ночи,
Точно въ колыбели, усыпить тебя.
Полными руками шею оплету я,
Прогоню усталость жаромъ поцѣлуя...
Я хочу и гибну, гибну я, любя!..“

„Дождь моихъ лобзаній смоесть пыль мученій!..
Даймонъ! Цвѣтъ—росѣ, а я—всѣхъ наслажденій
Чашечки открою одному тебѣ!
Всѣ смѣшаемъ чувства! Будь мнѣ господиномъ
И въ моемъ ты небѣ богомъ будь единымъ!..
Я борюсь безумно, я паду въ борьбѣ!..“

„А когда въ объятыхъ я замру, блѣднѣя,
Затуманитъ очи страсть,—тогда нѣжнѣе
Буду я шептать во снѣ и на яву
Благодарность сладкой и любовной ласкѣ!..“

О, иди со мною въ міръ волшебной сказки!
Неужель напрасно я тебя зову?“

„Напрасно!—съ нотой гнѣвною повѣтъ
Отвѣтили грозно въ сторону русалокъ:—
Міръ вашихъ чаръ для насъ и чуждъ и жалокъ,
У нихъ надъ нашимъ сердцемъ власти нѣтъ.
Самсонъ утратилъ мощь въ плѣну Далилы,
А намъ для битвы нужно больше силы;
Вѣдь тамъ, на сушѣ дорогой страны,
Намъ подвиги Геракла суждены!“

„Завѣтъ у насъ высокій, но суровый,
И мы должны держать надъ сердцемъ власть!
Насъ искушенья ждутъ, но мы готовы
Отбросить ихъ съ презрѣньемъ, а не пасть!“

„Бокала съ вашимъ ядомъ и позоромъ
Не выпьемъ мы! Такъ прочь же, прочь скорѣй!..
И слово оскорбленья грознымъ хоромъ
Звучить съ судна по синевѣ зыбей.

На этотъ возгласъ съ тяжкимъ стономъ горя,
Подобно ряду скошенныхъ цвѣтовъ,
Оставивъ слѣдъ расплывшихся круговъ,
Русалки погрузились въ лоно моря.

И волны ихъ ударились въ судно
И въ яркомъ гнѣвѣ, мстительно-жестокомъ,
Въ глаза дружинѣ брызнули упрекомъ.

День меркнулъ, стало мрачно и темно;
Суровой мглой покрылся сводъ лазурный,
Съ морскихъ полей сорвался вѣтеръ бурный
И вновь летѣлъ отъ полосы земли;
Съ могучимъ свистомъ мощными крылами,

Какъ тѣнь, промчался онъ надъ головами,
Нарушилъ тишь и вновь исчезъ вдали.

А велѣдъ за нимъ дружина увидала,
Какъ моря гладъ лазурный свой покровъ
Въ зловѣщій, темный сумракъ одѣвала;
Какъ, плача легиономъ голосовъ,
Вадымались волны съ силою стремленья,
И какъ вдали морской водоворотъ
Борьбой смущали грозныя движенья,
Неся наружу бѣлой пѣны поть.

Пловцы на небо обратили взоры:
Сгущалась ночь темнѣе и темнѣй;
Ползли, подобно скопицу тѣней,
Огромныхъ тучъ блуждающія горы.
И двигались, какъ стаи мрачныхъ птицъ,
По небесамъ отъ сѣверныхъ границъ.

Тутъ каждый, ожидая утѣшенья,
Взглянулъ въ лицо товарища-пѣвца;
И общее въ ихъ лицахъ выраженье
Заставило забиться всѣ сердца,
Наполнивъ ихъ божественнымъ экстазомъ;
И всѣ они взяли за весла разомъ
И двинули впередъ свое судно.

Межъ тѣмъ послѣдній лепестокъ лазури
Ужъ завернулся въ покрывало бури
И, какъ въ могилѣ, стало вдругъ темно.
И разостлалась по морской долигѣ
Ужасная ночная тишина,
И было слышно, какъ вблизи въ пучинѣ
Потокомъ разрывается волна,
Рыдая такъ, что всѣ пловцы въ тревогѣ
Взглянули—и въ сердца ударилъ страхъ:

Оттуда, гдѣ дробятся о пороги
И плачутъ волны, разлетаясь въ прахъ,
Гдѣ гибнетъ все, рождается преступленье,
Оттуда шло ужасное видѣнье:
Злой Демонъ міра грозно выходилъ
И шель въ стремленьи злобнаго порыва.

Щетинилась его густая грива,
Надулся на челѣ клубъ синихъ жилъ.
Холодные глаза, какъ бы двѣ ппаги,
Блестѣли грозно на его лицѣ.
По омутамъ волнующейся влаги
Онъ шель, какъ вѣсть о роковомъ концѣ.
Его слова и взоровъ выраженье
Дышали зломъ и силой разрушенья:
„На сушу стремятся, но я не пущу,
Повергну ихъ въ омутъ, волной поглочу,
Грозой растерзаю на части.
Дружина и въ морѣ—опасный мой врагъ,
Но если на сушѣ подниметъ свой стягъ --
Исчезнетъ вся мощь моей власти“.

„Они завоюютъ долины земли,
Гдѣ много столѣтій клевреты мои
Мильоны людей угнетаютъ,
Неволю несутъ и тюрьму, и гробы
И гордыхъ вождей, и героевъ борьбы
Вѣнцами страданья вѣнчаютъ!“

„И тамъ, среди жатвою полныхъ полей,
Гдѣ Гарпія—символь побѣды моей --
Вьетъ гнѣзда съ своими птенцами,
Стремится когтями весь міръ охватить,—
Хотятъ они красное знамя развить
И свѣтомъ блеснуть, какъ звѣздами!“

„Видь этого флага терзаетъ меня,
Глаза затемняетъ мнѣ свѣтъ ихъ огня,
Тревожитъ меня все страшнѣе...
Гей, вѣтеръ, рви флагъ на куски поскорѣй!
Туши этотъ призракъ кончины моей!
Гей, буря! Рви же сильнѣе!..“

Онъ задрожалъ и отступилъ къ землѣ,
И постепенно скрылся за туманомъ.
Но знакъ былъ данъ—и сорвался во мглѣ
Безумный вихрь ужаснымъ ураганомъ.

Клубились тучи, какъ толпа тѣней,
Ревѣло море, пѣнилось и злилось...
И вдругъ потокомъ голубыхъ огней
На мигъ одинъ все небо озарилось.
И грянулъ громъ, какъ будто надъ землей
Оно распалось... Изъ числа дружины
Пѣвецъ, сраженный громовой стрѣлой,
Упалъ, какъ снопъ, въ глубокія пучины.
И темный омутъ тѣло вырвалъ вдругъ,
Какъ бы хвалясь добычею своею,
Описывалъ по влагѣ трупомъ кругъ.
Пѣвецъ держалъ рукою лиру; съ нею
Упалъ, когда сразилъ его перунъ;
И волны вызывали рокоть струнъ,
А струны тѣ на звучной дивной лирѣ
Могучій гимнъ гремѣли,—и когда
Исчезъ пѣвецъ—та пѣсня безъ слѣда
Не сгибла съ нимъ, но полилася шире.
На палубѣ, въ родномъ кругу друзей,
Усилилась она,—а вмѣстѣ съ ней
Усилилось и бѣшенство стихій.

Съ небесъ лилъ дождь, а снизу волны злыя
Хватали руль и весла, на пловцовъ

Потоками плевали пѣны бѣлой,
Несли судно, какъ звѣрь освирѣпѣлый,
И, бросивъ въ омутъ, черезъ край бортовъ
Свои тѣла огромныя вливали;
А въ небесахъ громады черныхъ тучъ
На части стрѣлы молній разрывали,
И громъ гремѣлъ, ужасенъ и могучъ.

Но каждый разъ въ отвѣтъ его ударамъ
Побѣдно развѣвался красный флагъ...
Тутъ видя, что уходятъ силы даромъ,
Въ безумье впалъ суровый, злобный врагъ:

Затѣнилось море, понизились тучи
И громъ прокатился сквозь черныя кручи,
И волны одна на другую
Взбирались, вдымались, какъ грозныя горы,
И вѣтровъ запѣли могучіе хоры;
Взрывая поверхность морскую,
Тѣхъ вѣтровъ шумѣли кругомъ вереницы,
Надъ палубой жертвы искали,
Упали на мачту, какъ жадныя птицы,
И вымпелъ на клочья терзали.
А мгла ниспадала на бурныя воды,
И грязныхъ тумановъ кругомъ хороводы
Затѣяли танецъ кипучій,
Чтобъ съ моремъ и вихремъ и тучей
Въ союзѣ—сгубить удалую дружину
За то, что, презрѣвъ роковую кончину,
Несетъ она свѣтъ свой могучій.

И тучи съ пучиной слилися въ туманѣ;
Какъ грязная тряпка, онъ все въ океанѣ
Покрылъ своимъ саваномъ влажнымъ.
Но только тотъ саванъ гроза разрываетъ—
Во мракѣ изорванный флагъ выступаетъ

И снова порывомъ отважнымъ
 Бросается въ воздухъ, надъ бурей смѣется,
 Смѣется—какъ будто бы знаетъ,
 Что онъ не надъ гробомъ, что тамъ, гдѣ онъ вьется,
 Великая жизнь расцвѣтаетъ.

Когда же утихнетъ гроза на мгновенье,
 Замолкнетъ волны разъяренной кипѣнье
 И вѣтры затихнуть въ просторѣ—
 Могучая пѣснь черезъ море
 Несется, судно представляется взглядамъ,
 Вѣтрила вадываются пышно;
 Но снова гроза разражается адомъ—
 Ихъ снова не видно, не слышно.

.....

Сегодня тамъ не видно ничего,
 Но кто пробьетъ туманы взоромъ духа—
 Увидитъ онъ дружины торжество,
 И пѣснь побѣды долетитъ до слуха.
 Узнаетъ онъ, что доплывутъ они,
 Что вѣтры не сорвутъ съ ихъ мачты флага,
 Что въ бурѣ не потухнутъ ихъ огни
 И не измѣнитъ сердцу ихъ отвага!

Свой яркій флагъ они на берегахъ
 Окрасили своей горячей кровью,
 Они избрали дерево съ любовью
 Для своего судна въ родныхъ лѣсахъ.
 То дерево отъ вѣка на вершинахъ
 Подъ яркимъ свѣтомъ солнечнымъ росто;
 Вотъ отчего ихъ крѣпкое весло
 Такъ радостно купается въ пучинахъ,
 И мачты ихъ стремятся въ вышину,
 И разрѣзаетъ бурную волну

Ихъ руль, рукъ послушный и прекрасный...
А наконецъ, они изъ мысли ясной
Зажгли огни, какъ дивныхъ звѣздъ в'нецъ;
И средь тумановъ моря, грозъ и шквала,
Смотря на компасъ доблестныхъ сердецъ,
Ведутъ судно дорогой идеала.

ИВ. РУКАВИШНИКОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Кто за насъ—иди за нами!
И сомкнутыми рядами
Мы пройдемъ надъ головами
Проклимающихъ враговъ...
Кто за насъ—иди за нами,
Чтобы не было рабовъ!

Кто мы? Насъ много. Мы — люди великой свободы.
Мы за страданья доступнаго счастья хотимъ.
Родина! Родина! Даромъ пропавшіе годы,
Даромъ пропавшую мощь мы тебѣ возвратимъ.

Кто за насъ—иди за нами!
Мы возможнаго хотимъ.
Мы беремъ свой хлѣбъ горбами.
Русь вѣка питалась нами.
Мы на Волгѣ—бурлаками;
Подъ камнями съ фонарями
Мы за тачками бѣжимъ;
По желѣзу молотками
Мы стучимъ, стучимъ, стучимъ...

Кровью горячей мы рабство вѣками поили.
Рабство падеть отъ ударовъ житейскихъ наукъ.
Все впереди! Не напрасно вѣка проходили:
Прадѣдъ не зналъ, до чего дострадается внукъ.

Кто за насъ—иди за нами!
Жизнь и правда насъ зовутъ!
Будутъ дни: блестя штыками,
На своихъ свои пойдутъ...
Но не разъ враги предъ нами
Жерла пушекъ повернуть...

Вѣчная память погибшимъ за дѣло святое!
Вѣчная память замученнымъ въ тюрьмахъ гнилыхъ!
Вѣчная память сказавшимъ намъ слово живое!
Вѣчная память!..

И месть за нихъ!

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

VIII.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1906 ГОДЪ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Семень Юшкевичъ. Голодь.
А. Лукьяновъ. Мечъ враговъ.
Марио Раписарди. Рудокопы.
Е. Чириковъ. Мужики.
Скиталець. Лѣсъ разгорался.
Ив. Рукавишниковъ. Три знамени.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
1906.

Типо-Литографія С. М. Муллеръ-Вас. Остр., 9 лин., д. 18.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
Семенъ Юшкевичъ. Голодь	1
А. Лукьяновъ. Мечъ враговъ	165
Маріо Раписарди. Рудокопы	169
В. Чириковъ. Мужики	175
Скиталець. Лѣсъ разгорался	345
Ив. Руквишниковъ. Три знамени	371

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

Г О Л О Д Ъ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

*Посвящается
Константину Петровичу
Пятницкому.
Семенъ Юшкевичъ.*

Семенъ Юшкевичъ. Голодъ.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, книгоиздательству „Demos“ въ Женевѣ, по слѣдующему адресу:

*Société d'edition et de librairie „Demos“,
22, Bd du pont d'Arve, Genève, Suisse.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МИНА. Работаетъ на сахарномъ заводѣ. 40 лѣтъ.

НАХОМА. Его жена. 33 года.

МИРА. Сестра ея. 20 лѣтъ. Работаетъ на табачной фабрикѣ.

ДАВИДЪ. Ихъ братъ. Въ ученьи у сапожника. 16 лѣтъ.

ВЕТЬКА. Высокая худонькая дѣвочка. 11 лѣтъ.

ГЕРШЕЛЪ. 7 лѣтъ.

НАХМАЛЪ. 5 лѣтъ.

ФАВЕЛЪ. 2 мѣсяца.

} Дѣти Нахомы.

СЕМЪ. Дядя Нахомы. Сторожъ. 60 лѣтъ.

ВЕРМАНЪ. Старьевщикъ. 50 лѣтъ.

} Живутъ у Нахомы

ГАВАЙ. Работаетъ на мебельной фабрикѣ. 25 лѣтъ.

СИМОНЪ. Заготовщикъ. 27 лѣтъ.

КУНА. Мельничный рабочій. Чохоточный. 40 лѣтъ.

ПЕРКА. Жена его. 35 лѣтъ.

ДѢТИ КУНЫ. Калѣки.

ОСНЕСЪ. Нищяя. 50 лѣтъ.

ГЕРШЕЛЪ. Дурачокъ.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

} Старухи.

Сосѣда, сосѣдки, рабочіе, дѣти.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ городѣ.

Семенъ Юшкевичъ. Голодь.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Широкий немощеный дворъ. По бокамъ длинныя одностажныя флигеля, старенькіе, низенькіе. У дверей однихъ квартиръ семья пьютъ чай, сидя вокругъ маленькихъ столиковъ. У другихъ дверей на ступенькахъ сидятъ старики и старухи, нище калѣки, и грѣются на солнцѣ. Въ глубинѣ ворота, соединяющія два фасадныхъ строенія. Съ правой стороны между боковымъ и фасаднымъ флигелями повозки, биндюги; тамъ же играютъ босыя и оборванныя дѣти со двора. Съ лѣвой—пустырь, гдѣ помѣщается водопроводный кранъ. Сюда приходятъ женщины съ ведрами, мужчины берутъ воду для лошадей. Вдали отчетливо видѣется городъ, церковь справа и напротивъ верхушка зданія театра, скрытаго за домами. Слева и далеко выдѣляются трубы заводовъ и фабрикъ. Въ ворота безпрестанно входятъ и выходятъ живущіе въ домѣ. Во дворѣ движеніе, шумъ отъ разговоровъ, суета, дѣтскій плачь, смѣхъ, перебранка сосѣдокъ.

Жаркій іюльскій день. Пять часовъ вечера. Мира стоитъ справа, у дверей своей квартиры и разговариваетъ съ Нахомой. Нахома держитъ на рукахъ двухмѣсячнаго Фавеле и пьетъ чай. Бетька, присѣвъ на корточкахъ, щекочетъ ребенка. Остальныя дѣти Нахомы играютъ во дворѣ.

Изъ квартиры слѣва выходитъ Перка съ ведромъ въ рукахъ. Горбатый мальчикъ слѣдуетъ за ней.

МАЛЬЧИКЪ (назойливо).

Дай мнѣ, дай мнѣ!

ПЕРКА.

Ступай къ чорту! Ступай! Ты не уйдешь отъ меня?
(Грозить рукой)

МАЛЬЧИКЪ.

Хочу, хочу! (Хнычетъ)

ПЕРКА (кричить)

Вотъ жизнь! Ну возьми! (Даетъ ему ведро) Но если
сломаешь,—убью тебя, помни! (Удается)

МИРА (къ Нахомѣ).

Мнѣ иногда хочется убѣжать отъ твоихъ разгово-
ровъ. Ну и осталась безъ работы! Не буду набивать
папирось на этой проклятой фабриктѣ. Ну и Бетька
осталась безъ работы. И всѣ эти остались безъ работы.
(Указываетъ на сосѣдей, сидящихъ во дворѣ) Привыкла!
Только не говори объ этомъ.

НАХОМА (къ Бетькѣ).

Те мучь его, Бетька... Отойди.

МИРА.

летѣть мнѣ иногда хочется. Все объ одномъ, все
о тлѣ, о тлѣннѣ, какъ говорить дядя. (Разсмѣялась)

НАХОМА (грустно).

Я хотѣла бы произносить самыя лучшія слова...
Самыя лучшія! Бетька, не стой передъ глазами!

БЕТЬКА.

Я хочу его поцѣловать. Дай мнѣ его, мать. (Береть
у Нахомы ребенка и начинаетъ подбрасывать его, цѣловать)

МИРА.

Какія? (Сходитъ со ступеньки и оборачивается лицомъ къ
городу)

НАХОМА.

Я ихъ не знаю, Мира... я забыла! (Задумчиво)
Когда-то все знала, какъ ты! Когда-то! Что-то сіяло
впереди... И душа моя поднималась. (Опускаетъ голову)
Но оно прошло, вотъ эти глаза наплакались!...

МИРА.

Наплакались! (Вдругъ закрываетъ уши руками) Какъ
они кричатъ!

НАХОМА.

Я въ дурной день родилась, Мира. Пока ты была
маленькой, меня успѣли закопать вотъ такъ... глу-
боко.

МИРА.

Почему ты не боролась, какъ я?

НАХОМА.

Съ кѣмъ? Съ отцомъ, съ матерью? Можетъ быть, со
стѣнами? Я опускала голову, ницъ я падала,—не по-
могало. И вышла за Мину. Да, за Мину!

МИРА.

Не говори!

НАХОМА.

Иногда вспомню, что за Мину вышла, и не повѣрю. Такъ это правда? Нахома—жена Мины? Нахома! Согласилась она! (Махнетъ рукой. Грустно) Я всю жизнь работала то на отца, на мать, пока похоронила ихъ, то на тебя, на Давида, потомъ свои дѣти, Мина... и чего хочу я? Одной минуты, только одной минуты. Вздохнуть вотъ такъ и сказать: славу Богу! И этого нѣтъ! Нѣтъ этого... (Къ дочери) Бетька, ты его уронишь.

БЕТЬКА.

Нѣтъ, мать! Что-то онъ третъ глазки кулачкомъ. Его надо выкупать. (Бѣгаетъ съ нимъ)

МИРА.

Я жалѣю тебя, Нахома. Сердце мое сжимается отъ жалости. Но все-же, когда слышу вотъ эти разговоры дома-ли, или у сосѣдей—гдѣ бы я ихъ ни слышала,—я страдаю... У меня какъ будто крылья павѣки складываются и вотъ такъ я ихъ чувствую. (Дѣлаетъ движеніе) Я хочу, Нахома, только прекрасныхъ, хорошихъ словъ. Я хочу! Вотъ сегодня я вычитала въ книжкѣ что-то, и мнѣ хотѣлось смѣяться и кружиться. Я произносила это громко, и душа моя дрожала. Я люблю что-то, но что—не знаю. И скорбно мнѣ,—судорожно обнять кого-то хочется.

НАХОМА.

Ты странная дѣвушка, Мира. Я была другой.

МИРА.

Можетъ быть, можетъ быть...

НАХОМА.

Это отъ книжекъ. Онѣ вскружили тебѣ голову.

МИРА.

Не совсѣмъ еще. Глаза мои! Ясно видятъ мои глаза.
(Разсѣялась) Вотъ Гершель идетъ.

(Въ воротахъ показывается дурачокъ Гершель, весь въ заплаткахъ, въ помятomъ старомъ цилиндрѣ, въ лаптяхъ, и подпрыгивая уходитъ налѣво. Его окружаютъ дѣти, нѣкоторыя дѣргаютъ сзади, кричатъ)

БЕТЬКА.

Сумасшедшій Гершель! (Побѣжала за нимъ)

НАХОМА.

Ну, а жизнь?

МИРА.

Что — жизнь?

НАХОМА.

Я о Симонѣ говорю...

МИРА.

Онъ некрасивый... (Показывается изъ флигеля Гершель)
Гершель, Гершель! (Манить его рукой)

ГЕРШЕЛЬ

(хохочетъ и кричитъ).

Я приду! (Хохочетъ и подпрыгивая заходитъ въ чью-то квартиру)

НАХОМА

(съ удивленіемъ).

Симонъ некрасивый? Въ первый разъ это слышу отъ тебя.

МИРА.

Ахъ, Нахома!... Я о душѣ его говорю. Душа у него простая.

НАХОМА.

Но зато онъ будетъ покорнымъ. Не будетъ гнуть тебя къ землѣ.

МИРА.

Мнѣ не нужно покорности. (Разсмѣялась) Нѣтъ, пужно.

НАХОМА.

Такъ откажи ему. (Съ жаромъ) Я, Мира, всегда дѣйствовала прямо. Прямо я шла.

МИРА.

И отказать не хочу. Почему? Не знаю, но не хочу Пусть ходитъ... Нѣтъ, мнѣ все равно, пусть не ходитъ. Развѣ я его привязала? (Вдругъ откровенно) Что-то есть въ этомъ хорошее, Нахома. Крикнешь: „Симонъ, Симонъ!“—и онъ уже здѣсь. Сидишь на фабрикѣ, крутишь папирсы, и тошно и мучительно. И вотъ вспомнишь: Симонъ думаетъ о тебѣ, Симонъ мучается изъ-за тебя...

НАХОМА.

Ну, а Габай?

МИРА.

Габай? (Задумчиво) Почему, Нахома, я радуюсь и сердце сжимается, когда слушаю его,—вотъ что хотѣла бы знать. Не знаешь, Нахома?

НАХОМА

(съ безпокойствомъ).

Онъ нравится тебѣ?

МИРА.

Это не то слово... Иногда вотъ такъ дрожишь,—вдругъ въ огонь хочешь броситься... Иногда чувствуешь,

что вотъ-вотъ крикнешь и убѣжишь. Нѣтъ, я не знаю—
что это!

НАХОМА.

Я жалѣю, что сдала ему уголь.

МИРА.

Я тоже.... иногда.

БЕТЬКА (прибѣжала).

Когда мы Фавеле купать будемъ?

НАХОМА.

Ступай, принеси горячей воды. (Бетка отдастъ ей ре-
бенка и убѣгаетъ въ комнату)

МИРА.

Пойду кончать работу. Все-же лучше, чѣмъ на фа-
брикѣ.

(Перка возвращается. Согнулась
подъ тяжестью ведра съ водой.
Поставила ведро у дверей своей
квартиры)

НАХОМА.

Подумай, Мира, о Симонѣ. Тебѣ двадцать лѣтъ.

МИРА

(стоя въ дверяхъ).

Ахъ, Нахома, Нахома!

НАХОМА.

Что—Нахома? Я спрошу тебя: а жизнь? Вѣдь отъ
нея не уйдешь.

МИРА.

Жизнь! Покорить ее нужно, Нахома. Надо смять ее

подъ себя, усѣсться на ней и бить ее кнутомъ... Тогда она пойдетъ!

(Засмѣялась и ушла въ комнату. Нахома пожимаетъ плечами. Бетька выскочила съ чайникомъ и стрѣлой побѣжала къ воротамъ)

ПЕРКА

(подходить къ Нахомѣ).

Смѣется Мира? А я совсѣмъ не вижу, отчего можетъ быть теперь весело. Убейте меня,—не вижу. Фабрики! Кончились всѣ фабрики! Заработки! Кончились всѣ заработки! Народъ въ отчаяніи. Я сказала бы ей: удержиись. (Слышенъ дѣтскій плачь, она прислушивается) Только-что на улицѣ поймали вора. Вы никогда не сказали бы, что это воръ. Онъ шелъ, плакалъ и жаловался: „я отъ голода укралъ. Зачѣмъ меня бить?..“ Отъ голода! Опять моего калѣку побили. Чтوبъ ихъ съ корнемъ вырвало!

(Побѣжала въ конецъ двора, поймала какого-то мальчика и поколотила его. На крикъ ребенка выбѣжала женщина. Обѣ поссорились. Возвращается Бетька съ чайникомъ и заходитъ въ комнату)

НАХОМА

(пьетъ чай. Обращается къ Бетькѣ).

Вымой корыто.

БЕТЬКА.

Хорошо, мать.

ПЕРКА

(которая уже вернулась).

Такихъ проклятыхъ людей еще не было въ этомъ ворѣ. Живу здѣсь десять лѣтъ, а такихъ не видѣла.

(Садится возлѣ Нахомы. Бетька показывается на порогѣ и выливаетъ воду изъ корыта)

ПЕРКА.

Что это? Вы его хотите выкупать? Дорогая, счастливы, что можете еще объ этомъ думать. Мои дѣти уже больше года не знаютъ горячей воды.

НАХОМА.

Ребенку вѣдь два мѣсяца...

ПЕРКА.

А если два? Гляжу на васъ и думаю: еще у нея эти глупости въ головѣ, еще она этимъ занимается...

НАХОМА.

Разъ онъ уже родился... Сказать правду, я его не хотѣла. Вотъ этого уже не хотѣла. Первые дни я на него смотрѣть не могла отъ злости. А теперь люблю... да, люблю! Что-то съ маленькими сама моложе становишься,—тише дѣлаешься.

ПЕРКА.

Не большое счастье.

НАХОМА.

Что-же мнѣ дѣлать? Стоять въ сторонѣ и смѣяться — легко. Богъ знаетъ, какъ не хотѣла этого. Но не помогло, Перка. Вѣдь я за двѣнадцать лѣтъ девять разъ рожала, — насытилась! Четверо умерло, наплакалась! А спросишь у Минны, зачѣмъ намъ дѣти, такъ услышишь отвѣтъ!

ПЕРКА.

Мужчины — скоты... Ничего имъ не нужно, — только это! Знаю ихъ. Но своего чохоточнаго я таки выучила. Объ этомъ даже разговоровъ не должно быть. Хлѣбъ, хлѣбъ, хлѣбъ,—вотъ о чемъ онъ долженъ думать.

НАХОМА.

Заидую вамъ...

ПЕРКА.

Я ему пою: хлѣбъ, хлѣбъ,—и онъ поетъ за мной:
„хлѣбъ, хлѣбъ“.

НАХОМА.

А печаль,—когда они умираютъ? А скорбь? Четыре
жизни отняли они у меня, четыре здоровья...

(Гершель показывается водворъ.
Дѣти набрасываются на него, онъ
рычать)

ГЕРШЕЛЬ.

Я васъ, о-го-го! Съ хлѣбомъ скушаю!

(Наступаетъ на дѣтей, тѣ съ кри-
комъ убѣгаютъ отъ него. Погнался
за ними)

ПЕРКА.

Опять Гершель появился здѣсь. Не къ добру это

НАХОМА (мрачно).

Не люблю его.

ВЕТЬКА

(появляется на порогѣ).

Вода готова.

НАХОМА.

Сейчасъ иду.

(Въ ворота входитъ нищая — Ос-
несъ съ палкой въ рукахъ, передви-
гается медленно. Голова у нея
трясется)

ПЕРКА.

Вотъ идетъ Оснесъ, несчастная душа. Посидите, по-
шаемъ, что въ городѣ дѣлается. (Поднимается) Ба-

бушка Оснесъ, бабушка Оснесъ! Подойдите-ка сюда. (Старуха направляется къ нимъ) Здравствуйте, бабушка. Принесли что-нибудь?

ОСНЕСЪ.

Что я принесла, дитя мое, хи-хи! Ничего я не принесла! Хи-хи-хи! Людямъ плохо, ахъ, какъ плохо! Нп-когда еще такъ плохо не было, хи-хи. (Трясетъ головой и переводить духъ) Безъ ногъ останешься, безъ здоровья, а вотъ что приносишь. (Показываетъ мѣдяки) Нищихъ, какъ мухъ въ этомъ году. И откуда они взялись, думаю себѣ, хи-хи...

НАХОМА (тихо).

И отчего она смѣется?.. Я все боюсь чего-то эти дни. Услышу слово и ловлю его. Можетъ быть, откуда идетъ несчастье! Кто-то сторожить насъ! Кто-то...

ОСНЕСЪ.

Такой уже этотъ годъ. Охъ, вижу я этотъ годъ, хи-хи! Не было еще такого года! Меня спросите, — я все знаю, хи-хи!

ПЕРКА (испуганно).

Что вы говорите, Оснесъ? Расскажите что-нибудь повеселѣе.

ОСНЕСЪ.

Не купила еще веселаго, дитя мое, и никто его не продаетъ. И слезами его не выпросишь, хи-хи! Хожу по улицамъ и вижу длинныхъ людей... Молчаливыхъ людей! Но сердце ихъ знаю...

НАХОМА.

Выпейте, бабушка, стаканъ чаю.

ОСНЕСТЬ.

Таки выпью, добрая. (Усаживается на порогъ и не можетъ отдышаться) Вотъ съ какимъ сердцемъ ходить нужно. За грошъ лѣзешь по лѣстницамъ и вверхъ и внизъ, на четверенькахъ ползешь, а часто и ничего не дадутъ. Вотъ какіе люди есть. Стоишь у дверей, стоишь ты, хи-хи, хи-хи!.. (Трясетъ головой) Ай, ай, я и позавтракала жизнью и пообѣдала, и поужинала ею. Вотъ такъ наѣлась жизнью! Пошла бы въ богадѣльню, а кто мою вдову-калѣку накормить? Кто мою внучку накормить? Нѣтъ, Нахочка, я сахаръ не возьму. У чужихъ пью безъ сахара. Зачѣмъ людей разорять?

НАХОМА.

Видите, Перка... Сердце каменѣть! И только когда туда посмотрю... (Указываетъ на городъ) Меня желчь душишь, когда посмотрю туда... Видите вы эти проклятые дома? Какъ они красивы, а я на нихъ кровь нашу вижу.

ПЕРКА.

Ну, это оставьте.

НАХОМА

(шопотомъ и съ ужасомъ).

Иногда выйду ночью... Стою и смотрю. И кажется мнѣ, что отъ него, проклятаго, протягиваются сюда длинныя, цѣпкія руки, чтобы отнять у насъ мужей, нашихъ дѣтей, нашу жизнь... И я стою и показываю ему зубы,—а сердце не вѣрить!

ПЕРКА

(посмотрѣла на городъ).

Что ни говорите, а тамъ не виноваты. Даже не возражайте мнѣ. Вы и вашъ Мина вѣчно нападаете на городъ. Развѣ намъ мѣшаетъ, что тамъ ѣдятъ изъ золотыхъ тарелокъ?

НАХОМА.

Они высасываютъ нашу кровь и наливаютъ ее въ свои жилы... Вотъ что намъ мѣшаетъ.

Идешь, мать?

БЕТЬКА (появляется).

(Нахома машетъ головой и входитъ въ комнату)

ПЕРКА

(тихо, къ Оснесъ).

Терпѣть не могу этой женщины! Видѣли вы? Она ненавидитъ богатыхъ! Она! Нахома! Мужъ ея любить выпить и всего-на-всего работаетъ на сахарномъ заводѣ, а она ненавидитъ богатыхъ. Мигнулъ бы ей богатый,—она бы на четверенькахъ поползла. Вотъ мужъ мой чохоточный и—кровью и потомъ работаетъ на мельницѣ, а я ни слова не говорю. Я знаю свое мѣсто.

ОСНЕСЬ.

Не знаю, отчего вы, Перка, разсердились, хи-хи...

ПЕРКА.

Молчите, бабушка. Я кланяюсь городу, на колѣняхъ готова стать передъ нимъ. Кто насъ кормитъ? Городъ! Кому нуженъ нашъ трудъ? Городу! Я это чувствую... Можетъ быть, вы думаете, что сестра ея лучше? Посмотрите на мою сестру и вы скажете: золото, тихая, золотая рѣка. А Мира играетъ Симономъ. Вотъ какая она дѣвушка.

ОСНЕСЬ.

А я люблю людей, хи-хи, и не чувствую къ нимъ ненависти. Люблю ихъ хорошихъ и всякихъ, хи-хи! Чего въкъ стоитъ, чтобы его любили.

(Изъ какой-то квартирки выходитъ худая женщина въ платочкѣ, въ костыляхъ. Увидѣвъ Оснесъ, та кричитъ)

ЖЕНЩИНА.

Мама, что-же ты тамъ усѣлась? Иди домой!

(Старуха поднялась. Въ ворота входятъ нѣсколько рабочихъ. Одного изъ нихъ, худого и черноборлаго, нѣсколько мальчиковъ встрѣчаютъ съ крикомъ: „отецъ, отецъ“! Онъ идетъ съ ними къ квартирѣ Перки)

ПЕРКА

(испутанно и всплеснувъ руками).

Боже мой, кто это идетъ? Я съ ума сошла. Вѣдь онъ долженъ былъ ночевать на мельницѣ! Да, это мой чахоточный! (Подбѣгаетъ къ нему и останавливаетъ его) Что это ты пришелъ, Куна? Что? И у васъ распустили людей? Когда? Теперь! Сегодня! (Опять всплеснула руками)

КУНА.

Я вѣдь давно говорилъ тебѣ, что мельница перестанетъ работать.

ПЕРКА.

Что говорилъ? Дуракъ! Какъ это мельница можетъ перестать работать? Какъ?—спрашиваю.

КУНА.

Ей-Богу, я не знаю, о чемъ ты говоришь, Перка!
(Кашляетъ)

ПЕРКА.

Что не знаешь? Уже закашлялся! А дѣти? А я? Намъ развѣ ѣсть не нужно? Что-же, съ ума они тамъ сошли на мельницѣ? Вѣдь идетъ къ осени, къ лютому звѣрю и ть!..

(На крикъ Перки подходятъ сосѣди. Стоять, слушаютъ и качаютъ головами. У нѣкоторыхъ дверей разговариваютъ рабочіе, спорятъ съ женами и съ сосѣдами)

КУНА.

Сейчасъ они тебѣ отвѣтятъ! Вотъ тѣхъ (указываетъ на рабочихъ) тоже разсчитали. Стояли мы тамъ... Стой передъ глухой стѣной. Не кричи такъ, Перка!

ПЕРКА.

Не кричать? Мое дѣло, что имъ нужно мельницу остановить? Должны же они и о насъ подумать. Не отвѣчай, калѣка,—молчи!

(Показываются Нахома и Мира. Мира подходитъ къ Перкѣ)

НАХОМА.

Крики не помогутъ...

ПЕРКА.

Беру васъ въ свидѣтели, Нахомочка. Вы помните, что было два года назадъ? Тоже работалъ онъ на мельницѣ, а мельница сгорѣла. Годъ мы голодали, пока ее не построили. Теперь опять! Посмотрите же на моего счастливаго мужа!

ЗОСЪДКА (мрачно).

Онъ не виноватъ: идетъ къ осени. Гдѣ теперь есть работа?

ПЕРКА.

Пусть идетъ къ чорту! На тотъ свѣтъ пусть идетъ!

КУНА.

Не знаю, отчего ты кричишь, Перка? Вѣдь я работалъ, -- прилежно я работалъ! (Кашляетъ) Всѣ меня любили на мельницѣ, честное слово, Перка!

ПЕРКА.

Молча, чахотка!

КУНА.

Перка, прошу тебя. Люди слушают!

НАХОМА.

Это ничего, Куна, это ничего!..

(Куна кашляет)

ПЕРКА.

Нахомочка, Нахомочка!.. (Заплакала) Пикто не знает моего сердца, никто!

ГЕРШЕЛЬ

(появляется и хохочет).

Ага, ха-ха, ага!

СОСЪДКА (кричит).

Ступай къ чорту, нечистый! Откуда ты взялся?

ГЕРШЕЛЬ.

Оттуда! Хо-хо! (Ореть) Оттуда!

СОСЪДЪ.

Прогоните его. Онъ всегда является передь несчастьемъ.

СОСЪДКА.

Уходи отсюда, недобрый!

ГЕРШЕЛЬ.

Кто сытъ, а я хочу кушать! Жрать я хочу! (Заплакаль. Его толкають. Онъ уходитъ и слезливымъ голосомъ кричитъ) Хочу кушать!..

ПЕРКА (въ слезахъ).

Пустите меня къ Кунѣ, я хочу его спросить...

КУНА

(подходить къ ней).

Перка, Перка! Здѣсь народъ, -- пойдѣмъ въ комнату.

ПЕРКА.

Что я съ тобой въ комнатѣ буду дѣлать? (Обращается къ сосѣдямъ) Посмотрите же на насъ! Чахоточный мужъ, чахоточныя дѣти,—и ни копѣйки за душой! Завтра придется руку протянуть.

СОСѢДКА

(утираетъ глаза).

Намъ всѣмъ придется...

СОСѢДЪ.

Будь они прокляты!

НАХОМА.

Не могу этого слушать! Въ глазахъ моихъ темнѣеть... Взгляните теперь на него! (Указываетъ на городъ) Вотъ онъ стоитъ, нашъ жестокий, сильный хозяинъ,—а мы тутъ плачемъ! За что? Кто покорнѣ насъ? Чьи плечи поддерживаютъ его? За что?..

ПЕРКА.

Что мнѣ въ его силѣ, когда я несчастна?

НАХОМА.

Я и говорю...

СОСѢДКА.

Проклятые звѣри!..

(Изъ квартиры Нахомы выходятъ Семъ, съ молитвенникомъ въ рукахъ,—высокій старикъ, костлявый, съ длинной сѣдой бородой)

ПЕРКА

(возбужденно, къ мужу).

А за бороду ты не могъ его схватить? А за горл Держать и кричать: съ ума вы сошли, господинъ упр вляющій? Вы жрать будете, а намъ голодать? Вы ж

воты гладить будете, а намъ умирать? Пустите мельницу,—сейчасъ пустите! Не наше дѣло! Достаньте денегъ, достаньте пшеницу и пустите мельницу. Или мы вамъ ее разнесемъ, или мы васъ всѣхъ перебьемъ!

КУНА (испуганно).

Богъ съ тобою, Перка! Что ты сказала? Ты вѣдь умѣешь быть справедливой, когда хочешь... Развѣ управляющій виноватъ? Пойдемъ въ комнату.

(Беретъ ее за руку. Послѣ короткаго сопротивленія она идетъ за нимъ. Дѣти слѣдуютъ сзади)

СОСѢДЪ.

Она говорила, какъ человѣкъ!

СОСѢДКА.

Несчастная душа! Посмотрите на этихъ калѣкъ.

(Перка и Куна скрываются съ дѣтьми въ комнату)

ОСНЕСЬ

(трясетъ головой).

А я люблю міръ, дѣтки, люблю, хи-хи! людей люблю.

(Уходитъ съ калѣкой-дочерью. Сосѣди расходятся. У квартиръ кучки людей продолжаютъ разговаривать)

НАХОМА (къ Сему).

Будемъ ждать Мину. Какія новости онъ принесетъ?

А я дрожу, дрожу... Хотите чаю?

СЕМЪ

(смотреть въ молитвенникъ).

Палей мнѣ стаканъ.

(Мира уходитъ въ комнату и выносить оттуда столикъ, на которомъ небольшая горка табаку и гильзы,

МИРА.

Солнце сѣло. Буду здѣсь работать. Еще одну сотню
осталось додѣлать, и я свободна, и я птица!

(Набиваетъ папиросы. Семъ пьетъ чай и иногда заглядываетъ въ молитвенникъ. Нахома поминутно оглядывается, не покажется ли Мина въ воротахъ. Дѣти играютъ въ жмурки. Раздается плачь дѣвочки. Мира поднимаетъ голову и прислушивается)

МИРА.

Роза опять бьетъ своего ребенка. Нахома, слышишь? Каждый день она ее истязаетъ. За что? Какіе люди! Зачѣмъ она бьетъ эту несчастную дѣвочку? (Встаетъ) Роза, довольно, слышите: довольно, довольно! (Къ Сему) И мы люди, дядя? И мы живемъ? Чудовища мы!

(Крики стихли. Пауза. Въ ворота вѣзжаетъ телѣжка, которую чловѣкъ тащитъ за собой. Семъ встаетъ и начинаетъ ходить по двору)

НАХОМА.

Что скажете, дядя, на то, что тутъ произошло?

СЕМЪ.

Ничего не скажу.

НАХОМА.

Теперь уже съ отчаяніемъ ожидаю Мину. Ему давно пора быть дома.

СЕМЪ.

Надо, Нахома, идти по одной дорогѣ, а не по двумъ. Отчаяніе! Оно никому здѣсь не нужно. Посмотри наверхъ и ты все увидишь, все узнаешь...

НАХОМА.

Скажите что нибудь земное-мудрое,—вотъ что нужно людямъ. Душа земного хочетъ, дядя.

СЕМЪ. (съ сарказмомъ).

Земное!.. Я иду своей дорогой съ этой книгой (указываетъ на молитвенникъ)—и ничего больше. Люди кричать о тлѣнѣ и о боли,—я не слышу, я ничего не слышу. Я иду...

МИРА.

Вы не добрый, дядя!

СЕМЪ.

Не рассказывай же мнѣ о людяхъ.

НАХОМА.

О комъ же говорить?

СЕМЪ.

Вотъ тебѣ дана книга...

НАХОМА.

Ну?

СЕМЪ (торжественно).

И тутъ все...

НАХОМА.

А когда жилы трясутся отъ страха? А если четверо дѣтей на плечахъ? Развѣ вы сами не голодаете? Развѣ у васъ близкихъ не было?

СЕМЪ.

Я всѣхъ похоронилъ.

НАХОМА.

И не кричали, и не стонали?

СЕМЪ.

Я смотрѣлъ въ книгу.

НАХОМА (волнуясь).

Вы не человекъ... Каменный вы!

СЕМЪ.

Дитя мое...

МИРА (задушевно).

Какъ хорошо вы это произнесите, дядя. Скажите еще!

СЕМЪ (къ Нахомѣ).

Дитя мое, покорности хочеть Онъ! Покорности! Посмотри на нихъ! (Указываетъ на людей во дворѣ) Свиной я вижу кругомъ... Хрюканье слышу!.. Растоптано „Слово“ свинными ногами. Дитя мое, сказано такъ: Въ потѣ лица своего будешь добывать хлѣбъ свой. Это надо понять. Или сердце можетъ быть правымъ, когда есть Онъ? Или языкъ смѣетъ роптать, когда повелѣлъ Онъ? Сказано: въ потѣ лица, въ страданіи... И спрашиваю: легко ли Ему видѣть страданія своихъ людей? Легко ли? Подумала ли ты о Его скорби? И вотъ уже утѣшеніе. Твое сердце смягчилось! Я страдаю, и Онъ страдаетъ. Далъ Законъ, далъ Слово, страдаетъ и молчитъ. Не мѣняетъ и молча за насъ страдаетъ. Что же мы такъ громко кричимъ? Вотъ такъ отгорожено,—такъ идти нужно. Иди и страдай. Что я, Перка, ты, весь городъ, весь міръ, и всѣ наши слезы передъ однимъ вздохомъ Того, Кто наверху? Тлѣнь! И вотъ гниеть земля, но изъ гноища произростаеъ садъ—Его садъ... Сгниемъ!..

МИРА.

А я не хочу...

НАХОМА (въ волненіи).

Такъ вы хотите, чтобы я Его пожалѣла, а не Онъ меня, чтобы я Его любила, а не Онъ меня? Отъ меня, слабой Нахомы, нужно доброе слово для Него? Онъ

нуждается въ немъ? Онъ Самъ ничего для меня, для всѣхъ насъ, не можетъ сдѣлать ни сердцемъ, ни силой Своей? Несчастные мы! Проклятые мы! Смѣшались мои мысли, дядя. Я буду молчать.

С Е М ь.

Дитя мое, не спрашивай! Молчи! Вотъ стонуть, плачуть и ты и дѣти, стонете и плачете—молчи! Иди и молчи!

М И Р А.

А я молчать не буду. Ни за что! Что-то я чувствую, дядя, что-то бьется во мнѣ...

(Въ воротахъ показываются рабочіе. Среди нихъ Габай и Берманъ. Оба отдѣляются отъ остальныхъ и идутъ къ квартирѣ Нахомы. Берманъ весь въ заплатахъ; держать въ рукахъ пару старой одежды)

Б Е Р М А Н ь

(тихо кричитъ).

Старья вещи, вещи старья! Вотъ и я домой пришла.

Н А Х О М А.

Теперь мнѣ не до Габая.

(Махнула рукой и уходитъ въ комнату. Перка выходитъ и садится на порогъ. Мира при приближеніи Габая углубляется въ работу и дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ его. Семъ повернулся къ нему спиной. Габай не здороваясь заходитъ въ квартиру Нахомы)

Б Е Р М А Н ь.

Добрый вечеръ. Охъ-ой-ой! Жарко! (Вытираетъ цвѣтъ платкомъ потъ съ лица) Семъ, добрый вечеръ!

МИРА.

Добрый вечеръ, Берманъ!

СЕМЪ.

Вечеръ добрый, какъ дѣла?

БЕРМАНЪ.

Охъ-ой-ой! Дѣла? Нѣтъ дѣлъ. Одну пару калошъ купилъ сегодня.

СЕМЪ.

Теперь вамъ не нужно бояться грязи.

БЕРМАНЪ.

Я самъ такъ думалъ. Охъ-ой-ой!

(Какая-то сосѣдка изъ лѣваго флигеля говоритъ съ своего мѣста)

СОСѢДКА.

Что въ городѣ говорятъ, Берманъ?

БЕРМАНЪ.

Кромѣ богачей, никто не разговариваетъ. Вздыхаютъ вотъ такъ: охъ-ой-ой! охъ-ой-ой!..

(Выходитъ Габай. Въ рукахъ у него книжка)

ГАБАЙ.

Ну, добрый вечеръ. Чаю мнѣ хочется. (Трогаетъ руками чайникъ. Говоритъ къ Мирѣ) Можно взять чайникъ? (Мира киваетъ головой, не поднимая глазъ. Габай насвистываетъ. Выливаетъ воду изъ чайника и собирается пойти заварить чай)

БЕРМАНЪ.

Дайте мнѣ, я пойду.

Г А В А Й.

Отлично, Берманъ! Купите и хлѣба. Гулять такъ гулять.

(Берманъ взялъ чайникъ, деньги и ушелъ. Габай садится у порога, перелистываетъ книжку и киваетъ головой)

М И Р А

(не поднимая головы).

Вы сегодня веселы...

Г А В А Й.

Не очень... скоро безъ работы останусь. (Повернулся къ Сему) Что подѣлываете, Семъ?

С Е М Ъ

(не отрываясь отъ молитвенника, хмуро).

Не твое дѣло...

Г А В А Й.

Вотъ тебѣ и разъ, а чье же? Живете, Семъ,—давайте отчетъ.

(Мира смѣется)

С Е М Ъ.

Кому, тебѣ?

Г А В А Й.

Конечно... Больше никому.

С Е М Ъ.

Палкой по головѣ я тебѣ дамъ, вотъ что.

Г А В А Й.

Попробуйте.

(Выходитъ Бетька)

С Е М Ъ.

И попробую. Думаешь, посмотрю на то, что у тебя у и выросли.

ГАВАЙ.

Есть такая пѣсепка: мы будемъ защищаться.

МИРА (сдержанно).

Оставьте, Габай, дядю...

ГАВАЙ.

А-а, Бетька! Здравствуй. Ступай-ка сюда. (Посадить ее къ себѣ на колѣни) Ну что? Скверно, нехорошо?

ВЕТЬКА (скромно).

Да, все безъ работы сижу.

ГАВАЙ.

Ну давай пѣсенку споемъ. (Поеть) „Ахъ, Абрамъ, не могу я жить безъ тебя, — ты безъ меня, и я безъ тебя—что дверь безъ замка“.

ВЕТЬКА (повторяетъ).

Ахъ, Абрамъ, не могу я жить безъ тебя...

ГАВАЙ.

Молодецъ Бетька!

ВЕТЬКА

(не громко, обнявъ Габая).

Я васъ люблю, Габай. Какъ васъ зовутъ? Вотъ уже мѣсяцъ,—какъ вы здѣсь живете, а мы не знаемъ вашего имени.

ГАВАЙ (смѣется).

Меня зовутъ: Асмодей.

(Мира разсмѣялась)

ВЕТЬКА.

Неправда, неправда...

ГАВАЙ.

Ну, хорошо... Я не знаю, какъ меня зовуть. Не знаю. Будемъ пѣть. (Поеть) „Помнишь, помнишь, у калитки я шепнулъ тебѣ на ухо: дай мнѣ свои губки“.

СЕМЪ
(съ досадой).

Зачѣмъ развращать ребенка?

ГАВАЙ.

Посмотрите въ молитвенникъ! Тамъ сказано, что вамъ до этого дѣла пѣть.

СЕМЪ.

Сказано: не развращай ребенка.

ГАВАЙ

(Берману, который вернулся).

Спасибо, Берманъ. Отличный хлѣбъ. (Наливаетъ себѣ чай и Берману) Ну, что тамъ сказано, Семъ, повтори-те-ка.

СЕМЪ.

Надо было слушать.

ГАВАЙ.

Вашихъ законовъ не хочъ слушать. Мира, кто еще исполняетъ его законъ?

МИРА.

Я почитаю священныя книги.

ГАВАЙ.

Вотъ мы напишемъ новый законъ, и тогда его всѣ будутъ исполнять. Даже Семъ покорится.

СЕМЪ (плюнулъ).

Не могу слушать этихъ рѣчей. Погоди,—отзовется это на тебѣ. А я буду смѣяться.

(Уходитъ въ комнату)

ГАВАЙ.

Не уходите же, Семъ. Это глупо. Ушелъ! Ну, Богъ съ нимъ! Налейте себѣ еще чашку, Берманъ. Берите хлѣба. Бетька, не души, мнѣ жарко. (Бетька спрыгнула съ его колѣнъ) Ну, Мира...

МИРА.

Что, Габай?

ГАВАЙ.

Я принесъ новую книжку... Посмотрите.

(Мира беретъ, перелистываетъ книжку и качаетъ головой)

МИРА.

Опять тѣ же слова. Такія страшныя! Хорошія слова, но я, кажется, боюсь ихъ. Я вечеромъ буду читать.

(Отдаетъ ему книжку)

ГАВАЙ

(искренно и горячо).

Дорогія слова здѣсь, Мира, дорогія мысли. Вотъ откуда намъ солнце сіяетъ. Если бы всѣ, Мира, кто трудится, знали, что тутъ!

МИРА.

Я кончила. (Поднимается) Работа кончена, и я свободна. Теперь выпью чай.

(Чуть темнѣетъ. Во дворѣ становится тише. Иные сосѣди заходятъ въ свои квартиры)

ГАВАЙ (задушевно).

Какъ пріятно теперь послѣ дня на солнцѣ. Прохладно. Широко здѣсь. (Оглядывается)

МИРА.

Я люблю этотъ дворъ, Габай. Здѣсь я выросла. Напротивъ домъ, гдѣ я родилась. Все мнѣ здѣсь знакомое, родное. Помню, когда отецъ выѣзжалъ на своемъ биндюгѣ, я садилась рядомъ и чувствовала себя... царевой я себя чувствовала. Каждый камень мнѣ здѣсь родной... Въ двѣнадцать лѣтъ я упала возлѣ той квартиры и поранила себѣ руку топоромъ. Остался знакъ на рукѣ, посмотрите. Какъ сейчасъ это вижу. А въ той квартирѣ умерла моя подруга отъ чахотки. Да, отъ чахотки!

ВЕРМАНЪ (вздыхнулъ).

Время летить. Я тоже выросъ въ этомъ дворѣ. Имѣлъ жену, дѣтей,—всѣхъ похоронилъ. И намучились же мы, охъ-ой-ой!

ГАБАЙ.

А мнѣ тутъ все ново. Слушаю васъ, и кажется, что поднимаются тѣни и улыбаются... печально.

ВЕРМАНЪ.

Откуда вы, Габай, и какъ васъ зовутъ?

ГАБАЙ

(хмуро и недовѣрчиво).

Не знаю...

(Берманъ качаетъ головой)

МИРА.

Пріятно въ сумеркахъ на этомъ дворѣ. Иногда, когда луна становится посреди двора, такъ умереть хочется, улетѣть хочется. И дѣти кричать... какъ птицы...

ВЕРМАНЪ.

Мнѣ вздохи слышатся. Какъ наступитъ ночь, такъ изъ земли вздохи поднимаются. Выйдешь, помотришь, поцѣпъ,—никого нѣтъ. А вздохи слышатся.

Юшковичъ. Голодь.

3

ГАБАЙ (серьезно).

Вздохи!.. Вездѣ сокращаютъ работу — вотъ вздохи!
(Послѣ молчанія) На заводѣ Минѣ вернули книжку...

МИРА (испуганно).

Не можетъ быть, Габай!

ГАБАЙ.

Заводъ прекращаетъ работу...

МИРА.

Что же это будетъ? Расскажите о другомъ... веселомъ. Бѣдная Нахома, бѣдныя дѣти!

БЕРМАНЪ.

Бѣдный народъ!..

МИРА.

Расскажите о другомъ. Лучше не думать.

ГАБАЙ.

О чемъ?

МИРА.

Не знаю... Но о чемъ-нибудь свѣтломъ, прекрасномъ.
Чтобы душа моя вотъ такъ сжалась.

ГАБАЙ (серьезно).

Она у васъ скоро и такъ сожмется. Не отъ словъ
она задрожитъ,—отъ событий!

БЕРМАНЪ.

Отъ событий?.. (Вздохнулъ)

ГАБАЙ.

Отъ гнѣва сожмется ваша душа. Скоро тысячи
зальютъ васъ стонами. Вы задохнетесь!

МИРА (упрямо).

Какое мнѣ дѣло до нихъ? (Покорно) Нѣтъ есть, есть. И еще, когда слышу эти слова, — съ закрытыми глазами я бросилась бы впередъ!

ГАВАЙ.

Я... Мира, выучился желать одного: разрушенія! Если существуетъ вотъ это (жестомъ указываетъ на окрестности),—то надо жить съ волею народа, надо, чтобы сердце всегда было съ нимъ. Пока врагъ не сломленъ, не о чемъ другомъ думать.

МИРА (задумчиво).

Да, страшно здѣсь... ужасно здѣсь...

ГАВАЙ.

Я живу однимъ, дышу однимъ: надо опрокинуть все. Возьмемъ свою силу, — соединимъ ее. Врагъ сленъ...

БЕРМАНЪ.

Я простой человѣкъ и ничего не понимаю... не слышу...

ГАВАЙ.

Вотъ читаешь эти книжки... (Указываетъ на книжку) Отвѣтъ есть,—тутъ онъ. И увѣренно грозишь кулакомъ, всѣмъ имъ, окружившимъ насъ своей проклятой силой... Я вижу прекрасный новый день! И сжимается мое сердце дикой и бурной радостью.

МИРА (въ волненіи).

Говорите еще, о, говорите...

ГАБАЙ.

Я счастливъ, что живу теперь, а не раньше или позже... Снаружи тихо, но внутри все кипитъ, бродитъ... накаплиются огромныя силы... Пойдемъ въ комнату, Мира. Зажжемъ лампу и сядемъ читать.

БЕРМАНЪ.

Не къ добру эти чтенія. Что мужчинѣ къ лицу, то женщинѣ срамъ.

МИРА.

Пойдемъ читать.

(Поднимается. Въ воротахъ показываются Симонъ, Мина и Давидъ. Мира увидѣла ихъ)

МИРА.

Симонъ идетъ сюда. Какъ нехорошо, что онъ теперь пришелъ. Если бы онъ зналъ! Габай, я не буду читать. Потемнѣло въ моей душѣ.

(Габай усѣлся въ сторонѣ, раскрылъ книгу и читаетъ. Подходитъ Мина, окруженный дѣтьми, которыя кричатъ: „отецъ пришелъ, отецъ пришелъ!“ Не здороваясь идетъ къ себѣ съ Давидомъ. Симонъ въ короткомъ пиджакѣ. Носитъ котелокъ. Въ рукахъ у него черная палочка)

СИМОНЪ

(снимаетъ котелокъ).

Добрый вечеръ, Мира. Здравствуйте, Габай! (Подаетъ имъ руку)

МИРА (неохотно).

Добрый вечеръ.

СИМОНЪ.

Что съ тобой, Мира? Ничего не случилось?

МИРА.

Ну вотъ еще... (Отвернулась и смотритъ упрямо передъ собой)

СИМОНЪ.

Я ничего не понимаю, Мира. Берманъ, можетъ быть, вы знаете? (Берманъ качаетъ головой. Симонъ подходитъ къ Мирѣ) Мира!

МИРА.

Хочу такъ сидѣть. Не мѣшай мнѣ! Я думаю... Или нужно, чтобы я не сводила съ тебя глазъ?

СИМОНЪ (смущенно).

Я ничего не хочу, Мира... Но ты такъ встрѣтила меня! Можетъ быть, я тебѣ мѣшаю?

МИРА.

Ахъ!.. Ну оставь меня въ покоѣ, на минутку! (Посмотрѣла на него и размѣялась) Какое у тебя лицо теперь... И причесался ты!

СИМОНЪ.

Я знаю, что я тебѣ не нравлюсь.

МИРА.

Мнѣ это не нравится. (Вскочила и растрепала его прическу) Ай, руки стали жирными!

СИМОНЪ (конфузливо).

Я вѣдь нарочно... Волосы блестятъ...

МИРА

(посмотрѣла на него и—торопливо).

Ну садись тамъ, садись гдѣ-нибудь. (Нерѣшительно) Можешь проще одѣваться, когда ко мнѣ приходишь. Ты не дѣвушка.

СИМОНЪ.

Я не знаю, какъ тебѣ угодить. Вчера я былъ и
другомъ сюртучкѣ,—ты сказала, что я грязно одѣваюсь.

МИРА.

Я была права и вчера, и сегодня. Я была права...
Никто не можетъ сказать, что я не права...

СИМОНЪ.

Я этого не говорю, Мира. Хотѣлъ бы только знать,
какъ сдѣлать тебя довольной.

МИРА.

И я не знаю.

СИМОНЪ.

Можетъ быть, ты хочешь...

МИРА

(перебиваетъ его).

Ну довольно, довольно. Садись гдѣ-нибудь...

СИМОНЪ (садится).

Ты не сердись, Мира.

(Мина выносить столъ съ Давидомъ. Дѣти бѣгутъ вперед)

МИНА

(сѣлъ. Онъ въ жилеткѣ. Обращается къ Габаю).

Вернули книжки!..

ГАБАЙ

(поднялъ голову).

Знаю. Они сами себѣ готовятъ гибель. Въ городѣ
уже наберется тысячи безработныхъ. Это тянется съ...

(Симонъ тихо напѣваетъ. Играетъ
палкой)

МИРА.

Не пой, Симонь!

МИНА.

Гибель? Кого хозяевамъ бояться,—насъ? (Иронически разсмѣялся и ударилъ рукой по столу) Такихъ трусовъ? Всѣ мы храбрые дома... съ женами... а тамъ бы хоть слово сказали. Все хорошо понимаешь, а говоришь себѣ: лучше потерпѣть.

ГАВАЙ.

Не надо терпѣть.

МИНА.

Легко сказать! На что я вспыльчивый, а тамъ я типе ципленка. Языкъ не поворачивается, — вотъ какими насъ сдѣлали. И почему имъ бояться насъ? Развѣ мало безработныхъ? Или сила не за нихъ? Что же она ужинъ не подаетъ. Нахома!

НАХОМА

(выносить большую чашку съ супомъ. Глаза у нея заплаканы).

Ну, вотъ, кушайте.

МИНА.

Слезы? (Раздраженно) Сейчасъ перестань плакать!

НАХОМА.

Я перестала... Кушай!

(Всѣ садятся за столъ, кромѣ Бермана, Габая и Симона)

МИНА (ѣсть).

Я еще съ утра видѣлъ, что дѣло наше плохо. Это чувствуется. Стоишь въ проклятой жарѣ или суетишься,—нѣтъ, что-то не то: другимъ воздухомъ пахнетъ. Передай-ка мнѣ хлѣбъ, Нахома.

НАХОМА (съ отчаяніемъ).

Я думаю, что теперь не такъ скоро работа найдется.

МИНА.

Мы это увидимъ. Кто-кто, а я-то ужъ работу найду.

МИРА.

Откуда у васъ такая увѣренность?

МИНА.

Оттуда! Захочу и отыщу!

СИМОНЪ (несмѣло).

Это легче сказать...

ВЕРМАНЪ.

Мертвые будутъ хоронить живыхъ, охъ-ой-ой, вотъ какъ будетъ. Дайте только холоду придти.

МИНА (вспылилъ).

Зачѣмъ вы вмѣшались, вы, пятая нога? Какое вамъ дѣло? Что онъ хочетъ, этотъ старикъ? Сидите на своемъ мѣстѣ и вздыхайте, чтобы не слышно было.

НАХОМА (съ укоромъ).

Мина! Мина!

МИНА.

Зачѣмъ же онъ вмѣшивается? Обойдутся безъ его скрипки. И ты тоже, Нахома!... Вытри глаза. Не могу видѣть, когда у тебя текутъ слезы по лицу. Кушай, какъ я! Пусть все погибнетъ,—кушай!

ГАВАЙ

(поднявъ голову).

Это не долго продлится.

МИНА.

Что? Можетъ быть, вы поможете? (Разсмѣялся) Вмѣстѣ издыхать будемъ. Что? Вмѣстѣ будемъ. Когда начнемъ голодать, вцѣплюсь въ Нахому и въ дѣтей и лягу посреди города.

ГАВАЙ.

Это не поможетъ. Вы все-таки умрете.

(Симонъ съѣлъ подлѣ Миры и шепчетъ ей что-то. Она недовольно пожимаетъ плечами)

МИНА.

И вы тоже умрете.

ГАВАЙ.

Не дешево... будьте спокойны.

НАХОМА.

Мина, Мина!

МИНА.

Ну? Только поскорѣе. Кушайте, дѣти.

НАХОМА (твердо).

Мина, позволь мнѣ тебѣ сказать... Ты такой вспыльчивый. Позволь мнѣ... Вотъ ты остался безъ работы. Даже голова кружится, такъ мнѣ страшно...

МИНА.

Поскорѣе, поскорѣе...

НАХОМА.

Я плачу... Не могу я слезъ удержать!

МИНА

(словно готовится броситься на нее. Начинаетъ заикаться).

Ну, что ты еще скажешь?

НАХОМА (путьась).

Когда я стояла подлѣ тебя въ комнатѣ, я опять почувствовала... Да, я почувствовала этотъ запахъ. И мнѣ хотѣлось тебѣ сказать съ упрекомъ: опять, Мина! Те-перь-то? Вѣдь ты мнѣ обѣщала, ты клялся! Опять, Мина, эта проклятая водка! Уже тянетъ тебя къ ней. Вотъ ты теряешь все и разумъ. Характеръ у тебя портится...

МИНА.

Молчи, Нахома!

НАХОМА.

Хотѣла-бы... Въ комнатѣ удержалась, а здѣсь не могу. И какъ молчать, когда вижу нашу гибель? А о чемъ, Мина, раньше плакать мнѣ?

МИНА (сдерживается).

Дай мнѣ покушать, Нахома. Ты должна меня понять. Голова не на мѣстѣ, и вотъ я рюмочку выпить.

НАХОМА.

Сегодня одну? А въ пятницу, а на прошлой недѣлѣ? Ты всякій разъ находишь предлогъ... А голодъ не за горами!

МИРА.

Кушай, Нахома.

МИНА.

Плевать мнѣ на твои слова, если такъ!...

НАХОМА.

Вотъ здѣсь нѣсколько человѣкъ, спроси ихъ, хорошо ли это? Спроси у дѣтей!

МИНА (встаетъ).

Замолчи, Нахома! Замолчи!...

НАХОМА.

Надо же меня понять... Нищета, четверо дѣтей, ни одного дня покоя, ни дня отдыха! Все скорби, скорби, да скорби! Что же это за жизнь?

МИНА.

Нахома, замолчи! Мнѣ кровь бросается въ голову...

НАХОМА.

Сердце стонетъ во мнѣ... Палачъ идетъ на насъ, надо умѣть встрѣтить его... Надо! Вотъ стояла въ комнатѣ и думала: лучше взять топоръ и убить всѣхъ насъ, если Мина опять выпилъ.

МИНА.

Пусть отсохнетъ твой языкъ! (Встаетъ и съ гнѣвомъ) Сейчасъ! Пусть отсохнетъ! И ты замолчишь... Не смѣй мнѣ противорѣчить! Пусть отсохнетъ, говорю я! (Бьетъ рукой по столу, лицо у него передергивается) Отсохнетъ!...

ГАБАЙ (встаетъ).

Садитесь, Мина! Будетъ вамъ кричать.

МИНА.

Что? Кто смѣетъ со мной такъ говорить? Я... (задышется) Я, Я... (подымаетъ край стола и опускаетъ его съ силой). Ты... ея... любовникъ! Ага! Любовникъ! (Хочетъ броситься на Габая, но его удерживаютъ) Я... я... тебя убью! Что? Ты... ты здѣсь не хозяинъ! Я хозяинъ! Всѣхъ убью, ее и дѣтей!

МИРА.

Мина, съ ума вы сопли. Сядьте, Мина, довольно!

НАХОМА.

Лучше кричи, лучше убей насъ, лишь бы не пей.
Что за жизнь у насъ будетъ!

(Вокругъ нихъ собираются сосѣди:
мужчины, женщины, дѣти)

МИНА

(садится. Сердитымъ тономъ).

Такъ я хочу. Буду пить, буду пьянствовать. Тебѣ
на зло—на улицахъ валяться буду.

БЕРМАНЪ.

Успокоились бы вы, Мина! Собрали народъ... И се-
всѣмъ не весело это слушать! Жалко это слушать.

МИНА.

Смотри, Нахома, что ты дѣлаешь. Помни это...

НАХОМА.

Убей меня,—это легче! Не могу я видѣть—какъ ты
падаешь.

МИРА.

Что за жизнь!... (Встаетъ въ волненіи)

МИНА

(опять встаетъ).

Молчи же, проклятая! Вотъ мое честное слово, что
подниму руку на тебя. Честное слово. Трижды честное
слово мое!...

НАХОМА (встаетъ).

Не могу я сидѣть за столомъ. Что ты рассказыва-
ешь, что руку поднимешь. На меня? На меня? Гдѣ же
твой Богъ? Развѣ я пьянствую? Развѣ я не работаю
или не смотрю за дѣтьми? Или гуляю на сторонѣ? За
что?—спрашиваю тебя. Не говори этихъ словъ, Мина!
Моя душа переполнилась. Чувствую, что кончается мое
терпѣніе...

МИНА.

Какъ?... (Закрывается) Молчать! Закрывать ротъ!

СИМОНЪ.

Должны же вы перестать. Нахома, Мина!

МИНА.

Ни звука! Замереть... Не дышать!... Противъ кого она? Противъ этихъ усталыхъ рукъ? Противъ этой спины? Противъ этихъ мозолей? Замереть, на колѣни пасть... Смотрите на это измученное тѣло! Когда я отдохалъ? Когда? Пусть кто-нибудь скажетъ, когда Мина прилежъ отдохнуть? Или когда голова его легала спокойно на плечахъ, или когда его лицо смѣялось? Шестъ человекъ носить Мина на себѣ, и каждый висить на его жилахъ! Шестъ!.... Съ шестью страданіями онъ ложится, съ ними отъ встаетъ! Шестъ съ нимъ, гдѣ бы онъ ни былъ, что бы ни дѣлалъ...

СОСѢДЪ (пожилой).

Мы всѣ работаемъ до упаду. Посмотрите на насъ: мы всѣ готовимся къ смерти. Зачѣмъ же ссориться?

НАХОМА.

Дай мнѣ сказать, Мина. Вотъ люди собрались,— пусть скажутъ, пусть разсудятъ. Ты приносишь шесть рублей въ недѣлю... Отсчитай для себя полтора,—что намъ остается? Ты спросилъ, какъ могу я накормить всѣхъ? Голова моя разрывается!.. Насъ шестеро, мы голодаемъ, и я, какъ проклятая лошадь, работаю на васъ. Скажи, упрекнула ли я тебя за эти двѣнадцать лѣтъ? Съ ногъ я падаю ежеминутно, но еще не спросила, когда конецъ, гдѣ конецъ? Мечтала я, Мина: потерплю еще, дѣти подрастутъ—и легче станетъ. Отдохнетъ моя голова! Свою жизнь, Мина, я потеряла и не думала о ней: такова моя судьба! Такова, Мина, и твоя

судьба, таковы всё мы здѣсь... Но терпѣла я и голодь, и болѣзни дѣтей и голодная думала: вотъ, Богъ дастъ, опять Мина станетъ работать. Уговорю я Мину и онъ станетъ человѣкомъ. А вотъ, Мина, ты началъ стбиваться... И этого я испугалась... Въ нашей жизни голова на плечахъ должна быть ясной...

МИНА (растроганно).

Я испугался, Нахома. Голодь мнѣ вспомнился и я выпилъ... Только одну рюмочку.

СОСѢДЪ.

Мы бы всё напились съ горя.

ДРУГОЙ.

Выбросили людей на улицу! Что дѣлать?

МИНА.

Терпѣть надо! Если бы не боялся, всёхъ перебилъ бы отъ гнѣва...

СОСѢДЪ.

Гдѣ силъ взять для терпѣнія? Вотъ у меня шестеро дѣтей, (указываетъ на другого) а у него пятеро! Тамъ восьмеро, а тамъ десятеро! Здѣсь больныя женщины, тамъ больныя дѣти, а тамъ мужчины, тутъ старики — и всё безсильные... А голодь уже чувствуется, голодь уже бьетъ. И хочется умереть. Развѣ теперь время ссориться? Посмотрите кругомъ! Оглянитесь! Сердце дрожить, сердце стонеть.

ТРЕТІЙ (мрачно).

Несчастные мы!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Надо вырыть большую яму и всѣмъ лечь въ нее....
Густь насъ закопаютъ!

(Ропотъ и жалобы. Габай стоитъ среди толпы и старается разслышать то, что ему говорить первый сосѣдъ. Онъ дѣлаетъ нетерпѣливые жесты, начинаетъ волноваться)

ГАБАЙ.

Почему же вы только плачетесь? Не жалость рождаетъ ваши слезы, а гнѣвъ. Влейте немного смѣлости въ свои жилы и скажите прямо, чего хотите! Не можете? Нѣтъ? Такъ я скажу за васъ. Вотъ ваши палачи!
(Указываетъ на городъ)

МИНА (бормочетъ).

Мы трусливы, какъ кошки...

ГАБАЙ.

Кто виноватъ въ вашихъ несчастяхъ и въ вашихъ, и въ вашихъ? Скажемъ всѣ въ одинъ голосъ: они!

СОСѢДЪ.

Не говорите такихъ словъ...

ВТОРОЙ.

Мы боимся нашей тѣни.

СЕМЪ

(стоявшій въ толпѣ).

Вы не должны возбуждать народъ.....

ГАБАЙ (рѣзко).

Оставьте меня, Семъ! (Обращается ко всѣмъ) Вы боитесь? Что же вы за люди такіе?.. Молотъ бьетъ по нашимъ спинамъ,—возмутимся!... Возстанемъ противъ угнетателей! Обрушимся на нихъ, и они побѣгутъ отъ на-

шего гнѣва, отъ нашей силы. Пойдемъ туда, запрудимъ ихъ улицы, ихъ площади и подъ окнами ихъ ставемъ съ угрозой... Пойдемъ туда и громко скажемъ, чего хотимъ,—и получимъ..... Еще разъ! Возмутимся! (Съ силой) Еще разъ! Возстанемъ!... Падеть угнетатель—и встанеть господинъ: господинъ-народъ! Онъ устроитъ жизнь! Или вы не хотите народа-господина? Тогда молчите: пусть насъ задавятъ, пусть насъ замучать.. Слушайте! Начинаются безумные дни! Неистовые дни начинаются. Вспомнимъ всѣ обиды, всѣ наши горести, всѣ несчастья и съ смѣлымъ сердцемъ пойдемъ туда! Пойдемъ...

(Толпа начинаетъ волясваться)

СЕМЪ

(бросается впередъ).

Народъ, назадъ! Онъ зоветъ васъ на гибель! Назадъ, народъ!

(Волненіе растетъ. Иные грозятъ кулаками. Гдѣ-то во дворѣ Гершель кричитъ)

ГЕРШЕЛЬ.

Голодъ идетъ! Голодъ!... Ага, ха-ха!

С. Юшкевичъ. Голодъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната средней величины. Сырые стѣны, грязный полъ. Напротивъ широкая деревянная кровать. Слева окно на улицу. Справа плита, кое-какая утварь на полкахъ. Маленькій шкафчикъ. У стѣны узенькая деревянная кровать, принадлежащая Мирѣ. Подлѣ казанокъ. Посреди круглый столъ и три табурета. Напротивъ дверь.

Октябрьскій вечеръ. Стѣнная лампочка освѣщаетъ комнату. Дѣти На хомы лежатъ на кровати. Бетъка и Давидъ сидятъ тутъ же. Пятилѣтній Нахмале плачетъ.

ВЕТЬКА (грустно).

Не плачь, Нахмале,—ты умный мальчикъ. Бетька тебя любить, потому что ты всегда былъ умнымъ мальчикомъ. Сейчасъ придетъ мать и принесетъ хлѣба...

ДАВИДЪ (мрачно).

Кто ей дастъ? Пошла она въ общество, и ей отказали. Почему? Потому что въ этомъ году много голодающихъ. Не хватаетъ на всѣхъ. А богатые не жертвуютъ. Такіе жадные, что не хотятъ и жертвовать. Даже угля въ этомъ году дали только пять пудовъ, а въ прошломъ десять.

ВЕТЬКА.

Можетъ быть, она всетаки принесетъ что-нибудь?

ДАВИДЪ.

Не принесетъ! Вчера вѣдь не принесла! Сегодня ночью я лежалъ и долго думалъ, отчего богатые никого не жалѣютъ? Тутъ я вспомнилъ о нашемъ бѣдномъ Фавеле и заплакалъ. (Вытираетъ глаза)

ВЕТЬКА (жалобно).

Не вспоминай о немъ, Давидъ! Какъ онъ ручками дѣлалъ? Вотъ такъ онъ дѣлалъ (показываетъ) и пицалъ, какъ кошечка. (Заплакала. Пауза)

ДАВИДЪ.

Мина уже два мѣсяца ничего не зарабатываетъ. Меня сапожникъ разсчиталъ. Никто не работаетъ, и я не знаю, что будетъ съ нами. Умремъ мы всѣ съ голода. Пошелъ бы украсть, да боюсь.

БЕТЬКА.

Красть нельзя.

ДАВИДЪ.

Конечно, нельзя, но что же дѣлать? И жалко мнѣ всѣхъ. Нахома уже все продала, что въ комнатѣ было. Къ кому ни зайдешь во дворѣ,—все продано, всѣ плачуть. А что у бабушки Оснесъ дѣлается? А у Перки? А у Фавла? И теперь тутъ дѣти у всѣхъ умираютъ... Ты крѣпко голодна, Бетька?

БЕТЬКА.

Даже здѣсь болитъ. (Указываетъ. Нахмале заплакалъ) Спи, Нахмале. Вотъ мать придетъ и хлѣба принесетъ, Нахмале. (Со слезами) Нахмале! Что же ты плачешь?

ДАВИДЪ.

Онъ хочетъ кушать.

БЕТЬКА.

Что же я буду съ нимъ дѣлать? (Растерянно) Нахмале!

ДАВИДЪ.

Знаешь, Бетька: ляжемъ всѣ мы вмѣстѣ и закроемся. Можетъ быть, уснемъ и забудемъ, что голодны. (Всѣ ложатся и закрываются старымъ одѣяломъ. Пауза.)

ДАВИДЪ.

Ты спишь, Бетька?

БЕТЬКА.

Я закрыла глаза и увидѣла... хлѣбъ... съ поджаренной коркой... такой красной...

ДАВИДЪ (блаженно).

Я тоже вижу... Теплый такой,—правда, Бетька? Такт, онъ пахнетъ хорошо.

БЕТЬКА.

Пахнетъ? А я вижу поджаренную корку... (Вормочеть) съ красной коркой... Я кушаю... Дѣтей жаль.

ДАВИДЪ.

И я жалѣю. Нахому жалѣю и мужа Перки, и Фавла... Отчего же Нахома не приходитъ?

БЕТЬКА.

Не плачь же, Нахмале! Принесетъ мать хорошии хлѣбъ.

ДАВИДЪ
(какъ бы со сна).

Что ты сказала, Бетька? А я больше не могу выдержать. Я кушать хочу! (Вскакиваетъ) Кушать... (Подбѣгаетъ къ окну и стучить) Дайте намъ хлѣба, хлѣба!..

БЕТЬКА.

Онъ круглый... съ коркой. (Вормочеть) И селедку. (Съ восторгомъ) Селедка, Давидъ. Такая вкусная. (Давидъ стоитъ у стѣны и бьетъ въ нее кулакомъ. Бетька подбѣгаетъ къ нему съ плачемъ)

БЕТЬКА.

Давидъ, перестань. (Точно вспомнила) А гдѣ-то те-перь кушаютъ, гдѣ-то смѣются...

(Стоять и плачуть. Входитъ Нахома. На ней старая шаль. Въ рукахъ корзинка. Пытливо оглядываетъ комнату)

ДАВИДЪ (съ радостью).

Вотъ Нахома пришла. Ты принесла что-нибудь?

БЕТЬКА
(бросается къ ней).

Мать, мать! (Плачетъ) Я думала, что ты никогда уже не придешь.

НАХОМА.

Вотъ и пришла. Перестань... Сейчасъ будетъ тепло. Дѣти плакали?

БЕТЬКА.

Плакали... они звали тебя.

(Нахома сбросила корзинку на столъ. Сбросила съ себя шаль. Давидъ и Бетька рожются въ корзинѣ и вскрикиваютъ: „хлѣбъ уголь, картофель!“)

НАХОМА

(подходить къ кровати и оглядываетъ спящихъ дѣтей).

ДѢТИ. (Со слезами на глазахъ) Дѣточки мои, птички мои. (Беретъ Нахмале на руки) Нахмале, жизнь моя. (Страстно цѣлуетъ его) Я принесла тебѣ хлѣба. Нахмале, Нахмале. (Мальчикъ стонетъ. Она стонетъ за нимъ, думая, что ему отъ этого легче) Любишь свою мать, любишь? (Подбѣгаетъ съ нимъ къ корзинѣ, вынимаетъ оттуда хлѣбъ и показываетъ ему) Видишь, что я тебѣ принесла? Давидъ, разрѣжь хлѣбъ. Только на маленькіе кусочки.

(Суетится по комнатѣ. Дала каждому хлѣба. Всѣ кромѣ нея усаживаются рядышкомъ на кровати и жадно ѣдятъ. Шумно выражаютъ свою радость)

НАХОМА.

Не кричите, дѣти. Что-то голова у меня болитъ. Никто не приходилъ? Отца не было? (Разводитъ огонь въ казанкѣ. Поставила варить картофель) Сейчасъ будетъ тепло. А отца еще не было?

ДАВИДЪ.

Нѣтъ. (Вѣсть) Гдѣ ты работала сегодня, Нахома?

НАХОМА.

Гдѣ? Не знаю. Кажется, я горы переворачивала. И что принесла? Пятнадцать копѣекъ. Купила пять фунтовъ угля, хлѣба, картофеля и ни гроша не осталось. Опять ни гроша.

БЕТЬКА.

Дай, мать, еще хлѣба Нахмале.

НАХОМА.

Уже съѣлъ весь хлѣбъ? Не кушай такъ скоро, Нахмале. Нельзя такъ скоро кушать. Надо отцу оставить. Вотъ возьми, только потихоньку кушай. Видишь какъ? Кусочекъ—и въ ротъ. Долго держи во рту.

(Беретъ его на руки, опять страстно цѣлуетъ. Посадила на кровать. Входитъ Оснесъ. Стоитъ на порогѣ и какъ бы колеблется зайти. Смотритъ скорбно и умоляюще. Голова ея трясется)

ОСНЕСЪ

(дрожащимъ голосомъ).

Добрый вечеръ, Нахома.

НАХОМА.

Не стойте же на порогѣ, бабушка. Закройте дверь, на дворѣ не лѣто...

ОСНЕСЪ

(долго возится съ щеколдой).

Вотъ этими руками когда-то мнѣ переворачивала, хи-хи. Теперь онѣ никуда не годятся... Никуда. Хи-хи.

НАХОМА.

Этими руками? (Посмотрѣла на нее) Хорошо, хорошо. Что же вы стоите? Сядьте гдѣ-нибудь. А что ваша Ита?

ОСНЕСЬ (шопотомъ).

Смерть прокрадывается въ мой домъ. Ахъ, Нахома, Нахома... И маленькая уже свалилась.

НАХОМА.

Что вы говорите? И маленькая? Когда?

ОСНЕСЬ.

Сегодня утромъ. Горить дѣвочка и... кусочекъ лимона просить... А у меня ни одного гроша. Два дня мы уже не ѣли... Вы хорошая, Нахома. Шла по двору и думала: Нахома у насъ хорошая.

НАХОМА (подозрительно).

Вотъ этого не говорите, бабушка. Если человѣку плохо, онъ хуже звѣря. (Вспомнила о своей заботѣ) А Минны все нѣтъ.

ОСНЕСЬ

(подходить къ Нахомѣ и долго смотреть на нее).

Нахома!

НАХОМА.

Что, бабушка?

ОСНЕСЬ.

Нахома, я къ вамъ зашла. И въ той квартиркѣ была, и у другихъ людей была... (Безнадежно машетъ рукой) Стѣны кричатъ, стѣны плачутъ... Зашла и къ Перкѣ. О чемъ вамъ раньше рассказать? О ней или о Кунѣ, или о ея дѣтяхъ? Комната пустая. какъ въ лѣсу—у нея страшно. И четвертый день ничего во рту не имѣли. А Куна кончается,—хрипить уже Куна.

НАХОМА.

Не рассказывайте мнѣ. (Сердито) Прошу васъ, бабушка... Тамъ посмотрѣлись, а сюда пришли свалить... Не мое дѣло. Не мое... (Машетъ руками)

ОСНЕСЬ.

Нахома! Кусочекъ лимона. Одинъ только кусочекъ лимона она проситъ. Что-то ей нехорошо. Одолжите мнѣ что-нибудь, хоть пять копѣекъ. Куплю четверть лимона, четверть хлѣба, заварю въ лавочкѣ чай... Что-нибудь, Нахома. Вы думаете, для меня? Ничего не хочеть это тѣло,—только сердце еще чувствуетъ. Что-нибудь, Нахома.

НАХОМА

(смотреть на нее съ упрекомъ).

Мнѣ кажется, что вы съ ума сошли, бабушка.

ОСНЕСЬ.

Я уже и здѣсь всѣ сто квартиръ обошла, и въ соседнемъ домѣ обошла... Даромъ, Нахома. Ни у кого ничего нѣтъ. Пустые лѣса стоять. А въ городъ не могу пойти, нѣтъ, не могу. Хоть пять копѣекъ, Нахома. Хоть три копѣйки. Вы добрая, Нахома. (Трясетъ головой)

НАХОМА.

Что вы сказали, бабушка? Подумайте. Пять копѣекъ? Теперь? Съ ума вы сошли. Сегодня я заработала пятнадцать копѣекъ... Заработала... Ударило васъ? Два дня бѣгала, искала, а на третій пятнадцать копѣекъ заработала. А сколько наработалась, а какъ наработалась! Вѣдь если нѣтъ копѣйки, то это тоже самое, что нѣтъ тысячь. А что мои глаза кругомъ видѣли? (Съ ужасомъ) Голодь. Люди кричатъ и падаютъ. Скажите, гдѣ взять душу крѣпкую? Люди бьютъ другъ друга за грошь, меньше чѣмъ за грошь, и падаютъ...

ОСНЕСЪ.

Знаю, Нахома, ахъ, знаю.

НАХОМА.

Пять копѣекъ. Скажите—пять тысячъ и это будетъ не меньше. Идите и не мучьте моего сердца.

ОСНЕСЪ.

Хоть что-нибудь, Нахома. Какъ мнѣ домой вернуться? Если бы вы слышали, какъ она просить... Плача ея не могу перенести.

НАХОМА (въ волненіи).

Ну и пусть ваша внучка умретъ. Легче вамъ будетъ. Умеръ же мой Фавеле. Я только стиснула зубы... Только. Пусть весь міръ умретъ... Кто теперь царь нашъ? Голодъ. Такъ молчите. Будемъ молчать. Скушаемъ послѣдній хлѣбъ и выпустимъ царя... Умремъ. Кто первый, кто послѣдній. Бейтесь, можетъ быть вы будете послѣдней,—но не трогайте меня. Не бейте моего сердца. Не смѣйте. Я пью свой ядъ.

ОСНЕСЪ.

Я боюсь васъ, Нахома.

НАХОМА

(иронически разсмѣялась).

Кого? Меня? Меня? (Еще разъ разсмѣялась и грозно) Вставьте раньше въ ротъ мой желѣзные зубы, тогда бойтесь. Я буду кусаться. Дайте мнѣ сильное сердце, крѣпкую душу и тогда кричите: я боюсь Нахомы. Возьму я голодъ за шиворотъ и брошу его сильнымъ, какъ бросаютъ большой камень въ дорогое зеркало. Или дайте мнѣ широкую глотку,—вотъ когда бойтесь. Я крикну такъ, что люди содрогнутся...

ОСНЕСЪ (испуганно).

Вы такъ, тамъ (дѣлаетъ жестъ) иначе,—но всё сойдемъ съ ума.

НАХОМА.

Говорю вамъ, — я пью свой ядъ.

(Входятъ Берманъ и Семъ. Берманъ въ шубенкѣ, — вокругъ шеи красный шарфъ. Въ рукахъ у него старая дамская кофточка. Семъ раздвѣается и усаживается подлѣ казанка. Держитъ молитвенникъ въ рукахъ)

БЕРМАНЪ (съ удивленіемъ).

Тепло здѣсь. Охъ-ой! А на улицѣ рѣжетъ, — вотъ такъ рѣжетъ. Бросаетъ вѣтеръ людьми. (Снимаетъ съ себя шубу, шарфъ и кряхтитъ) Кости мои перемерзли, — вотъ какой морозъ теперь... Гдѣ Мина? (Разсматриваетъ кофту)

НАХОМА.

Не пришелъ еще Мина. Что это вы купили сегодня?

БЕРМАНЪ

(пожимаетъ плечами).

Спрошу у васъ. Самъ не знаю... Народъ все уже распродалъ, что имѣлъ. Теплая кофточка, — а кому она нужна? Теперь ей цѣна какъ разъ два гроша, а я даль пятнадцать копѣекъ. Охъ-ой-ой, Нахомочка, плачется народъ.

НАХОМА.

И я продала все, что у меня было.

БЕРМАНЪ

(вѣшаетъ кофточку на гвоздь).

Охъ-ой-ой! Говорятъ, что въ Писаніи сказано про тотъ голодь. Ходишь по улицѣ и слышишь: кризисъ,

кризисъ; а я не знаю, что въ Писаніи сказано про этотъ голодъ. Такой человекъ мнѣ объяснилъ. (Подходить къ Сему и тычетъ пальцемъ въ его молитвенникъ) Почитайте-ка намъ, Семъ. Я простой человекъ,—но сказано такъ: „Придетъ такая зима, что всѣ люди, сколько ихъ есть бѣдняковъ, умрутъ отъ голода. Почернѣетъ небо и хлынетъ каменный дождь“. Охъ-ой-ой! Вотъ какъ сказано. „И всѣ звѣри, домашніе и дикіе, умрутъ отъ голода. И всѣ птицы, что умѣютъ летать и не умѣютъ, умрутъ отъ голода. И останутся одни богатые“. Такъ говорить народъ. Охъ-ой-ой. Охъ-ой-ой!

СЕМЪ.

Этого нѣтъ въ Писаніи, примите руку...

БЕРМАНЪ.

А можетъ быть, и нѣтъ. Я простой человекъ и ничего не знаю. Старикъ одинъ мнѣ сказалъ. И звѣзду какую-то ищутъ на небѣ. Съ хвостомъ. Охъ-ой-ой! Вотъ я скажу такъ: (тычетъ пальцемъ въ воздухъ) міръ темный, и жизнь темная. (Садится на корточкахъ у казанка и грѣетъ руки. Оснесъ подходитъ къ нему)

ОСНЕСЪ.

Хотѣла бы у васъ, Берманъ, попросить... Что-нибудь, Берманъ.

БЕРМАНЪ.

Что хочешь, старуха? Просить. Я лучше тебя умѣю... Не помогаетъ, старенькая. Всю жизнь прошу, языкъ мой шелковымъ сдѣлался,—не помогаетъ, нѣтъ, нѣтъ, охъ-ой-ой. И тебѣ не поможетъ. Какъ добрая собачка, и и такъ ложусь и вотъ такъ, и на лапкахъ стою, и на веревочкѣ танцую,—не помогаетъ.

О С Н Е С ь

(подходить къ Сему).

Ну, а вы, Семъ? Что-нибудь?..

Н А Х О М А

(послѣ колебанія).

Возьмите, бабушка, кусочекъ хлѣба.

С Е М ь.

Не смотри на меня, Оснесь.—Не проси: что у сторожа за богатство. Меня не трогай, Оснесь.

О С Н Е С ь.

Хлѣбъ—что-нибудь. Ахъ, Нахома... Ну пойду уже. Зайдите, Нахома, къ Перкѣ. Вотъ къ ней зайдите. (Къ Сему) А я не сержусь, Семъ. Душа болитъ, а на людей не сержусь, хи-хи. Нѣтъ, нѣтъ, хи-хи. (Выходить. Нахома провожаетъ ее глазами)

Н А Х О М А.

Вотъ, дядя, какъ люди умираютъ съ голода. Тихо и безъ шума. Маленькая ея тоже свалилась.

(Семъ погрузился въ молитвенникъ, не отвѣчаетъ. Нахома снимаетъ кастрюлю съ казанка и выбираетъ картофель)

Б Е Р М А Н ь

(вытащилъ изъ кармана соленый огурецъ и кусокъ чернаго хлѣба).

Только-что въ лавочкѣ рассказывали, что на улицѣ подняли голоднаго... Шелъ человѣкъ и упалъ... (Есть) Хорошій человѣкъ съ виду, говорятъ—съ бородой, шелъ и упалъ. (Послѣ молчанія) Кто-то далъ ему кусокъ хлѣба... И онъ заплакалъ. Охъ-ой-ой.

В Е Т ь Б А.

Пусть онъ не рассказываетъ, мать. Я боюсь.

ВЕРМАНЪ.

Не надо бояться... Еще хуже будетъ. Пройдись-ка по базару, Бетька.

НАХОМА (къ Сему).

А почему вы молчите, дядя? Ничто васъ не трогаетъ? Все молитесь,—еще не надоѣло? Ступайте лучше на улицу и соберите народъ. Что вы эту книгу все передъ глазами держите? Зачѣмъ вы молитесь, кому вы молитесь?

СЕМЪ

(спокойно, потомъ съ волненіемъ).

Каждый здѣсь приставленъ къ чему-нибудь, Нахома. Этого ты не хочешь знать. Тебѣ мучиться, мнѣ молиться, тому кричать... Набери въ ротъ воды и ты тоже чему-нибудь научишься. Кто слышитъ крикъ челоуѣка, страданіе челоуѣка? Люди? Ты не скажешь: люди. Онъ слышитъ. Повернись же лицомъ къ Нему, закрой глаза и стань на колѣни. Ты хочешь крикнуть. Задави свой крикъ,—ну, задави же. Задави. Смотри, вотъ очистился путь твой и ты идешь по ровному пути Ты идешь, куда нужно. Не бойся. Кто-то стонетъ, кто-то плачетъ,—прислушайся. Развѣ это ты? Это Онъ. Въ Немъ боли, въ Немъ скорби...

НАХОМА.

Не говорите, дядя. Не смотрите на меня такъ вашими глазами. Почему-то въ душѣ смолкаетъ и она умиляется. Робкой становится моя душа. (Отворачивается отъ него) Но когда я не могу... (Взволнованно) Онъ. Все—Онъ. Гдѣ Онъ? Гдѣ? Подайте-ка мнѣ Его. Поставьте Его здѣсь и я съ Нимъ поговорю, я. Я спрошу Его. Я скажу: Ты, всесильный, всемогущій, всевидящій, почему Ты отвратилъ лицо отъ насъ? Почему лаской и добромъ сіяешь. Ты только сильнымъ, только избраннымъ? Почему одарилъ Ты однихъ всѣмъ—и золотомъ, и здо-

ровьемъ, и теплымъ домою, и смерть Ты посылаешь имъ рѣдко, а у насъ Ты отнял все, Ты вырвалъ надежду? Почему, когда Ты говоришь о людяхъ, то думаешь о тѣхъ, а насъ поставилъ ниже скотовъ, ниже червей. И что бы Онъ ни отвѣтилъ, я сказала бы Ему: обманщикъ Ты. Не всеильный, не могущій, а слабый, съ лукавымъ сердцемъ, съ лукавымъ языкомъ. Всѣхъ, что страдаютъ на землѣ, взяла бы въ свидѣтели и сказала бы Ему: уйди съ глазъ нашихъ, лукавое сердце, лживый языкъ. Уйди, прислужникъ богатыхъ, поденщикъ у сильныхъ...

ВЕРМАНЬ.

Охъ-ой-ой, Берманъ... До чего мы дожили. Берманъ, Берманъ.

СЕМЬ (сурово).

Я не слышу, Нахома, знай, что я не слышу.

ВЕРМАНЬ.

Скажите ей что-нибудь, Семь. Надо же... Пусть она опомнится. Мучаюсь самъ, но хожу съ опущенными глазами. Языкъ мой тащится по землѣ.

СЕМЬ (твердо).

Будемъ молчать...

(Погружается въ молитвенникъ. Нахомъ подходит къ кровати и начинаетъ раздѣвать спящихъ дѣтей. Входятъ Симонъ и Мира. Дѣвушка взволнована)

МИРА.

Они сидятъ спокойно. Развѣ вы не знаете, что во дворѣ дѣлается? Куна вѣдь кончается.

НАХОМА.

Я уже слышала объ этомъ, Мира. Мнѣ рассказали.

ВЕРМАНЪ (вздыхаетъ).

Голодь убилъ его...

МИРА.

Весь дворъ собрался у ея дверей. Женщины кричатъ, плачутъ... А Перка... Я только въ окно посмотрѣла и отшатнулась. Голова у меня закружилась.

СИМОНЪ

(обращается къ Мирѣ).

Ты видишь, здѣсь ничего не случилось. Пойдемъ.

МИРА

(сѣла на кровать и цѣлуетъ Нахмала).

Я не пойду. Я раздумала. (Вздыхнула)

НАХОМА.

Куда вы теперь пойдете, Симонъ? Снимите пальто.

СИМОНЪ

Видите ли, Нахома. Она все время у Розы сидѣла, и мы словомъ не обмѣнялись. Понимаете ли вы меня? Нельзя вѣдь разговаривать при чужихъ, о чемъ хочешь. (Къ Мирѣ, умоляюще) Ты мнѣ обѣщала, Мира.

МИРА (нетерпѣливо).

Ну, обѣщала, а теперь раздумала. И перестань повторять: „понимаете вы меня“. (Снимаетъ шаль)

СИМОНЪ (конфузливо).

Я таки перестану... Можетъ быть, ты позже пойдешь, такъ я посижу, хотя мнѣ и нужно къ утру сдать работу. (Неохотно сбрасываетъ пальто)

МИРА (разсѣянно).

Можетъ быть.. развѣ я знаю? Что это, Нахома, Мина еще не пришелъ? Гдѣ онъ можетъ быть?

НАХОМА.

Если бы я знала. (Поднялась и поставила возлѣ канка табуретку) Сядьте здѣсь, Симонъ, согрѣйтесь.

СИМОНЪ.

Я мороза не боюсь и мнѣ не холодно.

МИРА.

Я принесла сахаръ, Нахома... (Оглядывается, словно ищетъ чего-то) А Габай тоже не приходилъ?

ДАВИДЪ (вдругъ).

Смотри-ка: она покраснѣла...

НАХОМА.

Молчи, Давидъ. Такихъ словъ нельзя говорить.

МИРА

(вспыхнула. Встала).

Развѣ я покраснѣла? Симонъ, иди-ка сюда. Посмотри, я покраснѣла?

СИМОНЪ (бормочетъ).

Все это глупости...

МИРА (повелительно).

Подойди, я хочу... Сама хочу узнать, покраснѣла ли я?

ВЕРМАНЪ.

Эта дѣвушка когда-нибудь съ ума сойдетъ. Охъ-ой-ой!

СИМОНЪ (подошелъ).

Немножко, Мира... Но это ничего... только немножко.

О. Юшкевичъ. Голодъ.

М П Р А.

Неправда. Развѣ можно покраснѣть, когда говоришь: Габай?

СИМОНЪ (осторожно).

Мнѣ кажется, что объ этомъ намъ не слѣдуетъ разговаривать. Выходить какъ будто не красиво... Я ничего не говорю... Понимаешь ты, но это не идетъ какъ-то.

М И Р А

(посмотрѣла на него. Торопливо).

Ну, хорошо. Садись тамъ, нѣтъ, вотъ тамъ. Нахома, дай мнѣ свой гребень, я расчешу волосы.

НАХОМА (даетъ ей).

Берманъ, принесите ведро воды. У насъ есть сахаръ, и я сварю чай.

БЕРМАНЪ.

Давайте, охъ-ой-ой. (Одѣвается и выходитъ)

М П Р А

(ходитъ по комнатѣ и расчесываетъ волосы).

А дядя все съ книжкой? Почитайте мнѣ что-нибудь изъ Писанія. (Заглядываетъ въ молитвенникъ)

НАХОМА (къ Симону).

Что у васъ слышно, Симонъ? Есть ли работа?

СИМОНЪ.

Понемножку. Я никогда не жалуясь. Только вотъ... (Сдерживается) Немножко больше, немножко меньше, — безъ бапмаковъ люди вѣдь не живутъ. Зарабатываю и теперь свои шесть-восемь рублей въ недѣлю. Заготовщику всегда хорошо. Кризисъ, а я не чувствую его. Вотъ только... (Сдерживается) Вы понимаете меня? (Знакомъ указываетъ на Миру) Но нужно терпѣть...

НАХОМА

(разводитъ руками).

Что съ ней подѣлаете?

МИРА.

Почитайте-ка, дядя, что-нибудь изъ Писанія. За-чѣмъ,—не знаю. Но хочу.

СЕМЬ

(нѣжно оглядываетъ ее).

Я расскажу тебѣ объ одной дѣвушкѣ, которую звали Мира. Это будетъ лучше.

МИРА

(съ любопытствомъ).

Расскажите.

СЕМЬ.

Ее звали Мпррой... Она не знала, чего хочетъ отъ жизни, и никто этого не зналъ. Вотъ это самое глав-ное. Вотъ это...

МПРА

(въ волненіи).

Дядя, откуда вы все знаете? (Быстро рѣшается) Си-монъ, одѣвайся и уходи. Сейчасъ. (Со слезами на глазахъ) Уходи и не приходи больше.

СИМОНЬ.

Ну вотъ... (Разводитъ руками. Взволнованно) Это уже нехорошо, Мпра, честное слово. Два года хожу сюда, и ты этого никогда не говорила мнѣ. Честное слово, нехорошо это. Всѣ скажутъ: смѣется она надъ Симономъ. Я на тебя не сержусь, но что-то оно нехорошо... Для тебя же. Отчего же ты плачешь? (Растерянно) От-чего же ты плачешь? Вы видите, Нахома. Это трудно

понять, это совершенно трудно понять. (Торопливо, къ Мирѣ) Ну, хорошо, хорошо, вотъ я одѣваюсь, вотъ я и ухожу...

МИРА

(вытираетъ глаза. Засмѣялась).

Какъ я жалѣю тебя.

СИМОНЪ (перебиваетъ).

Вотъ этого ты не должна говорить мнѣ.

МИРА.

Понимаешь ты меня... жалѣю. Я пойду съ тобой. Скорѣй дай мнѣ кофточку, или я раздумаю. (Съ отчаяніемъ) Нѣтъ, я уже раздумала...

СИМОНЪ

(держитъ кофточку въ рукахъ. Съ недоумѣніемъ).

Такой странной дѣвушки, какъ ты, я еще не видѣлъ. Понимаешь ли, — клянусь...

МИРА

(въ отчаяніи).

Чего же я хочу? Я смѣялась. Да, я смѣялась. Я... страдаю... я мучаюсь. (Заплакала. Сдержалась и — нотерпѣливо) Дядя! (Подходить къ нему) Я хочу знать, что пишутъ тутъ. (Тычетъ пальцемъ въ молитвенникъ) Хоть тутъ...

СЕМЪ (просто).

Тутъ пишутъ, что все благополучно, — все благополучно.

МИРА.

Такъ я довольна... Я довольна, Симонъ...

(Слышенъ стукъ шаговъ въ коридорѣ. Входитъ Берманъ съ ведромъ воды въ рукахъ и Габая. При видѣ Габая, Мира садится возлѣ Симона)

ВЕРМАНЪ.

Ну вотъ и вода. Охъ-ой-ой. И этотъ молодецъ — вотъ.

НАХОМА.

Дайте мнѣ ведро. (Беретъ у него ведро и относить въ уголь. Поставила чайникъ на казанкѣ)

ВЕРМАНЪ (къ Габай).

Вы молчите. Поговорите-ка... Теперь спрошу: зачѣмъ мучить эту старую голову? Эта старая голова — вотъ. (Бьетъ пальцемъ по столу)

СИМОНЪ.

Что съ вами случилось, Берманъ? Здравствуйте, Габай.

ГАБАЙ.

Здравствуйте. (Снимаетъ пальто и ходить по комнатѣ)

ВЕРМАНЪ

(слѣдитъ за нимъ, съ негодованіемъ).

А еще человѣкъ съ книжками. Скажите вы, Семъ. (Упираетъ руки въ бока) Что значить слово — бунтуй? А? Охъ-ой-ой. Какое слово. А? Стыдитесь, молодой человѣкъ.

СЕМЪ.

Изъ-за такихъ народъ распускается. Вотъ враги народа. Сюда не поглядятъ. (Указываетъ на книгу) Зачѣмъ имъ?

ГАБАЙ

смѣется. Легъ на полъ и подложилъ подушечку подъ голову)

А что сказано въ вашей книгѣ нужное людямъ?

СЕМЪ.

Покорись, — вотъ что сказано.

ГАБАЙ.

Ага. А въ моихъ сказано: борись. (Поднимается, достаётъ пальто, книжку и погружается въ нее) Это получше.

МИРА.

Гдѣ же правда?

СИМОНЪ.

Это уже не наше дѣло.

БЕРМАНЪ

(все стоять, уперши руки въ бока).

Змѣя мнѣ милѣе. Она жалитъ, но безъ словъ. Вы молчите, Габай? Развѣ это по-человѣчески? Охъ-ой-ой. Иду я, Семъ, по двору... Что возлѣ Перки дѣлается, словъ много знаю, а не расскажу. Иду, и въ сердцѣ горько-горько... Думаю я себѣ: что же Ты, Господь, задумалъ, когда создавалъ мѣръ и людей. Могъ вѣдь Ты лучше сдѣлать, а создалъ такъ. Почему-то. Создалъ морозъ, бѣдняковъ, голодъ, Перку. Выдумалъ горе, боли, болѣзни и конецъ человѣка. Кажется мнѣ, могъ Ты что-нибудь получше выдумать, а выдумалъ это...

СЕМЪ

(перебиваетъ его).

Лучше бы вы замолчали. (Плюетъ)

БЕРМАНЪ

(не разслушавъ).

Я простой человѣкъ и то, кажется, могъ бы придумать что-нибудь поумнѣе. Сдѣлалъ бы человѣка, такъ изъ стали сдѣлалъ бы его, изъ золота. Не далъ бы ему желудка, чтобы ѣсть не хотѣлось, не далъ бы сердца, а если бы далъ, то сдѣлалъ бы изъ мѣди или изъ чугуна... Нашелъ бы уже планъ. И думаю я себѣ: дуракъ ты, Берманъ. Охъ-ой-ой, ужъ дуракъ. Можешь ли ты по-

нять, что онъ этимъ думаетъ? Вѣроятно, нужно страдать.. Вѣроятно, такъ лучше и не надо спрашивать. Страдай

МИРА.

Не тяните же, Берманъ.

БЕРМАНЪ.

Вотъ я иду такъ и все думаю объ этомъ, а на сердцѣ у меня нехорошо. Черная ночь у меня на сердцѣ... И вдругъ встрѣчаю я этого чорта...

НАХОМА

(прерываетъ его).

Кажется, это шаги Мины.

БЕРМАНЪ (не слушая).

Добрый вечеръ, говорю ему...

(Габай смѣется. Входитъ Мина. Шапка у него на боку, глаза горятъ, походка не совсѣмъ твердая)

БЕТЬКА.

Отецъ пришелъ. Отецъ!..

БЕРМАНЪ (обернулся).

А, Мина... Ну, довольно—ну, хорошо. (Машетъ рукой садится у казанка на полъ)

МИНА.

Отецъ. Я, Бетька... Иди, поцѣлуй меня. Пусть никто не мѣшаетъ. Я буду цѣловаться съ своей дочерью. Добрый вечеръ.

НАХОМА

(всплеснувъ руками).

Ты пьянъ, Мина? Опять ты напился?

МИНА.

Сердцемъ пьянъ я. Злобой пьянъ я. Что такое водка?

А, Семъ? Вы не знаете? Для камня водка — вода. Для отчаянія — мечъ. Съ мечомъ хочу я идти...

(Нахома въ отчаяніи усаживается въ сторонѣ и наблюдаетъ за нимъ)

СИМОНЪ.

Успокойтесь, Мина.

МИНА.

Ага, Симонъ. Это хорошо, что ты здѣсь. Честное слово, сапожникъ.

ГАВАЙ.

Уложите его, Нахома.

МИНА.

Я таки выпилъ, но почему мнѣ нельзя было выпить, когда это ничего не стоитъ? Я, Симонъ, весь день бѣгалъ, какъ вчера, какъ мѣсяцъ тому назадъ. Всѣ двери закрыты. Нѣтъ дверей... И я шелъ и спрашивалъ у людей: такъ это правда? Что? Правда? Голодъ! Голодъ! (Въ бѣшенствѣ) Вотъ онъ. Сапожки его подкованы. Тонкій онъ, какъ коса... Лицо его звѣрское... Идетъ и зубами вырываетъ мясо у людей. Съ кровью... Морда его окровавлена. (Грозитъ кулакомъ)

ВЕТЬКА.

Опять. Я боюсь его, мать.

МИНА.

Меня? (Хохочетъ) Никто Мины не боится. Нѣтъ въ мірѣ чловѣка, который сказалъ бы: я боюсь Мины. Мина былъ трусомъ и есть трусъ. Мина — собака безъ зубовъ.

НАХОМА (умоляюще).

Ложись, Мина. Ноги у меня дрожать отъ страха и отъ отчаянія дрожать. Ложись.

БЕРМАНЪ.

Плохо вы кончите, Мина, охъ-ой-ой.

МИНА.

Нѣтъ, Нахома. Не проси. Развѣ я пьянъ? Душа моя пьяна. Только душа. (Грозно) Нахома, дай Минѣ поужинать... Вотъ эти зубы сегодня еще хлѣба не пробовали.

НАХОМА (угрюмо).

А водку?

СЕМЪ.

Дай ему покушать, Нахома. Не спорь съ нимъ.

НАХОМА.

Пусть возьметъ себѣ, вотъ тутъ, на столѣ стоять.

МИНА

(подходить къ столу).

Что тутъ есть? Картофель? Хлѣбъ? (Ѣсть, стоя) Водку? Сейчасъ я тебѣ расскажу, Нахома. Все имѣеть свою причину. Все. Вышелъ я утромъ, какъ всегда. Бросился къ одному заводу, къ другому, бросился на биржу,—ничего. Бѣгу и думаю, кому продать свою силу? Почему она никому не нужна? За грошъ отдамъ—только возьмите ее.

НАХОМА.

И я такъ бѣгала и тоже самое думала.

МИНА

(оставляетъ ѣсть).

Ты понимаешь, Нахома? Понимаешь? Дѣти тутъ плачутъ, за квартиру не заплачено, въ комнатѣ морозъ,—понимаешь? А лавки открыты, вездѣ торгуютъ хлѣбомъ, углемъ, мясомъ. (Бьетъ рукой по столу) Кто же могъ такъ обмануть насъ? Кто заставилъ насъ думать: это твое, это мое? Я голоденъ, лавки переполнены добромъ. не

смѣй трогать. Умри, но не смѣй. Народъ съ ногъ падаетъ, а никто не подумаетъ сказать: мы не хотимъ больше, довольно.

БЕРМАНЪ.

Ложитесь уже, охъ-ой-ой. Водка сдѣлала васъ сумасшедшимъ.

ГАВАЙ.

Молчите, Берманъ, дайте ему договорить.

МИНА.

Водка? Да, Абрамъ, меня угостилъ,—я выпилъ. Утопился бы я въ водкѣ. Или мы ослѣпли? (Лицо у него подергивается) Я встаю и спрашиваю людей: люди, почему мы должны страдать? Ага, вы не знаете?

ГАВАЙ.

Кто хочетъ страдать, тотъ страдаетъ.

МИНА (со злобой).

Никто не хочетъ. Это колдовство. Вотъ правда. Люди здоровые, сильные,—быки, а не люди,—идутъ тихо... ихъ давятъ, топчуть,—они идутъ тихо и... ничего... (Съ силой и негодованіемъ) И ничего...

СЕМЪ.

Людямъ данъ одинъ путь...

НАХОМА.

Молчите, дядя. Почему не выйти на улицу и не крикнуть: мы не хотимъ страдать!

ГАВАЙ.

Мы скоро выйдемъ, но скажемъ другое. Подождите немножко.

НАХОМА.

Почему жаловаться тихо-тихо, а не собраться всѣмъ съ заводовъ, съ фабрикъ, съ биржъ, съ окраинъ, пойти туда и сказать: довольно. Сытые и сильные, выходите-ка изъ своихъ дворцовъ, уходите-ка, хозяева,—все принадлежитъ народу. Почему?

Г А В А Й.

Отлично, Нахома. Лучше и сказать нельзя было... И не сегодня—завтра мы пойдемъ...

М И Р А (возбужденно).

Я первая пошла бы. Шла бы впереди и требовала: отдайте народу его хлѣбъ.

СИМОНЪ.

Это не наше дѣло, Мира. Намъ объ этомъ не нужно говорить.

ВЕРМАНЪ.

А я лягу. Не хочу этого слушать. Вотъ такъ время, охъ-ой-ой.

М И Н А

(слушаетъ. Лицо у него подергивается, кулаки сжимаются).

Почему? Въ этомъ весь вопросъ. Никто не знаетъ, а я знаю. Труссы мы. Проклятыя трусы мы, вотъ правда. Жилы наши трусливыя, мясо наше трусливое. Вотъ эти руки трусливыя, эти глаза всего боятся, платье наше трусливое. Потому что сами мы себѣ враги больше нашихъ враговъ. Всѣ стонемъ и отъ работы, и отъ безработицы, а что бьетъ насъ? Сами мы бьемъ другъ-друга. Каждый требуетъ: я для себя хочу. У меня моя жена, моя семья. Умри ты сегодня, а я завтра. Сильные видятъ такой народъ, — сильные бьютъ по такому

народу, и не рождается гнѣва, не рождается. (Грозно) Я пьянь? Неправда. Сердце ненавистью пьяно противъ своихъ жилъ, противъ своего мяса. Возьмите это проклятое сердце, разорвите его, — я буду смѣяться. Такъ его, такъ его. Не будь трусомъ, — не будь. (Дрожитъ и опускается на стулъ. Пауза)

Г А Б Л И.

Если бы всѣ такъ чувствовали. Если бы...

С И М О Н Ъ.

Ты пойдешь, Мира? (Хочетъ встать)

М И Р А.

Нѣтъ, — сиди. Я дышала свободнѣе... Я хочу надышаться.

П А Х О М А.

Ложись, Мина. Посмотри на себя. Ты на человѣка не похожъ.

М И Н А.

И не надо быть похожимъ. Уложи меня гдѣ-нибудь.
(Она стелетъ на полу возлѣ окна)

П А Х О М А (работая).

Видите, дядя, мою жизнь. Если бы не мое терпѣніе...
(Машетъ рукой) Ступай, ложись, Мина.

М И П А (миролюбиво).

Вотъ я выдохся теперь весь. Не сердись на меня, Нахома. Я усталъ, Нахома. Я былъ крѣпкимъ работникомъ, а что изъ меня жизнь сдѣлала. Не сердись. Ты знаешь, какъ люблю тебя, дѣтей. Не я пью, горе мое пьетъ. (Идетъ пошатываясь и устранивается на полу) А вѣдь и завтра нужно жить и послѣзавтра.

НАХОМА.

Не легче мнѣ отъ этихъ словъ, нѣтъ, Мина. Я привыкла къ своей тачкѣ, правда. Я сгибаю спину, но человѣкъ не желѣзо. Не желѣзо, Мина,—знай это. Вышла я за тебя—тоже я спину согнула... И не лежало мое сердце къ тебѣ, другого я любила,— ты знаешь. Не я шла, судьба моя шла. Помни, Мина, не изъ желѣза я.
(Мина захрапѣлъ)

СЕМЬ.

Ты этого не должна говорить ему, Нахома.

НАХОМА (сосредоточенно).

Кто мои слезы сосчитаетъ? Гдѣ мои слезы?

(Сидитъ удрученная. Пауза. Раздается плачь. Всѣ вскакиваютъ. Въ комнату вбѣгаютъ нѣсколько женщинъ. Въ открытую дверь виденъ длинный корридоръ, гдѣ столпились сосѣди. Нѣкоторые бѣгутъ. Слышны возгласы: „Куна умеръ!“)

НАХОМА

(бросается къ первой сосѣдкѣ).

Богъ съ нами. Богъ съ нами.

ПЕРВАЯ СОСѢДКА.

Нахомочка, мать моя. Умеръ, бѣдняжка.

НАХОМА И МИРА.

Умеръ.

ПЕРВАЯ СОСѢДКА.

Умеръ, мать моя. (Страстнымъ шопотомъ) Отъ голода. Даже не лѣчили, не кормили. Копѣйки тамъ не было. Несчастливая наша жизнь.

НАХОМА.

Неудачница Перка. Бѣдная Перка!

ПЕРВАЯ СОСѢДКА (шопотомъ).

Этого она не перенесетъ. Сама, бѣдняжка, на мертвеца стала похожа.

НАХОМА (растерянно).

Еще сегодня утромъ я съ нимъ разговаривала. Что съ ней будетъ?

ПЕРВЫЙ СОСѢДЪ.

Какъ свѣча онъ угасъ: Тихо, безъ жалобы. (Шопотомъ) И никто ничего не зналъ. Нельзя было говорить.

(Мира, Симонъ, Габай и Давидъ выходятъ. Берманъ поднялся и вышелъ вслѣдъ за ними)

ВТОРОЙ СОСѢДЪ (къ Нахомѣ).

Зайдите хоть къ ней... Выдержитъ ли Перка?

НАХОМА.

Идемъ! (Набрасываетъ на себя шаль. Всѣ выходятъ. Шумъ и плачъ постепенно утихаютъ)

СЕМЪ

(одѣваетъ валенки. Провожаетъ толпу возгласомъ).

Въ твои пути вѣрю, Господи.

БЕТЬКА

(дрожитъ. Удерживается отъ слезъ).

Дѣдушка, ты тоже уходишь?

СЕМЪ.

Пора мнѣ... Поставилъ меня Богъ сторожемъ на землѣ,

БЕТЬКА.

Я боюсь, дѣдушка...

СЕМЬ
(одѣваетъ пальто).

Кого бояться, если Богъ съ нами?

БЕТЬКА (таинственно).

Мы тоже умремъ?

СЕМЬ.

Когда Онъ скажетъ—пора,—мы умремъ.

БЕТЬКА
(послѣ молчанія).

Слышишь, тамъ плачутъ.

СЕМЬ.

Это душа къ Богу уходитъ... Не слѣдуетъ плакать.

БЕТЬКА (вдругъ).

Я люблю Бога. Вотъ такъ я люблю Его. (Прижимаетъ руки къ груди)

СЕМЬ.

Я Его тоже такъ люблю. Что Онъ дѣлаетъ, то и хорошо. Спокойной ночи, Бетка.

БЕТЬКА (дрожа).

Спокойной ночи, дѣдушка.

(Семь уходитъ. Пауза. Входятъ
Мира и Симонъ. Изрѣдка слы-
шится заглушенный плачь)

М П Р А (взволнованно).

Я испугалась. Уведи меня куда-нибудь. (Дрожить)
Сейчасъ. Отыщи теплое мѣсто, родное мѣсто. Съ солн-
цемъ... (Короткая пауза) Пустая комната... мертвое тѣло,
уроды дѣтъ и голодъ, голодъ. Спрячь меня куда-нибудь.

СИМОНЪ (холодно).

Меня это не тронуло, Мира. Я хочу сказать—тронуло, какъ всякая смерть. Смотрѣлъ и думалъ: вотъ и меньше однимъ несчастнымъ. Несчастливымъ лучше умереть.

МИРА (оглядывая его).

Какъ ты сказалъ, Симонъ? Несчастливымъ лучше умереть?

СИМОНЪ.

Зачѣмъ ты такъ смотришь на меня? Я не могу быть другимъ.

МИРА.

Что же у тебя за сердце?

СИМОНЪ.

Сердце, какъ сердце. И... зачѣмъ говорить объ этомъ? Умерь—похоронять. Голодаютъ — найдется кто-нибудь и накормить. Я не хочу объ этомъ думать, Мира...

МИРА

(ходитъ въ волненіи по комнатѣ и изрѣдка взглядываетъ на него).

Мнѣ кажется, что ты занялъ всю комнату, всю ты ее наполнилъ, и мнѣ нечѣмъ дышать.

СИМОНЪ.

Зачѣмъ меня мучить, Мира? Или я мало покоренъ тебѣ? Я буду покорнѣе. (Умоляюще) Мира...

МИРА.

Оставь меня.

СИМОНЪ.

Я оставлю... на сколько дней?

МИРА (съ силой).

Оставь меня.

СИМОНЪ (настойчиво).

Чѣмъ ты меня взяла? У меня все есть, что нужно; я доволенъ и только ты... Чѣмъ ты меня взяла? Околовала ты меня. Ничего я не вижу безъ тебя. Два года не день. Можетъ быть, это болѣзнь,—такъ кто же меня вылѣчить?

МИРА.

Лучше бы ты не говорилъ теперь.. Лучше.

СИМОНЪ.

Можетъ быть, и лучше было бы. Не знаю... Всегда ты устроишь, чтобы я не могъ поговорить съ тобой. Вѣдь у меня вѣрное сердце и я всею доволенъ. Если еще нужно ждать, — я подожду. Я работающій и тебѣ будетъ хорошо у меня. Вѣрь, что будетъ хорошо. Я открою мастерскую... Я вытянусь, я сожмусь,—но тебѣ будетъ хорошо у меня. Дай мнѣ слово. Я не требую и не прошу, я только говорю: дай мнѣ слово.

МИРА.

Что? Слово? (Старается вдуматься) Все слова... Все мои слова даю тебѣ. Когда ты такъ говоришь со мной, я становлюсь слабой... Да, слабой. Но нужно и меня понять. Нужно. Вотъ я испугалась... О чемъ же ты говоришь. Мнѣ сейчасъ надо подняться... понимаешь, Симонъ, подняться. Куда? Не знаю. Чего-то хочу я, до смерти хочу. Хочу что-то, чего еще не видѣла. Можетъ быть, красиваго. Можетъ быть, гордаго.

СИМОНЪ.

Тебѣ не слѣдовало ходить туда.

С. Юшкевичъ. Голодь.

МИРА (не слушая).

Иногда какъ бы со сна спрашиваю: почему я здѣсь? Не здѣсь, въ комнатѣ, (нетерпѣливо) а здѣсь. (Дѣлаетъ жестъ) Почему. Или я прилетѣла сюда, или меня въ цѣпи заковали и привезли сюда. И я смотрю въ окно и бьюсь въ окно. Что-то я вижу тамъ. Что я вижу? Что? Развѣ я знаю. Что-то свѣтитъ, кто-то манить... (Вдругъ какъ бы опомнилась) Это я съ тобой говорю, Симонъ.

СИМОНЪ (въ отчаяніи).

Почему я не понимаю тебя. Я—какъ дерево. Мозгъ мой становится каменнымъ. Я хочу думать съ тобой,— не могу. А я люблю тебя всей кровью, всѣмъ сердцемъ.

МИРА.

Развѣ я могу дать тебѣ слово. Кому, тебѣ. Я вѣдь только жалѣю тебя. Я только спускаюсь къ тебѣ... (Быстро) Нѣтъ, не спускаюсь. (Раздумала) Нѣтъ, спускаюсь. Вдругъ я дамъ слово. (Недовѣрчиво разсмѣялась) Послѣ свадьбы ты отведешь меня къ себѣ, вотъ въ такую клѣтку съ окномъ. Черезъ годъ будетъ ребенокъ. У меня. Я стану худой, какъ всѣ здѣсь, и глаза мои ввалятся, чтобы никогда уже не видѣть свѣта. Ты посѣдѣешь... Какъ ты скажешь тогда: „Мира, я люблю тебя“. Симонъ, убей меня сейчасъ.

СИМОНЪ (безнадежно).

Опять то же. Опять—нѣтъ, опять.

МИРА (порывисто).

Конечно, нѣтъ. Всегда нѣтъ. (Колеблется) Или когданибудь—да. Нѣтъ, нѣтъ. Я вѣдь не люблю тебя. Какъ съ братомъ говорю съ тобой, какъ съ глупымъ бра-

томъ. И ты мнѣ нуженъ, — зачѣмъ-то нуженъ... Нѣтъ, не нуженъ. (Смотритъ на него, какъ бы пораженная чѣмъ-то)

СИМОНЪ.

Ну, перестанемъ. Я опять буду молчать. Опять буду копить деньги и молчать. Я открою мастерскую, у меня дѣло пойдетъ хорошо, можетъ быть богатство смягчитъ тебя.

МИРА (недовольно).

Это меньше всего, меньше, Симонъ. У тебя вырастетъ борода и посѣдѣетъ. (Всмотрѣлась въ него и разсмѣялась)

СИМОНЪ (серьезно).

Прошу тебя... Я буду ждать. Я умѣю, я долженъ. Мнѣ все равно не жить безъ тебя. Всего ты меня забрала.

МИРА

(пожимаетъ плечами).

Я знаю, ты будешь ждать, пока я покорюсь. Вотъ этого-то боюсь... Нѣтъ, не боюсь. Я не покорюсь, — никогда. Или покорюсь...

СИМОНЪ.

Что же дѣлать. Что я долженъ дѣлать? Скажи.

МИРА.

Откажись отъ меня. Это будетъ лучше. Ты вѣдь мнѣ нуженъ только... (Обрывается)

СИМОНЪ.

Славно ты хотѣла сказать, Мира... Но я буду ждать. И можетъ быть... Кто знаетъ...

(Доносится сильный плачь)

МИРА (испуганно).

Кто это плачетъ?

(Входитъ Габай, онъ возбужденъ)

ГАБАЙ.

Это выше силъ... Выше. Мозгъ леденѣеть. Я убѣ-
жалъ оттуда...

СИМОНЪ (спокойно).

А что случилось?

ГАБАЙ

(смотреть на него).

Только-что Перка умерла. Упала на трупъ и не
поднялась. (Угрожающе) О...

МИРА.

Не можетъ быть, Габай. Перка. (Громко) Перка! (Съ
крикомъ) Перка!

СИМОНЪ.

Вотъ это нехорошо. Съ этимъ я согласенъ.

ГАБАЙ.

Что? Съ чѣмъ согласны?

СИМОНЪ.

Ей не слѣдовало умереть. Надо было о дѣтяхъ поду-
мать. Развѣ отчаяніе могло его вернуть.

МИРА.

Я не могу тебя слушать... Перестань.

СИМОНЪ.

Ты не хочешь меня понять... Мира... Я говорю только,
что это меня не трогаетъ.

ГАВАЙ (сердито).

Послушаемъ-ка ваши проповѣди..

СИМОНЪ.

Не знаю, что вамъ нужно отъ меня. Я все понимаю. Оставьте меня въ покоѣ.

ГАВАЙ.

Такъ съ кѣмъ же мнѣ говорить? Подайте мнѣ покойника Куну, — я встряхну его. Я вдуну въ него гнѣвъ...

СИМОНЪ

(отступаетъ отъ него, берется за шапку).

Вы меня беспокоите этими разговорами. Не беспокойте меня. Мира, я уйду.

МИРА.

Мнѣ тяжело... Мнѣ страшно... Посиди еще немного. Нѣтъ, лучше уходи.

СИМОНЪ.

Зачѣмъ же онъ меня беспокоитъ?

ГАВАЙ.

Съ кѣмъ же мнѣ разговаривать? (Оглядывается) Со стѣнами. Стѣны, проклятыя, терпѣливыя, кроткія стѣны. Свидѣтели насилій... Проклятыя, глухія стѣны. Слышите? Отъ безстыдной силы, отъ безграничной власти умерло двое и еще погибнуть тысячи. Кричите, стѣны, объ этомъ!

СИМОНЪ (безстрастно).

А я думаю, что лучше быть терпѣливымъ и кроткимъ. Нужно молчать и работать.

Г А В А Й.

Слушайте, Мира. Нужно взять ихъ тѣла и бросить въ середину города. Возьмемъ мечъ и ткнемъ имъ въ сердце города. Мечъ, залитый нашей желчью, бросимъ въ городъ. Какъ смѣемъ мы такъ умирать, такъ?..

М И Р А

(съ увлеченіемъ).

Я пойду съ вами, Габай, — я буду съ вами. Симонъ, — я уйду съ нимъ.

СИМОНЪ (вспыхнувъ).

Я ненавижу его... говорю прямо: его ненавижу. Всѣхъ его товарищей, всѣхъ этихъ проклятыхъ разбойниковъ ненавижу. Съ кѣмъ ты пойдешь. Изъ-за нихъ мы страдаемъ. Бороться. Вѣдь насъ раздавятъ, какъ червей. Я помню прошлый годъ. Я помню, что было три года назадъ. Избивали, выслали и смирили насъ. Мы всѣ хорошо помнимъ это. Голодъ. Никто не виноватъ въ немъ. Теперь кризисъ. Надо перемучиться, и опять дѣла поправятся. Опять будетъ работа...

Г А В А Й

(съ презрѣніемъ).

Развѣ я звалъ васъ? Скорѣе бы камень позвалъ, позвалъ потому, что камень можно бросить во врага. Я говорилъ, но то мой разумъ помутился.... Рыданія, плачь, уроды дѣти, и ни одного гнѣвнаго стона.... Мой разумъ помутился... Ни одного гнѣвнаго крика я не услышалъ. Покорные, они умираютъ, какъ живутъ, покорно и примутъ завтрашній день.

СИМОНЪ.

Конечно. И отлично дѣлаютъ. Мы должны быть покорными, мы должны молчать... всегда. Вотъ и хозяе-

вамъ теперь плохо. Надо и ихъ пожалѣть. Ихъ пожалѣешь, себя пожалѣешь...

Г А В А П.

Вы слышите, Мира? Вотъ враги народа. Это языкъ врага. Кого жалѣть, тупой, темный человѣкъ.

СИМОНЪ.

Потише,—я васъ не боюсь. Васъ-то не боюсь. Я знаю, что нужно сдѣлать съ такими, какъ вы.....

МИРА.

Замолчи, Симонъ. Замолчи, прошу тебя. Ты долженъ.

Г А В А П

(желчно смѣется).

Жалость, Мира, къ угнетателямъ, къ гранитнымъ сердцамъ! Уничтожьте ихъ, вотъ будетъ ваше милосердіе. Сожгите ихъ, вотъ будетъ ваше добро. Станемъ хищными, беспощадными, свирѣпыми... Будущее человечество пойметъ насъ. Оно скажетъ: ваше изступленіе было милосердіемъ, ваша жестокость была жалостью. Потому что распахать жестокую каменистую землю можно только сохой и бороной. И если, Мира, кровь должна пролиться, то что значить небольшой ручеекъ ея передъ морями. Что значить крикъ насильника передъ тысячелѣтнимъ ревомъ обездоленныхъ. Что боль его, страхъ его передъ пыткой человечества. Милосердіе,—проклятiе ему! Жалость,—проклятiе ей! Оставимъ это имъ. Ни одной пяди не уступать назадъ..... И когда свершится, Мира,—встанутъ мертвецы.... Они разобьютъ крышки гробовъ, выйдутъ, чтобы увидѣть желанную жизнь, и мы обнимемъ ихъ. Мы скажемъ: ступайте спокойно назадъ въ ваши могилы,—дѣти вашихъ дѣ-

тей освобождены, дѣти вашихъ дѣтей увидѣли новую жизнь.

М И Р А .

Свершится ли?

Г А В А Ы .

Свершится... Отъ страданій на мигъ мой разумъ помутился. Свершится, Мира. Трусливые, слѣпые и темные плачутъ, дрожать, покоряются, но мы поднимаемся. Смотрите, мы поднимаемся. Повсюду несется дыханіе гнѣва работниковъ.... И оттого, что такъ скверно кругомъ, скажите себѣ: вѣковой ночи приходитъ конецъ. Запоры уступаютъ. Желѣзная дверь трещить... Дружнѣе! Мы выбьемъ ее.....

С И М О Н Ъ .

Теперь я знаю, кто онъ.

М И Р А .

Ты еще здѣсь, Симонъ... Почему онъ здѣсь? Я какъ будто только-что родилась... Вотъ комната, грязь, бѣднота, а на душѣ такъ свѣтло. Уходи, Симонъ.

С И М О Н Ъ .

Я ухожу, Мира. Никогда не думалъ я, что ты.....
(Машетъ рукой)

М И Р А (нетерпѣливо).

Знаю, знаю. Только уйди теперь.

(Симонъ смотритъ на нее нѣсколько мгновеній и уходитъ не прощаясь)

М И Р А.

Говорите еще, Габай, говорите.

(Смотритъ на него съ восторгомъ. Входятъ Берманъ, Давидъ, Нахома. Нахома тихо плачетъ. При ихъ появленіи Габай и Мира отходятъ другъ отъ друга)

Б Е Р М А Н Ъ (мрачно).

Охъ-ой-ой. Тяжелое время, трудное время. И что Онъ тамъ на небѣ думаетъ объ этомъ. (Разводитъ руками) Охъ-ой-ой, охъ-ой-ой.

Н А Х О М А

(сѣла. Плачетъ).

Можетъ быть, это и насъ ждетъ. Можетъ быть, завтра Мина или другой сосѣдь... О Господи, помоги же намъ, помоги всѣмъ несчастнымъ на землѣ. Съ этими двумя смертями пусть кончаются горести людей. Что-то на душѣ у меня неспокойно, Берманъ. Сердце плачетъ, плачетъ, какъ о своемъ.

Б Е Р М А Н Ъ.

Охъ-ой-ой, нѣтъ у меня силъ, Нахома, охъ-ой-ой, охъ-ой-ой.

(Пауза. Нахома плачетъ. Габай ложится на полу подлѣ казанка и укрывается пальто. Мира ложится на кровати. Нахома встаетъ, подходитъ къ кровати и ложится съ дѣтьми. Берманъ немедленно раздѣвается и устранивается на полу подлѣ Габая. Поворачивается лицомъ къ стѣнѣ)

Б Е Р М А Н Ъ.

Охъ-ой-ой, охъ-ой-ой!

Семенъ Юшкевичъ. Голодъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же комната. Изъ мебели осталась только кровать Нахомы, подушка и старенькое одеяло. Кровать Миры, скамейка, казанокъ. Обѣденное время. Январь. День солнечный. Мимо окна отъ времени до времени проходить кучка мужчинъ. Дѣти сидятъ на кровати и то начинаютъ плакать, то перестаютъ. На скамейкѣ сидятъ Оснесъ и Нахома. Семъ стоитъ съ молитвенникомъ въ рукахъ у окна и выглядываетъ на улицу.

С Е М Ъ.

Окна оттаяли. Сегодня хороший день. Опять прошла кучка рабочихъ. Куда это они идутъ?

Д А В И Д Ъ.

Я знаю!

С Е М Ъ.

Ты знаешь? Много ты можешь знать.

Д А В И Д Ъ.

Я говорю, что знаю, значить это такъ.

О С Н Е С Ъ

(трясетъ головой).

Съ утра тутъ неспокойно...

(Дѣти заплакали. Сначала Нах-
мале, а за нимъ Гершеле)

Н А Х О М А

(сорвалась съ мѣста).

Опять плачете! Что же я вамъ дамъ? Что? Мясо мое?
Ну отрѣжьте, отрѣжьте и кушайте. Разорвите меня!
Кусайте меня!

ВЕТЬКА.

Я уже не могу выдержать. Развѣ я виновата? Со вчерашняго дня ты мнѣ кусочка хлѣба не дала. Иди достань гдѣ-нибудь, попроси у кого-нибудь.

(Всѣ опять заплакали. Семъ отошелъ отъ окна и заглядываетъ въ молитвенникъ)

НАХОМА (путаясь).

Что я съ ними буду дѣлать? У кого попросить, кто дастъ? Что вы тамъ молитесь, дядя, съ ума вы сошли! (Къ дѣтямъ) Не кричите же. Слышите, не смѣйте кричать! Я тоже голодна и молчу. И молчу! Не хочу слышать вашихъ голосовъ. Замолчите! Что? Голодны? Не смѣйте быть голодными. Молчать! (Подходить къ нимъ и бьетъ ихъ) Убью васъ. Вчера дала по кусочку хлѣба и на сутки должно быть довольно. Я не богачка, чтобы кормить васъ хлѣбомъ каждый часъ. Молчать, молчать! Здѣсь всѣ умираютъ съ голода и никто не кричитъ. Никого не слышно, кромѣ васъ однихъ.

(Дѣти еще громче плачутъ)

СЕМЪ

(поднявъ голову).

Я не могу этого слушать, Нахома.

НАХОМА.

Такъ дайте имъ покушать, дядя. Продайте вашу молитвенникъ и принесите имъ хлѣба, если у васъ такое сердце. Я все продала, что имѣла, и сердце мое окаменѣло. Я съ ума сошла, дядя! Гдѣ Мина? Два дня какъ нѣтъ Мины!

ОСНЕСЬ.

Не надо отчаяваться: Богъ дастъ, онъ вернется. Вернется!.. Если Богъ мнѣ мою маленькую вернулъ...

Н А Х О М А

(прерываетъ ее).

Кто? Богъ? (Иронически смѣется) Когда-то на Мину и смотрѣть не могла, а теперь съ безпокойствомъ спрашиваю: гдѣ Мина? Вотъ что Богъ можетъ сдѣлать. Страшно мнѣ безъ Мины! Когда онъ молодымъ былъ, молодцомъ онъ былъ, Мина, а я не хотѣла пойти за него. Теперь онъ и выпить любить и постарѣлъ Мина, а я дрожу и спрашиваю: гдѣ же Мина? Куда онъ пропалъ?

Д А В И Д Ъ.

Опять прошли рабочіе.

Н А Х О М А.

...И сердце щемить. Что же это за проклятое сердце? О чемъ я говорю? Дѣти меня съ ума сведутъ. О чемъ я говорила? (Оглядывается) Мина два дня домой не приходилъ,—и я спокойна! Опять, дѣти, плакать! Молчать! Смѣйтесь... Нѣтъ голода, нѣтъ зимы. На дворѣ хорошо, тепло. Отецъ принесъ деньги, и мы славно покушаемъ. Что намъ еще нужно? Богъ, что намъ еще нужно?.. И отчего у меня голова кружится и въ глазу стрѣляетъ? Это оттого, дѣти, что нашего бѣднаго отца уже два дня какъ нѣтъ дома!..

О С Н Е С Ъ.

Можетъ быть, онъ нашель работу? Никто ничего не можетъ знать, хи-хи. Онъ вышелъ въ добрый часъ изъ дому и встрѣтилъ человѣка... Хорошаго человѣка, хи-хи. И тотъ сказалъ ему: вотъ, Мина, есть для тебя работа! (Семъ киваетъ головой) Пошелъ Мина работать и принесетъ рубль. Хи-хи!

Н А Х О М А (растроганно).

Это похоже на сказку. На хорошую! Когда я, Оснесъ, была маленькой, то зимой забиралась на печку, и ба-

бушка моя рассказывала сказки. Отець отдыхалъ, мать перебирала перья для подушки, а я свѣшивалась вотъ такъ внизъ головой и слушала, и видѣла, какъ на высокой горѣ, въ зеленой травѣ стояли два нѣмца, два нѣмца!.. (Откровенно) Мина въ гнѣвъ ушелъ. Не могъ онъ слышать плача дѣтей, такъ онъ сказалъ. А я поссорилась съ нимъ. Надо сказать правду, я раасердила его.

О С Н Е С Ъ .

Мы всѣ такія.. Мы любимъ мужей, когда они кормятъ насъ, хи-хи.

Н А Х О М А .

Я сказала ему: ты сталъ пьяницей и ничего не можешь заработать. Ты убиваешь своихъ дѣтей, Мина! (Становится серьезной) Онъ ударилъ меня... Оснесъ, онъ меня побилъ въ первый разъ за двѣнадцать лѣтъ! Я не кричала, нѣтъ; Оснесъ, я не кричала. Я стиснула зубы и думала: вотъ и совсѣмъ пропала жизнь!

О С Н Е С Ъ

(указываетъ на себя).

А спросите, что это тѣло вытерпѣло? Можетъ быть, извощикъ свою лошадь такъ не бьетъ, какъ меня билъ мой Фавль. Забывалось, Нахома! А что я выиграла? Иногда сижу и вспоминаю свою жизнь. Зачѣмъ я замужъ вышла? И зачѣмъ мы голодали? Зачѣмъ я дѣтей рожала, когда изъ десяти только одна калѣка осталась? Такъ сижу и думаю о жизни. Помню я, когда Фавль открылъ мастерскую... Что дѣлалось! Души наши летали. И это прошло! Потомъ мастерскую закрыли,— все описали. Прошло, Нахома! Десять дѣтей было... Они умирали, умирали и, бывало кажется, что душа твоя отлетить отъ горя,—прошло, Нахома, все прошло!.. Что же я выиграла? Зачѣмъ жила?

С Е М ь

(киваетъ головой).

Хорошо спросила Оснесь, но отвѣта не будетъ.

П А Х О М А.

Не хочу этого знать... Какое мнѣ дѣло? Мое сердце разрывается! За что? Хоть не у кого спросить, а я все буду кричать: за что? Гдѣ справедливость?

(Оснесь хочетъ отвѣтить. Семь перебиваетъ ее)

С Е М ь.

Дай ей покричать. Если она будетъ молчать, то кто скажетъ, что Онъ (указываетъ пальцемъ вверхъ) страдаетъ съ любимыми и избранными?

(Дѣти обступили Нахому и плачутъ. Она оглядываетъ ихъ съ ненавистью. Сейчасъ же сжалась)

П А Х О М А (съ тоской).

Вѣдь я надъ ними кровь проливала. (Беретъ Нахмале на руки, тихо стонетъ и горячо цѣлуетъ его) Дяди, вы опять молитесь? Дядя, есть ли теперь въ городѣ несчастно насъ?

С Е М ь.

Скажи Ему: все принимаю изъ Твоихъ рукъ.

П А Х О М А.

Ну, а справедливость?

С Е М ь

(бьетъ рукой по молитвеннику).

Вотъ здѣсь она!

С. Юнкеричъ. Голдь.

НАХОМА (въ отчаяніи).

И ничего больше, дядя?

СЕМЪ (торжественно).

Ничего!...

НАХОМА.

Отчего же я отпустила Мину? Отчего же я не выбѣжала и не крикнула ему: Мина, вернись, я прощаю тебя... И ничего больше, дядя, повторите-ка! Дѣти, молчать! Молчать! (Разсердилась и бьетъ ихъ) Я говорю— молчать!

СЕМЪ (съ сожалѣніемъ).

Ничего!

НАХОМА.

Ну хорошо, хорошо! (Разсѣянно) Я все знаю, все вижу. Мина можетъ придти, или я опять пойду искать его, но что-то приближается. Что-то!

ОСНЕСЬ.

Вы пугаете дѣтей, Нахома.

НАХОМА.

Такъ размѣшить ихъ? Разсказать, что мелькаетъ у меня въ головѣ? (Вдругъ, съ радостью) Мы улетаемъ, дѣти, мы на крыльяхъ поднимаемся, мы... (Расплакалась)

ОСПЕСЬ.

Возьмите свое сердце вотъ такъ въ руки. Я знаю отчаяніе.

НАХОМА (устало).

Миѣ темно, Оснесъ. Куда ни повернусь, темно, куда ни ткнусь — стѣна. А сердцу такъ больно, такъ ему больно!

С Е М ь

(посмотрѣть въ окно).

Вотъ идетъ Берманъ.

О С П Е С ь.

Можетъ быть, Нахомочка, узнаете что-нибудь о Минѣ.

П А Х О М А.

Гдѣ же онъ? (Подбѣгаетъ къ окну)

С Е М ь.

Его уже не видно. Вѣроятно, зашелъ въ ворота.

П А Х О М А

(открываетъ двери и стоитъ въ ожиданіи. Въ глубинѣ корридора показывается Берманъ).

Идите скорѣе, Берманъ. Слыхали что-нибудь о Минѣ?

Б Е Р М А Н ь

(отвѣчаетъ, идя по корридору. На плечахъ у него пара старыхъ брюкъ).

Что теперь на улицахъ дѣлается! Чуть меня не задушили. Охъ-ой-ой! (Входитъ въ комнату) И отсюда толпа, и оттуда толпа!

П А Х О М А (тревожно).

Я васъ о Минѣ спрашиваю? Вы ничего не слышали о моемъ Минѣ?

(Берманъ огорошенный смотритъ на нее. Какъ бы соображаетъ, что означаетъ ея вопросъ)

Б Е Р М А Н ь.

Что? о Минѣ? Вотъ Симона я встрѣтилъ, это правда. Какъ сумасшедшій летѣлъ Симонъ. Охъ-ой-ой. Но не Мину. (Иронически смѣется) Она думаетъ, что теперь у

всякаго ея мужъ въ головѣ. Носятся съ ея мужемъ, охъ-ой-ой. Пройдитесь-ка по улицамъ, такъ узнаете, что дѣлается. Дайте мнѣ присѣсть. Отдохну минуту, и опять пойду.

СЕМЬ.

Что вы тамъ рассказываете, Берманъ? Я ничего не понимаю.

БЕРМАНЪ

(сѣлъ возлѣ Оснесъ).

Подвинься-ка, старуха. Охъ-ой-ой. (Кладетъ брюки на холодный казанокъ) Что понимать?

ОСНЕСЬ

(трясетъ головой).

Я могу подняться..

БЕРМАНЪ.

Сиди, старуха, если сидишь, охъ-ой-ой! Не надо понимать, Семь. Это ясно. Я простой человѣкъ, съ того свѣта, и то вижу. Берманъ такъ сказалъ, — попомните это. Сколько корней имѣетъ зло? Одинъ корень. Живу и знаю, что всѣ вѣтки, сколько ихъ есть на деревѣ, отъ одного корня. А корень—голодный человѣкъ.

ПАХОМА

(старается обратить его вниманіе).

Я спрашиваю у васъ о моемъ Минѣ, Берманъ. Вслушайтесь въ мои слова. Ни отъ кого не слышали о немъ? Но говорятъ: убили ночью человѣка, повѣсился человѣкъ!

БЕРМАНЪ.

Охъ-ой-ой! А откуда я знаю? Что вы суетесь теперь съ вашимъ мужемъ? Не онъ одинъ пропадетъ. Попо-

мните, — скажете: дуракъ Берманъ сказалъ. Охъ-ой-ой! Есть такой Берманъ, живетъ у Мины, и онъ это сказалъ.

О С Н Е С Ъ.

Понять васъ нельзя. Говорите какъ человѣкъ.

Б Е Р М А Н Ъ.

А какъ же я говорю? Какъ лошадь? Въ городѣ неспокойно... И оттуда приходятъ, и отсюда. И почему можете быть спокойно? Развѣ привезли хлѣбъ, разсыпали по улицамъ и сказали голоднымъ: берите! Или привезли уголь и роздали его народу. Я — старая собака и ничего у меня нѣтъ, ни голоса, ни зубовъ. А они не старыя собаки. (Достаетъ изъ кармана черный хлѣбъ и подходитъ къ дѣтямъ) А вамъ я пряникъ принесъ. Таки не пряникъ, но лучше пряника. Кушайте, маленькіе, кушайте, человѣчки! (Даль каждому по кусочку)

Б Е Т Ъ К А (съ радостью).

Мать, хлѣбъ! (Крикнула) Хлѣбъ, хлѣбъ! Мать, вотъ и тебѣ кусочекъ. Ну, бери же, не стыдись.

Н А Х О М А

(гладитъ ее по головѣ).

Сама покушай. Развѣ я голодна?

Б Е Т Ъ К А

(со слезами въ голосѣ).

Ну кушай же. (Суетъ ей хлѣбъ въ ротъ) Мать, дорогая моя мать.

О С Н Е С Ъ.

Ге мучьте ее, Пахома. Возьмите кусочекъ.

Б Е Р М А Н Ъ.

Теперь опять пойти можно. (Вѣшаетъ брюки на стѣнѣ)

Чуть ихъ не разорвали. Ну, день сегодня. Такого дня не запомню.

СЕМЪ (истерпѣливо).

Разскажи-же, что ты видѣлъ.

БЕРМАНЪ.

Вы должны меня съ одного слова понять. Вы вѣдь смотрите въ книгу. Народъ волнуется, народъ дѣлаеть кулаками вотъ такъ! И вотъ такъ онъ тоже дѣлаеть, какъ левъ въ лѣсу. (Оскалилъ грозно зубы) И шумить. Вы слышали, какъ шумить вѣтеръ? Такъ онъ шумить: шшш, шшш!

СЕМЪ

(съ досадою).

Почему-же ты молчалъ? Поиду и я посмотрю.

ОСПЕСЬ (недовольно).

Съ ума сошли люди! Мало они мучатся! (Встаетъ) Ахъ, Берманъ, Берманъ! И вы тоже? Надо идти на молитву, — они идутъ съ молитвы. Ихъ задушать! Ну голодъ, смерть, кто виновать въ этомъ? Когда-то хоть и нехорошо было, а все-таки хорошо. Радовались—молились, и мучились—молились. Сидѣли въ комнатѣ, и смѣялись тихо, и плакали тихо. Вы тоже идете, Семъ? Зачѣмъ вамъ ходить? Берманъ пусть идетъ, о немъ нечего говорить. А вы, Семъ, человекъ. Вы почтенный человекъ.

СЕМЪ.

Сиди, старуха, и молчи.

БЕРМАНЪ.

Вотъ вамъ грошъ за ваши слова... (Разсмѣялся)

НАХОМА (уныло).

А мнѣ все равно. Пусть тамъ кричать, или пусть молчать, мнѣ все равно. Вѣдь то, что здѣсь кричить, лучше ихъ, громче. А кто слышитъ? Нѣтъ, мнѣ все равно. Пошщите только моего Мину.

(Открывается дверь, и на порогѣ показывается Гершель. Оглядываетъ всѣхъ. На головѣ у него по-прежнему сплюснутый цилиндръ. Дико вращаетъ глазами)

ГЕРШЕЛЬ.

Ха-ха. Ага, ха! Ага! (Хохочеть)

НАХОМА (испуганно).

Опять Гершель.

СЕМЬ

(съ гнѣвомъ).

Пошелъ отсюда. Убирайся, нечистый!

(Гершель поворачивается и уходитъ. Слышенъ его хохотъ. Оснесъ спѣшить за нимъ)

НАХОМА

(съ отчаяніемъ).

Теперь вижу, что я пропала.

СЕМЬ.

Подождите, Берманъ, я иду съ вами. Ничего не будетъ, Нахома. Не беспокойся. Я говорю: не беспокойся.

НАХОМА

(подходить къ Сему. Умоляющимъ голосомъ).

Дядя, вы будете ходить по улицамъ... Пошщите моего Мину. Вотъ вы уходите, и мнѣ кажется, что я

умру. Такъ мнѣ кажется. Сердце мое истекаетъ кровью отъ всего, дядя, отъ всего. Дѣти меня замучатъ. Если вы увидите Мишу, скажите ему моимъ голосомъ: вернись, Миша, вернись! Нахома уже не сердится на тебя. Она прощаетъ тебя... Нахома сидитъ и плачетъ по тебѣ... (Расплакалась)

СЕМЬ (растроганный).

Перестань, Нахома. Онъ вернется.

ПАХОМА

(кладетъ ему голову на плечо).

Дядя, дядя, вы видите... Онъ видитъ.

БЕРМАПЬ (отвернувшись).

Идете, Семъ?

НАХОМА

(подошла къ Берману)

И вы, Бермапъ, тоже. Вы добрый старикъ. Если услышите о Мишѣ, бросьте все и придите сказать мнѣ. Смотрите по сторонамъ, не пропускайте людей. Если увидите его, вѣшнитесь въ него, какъ я, и удержите. Скажите ему мягко, вотъ такъ: „Миша, твои дѣти голодаютъ и просятъ: хлѣба, хлѣба! а дома уже все продано. Нахома сидитъ вся не своя. Ничего не понимаетъ Пахома и что-то хочетъ сдѣлать. Отъ отчаянія, Миша. Ни во что она уже не вѣрится, Нахома. И вотъ, Миша, нужно, чтобы ты вернулся домой мужчиной твердымъ и добрымъ хозяиномъ семьи своей. Она ждетъ, Пахома... Такъ она ждетъ“...

БЕРМАПЬ

(слушаетъ, опустивъ голову).

Хорошо, хорошо. Я возьму съ собою палку. Семъ. Идете? Гдѣ моя палка?

С Е М ь.

Я готовъ. Твоя палка въ углу

(Берманъ достаетъ палку, и оба выходятъ. За ними выбѣгаетъ Давидъ. Нахома подходитъ къ окну. Приложилась лбомъ къ стеклу и выглядываетъ на улицу. Доносится глухой шумъ. Бетъка пугается)

В Е Т ь К А

Что это, мать? Какъ будто кричатъ или поютъ?

Н А Х О М А.

Пусть кричатъ.

(Стоитъ въ скорбной позѣ и прислушивается. На лицѣ появилось выраженіе испуга. Какъ будто мелькнула тяжелая мысль. Она машетъ руками, чтобы отвязаться отъ нея. Входитъ Симонъ. Видъ у него разстроенный. Не здороваясь, ревнивымъ взглядомъ осматриваетъ комнату Тяжело вздохнулъ)

С И М О Н ь

(неестественно громкимъ голосомъ).

Ихъ нѣтъ здѣсь!

Н А Х О М А (очнувшись).

Вы меня испугали, Симонъ. Что съ вами? Какъ вы шапку надѣли?

С И М О Н ь

(нетерпѣливо машетъ рукой).

Только-что видѣлъ ихъ вмѣстѣ въ толпѣ и потерялъ. Мнѣ казалось, что они шли сюда. И смѣялись, смѣялись, смѣялись!

НАХОМА.

Вытрите лицо, оно въ грязи.

СИМОНЪ.

Надо мною.... (Проводить рукой по лицу) Я бѣжалъ, на улицахъ грязно.... Я бѣжалъ! А толпа раздѣлила насъ. Отбросила меня толпа.

НАХОМА.

Я не знаю, о комъ вы говорите. О Мирѣ?

СИМОНЪ (возбужденно).

Я говорю о немъ и о Мирѣ. Чего онъ хочетъ отъ нея? Подлый онъ человѣкъ! Безчестный человѣкъ! Что ему нужно отъ меня? Скажите, что? Вы сами говорили, что Мирѣ не надо лучшаго желать. Я ждалъ годъ, другой.... Теперь все перевернулось изъ-за него. Почему вы впустили его къ себѣ? На васъ буду плакаться.

НАХОМА

(умоляюще и съ тревогой).

Приходите, Симонъ, въ другой разъ. Голова моя заботой занята. Вы будете рассказывать о любви, а я разсмѣюсь. Еще существуетъ любовь, еще люди чувствуютъ...

СИМОНЪ.

Не говорите,—надоѣло! Всюду слышу одно: нѣтъ работы, голодъ, и что еще слышу! Но вѣдь одними жалобами на голодъ нельзя жить. Душа проситъ своего. Кровь горитъ, мозгъ горитъ. Вы были моей защитницей, Нахома. Почему же вы теперь молчите? Или онъ вамъ тоже нравится? Я рѣдко ее вижу.... Почему это? Почему она избѣгаетъ меня? Я хочу знать, за что? Если я

виновать, пусть скажетъ, въ чемъ. (Взволнованно) И терпѣннѣе кончается. Она не хочетъ меня выслушать, а у меня такъ накипѣло за эти два мѣсяца! Бѣшенство меня душитъ.

П А Х О М А .

Успокойтесь-же, Симонъ.

С И М О Н Ъ (слѣпо).

Я не хочу больше терпѣть, я не могу. Здѣсь прольется кровь. Если бы не этотъ подлый, грязный человѣкъ, она вышла бы за меня. Она бы полюбила меня. Откуда-же онъ взялся? (Свирѣпо) Здѣсь прольется кровь

П А Х О М А .

Возьмите-же себя въ руки, Симонъ. Какъ вы его ненавидите. И такъ любите ее? Такъ крѣпко?

С И М О Н Ъ .

Я умираю за нее. Разорвалъ бы себя, такъ люблю ее.

П А Х О М А (исбѣжденная).

И мнѣ это что-то напомнило. Я вѣдь не любила Мину, когда выходила за него.

С И М О Н Ъ (прислушивается).

Бьется мое сердце. Вѣроятно, она недалеко. Я всегда чувствую, гдѣ она. (Оглядывается и прислушивается) Я дѣлаюсь тихимъ. При ней я не могу кричать. А иногда хочется поднять руку и убить ее и себя. (Уныло) Если бы кто-нибудь могъ меня вылѣчить...

П А Х О М А

(съ грустью и просто).

Я тоже такъ любила когда-то.

СИМОНЪ.

Тоже? (Удивленный и растроганный) Въ самомъ дѣлѣ?

НАХОМА.

Онъ ушелъ въ солдаты... (Опускаетъ голову) И... не вернулся оттуда....

СИМОНЪ (съ чувствомъ).

Бѣдная вы! И я бѣдный, Нахома. Душа горить, а словъ нѣтъ. По ночамъ не сплю. Лягу въ кровать и думаю до утра: еще нѣтъ со мной ея, еще нѣтъ ея, еще нѣтъ Миры? Отъ гнѣва плачу, какъ ребенокъ. Нѣтъ у меня Миры! Иногда стану у окна и смотрю на улицу: душа ноетъ,—нѣтъ Миры. И бѣгу изъ дому. Куда? Сюда бѣгу. Хожу и смотрю на окно: хоть бы огонекъ ея увидѣть.

(Нахома киваетъ головой. Пауза)

НАХОМА.

Въ жизни все такъ: ты идешь направо, а счастье идетъ слѣва. Ты идешь налево, несчастье тоже идетъ слѣва.

СИМОНЪ.

Это правда. Сажу дома и думаю. Скриплю зубами и думаю: если не мнѣ, такъ никому. Никто не коснется Миры. Или прольется кровь. На-дняхъ я ей сказала: Мира, земля залется кровью! „Я хочу увидѣть кровь“, вотъ что она мнѣ отвѣтила. Скажите, Нахома, вы дѣти одной матери? Почему-же вы—другая? Раньше я думалъ, что всего можно добиться терпѣниемъ. Можетъ быть, нужно требовать? Сказать громко, вотъ такъ: мое! Схватить за косы, обвить ихъ вокругъ руки и потащить ее за собой?

НАХОМА

(испуганная его голосомъ и движеніемъ).

Прошу васъ, Симонъ. Не теряйте головы

с и м о н ъ (мрачно).

Что-же мнѣ дѣлать? Смѣяться теперь трудно, никогда я не буду больше смѣяться... Скажите, она любить Габая? Признайтесь мнѣ.

н а х о м а.

Не знаю, навѣрно не знаю.

с и м о н ъ (съ испугомъ).

Можетъ быть, любить. Если да, то почему? Или онъ красивѣе меня? Или покорнѣй? Или лучше меня зарабатываетъ? Скажите, что онъ лучше меня, и я уйду.

н а х о м а.

Онъ смѣлъ. Мира какъ-то сказала мнѣ: „вотъ хозяйинъ жизни!“

с и м о н ъ (вскочилъ).

Она это сказала? Повторите,—какъ она сказала? Хозяинъ! Какой онъ хозяйинъ—этогъ нищій. Подбивать народъ значить быть хозяиномъ? О комъ вы говорите, Нахома? Вѣдь этихъ нужно убивать, какъ бѣшенныхъ собакъ. Говорить подлыя слова и сводить людей съ пути дѣло честнаго человѣка? И вѣдь это нравится, вотъ что меня бѣситъ. Почему это нравится? Проклятыя, проклятыя слова...

н а х о м а.

Слова хороши, вотъ что говорить Мира. Они складываются и такъ, и иначе. Они шепчуть, они трубятъ...

с и м о н ъ (съ мольбой).

Поговорите вы съ ней. Можетъ быть, вы меня спасете. Попросите ее крѣико или закричите. Я даю чест-

ное слово, что ей будетъ хорошо у меня. Не можете? Куда-же мнѣ пойти теперь? Гдѣ ее искать? А въ городѣ спокойно, и не до людей мнѣ!

ПАХОМА

(вспомнила о своей заботѣ).

Вы не встрѣтили моего Мину въ городѣ?

СИМОНЪ.

Нѣтъ. Толпы рабочихъ я встрѣчалъ. Страшно теперь на улицѣ! (Вдругъ) Она гдѣ-то близко здѣсь.

(Доносятся крики и стихаютъ)

ПАХОМА.

Что это? (Подбѣгаетъ къ окну) Вы слышите, вы слышите?

СИМОНЪ.

Это рабочіе!

ПАХОМА

(суетливо набрасываетъ на себя шаль).

Я должна пойти посмотрѣть, что тамъ. Вы идете, Симонъ? Дѣти, тихо сидѣть!

СИМОНЪ.

Пойду пощу ее.

(Опять доносится шумъ смѣшанныхъ голосовъ, криковъ. Оба торпливо выходятъ. Слышно, какъ бѣгутъ по корридуру. Открывается дверь, и входитъ сосѣдка. Оглядываетъ комнату и быстро выходитъ. Бетъка съ дѣтьми подбѣжала къ окну. Гулъ постепенно стихаетъ. Раздается шумъ шаговъ въ корридорѣ. Входятъ Мира и Габай. Бетъка радостно вскрикиваетъ).

М И Р А
(разочарованно).

Никого нѣтъ дома?

Г А В А Й.

Вѣроятно, они вышли на улицу. (Видимо, усталъ. при-
сѣлъ на скамейкѣ)

М И Р А
(подходить къ дѣтямъ и цѣлуетъ ихъ).

Гдѣ мать, Бетька?

Б Е Т ь К А.

Только-что вышла. Ты ее не встрѣтила? А мы бо-
имся... кричатъ!

Г А В А Й.

Сейчасъ васъ развеселю. Давайте-ка играть.

Б Е Т ь К А.

Ты только умѣешь обѣщать. Я вижу, что ты уходишь.

Г А В А Й.

Конечно, уйду. (Смѣется) Вотъ весело, что надо
уходить!

Б Е Т ь К А.

А миѣ не нравится...

М И Р А (къ Бетькѣ).

Никого здѣсь не было?

Б Е Т ь К А.

Симонъ былъ. Онъ выпелъ съ матерью. И такое го-
ворилъ... нѣтъ, я не скажу, что онъ говорилъ.

МИРА.

Симонъ. (Морщится) А отецъ вернулся?

ВЕТЬКА (грустно).

Отца все не было. Мать плакала.

МИРА

(съ безпокойствомъ).

Видишь, Габай, Миша не приходилъ. Что это значить? Навѣрно, съ нимъ несчастье случилось. А ты меня успокаивалъ. Я говорила, что нужно зайти сюда.

ГАБАЙ.

Что-же мы выиграли отъ того, что я тебя послушалъ?

МИРА.

Ничего... Нѣтъ, выиграла. Буду ходить съ неспокойнымъ сердцемъ. (Серьезно) Вотъ несчастная жизнь, проклятая! То заболѣетъ кто-нибудь, то умереть.

ГАБАЙ.

Не жалуйся, Мира. Теперь не жалуйся.

МИРА.

Я не жалуясь... Это другое...

ГАБАЙ (недовольно).

Что другое?..

МИРА.

Что-то. Не качай головой! Я открываю тебѣ свою душу... Вотъ тамъ... на улицѣ идешь и тысячи шаговъ стучать въ твоемъ сердцѣ. Что-то благородное душишь тебя. Разорваться хочется. Цѣловать всѣхъ хочется. И улыбаться... Толпа сидитъ въ душѣ..... судьей казалась

миѣ толпа. (Съ силой) Дѣла довольно! Правда! Но вѣдь это дѣло—дитя проклятой жизни...

Г А В А Й
(перебиваетъ ее)

Ахъ, Мира...

М И Р А.

Пу воть... Нѣтъ, ты подумай. Какое благородное дѣло можетъ быть безъ проклятой жизни? Какое? Такъ благословлять эту проклятую жизнь? А безъ нея—сиди и бейся въ окошко. Вотъ что меня мучить. И думаю, а нѣтъ ли чего-нибудь другого, кромѣ проклятой жизни и дѣла? Можетъ быть, есть? Можетъ быть, нужно уйти въ сторону, и вдругъ откроется дверь куда-то, другая дверь... (Обрываетъ и смотреть на него растерянно) Чего же я хочу?

Г А В А Й.

Опять вопросы? Развѣ теперь время? Непонятная ты дѣвушка, Мира, неуловимая! Благословлять проклятую жизнь. Зачѣмъ? Надо выйти на ровную дорогу, а тамъ мы обо всемъ подумаемъ. Дана проклятая жизнь, надо сдѣлать, чтобы ея не было. Это раньше всего. Уничтожимъ ее! Развѣ ты сегодня не видѣла, какъ орелъ управляетъ крылья? Развѣ ты отсюда не слышишь, какъ народъ беретъ въ руки свои цѣпи? Вотъ правда, вотъ прекрасная правда. Она потрясаетъ меня, тебя, всѣхъ насъ...

М И Р А
(уже увлечена).

Говори, говори! (Смотрить на него съ восторгомъ)

Г А В А Й
(обнимаетъ и цѣлуетъ ее)

Дорогая моя Мира!

С. Юшкевичъ. Голодь

МИРА

(вдругъ холодно).

Нѣтъ, говори, говори... Почему ты всегда прерываешь себя?.. Эти слова и поцѣлуй! Поцѣлуй!! Зачѣмъ они? Говори... опять! Скажи: я люблю тебя? Ты цѣлуешь, а я спрашиваю, люблю ли я тебя? Иногда замираешь... и вдругъ что-то не нравится. У тебя тоже такъ?

ГАБАЙ.

Миѣ всегда нравится...

МИРА.

А миѣ нѣтъ. (Въ отчаяніи) И никогда я не полюблю? Когда ты говоришь о будущей жизни, я тоже замираю... и не нравится... въ концѣ. Но страшно, когда ты цѣлуешь. Не цѣлуй, когда говоришь. Къ чему это? (Обрываетъ и угрюмо) Нѣтъ, это не то. Почему, Габай, нѣтъ словъ, чтобы можно было все, все сказать? Всегда что-то остается... самое важное, самое нужное. Я цѣню тебя и все же миѣ страшно, когда ты говоришь: моя. Ты только-что сказалъ—моя. Нѣтъ, я не твоя... Я чья ты, но не твоя!

ГАБАЙ.

Почему же не моя?

МИРА.

Вотъ этого ты не можешь понять... Не твоя! (Вдругъ страстно цѣлуешь его)

ГАБАЙ.

Ничего я не понимаю.

МИРА.

Ты не можешь понять. (Шопотомъ) Зовешь меня

кто-то, что-то!.. Можетъ быть, и полюбила тебя за то, что ты... (Смѣется) Смѣло, впередъ, — рабочій народъ! Это ошняетъ, какъ вино! (Устало) Это всѣмъ кружить голову. Всѣмъ голоднымъ, угнетеннымъ оно кружить голову, и слова рождаются, и кулаки сжимаются, а когда кругомъ оглянешься, думаешь, — хорошо, что у насъ есть такія слова, что у всѣхъ кулаки сжимаются. У всѣхъ!.. (Произносить это слово съ сдержаннымъ презрѣніемъ) А я чего хочу? Подведи меня къ окну и сбрось на улицу. (Замученнымъ голосомъ) Ну, не сердись... я люблю тебя. (Заплакала. Она цѣлуетъ ее)

Б Е Т ь К А

(захлопала въ ладоши).

Габай цѣлуетъ Миру!

Г А Б А Й.

Тебѣ нужно взять себя въ руки. Я, право, не понимаю тебя. Зачѣмъ мучить себя, когда все такъ ясно. Посмотри: вотъ будущее! (Подходить къ окну) Смотри: идутъ наши братья. Они несутъ справедливость!

М И Р А

(прерываетъ его).

Жизнь кругомъ страшная, это правда, Габай. Но будущее!.. Скажи—сегодня, сейчасъ, и я отдамъ за него свою жизнь. Вѣрь, сейчасъ бы дала замучить себя на смерть, лишь бы стало свѣтло, справедливо, лишь бы всѣ эти дома исчезли и несчастные люди пропали, лишь бы у всѣхъ было вволю хлѣба и чистая одежда. (Въ раздумьи) И въ концѣ это кажется скучнымъ... (Шоры-висто) Чего-то другого хочетъ душа... но отдала бы себя. Но... поскорѣе бы, поскорѣе бы! Вотъ змѣя, медвѣдь, дикіи быкъ... Они бѣшеные, они опасные. Можно взять топоръ и убить ихъ... сейчасъ же.

ГАБАЙ

(нетерпѣливо и сейчасъ же мягко).

Сейчасъ!.. Да, сейчасъ... Взгляни на улицу! (Умояюще)
 Не спрашивай теперь... Дѣло въ людяхъ, въ ихъ страда-
 ніяхъ, въ ихъ проклятомъ невѣжествѣ, въ прокля-
 тыхъ чувствахъ рабовъ... Надо раскрыть имъ глаза и
 повести ихъ. Вотъ задача! Врагъ сильный: столѣтіями
 накоплялъ онъ силу, тысячелѣтнія силы сидятъ въ
 немъ. Неизмѣримо страшенъ врагъ, а мы только под-
 нимаемъ голову. Не спрашивай...

МИРА

(съ порывомъ).

Мнѣ хочется отдать свою жизнь. Мнѣ это кажется
 прекраснымъ, необыкновеннымъ. Необыкновенное хочу
 я сдѣлать. Пусть всѣ стануть счастливы, а мнѣ стра-
 дать вѣчно,—согласна! Всѣхъ освободить своей жертвой
 я согласна, но сейчасъ! Но чтобы не ждать, не томиться.
 Веди меня, укажи мнѣ... (Га бай въ отчаяніи машетъ руками)
 Ну, не сердись, можетъ быть, я не понимаю.

ГАБАЙ.

Ахъ, съ тобой трудно сладить. (Хочетъ взять ее за руку)

МИРА

(прячетъ свою руку, холодно).

Не надо! (Сейчасъ же горячо) Возьми, возьми!

ГАБАЙ.

Такъ идемъ...

(Входитъ Симонъ Онъ блѣденъ
 отъ гнѣва. Говорить запыхаясь)

СИМОНЪ.

Ага, ты здѣсь... съ нимъ! Я зналъ, что найду тебя.
 (Га бай подходитъ къ Бетькѣ и
 садится возлѣ нея на кровати)

СИМОНЪ.

А теперь ты опять уходишь?

МИРА.

Какое тебѣ дѣло?

ГАБАИ

Мира, иди, такъ иди. (Доносится гулъ толпы) Бетька, слышишь, что на улицѣ дѣлается? То наши братья. Повтори-ка!

БЕТЬКА.

На улицѣ наши братья...

СИМОНЪ (съ удареніемъ).

Ты не пойдешь, Мира. Я не хочу, чтобы ты пошла. Съ силой) Никогда не будетъ этого, если я не хочу.

МИРА (разсмѣялась).

Я пойду.

СИМОНЪ.

Мира!

МИРА

(полу-оборачивается).

Что тебѣ пужно отъ меня?

СИМОНЪ

(вдругъ, тихо).

Я хочу два слова сказать тебѣ. Только два слова.

МИРА.

Говори, но поскорѣе.

СИМОНЪ.

Скажи ему, чтобы онъ вышелъ. Я хочу, чтобы никто не слышалъ. Я могу только тебѣ сказать.

МИРА (колблет я).

Габай, ступай внзъ и подожди меня у воротъ...

ГАБАЙ.

Ты знаешь, Мира... Ну, хорошо! Только не засиживайся.

(Выходить. Симонъ поухолъ Габая беретъ Миру за руку. Она вырываетъ е. Отходить отъ него)

СИМОНЪ

(шопотомъ и съ мольбой).

Вотъ ты вырвала руку, а когда-то ты позволяла цѣловать себя. (Страстно) Радость моя, радость! Я уже не сержусь. Мы вдвоемъ.... одни.

МИРА (разсѣянно).

Ну, знаю! Любовь.... (Нетерпѣливо) Говори же, мнѣ некогда.

СИМОНЪ.

Куда тебѣ спѣшить? На улицѣ неспокойно. Народъ разгоняютъ силой.....

МИРА

(поворачивается, чтобы уйти).

Тебѣ нѣтъ дѣла.

СИМОНЪ

(перерѣзаль ей дорогу).

Мира! (Глухо) Вѣдь я вотъ такъ сдерживаю себя.

М П Р А.

Можешь не сдерживать.

С И М О Н Ъ.

Что же ты имѣешь противъ меня? Какое зло я тебѣ сдѣлалъ? Ты смотришь по сторонамъ, тебѣ скучно. Но вѣдь я рассказываю тебѣ о своей несчастной душѣ. Вспомни, сколько я перенесъ ради тебя. Вотъ ты стоишь каменная, а у меня вѣдь сердце сжимается отъ радости, что вижу тебя. Не смотри такъ на меня. Мнѣ два слова нужно сказать тебѣ.

М П Р А

(съ сожалѣніемъ оглядываетъ его)

Ты всѣ слова знаешь, кромѣ одного.

С И М О Н Ъ (съ жаромъ)

Зачѣмъ тебѣ слова? Я люблю тебя, — это лучшія слова. Подумай, чтѣ у меня за жизнь теперь. Я здоровый. Мои руки хотятъ работы, тѣло ноетъ отъ бездѣлья, а я отъ всего отбился. Я весь ослабѣлъ... (Торопливо) Ты сказала мнѣ: жди!

М П Р А.

А теперь не надо больше ждать.

С И М О Н Ъ.

Не говори такъ... Ты сказала: жди, и я ждалъ. (Съ горечью) Вотъ и дождался. А я вѣдь ничего дурного не сдѣлалъ тебѣ.

М П Р А.

Это правда, но ты любишь меня.

С И М О Н Ъ.

Но развѣ онъ не любить тебя? Почему ты мнѣ такъ

отвѣчаешь? Вотъ только съ нимъ тебя видятъ. Помнишь, я говорилъ тебѣ: обойдетъ тебя Габай и посмѣется. Покажетъ онъ себя.

МИРА.

Ты ничего не понимаешь.

СИМОНЪ.

Сердце мое понимаетъ. Я простой, это правда, но понимаю. Какъ-то само понимается. Подумай, Мира, на кого ты меня промѣняла. Развѣ онъ лучше меня? Можетъ быть, сильнѣе? Я сильнѣе его въ десять разъ. Я могу его вотъ такъ согнуть. Я и какъ работникъ лучше. Чѣмъ же онъ взялъ тебя? Вѣдь сегодня онъ здѣсь, завтра тамъ, беспокойный человекъ какой-то и безъ жалости бросить тебя, когда ему нужно будетъ! Кому ты можешь быть дорога, какъ мнѣ? Никому, Мира, никому, клянусь тебѣ...

МИРА (вспыхнула).

Бросить? Я тоже могу его бросить. Развѣ я люблю его? Его! (Не знаетъ, какъ выразить, что чувствуетъ) Его? Вотъ плохая земля, Симонъ. Я стою на ней и вижу прекрасную землю... Я хочу къ ней. Какъ пройти туда? Черезъ мостъ, Симонъ, черезъ мостъ.

СИМОНЪ.

Этого я не понимаю, Мира.

ВЕТЬКА

(вдругъ, громко).

Габай цѣловалъ Миру.

СИМОНЪ

(быстро оборачивается).

Что она сказала? (Схватилъ Миру за руки) Это правда? Что же ты, Мира, со мной дѣлаешь?

МИРА (смущенно).

Ну да, цѣловаль.

СИМОНЪ.

Какъ же онъ смѣлъ! Ты вѣдь не хотѣла. Скажи, что ты хотѣла, и я пойду внизъ и убью его. Убью!.. Скажи слово—жизнь мнѣ не дорога. Ну, скажи-же,—цѣловаль? Тебя онъ касался? (Рѣшительно) Ну хорошо, хорошо. Теперь я знаю, что мнѣ нужно сдѣлать съ собой...

МИРА (холодно).

Ты умрешь? Тѣмъ лучше... Кто не можетъ, пусть умираетъ! Если бы я не могла!..

СИМОНЪ.

Теперь приду домой и расплачусь! Я увижу свои стѣны и расплачусь. Зачѣмъ я буду стоять у окна, когда нѣтъ Миры? Лягу спать и не скажу себѣ больше: завтра пройдуся по улицѣ, гдѣ живетъ Мира, когда нибудь она будетъ моею женою... Свою улицу увижу и расплачусь.

МИРА.

Развѣ я виновата? Я жалѣю тебя... Нѣтъ, не жалѣю. Я какъ-то не думаю о тебѣ. Такъ случилось... Что твое несчастье и что мое счастье? Мы всѣ тутъ бьемся. Я одного хочу, ты другого, каждый думаетъ о своемъ—мы рвемся куда-то... Я завидую тебѣ, Симонъ. Тебѣ нужна Мира,—какъ легко, если хочешь только Миру. Но мнѣ-то что нужно? Мнѣ-то! Да, Габай! Но вѣдь хочется другого, необыкновеннаго. И я недовольна, нѣтъ, я несчастна.

СИМОНЪ

(съ недоумѣніемъ и нѣжно).

Ты всегда была странной дѣвушкой, Мира. Никому не понять тебя.

МИРА.

Ступай, Симонъ, домой. Ты долженъ меня забыть. У тебя есть терпѣніе. Заставь себя! Я совсѣмъ не то, что ты думаешь. Ни къ чему меня нельзя приручить, — ни къ мужу, ни къ семьѣ, ни къ дѣтямъ. Въ одинъ день я все разорву и улечу. И туда полечу, и сюда полечу. (Вдругъ, серьезно) Народъ ворчитъ на улицѣ! Если бы ему нужна была моя жизнь! Благословила бы ихъ и поцѣловала бы свою смерть.

СИМОНЪ

(упавшимъ голосомъ).

Значить, все пропало! О Мира, какъ хорошо все-таки, что убьетъ меня не голодъ, не болѣзнь, не старость, а ты! Мнѣ хочется поцѣловать тебя за это. Позволь мнѣ на прощанье поцѣловать тебя. Я не сержусь, я покоряюсь, Мира. Ты всегда была сильнѣй меня, и я любилъ, что такая молоденькая вертитъ такимъ большимъ, какъ я. Я гордился... Я говорилъ себѣ: у меня будетъ жена съ головой. Всякій скажетъ: какая умница жена Симона. Ну, ничего, я не сержусь; я, кажется, успокоился. Дай мнѣ обнять тебя. Посмотри на меня нѣжно, какъ нѣкогда смотрѣла.

МИРА.

Стань мужчиной! Стань имъ. Не можешь? Что я для цѣлаго человѣка? Не можешь? Такъ много значить любовь для человѣка?

СИМОНЪ.

Прощай, Мира. Я иду теперь домой и до вечера буду думать о тебѣ. А потомъ? Сердце мнѣ скажетъ, что потомъ...

МИРА.

Ты развѣ не чувствуешь, какъ душа моя плачетъ? Ну, что же? Можетъ быть, такъ и нужно. Можетъ быть,

наступить другая жизнь, этого не будетъ... Или будетъ?
Иди, Симонъ... Иди! (Симонъ цѣлуетъ ее)

БЕТЬКА.

Симонъ цѣлуетъ Миру! (Хлопаетъ въ ладоши. Симонъ быстро уходитъ)

МИРА

(стоитъ въ раздумьи, махнула рукой).

Ну что, Бетка?

БЕТЬКА.

И Габай цѣловаль тебя, и Симонъ. Это стыдно.

МИРА.

Мнѣ, Бетка, не стыдно. Мнѣ только больно, мнѣ ужасно больно.

(Собирается уйти. Входятъ Габай, Нахома и Берманъ. Нахома садится на кровать. Дѣти ласкаются къ ней. Она ихъ отстраняетъ. Опустила голову, словно не видитъ, не знаетъ, что вокругъ нея происходитъ)

ГАБАЙ.

Ты заставила меня долго ждать, Мира. Я потерялъ терпѣніе.

МИРА (вздыхнула).

Иду уже.

БЕРМАНЪ.

Только-что Симонъ пробѣжалъ мимо насъ. Совсѣмъ сумасшедшій... Я позвалъ его: Симонъ, Симонъ, — онъ даже не оглянулся. Охъ-ой-ой! Что-то онъ мнѣ не понравился. Какъ этотъ день, не понравился.

МИРА.

Не придетъ больше Симонъ сюда!

(Нахома подняла голову и сейчасъ же опустила ее)

ГАБАЙ

(все стоитъ у дверей. Нетерпѣливо).

Мира!

МИРА.

Сейчасъ, сейчасъ. (Къ Нахомъ) Вотъ у меня мелочь... Купишь хлѣба!

НАХОМА.

Что? мелочь? Ну хорошо, дай Берману.

БЕРМАНЪ.

Хлѣбныя заперты вездѣ. Не до торговли теперь.

НАХОМА (устало).

Если, Мира, увидишь Мину гдѣ-нибудь, — скажи ему... скажи ему... (Готова заплакать. Сдерживается)

БЕРМАНЪ.

Посидѣла бы ты дома, дѣвушка... Берманъ говоритъ, что лучше сегодня дома посидѣть. Охъ-ой-ой. Что-то еще будетъ? Старые люди знаютъ, что будетъ, а молодые не видятъ. Буря пройдетъ и опять станетъ тихо, а въ домахъ будутъ плакать, не досчитаютъ всѣхъ. Охъ-ой-ой, жизнь наша темная. Ты послушай, что на улицѣ уже рассказываютъ!..

МИРА.

Пусть рассказываютъ. (Идетъ къ дверямъ. Габай вышелъ первымъ) Что тамъ за шумъ?

(Всѣ прислушиваются къ звукамъ, идущимъ изъ коридора. Мира и Габай начинаютъ отступать изъ комнату. Двое сосѣдей ведутъ по рукамъ Мину, который безсмысленно озирается. Нѣсколько сосѣдо-

сопровождаютъ ихъ. Нахома повернула голову и подозрительно всматривается)

НАХОМА.

Кто это тамъ? (Громко и испуганно) Кого это везутъ?
(Съ воплемъ) Кто это? (Дѣти подняли плачъ)

ПЕРВАЯ СОСѢДКА.

Это Мина. Его привезли сюда.

НАХОМА

(радостно вскрикиваетъ).

Мина! Мой мужъ! Дѣти, молчать! (Подбѣгаетъ къ нему и вдругъ начинаетъ отступать. Недовѣрчиво осматриваетъ его) Нѣтъ, это не мой Мина!.. Мой Мина вышелъ здоровымъ, крѣпкимъ. Сердитымъ вышелъ мой Мина.
(Пронзительно крикнула)

МИНА

(слабымъ голосомъ).

Свалился я, Нахома... Отъ голода!..

ВТОРАЯ СОСѢДКА.

Добрые люди подобрали его на улицѣ.

БЕРМАШЪ

(подходить къ нему. Подбоченился).

Что съ вами, Мина? Гдѣ вы пропадали? Хорошихъ дѣлъ вы натворили. Нахома, надо положить его.

НАХОМА.

Что? (Крикнула) Положить? Кого? (Къ сосѣдамъ) Зачѣмъ вы привели его сюда? Что? Мой мужъ? Какой онъ мнѣ мужъ? У меня мужъ былъ здоровый. Ведите его туда, откуда взяли. Какъ вы смѣли привести сюда

еще одного голоднаго. Возьмите его,—онъ мнѣ не жепъ. Я искала Мишу, Мину!

МИНА

(гизимъ голосомъ).

Нахома, (дрожить) Нахомочка... Куда же ты мспл гонишь? Теперь! Ослабѣлъ я, Нахома, пропаль я!

МИНА (возмущенно).

Съ ума ты сошла, Нахома? (Къ сосѣдямъ) Положите его на кровать. Габай, есть у тебя деньги? Надо сейчасъ же затопить. (Береть Мину за руку) Онъ горить,—онъ простудился!

НАХОМА.

Простудился! Какъ же онъ смѣлъ придти сюда? (Къ Минѣ) Почему ты пришелъ? Почему, почему?

МИНА (умоляюще).

Нахомочка, жена моя, дай мнѣ сказать. Я хотѣлъ придти только съ хлѣбомъ, я свалился.... Три дня я кусочка хлѣба не видѣлъ.... (Дрожить. Стучить зубами) Холодно мнѣ.

НАХОМА (неумолнно).

Ничего не хочу знать... Что же это за жизнь такая... Уходи, откуда пришелъ. (Отходить отъ него)

ГАБАЙ.

Перестаньте ссориться. Что вы за люди! (Береть его подъ руки, подводитъ къ кровати и устраиваеъ на ней) Вотъ вамъ, Бермаиъ, деньги. Принесите угля. Затопите. Заварите чай. (Къ сосѣдямъ) А вы уходите-ка отсюда, Нечего вамъ здѣсь смотрѣть.

(Сосѣди киваютъ головами и выходятъ)

НАХОМА.

Чай? (Подходить къ Минѣ) Чаю тебѣ дать? А саванъ?
(Къ Габая) Что это вы задумали? Ядъ ему нужно дать!
Ничего не имѣла отъ него въ жизни. Обманулъ онъ
меня во всемъ. А что онъ мнѣ общалъ?

МИНА (дрожить).

Развѣ можно теперь говорить со мной объ этомъ?

НАХОМА.

О чемъ можно? Скажи—о чемъ? День у меня былъ
ли хорошій за эти двѣнадцать лѣтъ? Ты портился, я
портилась. Голодъ, голодъ, голодъ, вотъ что я помню...
Ссоры и голодъ! Ругань. Дѣтей рожала, дѣти умирали.
Ругань! Голодъ! Потомъ водка. Несчастливая я!... Помнишь,
когда ты первый разъ пьянымъ пришелъ? Я сказала
тебѣ: теперь, Минна, мы пропали; ничто уже насъ не
спасетъ, а ты смѣялся....

МПРА.

Оставь его, Нахома. Не мучь несчастнаго.

МИНА

(съ трудомъ произносить слова).

Я отъ голода сталъ пить. Вѣрь, Нахома, что отъ
этого, отъ отчаянія, клянусь!

(Хочетъ подняться и падаетъ назадъ)

НАХОМА.

Плакала я тогда. Уткнулась въ подушку и думала:
прибралъ бы уже меня Богъ съ дѣтми къ себѣ.

МИНА

(протягиваетъ къ ней руки).

Добрая жена моя, Нахома.

НАХОМА.

Зачѣмъ же ты пришелъ сюда? Пожалѣлъ бы насъ и не пришелъ. Ты намъ не нуженъ. Когда уже и руку поднялъ на меня... (Дико вскрикнула) Ты убѣжалъ! Ты думалъ, что побѣгу искать тебя, стонать буду? Стану рвать на себѣ волосы и кричать: гдѣ мой дорогой Мина, гдѣ мой хлѣбодатель?

МИРА.

Ты должна же перестать когда-нибудь, Нахома, прошу тебя.

НАХОМА (въ ошьяненіи).

Убрайся съ совѣтами! Я о своей жизни кричу, я о своей боли кричу, послѣднимъ голосомъ я кричу. Что у меня была за жизнь? Двѣнадцать лѣтъ я падала внизъ и все царапалась вверхъ!.. Разбивалась я, Габаи! Работала, рожала, мучилась, а жизнь все криво шла. Все криво! Уйди съ совѣтами! Уйдите всѣ съ совѣтами. Это сокровище вамъ дорого, возьмите его съ собою, все возьмите. Возьмите дѣтей, все, все!... (Сбрасываетъ съ кровати дѣтей, подушку, одѣяло)

ГАБАИ

(подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее за руки).

Она съ ума сошла! Мира, помоги мнѣ ее удержать.

НАХОМА

(въ изступленіи вырывается).

Берите все, ничего мнѣ не нужно! (Дико всматривается. Тяжело дышетъ. Ваглядъ ея падаетъ на окно. Подбѣгаетъ къ окну и неистово стучить въ него) Вотъ виновникъ! Проклятый городъ, ты виновата въ моей жизни. Развались, разсыпсья! Залуши людей въ твоихъ домахъ

своими камнями! Ихъ проклиная!... Всѣхъ сидящихъ въ теплѣ и сытыхъ—проклиная! Властныхъ проклиная! Холодныхъ, довольныхъ, сидящихъ на нашихъ спинахъ—проклиная.... Ихъ жениховъ, ихъ невѣсть, ихъ родильницъ!... Ъдящій пусть подавится! Богатый пусть умретъ, гдѣ стоитъ, лежитъ или ходитъ! .

(Обрываетъ и падаетъ въ изнеможеніи. Дѣти окружили ее, кричатъ)

М И Н А

(повернулся къ ней лицомъ. Стараются сойти съ кровати и не можетъ).

Нахомочка, что съ тобой? Или ты хочешь, чтобы я сейчасъ же умеръ? Чтобы сердце мое разорвалось? Нахома, у меня темнѣетъ въ глазахъ!

Г А Б А Й

(бросается къ нему).

Мира, помоги ей! Мы ее сейчасъ поднимемъ. Мина, придите въ себя. Дѣти, не кричатъ! (Смотритъ на Мину и на Нахому) Несчастные, несчастные люди, несчастныя жертвы. Видишь, Мира, запомни эту минуту! Напсй гнѣвомъ свое сердце. Зажги ихъ виномъ свою ненависть и пусть она никогда не потухнетъ. Нахома проклинала, —она нашла врага.... Сердце ей сказало: вотъ онъ!...

М И Р А.

Да, это онъ... (къ Нахому) Нахома, вставай, успокойся. (Растерянно) Развѣ я знаю, чѣмъ ее утѣшить? Утѣшеніе! (Габай помогаетъ поднять Нахому. Она приходитъ въ себя и тихо начинаетъ плакать. Ее подводятъ къ кровати и усаживаютъ на ней)

М И Н А (съ тоской).

Нахомочка, дѣточки мои....

С. Южневичъ. Голодъ.

ГАВАЙ (къ Мирѣ).

Утѣшеніе! Здѣсь нѣтъ утѣшенія. Оно тамъ! Мы принесемъ его... (Нахома плачетъ. Га бай растроганно) Придетъ день, и мы начнемъ перелистывать книгу страданій... И тамъ мы прочтемъ о Нахомѣ! И мы не поймемъ, мы не повѣримъ, было ли оно такъ!

МИРА.

Томлюсь я... О, если бы поскорѣе этотъ день наступилъ! Не перевернется ли міръ до того, не потухнетъ ли солнце, не превратимся ли мы въ звѣрей? О, если бы поскорѣе!

(Отчетливо слышится пѣніе рабочихъ. Га бай подбѣжалъ къ окну. Мира прислушивается)

МИРА.

Меня что-то поднимаетъ. (Съ увлеченіемъ) Идемъ, идемъ!

ГАВАЙ.

Это заря! Идемъ! (Быстро уходятъ. Нахома плачетъ. Все слышится пѣніе рабочихъ)

С. Юшкевичъ. Голодъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Каморка въ подвалѣ. Стѣны черныя и мокрыя отъ сырости. Земляной полъ. Оконце во дворъ,—дверь напротивъ. Мебели никакой: ни стула, ни стола, ни кровати. Сбоку маленькая плита. На полутри мѣшка, набитыхъ соломой; на нихъ лежать двое дѣтей Нахомы, больныхъ тифомъ. Бетька забила въ углу. Дѣтей сторожить первая нищяя, старуха съ лицомъ, изрытымъ оспой. Сидитъ на полу подлѣ больныхъ. Возлѣ нея костыль. Вечеръ. На плитѣ горитъ салная свѣча. Больныя дѣти тихо стонуть.

ПЕРВАЯ ПИЩАЯ.

Тише, дѣточки, тише, птенчики! (Придвинулась и всматривается въ ихъ лица. Качаетъ головой) Распухли вы, посинѣли! (Дѣти опять застонали) Тише, маленькіе...

ВЕТЬКА

(вдругъ вскрикнула).

Крыса, крыса...

ПЕРВАЯ ПИЩАЯ.

Гдѣ она? Кш-кш... (Бьетъ костылемъ по землѣ) Чтобы васъ нечистый унесъ! И откуда онѣ берутся?

ВЕТЬКА.

Я боюсь, бабушка! Такъ я боюсь! (Плачетъ)

ПЕРВАЯ ПИЩАЯ.

Не надо бояться, дѣвочка! Эге, что я видѣла въ жизни! Не боялась!

ВЕТЬКА (плачетъ).

А я боюсь. Отецъ стоитъ передъ глазами. Вотъ тутъ онъ стоитъ и плачется, и мнѣ клянется... Такъ онъ клянется, бабушка. (Плачетъ) Бабушка! Скажи мнѣ, въ глубокую яму его положили?

ПЕРВАЯ ПИЩАЯ.

Въ глубокую, дѣвочка, въ глубокую!

ВЕТЬКА.

И теперь онъ тамъ одинъ лежитъ... одинъ! Еще вчера онъ лежалъ вотъ тутъ и такъ стоналъ, и такъ стоналъ, (плачетъ) что голова моя чуть не лопнула... Отецъ, бѣдный отецъ, такой молодой—и ты долженъ сегодня уже тамъ лежать...

ПЕРВАЯ ПИЩАЯ.

Всѣ тамъ будемъ, дѣвочка! Набѣгаешься, натрудишься, намучаешься въ этой проклятой жизни и такъ это легко тамъ отдыхать. (Пауза) Душа пошла наверхъ... А тѣло? Лежитъ себѣ тѣло тихо и радуется: слава Богу, я уже по ту сторону,—перешло я мость.

ВЕТЬКА (повторяетъ).

Слава Богу, я уже по ту сторону... Такъ онъ думаетъ? Бѣдный мой отецъ! И не боится? А черви?

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (къ дѣтямъ).

Тише, маленькіе, тише, бѣдненькіе. А черви? Охъ, черви!..

ВЕТЬКА.

И мать еще не вернулась съ кладбища. Почему же ея нѣтъ, бабушка? Ты все знаешь, такъ и скажи! И о комъ плакать раньше, бабушка? Вчера отецъ умеръ, Гершеле и Нахмале умираютъ, мать ушла отца похоронить и еще не вернулась... Что съ нами стало, что съ нами стало! Сама я уже старуха, бабушка.

(Пауза. Дѣвочка подползла къ Нахмале и смотритъ на него. Сильно расплакалась)

ВЕТЬКА.

Нахмале мійо, Нахмале!

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Ахъ, дѣвочка, дѣвочка! Что же она оставила меня
смотрѣть ваше горе?

БЕТЬКА.

Нахмале мой, Гершеле мой, и плакать уже не могу
надъ вами. Слезъ у меня нѣтъ и голоса нѣтъ. (Зало-
мила ручки, хрустнула пальчиками) Прибери уже всѣхъ
насъ къ себѣ, Богъ добрый! Добрый Богъ, я прошу
тебя, къ отцу возьми насъ всѣхъ. (Согнулась вдвое и
вздрагиваетъ отъ рыданій)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Не запомню я такого года, охъ, не запомню! Не плачь,
дѣвочка, не плачь! Тутъ вѣдь у меня сердце! Не ку-
сокъ дерева, сердце тутъ лежитъ...

(Дѣти протяжно стонуть. Вхо-
дятъ, крадучись, вторая и третья
нищія. Вторая одѣта въ муж-
ское въ заплаткахъ и въ дыркахъ
пальто. Босая. Голова ея повязана
цвѣтнымъ платкомъ. Третья очень
худая, съ желтымъ восковымъ ли-
цомъ, зловѣщимъ. Глаза возбуж-
денные, горящіе. Фигура скрыта
• подъ тряпьемъ)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (обернувшись).

Кто это тамъ? Вы, Нахома?

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Какая Нахома? Не знаю я Нахомы.

БЕТЬКА (испуганно).

Что имъ нужно, бабушка?

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Это сосѣдки со двора.

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Что же меня не надо пожалѣть? Вѣдь этого нельзя перенести. Зачѣмъ они воють? Дайте имъ что-нибудь, чтобы не кричали.

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Они воють прямо въ мозгъ. Мы зашли сказать вамъ, чтобы они замолчали. Иголки они втыкають въ мозгъ своими голосами.

ВТОРАЯ НИЩАЯ
(къ третьей нищей).

Дайте мнѣ сказать имъ...

ВЕТЬКА (съ крикомъ).

Бабушка, я ихъ боюсь!

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Не надо бояться, чего бояться? Но и чужое сердце нужно пожалѣть. Я живу рядомъ... Тамъ воють, здѣсь воють! Когда же конецъ?

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Есть у васъ хлѣбъ или мясо, или что-нибудь? Такъ дайте мнѣ перекусить. Я два дня не ѣла. Два дня.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Ничего у меня нѣтъ! Откуда? Вотъ дѣти больныя, а я должна ихъ стеречь...

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Больныя? А гдѣ здоровые? Мучиться,—такъ пусть дадутъ силъ. Или загнали бы насъ всѣхъ въ сарай и перебили сразу. А то голодъ вчера, голодъ сегодня, голодъ завтра, и воють! Къ чему это?

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (сочувственно).

Да, къ чему это?

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ

(нюхаетъ воздухъ).

Куда ни пойду, вездѣ пахнетъ хлѣбомъ, говядиной...

ВТОРАЯ НИЩАЯ (недовольно).

Вотъ когда вы начинаете о говядинѣ говорить, я сержусь. Человѣкъ вѣдь пахнетъ мясомъ. И хочется... хочется вцѣпиться зубами въ чью-нибудь руку... въ мясо!..

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Богъ съ вами! Такихъ словъ еще не слыхала.

ВТОРАЯ НИЩАЯ

(измученнымъ голосомъ).

Что—Богъ съ вами? Голова уже не въ порядкѣ! И тутъ воють, и тамъ воють... Мутится въ головѣ. Сидишь—мутится, и стоишь—мутится... Въ глазахъ что-то прыгаетъ... отъ голода.

ВЕТКА

(вдругъ, съ крикомъ).

Бабушка, бабушка! (Прячется у нея на рукахъ)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Вы заговариваетесь! Вотъ тоже скажу: вы пугаете ребенка, а я боюсь васъ. Посмотрите, что тутъ дѣлается, и уйдите. Хозяинъ вчера умеръ, два мальчика умирають голодной смертью... уходите отсюда.

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ (упрямо).

Пусть не воють, и я уйду.

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Во дворѣ тоже умирають. И носить ихъ, носить! Всю недѣлю выносятъ мертвецовъ... Тутъ воють! Куда же дѣваться? Вырвала бы свои глаза, отрѣзала бы уши.

а я сама хочу кушать. Какъ зовутъ ихъ мать? (Указываетъ на дѣтей)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Нахома. Вотъ тоже забота. Ушла похоронить мужа и еще не вернулась.

БЕТЬКА.

Кто-то идетъ, кажется.

(Всѣ прислушиваются)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Нѣтъ, никого!

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Что я вамъ хотѣла сказать? (Вспоминаетъ) Хотѣла сказать вамъ, что не могу слушать, какъ они воютъ... Нѣтъ, хотѣла сказать вамъ, что хочу кушать... Нѣтъ, хотѣла сказать вамъ, что плачу и вѣрю! Вотъ это самое главное...

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Теперь вы хорошо говорите. Придетъ же конецъ нашимъ мученіямъ. Не сегодня, такъ завтра.

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ (мрачно).

Конецъ будетъ!... Перемремъ всѣ съ голода, вотъ какой конецъ будетъ.

(Дѣти застонали)

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Упросите ихъ, пусть не кричатъ. Не перенести мнѣ этого.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ

(придвинулась къ дѣтямъ и заглядываетъ имъ въ глаза).
Тише, бѣдненькіе! Ахъ, козленочки, козленочки.

БЕТЬКА (прислушивается).

Бабушка, кто-то открываетъ дверь! Это мать! (Вѣжитъ къ дверямъ) Нѣтъ, это Берманъ. Берманъ! (Бросается ему на шею) Гдѣ моя мать? Берманъ! (Плачетъ)

БЕРМАНЪ

(держитъ мѣшочекъ въ рукахъ. Цѣлуетъ Бетьку).

Не вернулась! Придетъ твоя мать, охъ-ой-ой. Не плачь! (Оглядываетъ комнату и вздыхаетъ) И отцу хорошо, не плачь, хорошо ему. Возлѣ трона Его стоитъ и тепло ему, и не голоденъ! (Подходить къ больнымъ дѣтямъ, оглядываетъ ихъ и качаетъ головой) Радуется Мина теперь и проситъ: помоги, Господи, моей Нахомѣ и моимъ дѣтямъ на землѣ. И поможетъ, и поможетъ, охъ-ой-ой. (Раскрываетъ мѣшочекъ и достаетъ оттуда хлѣбъ) А вотъ что я выпросилъ у добрыхъ. Денегъ не даютъ, а хлѣбъ выпросилъ.

БЕТЬКА.

Я сяду возлѣ васъ, Берманъ. (Садятся на полу, Бетька ѣсть и вздыхаетъ)

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ (стремительно).

Дайте мнѣ кусокъ хлѣба. Дайте, не то вырву его у васъ. (Берманъ даетъ ей. Она быстро глотаетъ) Вкусно! Ёще есть хлѣбъ въ городѣ? А мнѣ, куда ни приходила, кого ни просила, вездѣ отказывали. Два дня уже въ городѣ не была. Что тамъ? Дайте еще.

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Будьте добрымъ и мнѣ кусочекъ удѣлите.

БЕРМАНЪ.

А? (Роется въ мѣшочкѣ и даетъ обѣимъ. Онѣ жадно ѣдятъ. Предлагаетъ и первой) Въ городѣ? Стоитъ городъ какъ ни въ чемъ не бывало. (Сталь на четверенькахъ и загля-

дываетъ больнымъ дѣтямъ въ глаза. Суеть имъ хлѣбъ въ ротъ. Они стонуть) Пропали и эти, охъ-ой-ой!

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Дайте еще кусочекъ. На томъ свѣтѣ сосчитаемся. (Встѣ съ наслажденіемъ. Отрываетъ куски и бросаетъ ихъ въ ротъ)

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Еще кусочекъ, старичокъ. Ну, ну, что же въ городѣ?

БЕРМАНЪ (бормочеть).

Вамъ быка подай и его вы скушаете. (Дасть имъ и самъ жуеть) Что? ничего! Вотъ Берманъ нищенствуетъ теперь, хорошо это? Былъ кушцомъ, сдѣлался нищимъ, охъ-ой-ой! И много Бермановъ теперь ходять по городу съ мѣшочками въ рукахъ. Вотъ что теперь въ городѣ. Если бы не въ землю шель, охъ-ой-ой, сказалъ бы: пропади этотъ міръ. Добрымъ голосомъ сказалъ бы!

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Теперь всѣ такъ говорить...

БЕРМАНЪ.

Женщины! (Жуеть. Оживляется) Женщины! Что вы понимаете? Вы видѣли, какъ собаки грызутся изъ-за кости? Такъ это пустяки. Слышите, Берманъ говорить, что это пустяки. Сегодня, когда хоронили нашего Мину и другихъ несчастныхъ, на кладбищѣ былъ вой... Нахома лежала на землѣ и билась, какъ въ черной болѣзни, землю она грызла. Я говорю, это пустяки. Что смерть? Добро—теперь смерть! Живые ходять и кричатъ и спрашиваютъ: гдѣ моя смерть? Вотъ что говорить народъ. Ну ничего! Можетъ быть, слышали, какъ недавно кричалъ народъ, когда его избивали на улицѣ? И даже этотъ крикъ пустяки! Вотъ что дѣлается въ городѣ.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (въ ужасѣ).

Дорогой Богъ, пожалѣй уже насъ!

БЕТЬКА (вмѣшивается).

А что Мира подѣлываетъ, Берманъ, а Габай?

БЕРМАНЪ.

Тише, Бетка! Стѣны уши имѣютъ... Тиш! Не спрашивай о нихъ.

БЕТЬКА.

Они все тамъ?

БЕРМАНЪ.

Тиш, охъ-ой-ой, тиш!

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ

(болѣе добрымъ голосомъ).

Еще кусочекъ, хорошій человѣкъ, и я ваши ноги поцѣлую.

ВТОРАЯ НИЩАЯ.

Почему нельзя говорить? Кто такая Мира?

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Не спрашивайте! Это имя нужно забыть.

БЕРМАНЪ

(старается перемѣнить разговоръ).

Почему никто не понимаетъ? Я простой человѣкъ и говорю, что никто ничего не понимаетъ. Вотъ что я говорю.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Ничего не понимаю.

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Ну, объясните. По васъ вижу, что вы хорошій старичокъ. Теперь я сыта и послушаю.

БЕРМАНЪ.

Ну хорошо, женщина. Вотъ спрошу васъ, что значить этотъ голодъ? Такого голода не было и вдругъ такой голодъ. А? (Пауза. Женщины выжидательно смотрятъ на него) Охъ-ой-ой! Вотъ я иду въ полъ ночью... Берманъ идетъ. И думаю: Господи, все ночь, все ночь... Доколъ? Охъ-ой-ой! И вдругъ гдѣ-то огонь.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (съ благоговѣніемъ).

Огонь! Ну дальше, Берманъ.

БЕРМАНЪ.

Вотъ это нужно понять. Что свѣтитъ больше, чѣмъ измученное сердце? Ни звѣзда, ни огонь, ни солнце! Женщины,—голодъ! Женщины, женщины! Высунемъ голову изъ окна. Что мы слышимъ? Плачъ? Больше! Стонъ? Еще больше! Вой? А еще, еще? Вслушайтесь, хорошенько вслушайтесь. Добро идетъ оттуда, миръ идетъ оттуда... Ага, вотъ что я говорю.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (съ трепетомъ)

Я что-то слышу. Я давно слышу.

БЕРМАНЪ.

Что дѣлалось мѣсяцъ тому назадъ? Тиш... Били, рубили, лошадами топтали! Ага! А какъ цыпленочекъ изъ яйца выходитъ? Ага! Голодъ рождаетъ гнѣвъ, а гнѣвъ рождаетъ миръ.

ПЕРВАЯ ПИЩАЯ
(словно догадалась).

Богатые помирятся съ бѣдными?

БЕРМАНЪ.

Вотъ это и будетъ...

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ (возбужденно).

Никогда, никогда! Скорѣе на этихъ ладоняхъ волосы
выростутъ.

БЕРМАНЪ.

Вотъ это и будетъ! Помирятся люди.... Былъ чело-
вѣкъ Симонъ и повѣсилъ съ горя. Охъ-ой-ой! На мо-
ихъ глазахъ плакалъ этотъ челоуѣкъ! И кто видѣлъ
эти слезы, знаетъ ихъ вкусъ. А зачѣмъ? Подождаль
бы и примирились. Потому что помирятся люди,
навѣрно помирятся, охъ-ой-ой. (Вдругъ) Кто это
тамъ?

БЕТЬКА

(съ крикомъ вскакиваетъ).

Мать! Я чувствую, что это моя мать!

(Бѣжитъ къ дверямъ. На хомъа вхс-
диль быстро и сталкивается съ
Беткой. Замѣтивъ у себя чу-
жихъ, останавливается въ изу-
мленіи. На ея лицѣ мелькаетъ вы-
раженіе досады, которое сейчасъ
же смѣняется гнѣвомъ. Въ рукахъ
у нея узелокъ)

БЕТЬКА

(съ радостнымъ крикомъ).

Мать, дорогая мать! (Обнимаетъ ее)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Гдѣ вы были такъ поздно? Развѣ вы оставили здоровыхъ дѣтей?

БЕТЬКА (плачетъ).

Одна ты вернулась.

ВЕРМАНЪ.

Пришелъ васъ провѣдать, Нахома, а вы... Охъ-ой-ой!
(Нахома молча кладетъ узелокъ на плитѣ. Развязала шаль. Повернулась и упорнымъ взглядомъ оглядываетъ присутствующихъ)

НАХОМА (сердито).

Зачѣмъ вы собрались здѣсь? Развѣ мнѣ нуженъ кто-нибудь? Дѣти, молчать!

ВТОРАЯ НИЩАЯ (уступчиво).

Мы уже уходимъ. Мы знаемъ ваше несчастье. (Къ третьей) Идете?

ТРЕТЬЯ НИЩАЯ.

Еще надо спрашивать. (Не торопясь выходить)

НАХОМА (нетерпѣливо).

Всѣ уйдите. Кто призывалъ васъ?

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (испуганно).

Что съ вами, Нахома?

НАХОМА.

Я знаю, что со мною. Я знаю! (Подходить къ больнымъ дѣтямъ. Чуть застонала) Умирають! (Опять застонала) Умирають! Ну хорошо,—еще лучше!

ВЕРМАНЪ (осторожно).

Не узнаю васъ, Нахома! Слова ваши пугаютъ.

НАХОМА (съ досадой).

Что вы понимаете? Перестаньте, Берманъ... Вы—хорошій старикъ, только перестаньте. Знаете, гдѣ я была? Не знаете? Что рѣшила? Тоже не знаете! Сказать вамъ? Такъ я и скажу. Ну уходите, уходите скорѣе. Я тащи́лась по городу! Вотъ что я купила. (Показываетъ на узелокъ) Бѣжала я, бѣжала... И у оконъ богатыхъ стояла и... (Обрываетъ)

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Какъ же уйти отсюда? Дорогая, я васъ не оставлю.

НАХОМА.

Что? Кто смѣетъ мѣшаться? Кто посмѣетъ... Должна сдѣлать людямъ добро и сдѣлаю. Или вы мнѣ жизнь дали? Или вы, Берманъ? Что же вамъ за дѣло?

ВЕТЬКА (къ матери).

Что ты говоришь? Какъ ты говоришь! (Ломаетъ пальчики отъ страха)

НАХОМА.

Молчи, Бетка. Надо людямъ помочь! Пришла минута, когда имъ можно помочь. Молчите, Берманъ. Вы должны теперь молчать и не мѣшать. Что-то должно случиться. (Смотритъ прямо передъ собой) Нѣтъ Минны! (Оглядывается и нѣжнымъ голосомъ зоветъ) Мина, Мина! Нѣтъ, нѣтъ, Берманъ, не жалко, не плачу. Слезинки не пролью. Какъ комочекъ желѣза мое сердце.

ВЕРМАНЪ (тихо).

Я принесъ вамъ хлѣбъ, Нахома. Съ утра вы не ѣли,—покушайте.

ПАХОМА.

Хлѣбъ... (Серьезно) Завтра у всѣхъ будетъ хлѣбъ. Ужаснутся люди и дадутъ всѣмъ хлѣба... Вотъ Мина спросила бы: отчего ты такъ поздно пришла, Нахома? А я отвѣтила бы: это оттого, Миня, что я искала правду. (Серьезно) Нашла Нахома правду.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (уступчиво).

Ну хорошо, но вы больны, дорогая. Отдохнуть вамъ нужно.

ПАХОМА

(съ удивленіемъ).

А вы еще здѣсь? Уходите же... Какъ васъ упросить? Словами, слезами? Я должна съ дѣтьми остаться. И поплакать.... и поплакать!

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (къ Берману).

Она въ отчаяніи. Богъ знаетъ, что она задумала.

· ВЕРМАНЪ.

Охъ-ой-ой! (Не знаетъ, на что рѣшиться)

ПАХОМА.

Ну что же вы стоите? Зачѣмъ? Что у васъ есть теперь? Было немного хорошаго, какъ въ бѣдной лавочкѣ, и вышло.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ (рѣшительно).

Я останусь съ вами. Не могу я уйти.

НАХОМА.

Такъ я возьму васъ за плечи и выброшу. Не мучьте меня. Ничего со мной не будетъ, не бойтесь.

ПЕРВАЯ НИЩАЯ.

Если вы гоните меня... (Поднимается съ пола и достаетъ костью) Послушать васъ послушаю... Только помните.

НАХОМА (оживленно).

Хорошо, хорошо. Идите съ Богомъ.

НИЩАЯ (заковыляла).

Спокойной ночи. (Выходить)

НАХОМА (къ Берману).

А вы? Идите же.

БЕРМАНЪ.

Таки пора мнѣ пойти домой, но что-то сердце не велитъ оставить васъ.

НАХОМА (нѣжно).

Берманъ! Хорошій Берманъ, добрый Берманъ... И вамъ нужно уйти. Развѣ я шучу съ вами? Развѣ я маленькая? Если бы вы знали, что будетъ завтра. Но молчу, молчу... Я хочу одна съ дѣтьми остаться, расцѣловать ихъ косточки и хорошо поплакать. (Хочетъ заплакать, но удерживается) Вы видите мою судьбу? Посмотрите, на чѣмъ мы спимъ; даже присѣсть негдѣ. И тутъ на землѣ онъ мучился весь мѣсяць. Вы иногда приходили. Что видѣли, что знаете! А помните, какъ хозяинъ выбросилъ меня на улицу съ больнымъ мужемъ, съ больными дѣтьми? Помните? И до сихъ поръ мы медленно умирали. Значитъ, все собралось для этого. (Обрываетъ) Не будемъ говорить, Берманъ! Сердце мое распухло, и все-таки я довольна...

БЕРМАНЪ.

Охъ-ой-ой.

НАХОМА.

Такъ вы теперь уходите. Что вамъ тутъ смотрѣть?

БЕРМАНЪ.

Я такъ привязался къ вамъ, Нахома. Честное слово Бермана, я привязался. Я даже могу въ огонь пойти, если вамъ нужно. Я жалѣю васъ. Дѣтей жалѣю. Можетъ быть, еще могу пригодиться вамъ? Не прогоняйте старика.

ПАХОМА.

Нѣтъ, Берманъ, только я могу пригодиться людямъ. Вы—хорошій, только уходите. Не смягчайте меня. Ступайте, ступайте. Я съ дѣтьми о Минѣ поговорю и заплачу. Ахъ, Берманъ, Берманъ! (Страстно плачетъ)

БЕРМАНЪ.

Вотъ этого не нужно, охъ-ой-ой! Ну, я пойду. Что мнѣ здѣсь дѣлать? Смотрѣть на горе? Это не весело, больно это! Смотрѣть на слезы? Охъ-ой-ой. Спокойной ночи Нахома, спокойной ночи, дѣти! (Подходить къ нимъ и цѣлуетъ ихъ)

НАХОМА

(опять нетерпѣливо).

Ну, ступайте уже, ступайте.

(Берманъ уходитъ. Нахома провожаетъ Бермана взглядомъ. Какъ только онъ скрылся, она подбѣгаетъ къ Беткѣ, обнимаетъ ее и крѣпко цѣлуетъ. Не выпускаетъ ее и рыдаетъ. Потомъ съ усиленіемъ подходитъ къ больнымъ дѣтямъ и склоняется къ нимъ. Стонетъ и сдерживаетъ рыданія)

БЕТКА.

Не плачь, мать. Прошу тебя. Ты не слушаешь? Что же съ нами будетъ?

НАХОМА

(обращается къ больнымъ).

Косточки мои дорогія! (Плачетъ) Невинные мои! Распухшія, молодыя косточки!

(Обнимаетъ ихъ. Бетька стоитъ въ сторонѣ и плачетъ. Скрипнула дверь. Нахома быстро поднялась. Входятъ Семъ)

НАХОМА.

Это вы, дядя? Зачѣмъ вы пришли?

СЕМЪ.

Нельзя къ тебѣ и придти? Если не у тебя живу, такъ нельзя навѣстить тебя?

НАХОМА (нетерпѣливо).

Не теперь, дядя. (Достаетъ изъ кармана тряпки и разворачиваетъ ихъ)

СЕМЪ.

Не понимаю я тебя, Нахома. (Вглядывается въ нее) У тебя неадоровые глаза. (Качаетъ головой) Что это у тебя въ рукахъ? Тряпки?

НАХОМА (равнодушно).

Да. (Вдругъ) Бетька!

БЕТЬКА.

Что, мать?

НАХОМА.

Ложись спать. Уже поздно.

БЕТЬКА.

Я не хочу еще спать. Можетъ быть, Давидъ придетъ почевать.

НАХОМА.

Онъ не придетъ. Ложись, говорю тебѣ. (Бетъка ложится на полу подлѣ дѣтей)

СЕМЪ

(взглянулъ на больныхъ и отошелъ отъ нихъ).

Я сегодня получилъ поклонъ... отъ Миры.

НАХОМА (равнодушно).

Отъ Миры? (Мнетъ тряпки) Ну, что она?

СЕМЪ.

Она уже поправилась. Зажили раны! Велѣла тебѣ кланяться, и чтобы ты не боялась.

НАХОМА.

Я не боюсь. Не думаю о ней. Она хотѣла, пусть рас-
плачивается! Не жалѣю я ее!

СЕМЪ.

Это не можетъ быть.

НАХОМА (съ мольбой).

Васъ тоже просить нужно? Вы вѣдь видите?... (Замѣтила молитвенникъ въ его рукахъ и разсердилась) Все вы съ молитвенникомъ, дядя? Это меня сердить. Такъ хорошо кругомъ, что только благодарить нужно, только кланяться.

СЕМЪ.

Только!

НАХОМА

(вдругъ, откровенно).

А мнѣ вѣдь, дядя, скучно безъ Миры! Помните, дядя,

его, когда ему книжку вернули? Здоровый онъ былъ! Помните, дядя, что онъ сказалъ? И какъ скоро онъ умеръ. Сгорѣлъ онъ. А на лицѣ у него тогда не было написано... Но вы велѣли молиться. И сколько уже съ тѣхъ поръ умерло людей отъ этого проклятаго голода, а вы все молились. Пролетаютъ замученные надъ вашей головой, какъ птицы, а вы ихъ не видите. Дядя, дядя! (Склоняется головой къ его плечу) Шесть человѣкъ носить Мина и каждый виситъ на его жилахъ,—вотъ что онъ говорилъ. А у меня даже сердце не екнуло. Почему? Молчало мое сердце, а мнѣ съ нимъ простаться нужно было. Мнѣ нужно было обнять его, прижать къ себѣ и держать бы такъ до вчерашняго дня. Нѣтъ, не придетъ уже Мина пьяный, а я въ отчаяніи не скажу больше: опять выпилъ Мина, погубилъ ты себя, Мина.
(Сдерживаетъ слезы)

СЕМЪ.

Если нужно, Нахома, то Онъ сильную руку, слышишь, вотъ такую сильную, большую руку простираетъ червь, который съ дерева упалъ, не гнушается и ведетъ его.

НАХОМА.

А почему же Онъ насъ не поддержалъ? Развѣ мы всѣ вмѣстѣ были слабѣе одного червя? Развѣ мы вмѣстѣ молили не громче одного червя?

СЕМЪ (сурово).

Нѣтъ и нѣтъ! Вы возставали!

НАХОМА (покорно).

Когда вы такъ со мной говорите, дядя, я чувствую себя недостойной. Я смягчаюсь. Что-то тихое проходить въ душѣ, смиренное я чувствую, и хочется стать на колѣни, сложить руки вотъ такъ и опустить голову

Дрожь проходить по тѣлу. И готова страдать, дядя, сколько только вмѣститъ душа моя, тѣло мое...

СЕМЪ.

Что ты задумала, Нахома? А, Нахома? (Подходить къ ней и пытливо смотреть ей въ глаза. Она отворачивается) Ага, не можешь?

НАХОМА.

Ну, а отчаяніе, а страданіе? А куда я пойду завтра съ моими дѣтьми? Вѣдь умри, никто не дастъ намъ хлѣба. Но вѣдь это, дядя, только первый вопросъ, только первый! Вѣдь мы, дядя, передъ желѣзной стѣной стоимъ! Подумайте, дядя. Мать и трое дѣтей, и она безумно любить своихъ дѣтей! Зачѣмъ имъ вырасти? Соками своими, слезами и кровью вскормила ихъ, — для кого? Посмотрите на этихъ двухъ, зачѣмъ же имъ жить? И вѣдь это только еще первый вопросъ, только первый...

СЕМЪ (испуганно).

Нахома! Я читаю въ твоихъ глазахъ, Нахома. Посмотри на своихъ больныхъ, испуганныхъ. Или они не достойны твоего состраданія?

НАХОМА.

Простой, непонимающій вы человекъ, дядя.

СЕМЪ (съ волненіемъ).

Жизнь подаренную надо беречь. Надо, я говорю тебѣ, надо... Задави свой вопль. Кто-то смотреть на тебя, Нахома. Подними голову...

НАХОМА (раздраженно).

Не хочу смотрѣть! Ненавижу!

СЕМЪ (въ гнѣвѣ).

Не обижай Бога! Вотъ этими руками я задушу тебя

за Его имя. Молчи, Нахома, молчи, ослѣпленная. Возьми свое сердце въ руки и скажи, какъ созданіе Его: Господи, люблю Тебя! Несправедливость люблю Твою, ибо она справедливость, жестокость люблю Твою! Люблю Твою правду, мнѣ непонятную, и все, что кажется Твоей ложью. Всего люблю Тебя и въ добромъ, и въ зломъ. Дѣлай со мной, что хочешь, ибо вѣрю въ Твои пути.

НАХОМА.

Дядя! (Со стономъ) Дядя!

СЕМЪ (твердо).

Вѣрю въ Твои пути, такъ скажи.

НАХОМА.

Но вѣдь этого не должно быть! Дядя, людямъ нужна жертва! Не должно этого быть...

СЕМЪ (непреклонно).

Все должно быть, что есть на землѣ.

НАХОМА.

Я откушу свои пальцы отъ гнѣва. Камень поставьте вмѣсто себя, и я обниму его. Еще вы не содрогнулись?

СЕМЪ.

Это Его дѣла... Развѣ твое сердце не говоритъ тебѣ, что вездѣ Онъ...

НАХОМА (возмущенно).

Тяжело васъ слушать! Нѣтъ, дядя. Громъ нужно бросить на землю, чтобы этого не было больше! Нѣтъ такого закона, чтобы тьмы людей погибали. Дядя, такого закона нѣтъ. Только это нужно сказать. Сказать громко, сказать страшно. Вотъ послѣдній вопросъ.

(Взволнованно) Кто виновникъ нашей жизни? (Указываетъ черезъ окно на городъ) Они! Они должны объ этомъ узнать... Завтра они опомнятся... Четыре трупа я брошу на ихъ головы. Богатые, сытые, сильные, — опомнитесь! И они содрогнутся... Четыре трупа я брошу на ихъ праздники, на ихъ пиры, на ихъ свадьбы, четыре грома я брошу среди ликованій и радости. Пусть жертва моя закричитъ: куда же идете, люди? Куда? Или можетъ быть радостью упиваться чужой кровью, или можетъ быть сладостью чужое страданіе? Или можно ѣсть, когда тьмы голодаютъ? Или можно жить, когда другіе страдаютъ? плясать, когда тьмы рыдаютъ? Дядя! Четыре трупа я брошу въ сердце этого проклятаго города. Четыре... Мы погибнемъ, но дойдетъ наша жертва, дойдетъ. Они содрогнутся и опомнятся. Они скажутъ: откуда этотъ громъ, и оглянутся. Они спросятъ, откуда этотъ громъ? и прислушаются. И пойдутъ къ замученнымъ, обезсиленнымъ...

СЕМЪ (въ отчаяніи).

Нахома! Не смѣй! Я выйду на улицу и стану кричать: народъ, ступайте къ Нахомѣ. Преступленіе хотеть совершить Нахома.

НАХОМА (просто).

Всѣ, что чувствуютъ сердце человѣка, скажутъ: съ радостью и блаженствомъ она хотеть отдать себя и своихъ дѣтей ради другихъ!..

СЕМЪ.

Дитя мое, дитя мое! (Протягиваетъ ей молитвенникъ) Возьми эту книгу и читай ее. Читай ее... Какъ палка въ трудномъ пути и какъ свѣтъ въ темнотѣ она. Возьми ее! Я вижу, — горнило отчаянія проходить твоя душа. Возьми теперь эту книгу...

НАХОМА

(се охватываетъ гѣбъ. Вырываетъ книгу у него изъ рукъ и бросаетъ на полъ).

Вотъ мѣсто этой книгѣ. Вотъ гдѣ! Въ насмѣшку она намъ дана. Ложь, развратъ несетъ эта книга. Проклятіе нашей жизни, вотъ что въ этой книгѣ...

СЕМЪ

(борется съ ней и поднимаетъ молитвенникъ).

Дитя мое,—Онъ простить. Вотъ насупилъ Онъ бровь, какъ я, и сейчасъ же разгладилось лицо Его. Онъ знаетъ страданіе. На ладонь положилъ его и взвѣшиваетъ...

НАХОМА.

А съ Нимъ я поговорю. Я иду къ Нему съ дѣтьми. И—если Онъ есть, но—если Онъ только существуетъ... Слушайте, дядя! Я возьму своихъ дѣтей и выдвину ихъ впередъ... Возьму своего несчастнаго Мину, подведу еще ближе къ Нему и скажу: посмотри, Господь, близко дѣла Твоихъ рукъ. И Мина заплачетъ, и дѣти заплачутъ, а я въ глаза Ему буду смотрѣть и глаза мои будутъ тихо кричать: вотъ, Господь, дѣла Твоихъ рукъ. И Онъ отвернется. Не выдержитъ Онъ слезъ невинныхъ вблизи, и тогда я спрошу Его: почему, Господь, когда я полюбила одного, Ты убилъ его и далъ мнѣ Мину нелюбимаго и заставилъ выйти за него? Вотъ, Иегова, страданіе мое первое.

СЕМЪ

(съ порывомъ перебиваетъ ее)

Нѣтъ, нѣтъ, не такъ...

НАХОМА

(дѣлаетъ движеніе рукой).

Почему Ты требуешь справедливости отъ слабыхъ,

а Самъ, сильный, дѣлаешь хуже худшаго, злѣе злѣйшаго? Вотъ жалоба моя первая!—Чѣмъ Ты оправдаешь мое страданіе? Тебѣ ли оно нужно было, когда Ты всѣмъ и каждому, направо и налѣво говоришь: Я—благо. Или Твое благо должно купаться въ страданіяхъ невинныхъ, такъ какое же это благо? И зачѣмъ Тебѣ людское мученіе? Тебѣ ли, Господь, сидѣть на тронѣ изъ страданій, Тебѣ ли нужна подставка изъ слезъ для ногъ? И вотъ направо и налѣво мы слышимъ про Тебя: Онъ добро, Онъ совершенство, какъ слышимъ мы лестъ богатымъ и сильнымъ, когда и дѣла ихъ и помыслы—жестокость...

СЕМЪ

(съ гнѣвомъ перебиваетъ ее).

Закрой свой проклятый ротъ, безумная!

НАХОМА.

Слушайте, дядя, я спрошу Его во второй разъ. Почему Ты далъ мнѣ мужа и сдѣлалъ его пьяницей? Отъ горя онъ сталъ пьяницей! Былъ неудачникомъ, строптивымъ, а Ты вѣдь могъ его сдѣлать добрымъ работникомъ! И вотъ мы всегда голодали, какъ будто голодъ былъ лучшимъ кушаньемъ, а Ты изъ любви далъ намъ его полные амбары. Вотъ жалоба моя вторая. Отвѣчай, почему? Почему мы жили въ грязи,—спрошу Его въ третій разъ,—болѣли, скорбѣли, и рядомъ съ нами жили тѣмы въ грязи, болѣли, скорбѣли, и всѣ мы плакали ежедневно, ежедневно тщетно молили Тебя, когда тутъ же есть любимцы Твои, которые не знаютъ, куда хлѣбъ свой дѣвать, что дѣлать съ довольствомъ, съ здоровьемъ? Почему ежечасно, ежеминутно Ты давалъ намъ чувствовать только свою жестокость, свою злость, и мы спрашивали себя: что же это за Богъ, что же это за жизнь?—а Ты никогда не давалъ отвѣта,

Будто ни одна наша слеза къ Тебѣ не дошла, будто ни одинъ крикъ всѣхъ тысячъ не дошелъ къ Тебѣ? Или Твои уши открыты только для избранныхъ, только для сильныхъ? Такъ какой же Ты Богъ, какъ можешь Ты требовать праведной жизни, смиренія, благословенія своихъ дѣлъ? Трижды жестокой содрогнулся бы, глядя на насъ. Ужаснулся ли Ты когда-нибудь, заплакалъ ли Ты хоть разъ надъ своими людьми?

СЕМЬ.

Я сейчасъ тебѣ отвѣчу. Дай мнѣ сказать тебѣ, Нахома...

НАХОМА
(не слушаетъ его).

И вотъ всѣ годы моей жизни я видѣла только одну несправедливость Твою, только одну несправедливость видѣли мы и изо всѣхъ силъ старались не дѣлать такъ, какъ Ты. Оцѣнилъ ли Ты это? Сказалъ ли Ты себѣ: такъ конецъ же страданіямъ этихъ слабыхъ,—освобожу людей. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Потѣшался Ты надъ нами, и игралъ нашимъ горемъ и слезами, и день и ночь придумывалъ, что бы еще горькаго дать испытать слабымъ? Посмотри же теперь внимательно, если не зналъ, земнымъ глазомъ на дѣла своихъ рукъ. Посмотри и устыдись! Я отдала свою жизнь и жизнь своихъ дѣтей, чтобы явиться сюда и потребовать отчета у Тебя. Что Ты дѣлаешь, Господи? Оправдай Себя, оправдайся передъ нами, отвѣчай. Вѣка идутъ, несправедливость Твоя растетъ съ вѣками,—люди уже не въ силахъ страдать. Ты отвернулся!.. Такъ отчего же Ты мучилъ? Зачѣмъ держалъ тьму въ заблужденіи? Развѣ не могли мы силой своей побѣдить силу, взять власть и уничтожить зло? Несчастный обманщикъ же Ты! Сто разъ брось меня въ адъ свой,—душа моя не сдается.

Не простятъ Тебѣ люди Твоего обмана... (Обезсилѣла. Садится на полъ у стѣны и сурово смотритъ на Семя)

СЕМЪ

(повернулся къ ней).

Проклясть тебя,—это не отвѣтъ, но было бы лучшимъ отвѣтомъ. Отчаяніе ослѣпило тебя. Взять бы камень и раздавить тебя... Кто можетъ желать, чтобы низъ дома лежалъ наверху, а крыша его подъ землей? (Съ презрѣніемъ) Человѣкъ! Кто можетъ просить, чтобы огонь охлаждалъ, а ледъ зажигалъ? Человѣкъ! И вотъ уже отвѣтъ. Вѣдь Онъ знаетъ, и Онъ не сдѣлалъ. Низъ дома лежитъ подъ землей, а крыша кладется сверху, такъ должно быть и иначе не можетъ быть. Какъ алмазъ сверкаетъ, такъ и правда сіяетъ здѣсь. Домъ,— вотъ его строеніе. Книга,— вотъ его пути. Камни жмутъ другъ друга, но кто спрашиваетъ о страданіи камня, когда зданіе нужно? (Съ презрѣніемъ) Человѣкъ! И что это за зданіе? Весь міръ! Крыша его тянется вверху къ Нему, но и низъ тянется вверху къ Нему, а кто скажетъ гдѣ верхъ, гдѣ низъ? Вотъ это нужно понять! Или хлѣбъ и солнце — все, что нужно человѣку? Нѣтъ и нѣтъ. Гдѣ же отвѣтъ? (Показываетъ на молитвенникъ) Вотъ онъ, здѣсь отвѣтъ! Сюда смотри, ея читай. Что муки страданій и непониманіе и слезы передъ сладостью этой книги? Въ каждомъ словѣ ея— вѣдь царство царствъ! Въ каждой буквѣ— блаженство блаженствъ... Или тебѣ дорогъ тлѣнь? Или хочешь золота? Такъ зачѣмъ къ Нему идешь? Зачѣмъ спрашиваешь? Молчанія Онъ хочетъ и любви! Покорности Онъ хочетъ и любви. Смиренія Онъ хочетъ... Дитя мое! Нахома! (Растроганный) Смотри!.. Вотъ вверху стоитъ Онъ и смотритъ на дѣла своихъ рукъ. Смотритъ онъ на шествіе своихъ людей къ Нему. И отмѣчаетъ однихъ, и отмѣчаетъ другихъ, и всѣхъ слушаетъ и ласково улыбается шествію своихъ людей къ Нему. Но въ

улыбкѣ Его сіяетъ страданіе!.. (Грустно) И надо идти, Нахома, песслишно надо идти къ Нему... Тамъ все объяснтся...

НАХОМА (растроганная).

Онъ смотритъ на шествіе своихъ людей къ Нему. Онъ смотритъ... И страданіе сіяетъ въ Его улыбкѣ?

СЕМЪ.

Онъ знаетъ все. И сказалъ: вотъ вамъ Моя книга,— съ нею идите...

НАХОМА

(се охватываетъ безпокойство и нетерпѣніе. Нарочито соннымъ голосомъ).

Ну, хорошо! Спокойной ночи, дядя. (Приподнимается) Зайдите утромъ, дядя...

СЕМЪ (съ облегченіемъ).

Ты хочешь спать, Нахома? А то?

НАХОМА (зѣваетъ).

Что то? Я не знаю, что значить—то.

СЕМЪ

(сбитый съ толку).

Вотъ то, о чемъ ты говорила.

НАХОМА.

О чемъ я говорила?

СЕМЪ.

Ты хотѣла умереть.

НАХОМА.

Кто? я? (Искусственно размѣялась) Умереть! Пшчего Нахома не сдѣлаетъ съ собой. Смѣялась Нахома. Она

останется сидѣть на полу, будетъ скучать по своему Минѣ, вздремнетъ, а когда проснется, поплачетъ о немъ.
(Ложится, какъ бы собираясь уснуть)

СЕМЪ

(смотреть на нее и не знаетъ, на что рѣшиться).

Такъ какъ-же, Нахома? Я хочу спокойно уйти. Ничего ты съ собой не сдѣлаешь?

НАХОМА.

Я сплю. Вотъ сейчасъ Мину видѣла. Что, дядя?

СЕМЪ.

Сердце мое неспокойно. Я останусь съ тобою.

НАХОМА (живо).

Нѣтъ, нѣтъ, дядя. Ступайте домой! Зачѣмъ это? Умоляю васъ. Дайте мнѣ вздремнуть... Я сейчасъ увижу Мину... И такъ плачется хорошо во снѣ. Дядя, завтра встану и начну думать о работѣ....

СЕМЪ (успокоенный).

А я принесу утромъ хлѣба дѣтямъ. Принесу угля и затоплю.

НАХОМА.

И будетъ тепло...

СЕМЪ.

И чай заварю. Возьму Нахмале на руки и дамъ ему чаю.

НАХОМА.

Если Нахмале доживетъ, то скажетъ: дѣдушка Семъ, гдѣ вы взяли хлѣба? А вы скажете: у людей, у проклятыхъ людей! (Зѣвастъ) Я спать хочу, дядя, — спать...

СЕМЬ.

Такъ спокойной ночи. Я не буду тревожиться. Ты заснула, Нахома?

НАХОМА.

Что, дядя? Вы еще здѣсь? И плакать хочется, и спать хочется... Спокойной ночи. Не забудьте зайти утромъ

СЕМЬ.

Спокойной ночи. Я не тревожусь. Я спокоенъ.

(Выходить. Пауза. Нахома лежитъ, полузакрывъ глаза, и прислушивается. Шаги Сема стихли. Успокоенная, быстро поднимается)

НАХОМА

(съ тоской повторять).

Спокойной ночи. (Застонала. Подходить къ Ветькѣ и будить ее) Ветька, Ветька!

ВЕТЬКА

(со сна испуганнымъ голосомъ).

Что случилось, мать?

НАХОМА.

Ты спала? Ничего не случилось. Я разбудила тебя, чтобы поцѣловать.

ВЕТЬКА (устало).

Всѣ спать. Дѣти притихли. А какой я сонъ видѣла! (Зѣваетъ) Отца я видѣла!..

НАХОМА

(береть ее на руки).

Ветька, Ветька.... (Плачетъ. Цѣлуетъ ее)

С. Юшкевичъ. Голодь.

БЕТЬКА.

Что съ тобою, мать? Мать!.... (Обнимаетъ ее. Обѣ плачутъ)
Я не понимаю, я ничего не понимаю, мать.

НАХОМА.

Ну ложись, засни. А завтра уѣдемъ.

БЕТЬКА.

Куда мы уѣзжаемъ, мать? Уѣзжаемъ? Завтра! А тамъ будетъ хорошо?

НАХОМА.

Лучше нигдѣ не будетъ. (Подползаетъ къ другимъ дѣтямъ, нѣжно обнимаетъ ихъ. Цѣлуетъ и стонетъ)

БЕТЬКА.

Опять ты плачешь, мать! Я боюсь... Давно дѣдушка ушелъ? И отчего онъ ушелъ?

НАХОМА.

Педавно. Поцѣлуемся еще разъ. (Обнимаетъ ее опять и страстно плачетъ)

БЕТЬКА.

Ахъ, какая ты! Мать, мать... И отца нѣтъ!

ПАХОМА.

Теперь разведу огонь, и вамъ будетъ тепло. Я и уголь принесла. Ну, ложись. (Подползаетъ къ больнымъ дѣтямъ) Косточки мои, косточки! Дорогія, больныя косточки! (Долго смотритъ на нихъ. Поднялась. Бетъка легла. Нахома подходитъ къ плитѣ, вынимаетъ изъ узелка уголь и щепки и разводитъ огонь. Погодя закрываетъ трубу. Идетъ къ дѣтямъ и ложится подлѣ нихъ)

НАХОМА.

Ну, еще разъ поцѣлуемся. Въ послѣдній разъ! Всѣ
возлѣ меня. Можетъ быть, послѣ насъ людямъ станетъ
легко!

БЕТЬКА

(сквозь сонъ).

Кажется, угаръ въ комнатѣ, мать? Голова что-то
болитъ.

НАХОМА.

Это ничего, Бетка. Поцѣлуемся еще разъ, дѣти.
Дѣточки! (Плачетъ) Обнимите меня! Еще одинъ разъ!
Ну, еще!... (Припала къ нимъ и страстно рыдаетъ)

А. ЛУКЪЯНОВЪ.

МЕЧЪ ВРАГОВЪ.

МЕЧЪ ВРАГОВЪ.

Грозный голодь—мечъ враговъ.
Въ темныхъ избахъ и подвалахъ,
Въ духотѣ жилищъ-гробовъ,
Онъ губиль-разиль усталыхъ...
Врагъ жестокий, какъ палачъ,
Мечъ спускалъ надъ головами,
И подъ жалкій стонъ и плачъ
Окружалъ онъ мертвецами
Обезсиленныхъ живыхъ,
Приближая къ смерти ихъ...

Черный голодь—мечъ враговъ
Но надъ вѣчною печалью
Изъ-подъ сумрака ѡковъ
Мечь блеснула острой сталью...
Мертвой ночью, въ часъ глухой
Закалили мечь страданья,
И за блѣдную зарей
Грозно вспыхнуло возстанье...
Вышли люди на враговъ
Изъ своихъ жилищъ-гробовъ!..

Старый, ржавый мечъ вѣковъ
Задрожалъ въ рукѣ владыки...
Нѣтъ безсильныхъ, нѣтъ рабовъ—
Всѣ могучи и велики!
Всѣ хотять быть впереди
Подъ горячимъ солнцемъ счастья;
Смѣло рвется изъ груди
Мощный голосъ самовластья...
И жестокий мечъ вѣковъ
Будеть вырванъ у враговъ!

МАРІО РАПИСАРДИ.

РУДОКОПЫ.

СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

Переводъ А. Лукьянова.

Р У Д О К О П Ы.

Среди могильныхъ ямъ, среди утрюмыхъ сводовъ —
Отвѣсныхъ, мрачныхъ скалъ надъ нашей головой,
Среди холодныхъ шахтъ, чернѣющихъ проходовъ,
Среди мѣзмосъ злыхъ, царящихъ подъ землей,
Оторваны отъ всѣхъ и отъ всего живого,
Чтобъ тѣшить праздный часъ чужихъ для насъ людей,
Мы заживо во тѣмѣ погребены сурово,
Копатели и горъ и черныхъ пропастей!
Мы роемъ цѣлый день, мы жадно ищемъ клада
Сокровищъ и богатствъ, мы—жалкіе, какъ стадо!
Для васъ, собраніе земныхъ боговъ, тотъ кладъ
Желѣза, серебра и съ яркими лучами
Каменьевъ дорогихъ, что блескъ огней затмятъ;
Для васъ однихъ земля, одѣтая цвѣтами,
Театры и пиры, веселье съ красотой
Безпечность праздная и увлеченій смѣны,
И радость вѣчная предъ новою мечтой!
Для насъ нѣтъ ни луча, ни неба,—только стѣны,—
Ни вѣянья любви, ни жизни чистоты,
Ни ласки теплыхъ словъ, ни дружескаго взора,
Но мука вѣчная средъ вѣчной темноты!
Не люди развѣ мы? Всю тяжесть приговора
Кто возложилъ на насъ, кто муки намъ принесъ?

И если есть Господь и приходилъ Христось,
За что присуждены въ жестокой адъ живные?
Кто знаетъ,—роемъ мы, но ужъ близка пора,
Когда захватятъ грудь и духъ пары гнилые,
Огонь поглотитъ насъ иль разобьетъ гора...
Глядите!—Смотритъ смерть съ коварнымъ приговоромъ!..
Мы роёмъ глубь земли, копаемъ рядъ могилъ
Для насъ, богатыхъ всѣхъ и скорбю и позоромъ,—
И, кажется, въ насъ нѣтъ уже ни капли силъ!
Копаемъ, роёмъ мы губителямъ-тиранамъ!..
Гремите, черныя машины, молотки,
Стучите яростно отъ злобы и тоски,—
Пусть шахты мрачныя разверзнутся вулканомъ,
Раскроютъ тьму могилъ сіяющимъ лучамъ!
Часъ наступилъ!—И мы идемъ навстрѣчу вамъ—
Мы, жалкіе для васъ, хотимъ добиться братства
И встать лицомъ къ лицу съ великимъ наравнѣ!
Мы добыли для васъ несмѣтныя богатства,
Что жадная земля скрывала въ глубинѣ;
Но, съ золотомъ въ рукахъ, жестокою войною
Вы двинулись на насъ съ позорнымъ торжествомъ!
Мы драгоценности вамъ принесли толпою,
А вы, вы развратили насъ, измученныхъ трудомъ,—
И изъ желѣза намъ сковали вы оковы,
И приковали насъ навѣки къ темнотѣ!
Свой образъ потерявъ, и грязны и суровы,
Мы уголь достаемъ, дающій жизнь вездѣ,
Дающій только вамъ тепло и свѣтъ и славу!
Ломаемъ горы мы и въ пропасти идемъ—
На огненный гранитъ—въ удушье и отраву;
Для васъ изъ глубины мы мраморъ достаемъ,—
Но памятники вы возводите героямъ,
Лишившимъ хлѣба насъ, и думаете вы:
Хоть мѣсто въ петлѣ намъ, но мы покорно роёмъ,
Но мы всегда добры, податливы, мертвы...

Патрицій, буржуа, мы васъ побезпокоимъ:
Намъ окажите честь и выпьемъ за одно,—
За справедливый трудъ, за наше пробужденье,
За хлѣбъ, котораго не видимъ мы давно,
За честь, которой нѣтъ у васъ со дня рожденья,
За свѣтлый братскій миръ, родящій всѣхъ людей!
Но что. . . дрожите вы?—Какое оскорбленье:
Въ лохмотьяхъ и грязи у вашихъ мы очей!
Давая чувствовать свое полупрезрѣнье,
Вы корку старую намъ бросили скорѣй...
О трусы жалкіе, съ угрозой на-готовѣ! —
Взыщайте: ненависть проснулась, какъ змѣя,—
Не хлѣбъ мы хотимъ, но крови, крови, крови...
И пустьъ ликуеть месть—хоть день одинъ ея!

Е. ЧИРИКОВЪ.

МУЖИКИ.

Картины деревенской жизни.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

М. Горькій. Варвары.

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гд. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, Ив. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:

*Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow“.*

I.

На луговой сторонѣ Волги стоитъ голая, каменпстая гора, похожая на опрокинутый вверхъ дномъ котель. Зовутъ ее Курганомъ.

Курганъ странно и неожиданно возвышается на плоскомя песчаномъ берегу. Передняя часть его, обращенная къ рѣкѣ, безжизненно-каменная, а затылокъ покрытъ зеленой березовой гривой.

Позади кургана гладкая степь до самаго горизонта.

У подошвы горы пріютилось маленькое село съ бѣлой церковкой и называется Буяномъ.

Весной Волга подходит вплотъ къ селу и кургану, заливаешь кругомъ всѣ луга и перелѣски, и тогда стоитъ курганъ среди широкой водной равнины. Черезъ Волгу, прямо противъ кургана, виднѣются крутыя зеленыя горы, заросшія кудрявымъ лѣсомъ, окаймленныя внизу, около воды, сверкающей бѣлой полосой: это каменоломни обнажили ихъ дѣвственныя известковыя груди.

И стоятъ горы, словно дѣвичій хороводъ, зеленой гирляндой, бѣлогрудыя, кудрявыя, отраженныя въ рѣкѣ, какъ въ зеркалѣ, и молча улыбаются кургану, но курганъ угрюмъ и печаленъ: голый, каменный, онъ словно сжалъ и затаилъ въ твердомъ сердцѣ своемъ огромное, глубокое горе.

Изъ-за спины его глядитъ сѣрое, голодное село съ малеькой бѣленькой церковью.

М. Горькій. Варвары.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лутовой берегъ рѣки; за рѣкою виденъ малепькій уѣздный городъ, ласково окутанный зеленью садовъ. Передъ зрителями—садъ; яблоня, вишня, рябина и липы, нѣсколько штукъ ульевъ, круглый столъ, врытый въ землю, скамейки. Вокругъ сада—растрепанный плетень, на колыяхъ торчатъ валеные сапоги, виситъ старый пиджакъ, красная рубаха. Мимо плетня идетъ дорога—отъ перевоза черезъ рѣку на почтовую станцію. Въ саду направо—уголъ маленькаго, ветхаго дома; къ нему при-
мыкаетъ крытый ларь—торговля хлѣбомъ, баранками, сѣмечками и брагой. Съ лѣвой стороны у плетня—какая-то постройка, крытая соломой,—садъ уходить за нее. Тѣло, время—послѣ полудня, жарко. Гдѣ-то дергается коростель, чуть доносится заунывный звукъ свирѣли. Въ саду, на завалинкѣ подъ окномъ сидитъ Ивакинъ, бритый и лысый, съ добрымъ, смѣшнымъ лицомъ, и внимательно играетъ на гитарѣ. Рядомъ съ нимъ—Павлинъ, чистенькій, аккуратный старичокъ, въ поддевтѣ и тепломъ картузѣ. На окнѣ стоитъ красный кувшинъ съ брагой и кружки. На землѣ у плетня сидитъ Матвѣй Гогинъ, молодой деревенскій парень, и медленно жуеъ хлѣбъ. Съ правой стороны, гдѣ станція, доносится лѣнивый и больной женскій голосъ: „Ефимъ“... Молчаніе. Слѣва, по дорогѣ идетъ Дунькинъ, мужъ, человекъ неопредѣленнаго возраста, оборванный и робкій. Снова раздается крикъ: „Ефимъ!“

ИВАКИНЪ.

Ефимъ... Эй!

ЕФИМЪ

(идеть по саду вдоль плетня):

Слышу... (Матвѣю) Ты чего тутъ?

МАТВѢЙ.

Ничего... вотъ— сижу...

(Третій разъ. уже раздраженно, во-
вуть „Ефимъ!“)

ИВАКИНЪ.

Ефимъ! Что-жъ ты, братецъ ты мой...

ЕФИМЪ.

Сейчасъ.. (Матвѣю) Пошелъ прочь!.. (Снимаетъ рубаху
съ плетня, Дунькинъ мужъ кашляетъ и кланяется ему)
А... явился! Чего надо?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Изъ монастыря иду, Ефимъ Митричъ...

ЕФИМЪ (идеть).

Выгнали? У, дармоѣды... черти!

ИВАКИНЪ (Ефиму).

А ты, братецъ, иди, когда зовутъ... (Павлину) Любишь командовать старикъ...

ПАВЛИНЪ.

Всякому человѣку этого хочется.]

ИВАКИНЪ.

А люди—противъ... люди не желаютъ, чтобы пашихъ зря орали... да...

ПАВЛИНЪ.

Какъ ни поступиай, одобренія отъ людей не заслужишь... Однако, въ строгости всѣ нуждаются.

ИВАКИНЪ.

Этотъ же самый вальсъ можно играть на друго манеръ—вотъ какъ. (Играеть)

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

О Господи! Обругалъ человѣкъ всѣхъ видныхъ и невидныхъ... а за что?

МАТВѢЙ.

Жарко.

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

И мнѣ жарко, но я терплю молча... Просто—человѣкъ, который хоть нѣсколько сытъ, уже почитаетъ себя начальствомъ... Хлѣбъ да соль!

МАТВѢЙ.

Ты да свой...

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Деревенскій? Хорошо въ деревняхъ хлѣбъ пекуть.

МАТВѢЙ.

Когда мука есть, ничего, испечь могутъ... А это—у
Ивакина я купилъ...

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Скажите! Запахъ у него, однако, какъ у деревен-
скаго... Позвольте мнѣ кусочекъ... отвѣдать.

МАТВѢЙ.

Самому мало...

(Дунькинъ мужъ, вздохнувъ,
двигаетъ губами)

ИВАКИНЪ.

Вотъ... можно играть еще медленнѣе.

ПАВЛИЦЪ.

Говорите, — называется это — „Вальсъ сумасшедшаго
сзятца“?

ИВАКИНЪ.

Именно...

ПАВЛИЦЪ.

Почему же такъ? Чувствую въ этомъ нѣкоторый со-
блазнъ и какъ-бы неуваженіе къ духовному сану...

ИВАКИНЪ.

Ну, пошелъ мудрить! Экой ты, Павлицъ, придира!

ПАВЛИЦЪ.

Напрасно такъ осуждаете, ибо всѣмъ извѣстно, что
скелетъ души моей—смиреніе... но только умъ у меня
безпокойный...

ИВАКИНЪ.

Не располагаешь ты къ себѣ, братецъ мой... вотъ что!

ПАВЛИНЪ.

Ибо возлюбилъ правду превыше всего... На гоненія же не ропщу и, будучи въ намѣреніяхъ моихъ твердъ, ничего, кромѣ правды, не желаю.

ИВАКИНЪ.

Чего тебѣ желать? Домишко есть, деньжопки есть... (Слѣва слышны голоса, Ивакинъ смотритъ) Почтмейстера дочь идетъ... куда это?

ПАВЛИНЪ.

Вертихвостка... Пагубнаго поведенія дѣвнца...
(Идутъ Дробязгинъ и Веселкина)

ВЕСЕЛКИНА.

Я вамъ говорю: она была замужемъ за инженеромъ.

ДРОБЯЗГИНЪ.

Марья Ивановна! Отчего у васъ такое недовѣріе къ фактамъ?

ВЕСЕЛКИНА.

Я вѣрю только въ то, что знаю...

ДРОБЯЗГИНЪ

(почти съ отчаяніемъ).

Но этотъ пессимизмъ совершенно не совпадаетъ съ вашей наружностью! Повѣрьте мнѣ,—мужъ Лидіи Павловны былъ директоромъ лакричнаго завода, и она его

не бросила, а просто онъ умеръ, подавившись рыбьей костью...

ВЕСЕЛКИНА.

Она его бросила, говорю вамъ!

ДРОВЯЗГИНЪ.

Марья Ивановца! У насъ въ казначействѣ все извѣстно...

ВЕСЕЛКИНА.

У насъ на почтѣ знаютъ больше вашего. Онъ укралъ деньги и теперь—подъ судомъ... и она сама въ это дѣло запутана, да-съ!

ДРОВЯЗГИНЪ.

Лидія Павловна? Марья Ивановна! Сама Татьяна Николаевна...

ВЕСЕЛКИНА.

А за то, что вы спорите, вы должны угостить меня брагой...

(Ивакинъ встаетъ и уходитъ за уголь дома. Павлинъ беретъ оставленную имъ гитару, заглядываетъ внутрь ея, трогаетъ струны)

ДРОВЯЗГИНЪ.

Извольте! А все-таки она вдова!

ВЕСЕЛКИНА.

Да? Хорошо-же... Вы увидите... (Уходятъ направо)

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ (негромко).

Слушай... дай кусочекъ, Христа ради!

МАТВѢЙ.

Что-жъ ты, чудакъ, прямо не сказалъ? Просишь отвѣдать.. развѣ хлѣбъ отвѣдываютъ?

(Въ садъ является Ивакинъ, ставитъ на столъ кувшинъ браги, два стакана и смотритъ вдаль)

ДУПЬКИНЪ МУЖЪ.

Стыдно было прямо-то... спасибо!

ИВАКИНЪ.

Павлинъ! Городъ-то... красота! Какъ яичница па сковородѣ... а?

ПАВЛИНЪ.

Проведутъ желѣзную дорогу—все испортятъ...

ИВАКИНЪ.

Чѣмъ испортятъ? Каркай!

ПАВЛИНЪ.

Нашествіемъ чужихъ людей...

(Входятъ въ садъ Веселкина и Дробязгинъ, садятся за столъ, пьютъ брагу и вполголоса разговариваютъ. Ивакинъ и Павлинъ уходятъ за уголь)

МАТВѢЙ.

Ты кто будешь?

ДУПЬКИНЪ МУЖЪ.

Мѣщанинъ... изъ города...

МАТВѢЙ.

У васъ мѣщане богатые... а ты что?

ДУПЬКИНЪ МУЖЪ.

А я—ослабъ. Раззорила меня жепя... жепя, братъ... Сначала—ничего была... жили дружно. Красивая она, бойкая.. да. А потомъ—скучно, говорить, мнѣ. Начала вино пить... и я съ ней тоже...

МАТВѢЙ.

И ты?

ДУПЬКИНЪ МУЖЪ.

И я.. что подѣлаешь? Въ распутство она ударилась... сталъ я тогда бить ее... да. А она—сбѣжала... Дочь была у меня... и дочь сбѣжала на пятнадцатомъ году... (Замолчалъ; задумался)

ДРОВЯЗГИНЪ (громко).

Это неправда, Марья Ивановна! Докторъ и Надежда Поликарповна... они оба люди романическіе...

ВЕСЕЛКИНА.

Т-ссъ! Тихе!

МАТВѢЙ.

Она тоже распутная?

ДУПЬКИНЪ МУЖЪ.

Кто?

МАТВѢЙ.

Дочь?

ДУПЬКИНЪ МУЖЪ.

Нѣтъ... не знаю. Неизвѣстно мнѣ, гдѣ она... Опять же мнѣ вотъ, пьяному, кто-то внутренности отбилъ.. нездоровъ я теперь, въ работу—не гожусь... да и не умѣю ничего...

МАТВѢЙ.

Ишь ты... какъ-же ты?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Такъ ужъ... какъ придется...

ДРОВЯЗГИПЪ (вскакиваетъ).

Марья Ивановна! Это удивительно... и даже ужасно!
Вы совсѣмъ не вѣрите ни во что свѣтлос...

ВЕСЕЛКИНА.

Не кричать! Вы совсѣмъ безумный.

ДРОВЯЗГИПЪ.

Нѣтъ! Чтобы Лидія Павловна... чтобы исправникъ ..

ВЕСЕЛКИНА.

Сядьте вы...

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Сегодня инженеры пріѣдутъ...

МАТВѢЙ.

Дорогу строить?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Да... Дороги строить, а идти человѣку некуда...

МАТВѢЙ.

Работа будетъ... а? Вотъ бы... поработать-бы!

(Въ саду является Павлинъ—
онъ идетъ къ столу, Веселкина
видитъ его)

ВЕСЕЛКИНА (негромко).

Головастикивъ идетъ...

ДРОВЯЗГИНЪ.

А, мудрецъ! Что скажете?

ПАВЛИНЪ.

Желаю добраго здоровья...

ДРОВЯЗГИНЪ.

Спасибо...

ПАВЛИНЪ.

Сейчасъ черезъ рѣку городской голова переѣхалъ, сюда идетъ...

ВЕСЕЛКИНА.

Это онъ инженеровъ хочетъ встрѣтить... скажите! Такой гордый старикъ...

(Ивакинъ идетъ, отдуваясь)

ДРОВЯЗГИНЪ.

Да... Что, Иванъ Ивановичъ, жарко?

ИВАКИНЪ

(смотреть вдаль налѣво).

Да-а...

ПАВЛИНЪ.

Это ваше нетерпѣніе увеличиваетъ жару... Я вотъ пшкого не жду и потому жары не чувствую...

ИВАКИНЪ.

Докторъ идетъ... акцизный...

ВЕСЕЛКИНА.

Кого-жъ мы ждемъ? Намъ ждать некого. .

ПАВЛИНЪ.

Я не про васъ—это вотъ онъ племянника ждетъ...

ДРОВЯЗГИНЪ.

Студента?

ПВАКНИЪ.

Да... Архипъ Притыкинъ съ ними...

ВЕСЕЛКИНА.

Первый студентъ въ нашемъ городѣ. Это очень интересно!

ДРОВЯЗГИНЪ.

Не первый ужь, Марья Ивановна! Статистикъ, который застрѣлился...

ВЕСЕЛКИНА.

Онъ не кончилъ учиться...

ПАВЛИНЪ.

Да, его исключили вонъ за политическое поведене...

ПВАКИНЪ (грубовато).

А застрѣлился онъ потому, что ты доносъ на него написалъ... а зачѣмъ это тебѣ понадобилось—песъ тебя знаетъ! (Идетъ прочь)

ПАВЛИПЪ

(вслѣдъ ему).

Вредоносному всегда буду противорѣчить... Грубаго характера человекъ Иванъ Ивановичъ! И притомъ—не-справедливъ. Миѣ доподлинно извѣстно, что господинъ статистикъ Рыбинъ отъ безнадежности своей любви къ Надеждѣ Поликарповнѣ застрѣлился...

ДРОВЯЗГИНЪ.

Почему это вамъ все извѣстно?

ПАВЛИНЪ.

Потому что я внимателенъ...

(Идутъ съ лѣвой стороны по доро-
гѣ докторъ, Монаховъ и При-
тыкинъ. Дунькинъ мужъ не-
замѣтно исчезаетъ. Матвѣй вста-
етъ, кланяется)

ПРИТЫКИНЪ.

Нѣтъ, докторъ, вы меня извините, а какая прият-
ность въ томъ, чтобы рыбу удить, я не могу понять!

ДОКТОРЪ (угрюмо).

Рыба—молчить...

МОНАХОВЪ.

Что вы, батя, вообще, понимаете? Весьма немного...
лѣтомъ—купаться, зимой—въ банѣ париться—вотъ всё
ваши духовныя наслажденія...

(Павлинъ отходить къ завалин-
кѣ и садится поближе къ плетню)

ПРИТЫКИНЪ.

Тѣло человѣче любить чистоту...

ДРОВЯЗГИНЪ (кричить).

А мы уже здѣсь!..

ДОКТОРЪ

(остановился у плетня).

Спросите браги, Дробязгинъ...

ДРОВЯЗГИНЪ (кричить).

Ивакинъ! Давайте браги, похолоднѣе, побольше!

ПРИТЫКИНЪ.

Играя въ стуколку, приятно обремизить человѣка...

МОНАХОВЪ.

Не спорю...

ПРИТЯКИПЪ.

Опять же музыка... Когда трубачи дѣйствуютъ, я чувствую себя военнымъ.

ДОКТОРЪ

(Монахову, сумрачно усмѣхаясь).

Это онъ льститъ вамъ...

(Дробязгинъ подходитъ къ плетню и стоитъ, слушая. Замѣтно, что ему хочется вступить въ разговоръ, но онъ не успѣваетъ въ этомъ. Веселки на отходить въ глубь сада, смотреть на городъ, тихо напѣвая)

ПРИТЯКИНЪ.

Какая мнѣ въ этомъ польза? А что, обучивъ пожарныхъ музыкальному дѣлу, Маврикій Осиповичъ передъ всѣмъ городомъ славу заслужилъ на-вѣки—или это не вѣрно?

МОНАХОВЪ.

И-да! Могу сказать—потрудились я съ ними! Вѣдь по люди,—моржи...

ПРИТЯКИПЪ.

Я теперь, Маврикій Осиповичъ, даже на самоваръ глядя—васъ вспоминаю.

ДОКТОРЪ (безъ улыбки).

Развѣ онъ похожъ на самоваръ?

(Дробязгинъ смѣется)

ПРИТЯКИПЪ.

Нисколько! Я хочу сказать, что все мѣдное напоминаетъ мнѣ про васъ...

ДОКТОРЪ.

Опъ васъ изувѣчить похвалами...

ПРИТЯКНИЪ.

Т.-с. про ваши труды въ музыкѣ...

МОНАХОВЪ.

Что это вы, батя, такъ сладко поете, а?

(Ивакинъ принесъ брагу, идетъ къ плетню)

ПРИТЯКНИЪ.

Ежели я и пою, то какъ жаворонокъ, безо всякой корысти... А что докторъ насмѣхается, такъ онъ лицо мрачнаго характера и, кромѣ рыбы, ничего не любитъ...

МОНАХОВЪ

(смотреть въ сторону).

А дамы наши, видно, устали: вонъ едва идутъ...

ДРОВЯЗГНИЪ.

Татьянѣ Николаевнѣ всѣхъ труднѣе при ихъ полнотѣ и годахъ...

ИВАКИНЪ.

Пожалуйте брагу кушать...

ДОКТОРЪ.

Ну, кругомъ я не пойду... (Шагаетъ черезъ плетень)

МОНАХОВЪ.

А Лидія Павловна къ нашей компаніи интереса не чувствуетъ...

ДРОВЯЗГНИЪ.

Дама свѣтская... гордаго образа жизни...

ПРИТЫКИНЪ.

Хорошо она на лошади скачетъ...

МОПАХОВЪ.

Н-да-а! Это, батя, она умѣетъ...

ПРИТЫКИНЪ.

Вотъ, о пріятномъ говоря, женскій полъ забыли мы, а что можетъ быть пріятнѣе? Я, конечно, не про супругу мою говорю...

МОПАХОВЪ (смѣясь).

Идемте, Фомичъ, брагу пить... (Идутъ вдоль плетня)

ПРИТЫКИНЪ.

Однако, времени не мало, пора-бъ ужъ почтѣ быть... Посмотримъ, каковы они, строители-то...

МОПАХОВЪ.

Н-да, интересно... Картежники, павѣрпо...

ПРИТЫКИНЪ.

И выпить любятъ, я полагаю... а?

(Уходятъ. Дунькинъ мужъ является)

МАТВѢЙ.

Это они инженеровъ встрѣчать собрались?

ДУПЬКИНЪ МУЖЪ.

На ярмарку ходили въ село... для прогулки. Но, конечно, которые люди съ деньгами, они всякому нужны...

(Съ правой стороны является Лидія Павловна въ амазонкѣ, съ хлыстомъ)

Л П Д І Я П А В Л О В Н А .

Послушайте—будьте добры подержать мою лошадь,
я вамъ заплачу...

М А Т В Ъ Й .

Ладно... я могу...

Л П Д І Я П А В Л О В Н А .

Пожалуйста. . (Уходитъ направо)

М А Т В Ъ Й .

Эхъ ты... какая!

Д У Н Ъ К И П Ъ М У Ж Ъ
(завистливо и безпокойно).

Вотъ... кабы тебя не было, пришлось бы за лошадью
мпѣ смотрѣть... эхъ! Ежели она много дастъ, дай ты
мпѣ хоть пятакъ, а?

М А Т В Ъ Й .

А, можетъ, она всего пятакъ дастъ.

(Уходятъ оба направо. Въ саду
разговариваютъ докторъ и Ве-
селкина)

Д О К Т О Р Ъ (угрюмо).

Сочиняютъ—въ молодости...

П А В Л И П Ъ (вставая).

Осмѣлюсь заявить,—святые отцы и въ преклонномъ
возрастѣ сочиняли...

Д О К Т О Р Ъ .

Ну-съ?

ПАВЛИЦЪ.

Больше ничего-съ...

(Идутъ Притыкина и Монахова,—женщина очень красивая, большая, съ огромными, неподвижными глазами. Сзади Богаевская)

НАДЕЖДА.

Тогда онъ говоритъ ей: Аллса! Моя любовь не умретъ раньше меня, а пока я живъ—я твой!

ПРИТЫКИНА.

Вонъ какъ! Наши мужчины и словъ такихъ не знаютъ...

НАДЕЖДА

(садится на бревно).

Французъ невѣренъ, но любитъ страстно и благородно... Испанецъ въ любви доходитъ даже до свирѣпости, а влюбленный итальянецъ обязательно ночью на гитарѣ играетъ подъ окномъ женщины, въ которую влюбленъ.

БОГАЕВСКАЯ.

Напрасно тебя, Надежда, грамотѣ выучили!

НАДЕЖДА.

Вы, Татьяна Николаевна, въ такомъ возрастѣ, когда все это уже совсѣмъ не интересно, а я...

БОГАЕВСКАЯ.

А ты—только языкъ чешешь...

НАДЕЖДА (серьезно).

Подождите...

ПРИТЫКИНА

А я вамъ завидую, милая вы моя.. Сколько вы лю-

бовныхъ исторіи знаете п какія все хорошія исторіи!
Какъ сны дѣвчьи... Гдѣ же мой Архипъ?

БОГАЕВСКАЯ.

Лидочкина лошадь стоитъ...

НАДЕЖДА.

Познакомьте меня съ пей...

БОГАЕВСКАЯ.

Съ лошадыю?

НАДЕЖДА (серьезно).

Нѣтъ, съ Лидіей Павловной...

БОГАЕВСКАЯ.

Вотъ ты, душа моя, тысячи романовъ прочитала, а
правильно спросить не умѣешь... въ смѣшное положе-
ніе ставишь себя, да!

НАДЕЖДА (спокойно).

Ничего... Всякъ по-своему умень.

БОГАЕВСКАЯ

(кричить и идетъ направо).

Лидуша!

ПРПТЯКПНА (негромко).

Какъ она груба съ вами.. ай-ай!

НАДЕЖДА (спокойно).

Дворяне съ простыми людьми всегда такъ гово-
рятъ—и даже въ романахъ, гдѣ все описывается лучше
правды, дворяне—дерзкіе... Смотрите, какая она кра-
савица!

(Богаевская, за ней Лидія)

БОГАЕВСКАЯ.

Вотъ, Лидуша, Надежда Поликарповна проситъ познакомиться ея съ тобой... (Монахова присѣдаетъ) Видишь, даже присѣдать умѣетъ...

(Докторъ подходитъ)

НАДЕЖДА.

Я васъ знаю... вы каждый день мимо нашего дома на лошади скачете... А я смотрю и люблюсь—точно вы графиня или маркиза... Очень красиво это.

ЛИДИЯ.

Я часто вижу ваше лицо въ окнѣ и тоже люблюсь имъ...

НАДЕЖДА.

Благодарю васъ! Похвалу красотѣ своей и отъ женщины слышать пріятно...

БОГАЕВСКАЯ.

Ишь ты!

ДОКТОРЪ (сумрачно).

Отъ женщины пріятнѣе, или отъ мужчины?

НАДЕЖДА.

Какъ слѣдуетъ оцѣнить красоту, конечно, только мужчина...

ЛИДИЯ.

Какъ вы... увѣренно сказали это...

ПРИТЫКНИНЪ (кричитъ).

Господа! Блудь! Чу!

(Всѣ прислушиваются,—звонъ бубенцовъ)

НАДЕЖДА (Лидіи).

Вамъ интересно знать, какіе они?

ЛИДІЯ.

Кто? Тетя, намъ пора идти.

НАДЕЖДА.

Инженеры...

ПРИТЯКНИНЪ (выбѣгаетъ).

Сейчасъ пріѣдутъ!

ЛИДІЯ (Монаховой).

Нѣтъ...

БОГАЕВСКАЯ.

Устала я, Лидуша... подожди!

НАДЕЖДА.

А я жду ихъ, какъ праздника...

ПРИТЯКНИНЪ.

И вдругъ—они старше!

ЛИДІЯ

(теткѣ, негромко).

Это похоже на торжественную встрѣчу и—смѣшно.

БОГАЕВСКАЯ.

Идемъ въ садъ... я только выпью чего-нибудь...
Идемте въ садъ!

(Все идутъ за нею)

ПРИТЯКНИНЪ.

Пріѣхали... а, докторъ? Интересно!

ДОКТОРЪ (угрюмо).

Почему? Вотъ если-бы они нѣшкомъ пришли... ну,
это туда-сюда!

ПАДЕЖДА.

Какія глупости!

БОГАВСКАЯ.

Она хотѣла-бы видѣть ихъ верхами, въ латахъ, въ плащахъ...

(Уходятъ все направо, ихъ медленный говоръ заглушаетъ звонъ бубенцовъ. Справа медленно идетъ, заложивъ руки за спину, Рѣدوزубовъ,—сѣдой, суровый старикъ съ черными лохматыми бровями. Останавливается, слушая шумъ на станціи. Является Павлинъ, издали снимая картузь)

РѢДОЗУБОВЪ.

Здорово... ну?

ПАВЛИНЪ.

О вашемъ драгоценномъ здравіи что услышу пріятнаго?

РѢДОЗУБОВЪ.

У доктора спроси. Приѣхали? Они?

ПАВЛИНЪ.

Именно—всеми ожидаемые инженеры; одинъ пожилой, бритый, съ усами, и какъ-бы уже нѣсколько хмѣлень... другой—помоложе и весьма рыжеватъ. При нихъ дама—молодая, красивая—и прислуга съ нею — дѣвица франтовитая. Въ двухъ экипажахъ ѣхали, а третій съ вещами и со студентомъ, племянникомъ Ивана..

РѢДОЗУБОВЪ.

А ошъ какъ... съ ними?

П А В Л И Н Ъ .

Видимо, по бѣдности состоянія приспособился изъ милости...

Р Ѣ Д О З У Б О В Ъ .

Лошадь—Богаетской?

П А В Л И Н Ъ .

Ихняя. Она въ Фокино ѣздила на прогулку... А теперь—у Дарьи Ивакиной туалетъ опрываетъ... Дарья-то вѣдь у нихъ долго въ горничныхъ жила... а мать ея — ихъ же ключница...

Р Ѣ Д О З У Б О В Ъ
(угрюмо усмѣхаясь).

Про бабушку ничего не знаешь?

П А В Л И Н Ъ .

Не припомню...

(Притыкинъ идетъ)

П Р И Т Ы К И Н Ъ .

Мое почтеніе, Василиіи Ивановичъ!

Р Ѣ Д О З У Б О В Ъ
(не давая руки).

Здравствуй...

П Р И Т Ы К И Н Ъ .

Гостей встрѣтить пожелали?

Р Ѣ Д О З У Б О В Ъ .

На что они мнѣ?

П Р И Т Ы К И Н Ъ .

Вообще. Люди, городу полезные.

Р Ѣ Д О З У Б О В Ъ
(идеть къ станціи).

Ну, пускай городъ и встрѣчаетъ...

ПРИТЫКИНЪ (негромко).

Вретъ?

ПАВЛИНЪ.

Врутъ. О подрядѣ на шпалы мечтають...

ПРИТЫКИНЪ.

Ишь, старый чортъ! Ты, Павлинъ, познакомься съ прислугой ихней и разузнай... вообще... какъ и что... поняль?

ПАВЛИНЪ.

Поняль...

(Оба идутъ къ станціи; въ саду являются Ивакинъ, обрадованный, и Степанъ Лукинъ)

СТЕПАНЪ.

Ну, какъ живешь?

ИВАКИНЪ.

Видишь—здоровъ... а еще чего-же надо? А ты—желтовать... эхъ ты! Брандахлысть... Зачѣмъ въ тюрьмѣ сидѣль?..

СТЕПАНЪ.

Безъ этого—нельзя. Это, братъ, теперь всеобщая повинность, вродѣ воинской... А впрочемъ — пустяки... и ты объ этомъ не говори, братъ,—ладно?

ИВАКИНЪ.

Тоже, братъ! Я тебѣ не братъ, а дядя...

СТЕПАНЪ.

Ну, вотъ еще! Какой ты дядя? Просто ты — другъ моего дѣтства... Ты смотри—у меня въ нѣкоторомъ родѣ борода и грива, а у тебя еще волосы не отросли...

И В А К И Н Ъ.

Ну-ну! Пей брагу-то... а старшихъ почитай... (При-
тыкинъ выбѣгаетъ, оглядывается) Вы чего, Архипъ Фо-
мичъ?

П Р И Т Ы К И Н Ъ.

Да вотъ... Эй, парень, поди сюда!

М А Т В Ъ Й.

Чего?

П Р И Т Ы К И Н Ъ.

Ты меня знаешь? Бѣги въ городъ, ко мнѣ, скажи,
чтобы лошадей подали къ перевозу и пролетку, и бричку,
и телѣгу еще для багажа—понялъ? Катай!

(Бѣжитъ къ станціи)

М А Т В Ъ Й (скрывается).

Землячокъ, гляди за лошадью...

И В А К И Н Ъ.

Завертѣлся городъ Верхополье!

С Т Е П А Н Ъ.

Что у васъ съ мостомъ?

И В А К И Н Ъ.

Дождь пелъ, ну и сорвало... а голова чинить не то-
ропится, перевозъ-то въ его рукахъ... Ты знакомъ съ
инженерами-то?

С Т Е П А Н Ъ.

Служить у нихъ буду... А какъ твои пчелы? Гитара?
Удочки?

ИВАКИНЪ.

Все въ порядкѣ...

(Идутъ докторъ, Монаховъ, Дробязгинъ, Веселкина. Ивакинъ и Степанъ уходятъ изъ сада. Намѣсто ихъ является Павлинъ,—постоявъ, исчезаетъ и снова появляется во время разговора Цыганова съ Дунькинымъ мужемъ)

МОНАХОВЪ (съ завистью).

А Притыкинъ живо познакомился, шельма!

ВЕСЕЛКИНА.

Докторъ, вы замѣтили, какой этотъ молодой... точпо факель!

ДОКТОРЪ.

Ну, гдѣ вы видѣли факелы?

ВЕСЕЛКИНА.

А на похоронахъ... помните—князя Хрящеватаго хоронили?

ДРОВЯЗГИНЪ.

Какіе у нея глаза! Маврикій Осиповичъ, вы обратили вниманіе?

ВЕСЕЛКИНА.

Глупости! Глаза вполне обыкновенные...

ДРОВЯЗГИНЪ.

Вовсе нѣтъ! Замѣчательно поэтическіе...

МОНАХОВЪ.

При одной дамѣ невѣжливо говорить о красотѣ другой дамы... вотъ что!

ДОКТОРЪ.

Противно. Бросились всё... какъ осеннія мухи на огонь...

ПРПТЪКНЦЪ (кричитъ).

Докторъ! Пожалуйте сюда...

ДОКТОРЪ.

Зачѣмъ это?

ПРПТЪКНЦЪ.

По специальности... нужно...

ДОКТОРЪ (идетъ).

Ерунда...

МОНАХОВЪ (съ завистью).

Вотъ и вы, батя, познакомитесь...

(Въ селкина идетъ вслѣдъ за докторомъ, навстрѣчу ей — Цыгановъ, изящно одѣтый баринъ, немного хмѣльной; она смущается и почему-то рѣзко отворачивается отъ него. Цыгановъ вопросительно поднялъ брови. Дробязгинъ клапается ему)

ЦЫГАНОВЪ

(дотрагиваясь до шляпы).

Мое почтеніе... съ кѣмъ имѣю честь?

ДРОВЯЗГИЦЪ (смущенъ).

Порфирій... т.-е. служащій въ казначействѣ Порфирій Дробязгинъ... чиновникъ-съ!

ЦЫГАНОВЪ.

А-а! Очень пріятно... Скажите,—въ этомъ городѣ гостинница есть?

ДРОВЯЗГНІЪ.

Есть... съ билліардомъ! Прогимназія есть... жецскал...

ЦЫГАНОВЪ.

Прогимназія? Благодарю васъ, это мнѣ не такъ необходимо... А извоцики есть?

ДРОВЯЗГНІЪ.

Три! Около церкви стоятъ.

ЦЫГАНОВЪ

(смотреть на городъ).

Не слышать, если позвать?

ДРОВЯЗГНІЪ (улыбаясь).

Гдѣ же-съ! Тутъ—разстояніе...

ДУНЬКІНЪ МУЖЪ

(съ лѣвой стороны).

Ваше благородіе! Помогите большому и несчастному...

ЦЫГАНОВЪ

(доставая монету).

Пожалуйста... извольте!

ДУНЬКІНЪ МУЖЪ

(вздрагивая отъ радости).

Дай вамъ, Господи... пошли вамъ... (Захлебнулся и исчезаетъ)

ЦЫГАНОВЪ.

Пѣть?

ДРОВЯЗГНІЪ.

Нѣтъ. Дѣйствительно несчастный... боленъ и... вообще... жена у него сбѣжала...

МОНАХОВЪ (подходя).

Извините, что смѣю...

ЦЫГАНОВЪ.

Пожалуйста...

МОНАХОВЪ.

Маврикій Осиповичъ Монаховъ, акцизный надзира-
тель...

ЦЫГАНОВЪ.

Весьма польщенъ... Сергѣй Николаевичъ Цыгановъ...

МОНАХОВЪ.

Гостинница—грязная, позволю сообщить вамъ, и въ
пей клопы...

ДРОВЯЗГИНЪ.

Пессомнѣнныя... и—множество!

МОНАХОВЪ.

Вамъ надо снять домъ Богаевской, лучший домъ въ
городѣ... знаете, та ой барскій! Кстати, она здѣсь еще,
кажегся... Я вамъ сейчасъ устрою это...

(Быстро идетъ, навстрѣчу ему
Анна Федоровна и Степа)

ЦЫГАНОВЪ.

Но позвольте... вы такъ любезны... Послушайте!

ДРОВЯЗГИНЪ

(срываясь съ мѣста).

Сейчасъ я его ворочу...

ЦЫГАНОВЪ.

Да нѣтъ-же! Это неловко!.. Убѣжалы!

АННА.

Что такое?

ЦЫГАНОВЪ.

Они здѣсь любезны... какъ истинные дикари! Могу васъ поздравить: въ городѣ нѣтъ гостинницъ... т. е. гостинница есть, но она—занята клопами.

АННА.

И трудно попасть въ этотъ городъ... что-то случилось съ паромомъ...

ЦЫГАНОВЪ

(манить пальцемъ).

Послушайте. Подите сюда! (Является Дунькинъ мужъ) Скажите,—есть въ вашемъ городѣ что-нибудь... замѣчательное?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Раки-съ... огромные раки!

(Степа пристально всматривается въ него)

ЦЫГАНОВЪ.

Это недурно... иногда. Но вѣдь они, вѣроятно, въ рѣкѣ живутъ, а не въ городѣ?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Да... въ рѣкѣ. Живые—они въ водѣ.

СТЕПА (тихо).

Анна Федоровна... вотъ онъ!

АННА.

Кто?

СТЕПА.

Отцъ мой... отецъ... какъ-же быть?

ЦЫГАНОВЪ.

А что-же есть въ городѣ?..

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Пожарные играютъ на трубахъ... на мѣдныхъ трубахъ... Акцизный научилъ.

АПНА.

Молчите... встаньте сзади меня...

ЦЫГАНОВЪ.

Громко играютъ?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Во весь духъ!

СТЕПА.

Я уйду туда... на станцію... онъ не видѣлъ меня...

ЦЫГАНОВЪ.

Это меня не утѣшаетъ... нѣтъ! Ну, благодарю васъ... возьмите себѣ вотъ это.

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Ваше высокородіе... (Хочетъ поцѣловать руку)

ЦЫГАНОВЪ (брезгливо).

Это лишнее, мой другъ... идите!

СТЕПА

(глядя вслѣдъ отцу).

Нищій... Я говорила вамъ, что встрѣчу его... что мнѣ нельзя сюда ѣхать... я говорила!

АННА.

Вы успокойтесь! Я все устрою для того, чтобы онъ не трогалъ васъ.

СТЕПА.

Я боюсь: онъ замучилъ мать... нищій!

ЦЫГАНОВЪ.

Въ чемъ дѣло—можно спросить?

АННА.

Это ея отецъ...

ЦЫГАНОВЪ.

О-о! Это оригинально...

АННА.

Только? Идите, Степа, на станцію...

ЦЫГАНОВЪ.

Мы не дадимъ васъ въ обиду...

ЧЕРБУНЪ

(кричить, не показываясь).

Анна! Иди сюда... Анна!

ЦЫГАНОВЪ

(смотреть по направленію голоса).

Съ кѣмъ онъ говоритъ? Позвольте... чортъ меня по-
бери! Не можетъ быть...

АННА

(идя на зовъ).

Что съ вами?

ЦЫГАНОВЪ

(радостно простирая руки).

Лидія Павловна, это вы? Вы!

ЛИДІЯ
(идеть навстрѣчу).

Дядя Сержъ.

ЦЫГАНОВЪ.

Вы! Здѣсь, въ этой Огненной землѣ, у дикарей! Почему?

(Въ саду—Веселкина. Она гуляетъ, обмахивая лицо цвѣтами. Потомъ приходитъ Дробязгинъ, и они ходятъ рядомъ, прислушиваясь къ разговору)

ЛИДІЯ.

Я пріѣхала къ теткѣ... рада видѣть васъ! Но вы, какъ всегда...

ЦЫГАНОВЪ.

Таковъ мой рокъ! Первое знакомство на этой землѣ—акцѣнный!

ЛИДІЯ.

Дама—ваша жена?

ЦЫГАНОВЪ.

Моя? У меня не было и не будетъ собственности... А гдѣ-же вашъ почтеннѣйшій супругъ?

ЛИДІЯ.

Не знаю, право... это меня интересуетъ меньше всего...

ЦЫГАНОВЪ.

Поняли-ли вашъ отвѣтъ?.. браво! Вы разошлись, наконецъ? Да?

ВЕСЕЛКИНА

(слышала восклицаніе Цыганова).

Ну-съ? Чья правда?

(Дробязгинъ смущенно сжатыся)

ЛИДІЯ.

Не надо шумѣть...

ЦЫГАНОВЪ.

Вы уже познакомились съ моимъ товарищемъ?.. Жоржъ, иди сюда... Это мужчина интенсивно рыжій и очень дерзкій... Ты знаешь, кто это, Жоржъ? Ты помнишь, я говорилъ тебѣ всегда и много о женщинѣ...

ЧЕРКУНЬ

(пожимая руку).

Да, помню... Дѣйствительно, онъ часто говорилъ о васъ...

ЛИДІЯ.

Это меня трогаетъ...

ЧЕРКУНЬ.

Но я не ждалъ, что встрѣчу васъ когда-нибудь... тѣмъ болѣе въ этой области мертвого унынія...

ЛИДІЯ.

Вамъ не нравится городъ?

ЧЕРКУНЬ.

Я не люблю пасторалей.

ЦЫГАНОВЪ.

Онъ любитъ только скандалы...

(Въ саду является Надежда, стоитъ и упорно смотритъ на Черкуна. Неподвижна, какъ статуя, лицо у нея каменное)

ЧЕРКУНЬ.

Маленькіе домики прячутся въ деревьяхъ, точно

птичьи гнѣзда... Это до тоски спокойно... и до отвраще-
нiя мило... И ужасно хочется растрепать эту идиллію.

ЦЫГАНОВЪ.

Ты познакомь ее съ женой.

ЧЕРКУНЪ.

Ахъ, да! Вы позволите?

Л И Д І Я .

Пожалуйста... Но какъ вы... рѣзко отнеслись къ бѣд-
ному городу...

ЦЫГАНОВЪ.

Теперь-то, я знаю, вы оцѣните нѣжность моей души
и всѣ другія мои достоинства...

ЧЕРКУНЪ.

Все, что я вижу, — сразу нравится или не нравится мнѣ.

ЦЫГАНОВЪ.

У него — никакихъ достоинствъ!

Л И Д І Я .

Человѣкъ изъ однихъ недостатковъ — это ужь нѣчто
опредѣленное...

ЦЫГАНОВЪ

(замѣтилъ Монахову).

Гм . Да познакомь же ее съ твоей женой, Жоржъ!

ЧЕРКУНЪ.

Анна! Вотъ ей, вѣроятно, нравится эта милая кар-
тина... она у меня любитъ покой, тишину, любитъ меч-
тать...

ЛИДИЯ.

Многіе въ этомъ видятъ поэзію..

ЧЕРКУПЪ.

Труссы, лѣвтяц, усталые...

ЦЫГАНОВЪ.

Кто эта почтенная матрона, съ которой идетъ сюда твоя жена?

ЛИДИЯ.

Это моя тетя...

ЧЕРКУПЪ.

Знакомься, Анна.

БОГАВВСКАЯ.

Вотъ, Лидуша, представляю... они сняли у меня большой домъ...

АННА.

Я очень рада... что все устроилось такъ быстро и хорошо.

ЦЫГАНОВЪ.

Да здравствуетъ акцизный надзиратель! Это онъ—виновникъ торжества...

ЛИДИЯ.

Тише,—въ саду его жена...

ЦЫГАНОВЪ.

Это его жена?... Гм...

(Разсматриваетъ Надежду)

АННА.

Но я такъ устала... хотѣлось бы скорѣе пріѣхать куда-нибудь...

БОГАЕВСКАЯ.

Сейчасъ подадутъ паромъ...

(Надежда медленно уходитъ)

ЧЕРБУНЪ.

А на берегу — насъ уже дожидаются лошади этого
гуща... какъ его?

БОГАЕВСКАЯ.

Притыкинъ... Лидуша, я поѣду въ лодкѣ... распро-
рлжусь тамъ... надо для нихъ...

А П П А.

О, не безпокойтесь...

ЧЕРБУПЪ.

Мы не безпомощны..

Л И Д И Я (теткѣ).

Подожди! (Аннѣ) Вы ѣздите верхомъ?

А П П А.

О, пѣтъ!

Л И Д И Я.

Жаль. Я хотѣла предложить вамъ мою лошадь...
Тамъ, выше по рѣкѣ, есть бродъ...

А П П А.

Благодарю васъ... Я боюсь лошадей... Я видѣла од-
пажды, какъ лошадь убила мальчика... Съ той поры
мнѣ кажется, что всякая лошадь хочетъ убить человѣка.

Л И Д И Я (улыбаясь).

Но въ экипажахъ вы ѣздите? Не боитесь?

АННА.

Нѣтъ, не такъ. Тамъ впереди меня сидить кучеръ или извозчикъ.

ЧЕРКУНЪ.

Можетъ быть, это очень трогательно, Анна, но, ей Богу... не остроумно!

АННА.

Я вовсе не пытаюсь быть остроумной...

ЦЫГАНОВЪ (Лидіи).

Итакъ, я снова вижу васъ!..

ЧЕРКУНЪ.

Иногда слѣдуетъ попытаться, знаешь ли!

ЦЫГАНОВЪ.

Вѣдь это почти чудо, а?

ЛИДІЯ.

А можетъ быть, это только доказательство, какъ тѣща живишь?

БОГАЕВСКАЯ (Аннѣ).

Вы посмотрите, какой нарядный городишко...

(Отводитъ Анну ближе къ плетню)

ЦЫГАНОВЪ.

Вы стали еще красивѣе... И что-то новое явилось у васъ въ глазахъ...

ЛИДІЯ.

Вѣроятно, это скука...

ЧЕРКУНЪ.

Вамъ скучно?..

ЛИДИЯ.

Мнѣ кажется,—жизнь, вообще, не очень весела.

(Идетъ Рѣдозубовъ со стороны станціи. Подходить, останавливается, кашляетъ. Его не замѣчаютъ. Поднимаетъ руку къ фуражкѣ—быстро опускаетъ ее, какъ бы испугавшись, что это движеніе замѣчено)

ЧЕРКУНЬ.

Не ожидалъ, что вы такъ скажете...

ЛИДИЯ.

Почему?

ЧЕРКУНЬ.

Не знаю... Но мнѣ казалось,—вы иначе должны смотреть на жизнь...

ЛИДИЯ.

Что такое жизнь? Люди. Я много видѣла людей, они однообразны...

РѢДОЗУБОВЪ.

Я—здѣшній градской голова... Василій Ивановъ Рѣдозубовъ... голова.

ЧЕРКУНЬ (холодно).

Что-же вамъ угодно?

РѢДОЗУБОВЪ.

Я къ старшему. Вы—начальникъ?

ЦЫГАНОВЪ.

Мы оба начальники,—можете это представить?

РѢДОЗУБОВЪ.

Все равно. Вамъ лѣсъ на шпалы понадобится?

ЧЕРКУНЬ (сухо).

Милѣйшій, о дѣлахъ я буду говорить черезъ недѣлю, не раньше...

(Пауза)

РѢДОЗУБОВЪ (удивленъ).

Вы... можетъ, не того...

ЧЕРКУНЬ.

Что?

РѢДОЗУБОВЪ.

Я сказалъ... я, молъ, голова здѣшній...

ЧЕРКУНЬ.

И это слышаль... ну-съ?

РѢДОЗУБОВЪ

(сдерживая гнѣвъ).

Мнѣ 63 года... я староста церковный... весь городъ мнѣ подчиненъ...

ЧЕРКУНЬ.

Почему вы думаете, что мнѣ нужно знать все это?

ЦЫГАНОВЪ.

Почтеннѣйшій! Когда мы нѣсколько придемъ въ себя — мы обязательно примемъ во вниманіе всѣ ваши рѣдкія качества...

ЧЕРКУНЬ.

А пока оставьте насъ въ покоѣ. Когда будетъ нужно — мы васъ позовемъ!

(Рѣдозубовъ, смѣривъ Черкуна гнѣвнымъ взглядомъ, молча идетъ прочь)

АННА.

Зачѣмъ ты... такъ обидно, Егоръ? Онъ-же старшій...

ЧЕРКУНЪ.

Нахаль! Я знаю такихъ... Это не голова, а — пасть...
глупая и жадная пасть... я знаю...

ЦЫГАНОВЪ (Лидіи).

Какъ вамъ нравится этотъ рыжій буйанъ?

ЛИДІЯ (сухо).

По совѣсти—не очень.

БОГАЕВСКАЯ.

Лидя, нужно идти.

АННА.

Мой мужъ всегда немного рѣзокъ... но въ сущности...

ЧЕРКУНЪ.

Онъ мягокъ и добръ—ты это хотѣла сказать? Не
вѣрьте ей... Я именно таковъ, какимъ кажусь...

ЛИДІЯ.

До свиданья... Ой! Этотъ человѣкъ не умѣетъ обра-
щаться съ лошадыю...

(Быстро идетъ направо, за ней Богаевская)

БОГАЕВСКАЯ.

Такъ мы васъ ждемъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Благодаримъ и не замедлимъ...

АННА.

А гдѣ этотъ студентъ... нашъ студентъ?

ЧЕРКУНЪ

(смотреть на городъ).

Не знаю...

АННА.

Можно его попросить, чтобы онъ посмотрѣлъ за вещами, какъ ты думаешь? Степѣ—неудобно...

ЧЕРКУНЪ.

Онъ—не лакей...

ЦЫГАНОВЪ.

Жоржъ! Ты смотришь на этотъ городъ, какъ Атилла на Римъ... До чего все измельчало на свѣтѣ!

ЧЕРКУНЪ.

Отвратительный городишко... У этой женщины были любовники?

ЦЫГАНОВЪ.

Однако, братъ... это вопросъ!

АННА.

Егоръ! Фи!

ЧЕРКУНЪ.

Что? Ты шокирована? Ты не знаешь, что многія женщины имѣютъ любовниковъ?

АННА.

Объ этомъ не говорятъ такъ...

ЧЕРКУНЪ.

Они не говорятъ, я—говорю. Это безнравственно?

АННА.

Неприлично... и... грубо.

ЧЕРБУНЪ.

Я думалъ—безнравственно. Были, Сергѣй?

ЦЫГАНОВЪ.

Не знаю, мой другъ. Не допускаю... И если мнѣ скажутъ про нее что-нибудь... въ этомъ родѣ,—не повѣрю...

(Идутъ Притыкинъ, Дунькинъ мужъ)

ПРИТЫКИНЪ.

Пожалуйте, готово! Вещи ваши унесли на паромъ; прошу покорно!

ЦЫГАНОВЪ.

Благодарю васъ! Захлопотались вы, а?

ПРИТЫКИНЪ.

Помилуйте!.. Пустякъ... къ тому же долгъ гостеприимства...

ЦЫГАНОВЪ.

Вы—милѣйшій человекъ, право! А скажите—что у васъ адѣсь пьютъ?

ПРИТЫКИНЪ.

Все!

ЦЫГАНОВЪ.

А что предпочитаютъ пить?

ПРИТЫКИНЪ.

Водку...

ЦЫГАНОВЪ.

Вкусъ грубый, но—здоровый... (Проходятъ)

ЧЕРКУНЪ (Аннѣ).

Идемъ...

АННА

(береть его подъ руку).

Почему ты вдругъ сталъ такой... сумрачный? Скажи!

ЧЕРКУНЪ.

Я усталъ...

АННА.

Это неправда... ты никогда не устаешь...

ЧЕРКУНЪ.

Ну, такъ влюбился...

АННА (тихо).

Зачѣмъ такъ грубо, Егоръ? Зачѣмъ?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ (подходить).

Ваше сіятельство...

ЧЕРКУНЪ.

Пошелъ прочь...

АННА

(даетъ монету).

Возьмите...

(Уходятъ)

МАТВѢЙ (выскакиваетъ).

Сколько дала?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Двугривенный. А всего мнѣ попало рубль двадцать...

МАТВѢЙ.

Эхъ ты... А мнѣ — два пятака...

ПРИТЯКНИЪ (кричать).

Эй, парень!

МАТВѢЙ.

Бѣгу..

(Убѣгаетъ. Черезъ плечень лѣзетъ Павлинъ)

ПАВЛИНЪ.

Рубль двадцать, говоришь?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ (робко).

Рубль двадцать.

ПАВЛИНЪ.

Покажи-ка... Н-да, вѣрно... А за что? а? Нѣ, парни-
вецъ! Ступай... Стой! Сказаль бы я тебѣ одну штучку...
сказать?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Помилуйте, Павлинъ Савельичъ...

(Рѣдозубовъ идетъ)

ПАВЛИНЪ (строго).

Иди, иди! Чего трешься тутъ?

РѢДОЗУБОВЪ.

Ушли?

ПАВЛИНЪ.

Ушли...

РѢДОЗУБОВЪ.

Съ дѣвицей ихней о чемъ говорилъ?

ПАВЛИНЪ.

Вообще... но ничего не могъ... Я даже рубль ей далъ.

РЪДОЗУБОВЪ.

Зачѣмъ? Она можетъ сказать, что ты подкупалъ ее..

ПАВЛИНЪ.

Я—мысленно далъ, Василій Ивановичъ... Я только подумалъ: а что если я ей дамъ рубль? И рѣшилъ—не поможетъ! Избалованная дѣвица... (Рѣдозубовъ смотритъ на городъ, не слушая) Василій Ивановичъ! А вѣдь она—бѣглая, Дунькина мужа дочь... сама въ этомъ со- зналась...

РЪДОЗУБОВЪ
(вдругъ, строго).

А ты знаешь, что мнѣ самъ губернаторъ руку по- даетъ?

ПАВЛИНЪ (благоговѣнно).

Какъ-же не знать! Это всѣ знаютъ...

(Пауза. Изъ окна доносится голосъ Степана)

РЪДОЗУБОВЪ (негромко).

Кто это говорить?

ПАВЛИНЪ (тихо).

Ивакина племянникъ... студентъ...

РЪДОЗУБОВЪ (такъ же).

Молчп..!

(Слушаютъ. Гдѣ-то жалобно воеетъ собака, дергаетъ коростель)

СТЕПАНЪ.

Вотъ построимъ новую дорогу и разрушимъ вашу старую жизнь... (Смѣется)

Слышалъ?

РѢДОВУВОВЪ (негромко).

Вреть онъ...

П А В Л И Н Ъ (убѣжденно).

Помни!

РѢДОВУВОВЪ.

(Идетъ прочь. П а в л и н ъ за нимъ)

М. Горькій. Варваци.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ Богаевской. На деревьяхъ растянута парусина, подъ ней простой, некрашенный столъ, очень большой; за столомъ Черкунъ, передъ нимъ ворохъ бумагъ, карты, чертежи. Домъ— съ лѣвой стороны, къ нему ведетъ широкая дорожка, въ глубинѣ сада—заборъ. Подъ деревьями налѣво, въ плетеномъ креслѣ, сидитъ Анна съ книгой въ рукахъ.

А Н Н А (ПОТЯГИВАЕОБ).

Тебѣ жарко?

ЧЕРКУНЪ.

Конечно.

А П П А.

А Сергѣя Николаевича все нѣтъ... Ты всегда больше работаешь — и всегда ты вмѣстѣ съ нимъ. Почему?

ЧЕРКУНЪ

(не поднимая головы).

Онъ имѣетъ то, чего у меня мало — опытъ, знанія...

А Н Н А.

По онъ такой... распущенный.

ЧЕРКУНЪ.

Знанія цѣннѣ нравственности... (Пауза)

А Н Н А.

Какіе любопытные всѣ здѣсь. Подсматриваютъ за нами, слѣдятъ... Наивные люди...

ЧЕРКУНЪ.

Говоря проще — идіоты ..

АННА.

Вотъ и теперь въ сосѣдномъ саду кто-то ходитъ вдоль забора и смотритъ въ щели. Я вижу, какъ блестятъ глаза.

ЧЕРКУНЬ.

Чортъ съ ними.. пускай блестятъ...

СТЕПАНЪ (идеть).

Ну-съ, нанялъ я этого Матвѣя Гогина, вотъ его паспортъ...

АННА.

Дайте мнѣ...

ЧЕРКУНЬ.

Не давайте: она сунетъ его куда-нибудь и потомъ будетъ спрашивать у меня, куда сунула... Это не очень забавно...

СТЕПАНЪ.

Ну люди здѣсь! Удивительная дичь! Смотришь на нихъ и начинаешь сомнѣваться въ будущности Россіи... А какъ подумаешь, сколько тысячъ сель и городовъ населено такими личностями,—душой овладѣваетъ пессимизмъ во сто лошадиныхъ силъ...

ЧЕРКУНЬ.

Пессимизмъ для рабочаго человѣка—излишенъ, какъ бѣлыя перчатки. Что, каковъ этотъ Матвѣй?

СТЕПАНЪ.

Кажется, не очень глупъ... Вотъ онъ самъ идетъ. Я вамъ не нуженъ?

(Матвѣй подошелъ. Одѣтъ чище, чѣмъ въ первомъ актѣ)

ЧЕРКУНЪ.

Нѣтъ. (Матвѣю) Ну-съ, что скажете?

МАТВѢЙ.

Хочу поблагодарить васъ, баринъ, за то, что взяли меня...

ЧЕРКУПЪ.

Меня зовутъ Егоръ Петровъ, я такъ же, какъ и вы, крестьянинъ, а не баринъ. Благодарить намъ другъ друга не за что: вы будете работать, я буду платить вамъ деньги. А если вы вздумаете жульничать, я васъ прогоню и отдамъ подъ судъ... Это понятно?

МАТВѢЙ.

Понялъ. Ужъ постараюсь вамъ...

ЧЕРКУПЪ.

Увидимъ... Идите.

МАТВѢЙ

(подумалъ, помялся).

Покорно благодарю...

ЧЕРКУНЪ

(взглянувъ на него).

Все-таки?

МАТВѢЙ.

Чего-съ?

ЧЕРКУПЪ.

Ничего! Ступайте...

(Пауза)

АННА.

Какъ ты требовательно относишься къ людямъ, Егоръ...

ЧЕРКУНЪ.

Такъ они относились ко мнѣ...

(Пауза)

АННА.

Тебѣ нравится Татьяна Николаевна?

ЧЕРКУНЪ.

Ея племянница—больше.

АННА.

Зачѣмъ ты дразнишь меня?

ЧЕРКУНЪ.

Зачѣмъ позволяешь? Протестуй...

(На заборѣ показывается голова
Гриши Рѣдзубова)

АННА (пугливо).

Смотри, Егоръ! Смотри...

ЧЕРКУНЪ (удивленъ)

Вамъ что нужно?

ГРИША (улыбаясь).

Ничего. Я такъ... изъ любопытства только...

ЧЕРКУНЪ.

Вы кто?

ГРИША.

Рѣдзубовъ... сосѣдь вашъ...

АННА.

Какъ онъ добродушно улыбается! Ты предложи ему,
пусть идетъ сюда...

ЧЕРКУНЪ.

Ну... идите же къ намъ! Познакомимся, что ли...

ГРИША.

Мнѣ тутъ не перелѣзть... я—толстый...

АННА (смѣясь).

А вы идите черезъ ворота...

ГРИША.

Мм... улицей, значить? Ладно...

(Исчезаетъ; идетъ Цыгановъ)

АННА.

Какой смѣшной!

ЧЕРКУНЪ.

Вотъ тебѣ и развлеченіе...

ЦЫГАНОВЪ.

Хотѣлъ уснуть и—не могъ, чортъ побери! Летаютъ уѣадныя мухи—джж, джж! И—съ размаха въ стекло—бумбъ! Садятся на носъ, щекочуть...

ЧЕРКУНЪ.

И, вѣроятно, голова болить со вчерашняго...

ЦЫГАНОВЪ.

Да-а, знаешь... радушная встрѣча инженеровъ въ уѣадномъ городѣ для меня сошла не совсѣмъ благополучно... Что такое они здѣсь пьютъ?

ЧЕРКУНЪ.

Притыкинъ называетъ это звѣробоемъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Штука високаго давленія... Ты знаешь. Жоржъ... такая странность! У меня, видимо, начинается... отрыжка, что ли. Вдругъ сегодня вспомнилъ эту... брюнеточка такая... какъ ее звали? Хористка изъ оперетки... она потомъ утопилась въ Мойкѣ... ты зналъ такую?

ЧЕРКУПЪ.

Нѣтъ...

ЦЫГАНОВЪ (задумчиво).

Маленькая... милые глазки... И вотъ сейчасъ одна муха, которой я поджегъ папиросою крылья, почему-то напомнила мнѣ эту дѣвочку... какъ ея имя?

АННА

(смотреть по направленію къ дому).

Что это? Ой... смотрите!

ЦЫГАНОВЪ.

Галлюцинація?

ЧЕРКУПЪ.

Фу, болванъ какой!

ГРИША

(въ тяжелой мѣховой шубѣ).

Вотъ и я... ф-фу! Трудно мнѣ!

ЧЕРКУПЪ.

Послушайте вы... типъ! Зачѣмъ это вы такъ нарядились?

ГРИША (улыбаясь).

Въ шубу-то? Это меня отецъ выпариваетъ... чтобы я

похудѣлъ: мнѣ осенью въ солдаты идти... такъ ° вотъ онъ жиръ изъ меня выпариваетъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Остроумно...

ЧЕРКУНЪ.

И вы позволяете такъ издѣваться надъ собой?

ГРИША.

Чего-же? Съ нимъ много не поспоришь... дерется. Да, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, если похудѣю, не возьмутъ въ солдаты-то!

ЧЕРКУНЪ.

Ну, вотъ что — снимите шубу. На васъ противно смотрѣть. Какъ вамъ не стыдно? Надъ вами, навѣрное, дѣвицы смѣются — подумайте! Что за уродство! Вы должны сказать отцу, что больше не хотите... носить шубы въ жару — понимаете?

ГРИША.

Да-а, скажи-ка ему... попробуй!

ЦЫГАНОВЪ.

Послушайте, юноша: а вдругъ отецъ сядетъ на васъ верхомъ и въ праздникъ по улицѣ возить себя заставить?

ГРИША.

Ну, онъ срамиться не станетъ: онъ гордый!

ЧЕРКУНЪ (настойчиво).

Снимите шубу!..

ГРИША (снимаетъ).

Ладно... только бы онъ не увидалъ!

АННА.

Вы его любите, да?

ГРИША (не сразу).

Старый онъ... скоро, чай, помретъ... тогда ужъ я самъ себѣ хозяинъ буду!

ЧЕРКУНЪ.

Ступайте домой и пошлите его ко мнѣ.

ГРИША (изумленъ).

Это кого—отца... послать?

ЧЕРКУНЪ.

Ну, да... онъ дома?

ГРИША (теряется).

Да... какъ же я скажу? Ишь вы! Послать... тоже! Развѣ можно? Онъ первое лицо...

ЧЕРКУНЪ (вскакивая).

О, чертъ возьми! (Идетъ къ забору)

ГРИША (пугливо).

Что вы? Что онъ дѣлаетъ? Сударыня... Я уйду... пу васъ тутъ! Вотъ озорникъ!

ЧЕРКУНЪ.

Сергѣй! Не пускай его... (Кричитъ черезъ заборъ) Эй, кто тамъ? Эй!

АННА (смѣется).

Егоръ! Право же, это лишнее...

ГРИША.

Сударыня! Это озорство! Заманили меня... а теперь... Я уйду... Что такое?

ЦЫГАНОВЪ.

Юноша, будьте героемъ! Для этого вамъ нужно только смирно ждать... садитесь!

ЧЕРБУЦЪ

(черезъ заборъ).

Это вы? Пожалуйте ко мнѣ... Что? Да, сейчасъ!

ГЪДОЗУБОВЪ (за заборомъ).

Григорій! Гришка!

ГРИША (испуганъ).

Зоветь... У-у-у! Батюшки!

ЧЕРБУЦЪ.

Охъ здѣсь, у меня...

ЦЫГАНОВЪ.

Вотъ двигается еще одинъ образецъ мѣстной фауны...

ГРИША (со страхомъ).

Разъ! Это Палагея Притыкина... ну!

ЦЫГАНОВЪ.

Знаете что, вамъ надо выпить для храбрости... это помогаетъ!

ГРИША.

Давайте... скорѣе! Ахъ ты... ну ужъ...

АИПА (хохочетъ).

Да полпоте... охъ какой вы... чудакъ! Степа!

ПРИТЫКИНА.

Здравствуйте!

ЦЫГАНОВЪ (кланяясь)

Что вамъ угодно?

ПРИТЫКПА.

Татьяна Николаевна дома?

ЦЫГАНОВЪ.

Къ сожалѣнію, это мнѣ неизвѣстно...

(Степа идетъ)

ПРИТЫКПА.

Ахъ, Гриша. Здравствуй.

ГРИША (бормочеть).

Ну, вотъ... теперь началось...

ЧЕРКУПЪ.

Съ вами здороваается дама, а вы сидите...

АННА (Степѣ).

Принесите портвейнъ и ликеръ...

ЦЫГАНОВЪ.

И коньякъ, и водку...

ГРИША.

Я ее знаю...

ПРИТЫКПА.

Мы знакомы, какъ-же! А это—ваша супруга? Какія они красавицы у васъ...

ЧЕРКУПЪ.

Она тоже не знаетъ, гдѣ Татьяна Николаевна...

(Степа приноситъ подносъ съ бутылками)

ПРИТЫКИНА.

Это мнѣ не очень интересно. Я вѣдь, коли правду сказать, не къ ней, а къ вамъ пришла... ее-то я всегда видѣть могу, а вотъ съ вами мнѣ лестно познакомиться...

ЧЕРЕУПЪ.

Анна! Это къ тебѣ, я думаю...

ЦЫГАНОВЪ (Аннѣ).

Я увѣренъ, что это къ вамъ... Ну-съ, юноша, вамъ чего дать?

ГРИША.

Которое злѣе...

ПРИТЫКИНА.

Нѣтъ, я ко всѣмъ. Супруга ваша, конечно, со стороны туалетовъ, но и вы, судари мои, тоже очень интересные...

ГРИША (выпилъ).

Ухъ! Сладко, а... здорово!

ЦЫГАНОВЪ

(кланяясь Притыкиной).

Весьма польщенъ... Юноша, запомните: эта влага называется — шартрезъ...

АННА (Притыкиной).

Садитесь пожалуйста...

ПРИТЫКИНА.

Мерси! Я давно говорю Архипу, мужу то-есть: — окаянный! Познакомь съ инженерами! А онъ страшаетъ — они, говорить, строгіе. А вы вовсе не строгіе, но,

конечно, образованные и потому гордые... Что же? Всякому человѣку погордиться хочется—мы вотъ деньгами гордимся, а вы—науками... А у кого нѣтъ ничего, тотъ ужь—что онъ? Вродѣ младенца, который годъ прожить, да и померь, и сказать про него нечего! Я этакъ-то родила...

АННА

(быстро встаетъ).

Можетъ быть, вы пройдете туда, на веранду?

ПРИТЯКИНА.

Съ удовольствіемъ, дорогая вы моя, пройду! Какая вы привѣтливая, какая милая... И такъ я рада, что вы пріѣхали, такъ рада! Городокъ у насъ—милый, красивый и кругомъ все окрестности... и лѣсныя окрестности, и полевья, и болотныя... и клюква, ужь столько клюквы!

ЦЫГАНОВЪ

(посмотрѣлъ вслѣдъ дамамъ).

Занятно, Жоржъ, право... интересная женщина!

ГРИША

(вдругъ засмѣялся).

Она —дуреха!

ЧЕРКУПЪ.

Что?

ГРИША.

Дура, говорю, она. Старая, а вышла за молодого замужъ... Богатая она... онъ все забралъ у нея, а самъ, конечно, бѣгаетъ... Онъ—ловкій! Ухъ... отецъ идетъ! Заслоните меня... я еще хвачу...

(Цыгановъ закрываетъ собою Гришу. Гриша наливаетъ болшую рюмку ликера, быстро проглатываетъ ее и дико тарашить)

глаза. Идетъ Рѣдозубовъ, гля-
дя изподлобья на Черкуна, за
нимъ—Павлинъ съ толстой тет-
радью подъ мышкой)

РѢДОЗУБОВЪ (не кланяясь).

Гришка! Ты чего тутъ дѣлаешь?

ГРИШКА (ухмыляясь).

Такъ... ничего...

ЧЕРКУНЪ.

Это я его пригласилъ...

РѢДОЗУБОВЪ.

Зачѣмъ?

ЧЕРКУНЪ.

Нужно.

РѢДОЗУБОВЪ.

А онъ меня спросилъ, можно-ли идти?

ЧЕРКУНЪ.

Зачѣмъ?

(Молча смотря другъ на друга)

РѢДОЗУБОВЪ.

Я его отецъ...

ЧЕРКУНЪ.

Ну-съ, долго разговаривать мнѣ некогда... Вашъ
сынъ долженъ снять эту дурацкую шубу. Что за глу-
пость!

РѢДОЗУБОВЪ (удивленъ).

Позволь... что такое?

(Павлинъ осторожно отодвигается
въ сторону отъ Рѣдозубова)

ЧЕРКУНЪ.

Если-же онъ будетъ носить шубу,—я напишу воинскому начальнику, что вы заставляете вашего сына уклоняться отъ исполненія воинской повинности... вы поняли?

ГРИША (вдругъ).

Папаша! Желаю въ солдаты... ей-Богу!

ЧЕРКУНЪ.

Вы поняли? Это—уголовное преступленіе...

РЪДОВУВОВЪ (растерявъ).

Погоди! По какому праву? Шавлянъ, будь свидѣтель... Гришка, ступай домой...

ГРИША.

Папаша! Не могу я похудѣть... не могу!

(Пиртыкинъ стоитъ слѣва за деревьямъ)

РЪДОВУВОВЪ (спокойнѣе).

Ты, господинъ, пріѣхалъ дорогу строить... Строй! Я тебѣ не мѣшаю... и ты въ чужое дѣло не мѣшайся да! И... и глаза на меня... зеленые глаза—не тарачь... Григорій, домой! А я—жаловаться буду... я къ губернатору поѣду...

ЦЫГАНОВЪ

(съ ласковой улыбкой).

И пріѣдете на скамью подсудимыхъ... Это въ шесть-десять-то лѣтъ! Будучи городскимъ головой, церковнымъ старостой, кумомъ пожарнаго и прочее, и прочее... Такая блестящая карьера и такой мрачный конецъ! Вы представьте себѣ это...

РЪДОВУВОВЪ.

Григорій, иди домой, собака! Не слушай... не гляди на нихъ...

ГРИША

(пьяно заплакалъ).

Они тебя... въ острогъ! И меня... въ острогъ!

РЪДОЗУБОВЪ

(хватаетъ его за руку).

Иди, песъ... (Быстро идетъ прочь)

ЧЕРКУНЪ

(вслѣдъ, спокойно).

Почтенный, если вы побьете сына — это будетъ стоить вамъ дорого... (Идетъ за ними)

ПРИТЯКИНЪ (удивленъ).

Испугался! Василий Ивановъ Рѣдозубовъ — испугался!

ЦЫГАНОВЪ.

Любить почетъ, а?

ПРИТЯКИНЪ.

У-у, страсть! Ежели въ могилу человѣка съ почетомъ несутъ, — онъ и тутъ завидуетъ, такъ-бы на его мѣсто и легъ! Столбы каменные видѣли передъ его домомъ? Улицу онъ ими загородилъ — хотѣлъ парадное крыльцо построить, какъ у князя Хрящеватаго.... Запретили ему портить улицу — седьмой годъ судится, не хочетъ уступить... И никогда никому онъ не уступалъ..

ПАВЛИНЪ

(выступаетъ и докладываетъ, считая на пальцахъ).

Человѣкъ, замѣтитъ смѣю, жестокий: одну супругу въ гробъ забилъ, другая — въ монастырь сбѣжала, одинъ сынъ — дурачкомъ гуляетъ, другой — безъ вѣсти пропасть....

ЦЫГАНОВЪ.

Позвольте, мой дорогой, вы — что такое?

ПАВЛИНЪ.

Я-съ?.. Меня всѣ здѣсь знаютъ...

(Пришла Степа, собираетъ со
стола бутылки и уноситъ ихъ)

ПРИТЪКИНЪ.

Дружокъ Рѣдозубова-то... тоже—перець!

ПАВЛИНЪ.

Я со всѣми людьми желаю дружно жить...

ЦЫГАНОВЪ.

Вамъ угодно что-нибудь отъ меня?

ПАВЛИНЪ.

Точно такъ. Вотъ сочиненіе мною написано... и какъ вы человѣкъ ученый, то желалъ бы я знать вашу взгляды, о чемъ и прошу васъ усердно. Называется оно: „Нѣкоторое разсужденіе о словахъ, составленное для обнаженія лжи безкорыстнымъ любителемъ истины“... Десять лѣтъ писалъ...

ЦЫГАНОВЪ

(беретъ тетрадь)

О чемъ-же вы здѣсь разсуждаете?

ПАВЛИНЪ.

Противъ новыхъ словъ я... Какъ поступки человѣческіе остались съ древности неизмѣнны, а названія имъ даны другія, то я и противорѣчу этому... Вообще—противъ новыхъ словъ.

ЦЫГАНОВЪ.

Что такое—новыя слова?

ПАВЛИНЪ.

Напримѣръ: раньше говорилось — ябеда, а теперь говорятъ—корреспонденція...

ПРИТЫКИНЪ.

Это онъ про то, какъ его въ газетѣ обругали за допосъ на учителя... Небось, головѣ Рѣдозубову ты ни въ чемъ не противорѣчилъ...

ПАВЛИНЪ.

Кустъ дерево тѣню не покроетъ, Архипъ Фомичъ! Онъ выше меня по значенію своему въ городѣ... Недоступное—недосягаемо!

ЦЫГАНОВЪ

(идеть къ дому).

Хорошо, я посмотрю вашу рукопись...

ПАВЛИНЪ.

Чувствительно благодаренъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Вы зайдете какъ-нибудь...

ПАВЛИНЪ.

Сочту долгомъ...

(Всѣ трое уходятъ. Надъ заборомъ Рѣдозубова появляется Катя—она внимательно осматриваетъ садъ. Слышенъ голосъ Черкуна—Катя исчезаетъ. Идетъ Черкунъ съ нимъ Анна)

К•

А Н Н А.

Такъ издѣваться надъ людьми за то, что они глупы, нехорошо!

ЧЕРКУПЪ.

Они—злы...

А Н Н А.

Все равно—отъ глупости...

ЧЕРКУНЪ.

Ну, я знаю, что ты скажешь...

А Н Н А.

Какъ тяжело съ тобой, Егоръ!

ЧЕРКУНЪ.

Тебѣ—тяжело? Миѣ пока только скучно... (Садится за столъ) Тебя тамъ ждутъ эти... гости...

А Н Н А.

Иду. Ты... не хочешь поцѣловать меня?

ЧЕРКУПЪ.

Нѣтъ...

(Анна, быстро повернувшись, уходитъ. Черкунъ работаетъ. Надъ заборомъ снова появляется Катя—бросаетъ камень въ Черкуна. Потомъ палку. Исчезаетъ)

ЧЕРКУНЪ

(по направленію къ забору).

Эй вы, дикарь! Я не терплю такихъ шутокъ!

КАТЯ (за заборомъ).

А миѣ наплевать на васъ... слышали!?

ЧЕРКУНЪ (встаетъ).

Вы—женщина?

КАТЯ.

Не ваше дѣло... рыжій!

ЧЕРКУНЪ.

Если вы и женщина... то все-таки и грубо и глупо швырять камнями...

КАТЯ.

А вы смѣете обижать людей?

ЧЕРКУНЪ.

Какихъ людей?

КАТЯ.

Ага, какихъ... Отца и брата...

ЧЕРКУНЪ.

Ахъ, вотъ что! Но—все же нечестно изъ-за угла кидаться... Вы бы показались, что-ли...

(Идетъ Степанъ и удивленно смотритъ на Черкуна)

КАТЯ.

Вы думаете, я боюсь васъ?

ЧЕРКУНЪ.

Могу подумать и это... Но, вѣрнѣе, вы—очень некрасивая.

СТЕПАНЪ.

Это вы съ кѣмъ же бесѣдуете, патронъ?

ЧЕРКУНЪ.

Съ дамой..

СТЕПАНЪ (оглядывался).

А... гдѣ она?

ЧЕРКУНЪ.

Тамъ...

СТЕПАНЪ.

Ничего не понимаю! Васъ хочеть видѣть исправникъ...

ЧЕРКУНЪ.

Ну, что такое?

СТЕПАНЪ.

Не знаю. Пойду посмотрѣть даму...

КАТЯ.

Попробуйте-ка!

ЧЕРКУНЪ (уходя).

Вы осторожниѣе... Она швыряетъ въ мужчинъ палками.

КАТЯ.

Я только въ рыжихъ...

СТЕПАНЪ.

Значить, меня вы не стукнете палкой?

КАТЯ.

Влѣзайте... увидите!

СТЕПАНЪ.

Гм... страшно! А все-таки—полѣзу!

КАТЯ

(является на заборѣ).

Не нужно.. Если увидитъ отецъ, онъ вамъ задасть. Что вамъ надо?

СТЕПАНЪ.

Ничего. А вамъ?

КАТЯ.

Когда придетъ рыжій, — я непременно камнемъ въ носъ ему...

СТЕПАНЪ.

Ого! За что?

КАТЯ.

Ужъ я знаю! Скажите — красивая дама законная жена рыжаго?

СТЕПАНЪ.

А вамъ зачѣмъ знать это?

КАТЯ.

Пужно, значить. А онъ ее любить?

СТЕПАНЪ.

Вы объ этомъ у него спросите... или у нея...

КАТЯ.

А вы, будто, не знаете?

СТЕПАНЪ.

Я не опытенъ въ этомъ...

КАТЯ.

Какъ-же... притворяйтесь! Всѣ студенты — распутные, въ Бога не вѣрують и читають запрещенныя книжки... я вѣдь знаю! И вы читаете запрещенныя книжки?..

СТЕПАНЪ.

Грѣшенъ...

(Идетъ Цыгановъ, останавливается и съ улыбкой слушаетъ)

КАТЯ.

Ахъ, вы... безстыдникъ! Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

СТЕПАИЪ.

Такъ, знаете... привычка!

КАТЯ (негромко).

Дайте мнѣ одну... только которая интереснѣе... хорошо? Я очень люблю читать... ай!

(Исчезаетъ. Степанъ оглядывается)

ЦЫГАНОВЪ.

Похвальпо, юноша!

СТЕПАИЪ (смущенъ).

Ну... ужъ вы сейчасъ... Совѣмъ ничего нѣтъ особеннаго... просто она просила книжку... конечно, черезъ заборъ... ну, что-жъ такое?

ЦЫГАНОВЪ.

Да я же ничего не говорю!

СТЕПАИЪ.

Но... вотъ вы улыбаетесь...

ЦЫГАНОВЪ.

Не краспо говорите—значить, еще не влюбились...

СТЕПАИЪ.

Вотъ... любовь! Къ чему это?

ЦЫГАНОВЪ.

Я тоже часто спрашивалъ себя — къ чему? Но это мнѣ не помогало, юноша, и я влюблялся... А она хоро-

шенькая, знаете... такая чертовочка растрепанная... Желаю успѣха...

(Возвращается, взявъ со стола свертокъ картъ. Степанъ смотритъ на заборъ, потомъ — хочетъ влѣзть на него. Идутъ Богаевская и Монахова)

БОГАЕВСКАЯ.

Это вы зачѣмъ же на стѣну-то лѣзаете, молодой человекъ?

СТЕПАНЪ.

Я фуражку... повѣсилъ фуражку, а она упала туда...

БОГАЕВСКАЯ.

Да вѣдь фуражка на головѣ у васъ?

СТЕПАНЪ.

Это—не та... та была... другая...

БОГАЕВСКАЯ.

Вы, кажется, голову потеряли, а не фуражку... Надежда Поликарповна, вотъ познакомься — Степанъ Даниловичъ Лукинъ...

НАДЕЖДА

(внимательно осматриваетъ).

Очень молоденькій...

БОГАЕВСКАЯ

(закуриваетъ папиросу).

Ну и оставимъ его лазить по заборамъ... Вотъ всѣ сюда идуть... Ахъ, Надежда, говори ты меньше—можетъ быть, умнѣ покажешься людямъ...

(Степа является, приноситъ корзину съ посудой, бутылками ли

монада, ликеромъ, собираетъ со
стола бумаги, покрываетъ столъ
скатертью. Нѣсколько времени спу-
стя приходять докторъ, Цыга-
новъ. Анна)

НАДЕЖДА (спокойно).

У меня очень большой умъ...

БОГАЕВСКАЯ.

Не ври! Подумай — вѣдь кромѣ любви этой твоей...
ты ни о чемъ не можешь говорить...

НАДЕЖДА.

Ни о чемъ не могу...

ЦЫГАНОВЪ (доктору).

Сначала мы съ вами выпьемъ, докторъ, не такъ ли?

ДОКТОРЪ.

И потомъ выпьемъ.

ЦЫГАНОВЪ.

И потомъ, разумѣется... Степа, готово? Вотъ...

(Возится съ бутылкой. Докторъ
тяжелымъ, неподвижнымъ взгля-
домъ смотритъ на Монахову.
Анна подходит и садится ря-
домъ съ ней)

АННА.

А, должно быть, вамъ скучно жить здѣсь?

НАДЕЖДА.

Нѣкоторые жалуются на это... А мнѣ не скучно: я
цѣлые дни книжки читаю, или сижу и думаю...

А Н Н А .

Вы что читаете? Романы?

Н А Д Е Ж Д А .

А что-же еще? Былъ здѣсь одинъ служащій въ земствѣ, застрѣлился онъ потомъ...

А Н Н А .

Застрѣлился? Отчего?

Н А Д Е Ж Д А .

Не знаю...

Д О К Т О Р Ъ
(угрюмо и зло).

Отъ любви къ ней...

Б О Г А Е В С К А Я (укоризненно).

Экъ, вы, батюшка...

Н А Д Е Ж Д А (спокойно).

Онъ давалъ мнѣ какія-то другія книги, не романы... но онѣ скучныя были, и я ихъ не читала...

Ц Ы Г А Н О В Ъ .

А здѣсь, въ городѣ, въ жизни — бываютъ романы?

Н А Д Е Ж Д А .

Какъ же безъ этого? И здѣсь влюбляются...

А Н Н А .

Должно быть, жалка эта мѣстная любовь...

Н А Д Е Ж Д А .

Любовь вездѣ одинакова, если она настоящая...

ЦЫГАНОВЪ.

А что такое настоящая любовь?

НАДЕЖДА.

Которая на всю жизнь...

ЦЫГАНОВЪ.

Гм... да! Вы много прочитали романовъ... Вамъ, вѣроятно, часто объясняются въ любви...

НАДЕЖДА.

Нѣтъ, не очень... Вотъ служащій этотъ, который застрѣлился, письма мнѣ писалъ, а до него—земскій начальникъ говорилъ, (докторъ медленно отходить въ сторону) но послѣ этого поѣхалъ на охоту, простудился тамъ пьяный и въ три дня умеръ...

АНПА (вздвогнувъ).

Умеръ?

НАДЕЖДА.

Да. Не нравился онъ мнѣ. Пить много, носомъ сопѣлъ и лицо у него было красное. Теперь встѣ докторъ говоритъ, что влюбленъ въ меня...

БОГАЕВСКАЯ (съ упрекомъ).

Матушка ты моя! Помолчать бы тебѣ!

(Встаетъ, идетъ къ дому. Среди деревьевъ стоитъ докторъ и неподвижно смотритъ на Монахову)

АНПА (подавлена).

Какъ вы рассказываете... просто!

ЦЫГАНОВЪ (серьезно).

А вы... какъ относитесь къ нему?

НАДЕЖДА.

Никакъ. Онъ на мужа моего похожъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Что вы! Мнѣ кажется,—нисколько!

НАДЕЖДА.

Нѣтъ, похожъ. Съ лица—не похожъ, а по душѣ они родные. Оба рыбу ловить любятъ, а кто любитъ рыбу удить,—онъ все равно что полумертвый: онъ сидитъ надъ водой, какъ будто смерти ждетъ...

ЦЫГАНОВЪ (Аннѣ).

Тутъ есть какая-то правда...

АННА.

Это понравилось бы Егору...

НАДЕЖДА.

Какіе у вашего супруга глаза обаятельные! И волосы... какъ огонь! И весь онъ — отличный мужчина... какъ увидишь—не забудешь! А у здѣшнихъ мужчинъ у всѣхъ глаза одинаковые, и даже .. какъ будто нѣтъ у нихъ глазъ...

АННА (негромко).

Какая вы... странная!

ЦЫГАНОВЪ (медленно).

Д-да-а... Я бы даже сказалъ—страшная...

НАДЕЖДА

(впервые улыбаясь).

Вы - это серьезно?

ЦЫГАНОВЪ.

Мое честное слово!

НАДЕЖДА.

Вотъ докторъ тоже говорить...

АННА (тихо).

Бѣдный докторъ...

(Раздается смѣхъ Монахова.
Идутъ Черкунъ, исправникъ,
Монаховъ, Лидія, Богаев-
ская)

ЧЕРКУНЪ.

Анна! Яковъ Алексѣевичъ уходитъ...

(Остается въ сторонѣ съ Лидіей)

АННА.

Вы не хотите посидѣть еще?

ИСПРАВНИКЪ.

Благодарствую! На первый разъ—довольно. А знаете, Сергѣй Николаевичъ, я какъ-то такъ... незамѣтно—выпилъ весь хересъ. Дѣйствительно, адское вино!

ЦЫГАНОВЪ (разсѣянно).

Вы подождите, — вотъ я скоро получу кое-что въ этомъ родѣ...

ИСПРАВНИКЪ.

Жду! Петергѣливо жду! (Хочетъ.)

МОНАХОВЪ

(подходить къ доктору).

Что, батя, а?

ДОКТОРЪ.

Ничего... думаю—надо пива выпить...

МОНАХОВЪ.

Пей! Тоска пройдетъ...

ИСПРАВНИКЪ.

Итакъ, завтра прогулка въ лодкахъ? Въ пять вечера пришло за вами пожарныхъ лошадей... А музыку—угодно?

БОГАЕВСКАЯ.

Ну, ужъ избавьте, батюшка... какая радость, если уши лопнуть? Да пожарные и въ городѣ могутъ понадобиться.

ИСПРАВНИКЪ.

Чуръ меня! Я не люблю пожаровъ и вообще—жары (Хочоеть) До свиданья, господа! Ужасно радъ, что въ моемъ городѣ будутъ жить такіе люди... и прочее... не умѣю говорить рѣчей...

НАДЕЖДА.

Вы на лошадахъ?

ИСПРАВНИКЪ.

Всенепремѣнно. Васъ доставить на домъ? Прошу!

ЦЫГАНОВЪ.

Куда вы, Надежда Поликарповна? Посидите!...

НАДЕЖДА.

Пора домой... До свиданья.. Маврикій, я ѣду домой.. До свиданья, Анна Федоровна!

МОНАХОВЪ.

Домой? Чудесно, Надя...

АННА.

Я всегда рада буду видѣть васъ...

ЦЫГАНОВЪ.

И—тоже...

ИСПРАВНИКЪ.

Ее пріятно видѣть, а? Вашу руку, мадамъ! Анна Федоровна, будьте здоровы! Сергѣй Николаевичъ, такъ я жду... кое-чего! Почтенная Татьяна Николаевна, доброй ночи..

БОГАЕВСКАЯ.

Рано пожелать, батюшка... больно щедръ!

ИСПРАВНИКЪ.

Для васъ—миѣ ничего не жалко... А, знаете, я благодаренъ головѣ, хоть онъ и вздорный мужикъ.. Не пожалуйся онъ на васъ,—еще когда я познакомился-бы съ вами! Всѣхъ благъ!..

(Идетъ съ Монаховой)

АННА

(идетъ къ доктору).

Докторъ, хотите пройтись по саду?

ДОКТОРЪ.

Пожалуй... идемте.

АННА.

Хоть-бы сказали,— съ удовольствіемъ...

ДОКТОРЪ.

Я разучился говорить человѣческимъ языкомъ...

(Идутъ разговаривая. Черкунъ и Лидія, говоря вполголоса, оба серьезные, идутъ къ столу. Цыгановъ, сосредоточенно смотрѣвшій вслѣдъ Монаховой, наливаетъ себѣ большую рюмку чего-то и

петь. Монаховъ, стоя около
стола, одобрительно щелкаетъ язы-
комъ)

ЧЕРКУНЪ.

Ну, Сергѣй, ты пьешь на смерть!

ЦЫГАНОВЪ.

Почнись галантности у исправника, мой другъ...

ЧЕРКУНЪ (Лидіи).

Извините меня... На минуту, Сергѣй... Послушай,
эта глупая баба, жена акцизнаго, смотреть на меня
такими жадными глазами...

ЦЫГАНОВЪ.

Ты глупъ, Жоржъ... какъ это приятно мнѣ!

ЧЕРКУНЪ.

Пить, серьезно... мнѣ неловко...

ЦЫГАНОВЪ.

Иди! Тебя ждуть... (Черкунъ, пожавъ плечами, идетъ
къ Лидіи) Маврикіи Осиповичъ,—ликеру?

МОНАХОВЪ.

Не откажусь отъ удовольствія и въ смертный часъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Правильно. И сигару... Вы въ карты играете?

МОНАХОВЪ.

А на что-жъ природа руки мнѣ дала?

ЦЫГАНОВЪ.

Э, да вы еще и остроумный человекъ... Обладатель

такой прекрасной женщины, (Монаховъ смѣется) пріятный собесѣдникъ...

МОНАХОВЪ (вдругъ).

Хотите пари?

ЦЫГАНОВЪ.

Какое пари?

МОНАХОВЪ.

Держу сто цѣлковыхъ противъ вашихъ пятидесяти, что вы влюбитесь въ мою жену! Идетъ?

ЦЫГАНОВЪ

(внимательно смотритъ на него и—съ изящнымъ нахальствомъ барина).

Вы ничего не имѣете противъ этого?

МОНАХОВЪ

(чертитъ пальцемъ въ воздухъ).

Поль! Благословляю!

ЦЫГАНОВЪ

(усиливая тонъ).

А если,—представьте казусъ!—она въ меня влюбится?

МОНАХОВЪ.

Держу пятьсотъ противъ ста за нѣтъ!

ЦЫГАНОВЪ (смѣясь).

Вы—премилый человѣкъ... Но, пока—оставимъ это, а? И поиграемъ въ карты... Зовите доктора. Притыкивъ тамъ съ нашимъ студентомъ занять провѣркой счетовъ... возьмемъ его—вѣдь онъ не опоздаетъ обокрасть насъ, не такъ-ли?

(Идетъ въ домъ. Тамъ Анна играетъ на піанино что-то грустное)

МОНАХОВЪ.

Конечно!

ЦЫГАНОВЪ.

Люди становятся мельче, жулики—крупнѣе.

(Монаховъ хохочетъ. Изъ-за деревьевъ выходятъ Черкунъ и Лидія. идутъ медленно, останавливаются у стола и говорятъ стоя)

ЧЕРКУНЪ.

Вы долго будете здѣсь жить?

ЛИДІЯ.

Не знаю. Вѣроятно, мѣсяць...

ЧЕРКУНЪ.

Я—до зимы почти... до поздней осени...

ЛИДІЯ.

Я не люблю маленькіе города: въ нихъ живутъ ничтожные люди... Когда я среди нихъ, я спрашиваю себя, почему-же они люди?

ЧЕРКУНЪ.

Да, да!.. Среди нихъ застываетъ энергія. Въ большихъ городахъ она кипитъ день и ночь. Тамъ неустанно треніе враждебныхъ силъ, тамъ никогда не прерывается битва за жизнь. Горятъ огни. Звучитъ музыка. Тамъ все чѣмъ жизнь красна.

ЛИДІЯ.

Большой городъ, онъ—какъ симфонія. Какъ сказочный залъ волшебника, гдѣ все есть и все можешь взять. Тамъ хочешь жить!

ЧЕРКУНЪ.

Да, жить! Я хочу жить много, жадно... Я видѣлъ, я испыталъ все пошлое, все тяжелое. Было время—меня унижали только за то, что я хотѣлъ ѣсть. А вы не знаете, какъ унижаютъ человѣка за то, что у него нечистое бѣлье и не острижены во-время ногти?

ЛИДІЯ.

Я вижу,—вамъ было плохо...

ЧЕРКУНЪ.

Ну, да! Миѣ очень нужно посчитаться съ людьми за прошлое, очень! Во миѣ нѣтъ жалости, нѣтъ снисхожденія къ тѣмъ жаднымъ и тупымъ животнымъ, которыя командуютъ жизнью... И безепліе тѣхъ, которые подчиняются, меня приводитъ въ ярость...

ЛИДІЯ.

Вамъ и теперь нехорошо живется?..

ЧЕРКУНЪ.

Теперь? Да... и теперь...

ЛИДІЯ

(широкимъ жестомъ указывая вокругъ).

Вамъ нужно не это—нужно широкое поле битвы. Миѣ кажется, вы способны на что-то крупное... большое... Вы такой... прямой... Но—умѣете ли вы оцѣнить себя? Оцѣнить себя выше—это не ошибка, можно подняться, прыгнуть; но понизить цѣну себя—это значитъ поклониться, чтобъ другіе прыгали черезъ твою голову.

ЧЕРКУНЪ.

Я понимаю это...

Лидія.

Мнѣ кажется,—человѣкъ не долженъ имѣть много, но пусть то, что онъ имѣетъ, будетъ великолѣпно! Не нужно быть жаднымъ... не нужно загромождать свою душу дешевымъ, мелкимъ... Жизнь сдѣлается красива тогда, когда люди будутъ желать рѣдкаго...

Черкупъ.

Вы — романтичны.

Лидія.

[Развѣ это плохо... если это такъ? Кто это?

(Идетъ Дунькинъ мужъ. Онъ еще болѣе оборванъ, чѣмъ въ первомъ дѣйствіи. Пьянъ и шагаетъ смѣло)

Черкупъ.

Что вамъ угодно?

Дунькинъ мужъ (вдохновенно).

Позвольте вамъ сказать... я — отецъ!

Черкупъ.

Чей отецъ?

Дунькинъ мужъ.

Ея... которая у васъ, горничная... Степанида... Она — бѣглая.. отъ меня. И я — требую... потому — отецъ! Что подѣласте? Могу требовать...

Черкупъ (Лидіи).

Вотъ почти такимъ былъ мой отецъ...

Лидія.

Прогоните его,—онъ противенъ...

ЧЕРКУНЪ.

Что вамъ нужно?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Жалованье... Дочь — чья? Моя. И жалованье — мое, оттого я и требую... А то—возьму ее, дочь свою... Павлинъ говорить: никто не можетъ держать у себя чужую дочь... если она бѣглая... а отецъ всегда можетъ требовать жалованье... Павлинъ говорить...

ЧЕРКУНЪ.

Вы—не отецъ. Родить ребенка, это еще не значить быть его отцомъ... Отецъ—это человѣкъ, но развѣ человѣкъ—вы?

ЛІДІЯ (усмѣхаясь).

Какъ вы молоды! Онъ не пойметъ; зачѣмъ вы говорите?

ЧЕРКУНЪ.

Да, не пойметъ... Ну, вы... ступайте прочь!

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ (отступая).

А... жалованье?

(Идетъ Анна, остановилась, смотритъ)

ЧЕРКУНЪ.

Ступайте прочь!

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ

(испугался и нѣсколько отрезвѣлъ).

Ну, ничего... я уйду... только — дайте хоть полтинникъ!

ЛІДІЯ

(бросая монету).

Идите...

ЧЕРКУНЬ.

Живѣ! Но?

(Дунькинъ мужъ, не огляды-
ваясь, исчезаетъ. Изъ кустовъ
смотреть Анна)

ЛИДІЯ (улыбаясь).

Какъ просто! Вотъ онъ и промѣнялъ свою дочь на маленькій кусокъ плохого серебра. А насъ хотятъ заставить жалѣть, даже любить такихъ людей... вамъ это нравится? Развѣ имъ поможетъ жалость? И развѣ можно ихъ любить? Вотъ... Анна Федоровна! Устали отъ гостей?

АННА (сухо).

Нѣтъ, ничего. Они играютъ въ карты... Я вышла по-смотреть...

ЧЕРКУНЬ (подозрительно).

Посмотрѣть—на что?

АННА.

Я видѣла, какъ прошелъ въ садъ этотъ жалкій че-ловѣкъ...

ЛИДІЯ.

Ну, я иду домой... Мы вечеромъ увидимся, я не прощаюсь...

ЧЕРКУНЬ.

Да... мы увидимся...

(Лидія уходитъ. Черкунъ смот-
рить вслѣдъ ей. Анна наблюдаетъ
за нимъ, кусая губы. Къ ней бро-
сается Степа)

СТЕПА.

Онъ за мной приходилъ... за мной?

АННА.

Нѣтъ, Степа... это такъ... не бойся!

СТЕПА.

Христа ради... не отдавайте меня ему...

АННА.

Да нѣтъ же! Ты успокойся... иди.

СТЕПА.

Я въ монастырь уйду! Туда его не пустятъ... Туда вѣдь не пустятъ?

ЧЕРКУНЬ.

Идите, Степа! Все это чепуха... Онъ ничего не можетъ сдѣлать съ вами...

АННА.

Мы не дадимъ васъ ему...

СТЕПА (уходя).

О Господи...

АННА.

Мнѣ кажется, Егоръ, этого человѣка нужно какъ-нибудь...

ЧЕРКУНЬ (рѣзко).

Ничего не нужно дѣлать какъ-нибудь...

АННА (ласково).

Ты раздражешь...

ЧЕРКУНЬ.

Нѣтъ. Но я хочу тебѣ сказать,—ты слишкомъ ярко подчеркиваешь свою неприязнь къ Лидіи Павловнѣ...

А Н Н А .

Позволь! Съ чего ты взялъ?

Ч Е Р К У Н Ъ .

Неправда—ведѣ излишня, тѣмъ болѣе межъ нами,
Анна... Она мнѣ нравится, съ ней — интересно; ты это
видишь и боишься...

А П П А (тревожно).

Чего боюсь? Я .. не боюсь, нѣтъ!

Ч Е Р К У Н Ъ .

Я вѣдь вижу, Анна...

А Н Н А .

Что? Что ты видишь? Скажи... скажи... скорѣе... Нѣтъ,
не говори... прошу тебя — не надо!

Ч Е Р К У Н Ъ (угрюмо).

Тише, Анна...

А П П А .

Молчи! Прошу тебя... Дай мнѣ привыкнуть къ мысли...

Ч Е Р К У Н Ъ .

Эта мысль давно уже съ тобой, а ты все не при-
выкла...

А П П А .

Но если — не могу! Вѣдь я люблю тебя, люблю! Я
все тебѣ прощаю...

Ч Е Р К У Н Ъ .

Прощенья мнѣ не нужно...

А П П А .

Я скучный, я обывочный человекъ... я знаю это,

да! Но я люблю тебя... И не могу я безъ тебя... я не могу. Развѣ за это можно презирать? Развѣ можно... такъ жестоко...

ЧЕРКУНЬ.

Я тебя не презираю... Это неправда... Но я уже по люблю тебя. Вотъ правда...

АННА.

Но ты любилъ меня... Нѣтъ.. подожди! Ты опп-баешься.

ЧЕРКУНЬ.

Это сгорѣло. А не любя жить съ женами только развратники... или лгуны...

АННА.

О, подожди! Подожди... Дай мнѣ время. . я попробую, быть можетъ, я буду... другой! Быть можетъ, я не буду такой неинтересной...

ЧЕРКУНЬ.

Эхъ, Анна! Стыдись! Какъ можно отречься отъ себя?

АННА.

Мой дорогой! Любимый мой... Я не могу жить безъ тебя...

ЧЕРКУНЬ (твердо).

А я- съ тобой..

(Идетъ къ дому. Анна, подавленная, медленно садится къ столу. Шумъ; кто-то перелѣзъ черезъ заборъ, какъ слышно по звукамъ. Анна не слышитъ. Изъ-за деревьевъ выбѣгаетъ Катя)

КАТЯ
(обнимая Анну).

Милая, славная моя! Вы не плачьте... онъ подлець...

АННА (вскакивая).

Уйдите! Кто вы?

КАТЯ.

Онъ—дуракъ. Развѣ такъ можно говорить? Развѣ можно не любить васъ?

АННА.

Кто вы? Какъ вы...

КАТЯ.

Я—Катя, я Рѣдозубова! Вы его бросьте... вы молодая, полюбите еще! Полюбите другого, хорошаго, добраго.. А ему... Я бы отхлестала его по щекамъ...

АННА.

Зачѣмъ вы слушали? О Боже мой!

КАТЯ.

Я все знаю, что у васъ дѣлается... я цѣлые дни слѣжу за вами въ щель... и такъ люблю васъ, такъ люблю!

АННА

(нѣсколько оправляясь).

Это нехорошо... подслушивать...

КАТЯ.

А почему нехорошо? Надо все видѣть, это интересно! Вотъ, если-бъ я не пришла, вы бы сидѣли одна и плакали... А теперь я буду утѣшать васъ...

(Идетъ Степанъ)

АННА.

Молчите... тише! Вы ничего не знаете, не слышали...
прошу васъ!

БАТЯ (съ важностью).

Я понимаю! Ахъ, это... этоъ!

СТЕПАНЪ

(снимая фуражку, кланяется).

Тотъ самый... Черезъ заборъ изволлили прибыть?

БАТЯ.

А вамъ какое дѣло? Вы думаете, если я черезъ заборъ, такъ ужъ и дурочка? Я не глупѣ васъ... уберите!

СТЕПАНЪ.

Вотъ тебѣ и разъ! Чѣмъ я прогнѣваль...

БАТЯ

(топая ногой).

Молчите! Съ вами не разговариваютъ... Идемте!

(Береть Анну за руку)

АННА.

Я... простите меня... не могу... миѣ некогда...

БАТЯ.

Я понимаю... Я буду съ вами... Идемте!

(Ведетъ ее въ глубину сада. Степанъ недоумѣваетъ. Идутъ Рѣдозубовъ и Павлинъ, Рѣдозубовъ растрепанъ и взволнованъ)

РѢДОЗУБОВЪ.

Будь свидѣтелемъ, Павлинъ... давеча сына сманили..

напоили... теперь дочь... (Степану) Ты кто? Служащій?
Зови господь... Гляди, Павлинъ...

СТЕПАНЪ.

Вы ошибаетесь, почтенный...

РЪДОЗУБОВЪ.

Мигъ все равно! Здѣсь — вертепъ, да! Ахъ, фармазоны,
а? Зови ихъ!

СТЕПАНЪ.

Не хочу...

РЪДОЗУБОВЪ.

Какъ? И тебѣ говорю, а ты...

(Черкунъ идетъ)

ПАВЛИЦЪ.

Они — студентъ...

РЪДОЗУБОВЪ.

Ага! Значить, одна шайка...

ЧЕРКУНЪ (спокойно).

Что такое? Въ чемъ дѣло?

РЪДОЗУБОВЪ.

Гдѣ дочь?

ЧЕРКУНЪ. •

Не знаю..

РЪДОЗУБОВЪ.

Врешь, фармазонъ!..

ЧЕРКУНЪ (Степану).

Что такое — фармазонъ?

СТЕПАНЪ.

Первый разъ слышу...

РЪДОЗУВОВЪ.

Не шути, баринь! Гдѣ дочь?

ПАВЛИНЪ.

По научному если,—франк-масонъ говорится.

ЧЕРКУНЪ.

Послушайте, старикъ: ваша дочь бросала въ меня камнями, а больше я ничего не знаю о ней... Вы понимаете?

(Катя бѣжитъ)

РЪДОЗУВОВЪ.

А это что? Катерина... кто велѣлъ...

КАТЯ.

Ну, не шуми... Иди сюда! Иди, иди... не бойся, опъ не пойдетъ...

РЪДОЗУВОВЪ.

Дочка моя! Не мѣсто тебѣ тутъ...

КАТЯ (Черкуну).

Вы—не ходите! Слышите... вы! Уродь!..

(Уходитъ, увлекая за собой отца. Степанъ смѣется. Черкунъ, улыбаясь, смотритъ на него. Павлинъ поджалъ губы и наблюдаетъ)

ЧЕРКУНЪ.

Нелѣпо... но очень мило, право! Славная дѣвчушка... Пришла, командуетъ... гм...

СТЕПАПЪ (смѣясь).

Ахъ, чортъ возьми! Вѣдь ловко, патронъ?

ЧЕРКУНЪ.

Надо поговорить со старикомъ...

(На заборѣ появляется голова
Гриши. Лицо у него испуганное)

ПАВЛИНЪ.

Осмѣлюсь сказать,—вы его вполнѣ потрясли и нарушили...

ЧЕРКУНЪ (Степану).

Это кто?

СТЕПАПЪ (усмѣхаясь).

Мѣстный мудрецъ... и прочее, что погребуется...

ГРИША.

Баринъ, эй!

ЧЕРКУПЪ.

Ну?

ГРИША.

А онъ меня не бить... ей-Богу!

КАТЯ (бѣжить).

Послушайте... вы! Подите сюда... отецъ зоветъ васъ...
Ну, чего вы зубы оскалили? Я все знаю про васъ...
У-у, рыжій!

(Показываетъ ему языкъ и убѣгаетъ. Степанъ раздражается хохотомъ. Павлинъ не знаетъ, какъ отнестись къ этому. Черкунъ улыбается, идетъ на зовъ Кати. Гриша опасно слѣдитъ за нимъ)

М. Горький. Варвары.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тотъ-же садъ. Вечерь. Солнце заходить. На деревьяхъ висятъ разноцвѣтные фонарики. Столъ уставленъ винами и закусками; вокругъ него, въ безпорядкѣ, разнообразныя стулья. Около стола возится Степа; Матвѣй Гогинъ, одѣтый очень чисто, открываетъ подъ деревьями бутылки пива. Въ глубинѣ сада, у забора, стоитъ Притыкинъ; рядомъ съ нимъ Монаховъ тихонько наигрываетъ на кларнетѣ. Въ домѣ — шумять. Кто-то однимъ пальцемъ играетъ на пианино „Чижика“ и все сбивается. Хохочетъ исправникъ.

МАТВѢЙ.

Я уже около трехъ сотенъ накопилъ...

СТЕПА.

Какое мнѣ дѣло до этого?

МАТВѢЙ.

Значить—не дуракъ...

СТЕПА.

Я не говорила, что вы дуракъ. А вотъ вы жадный... все про деньги говорите... какъ всѣ мужики...

МАТВѢЙ.

Что-жъ—мужики?

(Черкунъ идетъ къ столу, вслѣдъ за нимъ Надежда)

ЧЕРКУНЪ.

Степа, дайте зельтерской! (Надеждѣ) И вы захотѣли освѣжиться? Душно тамъ, да?

НАДЕЖДА.

Нѣтъ... ничего...

ЧЕРКУНЪ.

Почему это вы такъ... странно смотрите на меня?

НАДЕЖДА (негромко).

Что-же тутъ страннаго?

ЧЕРКУНЪ (усмѣхаясь).

Не дать ли вамъ холодной воды... зельтерской, а?

НАДЕЖДА.

Нѣтъ, я не желаю...

ЧЕРКУНЪ

(идеть обратно).

Ну-съ, пойду доигрывать...

(Надежда медленно идетъ за нимъ)

МАТВѢЙ (упрямо).

Что я мужикъ, ничего не значить! Степанъ Данилыч—студентъ, онъ все знаетъ... онъ говоритъ,—раньше всѣ люди мужиками были, а потомъ—которые умные, господами сдѣлались... вотъ оно!

СТЕПА.

Станьте... не люблю я такихъ...

МАТВѢЙ.

Жешимся—полюбите... Я парень здоровый...

СТЕПА

(какъ бы про себя).

Я въ монастырь уйду...

(Идутъ исправникъ и Цыгановъ, оба выпивши)

МАТВѢЙ (смѣется).

Ну, это вы зрете... въ монастырь... тоже!

ИСПРАВНИКЪ (у стола).

Здѣсь все прекрасно, но закуска и выпивка далеко.

ЦЫГАПОВЪ

(наливая вино).

Опа—эпическая женщина...

ИСПРАВНИКЪ.

Вы все про нее?.. Н-да... звѣрь! Я вотъ два года за ней ухаживаю... Мужчина не уродъ, какъ видите, военный и прочее. Вы говорите, не герой... А почему я не герой? Неизвѣстно. И, наконецъ, что такое — герой? Въ уѣздномъ городѣ и вдругъ—герой! Смѣшно..

(Монаховъ и Притыкинъ
идутъ къ столу)

БОГАЕВСКАЯ (кричитъ).

Лковъ Алексѣевичъ, вамъ сдавать!

ИСПРАВНИКЪ

(идеть съ кускомъ въ рукахъ).

Спѣшу...

ЦЫГАПОВЪ (Монахову).

А мы вотъ все говоримъ о вашей супругѣ...

МОНАХОВЪ.

Пріятно слышать... А что именно вы говорите, если это не секретъ?

ЦЫГАНОВЪ.

Хотимъ понять, что она такое? И не понимаемъ...

ПРИТЯКНИЪ.

Женщину очень трудно понять...

МОНАХОВЪ.

Это ты про Марью Ивановну?

ПРИТЯКНИЪ

(дергаетъ его за рукавъ).

Нѣтъ, вообще... Рѣдкіе понимаютъ женщину...

МОНАХОВЪ.

Что мнѣ нужно, я, батя, понялъ... а что не нужно, того и понимать не надо...

ПРИТЯКНИЪ.

Это, конечно, спокойнѣе. Опять же всего никогда не поймешь...

ЦЫГАНОВЪ.

Гдѣ вы ее достали, мой другъ, а?

МОНАХОВЪ.

Въ епархіальномъ училищѣ за обѣдной замѣтилъ...

ПРИТЯКНИЪ.

Вонъ она идетъ... и докторъ около...

(Смѣется. Монаховъ негромко вторитъ ему. Цыгановъ смотритъ на нихъ и усы его презрительно вздрагиваютъ)

МОНАХОВЪ (Цыганову).

А Мопассана вашего она не одобряетъ,—скучно, говоритъ, и очень все кратко. Зато мнѣ онъ нравится! Такія есть штучки... ой-ой!

ЦЫГАНОВЪ.

Надежда Поликарповна, хотите еще шампанскаго?

НАДЕЖДА.

Пожалуйста... Миѣ очень нравится оно...

МОНАХОВЪ.

Смотри, Надежда, будешь пьяной...

НАДЕЖДА.

Какія грубости ты говоришь! Люди могутъ подумать, что я ужъ была пьяная. Зачѣмъ ты ходишь съ этой палкой?

МОНАХОВЪ.

А вотъ скоро играть буду.

ПРИТЯКИНЪ

(береть Монахова подъ руку).

Идемте, посмотримъ, какъ исправникъ козыряеть...

(Идутъ. Монаховъ—неохотно)

ЦЫГАНОВЪ

(подаетъ бокаль Надеждѣ).

Вамъ не нравится кларнетъ?

НАДЕЖДА.

Я гитару люблю, на ней можно играть очень трогательно. А кларнетъ всегда точно съ насморкомъ... Вы очень много пьете, докторъ...

ДОКТОРЪ.

Меня зовутъ Павелъ Ивановичъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Представьте! Первый разъ слышу ваше имя... странно, а?

ДОКТОРЪ.

Что—имя? Здѣсь души не замѣчаютъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Какой вы всегда невеселый, дорогой мой Павель Ивановичъ...

ДОКТОРЪ.

Не всякій способенъ смѣяться въ мертвецкой...

ЧЕРКУНЪ (кричить).

Сергѣй! Тебя зоветъ Лидія Павловна...

ЦЫГАНОВЪ.

Извиняюсь... Иду...

ДОКТОРЪ

(тяжело смотритъ на Монахову).

Онъ вамъ нравится, этотъ?

НАДЕЖДА.

Пріятный... говоритъ интересно и всегда чисто одѣтъ...

ДОКТОРЪ

(негромко, глухо).

Онъ—мерзавецъ. Онъ хочетъ развратить васъ... онъ это сдѣлаетъ... мерзавецъ!

НАДЕЖДА (спокойно)

Вы всегда всѣхъ ругаете, и при этомъ видно, что у васъ зубы гнилые...

ДОКТОРЪ

(страстно и тоскливо).

Надежда! Я не могу видѣть тебя среди нихъ... это убьетъ меня! Голосомъ души своей говорю—уйди! Онъ

жадные... имъ ничто не дорого... они готовы все пожрать...

ПАДЕЖДА (встаетъ).

Зачѣмъ же вы говорите на ты? Это вовсе невѣжливо...

ДОКТОРЪ.

Не уходи! Послушай!... ты, какъ земля, богата силой творческой... ты носишь въ себѣ великую любовь... дай же мнѣ частицу ея! Я весь изломанъ, раздавленъ страстью... Я буду любить тебя, какъ огонь, и всю жизни!

ПАДЕЖДА.

Ахъ, Господи... ну, если вы мнѣ совсѣмъ не нравитесь! Вы посмотрите на себя—какой же вы любовникъ? Даже смѣшно это...

ДОКТОРЪ.

Смотри-же... помни! Я лягу на твоёмъ пути — увидишь! Одинъ уже убить тобой!... Я буду вторымъ... Какъ только я увижу, что этотъ прохвостъ овладѣлъ тобой...

ПАДЕЖДА

(съ легкой досадой).

Вы, право, очень глупый человѣкъ! Какъ это можно овладѣть мною, если я не хочу? И все это совсѣмъ не касается васъ... Какой вы досадный... даже цестерпимо!

ВЕСЕЛКПА (бѣжить).

Вы можете представить, какая неожиданная новость? Вдругъ — приѣхала Анна Федоровна... Я ничего не понимаю! Значить—они не разошлись? Или снова сошлись? А какъ-же тогда Лидія Павловна? Вѣдь онъ въ нее влюбленъ...

(Докторъ отходитъ къ столу и тяжело смотритъ на Монахову)

НАДЕЖДА (медленно).

Какъ это интересно... Только я не вѣрю... что онъ влюбился въ Лидію Павловну..

ВЕСЕЛЫНА:

Что вы! Весь городъ знаетъ это...

НАДЕЖДА.

Этого нельзя знать, милая, потому что это - въ сердцѣ.

ВЕСЕЛЫНА.

И въ глазахъ, и въ голосѣ...

НАДЕЖДА (задумчиво).

А вотъ зачѣмъ она пріѣхала... его жена? Зачѣмъ? Хотя она и не опасная противница...

ДОКТОРЪ.

Кому?

НАДЕЖДА

(не сразу, медленно).

А вамъ какое дѣло?

ВЕСЕЛЫНА (доктору).

Вы нездоровы? У васъ лицо...

ДОКТОРЪ

(негромко, какъ эхо).

А вамъ какое дѣло?

ВЕСЕЛЫНА.

Фу, какъ невѣжливо! Пойдемте, дорогая, посмотримъ, какъ все это будетъ...

(Идутъ. Изъ-за деревьевъ является Монаховъ, подходит къ доктору съ усмѣшкой)

МОНАХОВЪ.

Что, батя, а?

ДОКТОРЪ.

Сто разъ я слышалъ этотъ умный вопросъ... что вы хотите знать? Ну?

МОНАХОВЪ.

Ши! Экъ вы... Мнѣ ничего не надо знать... я знаю все, что надо...

ДОКТОРЪ (зло).

Вы знаете, что я... люблю вашу жену?

МОНАХОВЪ

(тихо, съ усмѣшкой).

Кто этого не знаетъ, батя?

ДОКТОРЪ

(хочетъ уйти).

Ну... и ступайте къ чорту!

МОНАХОВЪ

(хватаетъ его за рукавъ).

Тс! Зачѣмъ ругаться? Мы рождены не для волнений. сказалъ поэтъ... и не люблю я ничего драматическаго..

ДОКТОРЪ

(рѣзко, тихо).

Что вамъ нужно?

МОНАХОВЪ (таинственно).

Чтобы она—несчастье испытала... чтобы ударъ дали... но — не я! И не вы, батя... Васъ мнѣ жалко... я вѣдь — добрый... и я вижу... все вижу. Отъ удара она мягче будетъ... несчастье смягчаетъ... поняли, батя?

ДОКТОРЪ.

Вы... пьяны? Или вы...

МОНАХОВЪ (съ усмѣшкой).

Выпилъ... всё выпили! Развѣ это непріятно? Это очень пріятно...

ДОКТОРЪ (злобно).

Вы просто... гадина!

(Быстро идетъ прочь. Монаховъ подходитъ къ столу—на лицѣ его жалкая, странная улыбка. Наливаетъ вина. Бормочеть)

МОНАХОВЪ.

Да... тебѣ, братъ, больно? А мнѣ—не больно?

ПРИТЫКИНА

(идеть, за ней Дробязгинъ, Веселкина).
Маврикій Осиповичъ, слышалъ, а?

МОНАХОВЪ.

Что именно?

ВЕСЕЛКИНА.

Къ Черкуну жена воротилась...

МОНАХОВЪ

(какъ всегда).

Уже воротилась? Н-да... какъ-же къ этому происшествію нужно отнестись?

ПРИТЫКИНА.

Самъ-то не понимаешь, батюшка?

ВЕСЕЛКИНА.

Вѣдь онъ влюбился въ Лидію Павловну...

ДРОВАЗГИНЪ (торопливо).

По-моему, они очень подходят другъ къ другу...

МОПАХОВЪ.

Вотъ и прекрасно...

ПРИТЯКИНА.

Что-же тутъ прекраснаго?

(Дрoвязгинъ оглянулся, взялъ со стола грушу и незамѣтно ѣсть ея)

МОПАХОВЪ.

Всё. И что они подходят, и что она воротилась... и вы всѣ прекрасные люди и я хорошій человекъ... Главное—не надо намъ мѣшать другъ другу...

(Смѣется и идетъ)

ПРИТЯКИНА.

А вѣрно, хорошій онъ... только мало понимаетъ...

ВЕСЕЛЕННА.

Ему некогда понимать, нужно за женой слѣдить...

ДРОВАЗГИНЪ.

Надежда Политарповна—скромная женщина...

ВЕСЕЛЕННА.

Вы всегда все знаете! Она только и ждетъ, какъ-бы слюбиться въ кого-нибудь...

ДРОВАЗГИНЪ.

Этого всѣ желаютъ... даже курицы...

ПРИТЯКИНА (вздыхая).

Вотъ ужъ вѣрно... всѣ желаютъ!

ВЕСЕЛКИНА.

Вы, Пелагея Ивановна, Архина Фомича любите?

ПРИТЫКИНА.

Я-то его—очень, да онъ-то меня не особенно... Ну, что-жь дѣлать? Сама виновата: не ходи сорокъ за двадцать... Вонъ—голова пдетъ... и сама рожденица стнмъ... очень милая женщина!

(Идутъ Богаевская, Рѣдозубовъ съ сыномъ, Павлинъ. Дробязгинъ подтягивается, принимая скромный видъ. Гриша дѣлаетъ ему дружескія гримасы, Веселкина смѣется, видя это)

ПАВЛИНЪ.

Я говорю ей: монастырь—это, дѣвушка, не трудно, а ты вотъ гнуснаго родителя твоего возьми и пригрѣй—это поша, это, говорю, крестъ...

РѢДОЗУБОВЪ.

Слышишь, Гришка?

ГРИША.

Слышу... Вѣдь я въ монастырь не хочу... чего-же?

РѢДОЗУБОВЪ.

Эхъ... дуракъ!

ПРИТЫКИНА.

Ужь какъ все хорошо у васъ, Татьяна Николаевна! Всего-то много и все вкусное, все—рѣдкое... охъ, дорогая вы моя, какъ это приятно!

БОГАЕВСКАЯ.

Ну, я рада, коли угодила... Жарко вотъ очень...

П Р И Т Ы К И П А.

А вы лимонаду съ коньячкомъ... меня Сергѣй Николаевичъ научилъ лимонадъ съ коньячкомъ пить... освѣжаетъ!

Р Ъ Д О З У Б О В Ъ (тоскливо).

Татьяна Николаевна! Зачѣмъ ты меня позвала? Сидѣлъ-бы я дома... Вонъ Павлишъ говоритъ: это,—говорить,—Валтасаровъ пиръ..

Б О Г А Е В С К А Я.

Оставь дѣтей и уходи, коли не правится.. А Павличъ глупости говоритъ, хоть онъ и старикъ..

Р Ъ Д О З У Б О В Ъ (залучиво).

Заглотаешь онъ меня... Что хочешь, то и дѣлаю... Это—я?

Б О Г А Е В С К А Я.

Зато глупостей меньше дѣлать сталъ... Давно ужъ тебя, батюшка, слѣдовало ограничить...

Р Ъ Д О З У Б О В Ъ.

Столбы сломать я... Семь лѣтъ за нихъ держался, сколько денегъ убилъ по судамъ...

П А Р Л И Н Ъ.

Столбовъ—жалко. Очень украшали они улицу.

Б О Г А Е В С К А Я.

Ну, и врешь...

П Р И Т Ы К И П А.

Видеть стѣснительно было... а такъ—ничего! Все-таки каждый видитъ, каждый спроситъ, чьи столбы? И знаетъ, что вотъ въ Верхопольѣ городской голова Рѣдозубовъ...

РЪДОЗУБОВЪ.

Гришка! Чего глаза пялишь на бутылки?

ГРИШКА.

Я такъ, папаша... Больно много ихъ...

БОГАЕВСКАЯ.

Что ты на него орешь? Самъ сдѣлалъ парня дуракомъ да самъ-же и сердится...

РЪДОЗУБОВЪ.

Ты думаешь,—я не вижу, что дѣлается? Эти фармазоны... они варвары, они—нарушители! Они все опрѣкдываютъ, все галится отъ нихъ...

БОГАЕВСКАЯ (позѣывая).

Видно, плохо было построено...

РЪДОЗУБОВЪ.

Ты—барыня... тебѣ ничего не жалко... Вы, баре, чужими руками дѣлали, оттого вамъ и не жаль... а мы—своимъ горбомъ... да...

БОГАЕВСКАЯ.

Да, мы не жадничали... И что намъ хорошо было сдѣлано, то, батюшка мой, осталось... А вотъ умрешь ты, и на мѣстѣ, гдѣ жилъ, останется только земля испорченная... земля ограбленная.

РЪДОЗУБОВЪ (гнѣвно).

Гришка! Иди прочь... Гдѣ Катерина? (Идутъ исправникъ и Притыкинъ) Зови ее домой... иди! Вонъ—Архипъ идетъ... чѣмъ онъ меня лучше? А его наравнѣ со мной стаеять...

(Идетъ прочь. Павлинъ за нимъ)

БОГАЕВСКАЯ.

А, пожалуїі, напрасно я старыку-то паговорила... а? Вотъ... дура...

П Р И Т Ы Б И П А.

Пу, дорогая, а оцъ какъ говорилъ?

И С П Р А В Н И К Ъ.

Вашъ домъ—эдемъ, Татьяна Николаевна, и сами ры—богиня...

БОГАЕВСКАЯ.

Да, очень похожа...

И С П Р А В Н И К Ъ.

А посему—желаю вамъ праздновать день вашего рожденья еще разъ пятьдесятъ!

БОГАЕВСКАЯ.

Не много-ли?

П Р И Т Ы К П И Ъ.

Дѣйствительно, Татьяна Николаевна... вѣрно! Въ другомъ бы мѣстѣ Рѣдозубовъ излалъ меня, какъ собака, а у васъ—не можетъ! Потому—васъ всѣ уважаютъ... и никто ничего не можетъ...

БОГАЕВСКАЯ (спокойно).

Знаютъ, что вонъ выгнать могу...

И С П Р А В Н И К Ъ.

Браво!

П Р И Т Ы Б И П Ъ (съ восторгомъ).

Зпаютъ!

П Р И Т Ы К П И А (вздыхая).

Это очень хорошо, если человѣкъ чувствуетъ, что его выгнать могутъ!

ПРИТЯКНИЪ

(женѣ, значительно, задорно).

Это вы... насчетъ кого же?

ПРИТЯКНИА.

Вообще! А ты думать—про тебя?

ПРИТЯКНИЪ.

То-то.

ИСПРАВНИКЪ.

Смирно-о! Вышли, закусили—пу-съ?

ПРИТЯКНИЪ.

Въ стуюлку?

ПРИТЯКНИА.

Въ стуюлку и я буду...

ИСПРАВНИКЪ.

Извиняюсь...

БОГАЕВСКАЯ.

Идите, батюшка, идите...

(Всѣ уходятъ. Богаевская сидитъ въ креслѣ, обмахиваясь платкомъ. Съ правой стороны доносится голосъ Степана. Матвѣй развѣшиваетъ и оправляетъ фонарикъ. Степанъ и Катя идутъ рядомъ. Степанъ, какъ всегда, говоритъ рѣзко и какъ-бы насмѣшливо)

СТЕПАНЪ.

...Тамъ горитъ великій огонь разума, и всѣ честные, всѣ умные люди видятъ при свѣтѣ его, какъ грязно и скверно устроена жизнь...

КАТЯ (негромко).

Тамъ много честныхъ и умныхъ?

СТЕПАНЪ (усмѣхнулся).

Ну... не очень... (Богаевская тихо смѣется) Потому-то я и говорю—идите туда! Отдайте хоть два-три года вашей юности мечтамъ о новой жизни и борьбѣ за эти мечты. Бросьте частицу вашего сердца въ общій костеръ протеста противъ пошлости и лжи...

КАТЯ (просто).

Я пойду...

СТЕПАНЪ.

Быть можетъ, вы испугаетесь и снова вернетесь въ это болото... но—будетъ у васъ чѣмъ вспомнить юность... а это—хорошая награда за то, что вы можете дать...

КАТЯ.

Я не ворочусь...

СТЕПАНЪ.

Сюда, въ этотъ чортовъ уголь, не долетаетъ ни звука той жизни... Вы посмотрите, какъ слѣпы, глухи, глупы всѣ здѣсь...

КАТЯ (вздрагнула).

Монаховъ и докторъ похожи на лягушекъ...

СТЕПАНЪ.

Что вамъ дѣлать здѣсь? Ну, выйдете вы замужъ за какого-нибудь купчика, вродѣ вашего брата...

(Видитъ Богаевскую, немного смущенъ, поправляетъ фуражку)

БОГАЕВСКАЯ (улыбаясь).

Что, милый? Чего конфузитесь?.. Опъ хорошо гово-

рить, Катюша... честно говорить! Ничего не обѣщаетъ— это хорошо... А когда обѣщать начнетъ— не вѣрь...

СТЕПАНЪ

(грубовато, очень искренно).

Знаете... славная вы.. честное слово!

БОГАЕВСКАЯ.

Ну, ну... идите! Идите... живите! (Степанъ и Катя уходятъ) Эхъ... милые вы мои человѣки... (Идетъ Лидія, читаетъ какую-то записку, перво двигаетъ бровями) Лидуша!

ЛИДІЯ.

А, вы здѣсь? Надоѣли вамъ эти люди, да?

БОГАЕВСКАЯ.

Въ мои годы люди скоро надоѣдаютъ... Послушай-ка, хочу я тебѣ сказать... присядь-ка! Видишь-ли, я тринадцать лѣтъ безвыѣдно прожила здѣсь... одичала я и многого теперь ни понимаю... такъ ты ужь извини мнѣ... ежели я что-нибудь не такъ скажу...

ЛИДІЯ

(кладетъ ей руку на плечо).

Не нужно говорить объ этомъ... Вѣдь вы... по поводу моихъ отношеній къ Черкуну?

БОГАЕВСКАЯ.

Да, да... Болтаютъ они тугъ... перемигиваются...

ЛИДІЯ.

Что намъ они?

БОГАЕВСКАЯ.

Ну... не о чемъ и говорить.

Лидія (задумчиво).

Вотъ... если хотите... Его жена прислала мнѣ записку, въ которой сообщаетъ, что у нея нѣтъ вражды ко мнѣ... что-то въ этомъ родѣ. Какъ жалки люди, не правда-ли?

БОГАЕВСКАЯ.

Люди-то? Да-а... Её мнѣ жалко...

ЛИДІЯ (улыбаясь).

Надѣюсь, вы не считаете меня способной отпить у нищаго его единственный кусокъ?

БОГАЕВСКАЯ.

Ну, что ты, Лидочка! Ты—Богаетская, а этого достаточно, чтобы знать себѣ цѣну... Ну, отдохнула, пойду къ нимъ снова... Скажи—онъ правится тебѣ?..

ЛИДІЯ

Не очень... Но среди другихъ...

БОГАЕВСКАЯ.

Грубъ онъ... рѣзокъ... Ну, дай Богъ счастья тебѣ...

ЛИДІЯ.

О, тетя... если я захочу, я сама возьму...

БОГАЕВСКАЯ (тихо).

Вотъ они идутъ...

ЛИДІЯ

(пожимая плечами).

Зачѣмъ же шептать?

(Идутъ Анна, Монахова, Черкуня)

БОГАЕВСКАЯ.

Здравствуйте, Анна Федоровна... Вотъ какъ пріятно для меня: день моего рожденія, и вы пріѣхали...

АННА

(нервно оживлена).

Поздравляю васъ... Здравствуйте, Лидія Павловна. (Лидія подаетъ руку, молча улыбаясь) Такъ странно мнѣ— я жила это время почти одна, въ глухомъ деревенскомъ углу, въ тишинѣ. и вотъ теперь попала прямо въ этотъ шумъ... даже голова кружится!..

ЧЕРКУНЪ (хмуро).

Ты бы отдохнула...

АННА.

Потомъ... А гдѣ-же Катя?

НАДЕЖДА (Лидіи).

Какая Анна Федоровна миленькая стала—смотри-те-ка!

ЛИДИЯ.

Она всегда была такой красивой.. мнѣ кажется...

КАТЯ (бѣжитъ).

Пріѣхала! Ай, какъ хорошо... какъ я рада, милая.. пріѣхала! Какъ похудѣла... а глаза какіе...

(Онѣ обнимаются. Черкунъ хмуритъ брови. Надежда слѣдитъ за нимъ и Лидіей. Въ кустахъ Веселкина, Монаховъ)

АННА.

Какіе?

КАТЯ.

Серьезные... безпокойные.

АННА.

Какъ ты живешь, скажи?

КАТЯ.

Мнѣ хорошо... интересно! Я все гуляю съ Луккинымъ... отецъ меня грызетъ за это—ухъ какъ! А Луккинъ—онъ очень умный... только говорить со мной, какъ съ дѣвочкой... Онъ гораздо лучше говорить съ мужиками... Пройдемся, а?

АННА (идеть).

Онъ вѣдь самъ изъ простыхъ...

(Цыгановъ идетъ. Черкупъ смотритъ влѣдъ жонѣ, изъ-за деревьевъ ему улыбается рожа Монахова. Вдали стоитъ докторъ. Лидія, напѣвая, чиститъ грушу)

ЧЕРКУПЪ.

Ты что-же бросилъ гостей?

ЦЫГАНОВЪ.

Падежда Поликарповна ушла, а вдали отъ нея—я чувствую себя не на своемъ мѣстѣ...

ПАДЕЖДА.

Какъ хорошо вы говорите комплименты... сразу и не поймешь даже...

ЦЫГАНОВЪ:

Благодарю за комплиментъ...

НАДЕЖДА.

А вотъ Егоръ Петровичъ... никогда не говоритъ любезностей...

(Индія идетъ къ дому)

ЦЫГАНОВЪ.

Это мужчина дикій, невоспитанный..

НАДЕЖДА.

Маврикій! Что ты тамъ нашель?

МОПАХОВЪ.

Паука...

НАДЕЖДА.

Какія гадости!

МОПАХОВЪ.

Я люблю наблюдать... занятіе поучительное...

ЦЫГАНОВЪ.

Чему же учишь васъ наукъ, а?

МОПАХОВЪ.

А вотъ онъ поймалъ букашку и, — самъ-то маленький, — не можетъ сладить съ нею... Посустился около нея, къ сосѣду побѣжалъ — помощи, дескать, съѣсть...

ДОКТОРЪ

(издали, грубо и глухо).

Онъ дѣйствуетъ, какъ вы, Монаховъ... совсѣмъ, какъ вы... (Идетъ прочь)

ЦЫГАНОВЪ.

Что такое?

ПАДЕЖДА.

О Господи... вотъ испугаль.

КОПАХОВЪ.

Выпилъ! Въ пьяномъ видѣ многіе философствуютъ.

(Идетъ туда, гдѣ скрылся докторъ)

ЧЕРКУНЪ.

Удивительно грубое животное этотъ докторъ!

ЦЫГАНОВЪ.

Вы слышите, какъ говоритъ этотъ рыжій господинъ, а?

ПАДЕЖДА.

Правду говорить... и это очень хорошо... И всегда Егоръ Петровичъ говоритъ прекрасно..

ЦЫГАНОВЪ.

Намъ придется стрѣлять другъ въ друга, Жоржъ, я это чувствую!.. Богиня моя, уйдемте прочь отъ него... онъ скверно дѣйствуетъ мнѣ на нервы... Давайте гулять по саду и говорить о любви...

ПАДЕЖДА (идеть).

А вотъ Егоръ Петровичъ никогда не говоритъ о ней...

ЦЫГАНОВЪ.

Онь—личность безстрастная...

ПАДЕЖДА.

Ужъ это извините... Какъ вы хорошо зовете его — Жоржъ.

(Уходятъ. Черкунъ озабоченно колотитъ пальцами по столу и

рѣзко насвистываетъ что-то. Идутъ Анна, Катя, Степанъ. Со стороны дома слышенъ торжествующій голосъ Притыкина. Ко времени, когда Анна начинаетъ говорить о дѣтяхъ, у стола являются исправникъ, Притыкинъ. Гриша, шевеля губами, внимательно читаетъ этикетки на бутылкахъ)

ПРИТЫКИНЪ.

А я такъ наговорилъ словечекъ старому чорту Рѣдозубову, будетъ онъ меня помнить. Онъ боится за дѣть меня здѣсь, а я тутъ—свой человекъ! (Хохочетъ)

АННА.

Прошло два мѣсяца, но, право, точно годы я прожила! Такъ все это страшно...

СТЕПАНЪ.

Да-съ... жизнь серьезная...

АННА.

Ты знаешь, Катя,—есть люди, которые съ наслажденіемъ бьютъ женщинъ.. кулаками по глазамъ... по лицу, до крови... ногами бьютъ... ты понимаешь?

КАТЯ

(негромко, не сразу).

Я знаю. Отецъ билъ маму... Гришу бьетъ..

АННА (тоскливо)

О Боже.. милая моя, дитя мое!

ЧЕРКУНЪ.

Ты сядь... не волнуйся...

СТЕПАНЪ.

Забавно мнѣ смотрѣть на васъ... вы точно вчера прозрѣли...

АННА.

Какія страшныя дѣти есть тамъ! Они заражены... болѣзнью... глаза у нихъ тревожные, унылые, точно погребальныя свѣчи... А матери бьютъ и проклинаютъ своихъ дѣтей за то, что дѣти родились больными... Ахъ, если-бъ всѣ люди знали, на чемъ построена ихъ жизнь!

ПРИТЫКНПЪ.

Мы знаемъ! Это вамъ въ диковинку, а мы очень даже хорошо знаемъ! Народъ—звѣрье... и становится все хуже... Еще бабы—смирнѣе, а мужики—сплошь арестанты!

МОНАХОВЪ.

Ну и бабы тоже. Кто тайно водкой торгуетъ?

ИСПРАВНИКЪ.

О да! А вамъ извѣстно, какъ онѣ мужей травятъ? Испечетъ, знаете, пирожокъ съ капустой и мышьякомъ и—угостить, да-съ.

КАТЯ (горько).

А какъ же иначе, если они дерутся? Такъ и пужно

ПРИТЫКННА (пугливо).

Ахъ, милая! Вѣдь что говорить!

ИСПРАВНИКЪ (шутя).

А вотъ за такія рѣчи я васъ, сударыня...

КАТЯ.

Не дышите па мся... ф-фу!

А П П А (растерянно).

Но, господа, если вы знаете все это...

ЧЕРКУНЬ.

Не будь наивной, Анна...

СТЕПАНЪ (усмѣхался).

Кого вы здѣсь думаете удивить?

БАТЯ.

Какъ по люблю я вашу улыбку... Чему вы смѣетесь
сейда?

СТЕПАНЪ.

Жизнь полна преступлений, которымъ имени нѣтъ...
и преступники не наказаны, они все командуютъ жизнью...
а вы—все только ахаете...

(Исправникъ беретъ подъ руку
Притыкина и уходитъ съ нимъ)

БАТЯ.

Ну, что-же дѣлать?

А П П А.

Что нужно дѣлать?

(Гриша оглянулся, взялъ со стола
бутылку и уходитъ съ ней)

СТЕПАНЪ.

Открывайте глаза слѣпорожденнымъ — больше вы
ничего не можете сдѣлать... ничего!

ЧЕРКУНЬ.

Подо стройте новыя дороги... желѣзныя дороги...
Желѣзо—сила, которая разрушитъ эту глупую, дере-
вянную жизнь...

С Т Е П А П Ъ.

И сами люди должны быть какъ желѣзные, если они хотятъ перестроить жизнь... Мы не сдѣлаемъ этого, мы не можемъ даже разрушить отжившее, помочь разложиться мертвому,—оно намъ близко и дорого... Не мы, какъ видно, создадимъ новое, пѣтъ, не мы! Это надо понять... это сразу поставить каждого изъ насъ на свое мѣсто...

М О Н А Х О В Ъ (Катѣ).

А вашъ братецъ бутылку шартрезу взялъ и — видите?—пьетъ!

К А Т Я (убѣгая).

Ахъ... негодяй!..

М О Н А Х О В Ъ.

Зелье крѣпкое...

Г Р И Ш А

(его не видно).

А тебѣ что? Не твое... Пошла, ну... не дамъ!

С Т Е П А П Ъ

(идеть на шумъ).

Онъ еще стукнетъ ее...

А Н Н А.

Сергѣй Николаевичъ продолжаетъ воспитывать его? Это можетъ дурно кончиться...

Ч Е Р К У Н Ъ.

Ну, Сергѣй едва-ли училъ красть бутылки...

А Н Н А.

А пить вино? (Оглядывается. Быстро и нервно говорить) Чтобы сразу все было понятно, Егоръ, я пріѣхала къ тебѣ...

ЧЕРКУПЪ.

Отложимъ это до другого времени...

АННА.

Пѣть, подожди! Я примприлась съ мыслью, что мы съ тобой чужіе... что я чужая для тебя...

ЧЕРКУПЪ

(негромко, усмѣхаясь).

Чужая? Тебя со мной роднили поцѣлуи и—только?

АННА (тоскливо).

Пѣть... я не знаю! Скажу одно: мнѣ безъ тебя такъ трудно! Я такъ глупа... безсильна! Я ничего не знаю и не умѣю...

ЧЕРКУНЪ.

Послушай... скажи мнѣ сразу, чего ты хочешь?

АННА.

Не обижай меня! Я вѣдь не за милостыней пришла... Я люблю тебя, да... очень сильно люблю, Егоръ... но я знаю: если ты рѣшилъ... это бесполезно... если ты рѣшилъ...

ЧЕРКУПЪ (глухо).

Зачѣмъ другъ другу дергать нервы, Анна?

АННА.

Моя любовь—маленькая, но она мучаетъ меня... нѣтъ, не уходи!.. Мнѣ стыдно, что моя любовь такая... Сначала мнѣ было обидно, больно... я думала о смерти, когда уѣхала...

ЧЕРКУПЪ (угрюмо).

Что я могу сказать тебѣ? Не понимаю я тебя...

А П П А

(со страхомъ и мольбой).

И такъ безпомощна... я такая ничтожная... и все такъ страшно... когда одна... Такъ нестерпимо жалко видѣть больного, избитаго ребенка, который даже плакать боится...

ЧЕРКУПЪ (твердо).

Анна, мнѣ нужно знать, чего ты хочешь?

А П П А.

О... я хочу побыть около тебя еще немного... еще немного! Я не помѣшаю тебѣ... живи, какъ хочешь! Но мнѣ необходимо это...

ЧЕРКУПЪ (угрюмо).

Тебѣ тяжело будетъ — смотри!

(Катя идетъ)

А П П А

(съ блѣдной улыбкой).

Тогда я уйду... я уйду! Видишь-ли, я ничего не понимаю, я ни о чемъ не думала серьезно до этой поры.. Ты долженъ научить меня...

КАТЯ.

О чемъ ты говоришь?

А П П А.

О жизни, дѣвочка моя! (Мужу) Ты долженъ что-то дать мнѣ взаменъ того, что взялъ...

ЧЕРКУНЪ.

Не знаю... какъ я сдѣлаю это... не знаю, Анна! Мнѣ такъ неловко...

КАТЯ (ворчливо).

Ага, пеловко! То-то! (Топая ногой) Ухъ... поспавнику мужичит! Когда-нибудь я этого Лукина.. такъ отщелкаю!

АННА (съ улыбкой).

Мнѣ вѣдь тоже пеловко... и обидно, что я такал... Но куда-же я пойду? Не знаю... Въ моей семьѣ—все по старому, всё чувствуютъ себя правыми и всё злятся, всё обижаются. Старая мебель и книги, старые вкусы... холодно и мертво! Порой они вдругъ испугаются, засуетятся и говорятъ со злобой и со страхомъ, что жизнь испорчена.. и снова, какъ въ чаду, живутъ въ своихъ воспоминаніяхъ о старинѣ... (Къ столу подходятъ Цыгановъ и Надежда. Цыгановъ наливаетъ себѣ вина) Я отвыкла отъ нихъ, они мнѣ непонятны...

ЦЫГАНОВЪ.

Съ вами, моя дорогая, приятно и страшно, какъ надъ пропастью...

НАДЕЖДА.

Какъ вы много пьете!

КАТЯ.

Вы помпрились?

ЧЕРКУНЪ.

Не говори ей, Анна. Пускай она умретъ отъ любопытства...

КАТЯ.

Да вѣдь я вижу... Эхъ, кабы вы были моимъ мужемъ... я бы васъ—вотъ какъ держала!

(Крѣпко сжимаетъ кулакъ)

ЧЕРКУНЪ.

Ну, не пугайте меня..

А П П А.

Милая ты моя...

(За деревьями является Монаховъ)

ЦЫ Г А Н О В Ъ.

Какъ злеть меня, что вы неуязвимы для яда, которъй я хотѣлъ бы вамъ привить... Какъ это жалко!..

А П П А (быстро).

Пойдемъ отсюда, Катя... (Ведеть ее за руку)

КА Т Я.

Только не въ комнаты! Въ бесѣдку...

Ч Е Р К У П Ъ

(усмѣхаясь, идетъ къ дому).

Ты слишкомъ откровенно ведешь свои дѣла, Сергѣй...

ЦЫ Г А Н О В Ъ.

Миръ можетъ восхищаться ими, если хочеть...

Н А Д Е Ж Д А (задумчиво).

Жоржъ.. милое имя! Маврикіи, ты чего тамъ?

М О П А Х О В Ъ

(является, кивая головой на столъ).

А вотъ... сюда!

Н А Д Е Ж Д А.

Какъ нехорошо это—вертѣтся на глазахъ...

М О Н А Х О В Ъ (кратко).

Ты чего ворчишь? Опять животъ болить? Или моль?

НАДЕЖДА (Цыганову).

Вы понимаете: это онъ нарочно грубости и гадости говорить, чтобы отвратить отъ меня мужчинъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Да? Приемъ... любопытный...

НАДЕЖДА
(искренно и просто).

Ахъ, если-бы вы знали, какой это противный человекъ! То онъ говорить, что у меня изо рта пахнетъ...

МОНАХОВЪ (тревожно).

Ну что ты, Надя? Кому же я говорилъ?..

НАДЕЖДА
(идеть къ нему).

Напомнить? Я напомню...

МОНАХОВЪ (отступаетъ).

Ну вотъ, Надя... что такое? Я пошутилъ...

(Они скрываются въ деревьяхъ.
Цыгановъ устало садится въ кресло, лицо у него тоскливое. Къ столу подходятъ Дробязгинъ и Гриша)

ДРОБЯЗГИНЪ.

Сергѣй Николаевичъ! Позвольте васъ спросить, что такое тайные пороки?

ЦЫГАНОВЪ.

Я вамъ не скажу этого, мой другъ... предпочитаю видѣть васъ явно порочнымъ... Это значителнѣе и красивѣе...

ДРОВЯЗГИНЪ.

А добродѣтели тайныя бываютъ?

ЦЫГАНОВЪ.

Онѣ, должно быть, всегда таковы... я не видалъ яв-
ныхъ добродѣтелей...

ГРИША.

А какъ оно называется... это зеленое, густое... которое
первый-то разъ вы мнѣ поднесли... помните?

ЦЫГАНОВЪ.

Шартрезъ, юноша...

(Гриша повторяетъ вполголоса
и улыбается. Въ саду Матвѣй
зажигаетъ фонарики)

ДРОВЯЗГИНЪ.

А кто, Сергѣй Николаевичъ, мудрѣйшій изъ мудре-
цовъ?

ЦЫГАНОВЪ.

По этому поводу въ исторіи философіи рассказано
слѣдующее: было три мудреца; первый доказывалъ,
что міръ есть мысль, другой утверждалъ противное...
я, право, не помню, что именно. Но я навѣрное знаю,
что третій соблазнилъ жену перваго, украсть у втораго
рукопись, напечаталъ ее, какъ свою, и его увѣщали
лаврами...

ГРИША (съ восторгомъ).

Ло-овко!

ДРОВЯЗГИНЪ (неувѣренно).

И-да... дѣйствительно... подкузьмилъ!

ЦЫГАНОВЪ.

И объегорилъ, прибавьте... А теперь давайте выпьемъ, и да здравствуетъ юность! Поздно понимаетъ человекъ, какъ это прекрасно—быть юношей!

(Лидія стоитъ съ цвѣткомъ въ рукахъ и брезгливо смотритъ, какъ мужчины пьютъ)

ДРОВАЗГИНЪ (задумчиво).

Я полагаю, Сергѣй Николаевичъ, такъ, что воровство—всегда будетъ?

ЦЫГАНОВЪ.

Непремѣнно, мой другъ... По крайней мѣрѣ, до той поры, пока кто-нибудь не украдетъ все... понимаете—все! Тогда красть будетъ нечего, и поневолѣ всѣ люди стануть честными...

ГРИША (хохочетъ).

Голыми всѣ будутъ... А вотъ Емелька Пугачевъ хотѣлъ все-то украсть, такъ его живьемъ сварили... растопили котелъ серебра да башкой его туда... издохъ!

(Хохочетъ)

ЛИДІЯ.

Дядя Сержъ!

ЦЫГАНОВЪ.

Что вы мнѣ прикажете, дорогая моя?

(Дробязгинъ и Гриша почтительно сторонятся и уходятъ)

ЛИДІЯ.

Зачѣмъ это вы ихъ... такъ?

ЦЫГАНОВЪ.

Приятно, знаете, немножко развратить этихъ двухъ

поросять... можетъ быть, порокъ сдѣлаетъ ихъ болѣе похожими на людей... а?

ЛИДИЯ.

Сержъ Цыгановъ, гурманъ и левъ, еще недавно законодатель модъ—напивается... съ кѣмъ?

ЦЫГАНОВЪ.

И влюбленъ въ жену акцизнаго надзирателя... Да, земля вертится скверно, что-то испортилось въ гармоніи вселенной...

ЛИДИЯ.

Въ самомъ дѣлѣ—что съ вами?

• ЦЫГАНОВЪ (негромко).

Какая это женщина... чортъ возьми!

ЛИДИЯ.

Вы дурите?

ЦЫГАНОВЪ.

Нѣтъ...

БОГАЕВСКАЯ (кричитъ).

Сергѣй Николаевичъ!

ЦЫГАНОВЪ.

Иду. Знаете, моя дорогая... я, можетъ быть, предложу ей вступить со мной въ законный бракъ... Мнѣ уже пора въ бракъ, какъ оstrarь приказчики... Идете?

ЛИДИЯ.

Нѣтъ... Тяжело смотрѣть на васъ, господа... уѣхать хочется отсюда...

ЦЫГАНОВЪ.

Потому что кто-то неожиданно пріѣхалъ?

ЛИДІЯ.

Зачѣмъ же быть вульгарнымъ и со мной?

(Цыгановъ пожалъ плечами и уходитъ. Лидія, тихо напѣвая, идетъ направо. Навстрѣчу ей, быстро—Анна)

АННА.

Вы получили мою записку?

ЛИДІЯ.

Зачѣмъ вы написали это?

АННА.

Я васъ обидѣла?

ЛИДІЯ.

Вы унижаете себя... мнѣ кажется...

АННА.

Ахъ, развѣ это важно, если любишь!

ЛИДІЯ.

Вы хотите сказать мнѣ что-то?

АННА

(тревожно и тоскливо).

Да. Да. Не презирайте меня... я сама себѣ противна въ эту минуту... У меня нѣтъ другого мѣста, вы понимаете, нѣтъ у меня другого мѣста... Жизнь такъ огромна Я могу жить только около него...

ЛИДІЯ (холодно).

Зачѣмъ мнѣ это пужно знать?

АННА.

Не говорите такъ. Сильные должны быть добрыми... Я хочу спросить васъ и не могу... вы знаете, о чемъ я хочу спросить васъ?..

ЛИДИЯ.

Да. Пожалуй, знаю.. Люблю ли я вашего мужа, это?
Нѣтъ Не люблю...

(Гриша осторожно подходит къ столу, беретъ бутылку вина и исчезаетъ)

АННА.

Правда? (Хватаетъ ее за руку) А — онъ? А онъ вась?
скажите!

ЛИДИЯ.

Не знаю. Не думаю...

АННА (тоскливо).

Этого нельзя не знать!..

ЛИДИЯ.

Мы съ нимъ друзья... о многомъ говоримъ...

АННА (гордо).

А! Теперь я сама могу поговорить о многомъ!

ЛИДИЯ (улыбаясь).

Вотъ и прекрасно!

АННА.

Я женщина, я люблю, я хочу быть съ нимъ...

ЛИДИЯ.

Могу уйти?

АННА (искренно).

Я вамъ противна, да? Поймите, — я не могу жить
иначе...

ЛИДИЯ.

Простите меня.. но, мнѣ кажется, ваша... такая лю
бовь—тяжела ему.

АННА.

Онъ—сильный, онъ очень сильный!

ЛИДІЯ.

До свиданья! (Идетъ)

АННА.

Не презирайте меня... Ну, все равно! О Господи...
помоги мнѣ... помоги мнѣ!

(Идутъ исправникъ и Притыкинъ, оба сильно выпившіе. Анна, замѣтивъ ихъ, поспѣшно всцѣзаетъ)

ИСПРАВНИКЪ.

Представь, Архипъ, что ты исправникъ и тебѣ надо жениться... на комъ? Вотъ вопросъ... да!

ПРИТЫКИНЪ.

Я бы во всякомъ положеніи на богатой женился...

ИСПРАВНИКЪ.

Это разумѣется... Ну, а если онъ обѣ богаты—и Мо-
нахова, и Лидія Павловна? Ну?

ПРИТЫКИНЪ.

Я бы Лидію Павловну взялъ...

ИСПРАВНИКЪ.

И-да.. а почему?

ПРИТЫКИНЪ.

Потому — Монохова замужемъ... А вотъ студентъ
этотъ, знаете... я вамъ скажу...

ИСПРАВНИКЪ.

Чортъ съ нимъ! Мальчишка... Она замужемъ... мм...
это вѣрно! Но вѣдь она можетъ быть вдовой...

ПРИТЪКИНЪ.

Это всякая женщина может...

ИСПРАВНИКЪ (пораженъ).

Именно... всякая! Ф-фу! Значитъ—всѣ мы умремъ... ты понимаешь?

ПРИТЪКИНЪ.

Ужъ такое положеніе.

ИСПРАВНИКЪ.

Вѣрно—положеніе! Это ты хорошо сказалъ... каналья! Положать тебя и—лежи...

ПРИТЪКИНЪ.

Онъ такія слова говорить... ой-ой!

ИСПРАВНИКЪ (задумчиво).

Другіе люди ѣздятъ на охоту, играютъ въ карты, а ты—лежи...

ПРИТЪКИНЪ.

Вы обратите вниманіе... да! Онъ говорить,—народъ своей кровью...

ИСПРАВНИКЪ.

Ерунда!

(Дробязгинъ бѣжитъ)

ПРИТЪКИНЪ.

Иѣтъ... онъ язва!

ДРОБЯЗГИНЪ.

Яковъ Алексѣевичъ, пожалуйста! Докторъ Монахову въ морду даль!

ИСПРАВНИКЪ.

Что такое? Почему?

ДРОВЯЗГИНЪ.

Неизвѣстно...

(Втроемъ идутъ къ дому. За деревьями является дунькинъ мужъ, одичавшій отъ пьянства, оборванный. Черкунъ ведетъ за руку доктора, сзади идетъ Монахова и потомъ Степа)

ЧЕРКУНЪ

Вы сейчасъ же уйдете...

ДОКТОРЪ (реветъ).

Кто вы такой? Вы здѣсь развратили всѣхъ...

ЧЕРКУНЪ (тихо).

Ну... молчать! Стыдитесь...

ДОКТОРЪ.

Вы оба—воронье... Я вамъ не падаль... меня не расклюете, какъ Рѣдозубова.. Кто вы такой, я спрашиваю?

ЧЕРКУНЪ.

Да-ну, идите же! (Ведетъ его въ глубину сада)

МОНАХОВА

(радно, Степѣ)

Ты видѣла, какъ онъ его? Какой прекрасный.. храбрый! Какъ просто... схватилъ, увелъ...

(Идетъ вслѣдъ за Черкуномъ)

СТЕПА (кричитъ).

Егоръ Петровичъ! (Видитъ отца—испугана и обозлилась)
Опять пришелъ.. опять! Зачѣмъ? Чего тебѣ?

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Степанида! Я твой отецъ... вѣрно? Иди ко мнѣ... значить!

СТЕПА.

Я не хочу! Уйди! Я не пойду...

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

А я тебя черезъ полицію...

СТЕПА.

Въ моглау—уйду... (Идутъ Черкунъ, Монахова, Анна, Лидія, Цыгановъ) Слышалъ? Ты не отецъ мнѣ... ты бо-
лѣзнь моя...

ЧЕРКУНЪ.

Ты снова? Чего тебѣ?..

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

За ней .. за этой...

СТЕПА.

Онъ по душу мою пришелъ...

АННА.

Уйдите, Степа...

ЧЕРКУНЪ.

Ну, ты ступай вонь!

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ.

Ужъ ежели отняли дочь... дайте хоть рубль.

СТЕПА

(выхвативъ изъ кармана деньги, бросаетъ ихъ и бѣжитъ прочь)
Нà! Подавись! Нà!

ЧЕРКУНЪ.

Послушай, если ты...

НАДЕЖДА.

Ахъ, ну зачѣмъ вы съ нимъ говорите?

ЧЕРКУНЪ.

Позвольте, Надежда Поликарповна...

НАДЕЖДА.

Вамъ вовсе нельзя говорить съ такимъ. Ты—уходи. А завтра я скажу исправнику, чтобы онъ тебя уничтожилъ...

ДУНЬКИНЪ МУЖЪ

(подбирая деньги).

Нельзя меня уничтожить... не боюсь я...

ЦЫГАНОВЪ

Каковъ мужчина, а? Все растеть...

ЛИДИЯ.

Чувствуешь свою силу... силу слабости...

АННА.

Ботъ вы, Сергѣй Николаевичъ, постоянно даете ему...

ЦЫГАНОВЪ.

О, не беспокойтесь! Это меня не раззорить...

НАДЕЖДА (Черкуну).

Какой сегодня тяжелый день для васъ... все неприятности!..

АННА

(неволью, какъ эхо).

Тяжелый... Ты усталъ, Егоръ?

ЧЕРКУНЪ.

Я вотъ... не знаю, что нужно сдѣлать съ этимъ человекомъ, чтобы онъ оставилъ дочь свою въ покоѣ? Это злится.

НАДЕЖДА.

Вамъ ничего не надо дѣлать! Я сама... вы только не волнуйтесь...

ЦЫГАНОВЪ.

Моя дорогая, вашъ супругъ, вотъ кто, мнѣ кажется, взволнованъ...

НАДЕЖДА

(какъ бы удивилась).

Опъ?

ЧЕРКУНЪ

(вдругъ обозлился).

Онъ—какъ лужа грязи, въ которую наступили ногой... вашъ супругъ...

АННА

(негромко, пораженная).

Егоръ... что ты?

ЦЫГАНОВЪ (усмѣхнулся).

Ты, Жоржъ, преувеличиваешь...

ЧЕРКУНЪ (Надеждѣ).

Я удивляюсь, какъ вамъ не стыдно терпѣть около себя такого... пошляка!

НАДЕЖДА

(даже дыханіе у нея захватило отъ восторга).

Ахъ... какъ вы это сказали!.. Какъ вѣрно... строго!
(Цыганову) Вотъ кто страшный... вотъ кто!

АННА

(безпокойно, Лидіи).

Боже мой... Какая она... страшная... не правда-ли?
Вы видите?

ЛИДІЯ.

Да... вижу... Идемте.

НАДЕЖДА.

Я—не странная... я мужество люблю...

ЧЕРКУНЪ (смушень).

Ну... это ужь что-то.. я не понимаю! Пойду... пройду...
дусь...

НАДЕЖДА.

И я съ вами... и я тоже... (Идутъ)

АННА

(тревожно. Цыганову).

Она—смѣшная, да? Она—милая, я понимаю... но—
только... плохо воспитана?

ЦЫГАНОВЪ (Аниѣ).

Вамъ надо отдохнуть съ дороги. Такъ шумно здѣсь..
пестро...

АННА.

Да... я пойду... Нѣтъ... какая она... все-таки..

(Поспѣшно уходитъ. Цыгановъ
курить и улыбается. Слышенъ
пьяный смѣхъ и говоръ—это идутъ
Монаховъ, Дробязгинъ, Гриша)

ЛИДІЯ (брезгливо).

Какъ все это отвратительно... И эта женщина... обѣ
эти женщины... какъ онѣ жалки... Что вы смѣтесъ?

ЦЫГАНОВЪ.

А вдругъ она нашла героя, а?

ЛИДІЯ (не сразу).

Нѣтъ. Это... невѣроятно, дядя Сержъ.

ЦЫГАНОВЪ (усмѣхаяся).

Что тутъ невѣроятнаго?

МОНАХОВЪ.

Онъ... ударилъ меня?... Хорошо... пускай!.. А я—
живъ... А онъ скоро сдохнетъ...

ЛИДИЯ.

Идутъ пьяные... я ухожу.

ЦЫГАНОВЪ.

Идемте...

ГРИША (убѣжденно).

Я тоже... могу въ рожу дать... во!

ЛИДИЯ.

Но — зачѣмъ, зачѣмъ онъ вмѣшивается въ эту...
грязь?

ЦЫГАНОВЪ.

Это — стихія .. она втягиваетъ... это—какъ магнитъ,
дорогая моя... Голодный инстинктъ, чуть прикрытый
ветошью романтики...

(Они уходятъ. Монаховъ подми-
гиваетъ своимъ спутникамъ и гро-
зитъ пальцемъ вслѣдъ Цыга-
нову)

ДРОВЯЗГИНЪ.

Почему? Онъ очень умный... ей-Богу!

МОНАХОВЪ.

Что такое умъ?

(Хохочетъ. Дробязгинъ и Гриша вторятъ ему)

М. Горькій. Варвары.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Большая, уютная комната. Въ лѣвой стѣнѣ—дверь въ прихожую и два окна, вправо—дверь въ комнату Анны и другая къ Егору. Прямо широкія двери въ гостинную, она выступаетъ въ комнату угломъ, между нимъ и голландской печью въ правомъ углу—ниша, въ ней широкій диванъ, на диванѣ полулежитъ Цыгановъ и курить. Направо, между дверей—піанино; Анна что-то играетъ, чуть касаясь клавишъ. По срединѣ комнаты за столомъ Богаевская раскладываетъ пасьянсъ. Въ комнатѣ Черкуна — Степанъ тихо щелкаетъ на счетахъ. Черкунъ задумчиво ходитъ по комнатѣ, останавливается предъ окномъ, смотритъ во тьму. Вечеръ. Горятъ лампы.

БОГАЕВСКАЯ.

Холодновато!

АННА.

Дать вамъ шаль?

БОГАЕВСКАЯ.

Лидуша пошла за ней...

ЦЫГАНОВЪ.

Юноша! Бросьте вы шелкать!

СТЕПАНЪ.

А вотъ поймаю—брошу...

БОГАЕВСКАЯ.

Кого это вы ловите?

СТЕПАНЪ.

Купца Притыкина...

БОГАЕВСКАЯ.

Развѣ плутуетъ?

СТЕПАНЪ.

Довольно усердно...

БОГАЕВСКАЯ.

Да... вотъ онъ, купецъ! Даже и влюбленный — плутуетъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Сие свойственно людямъ всѣхъ сословій... Я, въ сущности, противъ обличенія мошенниковъ: это только изощряетъ ихъ приемы. Что ты все ходишь, Егоръ? кого ты ждешь?

ЧЕРКУНЪ (не вдругъ).

Такъ... хожу вотъ... А что тебѣ?

ЦЫГАНОВЪ.

Я не имѣю больше вопросовъ, какъ говорятъ прокуроры... Какая дурацкая погода!

АННА.

Его взволновалъ споръ...

ЧЕРКУНЪ (сухо).

Откуда это извѣстно тебѣ?

АННА.

Мнѣ кажется... когда не соглашаются — это раздражаетъ...

ЧЕРКУНЪ (насмѣшливо).

Да? Поздравляю... очень оригинальное наблюденіе.

БОГАЕВСКАЯ.

Интересно спорили... да! Я хоть и не поняла ничего... а интересно!

ЧЕРКУНЪ.

Лидія Павловна — слишкомъ прямолинейна...

ЦЫГАНОВЪ.

Это говоришь ты?

БОГАЕВСКАЯ.

А скучно мнѣ будетъ, когда вы уѣдете... очень скучно!

ЦЫГАНОВЪ.

Поѣзжайте съ нами. Что вамъ дѣлать здѣсь?

БОГАЕВСКАЯ.

А тамъ? Мнѣ, батюшка, вездѣ нечего дѣлать... И всю жизнь я ничего не дѣлала...

ЦЫГАНОВЪ.

И ни одной ошибки?

БОГАЕВСКАЯ

(мѣшая карты).

И ни одной ошибки... Нѣтъ, Анна Федоровна, не вышло...

АННА (грустно).

Нѣтъ?.. Жаль... А мнѣ такъ хотѣлось, чтобъ вышло...

БОГАЕВСКАЯ.

А вотъ мы еще разъ спросимъ судьбу...

СТЕПАНЪ

(торжественно—шутливо).

Судьбу насиловать нельзя...

ЧЕРКУНЪ (негромко).

Она сама насилуетъ людей...

СТЕПАНЪ.

А особенно жадныхъ...

БОГАЕВСКАЯ.

А вы—щелкайте, щелкайте...

(Лидія входитъ, несетъ шаль)

ЦЫГАНОВЪ.

Пока судьба васъ не отщелкала...

БОГАЕВСКАЯ.

Ну, вотъ спасибо, Лидуша... Ты слышала,—у Архипа Притыкина ромапъ съ Веселкиной Маріей...

ЛИДІЯ.

Какъ это интересно, тетя!

БОГАЕВСКАЯ.

Все-таки .. забавно!

ЦЫГАНОВЪ.

Гасъ, дорогая моя, ничто не интересуетъ, кромѣ верховой ѣзды... Странно вы живете... скачете верхомъ по полямъ во всякую погоду и — только! Удивительно измѣнились вы...

ЛИДІЯ.

Въ дурную сторону?

ЦЫГАНОВЪ.

Конечно! Люди съ дѣтства идутъ только въ эту сторону!..

ЛИДІЯ.

Тогда—чему же удивляться?

ЦЫГАНОВЪ.

Я ждалъ, что вы будете прекраснымъ, ядовитымъ цвѣткомъ на нивѣ порока... а вы—что такое вы? Чего вы ищете? Чего вамъ хочется?

ЛИДІЯ.

Найду—узнаете...

СТЕПАНЪ.

Не тамъ вы ищете, гдѣ надо... не тамъ!

БОГАЕВСКАЯ.

Однако, батюшка, быть можетъ, я стѣсняю ваше краснорѣчіе?

ЦЫГАНОВЪ.

О, нѣтъ! Почему?

БОГАЕВСКАЯ.

То-то! А то нѣкоторые стѣняются говорить пошлости при мнѣ... дескать, старушка почтенная...

ЛИДИЯ.

Вы слишкомъ строги, тетя... Въ обществѣ, гдѣ я вращалась, говорятъ хуже...

БОГАЕВСКАЯ.

Хуже? Ну, извиняюсь... одичала я...

ЦЫГАНОВЪ.

О, полноте!

(Вбѣгаетъ Катя)

СТЕПАНЪ (выскакивая).

Ну? Какъ? Что?

КАТЯ.

Да... Ъду..

СТЕПАНЪ (одобрительно).

Браво! Молодецъ...

КАТЯ

(подходить къ Аннѣ).

Тяжело! Онъ плачетъ... отецъ плачетъ! Такой жалкій...

СТЕПАНЪ.

Это—возмездіе! Онъ всю жизнь давилъ людей...

КАТЯ

(топая ногой).

Не смѣйте такъ! Не ваше дѣло...

АННА.

Ну, не волнуйся... ничего...

ЦЫГАНОВЪ.

Это именно его дѣло... вѣдь онъ васъ утащилъ...

КАТЯ.

Меня никто не утащилъ, я—сама... не говорите мнѣ глупостей... А отца мнѣ жалко... я его люблю... я знаю: онъ грубый, онъ жестокий... и всѣ такіе! Всѣ люди—грубые и жестокие... И вы, Степанъ Даниловичъ... и вы тоже...

СТЕПАНЪ

(вспыхнулъ, усмѣхается).

Можетъ быть... ну, что-же? Но жизнь такъ устроена, что жестокость необходима...

КАТЯ.

Ненавижу я вашу усмѣшку... молчите!

АННА.

Успокойся же... идемъ ко мнѣ!

(Ведетъ ее въ свою комнату)

ЧЕРКУНЪ (улыбаясь).

Милый звѣрѣнышъ...

ЦЫГАНОВЪ.

А у васъ, юноша, сварливая будетъ жена...

СТЕПА (входить).

Степанъ Дапиловичъ...

СТЕПАНЪ (брезгливо).

Вы не можете безъ пошлостей?..

ЧЕРКУНЪ (съ гримасой).

Господа!

СТЕПА.

Степанъ Дапиловичъ, васъ спрашиваетъ Гогинъ...

(Степанъ, круто повернувшись,
идеть въ прихожую, Степа — за
нимъ)

ЦЫГАНОВЪ.

Задорный юноша... Чему вы улыбаетесь, Лидія Пав-
ловна?..

ЛИДІЯ.

Хорошая пара...

ЧЕРКУЦЪ.

Д-да... славные...

ЛИДІЯ.

Красивая жизнь впереди у нихъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Но, вѣроятно, голодная ..

ЛИДІЯ.

Мнѣ нравится Лукинъ... Въ немъ есть что-то значи-
тельное...

ЦЫГАНОВЪ.

Его усмѣшка отрицаетъ васъ...

ЛИДИЯ.

Она всёхъ отрицаетъ...

(Изъ прихожей идетъ, усмѣхаясь, Степанъ; за нимъ Гогинъ, одѣтый въ хорошую новую поддевку. Онъ мнется и что-то шепчетъ на ухо Степану)

СТЕПАНЪ.

Э, нѣтъ, скажите сами, синьоръ...

ЧЕРКУНЪ.

Что такое? Что вамъ нужно, Гогинъ?

МАТВѢЙ (конфузится).

Да вотъ.. жениться хочу...

ЦЫГАНОВЪ.

Оригинально! Какъ это вы надумали, а?

МАТВѢЙ.

Ужъ такъ... пора! Двадцать три года мнѣ...

ЧЕРКУНЪ.

Ну? Что-же дальше?

МАТВѢЙ.

Такъ вотъ, Егоръ Петровичъ, помогите! Заслужу!. Какъ я самъ изъ мужиковъ, то знаю всё больныя мѣста ихнія... ужъ я имъ не дамъ...

СТЕПАНЪ.

Воспитали человѣка... отечеству на пользу...

(Катя и Анна выходятъ и стоятъ у піанино)

ЧЕРКУНЪ (хмуро).

Чѣмъ — помочь?

МАТВѢЙ.

Да, видите... выбралъ я Степаниду, а она не хочетъ: не пойду, говорить, и шабашъ! А она такая скромная, баловать не станеть, я ожидаю, а бояться будетъ... Такъ вотъ я просить васъ и барыню хочу— пршугните вы ее!

ЧЕРКУНЪ.

Это... зачѣмъ же?

МАТВѢЙ.

А чтобы она шла за меня, а то, скажите ей: къ отцу, молъ, отправимъ! Она его до смерти боится. А я ему ужъ полтину далъ, чтобы онъ ее, значитъ, ко мнѣ толкнулъ...

КАТЯ (изумленно).

Ахъ, какой мерзавецъ!

МАТВѢЙ (вздрогнувъ).

Чего-съ?

ЧЕРКУНЪ

(сухо, Степану).

Выдайте ему расчетъ...

МАТВѢЙ (пораженъ).

Расчетъ? Мнѣ? За... за что?

СТЕПАНЪ.

Подумайте— за что бы?

ЧЕРКУНЪ.

Идите...

МАТВѢЙ

(опускается на колѣни).

Егоръ Петровичъ...

ЧЕРКУНЪ (рѣзко).

Встать!

МАТВѢЙ (вскакиваетъ).

Сергѣй Николаевичъ, за что-же?

БАТЯ (торжественно).

Ага-а?

МАТВѢЙ (слезливо).

Что я худого сдѣлалъ? Эхъ, Степанъ Даниловичъ...
подвели вы меня подъ обухъ...

ЦЫГАПОВЪ.

Вы—идите... Потомъ, можетъ быть...

ЧЕРКУПЪ (спокойно).

Ничего не можетъ быть...

МАТВѢЙ

(уходя со Степаномъ).

Господа... напрасно это! Развѣ такъ можно? а? Вдругъ,
ни съ того, ни съ сего... а?

ЦЫГАНОВЪ (Черкуну).

Мнѣ не кажется, что ты поступилъ, какъ Соломонъ...
нѣтъ! Денегъ онъ уже наворовалъ... зачѣмъ гнать его!
Парень неглупый... а кулакомъ будетъ, все равно...
Умные люди—всегда жулики...

СТЕПА

(вбѣгаетъ и бросается въ ноги Черкуну).

Егоръ Петровичъ... дай вамъ Богъ...

ЧЕРКУНЪ.

Э, чортъ возьми! Сейчасъ же встаньте!

СТЕПА (встаетъ).

Я—боялась, я дрожала... думала,—отдадутъ они меня ему...

КАТЯ.

Какая глупая...

АННА.

Степа! Васъ никто не можетъ...

СТЕПА (со страхомъ).

Да вѣдь я—одна! Одна я! Со мною—все можно сдѣлать... И возьмутъ они меня... отецъ и этотъ, они возьмутъ!

АННА

(подходить къ ней).

Полноте, Степа...

СТЕПА.

Уйду въ монастырь... оттуда не достанутъ... Вѣдь не достанутъ?!

АННА

(уводить ее къ себѣ).

Идите ко мнѣ...

КАТЯ (Черкуну).

Вотъ это вы хорошо сдѣлали! Такъ и нужно... Разъ-два, шишка на лбу и никакого удовольствія...

ЧЕРКУНЪ.

Наконецъ-то удостоился вашей похвалы...

ЦЫГАНСВЪ (позѣывая).

Которой ждалъ такъ трепетно и долго...

ЧЕРКУПЪ.

Но когда вотъ такъ—разъ-два—я вашего папашу поучилъ..

КАТЯ

(убѣгая въ комнату Анны. Анна идетъ навстрѣчу, наливаетъ стаканъ воды и уходитъ).

Ишь вы! То—отецъ мой...

АННА.

Какъ хорошо ты поступилъ, Егоръ...

ЧЕРКУПЪ (морщится).

Ну, Анна, перестань...

ЦЫГАНОВЪ.

Такъ, Жоржъ! Именно скромность всего приличнѣе герою...

ЛЮДІА.

Нѣтъ, дядя Сержъ, какъ быстро слѣдуетъ за подвиги награда!..

АННА (уходя).

Какъ вы не устаете, господа, осмѣивать все на свѣтѣ?

ЧЕРКУПЪ (хмуро)

Вы, кажется, думаете, что я не способенъ вѣрно оцѣнить все это? да?

ЛЮДІА (прислушивалась).

Звонокъ?

ЧЕРКУПЪ (быстро).

Да... Пойду отворю... (Идетъ)

ЦЫГАНОВЪ.

А я знаю, кого онъ хочетъ встрѣтить...

ЛИДІЯ.

Вы что молчите, тетя?

БОГАЕВСКАЯ.

Нельзя же въ одно время думать и говорить... У меня тутъ затрудненіе...

ЦЫГАНОВЪ.

А я знаю, кого онъ ждетъ...

БОГАЕВСКАЯ.

Откуда-то явилась пятая дама и нѣтъ девятки...

ЛИДІЯ.

Вотъ девятка... а это не дама—валеть...

БОГАЕВСКАЯ.

Воистину такъ... ишь ты! Глаза-то... Валеть... ну-съ...

ЦЫГАНОВЪ (поетъ).

А я знаю... а я знаю...

ЛИДІЯ.

Не остроумно, дядя Сержъ... Тетя, вы скоро пойдете къ себѣ? Это очень вредно—такъ долго сидѣть..

БОГАЕВСКАЯ (озабоченно).

Подожди... я сейчасъ... Да... я—скоро...

(Идутъ Черкунъ, исправникъ)

ЧЕРКУНЪ.

Все еще не нашли?

ИСПРАВНИКЪ (УНЫЛО)

Нѣтъ. Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ.. И куда можно убѣжать изъ этого города? Добрый вечеръ, Лидія Павловна... Здравствуйте, почтенная Татьяна Николаевна...

(Молча жметъ руку Цыганова)

БОГАЕВСКАЯ
(не глядя на него).

Ну, что вашъ чиновникъ?

ИСПРАВНИКЪ.

Пропалъ, каналья... Ищемъ, ищемъ... въ горлѣ пересохло!

ЦЫГАНОВЪ.

Послѣднему могу помочь. (Наливаетъ вина) Да, сколько онъ укралъ?

ИСПРАВНИКЪ.

463 р. 32 к... болванъ! Ужъ тащилъ бы все, тамъ тысячъ восемь было... А то—одинъ пакетъ, осель! И наконецъ—ну, укралъ... ну, что же? Не рѣдкость... не убійство! Приди и скажи,—вотъ я... получишь за это смягченіе вины... а онъ, извольте видѣть, скрылся... и девять человѣкъ ищутъ его...

ЧЕРКУНЪ.

Несчастный мальчишка.

БОГАЕВСКАЯ
(не отрываясь отъ картъ).

И укралъ, какъ нищій... съ копѣйками!

ЦЫГАНОВЪ.

Браво, Татьяна Николаевна!

(Лидія и Черкунъ смѣются)

ИСПРАВНИКЪ
(смотреть на часы).

Я, видите-ли, заѣхалъ сказать вамъ, Сергѣй Нико-
лаевичъ... это самое... и прочее... Вы его видѣли
въ день совершенія кражи... такъ вотъ придется
вамъ...

ЦЫГАНОВЪ (серьезно)

Понимаю. На меня падаетъ подозрѣніе въ соуча-
стіи...

ИСПРАВНИКЪ.

Э... какъ? (Хочочеть) Ахъ вы!.. Какъ хочется посидѣть
у васъ... а надо ѣхать... тамъ какой-то дуракъ жену из-
билъ...

БОГАЕВСКАЯ
(какъ раньше).

До смерти!

ИСПРАВНИКЪ.

Кажется, до смерти... А гдѣ же Притыкинъ? Онъ со
мною пріѣхалъ... Мы думали нѣсколько повинтить...

ЧЕРКУНЪ.

Онъ занятъ съ Лукинымъ...

ИСПРАВНИКЪ (грустно).

А на дорогѣ полицейскій доложилъ объ этой дракѣ...
Да, вотъ еще Лукинъ... Вы бы сказали ему, чтобы онъ...
воздержался. Про него ходятъ слухи... насчетъ его
знакомствъ съ рабочими на фабрикахъ... Ну, зачѣмъ
это? Тутъ, знаете, есть такой благочестивый мужчина—
Головастиковъ... купоросъ! Сами его боимся... Все знаетъ!
Сны ваши и тѣ знаетъ... А мнѣ не хочется прибѣгать
къ мѣрамъ... не люблю неприятностей!

ЦЫГАНОВЪ.

Хорошо! Беру это на себя... Кому пріятны непріятности?

П СПРАВНІКЪ.

Вотъ именно! Ну-съ... общій поклонъ... Ахъ, Сергѣй Николаевичъ, славный вы человѣкъ...

ЦЫГАНОВЪ

(провожая его).

Не смотря на тяготящее подозрѣніе въ соучастіи съ Порфиріемъ Дробязгинымъ, укравшимъ 32 казенныхъ копѣйки?

(Исправникъ хохочетъ. Изъ прихожей доносится слащавый голосъ Прптыкина п ѣдкіе возгласы Степана)

ЧЕРКУПЪ

(негромко, Лидіи).

Какъ это вамъ нравится, а?

ЛИДІЯ.

Вы по поводу Лукина?

ЧЕРКУПЪ.

О, нѣтъ! Это естественно... а вотъ этотъ Дробязгинъ... чортъ его возьми! Какъ бы ему помочь, что-ли? Вѣдь если правду говорить—Сергѣй... вы понимаете?

ЛИДІЯ (улыбаясь).

Вы скоро будете совсѣмъ почтеннымъ человѣкомъ... право!

ЧЕРКУПЪ (серьезно).

Онъ развратилъ мальчишку... это несомнѣнно! Чему жевы смѣтаетесь?

Л И Д І Я.

А помните,—когда-то вы хотѣли поставить городъ
вверхъ дномъ?

Ч Е Р К У Н Ъ.

Хотѣль? Ну, да... хотѣль... Такъ что же? Что вы
хотите сказать?

Л И Д І Я.

Я только напоминаю. Вы говорили, что вашей волей
сюда придутъ новыя мысли, новые вкусы... А дядя
Сержъ ничего не говорилъ, но, посмотрите, сколько
мертвецовъ разложилось, благодаря ему...

Ч Е Р К У Н Ъ.

Ага, я понимаю васъ! Говорите дальше...

Л И Д І Я.

Я вотъ не вижу, чтобы жизнь обновилась, благодаря
вамъ... а сами вы, мнѣ кажется, немного потускнѣли...

С Т Е П А Н Ъ (изъ прихожей).

Егоръ Петровичъ, на минуту!

П Р И Т Ы К И Н Ъ (жалобно).

Пожалуйста, Егоръ Петровичъ.

Ч Е Р К У Н Ъ (уходя).

Я вамъ отвѣчу... потомъ...

Л И Д І Я.

Тетя! Да бросьте же! Пойдемъ къ себѣ, а?

БОГАЕВСКАЯ.

Я и здѣсь, какъ у себя... подожди... Тутъ все такъ спуталось, запуталось... перепуталось... Это, милая моя, самый трудный пасьянсъ, „Двѣ необходимости“—зовутъ его...

ЛІДІЯ.

Я—иду...

(Идетъ въ прихожую и по лѣстницѣ вверхъ.)

БОГАЕВСКАЯ

(наклонясь надъ картами).

Ты идешь... ты идешь... а вотъ я что буду дѣлать? Да... А вотъ я и не знаю, что мнѣ дѣлать... (Поднимаетъ голову, оглядывается) А?.. Ушли всѣ... и осталась я одна... ну, одна, такъ одна... (Смотритъ на карты и вдругъ смѣшивается ихъ) Эхъ, Татьяна... скоро ты умрешь, Татьяна... скоро ты умрешь, старая дура... да... (Идетъ въ прихожую—въ дверяхъ стоитъ Притыкина, въ платкѣ, жалкая, лицо дряблѣе, не накрашенное, какъ всегда. Богаевская отступаетъ передъ ней) Что тебѣ? Кто это?

ПРИТЫКИНА (тихо).

Я...

БОГАЕВСКАЯ.

Это... ты, Палагея?

ПРИТЫКИНА.

Да... я... Мужъ-то здѣсь?

БОГАЕВСКАЯ.

Кажется, здѣсь... ну?

ПРИТЫКИНА

(тихо плачетъ).

Вѣдь бросаетъ онъ меня... покидаетъ онъ меня...

Всѣ вечера у Веселкина сидить, въ карты съ нимъ играть... и дочь его обольстить хочеть... милая вы моя!

В О Г А Е В С К А Я .

Ну, не дури... врешь все! Тоже... обольстителя пашла! Не срамись... иди ко мнѣ... на верхъ...

П Р И Т Ы К И Н А .

Сердечная вы моя, бьетъ меня! Вѣкъ ты мой загубила, говорить, чортова кукла... старая, говорить, вѣдьма ты... Иди вонъ, говорить... А куда я пойду? Имущество все на него переведено... все у него въ рукахъ... матушка, что дѣлать буду?

В О Г А Е В С К А Я (идеть).

Лѣзь на верхъ... не шуми тутъ...

П Р И Т Ы К И Н А

(слѣдуя за ней).

Лѣзу, лѣзу... Посовѣтуйте вы мнѣ, какъ съ нимъ быть? Какъ я буду теперь? Ай! Голосъ его слышу... пустите впередъ меня... матушка...

(Онѣ скрываются. Почти въ то же время хлопаеть быстро открытая дверь, и изъ прихожей является взволнованный Притыкинъ; за нимъ Черкунъ и Степанъ)

П Р И Т Ы К И Н Ъ .

Нѣтъ, господинъ студентъ, такъ со мной нельзя-съ! Я человекъ всѣмъ здѣсь извѣстный... и даже буду головой... да-съ! А вы еще, съ позволенія сказать, просто молодой человекъ... и больше ничего!

Ч Е Р К У Н Ъ .

Ну, здѣсь не мѣсто кричать...

ПРИТЪКИНЪ.

А мѣсто здѣсь называть меня жуликомъ? Почему я жуликъ... именно-съ?

СТЕПАНЪ (съ усмѣшкой).

А вотъ—цифры...

ПРИТЪКИНЪ.

Цифры? Цифры можно написать... какія угодно... это не резонъ... да-съ!

СТЕПАНЪ.

Вы и написали какія вамъ было угодно... Вотъ объясните мнѣ, откуда у васъ эти 6.300 р. взялись...

ПРИТЪКИНЪ.

Егоръ Петровичъ, позвольте мнѣ не объяснять... пусть это будетъ между нами... Сергѣй Николаевичъ вѣрятъ мнѣ... А господинъ Лукинъ — я не знаю, чего они желаютъ...

СТЕПАНЪ.

Поймать васъ въ плутовствѣ...

ПРИТЪКИНЪ.

Плутовство? Нѣтъ... я такъ не могу!..

ЧЕРКУНЪ (сухо).

Оставимъ это до завтра...

ПРИТЪКИНЪ.

Нѣтъ-съ, не могу! Я человекъ честный.. Сергѣй Николаевичъ это знаетъ... Я насчиталъ вѣрно-съ... спросите ихъ... они знаютъ...

ЧЕРКУНЪ

(негромко, гнѣвно).

Молчать... Идите сюда... ну?

(Ведетъ Притыкина къ себѣ)

ПРИТЯКИНЪ.

Повольте... тащить меня нельзя...

(Черкунъ вталкиваетъ его въ дверь и рѣзко захлопываетъ ее. Степанъ бросилъ счета на столъ, сунулъ руки въ карманы и уходитъ)

СТЕПАНЪ

(сквозь зубы).

Э... жулье!..

(Изъ комнаты Анны выходитъ Степа съ какой-то книгой въ рукахъ, проходитъ въ гостинную. Слышнень голосъ Анны—она что-то читаетъ. Въ прихожей шумъ, шаги. Идутъ Цыгановъ и Монахова)

ЦЫГАНОВЪ.

...И стоялъ на крыльцѣ... одинъ. Осенью иногда хорошо посмотрѣть въ небо...

НАДЕЖДА.

А гдѣ же всё?

ЦЫГАНОВЪ (усмѣхаясь).

Тотъ, кого вамъ нужно, явится, когда услышите вашъ голосъ.. но онъ не дастъ вамъ ничего... Осенью по небу быстро бѣгутъ тучи... тяжелыя тучи...

НАДЕЖДА.

Не люблю чернаго цвѣта. Самый важный, самый внушительный цвѣтъ—красный. Въ красномъ королевы ходить и разныя аристократки...

ЦЫГАНОВЪ.

Не видалъ, но представляю, какъ это красиво.. Ну-съ, скоро я уѣду, дорогая моя...

НАДЕЖДА (на диванѣ).

Вы не одинъ уѣдете...

ЦЫГАНОВЪ.

Не одинъ? Какъ это понять? Вы рѣшили?

НАДЕЖДА.

Что я рѣшила?

ЦЫГАНОВЪ (негромко).

Ѣдете со мной? Въ Парижъ? Подумайте—Парижъ! Маркизы, графы, бароны—всѣ въ красномъ... И у васъ будетъ все, что вы захотите... я все дамъ...

НАДЕЖДА (спокойно).

Это просто даже неприлично, Сергѣй Николаевичъ! Какъ будто я какая-нибудь... этакая...

ЦЫГАНОВЪ.

Вы — дивная, вы рѣдкая... страшная! И я люблю васъ—повѣрьте мнѣ! Люблю, какъ юноша... Вы... сила! Сколько счастья, сколько наслажденій ждеть васъ...

НАДЕЖДА.

Сергѣй Николаевичъ, ну, зачѣмъ же все это? И развѣ можете вы любить, какъ юноша, когда вамъ скоро пятьдесятъ лѣтъ и черезъ два года, можетъ быть, вы совсѣмъ лысый будете? И что же это за ѣзда по Парижамъ, если я васъ не могу любить? Вы очень интересный мужчина, но пожилой, и мнѣ не пара. Обидно даже, извините меня, слышать такія ваши намѣренія..

ЦЫГАНОВЪ

(почти стонетъ).

О... чортъ возьми! Ну... хотите—обвѣнчаемся? Я устрою вамъ разводъ съ мужемъ и...

НАДЕЖДА.

Не все ли это мнѣ равно? Вѣдь важенъ мужчина, а не что-нибудь другое... Нѣтъ, вы меня пожалуйста оставьте... Вы многому меня научили, стала я теперь умнѣе и смѣлѣе...

ЦЫГАНОВЪ
(приходить въ себя).

Ну, хорошо! Давайте — похоронимъ это, мой другъ! Честное слово—моя послѣдняя попытка... больше нѣтъ времени... и силъ? И силъ нѣтъ...

НАДЕЖДА.

Ну, вотъ! Вы умный человѣкъ... вы понимаете, что силу въ лавочкѣ не купить...

ЦЫГАНОВЪ
(какъ всегда).

О да, вы правы! Это нѣчто вродѣ ума—его не продать даже въ универсальныхъ магазинахъ...

НАДЕЖДА.

Вотъ видите:

(Входятъ Рѣдозубовъ и Павлинъ. Рѣдозубовъ сильно постарѣлъ)

РѢДОЗУБОВЪ.

Здорово.. Дочь у васъ?

ЦЫГАНОВЪ.

Здѣсь, кажется... (Стучить въ дверь къ Аннѣ)

РѢДОЗУБОВЪ (Павлину).

Видишь? Все—парами... да...

АННА (изъ двери).

А, здравствуйте, Василій Ивановичъ... Катя!

НАДЕЖДА.

Добрый вечеръ, Анна Федоровна...

АННА (вздрыгнула).

Ахъ... это вы?

НАДЕЖДА.

Да...

КАТЯ (отцу).

Ты что приплелся?..

ПАВЛИНЪ (негромко).

Тоскуютъ...

АННА (зоветъ).

Степа! (Надеждѣ) Вы будете пить чай? Вы любите...

НАДЕЖДА.

Не откажусь...

(Степа входитъ)

АННА (Степѣ).

Пожалуйста, Степа, чаю... Я—сейчасъ! (Уходитъ къ себѣ)

ЦЫГАНОВЪ.

И коньяку, Степа, и коньяку...

(Подходить къ Монаховой и тихо говоритъ ей что-то)

РЪДОЗУВОВЪ.

Ты съ кѣмъ тамъ была? Только съ ней?

КАТЯ.

Молчи... что за глупости!

РЪДОЗУВОВЪ.

Иди домой... а? Последніе-то дни... дома бы поси

КАТЯ.

Хорошо... Подожди, я сейчас...

(Быстро идетъ къ Аннѣ)

РЪДОЗУВОВЪ (Павлину).

Видѣль? Совсѣмъ чужая стала... Отбили дочь... сына — пьяницей сдѣлали... разрушили жизнь мою... И—ничего...

ПАВЛИНЪ (тихошько).

Не огорчайтесь... подождите!

РЪДОЗУВОВЪ.

Чего ждать? Кому жаловаться?

ПАВЛИЦЪ.

Исправника они купили, но Господа никто купить не можетъ... поняли?

РЪДОЗУВОВЪ.

Притыкина обласкали, а меня исказили... Теперь—дочь... Она, можетъ, тамъ со студентомъ, а я... жду! Я? (Вдругъ встаетъ и свирѣпо кричить) Катька!

ПАДЕЖДА.

Ахъ!.. Что это?

ЦЫГАНОВЪ.

Что съ вами, почтенный?

(Выходитъ Черкунъ, за нимъ—Притыкинъ съ видомъ человѣка, у котораго болятъ зубы. Выбѣгаетъ Катя, Анна)

КАТЯ.

Что ты кричишь?

РЪДОЗУБОВЪ.

Домой!

ЧЕРКУНЪ.

Послушайте... здѣсь не базарь...

РЪДОЗУБОВЪ (рычитъ).

На... на—добей! Разбойникъ! Вей меня...

КАТЯ.

Отецъ... о Господи!..

ЧЕРКУНЪ.

Послушайте, старикъ...

РЪДОЗУБОВЪ.

Молчи! Не говори со мной... фармазонъ! Катерина, домои! Что, Архипъ... а? Радуеться? Блюдолизъ...

ПРИТЯКИНЪ.

Я, Василий Ивановичъ... не виновать!

РЪДОЗУБОВЪ.

Ага! Женился на богатой старухѣ, ограбилъ ее... любовницъ заводишь... въ головы лѣзешь... прихвостень!

ЧЕРКУНЪ.

Ну, вотъ что — идите же ругаться куда-нибудь въ другое мѣсто...

КАТЯ (кричитъ).

Иди... или тебя выгонять отсюда! Вѣдь это будетъ стыдно мнѣ, больно мнѣ, какъ я тогда приду къ нимъ? Вѣдь я возненавижу тебя, если выгонять...

РЪДОЗУБОВЪ.

Что?.. Какъ?

АННА.

Послушайте: она васъ любитъ... ей жалко васъ... она плакала... она васъ любитъ!

РЪДОЗУВОВЪ.

Колн любитъ... какъ же бросаетъ меня, а?

КАТЯ.

Идемъ... иди, ради Бога!

(Ведетъ отца въ прихожую. Павлинъ какъ-то странно вильнуль и остановился у двери)

ЧЕРКУНЪ.

Архипъ Фомичъ, вы тоже уходите. Намъ больше не о чемъ говорить...

ПРИТЯКНИЪ (вздыхая).

Что-жь... уйду... А, между прочимъ, господину Лукину я этого не забуду... Онъ здѣшній... я тоже... да-съ...

АННА.

Боже мой... какъ все это... странно...

(Монахова все время изъ угла слѣдитъ съ улыбкой за Черкуномъ. Улыбка неподвижная, странная. Цыгановъ усиленно курить сигару и смотритъ на всѣхъ, шевеля усами. Степа готовитъ чай и пугливо, съ ненавистью, поглядываетъ на Павлина. Анна, посмотрѣвъ на Монахову, вздрогнула, дѣлаетъ движеніе къ ней, но, быстро повернувшись, уходитъ въ свою комнату)

ЦЫГАНОВЪ (Черкуну).

Ты съ нимъ... подвелъ итоги?

ЧЕРКУНЪ.

Да. Намъ нужно поговорить съ тобой... О, Надежда Поликарповна,—вы пришли? А я не вижу васъ! Ну здравствуйте... Скверная погода, не правда-ли?..

ЦЫГАНОВЪ.

Мы съ тобой, очевидно, не сейчасъ будемъ говорить...

ЧЕРКУНЪ.

Ну, разумѣется! Вы, что же здѣсь, въ углу и въ темнотѣ? идемте въ гостинную...

НАДЕЖДА.

Съ удовольствіемъ... А я ждала, когда вы взглянете на меня...

(Они уходятъ въ гостинную—оттуда слышенъ ихъ негромкій говоръ)

ЦЫГАНОВЪ (Павлину).

Н-да... вы здѣсь? Н-ну, что-жъ вы скажете мнѣ?

ПАВЛИНЪ.

Разрушился старикъ-то... Ему бы допустить, чтобъ его выгнали отсюда,—послѣ такого съ нимъ поступка Катюшѣ-то, дѣйствительно, невмѣстно было бы ходить сюда...

СТЕПА

(невольно, негромко).

У-у... змѣй!

ЦЫГАНОВЪ

(задумался и не слушалъ Павлина).

Д-да... ну, что же?

ПАВЛИНЪ

А тамъ ужъ видно было бы... Осмѣлюсь, сударь мой,

спросить васъ—какъ трудъ мой? Разсмотрѣли? (Цыгановъ смотритъ на него и молчитъ, Павлинъ отодвинулся отъ него) Тетрадочку моего рукописнаго труда, говорю я, пзволили читать?

ЦЫГАНОВЪ.

Что? Ахъ, да... (Рѣзко) Это чепуха, старикъ...

ПАВЛИНЪ (не вѣрять).

Девятилѣтній трудъ мой—чепуха?

ЦЫГАНОВЪ (пренебрежительно).

Сейчасъ я принесу эту философію... подождите... Идетъ въ гостинную) Согрѣйте мнѣ бутылку краснаго, Степа...

ПАВЛИНЪ (негромко).

А я, дѣвушка, сегодня опять напацую твоего видѣль. Степа оперлась руками о столъ и въ упоръ смотритъ на Павлина, Вѣтеръ на улицѣ, дождикъ сѣетъ... а отецъ твой пьяненькій идетъ... голый весь и—плачетъ... и горько плачетъ!..

СТЕПА (глухо).

Грешь! За что мучаешь? (Бросаетъ въ него крышкой отъ самовара) Вотъ тебѣ... дьяволь... колдунъ!

А П П А

(отворяя дверь).

Что это?

ПАВЛИНЪ

(поднимая крышку).

Тушилочка упала... по неосторожности...

СТЕПА.

Прогоните его!..

ЦЫГАНОВЪ (выходя).

Вотъ, получите...

СТЕПА.

Прогоните его!

(Анна подходит къ ней, тихо спрашиваетъ о чемъ-то. Степа уходитъ. Анна стоитъ у стола слышитъ разговоръ въ гостиной — на ея лицѣ боль и отвращеніе)

ПАВЛИНЪ.

Зачѣмъ же, дѣвушка, гнать? Я и самовольно уйду. Такъ, изволили сказать, чепуха?

ЦЫГАНОВЪ.

Да, да...

ПАВЛИНЪ.

Значить — девять лѣтъ я ошибочно разсуждалъ? Покорнѣйше благодарю васъ, сударь мой... А съ вашей стороны — ошибки быть не можетъ? Прощайте... (Идетъ)

ЦЫГАНОВЪ.

Дѣйствительно — купоросъ, какъ говоритъ псправникъ... Однако, вамъ дурно?

АННА (шопотомъ).

Что она говоритъ? Послушайте...

ЦЫГАНОВЪ (пегромко).

Я при такихъ условіяхъ не позволяю себѣ что-либо слышать...

АННА.

О, что она дѣлаетъ?

ЦЫГАНОВЪ (громко).

Вы что же, господа, не идете? Чай готовъ..

ЧЕРКУНЪ.

Сейчасъ...

А П П А

(негромко, съ болью).

Вы думаете, я... вы думаете, я подслушивала, да? Какъ вамъ не стыдно!

ЦЫГАНОВЪ.

Да иѣтъ же! Егоръ, пойди сюда...

(Анна бѣжитъ въ свою комнату)

ЧЕРКУНЪ (въ двери).

Ну? Что?

ЦЫГАНОВЪ (негромко).

Пойди сюда... Сейчасъ твоя жена слышала что-то и очень взволновалась...

ЧЕРКУНЪ (съ гримасой).

Э, обычная исторія. Надежда Поликарповна шалить... и больше ничего! Рассказываетъ мнѣ, какъ разные люди должны объясняться въ любви... Это удивительно забавно...

(Поспѣшно уходитъ. Цыгановъ пожалъ плечами, расправилъ усы, налилъ большую рюмку коньяку, выпилъ. Взялъ шляпу, идетъ въ прихожую; навстрѣчу Монаховъ, смиренный, грустный)

МОПАХОВЪ (тихо).

Здравствуйте!

ЦЫГАНОВЪ.

Добрый вечеръ... Хотите коньяку?

МОНАХОВЪ.

Позвольте... холодно... Надежда моя здѣсь?

ЦЫГАНОВЪ.

Налить еще?

(Монаховъ молча киваетъ головой.

Цыгановъ насвистываетъ что-то)

МОНАХОВЪ (тихо).

А я... за шей...

ЦЫГАНОВЪ (улыбаясь).

Позвать?

МОНАХОВЪ.

Нѣтъ... не надо... Я лучше еще выпью...

ЦЫГАНОВЪ (улыбаясь).

Развѣ это лучше?

МОНАХОВЪ.

Не смѣйтесь... что ужъ!

ЦЫГАНОВЪ.

А помните—пари?

МОНАХОВЪ.

Что-жъ... вы проиграли...

ЦЫГАНОВЪ.

Васъ, однако, не радуетъ это? Э, что это вы? Не надо!..

МОНАХОВЪ (плачетъ).

Тоска... какъ я теперь буду, а? Подумайте... какъ? Вѣдь, кромѣ ея, ничего нѣтъ! Ничего!

ЦЫГАПОВЪ

(скрывая брезгливость).

Ну, пойдете... ко мнѣ... или на воздухъ... Идите, пожалуйста! Страдайте, если это необходимо, но никогда не нужно быть смѣшнымъ и некрасивымъ, мой другъ...

(Идутъ въ прихожую. Въ комнатѣ тихо. Изъ гостиной раздается мурлыкающей, пониженный голосъ Монаховой)

НАДЕЖДА.

Настоящая любовь ничего не жалѣетъ, ничего не боится...

ЧЕРКУНЪ (смѣясь).

Ну, оставимъ это... вы сегодня такъ говорите...

(Является въ дверяхъ гостиной, взволнованъ)

МОНАХОВА

(сзади его).

О любви ничего нельзя сказать... Это я вамъ о томъ говорила, какъ разные герои объясняются. А любить нужно молча...

ЧЕРКУНЪ (бормочетъ).

Молча?.. Ну... давайте чай пить... что-ли...

МОНАХОВА (негромко).

Бойтесь?

ЧЕРКУНЪ.

Я? Чего?

МОПАХОВА.

Меня. Вотъ ужъ не думала я...

ЧЕРКУНЬ.

Довольно, однако...

МОПАХОВА.

Не думала, что вы бояться можете...

ЧЕРКУНЬ

(близко къ ней).

Смотрите... берегитесь!

МОПАХОВА.

Чего же мнѣ беречься?

ЧЕРКУНЬ

(кладеть ей на плечи руки свои).

Ты любишь меня... да? Ну, говори... любишь?

МОПАХОВА

(тихо, твердо).

Да. Какъ увидѣла... сразу... Мой—Жоржъ! Ты мой Жоржъ...

(Обнимаетъ его. Онъ дѣлаетъ движеніе, чтобы освободить себя. Анна выходитъ, лицо у нея заплакано. въ рукахъ платокъ. Увидала мужа и Надежду, выпрямилась, вся натянулась, какъ струна)

АННА (негромко).

Это... мерзко!

ЧЕРКУНЬ

(съ пьяной улыбкой).

Не спѣши, Анна... хотя—все равно!

НАДЕЖДА.

Да. Ужъ теперь—все равно!

А П П А (съ отвращеніемъ).

О... вы звѣрь! Вы—гадкій звѣрь...

НАДЕЖДА (спокойно).

Это потому, что полюбила?

ЧЕРКУНЬ

(точно проснулся).

Подожди, Анна, молчи...

А П П А.

Молчать? Какъ низко ты упалъ... Я попяла бы...
если-бъ не эта... если-бъ—другая... но—эта! Это жи
вотное...

НАДЕЖДА (Черкуну).

Уйдемъ, Жоржъ...

ЧЕРКУНЬ.

Надежда Поликарповна, послушайте...

(Шумъ въ прихожей. Быстро вбѣ-
гаетъ Цыгановъ, за нимъ бѣ-
жить докторъ и Монаховъ)

ЦЫГАНОВЪ.

Уймите этого болвана!

ДОКТОРЪ

(въ рукахъ у него большой, старый револьверъ. Держась рукой за косякъ, онъ цѣлитъ въ Цыганова).

И тебя убью... убью...

(Спускаетъ курокъ. Осѣчка)

ЦЫГАНОВЪ.

Осеть! Стрѣлять не умѣешь!

ЧЕРКУНЪ

(бросаясь къ доктору).

Брось!

АННА И НАДЕЖДА (вмѣстѣ).

Уйди! Убьешь!

ДОКТОРЪ

(вертитъ пальцами барабанъ).

Будь проклятъ!.. чортъ...

НАДЕЖДА

(вырывая револьверъ).

Ахъ ты... глупый!

ЧЕРКУПЪ.

Вы съ ума сошли?

МОНАХОВЪ.

Надя... Брось пистолетъ!

ЛИДІЯ (обѣгаетъ).

Что случилось?

ЦЫГАНОВЪ (возбужденно).

У меня достаточно своихъ грѣховъ... я не хочу платиться за чужіе... дикарь!

Л П П А (Лидіи).

Онъ цѣловаль ее... ее! (Монахову) Уберите отсюда
эту... (Лидіи) Онъ цѣловался съ ней...

Л И Д І Я

(ведеть ее прочь, къ ней).

Степа! Позовите тетю сюда...

Д О К Т О Р Ъ

(глухо, Черкуну).

Съ нимъ? Съ вами?

Ч Е Р К У Н Ъ.

Ступайте вонъ...

Ц И Г А Н О В Ъ

(обертывая руку платкомъ).

Проснулся... идиотъ!

Д О К Т О Р Ъ (тоскливо).

Надежда! Кого ты выбрала?

Н А Д Е Ж Д А

(все время смотрѣла на него съ довольной улыбкой).

Я вамъ не—ты...

Д О К Т О Р Ъ,

Кого ты выбрала?

Н А Д Е Ж Д А

указывая на Черкуна, гордо).

Его!

М О Н А Х О В Ъ (стонеть).

Надя... Надя! За что?.. Надюша!

БОГАВСКАЯ (идеть).

Что, скандалъ? Дожили! (Проходить въ комнату Анны)

ДОКТОРЪ (Цыганову).

Вы... баринъ! Я—виновать... оказывается, надо было его... а впрочемъ, это все равно! Вы оба—хищники... мнѣ жаль, что я не убилъ васъ... мнѣ жаль...

ПАДВЕЖДА (сожалѣя).

Что вы можете... эхъ вы!

ДОКТОРЪ.

Да, ничего не могу! Все сгорѣло въ душѣ моей...

ЧЕРКУПЪ.

Ну... довольно, я говорю!

МОНАХОВЪ.

Падя, уйдемъ домой!

НАДЕЖДА (твердо).

Мой домъ—тамъ, гдѣ онъ... тамъ мой домъ!

ДОКТОРЪ.

Четире долгихъ года горѣло сердце... что я теперь?

ЦЫГАНОВЪ.

Егоръ! Чего онъ разглагольствуетъ? Сорвалъ мнѣ ноготь...

ЧЕРКУПЪ (доктору).

Вы дешево отдѣлались за вашу выходку... Ступайте! Будеть...

ДОКТОРЪ

(пришелъ въ себя, просто).

Прощай, Надежда! Я тебя люблю... Прости меня... за все! Прощай... Ты погибнешь съ ними... погибнешь! Прощай!.. Прощайте... ворснѣе... (Идетъ)

ЦЫГАНОВЪ (Надеждѣ).

Ну, вы довольны, наконецъ? Все—какъ въ романѣ: любовь счастливая, штуки три несчастныхъ... попытка выпалить изъ револьвера... кровь—(показываетъ завернутый платкомъ палецъ) хорошо?

НАДЕЖДА (тупо).

Что-жъ онъ теперь... тоже убьетъ себя?

ЦЫГАНОВЪ.

Я бы застрѣлился... отъ стыда...

МОНАХОВЪ

(Черкуну, тихо).

Отдайте мнѣ... жену! Отдайте... Больше ничего не имѣю... все въ ней! Всю жизнь ей отдаю... вороваль— для нея...

ЧЕРКУНЪ (рѣзко).

Пожалуйста... возьмите!

НАДЕЖДА

(изумленно, Черкуну).

Что ты сказалъ? Возьмите? да?

ЧЕРКУПЪ (твердо).

Да. Вотъ что, Надежда Поликарповна, я васъ прошу: простите меня..

НАДЕЖДА.

За что?

ЧЕРКУПЪ.

Не придавайте значенія моему поступку... Минутная вспышка... вызванная вами же... это не любовь...

НАДЕЖДА (глухо).

Говори проще... чтобы я поняла скорѣе.

ЧЕРКУПЪ.

Я не люблю васъ... нѣтъ!

НАДЕЖДА (не вѣрять).

Да... нѣтъ же! Ты — поцѣловалъ меня... Меня никто не цѣловалъ... только ты!

МОНАХОВЪ (кротко).

А л... а я, Надя?

НАДЕЖДА (тяжело).

Молчи, покойникъ!

ЧЕРКУНЪ.

Кончимъ все это! Вы поняли меня?... Простите... если можете! (Хочетъ уйти)

НАДЕЖДА
(странно—печально).

Да, нѣтъ же! Я вотъ сяду... Жоржъ, сядьте рядомъ, а? Егоръ Петровичъ...

ЧЕРКУНЪ.

Я не люблю васъ... не люблю!

(Ихъодить къ себѣ. Монахова ти-

хо опускается на диванъ. Остолбевѣла. Цыгановъ радостно изумленъ. Усы у него двигаются. Монаховъ стоитъ у двери, весь какой-то кривой, изломанный)

ЦЫГАНОВЪ (весело).

Вотъ идиотскій городъ! Все вверхъ ногами въ немъ: докторъ долженъ лѣчить, а онъ—наносить раны...

МОНАХОВЪ.

Надя!..

НАДЕЖДА.

А...

МОНАХОВЪ.

Идемъ домой...

НАДЕЖДА.

(негромко, спокойно).

Иди одинъ, покойникъ... иди!

(Вздохнувъ, Монаховъ ушелъ въ столовую)

ЦЫГАНОВЪ (негромко).

Поѣзжайте-ка въ Парижъ, дорогая моя, а?

НАДЕЖДА.

А онъ меня не любитъ?.. это вѣрно?

ЦЫГАНОВЪ.

Конечно! Развѣ, когда любятъ...

НАДЕЖДА.

Не надо... я сама знаю...

ЦЫГАНОВЪ.

Ну, вотъ видите, радость моя...

НАДЕЖДА (въ тоскѣ).

А можетъ... только боится?

ЦЫГАНОВЪ (вздохнулъ).

Ну... чего ему бояться?

НАДЕЖДА.

А докторъ... убьетъ себя... да?

ЦЫГАНОВЪ.

Сомнѣваюсь... Но если и такъ—что же? Вы къ этому привыкли... теперь вотъ докторъ... потому, вѣроятно, я...

НАДЕЖДА
(качая головой).

Изъ чего ему убить себя? Пистолетъ—вотъ онъ...

ЦЫГАНОВЪ.

Можно другой купить...

НАДЕЖДА.

Здѣсь—не продають... Душно здѣсь! Охъ, какъ душно мнѣ... Пойдемте... хоть на крыльцо... постоимъ тамъ... пойдемте!

ЦЫГАНОВЪ.

За вами я—куда угодно... хоть на крышу! Вѣдь я люблю васъ... я васъ—люблю!

НАДЕЖДА.

Нѣтъ... не надо! (Съ глубокимъ убѣжденіемъ) Какъ вы можете любить, если онъ не можетъ? Онъ! Онъ испугался... самъ онъ! Никто не можетъ меня любить... никто. Никто не можетъ любить меня...

(Они уходятъ. Изъ комнаты Анны выбѣгаетъ Степа, за ней Лидія. Степа беретъ что-то изъ шкафа. Выходитъ Черкунъ, угрюмый, подавленный)

ЛИДІЯ.

Пятнадцать капель, Степа...

СТЕПА.

Какъ страшно.. Господи! Какая это жизнь?

ЛИДІЯ.

Идите, нужно скорѣе...

ЧЕРКУНЪ.

Что... Анна?

ЛИДІЯ

(пожимая плечами).

Ничего... какъ скажешь иначе?

ЧЕРКУНЪ.

Мнѣ... т.-э. ей трудно будетъ видѣть меня...

ЛИДІЯ.

А что вамъ нужно отъ нея?

ЧЕРКУНЪ.

Я очень прошу васъ сказать ей... что Монахова... ушла. Я объяснилъ ей мой поступокъ... и просилъ простить меня... Она ушла... больше не вернется...

ЛИДІЯ.

Я плохо понимаю...

ЧЕРКУПЪ.

Она... сама же разбудила во мнѣ звѣря... ну, я поцѣловалъ ее... не могъ сдержать себя... Сильна — эта женщина!

ЛИДІЯ (съ ироніей).

А! Это она виновата? Васъ — соблазнили? Бѣдный...

ЧЕРКУПЪ (тихо).

Вы... я вамъ противень?

ЛИДІЯ

(тихо, сильно, мстительно).

О, да, вы мнѣ противны, да! Я презираю васъ...

ЧЕРКУПЪ.

Нѣтъ! Зачѣмъ вы такъ? Почему, когда вы видѣли что я падаю...

ЛИДІЯ.

Я не занимаюсь спасеніемъ погибающихъ... Пусть тотъ, кто способенъ погибнуть, — погибнетъ! Это освѣжаетъ жизнь... это уничтожить лишнее... только лишнее!

ЧЕРКУПЪ.

Я чувствовалъ, — вы что-то искали во мнѣ... Я много любовался вами... и... но я теперь не смѣю этого сказать...

ЛИДІЯ.

Да, вы не смѣете сказать это! Да! Я искала... я думала, что найду стойкаго, твердаго человѣка, котораго можно бы уважать... Я давно ищу... я ищу человѣка, чтобы поклониться ему, чтобы пойти рядомъ съ нимъ... Пусть это мечта... но я буду искать человѣка...

ЧЕРКУНЪ (тихо).

Чтобы поклониться ему...

ЛИДИЯ.

И пойти рядомъ съ нимъ... Да неужели вѣтъ на землѣ людей-жрецовъ, людей-героевъ, для которыхъ жизнь была бы великой творческой работой... неужели нѣтъ?

ЧЕРКУНЪ

(глухо, съ отчаяніемъ).

Здѣсь невозможно сохранить себя, поймите это... не возможно! Сила этой жизни... этой грязи...

ЛИДИЯ (гнѣвно).

Всюду—жалкіе, всюду—жадные...

(Выстрѣлъ на дворѣ)

ЧЕРКУНЪ (тоскливо).

О... еще! Что тамъ... еще?

ЛИПА

(выскакиваетъ изъ комнаты).

Егоръ! Гдѣ... Ахъ... Боже мой...

(Валится на диванъ)

ЛИДИЯ (идеть).

Я посмотрю...

БОГАЕВСКАЯ.

А я ужъ хотѣла спать идти... да...

ЦЫГАНОВЪ (въ прихожей).

Не ходите...

ЧЕРКУНЪ.

Кто стрѣлялъ?

ЦЫГАНОВЪ

(блѣдный, усы опустились).

Она... Надежда Поликарповна...

ЧЕРЕУПЪ.

Въ... кого?

ЦЫГАНОВЪ (вздрагивая).

Въ себя... при мнѣ... при мужѣ... такъ спокойно...
чисто... чортъ побери!

БОГАВЕСЕЛА

(идеть въ прихожую).

Вотъ дуреха! Кто бы могъ подумать, а?

АННА

(бросается къ мужу).

Егоръ.. ты не виноватъ! Нѣтъ, Егоръ...

ЧЕРЕУПЪ.

Гдѣ... этотъ... докторъ?

МОНАХОВЪ (идеть).

Не надо доктора... ничего не надо... Господа, вы убили
человѣка... за что?

АННА.

О, Егоръ... это не ты... это—не ты!

МОНАХОВЪ

(тихо, съ ужасомъ).

Что же вы сдѣлали? а? Что вы сдѣлали?

(Все молчатъ. Слышно, какъ на
дворѣ востъ вѣтеръ)

ИВ. БУНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ж И З Н Ь.

Набѣгаетъ въ потьмахъ
И узорною пѣною свѣтится
И лазурнымъ сіяніемъ рветъ у скалъ на песокѣ...
О, божественный отблескъ таинственной жизни,
мерцающей
Въ мириадахъ незримыхъ существъ!

Ночь была бы темна,
Но все море насыщено тонкою
Пылью свѣта, и звѣзды надъ моремъ горятъ.
Въ полусвѣтѣ все видно: и рифы, и взморье зеркальное,
И обрывы прибрежныхъ холмовъ.

Въ полусвѣтѣ ночномъ
Подъ обрывами волнъ качаются—
Переполено зыбкое звѣздное зеркало волнъ!
Но, колеблясь упруго, лишь изрѣдка складки тяжеля
Набѣгаютъ на влажный песокъ.

И тогда, фосфорясь,
Загораясь мистическимъ пламенемъ,
Разсыпаясь на гравіи мириадами блѣдныхъ огней,

Море свѣтитъ сквозь сумракъ таинственно, тонко и
трепетно,
Озаряя песчаное дно.

И тогда вся душа
У меня загорается радостью:
Я въ пригоршни ловлю закипѣвшую пѣну волны,
И сквозь пальцы течетъ не вода, а сапфиры, — несмѣтные
Искры синяго пламени, — Жизнь.

О, божественный свѣтъ!
О, великое зеркало водное!
Переполнено ты, — переполнена жизнью Земля.
Все мгновенно, все — искры, но искры Единого, Вѣчнаго,
И во всемъ — Красота, Красота!

Д Ъ Т С К А Я.

Отъ пихть и елей въ горницѣ темнѣй,
Скучнѣй, стариннѣй. Древнее есть что-то
Въ уборѣ ихъ. И вечеромъ краснѣй
Сквозь нихъ зари морозной позолота.

Узорно легкой, мягкой бахромой
Лежить ихъ тѣнь на рдѣющихъ обояхъ—
И грустны, грустны сумерки зимой
Въ заброшенныхъ помѣщичьихъ покояхъ!

Сидить и смотреть въ окна изъ угла
И думать о жизни старосвѣтской...
Увы! Вѣдь эта горница была
Когда-то нашей дѣтской!

Т Л Ъ Н Ъ.

Въ гостиную, сквозь садъ и пыльные гардины,
Струится изъ окна веселый лѣтній свѣтъ,
Хрустальнымъ золотомъ ложасть на клавишины,
На ветхіе ковры и выцвѣтшіі паркетъ.

Вкругъ дома—глушь и дичь. Тамъ клены и осины
Приюты горлинокъ, шиповникъ, бересклетъ...
А въ домѣ—рухлядь, тлѣнь: повсюду паутины,
Всѣ двери заперты... И такъ ужъ много лѣтъ.

Въ глубокой тишинѣ, таинственно сверкая,
Какъ мелкій перламутръ, беззвучно моль плыветъ
По стекламъ радужнымъ, какъ бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снуетъ...

Но фортки нѣтъ въ окнѣ, и рама въ немъ—глухая...
Тутъ даже моль недолго наживетъ!

М О Р О З Ъ.

Такъ ярко звѣздъ горитъ узоръ,
Такъ ясно Млечный Путь струится,
Что занесенный снѣгомъ дворъ
Весь и блеститъ, и фосфорится.

Свѣтъ серебристо-голубой,
Свѣтъ отъ алмазовъ Ориона,
Какъ въ сказкѣ, летитъ надъ тобой
На снѣгъ морозный съ небосклона.

И фосфоромъ дымится снѣгъ,
И видно, какъ мерцаетъ нѣжно
Твой ледяной душистый мѣхъ,
На плечи кинутый небрежно,

Какъ серьги длинныя блестятъ
И потемнѣвшія звѣзды
Съ восторгомъ жадности глядятъ
Сквозь серебристыя рѣсницы.

Х Р И З А Н Т Е М Ы.

На окнѣ, серебряномъ отъ инея,
Точно хризантемы расцвѣли.
Въ верхнихъ стеклахъ — небо ярко-синее
И застрѣха въ снѣговой пыли.

Всходитъ солнце, бодрое отъ холода,
Золотится отблескомъ окно:
Утро тихо, радостно и молодо,
Бѣлымъ снѣгомъ все запушено.

И все утро яркя и чистыя
Буду видѣть краски въ вышинѣ,
И до полдня будутъ серебристыя
Хризантемы на моемъ окнѣ.

ПЕЧАЛЬ.

На дикихъ скалахъ, среди развалинъ—
Рать кипарисовъ. Она гудитъ
Подъ вѣтромъ съ моря. Угрюмъ, печалень
Пустынный островъ, нагой гранитъ.

Ужъ берегъ темень—заходятъ тучи.
Какъ крылья чаекъ, среди камней
Мелькаетъ пѣна. Прибой все круче,
Порывы вѣтра—все холоднѣй.

И кто-то скорбный, въ одеждѣ темной,
Стоитъ надъ моремъ... Въ дали—печаль
И сумракъ ночи... Мы всѣ бездомны,
Всѣ безпріютны, но смотримъ—въ даль.

П Ъ С Н Я.

Я—простая дѣвка на баштанѣ,
Онѣ—рыбакѣ, веселый человѣкъ...
Тонетъ бѣлый парусѣ на Лиманѣ—
Много видѣлъ онѣ морей и рѣкъ.

Говорятъ, гречанки на Босфорѣ
Хороши... А я черна, худа.
Утопаетъ бѣлый парусѣ въ морѣ—
Можетъ, не вернется никогда!

Буду ждать въ погоду, въ непогоду...
Не дождусь—съ баштана разочтусь,
Выйду къ морю, брошу перстень въ воду
И косою черной удавлюсь.

Э С Х И Л Ъ.

Я содрогаюсь, глядя на твои
Черты нѣмыя, полныя могучей
И строгой мысли. Съ древней простотою
Изваянь ты, о старецъ. Безконечно
Далеки дни, когда ты жилъ, и мнѣомъ
Теперь тѣ дни намъ кажутся. Ты страшень
Ихъ древностью. Ты страшень тѣмъ, что ты,
Незримый въ мѣрѣ двадцать пять столѣтій,
Незримо въ немъ присутствуешь до нынѣ,
И предъ твоею славой легендарной
Безсильно Время.—Рокъ неотвратимъ,
Все въ мѣрѣ предназначено Судьбою,
И благо поклоняющимся ей,
Всесильной, осудившей на забвенье
Дѣла всѣхъ дѣлъ. Но ты предъ Адрастеей
Склонилъ чело суровое съ такимъ
Величьемъ, съ такою мощью духа,
Какая подобаеть лишь богамъ
Да смертному, дерзнувшему впервые
Возславить духъ и дерзновење смертныхъ!

КАМЕННАЯ БАБА.

Отъ зноя травы сухи и мертвы.
Степь—безъ границъ, но даль синѣеть слабо...
Вотъ остовъ лошадиной головы.
Вотъ снова—Каменная Баба

Какъ сонны эти плоскія черты!
Какъ первобытно-грубо это тѣло!
Но я стою, боюсь тебя... А ты
Миѣ улыбаешься несмѣло.

О, дикое исчадье древней тьмы!
Не ты ль когда-то было громовержцемъ?
— О, да, не Богъ насъ создалъ. Это мы
Боговъ творили скотскимъ сердцемъ.

А Й Я - С О Ф І Я.

Свѣтильники горѣли, непонятный
Звучалъ языкъ,—Великій Шейхъ читалъ
Святой Коранъ,—и куполь чesобъятный
Въ угрюмомъ мракѣ пропадалъ

Кривую саблю вскинувъ надъ толпою,
Шейхъ поднялъ локъ, закрылъ глаза—и страхъ
Царилъ въ толпѣ—и мертвою, стѣпною
Она лежала на коврахъ...

А утромъ храмъ былъ свѣтелъ. Все молчало
Въ смиренной, христіанской тишинѣ,
И солнце ярко куполь озаряло
Въ непостижимой вышинѣ.

И голуби въ немъ, рѣя, ворковали,
И съ вышины, изъ каждаго окна,
Просторъ небесъ и воздухъ сладко звали.
Къ тебѣ, Любовь, къ тебѣ, Весна!

У СВЕРНЫХЪ БЕРЕГОВЪ МАЛОЙ АЗИИ.

Здѣсь царство Амазонокъ. Были дики
Ихъ буйныя забавы. Много дней
Звучали здѣсь ихъ радостныя клики
И ржаніе купавшихся коней.

Но вѣкъ нашъ—мигъ. И кто укажетъ нынѣ,
Гдѣ на пески ступала ихъ нога?
Не вѣтеръ ли среди морской пустыни?
Не эти ли нагіе берега?

Давно унесъ, развѣялъ вѣтеръ южный
Ихъ голоса отъ этихъ береговъ...
Давно слизалъ, размылъ прибой жемчужный
Съ сырыхъ песковъ слѣды подковъ...

А Т Л А Н Ъ.

...И долго долго шли мы плоскогорьемъ
Межъ дикихъ скалъ—все выше, выше къ пeбу
По камнямъ и кустарникамъ, въ туманѣ
То закрывавшимъ солнце, то, какъ дымъ,
По вѣтру пронесвшимся предъ нами—
И вдругъ обрывъ, бездонное пространство
И глубоко въ пространствѣ—необъятный,
Туманно восходящій къ горизонту
Своей воздушно-зыбкою равниной
Лилово-синій южный Океанъ...
И Сатана спросилъ, остановившись:
„Ты вѣришь ли въ преданія, въ легенды?“

Еще былъ мартъ, и только что мы вышли
На высшій изъ утесовъ надъ обрывомъ,
Навстрѣчу намъ пахнуло зимней бурей,
И увидалъ я съ горной высоты,
Что пышность южныхъ красокъ въ Океанѣ
Бя дыханіемъ мгlistымъ смягчена
И что въ горахъ, къ востоку уходящихъ

Излучиной хребтовъ своихъ, бѣлѣють,
Сквозь тусклость отдаленія, снѣга—
Заоблачные царственные края
Въ холодныхъ вѣчныхъ саванахъ своихъ.
И Духъ спросилъ: „ты вѣришь ли въ Атланта?“

Крѣпясь стоялъ я на скалѣ, а вѣтеръ
Сорвать меня пытался, проносясь
Съ звенящимъ завываньемъ въ низкорослыхъ,
Памятыхъ, искривленныхъ бурей соснахъ,
И доносилъ изъ глубины глухой
Широкий шумъ—шумъ Вѣчности—протяжный
Шумъ дальнихъ волнъ... И, какъ орелъ, впервые
Взмахнувшій изъ родимаго гнѣзда
Надъ ширью Океана, былъ я счастливъ
И упоенъ твоею первозданной
Непостижимой силою, Атланта!
—О, да, Титашъ,—я вѣрилъ, жадно вѣрилъ.

О Д И Н О Ч Е С Т В О .

П. А. Нилусу.

И вѣтеръ, и дождикъ, и мгла
Надъ холодной пустыней воды.
Здѣсь жизнь до весны умерла,
До весны опустѣли сады.
Я на дачѣ одинъ. Мнѣ темно
За мольбертомъ—и дуетъ въ окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебѣ ужъ тоскливо со мной.
Подъ вечеръ ненастнаго дня
Ты мнѣ стала казаться женой...
Что жъ, прощай! Какъ-нибудь до весны
Проживу и одинъ—безъ жены.

Сегодня идутъ безъ конца
Тѣ же тучи—гряда за грядой.
Твой слѣдъ подъ дождемъ у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мнѣ больно глядѣть одному
Въ предвечернюю сѣрую тьму.

Мнѣ крикнуть хотѣлось во слѣдъ,
„Воротись—я сроднился съ тобой!“
Но для женщины прошлаго нѣтъ:
Разлюбила—и сталъ ей чужой.
Что жъ! Каминъ затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Н. ТЕЛЕШОВЪ.

НАДЗИРАТЕЛЬ

I.

За послѣднее время, всякій разъ приходя на дежурство въ участокъ, околоточный надзиратель Лыжинъ чувствовалъ себя не такъ, какъ раньше; знакомые предметы казались ему не тѣми, какими были и какими будутъ опять для него завтра; даже самъ себѣ онъ казался не тѣмъ, какимъ былъ въ прошломъ году,—и этого впечатлѣнія перемѣны онъ никакъ не могъ изгнать изъ своего мозга...

Одинокій, среди ночного затишья, Лыжинъ шагаль изъ угла въ уголь, чувствуя тревогу въ душѣ, шагаль обыкновенно всю ночь до разсвѣта, стараясь подъ влияніемъ думъ шагать какъ можно беззвучнѣе; для этого онъ придерживалъ ладонью висѣвшую у бедра шапку, чтобы она не гремѣла о голенища. Иногда, уставая ходить, онъ ложился въ изнеможеніи на длинный и широкій клеенчатый диванъ, на которомъ черная клеенка давно уже растрескалась и облупилась, а подъ нею торчало мѣстами что-то жесткое, въ родѣ шишекъ, и Лыжину всегда казалось, что въ этомъ диванѣ спрятаны педоброжелатели, которые подставляютъ кулаки подъ клеенкой — то подъ спину, то подъ ляжки, то подъ бокъ—всякому уставшему человѣку, желающему отдохнуть. И онъ избѣгалъ ложиться, а если когда и ло-

жился, то раздвигалъ сзади фалды мундира, клалъ себѣ на животъ шапку и съ укоромъ думалъ о недоброжелателяхъ, подпиравшихъ ему кулаками спину, поясницу и ноги. Онъ думалъ и о своихъ дѣтяхъ, къ которымъ не притащить бы заразу съ этого дивана, думалъ и о портныхъ, берущихъ за мундиры все дороже и дороже, думалъ о своемъ жалованьи, на какое невозможно становилось существовать съ семьей. Думая обо всемъ этомъ, онъ желалъ отогнать другія мысли, преслѣдовавшія его неотвязно вотъ уже почти годъ.

Прошло то время, когда ему было непріятно сознание, что его, околочнаго Лыжина, совершенно незаслуженно называютъ „крашвнымъ сѣменемъ“ и „около-водочнымъ надзирателемъ“, а должность пристава производять отъ слова „приставать“... Все это было пустяками и шуткой сравнительно съ теперешними названіями. Теперь уже не стало шутокъ. Теперь всѣ, носящіе серебристой узкій погонъ на плечѣ и городской гербъ на фуражкѣ, заподозрѣны въ стремленіи, паравнѣ съ темными неразсуждающими людьми, избивать и увѣчить докторовъ и студентовъ, учителей, курсистокъ и даже гимназистовъ.

Пока не доходило до дѣла, Лыжинъ и самъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы „поучить“ безпокойныхъ людей, надоѣдавшихъ такъ много лѣтъ полицейскимъ чиновникамъ, но когда онъ своими глазами увидѣлъ толпу, двигавшуюся по улицѣ съ пѣніемъ, съ красными флагами, когда на этихъ флагахъ онъ увидѣлъ надписи „Да здравствуетъ свобода!“, когда передъ его глазами вырвался изъ переулка взводъ казаковъ съ нагайками, ринувшійся на толпу, когда вмѣсто пѣсенъ послышались щелканье бичей, свистъ въ воздухѣ плетокъ, стоны раненыхъ, проклятія, негодующіе крики, вопли, когда люди, стоявшіе вокругъ него, Лыжина, обнажили шапки навстрѣчу толпѣ и по чьей-то командѣ бросились бить право и влѣво безъ разбора по одеждамъ, по лицамъ,

по головамъ и шапкамъ, по спинамъ, по поднятымъ тростямъ, по упавшимъ на мостовую людямъ,—Лыжинъ почувствовалъ, что въ эту минуту рѣшилась вся его судьба, вся его жизнь. Лобъ его стало жечь, языкъ щипало, а сердце колотилось въ груди такъ сильно, точно хотѣло прорвать грудь и мундиръ и вылетѣть куда-то впередъ, на свободу.

Онъ стоялъ въ рядахъ тѣхъ, которые били. Онъ поднималъ руку съ обнаженной пашкой и указывалъ ею повелительно на толпу. Онъ помнилъ одно молодое лицо съ горящими глазами, на которое онъ указалъ кому-то своей пашкой. Почему онъ это сдѣлалъ и для чего, онъ до сихъ поръ не можетъ отдать себѣ отчета. Онъ видѣлъ, какъ сверкнула передъ нимъ сѣрая полоса стали, видѣлъ, какъ вмѣсто горящихъ гвазъ и пылающаго прекраснаго лица стало вдругъ что-то дряблѣе, темное, мокрое и рухнуло на мостовую, а на мѣстѣ его образовалось на мгновение въ толпѣ небольшое пустое мѣсто.

Болѣе онъ ничего не помнилъ. У него у самого остановилось сердце; ноги его вдругъ ослабли, пашка вывалилась изъ рукъ, и самъ онъ, теряя сознание, упалъ почти рядомъ съ тѣмъ молодымъ, съ прекрасными горѣвшими глазами, на котораго онъ указалъ.

II.

Лыжину было стыдно потомъ за то, что у него такіе слабые нервы, за то, что онъ упалъ въ безпамятствѣ, какъ женщина. Онъ велъ себя даже недостойнѣе женщины, потому что въ толпѣ было не мало дѣвушекъ, которые видѣли то же, что и онъ, однако не падали въ обморокъ и шли впередъ... А онъ упалъ отъ впечатлѣнія, упалъ въ мундирѣ, съ пашкой въ рукахъ... По счастью, когда онъ упалъ, кто-то изъ своихъ зацѣпилъ его по носу каблукомъ—и изъ носа потекла кровь, залившая

ему усы и бороду, воротникъ мундира и серебристый погонъ. И онъ всёмъ сталъ говорить впослѣдствіи, что былъ раненъ; даже женѣ своей говорилъ, что его кто-то ударилъ по переносицѣ, но наединѣ съ собою онъ не отрицалъ своего малодушія и съ упрекомъ пазывалъ себя мысленно—бабой.

Съ этого же времени Лыжинъ сталъ замѣчать за собою что-то неладное: нервы его стали большими, сердце не давало покоя иногда по цѣлымъ суткамъ, и обѣдать онъ сталъ безъ аппетита, и къ службѣ относиться разсѣяннo и небрежно. Онъ началъ искать уединенія, и чѣмъ труднѣе оно доставалось ему, тѣмъ болѣе онъ искалъ его и желалъ.

Однажды въ участкѣ одинъ изъ арестованныхъ сказалъ о себѣ приставу:

— За родину и пострадать не обидно.

„Какъ — за родину?“ — молча удивился Лыжинъ и даже смутился. „Вѣдь это мы — за родину, а какъ же они?“...

Въ инструкціи чинамъ корпуса жандармовъ онъ самъ читалъ, что ихъ обязанность „утереть слезы несчастныхъ, быть государевымъ окомъ“... А вѣдь жандармы и полиція въ сущности за-одно: противъ тѣхъ.

Не проходило почти ни одного дежурства, чтобы въ участкѣ не появлялись писанные или печатные листки, вызывавшіе то къ сердцу, то къ разсудку народа. Ихъ поднимали на улицѣ, отбирали у прохожихъ, арестовывали въ квартирахъ. Иногда за день скоплялись въ участкѣ цѣлые вороха такихъ листовъ, а одинъ разъ даже привезли ихъ ночью въ двухъ огромныхъ тюкахъ. Лыжинъ читалъ ихъ и, читая, видѣлъ передъ собою все то же молодое прекрасное лицо, все тѣ же горящіе живые глаза и видѣлъ темное пятно вмѣсто лица и рупившее тѣло, и сѣрую полосу стали, сверкнувшую между

нимъ и тѣмъ юношей, на котораго онъ указалъ тогда.

Бывало раньше онъ бралъ съ собой, идя на дежурство, одѣяло и подушку, говядины съ солью и хлѣбомъ и фляжку, а теперь онъ ничего не хотѣлъ брать. Когда наступало его одиночество, когда онъ оставался одинъ среди опустѣвшихъ комнатъ съ пустыми столами, съ пустыми стульями, съ пустыми скамейками, съ погашенными лампами, съ обсохшими перьями въ грязныхъ ручкахъ, съ печатями и сургучами, точно осиротѣвшими до утра,—онъ сначала садился на свое мѣсто за столикъ и при свѣтѣ одинокой лампы подготавливалъ пробный рапортъ, чтобъ показать дежурному сторожу, будто онъ занятъ дѣломъ.

— Ступай къ себѣ, — говорилъ онъ ему, исписавъ страницу, — я люблю заниматься одинъ.

И сторожъ уходилъ за перегородку.

Когда же все стихало, когда становилось слышно, какъ шуршать по обоямъ тараканы, когда глухая ночь наполняла участокъ мракомъ и чуткой тишиной, тревогой и покоемъ, Лыжинъ вставалъ и начиналъ ходить по канцелярн осторожными большими шагами, придерживая рукой пашку и стараясь не шумѣть. Онъ останавливался иногда у перегородки изъ сѣтчатой проволоки, за которой днемъ сидитъ точно узникъ паспортистъ Виноградовъ и подкладываетъ и повѣряетъ адресные листки. Теперь же въ темнотѣ и тишинѣ Лыжину казалось, что на мѣстѣ Виноградова сидитъ кто-то другой, съ прекраснымъ лицомъ и прекрасными глазами, и что онъ сейчасъ обратитъ къ нему это свѣтлое лицо и эти глаза и скажетъ ему:

— Утирайте слезы несчастныхъ, будьте государевымъ окомъ, а вотъ я — умерь за родину.

И Лыжинъ стоялъ передъ сѣткой и ждалъ. Ему было жутко и страшно, но въ то же время хотѣлось, чтобы это страшное сейчасъ же сбылось.

Съ замиравшимъ сердцемъ онъ чиркалъ спичку и подносилъ ея слабый огонь къ проволокѣ и взглядывалъ съ трепетнымъ ожиданіемъ внутрь — и видѣлъ пустой стулъ, пачки листовъ на стальныхъ дугахъ, видѣлъ пустую комнату. А когда гасла спичка, ему опять казалось, что кто-то сидитъ за сѣткой и разбираетъ листки, точно сортируетъ по адресамъ людей и откладываетъ: утирающихъ слезы въ одну пачку, а умирающихъ за родину—въ другую.

Нерѣдко среди ночи случалась тревога; то звонилъ телефонъ, то приводили задержанныхъ, то привозили пьяныхъ. Лыжинъ съ неудовольствіемъ отрывался тогда отъ своихъ думъ, лѣнливо составлялъ протоколы, коротко и неохотно отвѣчалъ по телефону и, отдѣлвшись, начиналъ вновь ходить изъ угла въ уголъ съ сдвинутыми бровями, съ сосредоточеннымъ взглядомъ, обращеннымъ въ невѣдомую и неясную для него самого даль.

Съ половины ночи на него нападала тоска, страшная тоска, и онъ дѣлался унылымъ и мрачнымъ.

„Когда бѣсятся собаки, онѣ становятся сначала скучными“,—вспоминалось ему почему-то изъ практики.

И самъ онъ, и всѣ знакомые, и вся Россія представлялись ему скучными и впавшими въ тоску...

III.

Лыжинъ былъ у доктора, жалуясь на нервы и сердце. Полицейскій врачъ далъ ему капли, велѣлъ пить бромъ и перестать курить.

Рассказывать о себѣ всѣ подробности Лыжинъ стѣснялся, боясь навлечь неприятели по службѣ. Онъ пилъ бромъ и капли, однако думы его оставались все тѣ же и по ночамъ попрежнему не давали покоя.

Изъ разныхъ городовъ приходили все чаще извѣстія объ избіеніи молодежи. То тамъ, то тутъ нападали

на учащихся какіе-то люди, увѣчили ихъ и разбѣгались; при этомъ полиція, какъ писали въ газетахъ, хранила благосклонный нейтралитетъ...

И Лыжинъ думалъ: неужели все это именно такъ и было? и самъ себѣ не хотѣлъ вѣрить, когда слыхивалъ отъ пристава:

— Я бы имъ, мерзавцамъ, и не то еще показалъ!

Читая обо всемъ этомъ, Лыжинъ, незамѣтно для себя, оставлялъ иногда газету, клалъ на нее руки и, не моргая, долго глядѣлъ куда-то впередъ, гдѣ рисовались ему знакомыя лица, знакомыя картины, пока звонокъ, или голосъ, или шумъ не выводили его изъ этого оцѣпенѣнія.

Однажды въ участокъ къ Лыжину пришелъ какой-то человѣкъ, по виду рыночный торговецъ, съ картузомъ въ одной рукѣ и съ газетой—въ другой.

— Что вамъ угодно?—спросилъ Лыжинъ.

Тотъ отвѣчалъ, горячась и запинаясь:

— Потому какъ я, ваше благородіе, истинно-русскій человѣкъ и патріотъ,—а вотъ вѣдомости вонъ что пишутъ...

Онъ положилъ газету на столъ и началъ тыкать въ нее крѣпкимъ, толстымъ пальцемъ, окруженнымъ толстымъ обручальнымъ кольцомъ.

Очевидно, текстъ онъ давно уже зазубрилъ наизусть.

— Извольте читать-съ; сказано прямо: „русскіе люди, родные наши, братья наши — откликнитесь! Дайте волю вашему сердцу, и оно подскажетъ вамъ, что надо дѣлать... Какъ прежде уничтожали Лжедмитріевъ-самозванцевъ, такъ и теперь надо русскому люду уничтожать гнусныхъ крамольниковъ... И первая казнь, которую народъ совершить...“

— Это какихъ же крамольниковъ? — перебилъ Лыжинъ.

— Студентовъ тамъ, всякихъ другихъ... Извольте сами читать,—нагнулся онъ надъ газетой и повернулъ ее къ Лыжину, не отнимая отъ строкъ своего толстаго пальца.—Извольте читать: инте-ли-ли...

— Интеллигенцію,—выручилъ его Лыжинъ.

— Вотъ, вотъ! Это самое!

— Такъ вамъ-то что же надобно? Вы кто такое сами?

— Я-то-съ?.. Мѣщанинъ Подрядышевъ... хоругвеносецъ... На уголкѣ здѣсь, наискось отъ аптеки, мясомъ торгую. Извольте, небось, знать.

— Хоругвеносецъ?—переспросилъ Лыжинъ и болѣе уже ничего не слышалъ что говорилъ ему посѣтитель. Онъ уставился въ него своими неморгающими глазами, видѣлъ его коренастую фигуру, грубое скуластое лицо съ узкимъ лбомъ и мясистымъ носомъ, съ узкими злыми глазами, видѣлъ его крѣпкій указательный палецъ съ толстымъ золотымъ кольцомъ, и мысленно представлялъ себѣ жену и дѣтей этого мѣщанина и думалъ:—Хорошъ же, должно быть, ты дома: страхъ и гроза; и жену свою бьешь по лицу и дѣтей колотишь...

— Такъ что же можете отвѣтить, ваше благородіе... Когда же назначено? Мы васъ поддержимъ... мы всегда съ удовольствіемъ, какъ патриоты, истинно-русскіе...

Лыжинъ продолжалъ глядѣть на него въ упоръ, не слыша его и не отвѣчая.

— Такъ вы—хоругвеносецъ?..

— Такъ точно.

„Хоругвь--вѣдь это знамя!“ —думалъ между тѣмъ Лыжинъ, глядя куда-то выше лица мѣщанина, выше его волосъ.

— И вы его носите?

— Такъ точно. Въ крестные ходы... на Иордань... въ Свѣтлый день...

Лыжинъ опустилъ голову и замолчалъ.

Мѣщанинъ говорилъ еще что-то, чего Лыжинъ не слыхалъ или не понималъ. Наконецъ, въ голосѣ Подрядышева зазвучала сердитая вызывающая нота:

— Нешто вы не адѣпниі? Нешто вы не знаете-сь, что такое хоругвеносецъ?.. Что же это такое-сь, послѣ этого-сь?..

Не отвѣчая, не возражая, Лыжинъ пристально глядѣлъ опять въ самые глаза хоругвеносца, а тотъ избѣгалъ его взглядовъ и старался смотрѣть въ сторону, но взгляды ихъ невольно встрѣчались, точно сталкивались, и вновь расходились, и опять сталкивались.

„Носить хоругви, а глаза не горять“,—думалъ Лыжинъ и, глядя на Подрядышева, воображалъ его въ парадной формѣ: въ поддевкѣ съ серебристой мишурной бахромой по талии, по плечамъ, по вороту и обшлагамъ, воображалъ его несущимъ высоко надъ головою на тонкомъ древкѣ золотую хоругвь и думалъ:— „Нѣтъ, не загорятся его глаза... Цикогда не могутъ они загорѣться...“

— Чего-же-сь вы въ меня такъ вонзились?—разсердился наконецъ Подрядышевъ —Ежели не можете прямо отвѣтить, такъ я зайду къ приставу Ваше дѣло, конечно, маленькое... очень понятно. — Завтра я лучше къ приставу Въ вѣдомостяхъ прямо указано: бить эту самую ап-те... Какъ ее?.. Апте-ли-ли..

IV.

Дома въ свободные вѣчера, какихъ бывало очень немного, Лыжинъ чувствовалъ себя лучше. Снявши мундиръ, онъ одѣвался тамъ въ простую синюю рубашку, подпоясывался ремнемъ и съ удовольствіемъ воображалъ себя обыкновеннымъ человѣкомъ, которому не нужно никого ни тѣснить, ни хватать, ни рубить.

Кромѣ кухни у него было двѣ комнаты—дѣтская и спальня. Изъ спальни онъ выдѣлилъ себѣ крошечный

уголокъ, перегородилъ его ситцевой драпировкой и поставилъ столъ; это было его кабинетомъ и приѣмной. Но и съ этимъ уединеніемъ пришлось вскорѣ разстаться: къ женѣ пріѣхала сестра, Екатерина Даниловна. У жены было много сестеръ, и дѣти называли ихъ тетей Дашей, тетей Сашей, тетей Машей, а Екатерину Даниловну прозвали тетей Кашей.

Тетя Каша была низкорослая кругленькая женщина, лѣтъ тридцати, не живущая съ мужемъ, очень веселая и говорившая смѣясь про всѣхъ, кто бы это ни былъ:
— Все врать!

Когда Лыжинъ рассказывалъ о наяды о томъ, что совѣсть его неспокойна, тетя Каша хохотала и, указывая на него женѣ и дѣтямъ, взвизгивала весело:

— Все врать! все врать!

Про хоругвеносца Лыжинъ дома тоже рассказывалъ. Тетя Каша, услыхавъ, что хоругвеносецъ, какъ патриотъ, желаетъ бить интеллигенцію, смѣялась и возражала:

— Все врать!

Даже когда появилось въ газетахъ извѣстіе, будто губернаторъ кому-то сказалъ, что уходитъ добровольно въ отставку, тетя Каша, уже безъ смѣха и съ уваженіемъ, заявила:

— Не можетъ этого быть: все врать!

Съ пріѣздомъ тети Каши, Лыжинъ лишился послѣдняго уголка, гдѣ могъ бы найтти уединеніе. И онъ поставилъ въ сѣняхъ, воулъ стеклянной двери, простую тесовую табуретку. На ней, заложивъ ногу на ногу и подперевъ ладонями скулы, онъ просиживалъ въ одиночествѣ два-три часа. Всѣ спали вокругъ него, а онъ сидѣлъ и думалъ. Такъ же, какъ и въ участкѣ, онъ слышалъ, какъ тараканы шуршали по обоямъ, какъ иногда хрустѣлъ или трещалъ полъ, какъ пробѣгали мыши. Чтобы быть безъ людей, но не быть одному, онъ

бралъ иногда на колѣни къ себѣ Амку, собаку тети Каши, темную, длинную, на короткихъ ножкахъ, съ узкой мордочкой, помѣсь таксы.

Иногда ему хотѣлось кричать о своихъ думяхъ, кричать, чтобы стало легче, но онъ зналъ, что кричать нельзя, потому что спать дѣти, спать жена, всегда больная, всегда несчастная, которой нуженъ покой, но котораго нѣтъ и никогда не будетъ. Не только крикнуть, но даже шагать, какъ въ участкѣ, Лыжину было нельзя, и онъ сидѣлъ на табуреткѣ одиноко и смиренно почти не шевелясь; иногда лишь схватывалъ собаку и, гладилъ ее молча. Болѣе этого онъ ничего не смѣлъ дѣлать: онъ понималъ, что онъ дома, гдѣ всѣ—спятъ...

Начиналъ онъ понимать также и то, что онъ боленъ, и иногда, прижимая къ груди теплое мохнатое тѣло собаки, раскачивался съ нею на табуретѣ, точно съ ребенкомъ, и, боясь хоть однимъ звукомъ нарушить ночную тишину, кричалъ мысленно:

— Амочка!.. Амка!.. Вѣдь мы съ тобой --- какъ два пса!..

Иногда Лыжинъ заходилъ въ дѣтскую, гдѣ жили его три маленькія дочери и сынъ Володя, которому былъ только годъ; онъ умѣлъ уже смѣяться, умѣлъ радостно и безопасно глядѣть на отца своими свѣтлыми молочными глазами и называть его „папой“, когда Лыжинъ входилъ къ нему въ синей рубашкѣ; когда же онъ входилъ въ мундирѣ, ребенокъ настойчиво и капризно тянулся руками къ серебристому погону и называлъ отца уже не папой, а „дядей“...

Глядя на Володю, Лыжинъ думалъ, что и самъ онъ, и губернаторъ, и нигилистъ, и хоругвеносецъ — были когда-то такими же... И тотъ юноша съ ясными глазами былъ недавно такой же... Всѣ были такъ же доврчивы, такъ же смѣялись, такъ же называли кого-нибудь папой... И ему хотѣлось заглянуть въ будущее,

за двадцать, за тридцать лѣтъ впередъ, чтобы увидать— кѣмъ станеть его Володя, какъ онъ будетъ думать, что дѣлать, какъ относиться къ отцу.. И ему хотѣлось сказать Володѣ:

— Что будетъ съ тобою, съ твоими сестренками, съ твоей мамой, что будетъ съ тетей Кашей, даже съ Амкой-собакой, что будетъ, наконецъ, со мною самимъ, если я сорву сейчасъ съ себя этотъ мундиръ и брошу его въ печку и никогда болѣе не пойду въ участокъ? Что будетъ завтра же со всѣми нами и съ тобою, и со мной, и со всѣми?..

Онъ закрывалъ глаза ладонями, крѣпко упирался въ нихъ всѣмъ лицомъ—скулами, щеками и лбомъ; потомъ, перекрестивши сына, шель на дежурство, или въ нарядъ на улицу, или въ обходъ по участку, козыряя встрѣчнымъ знакомымъ, сурово опрашивая городовыхъ и вытягиваясь передъ приставомъ, который за послѣднее время былъ строгъ и уже дважды дѣлалъ ему замѣчанія.

V.

Настали свѣтлыя весеннія ночи. Въ отворенныя окна доносился запахъ тополей, доносился стукъ колесъ, говоръ и отдаленный неясный шумъ, точно весь городъ ожилъ и загудѣлъ, какъ улей.

Запирая на ночь свой кабинетъ, приставъ громко сказалъ дежурному:

— Надзиратель Лыжинъ! Ожидаются безпорядки: требую особаго вниманія на дежурствѣ; остальное вамъ все извѣстно.

— Слушаю, ваше высокородіе!—отвѣчалъ Лыжинъ, покорно опустивъ и вытянувъ по швамъ руки.

— Надѣюсь принять отъ васъ завтра рапортъ вполне благополучный.

— Радъ стараться, ваше высокородіе!

Приставъ положилъ ключъ въ карманъ ѣ, замахнувъ небрежно около виска двумя пальцами, надѣлъ фуражку и вышелъ, звеня шпорами.

— А чего жъ еще ждать, какъ не безпорядковъ? — подумалъ Лыжинъ, глядя равнодушно на захлопнутую дверь.

Отославъ за перегородку сторожа и оставшись въ одипочествѣ, Лыжинъ долго шагаль по присутствію. Въ отворенныя окна вносился свѣжій душистый воздухъ, влетала пыль; на подоконникѣ шелестѣла газета точно сама собою, точно была живая, а городъ самъ по себѣ гремѣлъ таинственнымъ непрерывнымъ гуломъ.

Лыжинъ прислушивался и къ шуму города, и къ шелесту газеты, не мѣшавшимъ другъ другу, и къ скрипу своихъ шаговъ.

Первый разъ въ жизни почувствовалъ онъ себя глубоко несчастнымъ человѣкомъ, обиженнымъ и обманутымъ, точно его кто-то обворовалъ, — хотя ничего особеннаго не случилось: такъ же хворала жена, такъ же не хватало денегъ, такъ же ѣли и пили дѣти, Амка и тетя Каша, только на улицахъ пахло тополями и клейкими почками и свѣжей землей...

Прислушиваясь къ шуму, принюхиваясь къ воздуху, Лыжинъ вдругъ вспомнилъ, что онъ никогда не слышалъ, какъ весной поютъ соловьи. Онъ не знавалъ въ лицо ни дрозда, ни малиновки, не слыхивалъ ни весеннихъ пѣсень жаворонка, ни предзимняго клекота журавлей.

— А за какимъ мнѣ чортомъ нужны журавли, соловьи и прочее? — прерывалъ онъ самъ себя, однако понималъ, что огромная сторона жизни, помимо журавлей и соловьевъ, оставалась для него неизвѣстной.

О журавляхъ и жаворонкахъ, о счастья и свободѣ онъ знавалъ столько же, сколько объ Австраліи, гдѣ будто бы листья на деревьяхъ растутъ не плашмя, какъ

у насъ, а—ребромъ... Лучшіе годы его жизни ушли на инныя познанія—и вотъ привычныя образы стоятъ передъ нимъ: помойныя ямы, пьяныя рожи, протоколы, начальство, извошники и аресты... Къ нимъ прибавились еще новые образы: крамольники и нагайки... И изъ рсей этой вереницы, какъ солнце изъ тучъ, глядѣли на него прекрасныя молодые глаза, точно глядѣли они смѣло и радостно навстрѣчу чему-то великому, и Лыжинъ зналъ, какъ зовутъ это великое, но не хотѣлъ называть его даже мысленно, но имя это слышалось отовсюду: звенѣло въ его мозгу, въ ушахъ и гуломъ несло по всему городу:

— Свобода!.. Свобода!..

Булыжныя мостовыя подъ катящимися колесами, говоръ людей, окрики кучеровъ, свѣжесть и запахъ зелени и земли — все сливалось въ одну волну, широкую и гудящую:

— Свобода! Свобода!

Но вдругъ изъ этой окружающей жизни вытягивалась сѣрая, узкая, холодная полоса стали — и меркли передъ нею горящіе глаза, и кругомъ все темнѣло, и городъ гудѣлъ ровно и однотонно, будто вся мостовая, экипажи и голоса сливались, повторяя въ ритмъ безстрастно и бессмысленно:

— Анте-ли-ли..

И мгла, точно море, охватывала и заполняла все, и въ ней, точно въ морѣ, плавали и купались толстыя бородатыя головы съ жирными носами и злыми глазами, колыхались сжатые кулаки съ золотыми обручальными кольцами на указательныхъ пальцахъ, высовывались и прятались ноги въ тяжелыхъ смазныхъ сапогахъ съ подкованными каблуками, носились по волнамъ поддевки съ серебристой бахромой, плавали ожирѣвшіе животы, узкіе тупые лбы, и, точно щупальцы, показывались иногда на поверхности чьи-то пальцы съ ладонями и

жадно хватались за воздухъ, разжимались и снова хватались... И все это качалось, ныряло, топуло и вновь всплывало подъ общій протяжный полусонный гуль:

— Ан-те-ли...ли...

Тридцать восемь лѣтъ Лыжнинъ считалъ все, что дѣлается въ жизни, хорошимъ и необходимымъ для чего-то и для кого-то, и только теперь онъ задумался: хорошо ли все это.

Онъ вспомнилъ своего дядю, пристава, котораго недавно насквозь просгрѣлили въ Варшавѣ; вспомнилъ и дальняго родственника жены—доктора; этого въ Нижнемъ исколотили до полусмерти. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ онъ близокъ не былъ, не былъ почти и знакомъ, но жаль было скорѣе избитаго доктора. Почему же?... Впрочемъ жаль было и дядю...

Теченіе его мыслей было внезапно нарушено. Въ участокъ привели буяна, котораго было нужно усмирить и посадить до утра за рѣшетку для выясненія личности.

VI.

Луна глядѣла прямо въ окна.

Блѣдныя зеленоватыя полосы, легкія и воздушныя, свѣтились въ комнатахъ, пронизывая стекла, скользя по подоконникамъ и падая по полу, то широкими квадратами, то узкими линиями, вперемежку съ тѣнями. Казалось, будто невдалекѣ отъ оконъ распластались по полу—немного наискось—такія же рамы, съ темными переплетами, съ форточками и скобами, только туманнѣе и длиннѣе...

Городъ затихъ; лишь изрѣдка мимо дома проѣзжалъ не торопясь извозчикъ; но Лыжнину казалось, что гдѣ-то вдалькѣ все еще стоитъ надъ городомъ этотъ недавній гуль и что тысячи людей, десятки тысячъ чего-то ждутъ, чего-то просятъ и требуютъ и кричатъ въ одинъ голосъ объ одномъ и томъ же.

Прижимая ладонью шапку, Лыжинъ мягкими шагами, почти крадучись, останавливаясь и чуть присѣдая, ходилъ по безлюднымъ комнатамъ, то освѣщенный луной, то окутанный тьмою, то вновь освѣщенный, и думалъ, крѣпко сдвинувши брови и глядя впередъ неморгающими глазами.

Онъ опомнился на мысли о своей матери, которая лежитъ въ глубинѣ рощи за монастырской оградой, далеко отсюда, въ другомъ городѣ. Онъ вспомнилъ, какъ однажды заказалъ панихиду на ея могилѣ, какъ среди рощи въ лѣтний жаркій полдень странно звучалъ басистый голосъ дьякона... Каркали на деревьяхъ вороны, шумѣли листья, дулъ вѣтеръ; и дьяконскій басъ былъ похожъ на жужжаніе шмеля...

Лыжинъ остановился и прислушался.

Это буянъ за рѣшеткой, тономъ дьякона, густымъ тихимъ басомъ, точно за версту отсюда возглашая ектенію, гудѣлъ мѣрно, какъ шмель, безъ всякаго задора, спокойно и серьезно:

— Долой всѣхъ и cadaго... да здравствуетъ свобода...

Лыжинъ улыбнулся, но потомъ бросился къ рѣшеткѣ и затопалъ ногамъ.

— Цыцъ, ты! Негодяй!!!—крикнулъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

Лежа на полу, буянъ приподнялъ голову и узкими глазами съ недоумѣніемъ взглянулъ на Лыжина, потомъ повернулся задомъ и сталъ сопѣть, какъ бы вновь засыпая.

Въ дверяхъ стоялъ сторожъ и тоже удивленно глядѣлъ на Лыжина.

— Орать вздумалъ,—строго, по съ смущеніемъ замѣтилъ сторожу Лыжинъ, кивнувъ на буяна.—Ничего... иди къ себѣ; я это только такъ... для острастки...

Принявши позу побѣдителя и грозно глядя на рѣ-

шетку, Лыжинъ постоялъ съ минуту, пока сторожъ не скрылся за своей перегородкой, но какъ только онъ ушелъ, Лыжинъ сразу опустилъ плечи и закрылъ руками лицо. Ноги его задрожали, задрожала спина, руки и голова—и онъ бросился въ дежурную, упалъ ничкомъ на диванъ и зарыдалъ, затаивая въ себѣ слезы и голосъ и дыханіе.

„Безпорядки!.. Боже мой!.. Опять ожидаются безпорядки!..“

И приставъ, сказавшій на прощанье это страшное слово, началъ казаться Лыжину чернымъ, маленькимъ и крылатымъ, съ длиннымъ клювомъ, на тонкихъ ногахъ съ цѣпкими когтями — какъ воронъ, каркающій падъ его головою:

— Ожидаются безпорядки!

И Лыжину воображалась толпа съ красными флагами... Ее сзади хлестали нагайками, а спереди встрѣчали они—съ обнаженными шапками, а надъ всѣми ними носился въ весеннемъ пахучемъ воздухѣ черный воронъ и каркалъ... Изъ кожаной казенной подушки, въ которую Лыжинъ уткнулся лицомъ, глядѣли опять на него въ упоръ ясные радостные глаза, дышало жизнью и смѣлостью молодое лицо, и, точно въ телефонъ, гудѣли прямо въ уши ему торжествующіе голоса толпы:

— Свобода! Свобода!

И переставъ рыдать, Лыжинъ началъ улыбаться въ отвѣтъ этимъ голосамъ, этому лицу, какъ будто никогда и ничего не было между ними враждебнаго, какъ будто вмѣстѣ и всегда шли они заодно, какъ будто вмѣстѣ умирали за родину, вмѣстѣ страдали, ненавидѣли и любили и никогда не утирали ничьихъ слезъ кромѣ своихъ, которыхъ было много, очень много...

Лыжинъ всталъ, протеръ себѣ глаза и сильнымъ движеніемъ распахнулъ окно.

Съ улицы сразу потянуло воздухомъ, влагой и клейкими душистыми почками тополей. И луна глядѣла прямо въ лицо Лыжину, холодная, блестящая и чуждая—какъ и все, что онъ встрѣчалъ въ своей жизни блестящаго; все это было чопорно, грозно и жадно; и онъ служилъ всему этому, продавался за пустяки, хваталъ и губилъ все, что борется и умираетъ съ улыбкой за свободу. А онъ всю жизнь стоялъ противъ свободы, всю жизнь дрожалъ и ежился, точно въ какомъ-то плѣну, а отъ плѣна чего же и ждать, кромѣ страха и горя, либо милости.

— Не надо милостей!—закричалъ вдругъ Лыжинъ, отпрянувъ отъ окна, точно именно оттуда и сыпались на него ненужныя милости и тяжкія несчастія.

— Ничего не надо, — сказать онъ самъ себѣ спокойно и тихо.—Не надо ничего.

Такъ же спокойно, точно раздѣваясь передъ сномъ, онъ отстегнулъ ремень, на которомъ висѣла шапка, не торопясь выдернулъ его изъ-подъ погонъ, смоталъ въ клубокъ и положилъ вмѣстѣ съ шапкой на свой дежурный столъ; потомъ снялъ мундиръ и положилъ на диванъ, на которомъ было передумано такъ много думъ; потомъ вынулъ листъ, приготовленный для рапорта, и написалъ крупнымъ рѣшительнымъ почеркомъ:

„Ваше Высокоблагородіе
Господинъ Приставъ.

Сколько Вамъ будетъ угодно—утирайте слезы несчастныхъ; желаю отъ души, чтобъ это было именно такъ. А я передъ родиной виноватъ, и умираю. Да здравствуетъ свобода, господинъ приставъ!“

Затѣмъ онъ пошелъ въ канцелярію, гдѣ висѣла на стѣнѣ карта Россіи, вставленная въ тяжелую золоченую рамку, въ которой былъ когда-то старый портретъ.

Сгорбившись и опустивъ руки, Лыжинъ долго гля-

дѣль на карту пристальнымъ взглядомъ. При мягкомъ свѣтѣ луны онъ видѣлъ прихотливыя очертанія границъ своей родины, похожія на узоры, какими иногда морозъ расписываетъ стекла. Вонъ—Балтійское море: точно женщина стоитъ на колѣнахъ передъ Петербургомъ... а Швеція и Норвегія бѣгутъ отъ него въ образѣ какого-то звѣря... вонъ Камчатка—въ родѣ пики... вотъ Каспійское море, похожее на коня, вставшаго на дыбы..

Онъ чиркнулъ спичку и, освѣтивъ на мигу карту, отыскалъ на ней точку, называвшуюся его роднымъ городомъ. Какъ она была мала и ничтожна передъ всей родиной! А вѣдь въ ней заключались площади и дома, церкви и тюрьмы... жило множество людей, родилось и умирало... Одни изъ нихъ желали чего-то и куда-то стремились, другіе ничего не желали и никуда не стремились... Одни шли впередъ, другіе ихъ били... рубили... И все это заключалось въ одной точкѣ. Только въ точкѣ!.. А вокругъ лежали пустыни, по которымъ разбросаны были другія такія же точки...

Потомъ онъ влѣзъ на стулъ, снялъ съ стѣны раму, бережно отнесъ ее и прислонилъ къ противоположной стѣнѣ лицомъ въ комнату; потомъ отвязалъ отъ рамки перекрученную двойную веревку, зацѣпилъ ее крѣпко за костыль, на которомъ она раньше висѣла, съ другого конца сдѣлалъ короткую петлю, надѣлъ ее себѣ на шею, и какъ только надѣлъ, ударомъ ступни, съ презрѣніемъ, вытолкнулъ изъ-подъ ногъ далеко отъ себя стулъ и повисъ прямо противъ карты, съ которой глядѣла на него вся Россія съ ея городами и деревнями, съ степями и болотами, съ безлюдными пространствами, съ закрытыми морями...

До самаго утра, пока не вошелъ сторожъ, Лыжинъ глядѣлъ холодными остановившимися глазами въ лицо своей родинѣ, точно въ удивленіи созерцая ее всю,

точно ожидая отъ нея чего-то большого, такого же—
какъ она сама...

И такъ они молча глядѣли одинъ на другого: Ли-
жинъ на родину, а родина на него—какъ будто пони-
мая, но упрекая другъ друга...

Августъ 1905 г.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ.

СРЕДИ НОЧИ.

I.

Они взбирались среди молчаливой ночи между угрюмо и неподвижно чернѣвшими соснами. Подъ ногами съ хрустѣніемъ разступался невидимый мокрый снѣгъ, или чмокала также невидимая, липкая, надоѣдливая, тяжело хватавшаяся за сапоги грязь.

Внизу у моря тепло стлалась синяя весенняя ночь, а здѣсь ни одна звѣзда не заглядывала сквозь мрачную тучу простирившейся надъ головами хвои, и все глуше, все строже становилось по мѣрѣ подъема.

Тотъ, который пробирался впереди и котораго такъ же не видно было, какъ и всѣхъ остальныхъ, остановился, должно быть, снялъ шапку и сталъ стирать взмокшій лобъ, лицо. И всѣ остановились, смутно выдѣляясь, шумно дыша, сморкаясь, вытирая потъ, и заговорили разомъ и беспорядочно.

— Ну, дорога,—могила!..

— Ложись, заразь закопаемъ.

— Братцы, кисеть утерялъ... сука твоя мать!..

Загорѣлись спички, красновато зажглись двигавшіяся въ разныхъ мѣстахъ папирсы, освѣщая временами кусокъ носа, усь, часть заросшей щеки или выставившійся мохнатый конецъ сосновой вѣтви. И когда немного от-

дохнули и дыханіе стало ровное и спокойное, опять стояло строгое всепоглощающее молчаніе.

— Вотъ когда въ Грузіи служилъ, тоже горы... фу-у-ну и высокія, такъ тамъ всегда — зима, и лѣтомъ — зима, такъ снѣгъ и лежитъ, нанизу жара, а тамъ — снѣгъ.

Снова слышны тяжелые срывающіеся шаги, глубокое дыханіе и хрустъ невидимаго снѣга, становившагося морознѣе, суше, скрипуче. И воздухъ быть острый, звонкій, покусывавшій за уши. Иной разъ люди проваливались, слышалась возня, крѣпкія слова и учащенное, прерывистое дыханіе.

Давно погасли папиросы. Послѣдніе окурки, тонко чертя огнистый слѣдъ и разсыпая золотыя искры, полетѣли и нѣсколько секундъ во тьмѣ красновато свѣтились на снѣгу и тоже потухли.

— Должно, года черезъ два дойдемъ..

— Сдохнешь гдѣ-нибудь подъ сосной, покуда дойдешь.

— Да куда мы идемъ?!.. ребята!.. киселя хлебать...

— А все Ехвимъ... пойдѣмъ да пойдѣмъ, а куда пойдѣмъ — самъ не знаетъ...

И всѣ шли. Нельзя было остановиться, остаться одному, свернуть, пойти назадъ. Кругомъ — кромѣшная темь, молчаливыя сосны. Невидимая тропка уже на второмъ шагу терялась подъ погами.

Временами наплывало мутное и влажное, и хотя было темно, хотъ глазъ коли, оно казалось бѣлесымъ, безформеннымъ и мѣняющимся. Тогда охватывала разслабленность и апатія, и хотѣлось лечь на снѣгъ и лежать неподвижно въ поту и испаринѣ. Потомъ также беззвучно и безслѣдно пронеслось, и стояло молчаніе и нешевелиющаяся тьма.

Въ темнотѣ высоко засвѣтился огонекъ. Пробираясь, скрипя по холодному снѣгу, то и дѣло подымали головы и глядѣли на него, а онъ также одиноко глядѣлъ на нихъ въ пустынѣ черной ночи.

— Въ жисть не узнаешь, гдѣ мы теперь.

— Вотъ, братцы...

— Ехвимъ Сазоптычъ, голову тебѣ оторвемъ, ежели да какъ заведешь...

— Такъ лѣзть будемъ, скоро до царствія небеснаго долѣземъ.

— Ей Богу, долѣземъ... хо-хо-хо!..

И въ горахъ, поглощенныхъ тьмой, хохотомъ перекликнулись человѣческіе голоса.

Ночь сурово покрыла строгой тишиной говорившихъ.

— А-а... гляди, гляди!..

— Братцы, чего такое?

— Павождене!..

Посыпались восклицанія удивленія. Имъ отвѣтили почные голоса. Всѣ разомъ остановились. Все попрежнему было поглощено зіяющей тьмой, но снѣговая стѣна, уходившая въ черное небо, слабо выступала таинственной синевой. Призрачно чудился тихій, странный, невѣдомый отсвѣтъ. По снѣжной, едва проступавшей, стѣнѣ двигались гигантскіе силуэты, также внезапно остановились и стали оживленно жестикулировать, какъ жестикулировали остановившіеся люди.

Всѣ, какъ по командѣ, обернулись. Черная бездна, до краевъ заполненная густой тьмой, простиралась, и не было ей конца и краю. Далеко внизу, на самомъ днѣ, голубымъ сіяніемъ сіяло множество огней. Они ничего не освѣщали, кругомъ было также мрачно, по казались веселыми, отсвѣтъ ихъ добѣгалъ черезъ десятокъ верстъ, и отъ людей призрачно ложились смутныя, едва уловимыя тѣни на слабо озаренный снѣгъ.

Это былъ городъ.

Долго стояли и молча глядѣли на далекіе сіяющіе огни.

— Ночь, а господа теперпча самое гуляютъ по трактамъ, да по гостиницамъ, али въ карты.

— Господа гуляютъ, а цасъ нелегкая несетъ, не знать куда.

— Диковина, далече, а свѣтитъ.

— Электричество, извѣстно.

— Ну айда, что ротъ-то разинули, не видали

Огонекъ, державшійся среди черноты ночи, пропаль, потомъ опять мелькнулъ, вызывая надежду, снова пропаль, и разомъ раздвинулся между смутно выступившими соснами красновато освѣщенный четырехугольникъ окна, слабо ложась полосой на снѣгъ и ближніе стволы.

Всѣ шумно столпились у неясно обрисовавшихся стѣны и дверей. Стукнули кольцомъ, и эхо горъ откликнулось, и отзвукъ длительный, мягкій и унылый далеко покотился среди ночи. И ночь простиралась ровная, одинаковая, всепоглощающая, какъ будто въ ней не было ни лѣса, ни горъ, а одна ненасытимая, заполненная мракомъ, звучащая пустота.

— Эй, дядя Семень, отпирай!

— ...а-а-а-ай!..—мягко слабѣя, пропадало во мглѣ.

II.

Стоны женщины неслись, то слабѣя, то усиливаясь, то совсѣмъ замолкая. Всѣ тѣ же приступы невыносимой боли, тотъ же безжалостно давившій черный отъ копоти потолокъ и тоненькій, какъ змѣйка, звукъ коптыщей лампочки на стѣнѣ.

Безконечная ночь, упорно-тяжело глядѣвшая въ слѣпяя окна, мутно бѣлѣла снѣгами. Ребятишки, измученные за день, забытые и голодные, въ самыхъ неудобныхъ положеніяхъ спали, разметавшись по нарамъ.

— Оо... о-о-ооох-ох-ох... ох... о-о-о!.. Господи, смертынька моя... ой-ой-ой... батюшки...

Совсѣмъ молоденькая съ горячечнымъ румянцемъ на щекахъ, со свѣсившимися на одну сторону волосами, беременная баба въ пестрядиной рубахѣ корчилась на

застланной соломой и покрытой дерюгой кровати, и голова ее металась изъ стороны въ сторону.

Бородатый, лѣтъ за сорокъ, второй разъ женатый мужикъ, съ пятерыми дѣтьми отъ первой жены, наклонившись, сосредоточенно, молча и неуклюже мѣсилъ засученными въ волосахъ руками тѣсто. Оно пучилось, лошлось пузырями, назойливо липло къ рукамъ, особенно цѣпко держась на волоскахъ, а онъ хмуро соскребалъ и сильнымъ движеніемъ сбрасывалъ плюхавшій въ общую массу комокъ.

— Тять... тять... бб... бл... бллезли... двя... двя... двя... — торопливо и сонно забормоталъ кто-то изъ ребятнишекъ.

Мягко ступая, степенно вышелъ на середину котъ, прижмурившись, поглядѣлъ на хозяина, на тоненько поющую лампочку, повелъ хвостомъ и также медленно и важно направился къ печкѣ, свернулся клубочкомъ и, зажмуриваясь, сладко замурылкалъ.

— Оооо... ооххоо-хо-хо... оооххъ!.. смерть моя!.. Сѣмъ, а Сѣмъ!..

— Чево?

— Помираю я... попа бы... Господи...

Она заплакала.

Мужикъ съ одной и той же, никогда не покидавшей, думой на лицѣ молча мѣсилъ, потомъ сосредоточенно сталъ обирать съ мускулистой руки налшшее тѣсто.

— Всѣ бабы родять, не ты первая.

И, помолчавъ, мотнулъ головой на нары:

— Вона... пятеро.

Котъ, задремывая и заводя вѣлки, пересталъ мурылкать. Женщина замолкла. Только лампочка тоненько тянула жалобу, да ночь мутно глядѣла въ окно, и все та же, никогда не оставляющая, дума лежала на обвѣтренномъ, заросшемъ бородой, лицѣ мужика.

Нарушая тишину, безлюдье и неподвижный ночной покой, стукнуло снаружи кольцо, послышались голоса,

скрипъ шаговъ по снѣгу, и въ горахъ многоголосно откликнулись ночные голоса, слабѣя и замирая.

Мужикъ пересталъ ѣбсать, поднялъ голову, прислушался и сталъ счищать съ рукъ налившее и падавшее кусками тѣсто. Котъ проснулся и наострилъ уши.

— Ты, Ехвнмъ?

— Я... отворь.

Дверь отворилась, и вмѣстѣ съ клубами холоднаго воздуха вошелъ плечистый, съ ухватками лѣсного медвѣдя, парень съ голымъ, безбородымъ, безусымъ лицомъ. За нимъ, толпясь, стали пробираться другіе, заюливая маленькій чуланчикъ.

— Во народу привалило.

Хозяинъ крикнулъ.

— Э-эххъ!.. а у меня дѣла, — п почесаль въ затылкѣ.

— Что?

— Жана родить.

— Ну-у?.. что такъ рано?

— Да рано... такъ мекаль двѣ недѣли «ще», а она во, не спросилась.

Парень тоже снялъ шапку и поскребъ голову.

— Экъ ты!.. куды жа мы теперича?.. народъ... гляди, сколь пѣрли, замучились.

— Чево стали?.. — раздалось изъ заднихъ рядовъ, толпившихся передъ дверью.

Хозяинъ подумаль.

— Ступайте въ холодную... п радъ бы, сами видите, каки дѣла...

— Ну ничего, не будемъ раздѣваться, міромъ дыхать станемъ, обогрѣемъ... чайничекъ поставить можно?

— Чайникъ можно, все одно бабѣ воду буду грѣть.

Всѣ повалили изъ чуланчика въ холодную половину шоссейной казармы.

Дыханіе тонкимъ паромъ пошло въ воздухъ и

играло радужнымъ ореоломъ вокругъ принесенной лампочки.

Въ углу навалены лопаты, кирки, топоры, массивные ломы, опрокинута нѣсколько тачекъ. Принесли доски, положивши концами на обрубки, и стали располагаться усталые, мокрые и довольные, что добрались.

— Сказывалъ до царства небеснаго долѣземъ, вотъ и долѣзли

Когда вскипѣлъ чайникъ, и всѣ, взявъ по крохотному кусочку сахара, вооружились, кто потускнѣвшимъ отъ времени стаканомъ, кто такимъ же почернѣлымъ блюдцемъ, кружкой, а то и поржавѣвшимъ жестянымъ черпакомъ отъ воды, стали дуть на дымящійся кипятокъ, прихлебывая и обжигаясь, въ угрюмомъ, холодномъ и молчаливомъ до того помѣщеніи совсѣмъ повеселѣло.

— Стало быть, зять письмо получилъ отъ своего брата съ войны. Пишетъ, такъ что самъ видаль: въ отдѣльномъ поѣздѣ везутъ нашего генерала въ Питербурхъ, и онъ прикованный цѣпями въ вагонѣ, и рука прикована такъ вотъ, какъ присягѣ когда приводятъ, — сказачикъ поднялъ правую руку, сложилъ два пальца и среди молчанія подержалъ нѣкоторое время, — а возлѣ, стало, него куча золота, стало быть, японскія деньги. Ей Богу, не вру.

— Накрыли?

— Знамо дѣло!.. Тратить негдѣ — одни деньги... самъ сидитъ по колѣно въ золотѣ, а рука прикована, какъ на присягѣ...

— Оххо... ооох... ооо... Царица Небесная... Матушка!.. — глухо и скорбно проникало изъ-за стѣны.

— Вотъ и хорошо, пару, другую генераловъ нашихъ покупать, намъ прибыль.

— Въ Россіи подати перестанутъ брать.

— Намъ меньше отседа высылатъ придется домой

— Здорово!

— Держи карманъ ширьше. Тоже да дураковъ нашл, Она, сказываютъ, Японія косоглазая, сколько милліёновъ тыщъ ужъ съ насъ взяла. Начальство-то наше, сказываютъ, скоро въ лаптяхъ пойдетъ.

— Какъ нашъ братъ, мужикъ.

— Не назначишь, чи генераль, чи мужикъ.

— Ванька, кабы не прошиблись, тебя за генерала не обознались.

Ванька, распаренный, красный, съ капельками на рѣспинцахъ, на носу, выкативъ глаза и сложивъ трубой губы, съ шумомъ втянулъ воздухъ, и дымившійся кипятокъ разомъ исчезъ съ блюда, стоявшаго передъ губами на трехъ пальцахъ. Онъ перевернулъ блюдо, положилъ крохотный огрызокъ сахара, размашисто покрестился и, обернувшись, бросилъ крѣпкое заборное слово.

Всѣ засмѣялись.

— По-енеральски.

— Чисто генераль, и спереду и сзадю.

Тѣ, кто заморилъ червяка, сплеснувъ, передавали посудину и огрызокъ сахара дальше. Было челоуѣкъ тридцать — каменьщики, плотники, ремесленники, нѣсколько челоуѣкъ изъ мѣстнаго завода, сторожа шоссейныхъ казармъ, чернорабочіе.

Ремесленники и заводскіе, щуплые и мелкіе ростомъ, бойкіе, подвижные въ сапогахъ дудкой, говорили бойко, много, скоро, вставляя „ералашъ“, „безобразіе“, „ерунда“. Чернорабочіе и шоссейные — кряжистые, неуклюжіе, въ лаптяхъ, малорѣчивые, съ деревенскими оборотами, навивные своей нетронутой силой.

Маленькій челоуѣчекъ, подмастерье изъ портняжьей мастерской съ тонкими, слабыми отъ постояннаго сидѣнья поджавшись на верстакъ, ногами и, какъ писанка, пестрымъ веснушчатымъ лицомъ залѣзъ на

опрокинутую тачку и тонкимъ голосомъ торопливо про-
гривалъ:

— Товарищи!.. вотъ мы собрались... братцы!.. потому жизнь рабочаго человѣка... такъ сказать, трудящагося люду... потому что, что мы видимъ?.. экономическое производство капитализма производитъ буржуазію и кризисы, а буржуазія и общественный строй—сила, захочетъ—купить, захочетъ—продать, захочетъ—домъ выстроить... а куда нашему брату, пролетарію... потому собственно одна голая эксплуатація... хозяинъ, который на готовыхъ хлѣбахъ, спитъ себѣ съ женой или брандахлыстаетъ по театрамъ да по трактирамъ, а между прочимъ рабочій человѣкъ когда отдыхаетъ? когда свое семейство видитъ? какія радости видитъ?.. Товарищи, въ виду всего этого... единственная возможность... потому вспомните вѣникъ: раздергай и весь по прутіку ломай, а свяжи, попробуй-ка переломить!

Онъ отеръ зажатые въ рукѣ въ комокъ платочкомъ выступившій отъ горячаго чая и внутренняго напряженія потъ на лицѣ и лбу, радостно взглянулъ на всѣхъ, хлебнулъ воздуха и, прислушиваясь къ важнымъ и торжественнымъ мыслямъ въ головѣ и ища для нихъ и не находя старыхъ и не справляясь съ новыми словами, онъ началъ снова высокимъ фальцетомъ:

— Братцы, счастье наше въ нашихъ рукахъ!.. оглянитесь, сколько насъ голодныхъ... и все это — эксплуатація и все это — народъ... пролетарій... вѣдь ежели всѣ да встанутъ... всѣ до одинаго человѣка, что будетъ?.. товарищи, крикните же ура: пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!..

Точно радостное похмѣлье разливалось по всему его тщедушному тѣлу, пробиваясь на блѣдныхъ щекахъ непривычнымъ румянцемъ. Всѣ эти новыя понятія, новыя слова, „буржуазія“ вмѣсто „хозяинъ“, „эксплуатація“ вмѣсто „кровь нашу пьютъ“, „пролетаріи всѣхъ

странъ, соединяйтесь“ вмѣсто „ребята, не выдавай“ — ворвались въ его сѣрую замкнутую жизнь, жизнь изо дня въ день, которую онъ проводилъ, поджавъ ноги, на верстакѣ, ворвались чѣмъ-то праздничнымъ, яркимъ, сверкающимъ и огромнымъ. И хотя эта сѣрая скучная жизнь все также сѣро, монотонно тянулась, надъ ней, какъ утреннее солнце, стояла, заслоняя жестокою, немолимую дѣйствительность, каторжный трудъ, стояла радость ожиданія огромнаго, всеобъемлющаго счастья грядущаго освобожденія.

Въ молчаніи и неподвижной тишинѣ слушали тяжело и трудно этого маленькаго человѣка съ вострепымъ носомъ и тонкимъ голосомъ

Бородатая, обвѣтренная, изборозженная лица были неподвижны, и было на нихъ что-то свое давнишнее и старое, не пускавшее въ глубину сознанія эти новыя, страшныя и въ тоже время близкія въ своей новизнѣ и непонятности слова и мысли. Молодые, безусые, какъ соколы, приготовившіеся летѣть, не спуская глазъ, съ напряженнымъ ожиданіемъ глядѣли на говорившаго товарища. Нѣкоторые изъ нихъ прошли уже школу извѣстнаго политическаго воспитанія, и эти чуждыя массѣ слова, обороты и термны соединялись болѣе или менѣе ясно съ опредѣленными понятіями, по каждый разъ все же звучали ново и призывающе на что-то сильное, большое и захватывающее.

Хозяинъ то входилъ, то выходилъ и теперь стоялъ опершись о притолку, точно подпирая стѣну, нагнувъ голову и глядя исподлобья. И все та же одна, не сходящая съ лица дума, лежала на немъ.

Кто-то кашлянулъ. Переглядывались, ожидая, что еще будетъ. Все свое тощенько и заунывно тянула лампочка.

Съ впалой грудью, съ втянутыми щеками и длинными морщинами на лбу вышелъ слесарь. Опъ былъ

не старъ, а пальто и сапоги были стары, потерты и рыжи. Онъ постоялъ, разставивъ ноги, сутулый, шевеля черными отъ масла и желѣза пальцами, и вдругъ густой, какого не ожидали отъ него, съ хрипотою голосъ наполнилъ казарму:

— Все на свѣтъ мѣняется, одно, товарищи, не перемѣняется — рабочій людъ, — какъ былъ, такъ и есть голъ, какъ соколъ, ни кола, ни двора, одинъ хребеть, да руки мозолистая.

— Правильно, — сдержанно и угрюмо отозвались голоса.

— ...о-о-хх...ох-ох...ооохх... Мать Божія... — тускло и слабо, все же пытаясь напомнить о себѣ, проникало сквозь стѣну.

— Была прежде барщина, теперъ барщины нѣту, ну что жъ, легче стало народу? какъ не такъ! все одно гни спину по четырнадцати часовъ въ сутки, да виляй хвостомъ передъ хозяиномъ.

— Куды-ны... легче! кабы не такъ... по міру идетъ народъ...

— Край приходитъ, рази жизнь?... могила...

И въ пустомъ, съ холодными стѣнами, помѣщеніи шевельнулось что-то живое, безпокойное понятное и близкое всѣмъ.

— Такъ вотъ, братцы, рѣчь о томъ, чтобъ помочь рабочему люду. Кто жъ ему поможетъ? не хозяева ли да подрядчики?

— Помогутъ! подставляй шею...

— Жмутъ они насъ, ажъ сокъ изъ насъ бѣгитъ...

— Ну попы, можетъ?

— Тоже... имъ что! отзвонилъ да съ колокольни долой...

— Ему хабаровъ набрать, больше ему ничего не надогъ...

— Карманы у нихъ, что твоя мотня мотаются...

— Ну такъ полиція, можетъ?..

— Гляди, эта заразь поможетъ... Вотъ братъ второй мѣсяцъ въ больницѣ.

— Что?

— Да помогли... съ подрядчикомъ зарезонился, не доплатилъ, вишь, ну въ участокъ... теперь ребра заращиваютъ доктора...

— Такъ вотъ, братцы, куда же дѣваться? на кого понадѣяться?

— На гробъ надѣйся, больше ничего.

— Въ могилу закопаютъ, вотъ и покой... тогда всѣ хозяева добрые стануть.

И точно вѣтеръ тронулъ, закачалось, заговорило поверхъ лѣса, подержался надъ толпой говоръ угрозы и насмѣшекъ. Но и этотъ говоръ какъ бы говорилъ: знаемъ мы это... давно знаемъ.

— Э-эхххъ ввы!... — тяжелымъ комомъ кинулъ слесарь,—овечье стадо... козлы отпущенія... васъ гши, вы кланяться будете да благодарить...

— Не лайся... что лаешься!...

— Самъ—изъ козлова царства...

— Да што, неправда что ли?—выкрикнулъ, раздувъ поздри, блестя раскосыми глазами, мастеровой въ сапогахъ дудкой и съ вытянутой, какъ у зашипѣвшаго гусака, шей,—вонъ у насъ сорокъ день стачка была... съ голоду пухли... жена въ ногахъ валнется: „брось“... у ребятъ голова не держится, въ повалку лежать... руку бы свою вырвалъ, сварилъ... вотъ... а добилъсь своего, а то моги-ыла!..

— Тебѣ хорошо... вишь салоги—гармонія... продашь—восемь цѣлковыхъ, мѣсяцъ и сытъ, а на насъ лапти,—угрюмо протянулъ грязную, обвитую веревкой по онучамъ, ногу шоссейный.

— Не украль... слава те Господи, не доводилось еще... я, братъ, ихъ заработалъ... во сокомъ...

— Стой, ребята, помолчите...

— Товарищи, не объ этомъ рѣчь...

— Это все одно, какъ у насъ въ Шанафидинѣ... приходить единожды пономарь...

— Помолчите...

— Братцы... вѣдь всѣ мы пролетаріи,—остро выдѣляясь изъ всѣхъ голосовъ, зазвенѣлъ тонкій голосъ,— всѣ пролетаріи, а пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!...

И онъ оглядывался, ловя блестящими, остро сверкающими глазами глаза товарищей.

— Я и говорю, — вдругъ снова покрылъ всѣхъ густой голосъ, и всѣ голоса смолкли,—я и говорю, овца, когда съ нея шкуру дерутъ, только мемекаетъ, а мы—люди. Ежели будемъ по-овечьи, такъ и дѣти, и внуки и правнуки наши... Поэтому надо дружно стать всѣмъ да не въ розницу...

Онъ съ минуту молча оглядѣлъ всѣхъ. Всѣ слушали и глядѣли на него.

— Матери вашей кила!..—вдругъ неистово заоралъ слесарь,—да вѣдь понимать надо, за что стоять, чего нужно добиваться, въ чемъ спасеніе рабочаго люду.. Бурдюги проклятые!.. вотъ, какъ собаки, пѣрли сюда по ночамъ... темъ, того и гляди голову сломншь, а почему?.. что жъ намъ о своихъ дѣлахъ поговорить нельзя?... какъ воры... да вѣдь люди мы!... а соберись, заразъ за шиворотъ... бѣдность заѣла, хозяева давятъ, а намъ нельзя собраться, поговорить, обстроить свою судьбу, насъ таскаютъ, избиваютъ по участкамъ, гноятъ въ тюрьмахъ, гонятъ въ Сибирь... А отъ кого это все?.. ну.. понимаете вы.. чего нужно рабочему люду?..

Тяжело злыми глазами обвелъ онъ всѣхъ, торопливо шевеля черными отъ масла и опилокъ пальцами И среди выжидающаго молчанія раздался голосъ:

Землицы — бы...

Въ ту же секунду дрогнули самыя стѣны.

— Земли... земли!

— Надѣлы нарѣзать...

— ...потому земля..

...кормилница...

— ...безъ нея матушкин...

— ...куды мы безъ земли... бездомники...

— ...родство, его и не видишь, такъ и бродишь, какъ Кантъ, по чужой сторонѣ...

Красныя, мгновенно вспотѣвшія лица со сверкающими глазами помпупотно оборачивались другъ къ другу, гнѣвно ловя несогласно мыслящихъ, тянулись руки, сжимались кулаки, дергали другъ друга за плечи. Не помѣщаясь въ тѣсной и низкой казармѣ, стоялъ ни на минуту не ослабѣвающій гулъ разорванныхъ голосовъ, въ которомъ совершенно тонули пробивавшіеся изъ-за стѣны стоны. Точно всплывая въ водоворотѣ, оторванно выдѣлялось:

— Да ты трескать будешь ее, землю-то?

— Пановъ покрываете...

— Голыми руками...

— Все одно и съ землей сожретъ баринъ да начальство...

— ...она матушка все сдѣлаетъ, все произведетъ... всѣмъ хорошо будетъ...

— Вошь земляная... гнида!..

— Да ты, сволочь, старуху обобралъ, съ которой живешь... всѣ знаютъ...

— Брешешь!..

— Помолчите!..

— А вошь у насъ какъ по восьминикѣ на душу...

— Товарищи!..

— Братцы пролетаріи!..

Хозяинъ, опершись одной рукой о косякъ, другой колотилъ себя по ситцевой рубахѣ на груди:

— Десять годовъ... вѣ... какъ дикой... сладко штоль...
Понемногу гомогъ затихалъ, и стало слышно:

— .. о-о-о... охо-о-оохх...

— Десять годовъ бьюсь... зимою вѣ.. сиѣгомъ зане-
сетъ подъ крышу, голоса человѣческаго не слышать,
такъ и сидишь .. а все зачѣмъ? все объ одномъ: вотъ,
вотъ сколошишься, соберешь... сколько дѣтей, кажнаго
знаешь, такъ копейку, ее кажную знаешь, кажную
помнишь... съ потомъ, съ кровію, съ мясомъ... а все за-
чѣмъ?... все объ одномъ... день и ночь... хошь бы четыре
десятинки... въ вѣчность... земля-то у насъ, Господи,
Боже ты мой!..

Онъ съ страстью, съ разгорѣвшимся глазами бро-
саль кому-то путанныя, неясныя, но полныя для него
всеохватывающаго, всеобъемлющаго значенія слова. Де-
сять лѣтъ гнѣздится онъ въ этихъ безлюдныхъ горахъ.
Рожались и умирали дѣти, похоронилъ одну хозяйку,
взялъ новую, сила не та, поясицу ломить, старость
подбирается, а кругомъ все тѣ же молчаливыя горы
такъ же, какъ и въ первый моментъ, равнодушно сто-
ять и не выпускаютъ его, и онъ дробить булыжникъ,
равняетъ для кого-то ненужное ему шоссе и не знаетъ,
когда придетъ его чередъ крестьянствовать.

Дикіе, обезумѣвшіе животные крики ворвались, опро-
кинувъ здоровые мужичьи голоса, изъ-за стѣны. Хо-
зяинъ кинулся въ двери.

Среди разбившагося неровнаго гула голосовъ вы-
росталъ хриплый голосъ слесаря. Онъ со злобой бро-
саль ядовитыя, язвительныя слова, вставляя неписа-
ныя выраженія.

— Задолбили... кабы можно, всю бы землю забрали,
я бѣ и самъ въ первую голову... да то-то вотъ которые
все земли дожидаются, давно безъ портокъ ходятъ, а
вонъ онъ земли не дожидаетъ, вишь сапоги гармоніей...
потому гужомъ другъ за дружку, а не какъ вы, какъ

баранье стадо, куда васъ гонять, туда и идете все мордой въ землю.. э-эххъ, остолопнѣе!.. вонъ Митричъ десять годовъ изъ казармы не выходитъ, все землю дожидаетъ, тутъ и сдохнетъ, и отецъ его сдохъ пухлый съ голоду, все дожидался... кабы понимали, анафемы!..

Онъ ненавидѣлъ эту толпу, ненавидѣлъ острой жадной ненавистью фанатика. Лѣтъ двѣнадцать скитается онъ изъ города въ городъ, изъ мастерской въ мастерскую, съ завода на заводъ, перебиваясь и голодая съ семьей и всегда пользуясь вниманіемъ полиціи. И каждый разъ, когда, высланный, онъ снова пристраивался и попадалъ въ рабочую толпу, его опять схватывала ненависть, ѣдкая, жгучая ненависть къ этому непроходимому, самопожирющему непониманію и темнотѣ. И его агитація состояла въ томъ, что онъ жгуче, отборно клеймилъ своихъ слушателей. Иногда подымался протестъ, но большей частью покорно сносили брань и уходили со сходки, унося конфузливо въ душѣ зерно протыпающагося сознанія.

И теперь угрюмо и молча слушали этого лохматого, чернаго человѣка, такого же закорузлага, мозолстаго, покрытаго морщинами трудовой жизни, какъ и они сами. И если они не отказались отъ того, что было такъ же неизбежно и неуничтожимо для нихъ, какъ жизнь и смерть, то впервые за всю жизнь въ цѣльномъ, нетронутомъ, какъ гранитъ, представленіи „землица“ что-то надтреснуло тошкой, невидимой, недоступной глазу трещиной.

— Зачѣмъ мы тутъ!.. на кой дьяволъ возмисъ съ вами... да пухните себѣ, оголтѣлые черти, пухните съ голоду, и чтобъ васъ били до второго пришествія въ морду, въ брюхо, въ шею... чтобъ васъ запрягали въ дроги и ѣздили на васъ безперечь полиція, паны и всѣ псы ихъ дворовые... чтобъ васъ на веревкѣ водили за шею, какъ рабочую скотину... чтобъ...

- Тю скаженный!..
- На свою голову...
- Чтобъ ты слохла!..

Огонекъ лампочки поблѣлъ, и въ углахъ уже не лежала тьма. Все выступало безъ красокъ, сѣрое, но отчетливое. Прильнувъ къ стекламъ, пристально глядѣло въ окно мутно-матовое, все больше и больше свѣтлѣвшее. Изъ-за стѣны не доносилось ни звука.

- Теперича бы выспаться.
- Выспися... цѣльное воскресенье.
- Стало, какъ въ Швейцарскомъ королевствѣ. Тамъ,

братцы, народъ предѣляетъ. Скажемъ...

Дверь распахнулась, показался хозяинъ съ засученными рукавами. На перекошенномъ лицѣ дергалась улыбка, прыгала борода:

- Богъ сына далъ.
- А-аа!..
- Вотъ это хорошо: работничекъ въ домъ.
- Дай, Господи...

— Поздравляемъ... дай, Господи, благополучія... и чтобъ выросъ, и чтобъ не по нашему, а зычно да гордо: сторонись, богачи!..

И въ казармѣ постояло что-то свое собственное, независимое, и всѣмъ почудилось, точно теплый маленький комочекъ коснулся сердца.

III.

Когда вывалили изъ казармы, совсѣмъ разсвѣло. неподвижно и важно стояли сосны. Блѣлъ снѣгъ.

Отъ самыхъ ногъ необозримо тянулась блѣсо-молочная равнина тумана, изрытая, глубоко и мрачно злѣвшая черными провалами. Не было видно ни города, ни долинъ, ни лѣсистыхъ склоновъ, ни синѣющей дали, только холодно и сурово зыбилась сѣрая пелена, без

конечно клубясь и волнуясь. Стояла, точно отъ сотворенія міра, ненарушимая тишина, и человѣческіе голоса одиноко, слабо и затерянно тонули въ ней...

— Какъ же спустаться будемъ: ничего не видать внизу?

— А ты не спускайся.

— Не жрамши?

— „Ге-эй, га-алочки чу-у-ба-рочки“...

— Вотъ, братцы, семь годовъ въ городѣ живу, никогда не видалъ этого. . равнина, а?.. будто въ церкви, и будто кадила, и дымъ плаваетъ, а?.. семь годовъ...

— Когда бъ могла поднять ты рыло...

— Ванька подари сапоги... ахъ, сапоги!

— Рыломъ не вышель... и въ лаптяхъ хорошъ...

— „Вставай, по-ды-ма-а-айся, ру-усскій наррродъ!“...

— ...„народъ... роодъ... ооодъ“...

— „Встава-ай на вра-га, бра-ать го-ло-од-ны-ый!“... дружно подхватили молодые голоса, и надъ все также чуждо, сурово и равнодушно волнующейся равниной поплыло, теряясь умирающими отголосками:

— „...а-а-аать оооо-оодны-ы...“

— Товарищи, кабы да отсюда да гаркнуть всему рабочему люду, да такъ, чтобъ по всему міру слышать было: пролетаріи всѣхъ стра-анъ, со-едн-няйтесь!..

— ...„аааа... аа... аай...“

Когда спустились въ полосу тумана, за сапоги снова стала хватать тяжелая липкая грязь, каждый видѣлъ въ молочно-мутной мглѣ только спину идущаго впереди товарища, и отовсюду беззвучно капали съ невидимыхъ вѣтвей холодныя капли.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ.

ПОХОРОННЫЙ МАРШЪ.

I.

Они шли среди огромного города густыми чернѣющими рядами, и красныя знамена тяжело взмывали надъ ними, красныя отъ крови борцовъ, щедро омочившихъ ихъ до самаго древка.

Они шли между фасадами гигантскихъ домовъ, испещренныхъ лѣпными орнаментами, статуями, мозаикой, живописью, равнодушно и холодно глядѣвшихъ на нихъ блескомъ зеркальныхъ оконъ. Городъ шумѣлъ обычной неизмѣняемой жизнью. И среди каменныхъ громадъ, среди заботливо-равнодушно торопящейся по тротуарамъ публики надъ ихъ безчисленными рядами, какъ тысячеголосое эхо, носилось:

— Да здравствуетъ свобода!.. да здравствуетъ рабочій народъ!..

И гордо и чуждо неслись эти клики.

Гордо неслись надъ черными рядами, безконечно терявшимися въ изломахъ улицъ.

Чуждо звучали среди каменныхъ громадъ, среди роскоши зеркальныхъ витринъ.

Съ веселыми безусыми лицами шли молодые.

Сурово сосредоточенно шли старики, быть можетъ, все еще борясь съ таившейся въ глубинѣ души привычкой рабства, съ темной боязнью новизны впечатлѣ-

ній, все опрокинувшихъ. И съ испуганнымъ изумленіемъ оглядывались они на руины вчерашняго дня.

Мелькали черныя козырьки, сапоги бутылкой, пиджаки, черныя пальто. Носились шутки и остроты, вмѣстѣ съ толпой плылъ говоръ, гомонъ, и, мѣстами покрывая, веселыми взрывами вырывался смѣхъ.

— Товарищи, держите равненіе!..

— Да все Ванька выпираетъ...

— Вишь у него брюхо колесомъ, и забастовка его не беретъ...

— Съ запасомъ, стало...

— Да-а... приходимъ, сейчасъ дежурный: что угодно? Такъ и такъ депутація отъ рабочихъ. Ждемъ. Выходитъ генералъ. Ну мы скинули шапки...

— А вы бы и штаны скинули..

— Ласковѣ бы сталъ...

— Къ ногѣ даль бы приложиться...

Разказчикъ конфузливо-сердито замолкаетъ, и по рядамъ густо несется добродушно-ироническій смѣхъ.

Весело, беззаботно идетъ толпа, какъ будто эти чистыя, прямыя, широкія улицы, эти фасады, испещренные лѣпными украшениями, какъ разъ были предназначены для нихъ, случайныхъ здѣсь гостей, для этихъ черныхъ рядовъ, развертывающихъ почуявшую себя силу.

И ряды проходятъ за рядами, и реютъ знамена, и плыветъ:

— „Намъ не-ну-ужны гла-ты-ы-е ку-у-ми-и-и-ры“...— и разрастается, захватываетъ, и, густо дрожа, заполняетъ улицы, площади, овладѣваетъ городомъ, подавляя на минуту его безпокойно-крикливую жизнь, разрастается въ нѣчто могучее, могучее не своей наивной неуклюжестью поэтической формы, а всколыхнувшимся чувствомъ глубоко въволновааннаго моря, почуявшаго

человѣческое. И въ этомъ густомъ, все заполняющемъ гулѣ шаговъ слышалась гордая сила, познавшая свободу.

II.

— Товарищи!

Его высоко поднимали надъ чернѣющимъ моремъ головъ, и далеко былъ видѣнъ онъ, и голосъ его звучалъ отчетливо и ясно.

Передніе ряды задерживались, задніе подходили, становились все гуще, и текучая людская рѣка оставливалась, какъ въ молчаніи останавливаются шумныя воды, прегражденные въ руслѣ своемъ.

Звукъ шаговъ замеръ и только глухо и мощно доносился изъ дальнихъ улицъ.

— Товарищи!.. даже окинуть я не могу вашихъ рядовъ, но...—онъ поднялъ руку, и голосъ его скрѣпчалъ,—не въ численности наша сила. Вотъ мы идемъ, идемъ безоружные, съ голыми руками, руками, на которыхъ только мозоли. Передъ физической силой мы—слабѣ ребенка. Десятки вооруженныхъ людей могутъ затопить нашей кровью улицы. Почему же враги въ злбномъ ужасѣ озираются на насъ?

Онъ пріостановился. И стояло великое молчаніе. И онъ окинулъ неподвижное чернѣющее море и прислушался къ далекому мощному гулу еще идущихъ.

— Не руки наши страшны врагамъ, страшны сердца, страшно наше прозрѣніе, страшны горячія сердца, бьющіяся неутолимой жаждой свободы. Какъ черная зіяющая бездна, раскрылось наше сознаніе, и мы увидѣли наше глубокое рабство, и мы увидѣли нашихъ порабитителей. И, собравшись, мы стали на одномъ краю бездны, а наши порабитители—на другомъ, и поняли мы—нѣтъ намъ примиренія. И поняли они—нѣтъ имъ примиренія. И въ этомъ ужасѣ нашихъ враговъ!..

И онъ говорилъ имъ о вѣчной борьбѣ поработителей и поработенныхъ, говорилъ о желѣзаномъ ходѣ исторической жизни, который неумолимо сотретъ главу змія власти человѣка надъ человѣкомъ, говорилъ о вещахъ, которыя они тысячи разъ слышали, знали наизусть, сами могли говорить, и все-таки жадно, не отрываясь, ловили его слова, ловили много разъ слышанное, ибо оно не утрачивалось для нихъ дѣйственной прелести новизны. Какъ любовь для юноши, старое для человѣчества было вѣчно ново для человѣка.

И снова течетъ черная рѣка между неподвижными громадами, и яркими пятнами краснѣютъ знамена, и слышится говоръ, гомонъ и смѣхъ, и мѣшаясь съ непрерывнымъ гуломъ шаговъ, торжественно плыветъ:

— „На-амъ не-ну-ужны-ы зла-ты-ы-е ку-уми-и-и-ры“...

А изъ дальнихъ улицъ все выходятъ и выходятъ безконечные ряды.

Далеко въ дымкѣ теряющейся улицы смутно засѣрѣло, какъ сѣрветъ печальная отмель въ пустынномъ морѣ, плоская и безликая, печальная отмель, надъ которой носятся бѣлыя чайки. Всѣ подняли головы, раздулись поздри, собрались складки между бровями.

III.

— А-а!..

— Гдѣ?..

— Вонъ...

— Какіе?..

— Не видишь...

— Это—не они...

Какъ тревожные ночные звуки, срывалось тутъ и тамъ и, передаваясь трепетомъ неопредѣлившагося безпокойства, бѣжало по рядамъ.

А сѣрая отмель выросла и изъ печальной и скучной становилась грозной. И ясно стало, это—люди, сѣ-

рые, одинаковые. Солнце играло на остріяхъ оружія. И было у нихъ одно лицо, неподвижное и нѣмое, какъ каменное лицо валуна среди мшистыхъ скалъ, отъ вѣка нагроможденныхъ. И тусклые глаза мутно глядѣли на приближавшихся.

А тѣ шли тѣсно, взявшись за руки, и надъ чернотой безконечныхъ рядовъ кроваво рѣяли знамена, и стояль все тотъ же густой, непреградимый, упорный, все заполняющій гулъ шаговъ.

IV.

Офицеръ полуобернулся къ солдатамъ и сказалъ слова команды.

Горнисть поднялъ рожокъ, раздвинулъ усы, приставилъ къ губамъ, надулъ щеки. И разомъ вся огромность, все значеніе больно сверкавшихъ штыковъ, черно вѣвшихъ пулеметовъ перешло къ одному человѣку въ сѣрой шинели.

И словно испытывая всю мощь и весь ужасъ, который сосредоточился въ немъ, онъ оторванно бросилъ этимъ тысячамъ, этимъ тысячамъ жизней три короткихъ звука.

Дружно блеснувъ, покачнулись штыки, и сотни ихъ послушно легли на руку, остро протянувшись къ надвигавшемуся живому морю и безмолвно глядя чернѣющими дулами. Передняя шеренга сѣрыхъ людей опустилась на колѣно, и пулеметы жадно глядѣли на неумолимо приближавшіяся живыя тѣла.

Смолкъ говоръ, потухъ смѣхъ. Настала звенящая тишина и все больше заполнялась звукомъ шаговъ. И этотъ нарастающій гулъ шаговъ наполнилъ мертвое молчаніе, и плылъ надъ улицами, площадями, и царилъ надъ примолкшимъ городомъ.

Разрушая напряженіе, надъ тысячами обреченныхъ тысячами молодыхъ и старыхъ голосовъ могуче зазвучалъ похоронный маршъ:

— „Мы же-ер-тво-ю па-а-ли борь-бы-ы ро-ко-вой“...

Какъ прощаніе восходило къ блѣдному небу, къ кровавому солнцу, къ каменному городу, затаившему шумное дыханіе, и народъ, толпившійся по переулкамъ, тянувшійся вдоль улицъ народъ снималъ шапки имъ, идущимъ.

— ...„лю-бви без-за-вѣт-ной къ на-ро-о-о-ду“...

Какъ густо колеблющійся погребальный звонъ, плыло надъ тысячами:

— ...„мы от-да-ли все, что мо-гли за не-го“...

И глаза ихъ сверкали, и блѣдныя лица свѣтились вдохновеннымъ призывомъ, ибо были они обречены.

Розовато дымящійся туманъ окрашивалъ солнце, дома, лица, и острой волной набѣгалъ кровавый запахъ, и чувствовался на языкѣ приторно знакомый привкусъ.

Пространство между надвигающимся погребальнымъ шествіемъ и сѣрыми шинелями, страшное пустотой смерти, таяло, какъ догорающая жизнь.

— ...„но гроз-ны-я бук-вы дав-но на стѣ-нахъ чер-тить ру-ка ог-не-ва-я!“...

Тысячи людей шли, тысячи людскихъ голосовъ звучали погребальной пѣснью, торжествующей пѣснью смерти, и на лицахъ и на бѣлыхъ стѣнахъ домовъ траурно рѣяли черныя тѣни знаменъ.

V.

Офицеръ, съ бережно зачесанными кверху усами, холодно мѣрялъ привычнымъ глазомъ неумолимо сокращающееся разстояніе, блеснулъ, поднявъ руку, саблей, и губы шевельнулись, произнеся послѣднее слово команды

Страшныя секунды ожиданія покрылись:

— ...„про-щайте-же бра-атья!“..

И въ то же мгновеніе исчезло пространство смерти, ватопленное безчисленными черными рядами. Какъ

сверкнувшая вода, блеснули покорно поникшіе къ землѣ штыки, и солдаты, растерянно и радостно улыбаясь, потонули въ человѣческомъ потокѣ, и лица ихъ были блѣдны, и у каждого было свое особое молодое лицо. И растворилась сѣрая преграда въ безконечно чернѣющихъ рядахъ, какъ скатившійся съ кремнистаго берега гранитный валунъ въ набѣгающихъ волнахъ.

Отвернувшись, опустилъ саблю офицеръ, ненужную, холодную. Глупо глядѣли пулеметы.

Десятки тысячъ людей шли, пѣли гимнъ смерти, и торжественно и могуче изъ могильнаго холода и погребальнаго звона выростала яркая, молодая, радостная жизнь, и сверкала на солнцѣ, и играла на лицахъ тысячъ людей, и народъ, густо чернѣвшій вдоль улицъ, несмолкаемо и изступленно привѣтствовалъ ихъ.

Кровавая дымка подобралась и растаяла, исчезъ приторный привкусъ и острый, раздражающій запахъ. Солнце сіяло, и городъ снова зашумѣлъ тысячами задержанныхъ звуковъ.

Л. СУЛЕРЖИЦКИЙ.

ПУТЬ.

20-ое мая 1905. Рязскъ.

Дебаркадеръ съ провожающими друзьями почти скрылся, а я все еще размахиваю шляпой и, хотя уже никто изъ нихъ меня не видитъ, по инерціи стараюсь непринужденно улыбаться.

— Прощайте, милые, дорогіе, хорошіе мои,—шепчу я, глядя на быстро тающее пятно, надъ которымъ мелькаетъ бѣлый платокъ.

Внезапно на концѣ платформы появляется рослый, растрепанный рабочій. Грязнымъ кулакомъ онъ грозитъ въ мою сторону и, пошатываясь на длинныхъ ногахъ, кричить:

— Не махай, не махай!.. Все одно всѣхъ убьютъ.. И тебя убьютъ, всѣхъ убьютъ, будь вы прокляты.

Что-то скребнуло по душѣ, и я по возможности весело крикнулъ ему:

— Оттого и махаю, что убьютъ...

Однако послѣ этого мнѣ уже не хочется больше выглядывать въ окно, ненужная улыбка сходить съ лица, и сразу стало скучно и тяжело.

Почувствовалось настоящее положеніе вещей и то одиночество, въ которомъ всегда оказывается человѣкъ, попадающій въ серьезное положеніе — одиночество, въ которомъ уже никакіе друзья помочь не могутъ.

Передо мною почти мѣсяцъ дороги, а тамъ что-то

непонятное, жуткое, что-то огромное, внушающее, несмотря на свою явную нелѣпость, одновременно и невольный страх и уваженіе. Уваженіе, сходное съ тѣмъ, которое мы испытываемъ передъ пожаромъ, грозой или наводненіемъ.

Война!—Вѣдь это такая же разрушительная, слѣпая въ своей жестокости стихія, какъ и пожаръ или наводненіе, внезапно врывающіеся въ жизнь людей и уносящіе сразу, однимъ дуновеніемъ, все то, что создавалось сотни лѣтъ кропотливымъ трудомъ человѣка.

Война!—И подъ колесами пушекъ, смятые грубымъ солдатскимъ сапогомъ, гибнуть тѣ нѣжные, хрупкіе ростки уваженія къ человѣку, которое съ такимъ трудомъ, цѣной собственной жизни, воспитывали въ человѣчествѣ его лучшіе люди. Человѣкъ теперь мясо для пушекъ. Мясо—и больше ничего.

Тысячи людей одинъ за другимъ бросаютъ свое дѣло и бѣгутъ, бѣгутъ, чтобы убивать и быть убитыми. Бѣгутъ и старые и молодые, забывъ свое человѣческое достоинство, свой разумъ, не спрашивая—зачѣмъ и для кого они это дѣлаютъ.

Изъ оконъ смотрятъ больные, измученные глаза...

Мы встрѣчаемъ уже четвертый поѣздъ съ ранеными. На бѣлыхъ и зеленыхъ вагонахъ нарисованы красные кресты и написано: „для тяжело больныхъ и раненыхъ“, „для легко больныхъ и раненыхъ“.

Черезъ окна видны лежащіе въ одномъ бѣлѣ люди. Загорѣлыя, обросшія бородами лица смотрятъ угрюмо и серьезно. Молодой парень съ забинтованной головой, шей и щекой, съ распухшимъ, перекопаннымъ лицомъ, уныло смотритъ на насъ. Дальше—руки на перевязяхъ, черные, блестящіе костыли, забинтованные ноги.

Въ дверяхъ устало сидитъ сестра милосердія съ за-

сученными рукавами и внимательно приглядывается къ нашему поѣзду.—не попадаетъ ли знакомое лицо?

Офицеры, ѣдущіе съ нашимъ поѣздомъ на Востокъ, стоя на ступенькахъ вагоновъ, сосредоточенно рассматриваютъ раненыхъ.

Оба поѣзда какъ-то подавленно молчатъ. Въ тишинѣ слышно только раздражающее шипѣніе граммофона, поставленнаго въ вагонѣ-столовой для больныхъ. Свистя и захлебываясь, онъ старается изобразить что-то въ родѣ „кэкъ-уока“. Какъ весело, должно быть, слушать его людямъ съ оторванными ногами!

Нашъ поѣздъ трогается, и мы двигаемся, провожаемые долгими, пристальными взглядами больныхъ. Они какъ будто хотятъ сказать намъ:

— Не ѣдите туда,—не надо, тамъ ужасъ...

— Да,—отвѣчаютъ имъ валядами застывшіе на ступенькахъ люди,—ужасъ, но насъ везутъ, и мы ѣдемъ.

И кажется,—еще минута, другая, и то „что-то“, что крѣпкой, глухой стѣной стоитъ между людьми и мѣшаетъ имъ говорить другъ съ другомъ, подъ взглядами этихъ испуганныхъ и изстрадавшихся глазъ растаетъ, какъ дымъ...

Но поѣздъ уже грохочетъ, мчится, гремитъ на стрѣлкахъ, и лица раненыхъ сливаются въ одну сѣрую, дрожащую полосу. Только послѣдній вагонъ на мгновеніе задерживается въ нашихъ глазахъ. Здѣсь прижавшись къ рѣшеткамъ, машутъ намъ руками и улыбаются странно наивныя лица. Невольно хочется отвѣтить имъ тѣмъ же, но тотчасъ же улыбка замираетъ на нашихъ лицахъ...

— Это душевно-больные,—говоритъ кто-то робкимъ, придушеннымъ голосомъ.

22-е мая 1905. Сызрань.

Передъ проходомъ нашего поѣзда было крушеніе, и мы опоздали въ Сызрань на 17 часовъ.

На платформѣ, среди чемодановъ, мѣшковъ и подушекъ, суетились усталые пассажиры. Съ озабоченными лицами они высчитывали версты, часы, путались въ путевожателѣ и время отъ времени въ видѣ утѣшенія приговаривали:

— Вотъ какіе у насъ порядки! Нѣ-ѣ-ѣтъ, далеко намъ до Европы, куда!

Пожилой мужчина въ поддевкѣ, съ дѣвочкой на рукахъ, видимо купецъ, кричалъ трусливымъ голосомъ, тряся бородой:

— Нѣту мѣстовъ въ третьимъ классѣ, сажай во второй, мнѣ какое дѣло? Я вонъ вторья сутки съ семействомъ на тычкѣ ѣду... А деньги плочены... Плочены деньги или нѣтъ?—накинулся онъ внезапно на своего товарища, какъ будто именно онъ не давалъ ему мѣста во второмъ классѣ.

— Обязательно во второй классъ должны посадить, чего тамъ, —неувѣренно отвѣчалъ ему моложавый купчикъ, рассматривая свои калоши,—не иначе.

Безпокойно шелестя резиновымъ пальто, вертлявая дама въ пенсне и жокейскомъ картузѣ рассказывала, отчего бывають крушенія, и, покачивая головой, иронизировала:

— Вотъ посмотрите: назначать слѣдствіе, и, въ концѣ концовъ, откажется, что виноватъ стрѣлочникъ. Стрѣлочникъ виноватъ, и баста!—закончила она, самодовольно оглядывая публику.

Стало невыносимо скучно. Мнѣ показалось, что на этой платформѣ съ запыленными фонарями на сѣрыхъ, столбахъ, среди этихъ мундировъ и ватерпруфовъ, я

былъ уже тысячу разъ. Казалось, что съ этими людьми, такъ охотно повторяющими старья, убогя мысли, я живу цѣлую вѣчность, что весь міръ пусть и некуда уйти отъ этихъ нудныхъ разговоровъ и грязной платформы съ рыжей водокачкой. Мнѣ подумалось, что вѣдь и вся-то русская жизнь такова. Всѣ мы живемъ не у себя дома, а гдѣ-то въ передней, на грязномъ перепутьи, треплемъ чужіе засаленные обрывки мыслей, всегда обиженные, всегда безправные, и хорошо себя чувствуютъ только люди, въ родѣ этого высокаго сутулаго жандарма, деряко-спокойно разсматривающаго публику.

Толстый военный врачъ, вотъ уже третьи сутки высчитывающій, сколько ему придется получить всякихъ поверстныхъ, прогонныхъ, подъемныхъ и т. д., стоитъ теперь передъ чахоточнымъ интендантомъ и, дергая его за пуговицу и бояливо оглядываясь, патетически, съ преувеличеннымъ ехидствомъ шепчетъ, тараща свои бычьи глаза:

— Верста обошлась въ 240,000 рубликовъ чистоганомъ, а на каждомъ шагу крушеніе, а? Развѣ это не мошенники, сукины сыны, а?... Размыло, говорить... Ра-змы-ы-ло?!—дѣлаетъ онъ страшное лицо,—а харчевые, позвольте васъ спросить, кто мнѣ выдастъ за то, что я здѣсь лишнія сутки сижу, а?..

— Что же это вы дѣлаете съ нами?—цѣпляется онъ съ налету за пуговицу проходящаго мимо начальника станціи.—Что же это мы шуточки ѣдемъ шутить, что ли? Мы же, кажется, на Дальній Востокъ ѣдемъ, а?

Начальникъ станціи, весь законченный дымомъ паровозовъ, повелъ большими утомленными глазами:

— Господа, все, что могу, сдѣлаю,—проговорилъ онъ плачущимъ голосомъ,—но ежели графикъ забить поѣздами, то невозможность полная, поймите....—говорилъ онъ, умоляюще прижимая одну руку къ груди, а дру-

гой старался освободить пуговицу. Но докторъ пуговицы не выпускалъ.

— Мы тамъ вашихъ графиковъ не знаемъ,—кипятился онъ,—а вы намъ скажите—прицѣпите вы нашъ вагонъ къ шестому номеру, или нѣтъ?

Начальникъ станціи съ отчаяніемъ махнулъ рукой и бросился куда-то между вагоновъ.

Мобилизованный прапорщикъ, бывший адвокатъ изъ Полтавы, маленькій смѣшливый человекъ, опустилъ руки въ карманы шинели и разставивъ ноги, съ тоненькой сабелькой, безпомощно висящей по самой серединѣ живота, стоялъ передъ фонарнымъ столбомъ съ оторопѣлымъ, изумленнымъ лицомъ.

— Чего онъ кричитъ?—лѣниво повернулся прапорщикъ ко мнѣ, точно разбуженный докторскимъ крикомъ.

— Всѣ торопятся, всѣ чего-съ-то спѣшать, — озадаченно продолжалъ онъ,—шобъ скорѣе имъ поѣздъ былъ, а зачѣмъ скорѣе? Куды мы ѣдемъ, позвольте васъ спросить, зачѣмъ ѣдемъ?—Развѣ я знаю? Ей-Богу, не знаю.... Оттакъ—мобилизовали, то й ѣду.... Га?—посмотрѣлъ онъ на меня вопросительно.

Простоявъ нѣсколько минутъ съ растерянной улыбкой, онъ, наконецъ, пришелъ въ себя и, рѣшительно крикнувъ, бодро сказалъ:

— Ну, пойдѣмъ, выпьемъ, что ли!

Мы пошли.

— Ова! Съ мапдолиною! Ото!—остановился прапорщикъ,—еге-е!—протянулъ онъ съ удовольствіемъ, разглядывая сидящую на чемоданѣ молодую дѣвушку. У ногъ ея лежала мандолина, гитара и еще какіе-то футляры, тоже, какъ видно, съ музыкальными инструментами. Въ небрежно разстегнутомъ пальто, красивыми линиями обрисовывающемъ ея стройную, худенькую фигуру, въ манерѣ носить шляпу, въ томъ, какъ она за-

ложила ногу на ногу—чувствовалась художественная свобода, богема. А какое чудное, дѣтское еще лицо! Свѣтло-сѣрые глаза немножко грустные, напоминающіе собою ласковые, тоскливые англійскіе туманы, съ ребячскимъ любопытствомъ, безъ смущенія, наивно оставались на лицахъ и смотрѣли прямо въ глаза. Вся она, видимо, была поглощена своими наблюденіями. Что-то въ высшей степени довѣрчивое и привлекательное было въ ней, и казалось, что существо это слетѣло сюда откуда-то изъ другого прекраснаго поэтическаго міра, гдѣ все правда и красота.

Рядомъ съ ней стояли два маленькіе, очень похожіе другъ на друга, нѣмца, въ котелкахъ, съ большими мозолистыми руками. Каждый изъ нихъ держалъ на ремнѣ по фоксъ-терьеру. Нѣмцы о чемъ-то вполголоса бесѣдовали, а фоксъ-терьеры на своихъ пружинныхъ лапахъ прыгали и кокетничали другъ съ другомъ. Одинъ изъ нихъ радостно тявкнулъ, неожиданно подпрыгнулъ и перевернулся въ воздухъ вверхъ ногами. Другой, наклонивъ голову на бокъ и приподнявъ уши, внимательно приглядывался къ товарищу съ такимъ лицомъ, какъ будто хотѣлъ сказать:

— Ну и насмѣшилъ же ты меня, братецъ!

Тутъ же, между корзинами, пріютился два еще со всѣмъ маленькіихъ мальчика съ длинными локонами, въ синихъ швейцарскихъ плащахъ. Оба блѣдые, съ худенькими, скучающими личками, они печально глядѣли на рѣзвящихся собакъ, не видя въ нихъ ничего веселаго.

Вскорѣ къ этой группѣ подошелъ розовый нѣмецъ и толстая дама—видимо, его жена. Впереди нѣмца прыгалъ чистокровный бульдогъ; онъ все время забѣгалъ впередъ и, заглядывая восхищенными глазами въ лицо хозяину, громкимъ лаемъ старался привлечь къ себѣ его вниманіе.

Подойдя къ дѣтямъ, нѣмка дернула одного изъ нихъ за капюшонъ, шлепнула другого по рукѣ и сказала нѣсколько короткихъ, но, вѣроятно, сильныхъ словъ нѣмцамъ, такъ какъ они сейчасъ же подобрали собакъ и выпрямились, какъ солдаты. Худенькая дѣвушка вся какъ-то съежилась, а дѣти тѣснѣе прижались другъ къ другу, старательно удерживая слезы, очевидно, не ожидая отъ нихъ ничего хорошаго.

Заинтересованный прапорщикъ очень скоро узналъ отъ нѣмца, что это часть странствующаго цирка, ѣдущаго въ Харбинъ, и что худенькая дѣвушка, миссъ Нелли, бывшая пѣвица Вѣнскаго театра. Оказывается, что она бросила тамъ очень хорошее мѣсто и согласилась ѣхать въ циркъ только изъ-за того, чтобы попасть въ Манчжурію и видѣть войну.

— Что вы хотите!—говорилъ нѣмецъ, пожимая плечомъ,—непремѣнно ей хочется быть на войнѣ. Знаете, молодая дѣвушка, у нея такая фантазій посмотрѣть тамъ рицари, храбри рицари... О! Ничего не подѣлаешь!..

— И что же, надѣетесь вы на хорошіе сборы въ Харбинъ?—спросилъ я нѣмца.

— О, да! Мы уже были тамъ одинъ разъ и, увѣряю васъ, заработали въ десять разъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

— Очень, очень хорошія дѣла дѣлали,—подтвердила съ достоинствомъ директрисса.

Подали поѣздъ. Послѣ обычнаго шума и толкотни, кое-какъ усѣлись. Циркъ ѣхалъ тоже съ этимъ поѣздомъ. Вышло такъ, что миссъ Нелли досталось мѣсто въ купѣ, гдѣ уже сидѣлъ щеголеватый корнетъ и не первой молодости, но еще красивая сестра милосердія, перетянутая въ талии, какъ оса. Вскорѣ оттуда послышался негодующій голосъ сестры, а затѣмъ и писклявый теноръ корнета.

— Кондукторь!—ораль, высунувшись изъ купэ, нафабранный корнетъ,—извольте сію же минуту выселить эту дѣвицу отсюда! Я ѣду по казенной надобности и не желаю себя стѣснять изъ-за всякой дряни.

— Это Богъ знаетъ что такое!—горячилась сестра,—какъ только это позволяютъ! Люди ѣдутъ кровь свою проливать, а имъ не дають покоя разныя лѣвички!... Кто обираетъ нашу несчастную армію, того сюда милости просимъ!...

Миссъ Нелли собирала свои пожитки и горько плакала, подрагивая головой. Прибѣжавшая на шумъ директрисса спрашивала ее по-нѣмецки, что она сдѣлала „этимъ господамъ“. Миссъ Нелли сквозь слезы сказала, что ее спросили, куда она ѣдетъ, и что она, какъ умѣла, объяснила, что ѣдетъ служить въ харбинскомъ циркѣ.

— И больше я ничего имъ не сказала, я не сдѣлала ничего дурного,—все горячѣе плакала миссъ Нелли и, наконецъ, забилась въ истерикѣ.

Толстякъ-нѣмецъ съ перепуганнымъ лицомъ побѣжалъ за водой, а корнетъ, хотя уже нѣсколько сконфуженный поднявшимся скандаломъ, продолжалъ выкрикивать, что онъ „по казенной надобности“. Побагровѣвшая директрисса одной рукой поддерживала миссъ Нелли, а другой размахивала ридикюлемъ передъ лицомъ сестры и задыхаясь кричала:

— Вы не имѣете права обижать честный дѣвушка, она очень хорошій, очень честный дѣвушка, она ничего не сдѣлала, она тоже платиль билетъ, — стыдно такъ дѣлать мадамъ, очень стыдно!..

— А вы не кричите, — пробуетъ протестовать сестра,—а то вѣдь можно и жандарма позвать.

— Да я всегда буду говорить это, — очень, очень стыдно съ вашей стороны.

Кончилось тѣмъ, что маленькіе нѣмцы въ котелкахъ увели потихоньку миссъ Нелли подъ руки на плат-

форму, а вслѣдъ за ними выгрузилась и остальная труппа съ мѣшками, чемоданами, бичами и неунывающими собаками.

24-ое мая 1905. Уфа.

Что дѣлается на станціяхъ, гдѣ собирается иногда по нѣсколько воинскихъ полъ!

Крики, шумъ, толчея....

Всѣ линіи загромождены товарными вагонами, а между ними и въ нихъ толпятся тысячи солдатъ въ бѣлыхъ, грязно-зеленыхъ и желтыхъ рубахахъ.

Съ присвистомъ и гиканьемъ хоръ хохловъ реветъ солдатскую пѣсню:

Вурра, вра, вурра,
За вѣру, за Цара!

Дальше, въ тѣсномъ кружкѣ равнодушныхъ зрителей, подъ сильную гармонику два танцора съ серьезными лицами упрямо бьютъ ногами землю, и издали кажется, что они колотятъ каблуками кого-то лежащаго на землѣ и зрителямъ жаль его, но не хочется вступаться. А рядомъ съ ними другой хоръ сыпетъ дробью отвратительную похабную пѣсню.

Обнявшись по-двое, шатаются, наталкиваясь другъ на друга, мертвецки пьяные солдаты. Съ мутными глазами, безъ поясовъ, въ растерзанныхъ рубахахъ, разстегнутыхъ брюкахъ, безъ шапокъ, они машутъ неповинующимися руками и выкрикиваютъ въ пространство бессмысленныя ругательства. По краснымъ, отупѣвшимъ лицамъ вмѣстѣ съ потомъ размазана пыль; взбитая сотнями ногъ, она густымъ рыжимъ облакомъ стоитъ надъ землей и пачкаетъ полнеба.

Согнанная въ одно тѣсное пространство на узкихъ каменныхъ площадкахъ, эта одурѣвшая толпа бессознательно путается между путями, цѣпляясь сапогами

за желѣзные рельсы, ореть на всѣ лады то пѣсно, то грубыя, ужасныя ругательства, оглушая другъ друга и наполняя воздухъ тяжелымъ запахомъ звѣрища.

А гулко ревущіе паровозы, тяжело пытя, двигаются во всѣ стороны со страшнымъ видомъ упрямыхъ, злыхъ животныхъ, и похоже, что только они одни знаютъ, куда и зачѣмъ они везутъ этихъ безумныхъ людей со здоровымъ тѣломъ и привозятъ ихъ потомъ обратно съ разбитыми черепами, оторванными ногами, изуродованной грудью.

На платформѣ, среди сбившейся въ кучу равнодушной толпы, слышатся дикія вскрикиванія и вой женщинъ. Какой-то сѣрый землистый комокъ, замотанный въ грязные платки и сермягу, цѣпляется старческими, скрюченными пальцами за рослаго малаго въ бѣлой солдатской рубахѣ и уже совершенно осипшимъ голосомъ кричить что-то безсвязное, взвизгиваетъ и опять сипнуть, сколько хватить дыханія.

У солдата красное, потное лицо, онъ выпятилъ грудь и, растерянно поглядывая въ разныя стороны, упрямо, настойчиво повторяетъ:

— ... И не желаю... А я вотъ не желаю оставаться тутъ съ вами... Возьму и уѣду... не желаю...—твердить онъ все настойчивѣе. И каждый разъ двѣ женскія руки, загорѣлыя, сухія, какъ плети, съ новымъ порывомъ отчаянія поднимаются и безсильно падаютъ на его крѣпкія, молодыя плечи.

— ...Не желаю оставаться, — повторяетъ онъ срывающимся голосомъ, но изъ глазъ уже брызнули слезы, лицо какъ-то сразу раскисаетъ, онъ машетъ рукой и беспомощно, жалобно продолжаетъ:

— И не желаю... и уѣду...

Неподалеку стоитъ франтоватый флотскій и, самоуверенно улыбаясь, говоритъ товарищу:

— Вотъ еще деревенщина! И чего, спрашуется, во-

еть, какъ собака? Я какъ уѣзжалъ съ дому, то строго наказалъ своимъ, чтобы этихъ глупостей мнѣ никакихъ не было. И все такъ прилично, хорошо однимъ словомъ. Она себѣ говоритъ:— прощайте, Макаръ Ивановичъ, а я—ей, ну и отлично...

— И я тоже такъ. Ну, къ чему такое? Собралась публика, чисто тѣтры! Потѣха, ей-Богу!—заискивающе поддакиваетъ ему дрожащимъ голосомъ угреватый солдатъ въ желтыхъ сапогахъ и тяжело сопитъ, едва удерживаясь отъ слезъ.

Сигналистъ играетъ на трубѣ „сборъ“.

Мѣдныя, дребезжащія звуки сверлятъ воздухъ, срываются и прыгаютъ одинъ за другимъ въ возбужденную толпу, впиваются, какъ осы, въ утомленный, затуманенный мозгъ и производятъ еще большую сумятицу. По платформѣ бѣгутъ унтера и фельдфебеля и загоняютъ въ красныя ящики солдатъ, которые, продолжая шумѣть, мало-по-малу все-таки сбиваются въ кучи у открытыхъ вагоновъ и, подсаживая другъ друга, срываясь и сквернословя, забираются туда, поощряемые поясами унтеровъ и угрозами фельдфебелей.

Прошли въ пестрыхъ шнурахъ при револьверахъ офицеры, и, немного погодя, поѣздъ сердито рванулъ, загремѣлъ цѣпами и потянулся все дальше и дальше, увозя съ собой эти живыя тѣла, которыя продолжаютъ кричать пьяными голосами, машутъ руками, шумятъ и безпутствуютъ всѣми способами.

Въ послѣднемъ вагонѣ, прижатый къ дверному косяку, солдатъ горько плачетъ и, не умолкая, надсаживаясь изо всей мочи, хрипло кричитъ:

— У-рр-а-а-а! Урр-а-а-а!..

А по пьяному, налившемуся кровью лицу ручьями бѣгутъ изъ выпученныхъ глазъ слезы и падаютъ темными пятнами на сѣрую, запыленную рубаху.

Это „ура“ выходитъ у него такъ, какъ будто

онъ кричить толпѣ: — „спасите, разбой, выручайте, братцы!...“

Но толпа молча стоитъ съ вяло опущенными руками и покорно, тоскливо глядитъ вслѣдъ убѣгающему поѣзду.

Только гдѣ-то далеко слышны еще старушечьи причитанья и вой...

... Свѣтаеть.

Съ темнаго еще неба къ намъ, въ окно, не мигая смотреть крупная, блестящая звѣзда.

Если на ней есть какія-нибудь мало-мальски разумныя существа, то какими жалкими и тупыми созданіями должны представляться имъ люди. Люди, которые, набившись вплотную въ какія-то нелѣпныя коробки, мчатся цѣлыми стадами съ одного конца планеты въ другой за тѣмъ только, чтобы тамъ валяться въ грязи голодать, колотить другъ друга прикладами, истреблять сотни тысячъ себѣ подобныхъ, при помощи всевозможныхъ приспособленій, или, схватившись въ объятія перегрызая другъ другу зубами горло...

А знаетъ ли каждый изъ нихъ, зачѣмъ онъ все это дѣлаеть?

Всѣ они, начиная съ того часа, когда еще дома собирали въ дорогу свои вещи, исполняли цѣлый рядъ приказаній, относящихся большею частью къ сегодняшнему и завтрашнему дню. „Придти туда-то“, „явиться немедленно“, „садиться въ вагонъ“ приказывали имъ разные люди. И они покорно шли, являлись, садились и потомъ, сбитые въ большія смрадные кучи, чужие другъ другу, одинокіе, точно оглушенные громомъ, ѣхали цѣлые мѣсяцы, ни разу не подумавъ о томъ— нужно ли это все каждому изъ нихъ въ отдѣльности, зачѣмъ и для кого они это дѣлають.

Прибавъ въ какую-то совершенно имъ неизвѣстную страну, они располагаются въ сырыхъ землянкахъ, умирають отъ чинги, уредуются на всю жизнь скорбутомъ такъ, какъ не можетъ изуродовать никакой снарядъ, и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день по сигналу они вскакиваютъ, торопливо одѣваются, бѣгутъ и, торопясь выпустить какъ можно больше пуль, стрѣляютъ по какимъ-то едва виднымъ точкамъ, чернѣющимъ далеко на горизонтѣ. Въ это время, вспыхивая желтымъ пламенемъ, со страшнымъ трескомъ, оглушающимъ послѣднее сознание, рвутся надъ головою снаряды, и съ неба сыплются на нихъ куски желѣза, которые убиваютъ, уродуютъ все кругомъ, рвутъ ихъ тѣло на части...

А когда черныя точки приближаются и видно уже, что это идутъ люди и, несмотря на смерть, которая съ каждымъ шагомъ коситъ ихъ все больше и больше, идутъ твердо, рѣшительно, съ упорными, злыми лицами, то становится страшно, и изъ чувства самосохраненія въ этихъ темныхъ душахъ яркимъ пламенемъ загорается животная злоба и жажда убійства. Хочется мстить за разлуку съ семьей, за холодъ, голодъ, за всѣ тѣ страданія и униженія, которыя онъ перенесъ и въ которыхъ, какъ ему кажется, виноваты только эти люди, идущіе на него съ оружіемъ въ рукахъ и явно желающіе его смерти...

Неужели такъ мало ума въ этихъ сотняхъ тысячъ головъ, что они не въ состояніи понять, что если бы сегодня же каждый изъ нихъ сказалъ: „довольно звѣрства, довольно убійствъ, крови, скотской жизни... Некуда и не зачѣмъ ѣхать для того только, чтобы убивать или быть убитыми,“—то сегодня же всѣ эти ужасы прекратились бы, и могла бы начаться та прекрасная, чудная жизнь, которую предсказывали лучшіе люди, и мечты о которой мало-по-малу умп-

рають въ насъ, задушенныя холодомъ, равнодушіемъ, тупой, бессознательной злобой.

Но они этого не скажутъ, не могутъ сказать. Если бы они ѣхали съ сознательной цѣлью убивать врага, защищать свою родину, мстить за что-нибудь, — все могло бы быть иначе, но ихъ везутъ, везутъ, и они покорно ѣдутъ „проливать свою кровь“, какъ выражаются они.

Зачѣмъ проливать кровь?

Зачѣмъ?

Этого никто изъ нихъ не знаетъ.

25-ое мая 1905 г. Златоустъ.

Поѣздъ нашъ не столько идетъ, сколько стоитъ. На остановкахъ мы беремъ пледы и подушки, укладываемся подъ деревьями, спимъ, потомъ передвигаемся въ ушедшую тѣнь, и только когда слышимъ свистокъ кондуктора, понемногу собираемся въ поѣздъ. Если поблизости рѣчка, мы идемъ туда съ полотенцами икупаемся.

А подъ вечеръ, когда спадаетъ жаръ, все населеніе поѣзда высыпаетъ наружу, и начинаются всевозможныя игры.

Съ нашимъ поѣздомъ ѣдетъ человекъ полтора года матросовъ, подъ началомъ молодого мичмана. Сегодня мичманъ, на видъ еще мальчикъ, приказалъ матросамъ играть въ чехарду. Самъ онъ тоже довольно ловко прыгалъ вмѣстѣ съ матросами и совершенно неожиданно предложилъ и намъ принять участіе въ этой игрѣ.

Завязалось знакомство.

Разговаривая, мичманъ усиленно басилъ, отрывисто, точно командовалъ, бросалъ фразы и дергалъ себя за черный пушокъ на верхней губѣ, воображая, что крутить лихой усъ. О матросахъ онъ выражался такъ:

— Мои молодцы.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ знакомства мичманъ шумно ворвался въ нашъ вагонъ и сдавленнымъ басомъ порывисто сказалъ:

— Не пожалуйте ли ко мнѣ чаю выпить? Я былъ бы очень радъ, пожалуйста!

Артиллерійскій капитанъ, я и толстый поручикъ, мои сосѣди по купэ, отправились къ мичману въ гости. Къ намъ присоединилась ѣхавшая изъ Петербурга съ желѣзнодорожныхъ курсовъ барышня и машинистъ, назначенный на Забайкальскую дорогу.

Мичманъ засуетился. Въ крошечномъ купэ было невыносимо душно, потъ лилъ съ насъ градомъ, а тутъ еще вертѣлся, толкая подъ бока и наступая всѣмъ на ноги, гостеприимный мичманъ.

— Садитесь, прошу васъ, вотъ сюда, или нѣтъ — здѣсь вамъ лучше будетъ,—приговаривалъ онъ, запихая насъ во всѣ углы. Но его самого было такъ много вездѣ, что очень долго никому не удавалось усѣсться. Обжегшись нѣсколько разъ кипяткомъ и стукнувшись головой о верхнюю койку такъ, что оттуда дождемъ посыпался сахаръ, мичманъ усѣлся на мою шляпу и успокоился. Началось чаепитіе.

— Мои молодцы—занималъ насъ мичманъ, разливая чай,—побунтовались немного въ Москвѣ; побунтовались, но я ихъ живо прибралъ къ рукамъ... Живо... Теперь укрощены на славу, за это ручаюсь,—басилъ мичманъ, хлоная себя кулакомъ по колѣнкѣ и морща брови.

— Изъ-за чего же это они бунтовались?—спросилъ капитанъ.

— Требовали, видите ли, чтобы я имъ выдалъ на руки харчевья деньги. Я отказалъ, тогда кто-то изъ толпы осмѣлился крикнуть: „такъ что, говорятъ, мы безъ харчевыхъ въ вагоны не сядемъ“. Ну, тутъ, знаете, у меня въ глазахъ помутилось—„а! не сядете?!“ Да какъ

дамъ одному, какъ дамъ другому, — „маршъ по вагонамъ, сволочь вы этакая!“ Такъ что же вы думаете, — еще кто-то напелся, спрашиваетъ:

— Да до какихъ же это поръ насъ бить будутъ?

Я подлетѣлъ туда, да не замѣтилъ, кто крикнулъ, — трахнулъ перваго попавшагося, вынулъ револьверъ и сказалъ, что сейчасъ же стрѣлять буду, если они не сядутъ...

О! Съ тѣхъ поръ они меня боятся, боятся, знаете... и любятъ, добавилъ онъ, помолчавъ.

— Знаете, я думаю начальникъ долженъ такъ себя держать, чтобы его боялись и любили... Правда?—Наивно спросилъ онъ, обращаясь къ капитану.

Было тяжело и неловко. Всѣ молчали и избѣгали встрѣчаться глазами другъ съ другомъ.

— И-да!... Бываютъ случаи, — проговорилъ, наконецъ, вытирая платкомъ лысину, толстый поручикъ, до тла проигравшійся въ Москвѣ и теперь ѣдущій совсѣмъ безъ багажа, — бываютъ...

— Ну, знаете ли, мичманъ, — заговорила наша попутчица, — вы вотъ говорите, что васъ матросы боятся и любятъ, — можетъ быть и боятся, но насчетъ того, что любятъ, думаю совершенно иначе. Это ужъ позвольте усомниться, — проговорила она почти шопотомъ, отодвинувшись въ дальнѣй уголь и глядя оттуда на мичмана широко открытыми, остановившимися глазами.

— Нѣтъ, честное слово, серьезно, очень любятъ, знаете ли, очень, увѣряю васъ, — горячился мичманъ.

— Я вездѣ, гдѣ по пути рѣчка, — торопился онъ высказать свое отношеніе къ матросамъ, — купаю ихъ... И самъ бросаюсь первый. Съ однимъ поспорилъ, знаете, вчера, — оживился мичманъ, — вперегонки... и... перегналъ... да, — басилъ онъ, все постукивая себя большимъ загорѣлымъ кулакомъ по колѣнкѣмъ.

— Рязанцевъ! — вдругъ вскинулся онъ и началь-

нически наморщилъ брови, — прѣсной воды много еще?

— Такъ точно, ваше благородіе,—появился въ дверяхъ стройный матросъ, съ едва замѣтной улыбкой поглядывая на усиленно хмурающагося и глядящаго въ землю мичмана.

— Принеси еще.

— Есть.

Мичманъ опять засуетился и запрыгалъ, устраивая лимонадъ, угощая финиками, конфетами и другими сластями, которыхъ у него оказалось множество. Все это довольно быстро исчезало въ нашихъ желудкахъ; одинъ только механикъ не желалъ ничего. Онъ пришелъ со своей бутылкой рому и не разставался съ ней ни на минуту; выпивая за здоровье каждаго въ отдѣльности, всѣхъ вмѣстѣ, по поводу пріятной встрѣчи, благополучной дороги и т. д., онъ вскорѣ дошелъ до такого состоянія, что, сѣвъ нѣсколько разъ мимо дивана, былъ отправленъ, подъ охраной Рязанцева, въ свое купэ.

Поѣздъ остановился на разъѣздѣ.

— Господа! Плѣнныхъ японцевъ везуть!—крикнулъ кто-то на дворѣ.

Мы всѣ вышли посмотрѣть.

Передъ вагономъ уже собралась большая толпа солдатъ, писарей, рабочихъ.

Большинство японцевъ привѣтливо улыбались и кивали намъ головами.

— А чиво ето въ его така худа рука, не знашь?—спрашивалъ весь въ веснушкахъ курносый солдатъ.

— Не смотри, што худа. Худа, да жиловата!—отвѣчалъ ему мрачный бородачъ изъ запасныхъ.

— Очень просто...

Японецъ, прижавшись лицомъ къ рѣшеткѣ и продѣвъ маленькую темную руку, лепечеть;

— Гвоя Халибинъ ѣхаль, моя Маськува...

Мичманъ, подрагивая ногой, отрубилъ:

— Сволочь! Низшая раса... Мерзавцы... Упрямымъ только и берутъ...

Поѣздъ съ плѣнными тронулся. Одинъ изъ нихъ дружелюбно протянулъ руку стоявшему близъ вагона солдату. Тотъ схватилъ ее и, крѣпко зажавъ въ своей, притянулъ японца къ окну и ткнулъ кулакомъ по рѣшеткѣ на уровнѣ его лица

Толпа загоготала, а японцы неодобрительно закивали головами и, презрительно примуривъ косые глаза, молча поглядывали на русскихъ. И только когда уже вагонъ съ японцами сталъ уходить отъ насъ, изъ глубины его кто-то хорошимъ русскимъ языкомъ сказалъ:

— Оборванцы!

И сколько же презрѣнія было въ этомъ одномъ, спокойномъ брошенномъ словѣ!

— Ну, зачѣмъ ты это сдѣлалъ!—спросилъ я у солдата.

— Такъ что, господинъ баринъ, для шутки ради...

— А какъ у васъ насчетъ отеческаго внушенія?—спрашивалъ мичманъ капитана, вертя въ воздухѣ кулакомъ.

— У насъ совсѣмъ нѣтъ этого, развѣ за очень рѣдкими исключеніями, которыя теперь тоже скоро выведутся.

— Ну, у насъ не выведутся,—самодовольно замѣтилъ мичманъ,—по роду службы, знаете. У насъ это прямо необходимо. Никогда не выведется.

— Ой ли? — переспросилъ капитанъ. — И вамъ, батенька, придется съ этимъ разстаться. Въ особенности,

когда введутъ обращеніе къ низшему чину на „вы“. Тогда уже чувство собственнаго достоинства такъ поднимется у солдата, что кулачная расправа окажется совсѣмъ невозможной.

— То-есть какъ это на „вы“? Вы думаете, капитанъ, что когда-нибудь заставятъ офицера говорить нижнему чину „вы“?

— Конечно! По моему убѣжденію, это должно быть, и рано или поздно, но непременно будетъ.

— Ну... ну... Тогда...—совершенно растерялся мичманъ...—Тогда... въ такое время лучше пусть не будетъ меня на свѣтѣ!...—вдохновенно выпалилъ онъ.

Что дѣлается въ головѣ этого пылкаго мальчика?

А между тѣмъ полтора года жизни зависятъ отъ его каприза, отъ вспышки этого недурного и даже добраго юноши, какимъ я узналъ его изъ болѣе интимной бесѣды.

Но такая путаница, такое полное извращеніе понятій о добрѣ и злѣ прорывалось порой и въ этихъ задушевныхъ разговорахъ, что не разъ я съ нѣкоторымъ страхомъ внимательно присматривался къ этому красивому, привлекательному лицу и думалъ—ужь не душевно-больной ли это?

26-ое мая 1905 г. Челябинскъ:

— Азія! Азія! Да что же вы спите, мы уже въ Азіи,—дергалъ меня за ногу капитанъ. — Уже и чай готовъ... Знаете, просто бѣлый столбъ,—съ одной стороны написано: Европа, а съ другой—Азія, вотъ и все... Однако какъ въ Азіи ѣсть хочется; вставайте, батенька, будемъ чай пить, я страшно промерзъ, всю ночь не спалъ, все боялся пропустить границу.

Добрѣйшій капитанъ, котораго нельзя было себѣ и представить иначе, какъ съ двумя чайниками въ ру-

кахъ, приготовилъ уже завтракъ и будилъ всю компанію.

Я выглянулъ въ окно. Поѣздъ, вабиравшійся вчера съ такимъ трудомъ на перевалъ, мчался теперь съ бѣшеной быстротой по спирали, скрывающейся гдѣ-то далеко внизу, за каменными выступами.

А по сторонамъ возвышались чудныя зеленѣющія плоскогорія, покрытыя густымъ, веселымъ лѣсомъ и изсиня темно-зелеными кудрявыми соснами, на красныхъ стволахъ. Иногда межъ двухъ крутыхъ вершинъ внезапно покажется зеленая долина, теряющаяся гдѣ-то далеко въ голубой синевѣ горъ. Весело шевеля камешками, бѣжитъ по ней прозрачный ручей и, заигрывая своими шаловливыми струями съ зеленымъ берегомъ, торопится рассказать склонившимся къ нему полевымъ цвѣтамъ все, что онъ видѣлъ на вершинахъ горъ.

И когда въ такой „пади“, какъ называютъ уральцы свои долины, встрѣтится свободно раскинувшійся поселокъ, съ вьющимся изъ трубъ голубоватымъ дымкомъ, то кажется, что люди тутъ счастливы, что имъ легко и привольно живется въ этой сочной, ласкающей долинѣ и что и сами они должны быть и сильнѣе и красивѣе другихъ людей.

А прекрасное, поразительной прозрачности небо съ замерзшими въ недостигаемой высотѣ бѣлоснѣжными барашками, такими чистыми и бѣлыми, какихъ невозможно себѣ представить не увидавъ,—казалось, говорило, что здѣсь иначе и быть не можетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, тѣ нѣсколько человѣкъ, которыхъ мы случайно видѣли изъ оконъ вагона, поразили меня своими рослыми фигурами, здоровыми, мужественными лицами. На развѣздахъ красивыя, загорѣлыя женщины разглядывали смѣющимися глазами пассажировъ и улыбались намъ такъ, какъ будто имъ до-

ставляло радость видѣть насъ. А какія свободныя, граціозныя движенія!

Глядя на нихъ, мы въ первый разъ за всю дорогу почувствовали, что нашъ поѣздъ, этотъ маленькій, клочокъ комфорта, пролетающій мимо сѣрыхъ деревень, съ разобранными на кормъ крышами, и провожаемый голодными, враждебными глазами, тутъ ни въ комъ не возбуждаетъ зависти.

— Вы сами по себѣ, а мы сами по себѣ, казалось, говорили веселыя, полныя жизни лица.

И было немножко грустно, что мы ничѣмъ не связаны съ этой дивной природой и ея привлекательными обитателями. Такъ бы, кажется, и вышелъ изъ трясаго, громяющаго поѣзда и, стеревъ все, что осталось позади, началъ бы здѣсь новую, красивую и здоровую жизнь...

Горы понемногу мельчаютъ, удаляются...

29-ое мая 1905. Каипскъ.

Черезъ широкую, гладкую, какъ доска, степь отъ горизонта до горизонта протянулись двѣ блестящія, стальныя полоски. А по нимъ жужжить, катится, быстро мелькая колесами, поѣздъ. За поѣздомъ длинной лентой вытянулось, припавъ къ мокрой землѣ, желтое облако дыма.

Въ необъятномъ, какъ море, пространствѣ поѣздъ нашъ кажется маленькой заводной игрушкой.

Пусто, тихо, ни души...

Блестятъ только лужицы отъ недавно растаявшаго снѣга, да трепыхается молодыми листочками куцая, низкорослая береза.

Уже вторую тысячу верстъ ѣдемъ мы по этой зеленой пустынѣ, а по временамъ кажется, что поѣздъ нашъ совсѣмъ не подвигается впередъ, — такъ одно-

образно, такъ одинаково пустынно и мертво кругомъ. Ни пригорка, ни долины, ни закругленія на пути. Два рельса спереди, два сзади, зеленая степь и ровный, по шнуру отбитый, горизонтъ, а надъ нимъ сѣрое, гладкое небо.

Черезъ нѣсколько дней такого пути начинается казаться, что пустынь этой нѣтъ конца, и странно подумать, что на землѣ есть мѣста, гдѣ люди живутъ, сбившись въ тѣсныя кучи, и ведутъ ожесточенную борьбу не на животъ, а на смерть, лишь бы только оттягать другъ у друга жалкій клочокъ земли.

Комары и слѣпни мириадами носятся въ воздухѣ, и потому вездѣ, гдѣ только попадается человѣческое жилище, вездѣ разложены костры, приглушенные сверху навозомъ и сырыми вѣтками. Въ густомъ дыму бродятъ неясныя силуэты людей съ головами, закутанными въ черную кисею, и едва можно различить окружающія деревья и бревенчатыя постройки.

По временамъ, то тамъ, то здѣсь, въ кострахъ шумно вспыхиваетъ кровавый языкъ пламени, и тогда изъ темнаго сумрака въ мутномъ кружкѣ свѣта на мгновеніе выплываютъ головы дремлющихъ коровъ и лошадей; сбившись тѣснымъ кольцомъ вокругъ костра и забравшись копытами въ горячую золу, онѣ, вытянувъ шеи, какъ будто грустно шепчутъ другъ другу о томъ, какъ тяжело жить на свѣтѣ...

Ближе къ Красноярску, со станціи Тайга, дорога прорывается сквозь дикую чащу непроходимаго лѣса. Могучія ели, кедры и лиственница, споря другъ съ другомъ, наперерывъ тянутся изъ мучительной тѣсноты и мрака къ небу—къ свѣту и теплу.

Начинаются угрюмыя, непривѣтливныя горы и глубокіе, темные овраги, замыкающіеся вдали темно-зеле-

ной щетиной вѣковыхъ деревьевъ. То тамъ, то здѣсь видны слѣды бушевавшаго лѣснаго пожара. Десятками верстъ тянутся сожженные пламенемъ, обуглившіеся стволы исполинскихъ пихтъ и кедровъ. Уткнувшись обгорѣлыми вѣтвями въ землю черные, блестящіе, лежать они на покрытой золой землѣ. Тутъ мертвенно тихо—ни птицы, ни звѣря. Только иногда пронесется холоднымъ дыханіемъ сѣверный вѣтеръ, осторожно зашуршитъ въ волѣ и, закрутивъ ее высокимъ столбомъ, засыпаетъ ею, какъ саваномъ, мертвыя деревья. Изрѣдка стоитъ въ печальномъ одиночествѣ какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая сосна. Огонь обглодалъ на ней кору, но верхушка все еще зеленѣетъ и живетъ.

Сотни верстъ воздухъ пропитанъ рыжимъ угаромъ, который ѣстъ глаза и щиплетъ въ горлѣ; и небо кажется здѣсь краснымъ. Болитъ голова... Дымъ все гуще, все ѣдче, дышать все труднѣе, и, наконецъ, мы видимъ, какъ въ верстахъ въ десяти отъ насъ, на горахъ, горитъ лѣсъ и сѣрый дымъ валится оттуда густыми клубами внизъ по ущелью и расползается далеко по долинамъ, отравляя воздухъ.

— А часто тутъ лѣсъ горитъ?—спросилъ я у пильщика-пермяка, точившаго на отдыхъ свою пилу.

— А то? Извѣстное дѣло—часто. Почесъ рѣдко бываетъ, чтобы нигдѣ не горѣло... Ужъ гдѣ-либо да горитъ... Безъ этого нельзя, — увѣренно добавилъ онъ.

— Будто?

— Вѣрное слово. Народъ все припильный, взять месо или хушь тебе. Сѣлъ, щецъ сварилъ, да и пошелъ далѣ, а огонь бросилъ. Какъ тихо—ну, ничего, а какъ чуть тебѣ вѣтерокъ мало-мало дыхнетъ—ну, и учнешь чесать, да и полыхаетъ недѣлю, а то и двѣ... Черезъ то собственно, — благодушно продолжалъ онъ, — какъ онъ мнѣ лѣсъ-то чужой, я тутъ не жилецъ-те...

— Да хоть не жилецъ, а такъ просто развѣ не жаль, что горить такое добро?

Пермякъ посмотрѣлъ на меня черезъ плечо съ такою улыбкой, что видно было, до какой степени глупымъ и наивнымъ показался ему этотъ вопросъ.

— Да вить опять же я былъ тутъ, заработалъ да и пошелъ, я те сказываю... Вотъ те и жаль! Къ примѣру я бы тутъ жилъ, поселенецъ былъ бы, ну другая статья... А то, что ень стоитъ, что ень горить, ни вреда ни пользы мнѣ никакой... Хушь тамъ мнѣ, хушь тамъ кому другому прохожающему...—старался онъ растолковать мнѣ такую ясную и очевидную истину.

А я смотрѣлъ на его добродушное, немножко насмѣшливое лицо, на затянутый дымомъ горизонтъ, на исполинскіе, обуглившіеся пни и думалъ:—останется ли хоть что-нибудь отъ этихъ величайшихъ въ мірѣ лѣсовъ къ тому времени, когда русскій человѣкъ научится иначе относиться къ общественному добру?

Сколько еще пожаровъ, дыму и огня понадобится для этого?

31-ое мая 1905. Красноярскъ.

На большой остановкѣ въ Красноярскѣ на тормозъ второго класса вошелъ и нерѣшительно остановился подлѣ меня крупный, пожилой мужчина. Въ рукахъ у него была палка, а на головѣ грубой работы соломенная шляпа, съ обломанными краями.

Я обратилъ вниманіе на его загорѣлое, мужественное лицо, на оборванный, засаленный пиджакъ и на виднѣвшуюся изъ-подъ него рубаху, которая была до такой степени грязна, что жутко было смотрѣть на нее; а на блестящемъ отъ сала воротникѣ я увидѣлъ большую, бѣлую вошь, медленно пробирающуюся къ затылку.

Довольно долго мялся онъ возлѣ меня и, наконецъ, наклонившись немного впередъ, пробасилъ, прикрывая ладонью ротъ и распухшую щеку:

— Знаете, до чего зубы вчера разболѣлись, бѣда! Ну что я сдѣлаю? Говорю доктору на станціи:—Помогите, Бога ради! А онъ давай спрашивать:

— Кто ты есть такой?

— Кто,—проѣзжающій.

— Ну,—говорить,—для такихъ нѣту.

А я говорю ему:—Пускай я за васъ къ Богу вадохну,—помогите!

— Всѣ вырвешь,—говорить,—а чѣмъ жевать будешь?

— Да чѣмъ?—говорю,—у меня дома дочка есть, она будетъ жевать, а я буду кушать. — Ну, смѣется, а все-таки не рветъ — глазной,—говорить,—не хорошо рвать. Все-таки помазалъ чѣмъ-съ-то; правда, легче стало. И еще далъ мнѣ полоскать,—вотъ я вамъ покажу.

Онъ полѣзъ въ карманъ, долго ловилъ что-то за подкладкой и вытащилъ мѣшечекъ съ надписью: бертолетовая соль.

— Разведи,—говорить,—въ стаканѣ и полощи. — Какъ же я буду разводить? Тутъ еще стаканъ прежде надо имѣть. Ну, я взялъ все-таки, — спасибо, говорю. Пошелъ, легъ въ третьемъ классѣ, отъ такъ,—показалъ онъ, наклоня голову,—внизъ зубами, на ладонь, скрутился калачикомъ на голомъ полу, заплакалъ и такъ и заснулъ съ плачемъ. Ни подстелить нечего, ни укрыться, отъ такъ, какъ есть—весь тутъ.

И онъ, взявшись руками за полы, распахнулъ пиджакъ, подъ которымъ была все та же ужасная, липкая отъ грязи рубаха.

— Я, знаете, одиннадцать лѣтъ какъ уже въ Сибири, въ Енисейской губерніи, а теперь, черезъ Наслѣдника, получилъ права и ѣду на родину...

Онъ немного замаялся, подошелъ ко мнѣ ближе и просительно зашепталъ:

— Совѣстно мнѣ, не приучился я просить, но по душевности говорю вамъ — билетъ бесплатный дали мнѣ, а денегъ, — онъ бессильно поднималъ плечи, — ни копейки! Ъсть нечего... Можетъ быть, вы дадите мнѣ что-нибудь... Да, такъ и поѣхалъ... Думаю, добрые люди найдутся, какъ-нибудь доберусь. А тутъ до „Тайги“ доѣхалъ, — оказывается, просить надо, — такъ никто не дастъ... И трудно стало...

И, немного помолчавъ, онъ прибавилъ:

— Не тотъ, знаете, человекъ, чтобы просить.

Спрятавъ тѣ нѣсколько грошей, которые я ему далъ, онъ постоялъ нѣкоторое время молча. Хотѣлось ли ему поговорить, или онъ считалъ себя обязаннымъ рассказать мнѣ свою исторію, только черезъ нѣсколько минутъ онъ началъ:

— Я за бунтъ, — сказалъ онъ спокойно и внушительно. — Да, за бунтъ, — повторилъ онъ это слово, нѣсколько отшатнувшись и почти вызывающе разглядывая меня.

— Я никакого преступленія не сдѣлалъ, — продолжалъ онъ съ достоинствомъ. — Я только хотѣлъ, чтобы дѣти наши имѣли той самой кусокъ хлѣба, что и мы.

Было то, знаете, на границѣ, въ Пестроковской губерніи, въ Гутѣ Домбровской, на прокатномъ заводѣ. Я былъ мастеръ въ бляховомъ отдѣленіи, тамъ, гдѣ листы желѣзны прокатываютъ. И мнѣ, какъ я жалованье получаю помѣсячно, то мнѣ бы все одно, по настоящему сказать — безъ надобности... Ну, однимъ словомъ, прихожу я вмѣстѣ съ другими на работу какъ-то утромъ, въ 1892 году, и вижу на дверяхъ что-то неподходящее для насъ. Вижу — объявленіе отъ конторы; написано, что до вчерашняго дня было столько-то за тысячу, а съ сегодняшняго — будетъ уже столько-то. Уже много дешевле.

Для чего такъ?

Собираются товарищи; я и говорю имъ: — смотрите, говорю, — что контора сдѣлала. Смотрите, хлопцы, хорошо ли это намъ такъ будетъ?

— А что же дѣлать, Антекъ? — спрашиваютъ, что, значитъ, съ конторой дѣлать теперь, — поясняетъ мнѣ рассказчикъ.

— Что дѣлать, — говорю, — прекратить заводъ и шабашъ. Нехай прекратится, то хоть намъ и плохо будетъ, зато наши дѣти жить будутъ, а такъ пропадемъ при такой цѣнѣ всѣ чисто.

Ну и не пошли на заводъ. День не идемъ, два не идемъ.

— Идите!

— Цѣтъ не пойдемъ; давайте тую цѣну, что раньше была.

Вызвали директора. Ну, всѣ товарищи собралися, и по-другимъ цехамъ. Тысячи четыре. Прямо гудятъ, какъ море — страшно такъ. Ну, вышелъ директоръ, говорить:

— Такъ постановила контора. Такую цѣну даютъ черезъ то, что дивиденту совсѣмъ мало и фабрика должна черезъ это падать.

Я самъ не знаю уже, какъ это сдѣлалось въ тое время, знаете, только какъ услышали мы эти слова, такъ кинулись до него всѣ какъ одинъ.

— А-а-а! Дивиденты?! А-а-а-а! Фабрика должна падать?!

Я, самъ не знаю какъ, схватилъ его за грудь, всѣ закричали, и давай его бить, кто какъ могъ, такъ, что даже одинъ другого не мало натолкли. Бьютъ и кричатъ:

— На тебѣ дивиденты, вотъ тебѣ дивиденты!

Такъ что скоро онъ мертвый сдѣлался, — шопотомъ, едва шевеля губами, проговорилъ мой рассказчикъ,

паклонясь ко мнѣ и глядя большими испуганными глазами.

— Что жъ?—продолжалъ онъ черезъ минуту. — Ему смерть, или намъ всеѣмъ и нашимъ дѣтямъ съ голоду помирать? И ей-Богу же, я хорошо знаю, никто изъ насъ и въ головѣ не имѣлъ чего-нибудь худого ему дѣлать.

И пошли тогда послѣ этого контору разбивать, а тамъ и фабрику... Все потрошили, поразбивали въ мелкій дребезгъ; сами цѣлый день голодные, ничего не ѣли, а все бьютъ и бьютъ до поздней ночи и все кричатъ:

— На те вамъ дивиденды, отъ вамъ дивиденды!

А тамъ казаки пріѣхали. Мы ихъ кто чѣмъ можетъ, и камнями, и палками, и какъ за нами погонятся, то, знаете, я кинусь бѣжать по шахтѣ, то мнѣ все извѣстно, я туда, сюда, да и опять выскочу, а онъ съ конемъ провалится въ яму, да такъ тамъ и пропадетъ. И-и и! сколько ихъ погибло тамъ!

Черезъ это меня арештували.

Сижу въ тюрьмѣ подъ слѣдствіемъ годъ. А на заводѣ собраніе. Хлопцы старались за меня, знали, что я черезъ справедливость, за ихъ пострадалъ, то сложились и на 500 руб. адвоката наняли. А тутъ приходитъ извѣстіе, что жена моя умерла. Задумалась очень обо мнѣ и отъ этого померла. Двое дѣтей осталось. Пустили меня на похороны. За гробомъ сейчасъ идутъ дѣти, а за дѣтьми уже и я и сбоку два солдата съ ружьями.

Въ скорости судъ—шесть лѣтъ каторги, а товарищу—восемь. Спасибо адвокату, выхлопоталъ мнѣ замѣну — лишеніе правъ и одиннадцать лѣтъ поселенія.

Ну какъ повели насъ! Аіі, Боже жъ ты мой, что это такое было! Тутъ кандалы, а тутъ грязь! Дали мнѣ эти арестантскіе сапоги, отъ такіе широкіе, что туды хоть подушку пхай, грязь — ты хочешь ногу скды, а

сапогъ лѣзеть туды, ты ногу сюды, а сапогъ туды! Вотъ и иди, какъ хочешь, а станокъ тридцать верстъ. Придешь, холодъ, не знаешь, гдѣ лечь, кипятку нѣту. Такъ всю дорогу. Пришли въ Красноярскъ; тутъ мостъ строили каторжниками. И меня заставляютъ — я отказался. Двѣ недѣли отказывался:

— Посылайте, — говорю, — меня въ волость, какъ по предписанію.

— А, — говорятъ, — хорошо, мы тебѣ, когда такъ, дадимъ волость. Мы тебя пошлемъ въ Верхоянскій уѣздъ, тамъ, гдѣ много спячь и мало ѣдятъ.

Я думаю себѣ, — ладно, я жъ тамъ не прикованный буду, нельзя будетъ жить, то и уйду... Не зналъ я, что такое за край! Однимъ словомъ, такая бѣда, что трудно повѣрить. Уже одна мошка; знаете, сразу, какъ пришелъ, все запухло, и глаза заплыли, — такъ укусила. Вотъ одинъ поселенецъ и далъ мнѣ старую сѣтку, а я ему за это самоваръ починилъ. Хлѣба совсѣмъ нѣту, только рыбу поймаешь или звѣря убьешь, то гѣмъ только и живь. Убѣжать? — зимой не побѣжишь — холодъ, а лѣтомъ кругомъ вода дѣлается, такая трясина... Такъ одиннадцать лѣтъ...

...Дѣти остались у брата, онъ меня крѣпко любилъ, и я его тоже. Вся наша семья такая была. Насъ трое — два брата и сестра, то всѣ любили одинъ другого страсть какъ. Онъ ихъ и кормилъ. А тутъ вотъ что случилось.

Въ прошломъ году, какъ началась война, пошло большое движеніе по дорогѣ. Дай, думаю, спробую поступить на службу. Пришелъ въ Красноярскъ, къ начальнику депо, — а я хорошій слесарь, — прошусь. Что жъ, говоритъ, мы нуждаемся въ мастерахъ, иди проси жандармскаго полковника, безъ него нельзя. Я пошелъ. Искаль, искаль — нѣту нигдѣ, я на платформу; смотрю, — стоитъ тамъ; я и давай просить: такъ и такъ, — говорю, — объяснилъ, что умираю съ голода, а онъ говоритъ:

— Нельзя тебѣ тутъ быть.

Я знаете до того дошелъ, ей-Богу, что на колѣни передъ нимъ сталъ. Прошу:—для Христа,—говорю,—пожалуйте человѣка.

— Нельзя.

А! нельзя? Тутъ я всталъ и такое ему сказалъ, что страшно даже сейчасъ повторить, такое... Сказалъ и отошелъ въ сторону. И даже онъ ничего не сказалъ мнѣ за это, только головой покрутилъ.

А тутъ, вижу, поѣздъ стоитъ товарный, биткомъ набитый людьми, и на платформѣ такъ кучки стоятъ всѣ въ вольныхъ платьяхъ. Досадно мнѣ стало на нихъ смотрѣть, — думаю, если бы эти не пріѣзжали сюда на работу, то, можетъ быть, я бы получилъ какъ-нибудь мѣсто. Когда подхожу поближе, слышу по-польски говорить. Я тоже спрашиваю:

— Куда ѣдете?

— На войну,—говорять.—А, на войну! — запасные значить.

— А откуда?

— Да изъ Петроковской губерніи.

Я дальше, больше спрашиваю; вижу изъ моихъ мѣстъ, а подальше уже вижу — мой братъ Костикъ стоитъ. Ну, ей-Богу, самъ Костикъ. Надо жъ такого!

Я все спрашиваю, а самъ на него смотрю.

— А вы,—спрашиваютъ, — откуда?

— Да енисейскій,—говорю.

— А уѣзда, а волости?

— Такого-то,—говорю,—а самъ молчу, а онъ услыхалъ волость, да живо такъ подходитъ и спрашиваетъ:

— Изъ Верхоянской волости? Тамъ,—говоритъ,—у меня братъ есть, не знаете ли, Антонъ Кшесинскій?

Тутъ я уже не выдержалъ. Бросился къ нему и повисъ на шеѣ.

А Боже жъ мой! Что тутъ было! То я мы плакали.

и кругомъ насъ всѣ плакали... А тутъ свистокъ—ѣхать уже имъ. Говорю ему:

— Вотъ видишь, не даютъ работы, велятъ идти назадъ. Есть у меня три рубля, возьми!

— Не надо,—говорить,—тебѣ нужнѣе.

Поцѣловались еще—прощай!

И остался я опять одинъ, какъ и за пять минутъ раньше. Какъ во снѣ...

Пошелъ назадъ. А черезъ годъ получаю повѣстку придти сюда, получить права. Прихожу, какъ разъ санитарный поѣздъ стоитъ.

— А ну, думаю, чи бѣгу тутъ нашихъ?

Захожу. Такъ и есть. Три человекъ съ тѣхъ, что тогда ѣхали. Одинъ отъ такъ безъ руки, другому глазъ прострѣлили, а третьему обѣ ноги выше колѣнъ оторвало...

Ахъ, Боже мой,—вздыхнулъ мой рассказчикъ.—Подхожу, говорю:

— Какъ поживаете?

— А вотъ,—говорить,—видишь,—и показуе ть на поги,—видишь,—говорить,—какъ... Твой братъ, Костикъ, готовъ—убитый, значитъ; остался подъ Ляояномъ, а мы вотъ видишь... Лучше бъ и намъ тамъ остаться, чѣмъ такъ жить... И вотъ,—говорить...

Тутъ рассказчикъ началъ прерывисто дышать и то и дѣло смахивалъ пальцемъ обильно навертывавшіяся слезы.

...И вотъ,—говорить,—тебѣ, какъ умиралъ, письмо оставилъ. Разворачиваю я тое письмо, а тамъ написано:

— Корми, дорогой братъ, моихъ дѣтей теперь такъ, какъ я кормилъ твоихъ.

...И больше ничего...

Онъ остановился, отвернулся къ стѣнѣ и, трясясь всѣмъ тѣломъ, громко, какъ-то странно зарыдалъ.

— Бгу-бгу-бгу...

Поѣздъ тронулся. Онъ пожалъ мнѣ руку.

...И вотъ я ѣду... въ такой рубахѣ... ѣду туда... Кормить... Старый, слабый, въ такой рубахѣ,—схватилъ онъ себя съ отчаяніемъ обѣими руками за рубаху.

И рыдая, слѣзъ уже на ходу и исчезъ въ холодной, жуткой темнотѣ...

Поѣздъ мчится, какъ бѣшеный, гремитъ желѣзо, визжать цѣппы; кажется, что это дождемъ сыплются въ одну нестройную кучу рельсы, колеса, болты, а кто-то разсвирѣпѣвшій мѣрно бьетъ по нимъ тяжелымъ молотомъ:

...Трахъ-тахъ-тахъ... Трахъ-тахъ-тахъ...

Въ этомъ зломъ адскомъ шумѣ долго еще слышались мнѣ стоны загорѣлаго человѣка, ревъ возбужденной толпы, убившей директора, звонъ кандаловъ, громъ пушекъ, а въ глубинѣ черной ночи, озаряемой иногда кровавымъ огнемъ поддувала, я видѣлъ окровавленный трупъ Кости, блѣдныя, испуганныя дѣтскія лица и моего рассказчика...

Что будетъ съ нимъ дальше?

10-ое іюня. Ст. Хайларъ.

Жесточайшій ливень. Тьма кромѣшная.

По песчаной платформѣ бросаются изъ стороны въ сторону пассажиры, отыскивая коменданта, начальника станціи, жандарма, кого угодно изъ администраціи, чтобы обезпечить себѣ хотя какое-нибудь мѣсто.

А дождь шумитъ, реветъ, и огромныя капли, какъ тяжелая дробь, шлепаются съ разгону о желѣзо и камень и разбиваются въ мелкую пыль. Гдѣ-то невдалекѣ бурлятъ потоки воды... И черныя фигуры, ныряющія въ этой темнотѣ и окликающія другъ друга жалкими голосами, кажутся потерянными, ненужными...

Просмотрѣвъ наши свидѣтельства, жандармскій ротмистръ пропустилъ насъ къ поѣзду.

Въ моемъ купэ на верхней полкѣ помѣстился капитанъ. Внизу лежалъ необыкновенно высокаго роста поручикъ съ сѣдыми бакенами, какъ у Айвазовскаго; а противъ него устроился совершенно лысый интендантскій чиновникъ.

Поручикъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, какъ оказывается, поѣхалъ на войну добровольцемъ. На мой вопросъ, что онъ дѣлалъ раньше, поручикъ отвѣтилъ съ улыбкой и даже какъ будто съ нѣкоторымъ удивленіемъ:

— А ничего!—Цилиндръ носилъ.

Послѣ такого отвѣта онъ сидитъ еще нѣсколько мгновений съ удивленнымъ лицомъ и о чемъ-то думаетъ. Не додумавшись, какъ видно, ни до чего хорошаго, онъ крякнулъ, вздохнулъ и принялся устраивать на короткой скамьѣ свои длиннѣйшія, одѣтыя въ рейтузы, ноги. Накрывъ голову желтымъ кителемъ, онъ выставилъ отсюда большой, горбатый носъ, который тотчасъ же и захрапѣлъ на весь вагонъ.

Лысый чиновникъ злобно посмотрѣлъ на торчащій изъ-подъ кителя носъ и завистливо проговорилъ:

— Экъ, его разбираетъ!

И, зажигая папиросу, такъ чиркнулъ спичкой, что головка у нея оторвалась и полетѣла подъ скамью. Курить онъ папиросу за папиросой, не переставая. А такъ какъ онъ боялся простуды и запрещалъ открывать окно, то въ купэ стоялъ удушливый туманъ. Выкуривъ папиросу и видя, что я не сплю, онъ обратился ко мнѣ съ разговоромъ.

— Вотъ уже которую ночь не сплю... Вы подумайте,—сказалъ онъ, странно вытянувъ впередъ круглую голову на длинной шеѣ,—телеграфировалъ въ штабъ: напишите, что съ сыномъ—никакого отвѣта; я срочно, опять съ уплоченнымъ отвѣтомъ — мнѣ отвѣчаютъ, что не знаютъ, гдѣ его полкъ стоитъ... Ну, что бы вы поду-

мали, гдѣ онъ? Я въ Читѣ служу, и вотъ уже третій мѣсяць ничего не знаю...

...Убить, убить, такъ чувствую, что убить,—сказаль онъ, помолчавъ, отвѣчая самому себѣ.

— То каждый день письма писалъ, ну хоть не каждый день, а ужъ два, три раза въ недѣлю обязательно напишетъ, а то—ни строчки... Ну, какъ вы думаете, а?—спросилъ онъ, весь вытянувшись въ мою сторону и жадно впившись мнѣ въ лицо своими мокрыми, вынученными, съ красными жилками, глазами. Видно было, что онъ тысячи разъ уже обращался ко всѣмъ съ этимъ вопросомъ.

Я попытался убѣдить его, что сынъ живъ, но, можетъ быть, онъ гдѣ-нибудь въ далекой рекогносцировкѣ, куда не доходитъ почта.

— Да, да,—обрадовался онъ,—вотъ и я такъ думаю, конечно въ рекогносцировкѣ... да... въ рекогносцировкѣ,—напираль онъ на это слово...

— А все-таки я рѣшилъ для спокойствія съѣздить, отыскать его. Знаете онъ у меня одинъ, такой способный, умница. Я,—говорить,—папа, повоюю, а война кончится, буду въ Академію экзамень держать, да...—важно сказаль чиновникъ и погладилъ свою лысину...— Не какъ другіе... Слышите? Богъ знаетъ, что дѣлаютъ!—сказаль онъ, показывая головой на дверь.

— Право! Какъ не стыдно! три часа ночи, а они орутъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало... Первы и безъ того развинчены...

Въ коридорѣ дѣйствительно было очень шумно. Слышно было, какъ пѣли на мотивъ кэкъ-уока:

Я шансонетка, поберегись:

Стрѣляю мѣтко, не ошибись!..

Намъ денегъ не надо

Насъ любить Микадо!..

— Гони, гони линію, гони!—кричить кто-то съ азартомъ,—гони ее!..

Подъ самыми дверями со звономъ разбилась бутылка.

— Вотъ ужъ именно, чортъ знаетъ что...—проснулся бывший цилиндръ и перевернулся на другой бокъ,— никакъ не успеешь... черти...

И опять захрапѣлъ.

Я вышелъ въ коридоръ. Тамъ, вокругъ маленькаго столика, вплотную заставленнаго бутылками, собралось челоуѣкъ шесть офицеровъ. Всѣ они были въ грязно-зеленыхъ рубахахъ и въ большихъ, запыленныхъ сапогахъ. Они здѣсь сначала войны и теперь вырвались на двѣ недѣли съ позицій въ отпускъ.

— Немножко поразвлекъсь, съ дѣвочками поиграть мало-мало,—наголодались, знаете!—сказать мнѣ одинъ изъ нихъ.

Загорѣлые, рослые, плотные, они отчаянно сквернословили, хохотали и пили безъ перерыва. Даже не вѣрилось, чтобы шесть челоуѣкъ могли выпить всѣ эти стоявшія на столѣ и валяющіяся подъ ногами бутылки.

Черный, толстый прапорщикъ, „душа общества“, бывший присяжный повѣренный, съ веселыми, живыми глазами и трясущимся животомъ, металъ банкъ. Онъ уже проигралъ въ эту ночь 700 рублей и теперь старался отыгратъся.

Облокотясь грузнымъ тѣломъ на оконную раму, рядомъ съ нимъ стоялъ высокій поручикъ, съ коротенькимъ задорнымъ носомъ, затерявшимся на большомъ плоскомъ лицѣ. Наклоняя голову то на одинъ, то на другой бокъ и жмуря глаза отъ дыма собственной папирсы, онъ лѣниво смотрѣлъ на быстро летающія карты.

Казачій сотникъ съ ехиднымъ, сбитымъ на бокъ ртомъ, жадно ловилъ выпученными бѣлесыми глазами карты и то и дѣло кричалъ прапорщику:

— Гони, гони линію...

Штабной офицеръ, первый разъ ѣдущій изъ Россіи, метопично загребалъ бѣлой рукою съ выхоленными

ногтями выигрышь, продолжая спокойно разспрашивать, гдѣ можно остановиться въ Харбинѣ, какія тамъ развлечения и т. д.

Остальные двое со сбитыми на затылокъ фуражками расплескивая палитыя рюмки, забывъ про нихъ, говорили о жизни въ госпиталяхъ.

— Онъ спрашиваетъ, понимаешь ли—умру?

— Да,—говорятъ ему,—надежды мало. Ну, такъ,—говорить,—подойдите сюда, сестра, ко мнѣ. Вотъ,—говорить,—не откажите, сестра, исполнить мою просьбу, пошлите извѣстіе о моей смерти женѣ, по такому-то адресу, и вотъ,—говорить,—госпожѣ такой-то, по такому-то адресу.

И даетъ ей, понимаешь ли, двѣ записки, видно, еще раньше, бѣдняга, заготовилъ. Я, какъ смотритель госпиталя, случайно былъ тутъ и все это видѣлъ. Въ эту же ночь онъ и помре... Утромъ я и спрашиваю сестру, сама она пошлетъ эти записки, или мнѣ поручить. Такъ вы знаете, что она отвѣтила?—обратился онъ ко всѣмъ.

И поджавъ губы и манерно поводя головой, онъ пропищалъ, подражая женскому голосу:

— Женѣ,—говорить,—я пошлю, не трудитесь, а той негодной женщинѣ и не подумаю посылать. Она, навѣрное, его увлекла и семейную жизнь разстроила, а я вовсе не желаю поощрять развратъ!

Ну, что ты ей скажешь послѣ этого? Я и такъ, и сякъ, спрашиваю, откуда она знаетъ, что женщина эта негодная и прочее такос, а въ концѣ концовъ, и говорю ей, что пошлю записку самъ. А она, какъ услышала это, взяла да на моихъ же глазахъ записку эту въ мелкіе кусочки порвала и въ окно выбросила!

Ну, что съ такой дурицей дѣлать, а?—хлопнулъ онъ себя съ озлобленіемъ по ляжкѣ.

— Чисто сдѣлано, что и говорить!—засмѣялся прапорщикъ, не отрываясь отъ игры.

Разсказчикъ выпилъ рюмку водки и присоединился къ играющимъ.

— Такъ чего же лучше, какъ у насъ было,—проговорилъ его товарищъ, разжевывая твердую, какъ камень, московскую колбасу.—Была у насъ, видите ли, какая-то графиня, чортъ тамъ ее знаетъ, забылъ фамилію, ну да все равно... Такъ та, видите ли, считала своей обязанностью, какъ только солдатъ умираетъ, говорить ему въ утѣшеніе разныя кислыя слова

Вотъ какъ-то разъ подходитъ она къ одному умирающему и начинаетъ:—Какъ,—говоритъ,—тебѣ должно быть сладко сознавать, что ты умираешь, исполнивъ свой долгъ передъ Государемъ, что ты свой животъ на алтарь отечества положилъ...—и пошла брюзжать надъ нимъ. А тотъ слушалъ, слушалъ, заскрипѣлъ зубами, повернулся къ ней и говорить съ такой ненавистью:

— Да замолчи же ты, ну-у-удная! — закрылъ [глаза да и померъ.

Такъ она сейчасъ же послѣ этого забрала свои манатки и маршъ въ Россію.

— Шабашъ, значить, утѣшать! Мію *).

— Вотъ это аккуратно пущено,—разсѣянно проговорилъ поручикъ съ маленькимъ носомъ, разбираясь въ картахъ.

— Ну, ходи ты, нудная!—подхватилъ казакъ, обращаясь при общемъ смѣхѣ къ поручику

— Нудная-то, нудная,—отозвался онъ,—а вотъ, что я съ этимъ паршивымъ валетомъ профершпилился — это тоже вѣрно.

— Ну? И что же вы, позволяйте вамъ шпросить, псъ-подъ шибѣ думали?—скопировалъ толстый прапорщикъ сврея.—Утѣшьтесь—какихъ я вамъ въ Харбинѣ дѣвочекъ покажу! одно жаглядѣніе!—поцѣловалъ онъ кончики своихъ толстыхъ пальцевъ.

*) Мію—по-китайски—нѣтъ.

— Неужто хорошенькія?—живо повернулся къ нему штабной.

— Да ужъ повѣрьте, что лучше чѣмъ вотъ это дермо, что заперлась въ купэ,—кивнулъ онъ головой на дверь, за которой спала молодая блондинка, жена пограничнаго офицера. Покуда размѣщались въ поѣздѣ, она успѣла нѣсколько разъ довольно ѣдко срѣзать пристававшего къ ней прапорщика.

— Изображаетъ изъ себя королеву испанскую,—кивалъ онъ пренебрежительно головой,—а я самъ видѣлъ ее въ Харбинѣ, въ Оріантѣ, съ офицерами,—ну, честное даю вамъ слово... Такъ только задается.

— Да дѣвка, что и говорить... Ну ее къ чертямъ. Я бы и пачкаться не хотѣлъ съ такой дешевкой,—проговорилъ казакъ, которому не нравилось, что разговоръ отвлекаетъ отъ игры.

— Досадно, понимаете ли, что она изъ себя выстраиваетъ.

— Э, да ну ее къ чорту! — стукнулъ нетерпѣливо казакъ по столу картами.

— И еще понимаете ли, прошу,—говорить,—не шумѣть... Очень надо... А ну-ка мы сейчасъ ей серенаду споемъ... Да бросьте, все равно не выиграете больше,—уже денегъ міюла *). Лучше выпьемъ.

Въ рукахъ у толстяка появилась гитара и хитро подмигивая, вскидываясь всѣмъ тѣломъ, какъ будто оно оплывало у него внизъ, онъ запѣлъ:

Я—Я—я кауферша, въ томъ признаюсь,

Дамъ не люблю я, въ чемъ сознаюсь!..

И хоръ, дирижируя другъ другу руками съ полными рюмками водки, дружно подхватилъ, направляя голосъ къ запертымъ дверямъ:

Ужъ я ихъ брѣю, брѣю, брѣю,

*) Міюла—по-китайски—нѣтъ.

Прелестной ручкою своею,
Я кауфферша—поберегись!

— Ха-ха-ха!—заливался прапорщикъ,—вотъ тебѣ и прошу не шумѣть! Охъ, что-то шибко на водку погнало, братцы!. Шанго! шибко шанго *), капитена! — похвалилъ прапорщикъ, выпивая рюмку за рюмкой.

— Вотъ только жаль хлѣба нѣтъ, это уже пу-хо! **) проговорилъ поручикъ.

— А водки до утра хватитъ?—спросилъ, плутовато оглядывая всѣхъ, прапорщикъ.

-- Этого хватитъ.

— Ну, такъ больше намъ ничего и не надо!

— А вы все-таки насчетъ дѣвочекъ меня не забудьте,—напомнилъ штабной.

— Лишь бы чены ***) были. Эта штука дорогая въ Харбинѣ... Извозчики и дѣвки—самая дорогая штука тамъ. Въ Россіи ей, замарканной жидовкѣ, трещница цѣна, а здѣсь четвертной билетъ за ударъ, меньше и не возьметъ, да еще накормить ее стерву надо...

— Хмъ! скажите!—удивился штабной.

— А хотите, — таинственно нагнулся, плотоядно блестя глазами, прапорщикъ,—тамъ, въ третьемъ классѣ, преаппетитненькія ѣдутъ дѣвчонки,—пойдемъ, а? Лови, лови, часы любви,—засмѣялся онъ.—А? побѣжимъ, чортъ меня возьми совсѣмъ...

— А что жъ пойдемте,—вотъ молодець, ей-Богу!

— Да куда вы черти?—засмѣялся казакъ вслѣдъ убѣгающимъ прапорщику и штабному.

— Мы сейчасъ,—весело крикнулъ прапорщикъ и хлопнулъ дверью.

*) Шибко шанго—очень хорошо.

***) Пу-хо—нехорошо.

***) Чены—деньги.

Игра продолжалась.

Разговаривая съ высокимъ поручикомъ, я понемногу свернулъ бесѣду на войну и спросилъ его, какъ онъ себя чувствовалъ во время боя.

— Да какъ вамъ сказать?—улыбнулся онъ, — сначала, пока сидишь еще въ окопахъ, ничего себѣ; пульки такъ ласково посвистываютъ, какъ пчелы, только и слышишь, фью-фью, то съ одной стороны, то—съ другой; но ихъ какъ-то не боишься. Шрапнель—вотъ это уже гадость, ну а хуже всего—шимоза. Воетъ, шипитъ, когда летитъ, поневолѣ къ землѣ прижмешься потѣсишь, а потомъ, какъ лопнетъ, только щупаешь себя—цѣль ли? Она больше на нервы дѣйствуетъ, а вреда собственно отъ нея мало, ее какъ-то узкимъ такимъ снопомъ вверхъ рветъ...

— Что это? Шимоза?—оторвался на минуту отъ картъ казакъ.

— Да, я про шимозу,—со смѣшкомъ подтвердилъ поручикъ.

— О, это шибко пу-хо, шибко пу-хо, ну ее къ чорту, вонючая сволоочь. Вы говорите вреда мало. Рѣдко попадаетъ—это вѣрно, ну а зато если ужъ попадетъ, то такого скандалу надѣлаетъ! Въ пыль все разнесетъ. Даже кто поблизости былъ и уцѣлѣлъ—отъ газовъ задохнуться можетъ... Бѣда, какая штука!

— Ну, а нервы какъ?—спросилъ я.

— Это плоховато, — отвѣтилъ поручикъ, — такая, знаете, передряга, что послѣ нѣсколькихъ дней боя, когда уже все кончено, встрѣтимся съ товарищами и не узнаемъ другъ друга, вотъ до чего. Все лицо мѣняется, совсѣмъ другими людьми всѣ дѣлаются.

— А въ атаку вамъ приходилось ходить?

— А какъ же! До чего трудно бываетъ заставить себя вылѣзть изъ окоповъ, бѣда! Тутъ сидишь, весь закрытый землей, а то нужно идти по ровному мѣсту,

весь на виду, какъ на ладони. Иной разъ выльзешь, сердце колотится, въ вискахъ стучить, идешь впередъ—оглянешься а солдаты все еще лежать... Досадно лишнее время подъ прицѣломъ быть, а нужно возвращаться. Вернешься—впередъ, братцы, ну!—лежать; ругнешься,— все лежать, только мнутъ, ужасно трудно собраться съ духомъ. Помню, одинъ разъ еврейчикъ такой былъ въ ротѣ, выскочилъ первый, повернулся и крикнулъ въ окопы:

— Эхъ вы, сукины сыны, я жидъ, а и то первый иду. Поднимайтесь, что ли!

Ну, тутъ полѣзли! А лишь бы только выбраться паверхъ, тогда уже пошелъ и пошелъ, не удержишь никакъ, скорѣй бы добраться до новой остановки; тамъ все-таки ляжешь на землю, кто за камешекъ спрячется, кто за кустикъ, возьметъ прикладъ подъ мышку (такъ скорѣе можно заряжать) и жарить, какъ митральеза, только успѣвай патроны подносить. Всякій понимаетъ, что чѣмъ больше онъ пулю выпуститъ, тѣмъ больше шансовъ сохранить ему свою жизнь. Дождемъ прямо сыплются пули. Тогда уже никто и не цѣлится, не до того; все это дѣлается какъ во снѣ, до того всѣ возбуждены.

— Ну, а раненые и убитые, которые падаютъ тутъ же, рядомъ съ вами,—они не производятъ на васъ особенно тяжелаго впечатлѣнія?

— Ни малѣйшаго. И не видишь ихъ вовсе, т. е. видишь, что упалъ, схватился тамъ за голову или за руку, видишь кровь, но такое какое-то равнодушіе испытываешь въ это время ко всему, что не касается лично тебя, что какъ будто и нѣтъ ничего. Я разъ ногой вступилъ въ вырванные внутренности, поскользнулся, посмотрѣлъ, выругался, вытеръ сапогъ пучкомъ травы и пошелъ дальше. Послѣ уже вспомнилъ, когда бой кончился, что хорошій былъ солдатъ, и даже такъ всего передернуло отъ мысли, что я наступилъ на его

кишки ногой. И нѣсколько дней послѣ этого ходилъ какъ-то нетвердо на эту ногу... Да и потомъ, знаете, они тихо такъ падаютъ. Какъ упалъ, такъ и затихъ, полная прострація наступаетъ. Вотъ только эти хохлы проклятые, какъ его ранить, полежить немного и давай хныкать.

— Ой матинко, ой лышечко!..

— Ну, а великороссы развѣ иначе?

— Тѣ, если легкая рана, большею частью ругаются.—

Ишь,—скажетъ,—сволочь, зацѣпилъ таки проклятый!

— У меня, знаете, одинъ,—засмѣялся поручикъ,—только ему перевязку сдѣлали,—а ему ногу пробило,—уже плетется назадъ, въ строй. Я его гоню, а онъ говоритъ:

— Я,—говорить,—ему отомщу. Что жъ, такъ думаете, я ему это и оставлю, что онъ мнѣ ногу испортилъ?

— А скажите, поручикъ, во время боя представляете вы себѣ общую картину боя или только свою личную жизнью живете?

— Я боюсь сказать за другихъ, но хотя самъ я и не изъ трусовъ, много разъ въ атаку ходилъ, но, по правдѣ сказать, ничего кромѣ себя не чувствовалъ и не помнилъ, а все остальное какъ сквозь сонъ, едва замѣчаешь. И солдаты, и голодь, и канонада, все это какъ будто бы гдѣ-то очень далеко происходитъ, не съ тобой, а съ кѣмъ-то другимъ; вспоминаешь только что вотъ такъ-то нельзя высовываться,—солдатъ такъ высунулся изъ окопа, а его и убили,—или что бываютъ случаи, пуля на излетѣ ударила одного офицера въ лобъ и только шишку набила, и все въ такомъ родѣ, а главное поскорѣ бы, поскорѣ бы рѣшился уже какъ-нибудь этотъ вопросъ—жить мнѣ, или быть убитымъ. Такъ невыносимо ждать нѣсколько дней каждую секунду, что думаешь не разъ, ужъ лучше бы смерть, только бы не ждать больше...

— Ну, а злобы къ неприятели вы не чувствовали?

— Никакой, нисколько. Подъ конецъ боя уже, черезъ нѣсколько дней, люди дѣйствительно озвѣрѣваютъ отъ голода, постоянного возбужденія, отъ утомленія,—хочется поскорѣе уже все это кончить какъ-нибудь. И вотъ въ такое время, когда дойдетъ до рукопашной, то всякій дерется уже, какъ звѣрь... Но и то я, напримѣръ, ясно ничего не помню изъ того, что дѣлалось вокругъ меня, когда пошли въ штыки.

— Неужели у васъ не осталось въ памяти ни одного лица изъ тѣхъ, кого вы шли убивать?

Поручикъ подумалъ нѣсколько минутъ и помоталъ головой.

— Нѣтъ, ни одного... ни одного лица не помню...

Съ шумомъ и смѣхомъ вернулись прапорщикъ и штабной и тотчасъ же начали рассказывать, какъ интересно провели они время въ третьемъ классѣ.

— Шельма, то-есть такая это шельма! — хохоталъ штабной, хлопая прапорщика по плечу.

— Ну, господа, а теперь выпьемъ за здоровье этой дѣвки, что тутъ за дверью...

— Да почему же вы думаете, что это дѣвка?—вмѣшался я.

— Оставьте!—сказалъ поручикъ,—здѣсь за эти полтора года мы никого кромѣ дѣвицъ не видали, ну и какъ-то даже не вѣрится, что бываютъ на свѣтѣ честныя женщины...

— Мю, мю! Въ Манчжуріи мю,—подхватилъ услышавшій нашъ разговоръ прапорщикъ.

Стали играть въ желѣзную дорогу.

Настроенный своими рассказами, поручикъ, ставъ на свое мѣсто у окна, посмотрѣлъ нѣсколько мгновеній на начинающійся разсвѣтъ и, задумчиво покачавъ головою, серьезно сказалъ:

— А я теперь, господа, боюсь уже новаго ломайла *). Ей-Богу, боюсь...

Небо начинало свѣтиться холоднымъ, стальнымъ блескомъ, а эти шестеро все еще пили и играли и опять пили изъ большихъ липкихъ стакановъ то пиво, то водку и, закусывая, хватали блестящими отъ жира пальцами разбросанные по столу куски мяса.

Стоя все время на ногахъ, на прыгающемъ полу, они продолжали бросать карты нервными, дрожащими руками, слѣдя за ними воспаленными глазами... И все смѣялись и смѣялись, какъ будто бы, въ самомъ дѣлѣ, было что-нибудь веселое или смѣшное въ тѣхъ отвратительныхъ, грязныхъ салностяхъ, которыми вспоминали они несчастныхъ, заѣзженныхъ, испитыхъ женщинъ, которыхъ они покупали здѣсь..

Такъ свѣтло, что кажется, уже давно взошло солнце. Но его все еще нѣтъ. Только небо, готовясь къ радостной встрѣчѣ, горитъ все и трепещетъ въ яркихъ, веселыхъ, праздничныхъ огняхъ. А подъ кустами и въ густо заросшей травой канавѣ, что тянется вдоль нашего пути, прижавъ къ землѣ, прячется ночной сумракъ, не успѣвшій уйти отсюда вмѣстѣ съ ночью.

Въ окнахъ промелькнулъ одиноко стоящій въ голой степи казачій постъ, обнесенный каменной стѣной съ бойницами и наблюдательной вышкой. Стоящій на вышкѣ часовой зѣвнулъ, лѣнливо повернулся, и штыкъ на его ружьѣ блеснулъ голубоватой полоской.

Въ вагонѣ у насъ тихо. Въ купѣ и коридорѣ стоитъ сизый туманъ, валяются пустыя бутылки съ отбитыми горлышками, жирная, смятая бумага съ

*) Ломайла—такъ называютъ китайцы „бой“. производя это слово отъ русскаго „ломать“.

остатками колбасы и окурки, окурки вездѣ и па полу, и па столѣ, и между оконныхъ рамъ...

Безпечныя, молодыя, здоровыя тѣла, въ зеленыхъ рубахахъ, съ револьверами, небрежно раскинулись на диванахъ и мягко вадрагиваютъ и покачиваются на рессорныхъ пружинахъ.

У поручика завернулся рукавъ рубашки, и на толстой, мускулистой рукѣ видѣнъ красный шрамъ отъ вынутаго осколка шрапнели.

Я не могу оторвать глазъ отъ нихъ. Что-то приковываетъ меня къ этимъ здоровикамъ...

Вѣдь это тѣ самые люди, что перенесли столько разъ близость смерти, всѣ тѣ кровавые ужасы, которые не даютъ намъ покоя въ Россіи. Вѣдь вотъ возлѣ этихъ самыхъ череповъ, спинъ, рукъ и ногъ летали съ ласкающимъ свистомъ пули, сыпалась дождемъ шрапнель и, поднимая столбы пыли, рвалась шимоза.

И можетъ быть завтра предстоить имъ то же?

И видя мысленно, какъ отрываются эти здоровыя, палитыя кровью руки и ноги,—мнѣ становится больно смотрѣть на нихъ, на эти будущіе комки окровавленнаго мяса. Хочется обнять, поцѣловать, прижать къ своему сердцу и этого поручика, и картежника-казака, и похабника-прапорщика.

Жалкіе, милые, дорогіе—зачѣмъ вы все это дѣлаете?

...И если бы, хотя на мгновеніе, въ этихъ черепахъ мелькнуло сомнѣніе въ томъ, имѣютъ ли они право уничтожать и калѣчить себѣ подобныхъ?

Но ничего, ни тѣни чего-либо подобнаго...

А вѣдь это образованные интеллигентные люди!

Гдѣ же и въ чемъ тогда прогрессъ?

И какъ жить?

Какъ жить съ позорнымъ сознаніемъ, что прошли тысячелѣтія, а человѣчество все еще не усвоило себѣ понятія о томъ, что жизнь неприкосновенна, что убій-

ство есть вслчайшее, ничѣмъ не оправдываемое преступленіе. А сколько за это время было учителей, которые только и твердили:—„не убій“, уважай человѣка, люби его!

Но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, тѣмъ злѣе становятся эти кровавыя свалки.

Съ холодной жестокостью высчитывать шаги, углы, траекторіи и, не видя другъ друга, одурѣвъ отъ голода и грохота орудій, уничтожать въ нѣсколько дней сотни тысячъ человѣкъ,—развѣ это не ужаснѣе по духовной тупости, чѣмъ дикія схватки дикарей?

А вѣдь послѣдніе годы эти боины идутъ непрерывно по всему земному шару, въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ. То Англія уничтожаетъ буровъ, то американцы истребляютъ испанцевъ, то всѣ просвѣщенныя государства, соединившись вмѣстѣ изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не украсть больше другихъ, грабятъ и убиваютъ мирныхъ китайцевъ, а теперь Японія добываетъ себѣ единственнымъ вѣрнымъ путемъ патентъ великой державы и, проливая кровь своихъ сыновей, старается убить какъ можно больше русскихъ. А русскіе, привыкнувъ, невѣдомо зачѣмъ, убивать и умирать дома, также легко убиваютъ и умираютъ и здѣсь, прославляя на весь міръ свое исключительное, рабское долготерпѣніе и способность страдать безъ конца, не спрашивая—кому и зачѣмъ эти страданія пужны...

...Но неужели, убивъ одного, двухъ человѣкъ, охотясь за людьми съ ружьемъ, устраивая на нихъ засады, волчьи ямы, разрывая ихъ тѣло на колючей проволокъ,—можно вернуться домой и считать себя образованнымъ, интеллигентнымъ человѣкомъ, а не дикимъ варваромъ, для котораго еще и не начиналась сознательная жизнь?

Развѣ не страшно, что сотни тысячъ людей лѣниво подчиняясь чужой волѣ, занимавшейся въ теченіе двухъ

лѣтъ убійствомъ, какъ ремесломъ, вернутся теперь домой и будутъ жить среди мирныхъ жителей, будутъ жить съ женщинами, воспитывать дѣтей...

Пятьсотъ тысячъ убійцъ!

И только потому, что ихъ такъ много, ихъ радостно встрѣтятъ и назовутъ героями.

Развѣ убить человѣка не изъ-за своей личной выгоды, а изъ-за выгоды (если даже предположить, что это будетъ выгодно) своей семьи, своихъ соотечественниковъ лучше или нравственнѣе?

Развѣ это не такое же преступленіе передъ „человѣкомъ“?..

Когда же, наконецъ, и какъ начнетъ истинная культура человѣческаго духа? Гдѣ и какъ найти средство чтобы люди стали людьми?...

Харбинь.

Поѣздъ опоздалъ, и мы прибыли въ Харбинъ поздно ночью.

Съ превеликимъ трудомъ добывъ извозчика при помощи солдата, стоящаго съ ружьемъ у подѣзда вокзала вмѣсто городского, я, наконецъ, поплылъ въ залѣпленной грязью пролеткѣ по харбинскимъ улицамъ.

Тяжело чмокая ногами въ липкой, раскисшей глинѣ, три китайскія крѣпкія лошади едва двигали легкую пролетку. Онѣ то и дѣло останавливались и кряхтя снова влегали въ хомуты. Колеса, увязая по ступицу, шипѣли, перемѣшивая спицами грязь, а пролетка то прыгала съ боку на бокъ, то внезапно останавливалась, и я вскакивалъ съ мѣста, точно собирался бѣжать, съ размаху тыкался носомъ въ мокрую клеенчатую спину извозчика, такъ что изъ глазъ катились слезы, а въ слѣдующій моментъ уже летѣлъ обратно, и мнѣ каза-

лось, что у меня оторвали голову — значить, лошади опять рванули впередъ.

Хватаясь въ темнотѣ за облѣпленные глиной крылья пролетки, за потухшій фонарь, за стегавшій по мнѣ кнутъ, чувствуя, что ноги залила холодная вода, я терпѣливо молчалъ, стараясь выпутаться изъ вожжей, въ которыя попали мои ноги, и удержать хоть часть своего багажа.

Высоко взмахивая руками и кидаясь по козламъ во все стороны такъ, что, казалось, онъ падаетъ съ нихъ, извозчикъ непрерывно вздыхалъ и съ горечью бормоталъ:

— Ахъ, Боже мой! О, Господи!

То здѣсь, то тамъ висѣли въ воздухѣ ряды красныхъ свѣтящихся оконъ, и каждый разъ, когда я спрашивалъ извозчика, что это за зданіе, онъ отвѣчалъ такимъ тономъ, какъ будто бы я и самъ отлично зналъ что это такое и спрашивалъ только за тѣмъ, чтобы сдѣлать ему непріятность:

— Госпиталь, — или: — Красный Крестъ, — и опять принимался охать и вздыхать.

И только разъ, когда мы проѣзжали, какъ мнѣ показалось, мимо какой-то высокой насыпи, онъ сказалъ:

— Вотъ тутъ плѣнные японцы содержатся.

Насыпь оказалась землянкой съ открытой, освѣщенной изнутри, дверью, загороженной желѣзной рѣшеткой. А на полу землянки, прижавшись къ рѣшеткѣ, сидѣлъ свернувшись комочкомъ одинъ изъ плѣнныхъ и глядѣлъ оттуда въ темную ночь.

Гдѣ-тобрякнулъ ружьемъ часовой, вѣроятно, желая показать, что онъ не спитъ.

Проѣвъ черезъ большую, темную площадь, извозчикъ, наконецъ, остановился у дома, гдѣ я долженъ получить свѣдѣнія — гдѣ мнѣ быть и что дѣлать.

Заспанный человекъ открылъ мнѣ дверь и узнавъ, что я назначенъ въ этотъ домъ, почти не глядя, про-

водилъ меня въ какую-то комнату. Открывъ электрическую лампочку съ зеленымъ стекляннымъ колпакомъ, онъ шумно закрылъ дверь и ушелъ, шлепая босыми ногами.

Въ комнатѣ стояли двѣ пустыя постели, на которыхъ, какъ видно, недавно спали, и запыленный столъ съ растрепанными приложеніями къ „Нивѣ“ и высохшей чернильницей. На столѣ валялся обрывокъ бумаги, на которомъ кто-то отъ скуки выводилъ каллиграфическимъ почеркомъ:

. однако плохо здѣсь встрѣчаютъ новыя лица... новыя лица...однако....

Я стоялъ посреди комнаты и не зналъ, что съ собой дѣлать. Глядя на эту холодную, пустынную комнату, черезъ которую прошло, видимо, немало людей, не хотѣлось признавать въ ней своего дома, не хотѣлось раздѣваться, не хотѣлось прикасаться къ этимъ захватаннымъ стульямъ, засаленнымъ канцелярскимъ стѣнамъ.

Только теперь въ этой комнатѣ я впервые ясно понималъ, какъ я далеко, какое безконечно громадное пространство лежитъ теперь между этимъ мостомъ съ двумя блестящими орудіями, по которому я черезъ желтую мутную рѣку въѣхалъ въ Харбинъ, и тѣмъ міромъ, который остался тамъ, позади, со всѣми своими радостями и печалями.

Стало жутко.

За стѣнной часы сердито пробили три.

Я потушилъ лампочку, торопливо раздѣлся и легъ. Но спать не хотѣлось.

— Госпиталь... Красный Крестъ....—вспомнились мнѣ сердитые отвѣты извозчика.

— Городъ больныхъ и раненыхъ, — подумалъ я. И мертвая тишина, охватившая меня вплотную своими мохнатыми лапами, казалось, дышала вздохами этихъ

пэмучепныхъ людей, переполнившихъ собою весь городъ.

И сколько ужаса было въ той слѣпой покорности, которая слышалась въ этихъ вдохахъ.

И я видѣлъ красныя, висящія въ воздухѣ окна, безчисленное множество оконъ, за которыми ворочались на смочепныхъ своею кровью постеляхъ изувѣченные люди, отдавшіе на поруганіе свое тѣло, свою жизнь только потому, что они ни разу не вспомнили, что они люди и поэтому могутъ сами за себя распоряжаться своею жизнью...

Прорѣзавъ густую темноту, въ комнату безшумно прыгнулъ ослѣпительно бѣлый лучъ прожектора, и по молочно бѣлой стѣнѣ теперь торопливо бѣжали все въ одну сторону какія-то едва уловимыя, дрожащія струйки.

Постоявъ нѣсколько мгновеній въ комнатѣ, холодный, блестящій лучъ быстро, быстро, какъ хищникъ, осмотрѣлъ всѣ углы и также безшумно улетѣлъ въ другой домъ; и я видѣлъ въ окно, какъ онъ все бѣгалъ и бѣгалъ по всему городу, изъ квартиры въ квартиру, изъ окна въ окно, врываясь въ чужія думы и воспоминанія.

И казалось, что это холодный глазъ самой войны провѣряетъ свои жертвы и любитъ ими.

Мнѣ вспомнился темный силуэтъ плѣннаго японца, глядящаго сквозь рѣшетку [въ ночную тьму, въ которой онъ, вѣроятно, видѣлъ свой домъ, семью, любимый трудъ.

Что сказала ему этотъ леденящій свѣтъ, на мгновение ослѣпившій его косые глаза?

Изъ темнаго, набухшаго неба, по которому тяжело ворочались какія-то уродливыя глыбы, въ стекла разомъ грянулъ тяжелый ливень, и гдѣ-то далеко на Сунгарь, точно испугавшись, жалобно завылъ пароходъ...

СКИТАЛЕЦЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОКЛЯТАЯ СТРАНА.

Здѣсь густою толпой разрослись на' болотѣ цвѣты.
Словно смерть—они длинны и тощи и блѣдны.
Рѣдко грѣеть ихъ солнце, въ туманѣ грустя съ высоты.
Золотые лучи его таютъ и гибнуть безслѣдно.

Красокъ просять у солнца цвѣты тихой грустью свое
Каждый лучъ его ловять туманы и гасять безстрастно,
И цвѣты увядаютъ кругомъ самой смерти блѣднѣй,
Но одинъ изъ нихъ, тотъ, что внизу,—темно-красный.

Краски солнца достичь до него никогда не могли.
Но цвѣтеть онъ роскошно, пышнѣй становясь и махровѣй.
Ахъ! окраску свою не отъ солнца онъ взялъ,—отъ земли:
А земля напилась человѣческой крови.

Т И Х О С Т А Л О К Р У Г О М Ъ...

Струны порваны! пѣсня, умолкни теперь!
Всѣ слова мы до битвы сказали.
Снова ожилъ драконъ, издыхающій звѣрь,
И мечи вмѣсто струнъ зазвучали.

Потонули въ крови города на землѣ!
Задымилсь и горы и степи!
Ночь настала опять, притаилась во мглѣ
И куетъ еще новыя цѣпи.

Тихо стало кругомъ: люди грудой костей
Въ темныхъ ямахъ тихонько зарыты.
Люди въ тюрьмахъ гніють, въ кольцахъ крѣпкихъ цѣпей
Люди въ каменныхъ склепахъ укрыты.

Тихо стало кругомъ; въ этой жуткой ночи
Нѣтъ ни звука изъ жизни бывалой.
Тамъ—внизу—побѣжденные точатъ мечи,
Наверху—побѣдитель усталый.

Одряхлѣлъ и изсохъ обожравшійся звѣрь
Тамъ, внизу, что-то видитъ онъ снова,
Тамъ дрожить и шатается старая дверь,
Богатырь разбиваетъ оковы.

Задохнется драконъ подъ желѣзной рукой,
Изъ когтей онъ урѣшитъ свободу.
Съ громкимъ, радостнымъ крикомъ могучій герой
Смрадный трупъ его броситъ народу.

В А Л Ъ К И Р И И.

Окончена грозная битва.
Тьмами усьяно поле.
Холодная ночь наступила.
Стихаетъ вдали канонада.

Горять, угасая, пожары.
Клубятся багровыя тучи.
Уходитъ все дальше, все дальше
Могучая музыка битвы.

Подъ страшную музыку боя,
При свѣтѣ горящихъ развалинь,
Усопшихъ борцовъ понирая,
Смерть весело пляшетъ надъ полемъ.

Танцуетъ скелетъ исполинскій,—
И, въ тактъ уходящему бою,
Стучать у него кастаньеты,
Сухія, могильныя кости.

Уходитъ все дальше, все дальше
Могучая музыка боя.
Стихаетъ вдали канонада.
Багряные гаснутъ пожары.

И Смерть въ своемъ танцѣ уходитъ
За звуками пушекъ далекихъ,
И вотъ тишина наступаетъ
Надъ полемъ оконченной битвы.

Тогда изъ-за тучъ темно-синихъ,
Рыдая, луна проглянула,

И мостъ серебрястый спустила
Съ небесь на безмолвное поле.

Въ прозрачномъ серебряномъ свѣтѣ
Прозрачною легкой гирляндой
Спускаются свѣлыя дѣвы
Съ небесь на безмолвное поле.

Крылатя дѣвы сраженій
Склоняются къ мертвымъ героямъ,
Закрыли имъ тяжкія раны
И шепчуть имъ тихо: „вставайге!“

Дорога на небо трепещеть.
Какъ струнь серебрястое пѣнье,
И слышится въ воздухѣ лунномъ
Тѣнь гимна, зовущаго въ битву.

И—въ ногу, беззвучной колонной,
Съ ружьемъ на плечѣ, по дорогѣ
Все выше, все выше и выше
Погибшіе воины идутъ.

Ихъ лица—какъ будто изъ камня.
Могучи, безстрастны и тверды:
Летятъ передъ ними толпою
Валькириі, ангелы битвы!

Летятъ, —и вѣнками героевъ
Ихъ путь устилаютъ прозрачный...
И звѣзды даютъ имъ дорогу..
Такъ храбрые міръ оставляютъ.

